

СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА: КЛЮЧ К ДИАЛОГУ

**Труды и материалы
IV Казанского международного лингвистического саммита**

Казань, 13–15 декабря 2023 г.

Том 3

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА: КЛЮЧ К ДИАЛОГУ

**Труды и материалы
IV Казанского международного лингвистического саммита**

Казань, 13–15 декабря 2023 г.

Том 3

КАЗАНЬ

2024

УДК 81
ББК 81
С56

Под общей редакцией
И.Э. Ярмакеева, Ф.Х. Тарасовой

С56 **Современная лингвистика: ключ к диалогу:** труды и материалы IV Казанского международного лингвистического саммита (Казань, 13–15 декабря 2023 г.): в 3 т. / под общ. ред. И.Э. Ярмакеева, Ф.Х. Тарасовой. – Казань: Издательство Казанского университета, 2024. – Т. 3. – 442 с.

ISBN 978-5-00130-879-9 (т. 3)
ISBN 978-5-00130-830-0

В третий том трудов и материалов IV Казанского международного лингвистического саммита «Современная лингвистика: ключ к диалогу» включены материалы пленарных докладов и докладов, заявленных на сессиях «Татарский и другие тюркские языки в поликультурном мире», «Литература, искусство и язык в мультикультурном мире», «Компьютерная и корпусная лингвистика», «Автоматизация лингвистического анализа», «Языковое разнообразие и многоязычие в образовании».

УДК 81
ББК 81

ISBN 978-5-00130-879-9 (т. 3)
ISBN 978-5-00130-830-0

ТАТАРСКИЙ И ДРУГИЕ ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

Абузалова Мехринисо Кадировна
Фатуллаева Камола Рахматуллаевна
Бухарский государственный университет
УДК: 811. 512.133`373.517.4

О синонимии медицинских единиц (терминов)

*терминология, синонимическая единица, метафора, эвфемизм,
перифраза, национальное имя*

Медицинская терминология является совокупностью единиц, обозначающих понятия медицины как науки и названия специальной номенклатуры медицины как области профессиональной деятельности [Штунь 2017: 16].

Существует множество способов формирования системы медицинской лексики, и среди них можно отметить такие, которые, в свою очередь, несомненно образуют взаимную синонимичность в речевом общении.

С древних времен люди старались не только просто информировать друг друга о вещах-явлениях, но и описывать и сравнивать их важные особенности и преувеличивать те аспекты, которые они считали важными, в результате такой речевой потребности возникали различные изобразительные средства форм выражения. Известно, что в медицине с древнейших времен до наших дней использовались не строгие термины, а названия в переносном значении, образные фразы, метафоры.

Подобного рода своеобразный способ кодирования передаваемой информации начали использовать, когда в далеком прошлом специальное изучение строения человеческого тела было запрещено религиозными верованиями. К числу таких средств относятся лингвистическая периферия, эвфемизмы, метафоры, а также явления синонимии [Абузалова 2021: 19].

В профессиональном общении иногда встречаются неудачи вследствие недостаточного знания лингвистических возможностей, такая ситуация является результатом незнания какого-либо другого варианта того или иного термина.

На самом деле существуют **национальные (нетерминальные) термины**, которые служат вариантом, существительным для медицинских единиц, которые не только понятны носителям разных социальных слоев, но и используются для эффективного общения врача и пациента для четкого понимания друг друга, а латинизмы и грецизмы понятны значительной части исследователей и обычно используются для

обмена информацией между обладателями данной профессии – профессионалами.

В частности:

1. *Камқонлик* (об этом заболевании говорят как о снижении количества эритроцитов и гемоглобина в крови. Анемия).

2. *Сарғайма* (в медицине это заболевание также называют желтухой и гепатитом).

3. *Хафақон* (это заболевание представляет собой повышение артериального давления, то есть гипертоническую болезнь).

4. *Ҳафтпўст* (в медицине называется карбункулом, подкожный гной).

5. *Сувчечак* (лат. Varisella – инфекционное заболевание, ветряная оспа).

6. *Тутқаноқ* (в медицине также называется эпилепсией).

7. *Паришонхотирлик* (в медицине называется атеросклерозом, рассеянность).

8. *Шапқўр* (неспособность хорошо видеть, гетерозигота) и т.п.

Применимы определенные медицинские единицы (медицинская метафора, медицинский эвфемизм, медицинская перифраза и т.д.), которые уместны и удобны для использования на телевидении, в Интернете, письменных СМИ, на различных лекциях, беседах, которые приятны для прослушивания как слушателю, так и читателю.

Например,

Ангина – энг кенг тарқалган нафас йўллари хасталикларидан бири. (Ангина - одно из наиболее распространенных респираторных заболеваний.)

Кўпинча ангинани сохта касаллик, заифлашган томоқ касали деб аташади (Чаще всего ангину называют ложной болезнью, заболеванием ослабленного горла) (Ташхис. 2017. 23-б.);

(Такая болезнь крайне неприятна и, если ее вовремя не лечить, то приведёт к серьезным осложнениям. (Ред. 2017. 23 с.);

10 ёшли кизчам юрак нуқсони билан туғилган (моя 10-летняя дочка родилась с пороком сердца).

Ҳозир кўзи бир томонга кетиб қолган, оёқ ташлашлари бошқача. (В настоящее время ее взгляд уходит в сторону, и шагать она стала по-другому).

В тексте используются художественные выражения медицинских понятий, их смягченный вариант, что вызывает у читателя ясное, понятное представление болезни, то есть если сочетания *юрак нуқсони*, *кўзи бир томонга кетиб қолган*, *оёқ ташлашлари бошқача* выражаются как эвфемизмы, то термины *сохта касаллик*, *заифлашган томоқ касали* образованы перифрастическим способом.

Наблюдая за активным использованием более десяти перифрастических, метафорических синонимов, связанных лишь с коронавирусом, таких как *кўзга кўринмас ёв* (невидимый враг), *тождор*

вирус (коронированный вирус), инсониятни иложсиз қолдирган вирус (вирус, который застал человечество врасплох), тождор вируснинг тожи (корона коронированного вируса), хавфли ёв (опасный враг), тожли душман (коронированный враг), кўзга кўринмас митти офат (невидимое маленькое бедствие), тож кийган вирус (вирус с короной), дунё иқтисодини емирувчи касаллик (болезнь, которая разъедает мировую экономику), инсон саломатлигининг кушандаси (враг человеческого здоровья), чекинмаётган ёв (неотступающий враг), олабий фалокат (мировая катастрофа) отмечаем их непосредственное отношение к медицинской речи. Ниже мы можем увидеть, как они именуются в некоторых текстах посредством эвфемизмов, перифраз, метафор:

Эвфемистические единицы:

Бизнинг "бегонамиз" (COVID-19) қон, лимфа томирлари, юрак бўшлиқларининг ички юзасига тўшалиб турадиган бу тўқимага ўрнашиб олади; Коронавирус - *инсониятнинг янги душмани* (Наш "чужак" (COVID-19) оседает в тканях на внутренней поверхности кровеносных, лимфатических путей, сердечных сосудов; Коронавирус - новый враг человечества) ("Даракчи" №5. 30.01.2020, 42-б.)

Перифрастическая единица:

Қирол вирус – Қирол вирусни аниқлаш учун таҳлил топширмаган ёки топширган таҳлилнинг натижалари манфий бўлган. (Король вирус - результаты анализа для выявления короля вируса, который не был предоставлен или сдан, были отрицательными) (Коронавирус инфо).

Метафорические единицы:

Тождор вирус жаннатмакон ўлкамизга хавф солмоқда (ЎЗА. 01.04.2020) (Вирус с короной угрожает нашему раеподобному краю);

Агар биз бу *хатарга* бепарво, беғам бўлсак, минглаб одамларнинг соғлиғи ва тақдирини хавф остига қўямиз, вазиятимиз янаям оғирлашади. (Ш.Мирзиёевнинг 2020 йил 17 июлдаги мурожаатидан). (Если мы будем равнодушны, беспечны к этой *опасности*, мы рискуем здоровьем и судьбой тысяч людей, наше положение ситуация ещё больше усугубится);

Фақат тезкор ва мунтазам сафарбарлик, темир интизом, тиббий маданият, юксак онглилик билангина биз бу *офатга* қарши кураша оламиз (Только при условии быстрой и регулярной мобилизации, железной дисциплины, медицинской культуры, высокой осведомленности мы сможем бороться с этой *катастрофой*) (Тот же источник).

Попытаемся представить стилистические синонимы процессов рождения детей в узбекском языке (см. табл. 1).

Таблица 1

Рожать (tug`moq) – стилистические синонимы процесса вынашивания ребенка женщинами

Эфемизмы (общение)	Перифрастические единицы (описание)	Метафорические единицы (сравнение)
1. Бола кўрмоқ (завести ребенка) 2. Бўшамоқ (стать свободным) 3. Вужудга келтирмоқ (создавать) 4. Дунёга келтирмоқ (рожать) 5. Енгил бўлмоқ (быть лёгкой) 6. Кўпаймоқ (размножиться) 7. Она бўлмоқ (стать матерью) 8. Қутулмоқ (освободиться) 9. Ҳаётга келтирмоқ (дарить жизнь) 10. Қўшалок бўлмоқ (увеличиться в два раза) 11. Фрзанд ато этмоқ (подарить ребёнка) 12. Ўғил кўрмоқ (родить сына) 13. Қизли бўлмоқ (родить дочь)	1. Ҳаёт нури бермоқ (дарить свет жизни) 2. Жонидан жон бунёд этмоқ (букв.: создавать душу из своей души) 3. Дунё юзини кўрсатмоқ (букв.: показать лицо мира)	Кўзи ёримоқ (букв.: раскрываются глаза или прозрение)

Следовательно, можно сказать, что поскольку дескриптивная лингвистика освободила свое место в направлениях отраслевой(полевой) сравнительной лингвистики, представление в популярных вариантах терминов, относящихся к медицинской сфере, также служит решением научной проблемы в данной области. Основываясь на наблюдениях, мы убедились, что в изучаемом языковом разрезе огромного количества медицинских понятий имеется множество случаев применения с идеографическими, стилистическими, абсолютными синонимическими слотами, образными названиями, образными выражениями, метафорами.

Литература

Абузалова М.К. Лингвистика ва тиббиёт ҳамкорлиги ижтимоий зарурат сифатида / М.К. Абузалова // “Soha lingvistikasi: tilshunoslik va tibbiyot integratsiyasining muammolari, yechimlari hamda istiqbollari” mavzusidagi xalqaro ilmiy-amaliy konferensiya materiallari. – Buxoro: Tadqiqot.uz, 2021. – В 19.

Абузалова М. Корпусда тиббий бирликларни теглаш / М. Абузалова // “Ўзбек миллий ва таълимий корпусларини яратишнинг назарий ҳамда амалий масалалари” мавзусидаги халқаро илмий-амалий конференция материаллари. 2021 йил 7 май. – Тошкент – 2021. – 58–61 б.

Штунь А.А. Латинский язык для медиков / А.А. Штунь – М.: Litres, 2017. – 579 с.

Сопоставительный анализ грамматических конструкций туркменского и русского языков

*теоретическая лингвистика, сравнительно-сопоставительная
лингвистика, сопоставительная грамматика, морфология, русский
язык, туркменский язык*

Сравнительно-сопоставительная лингвистика – это область лингвистики и научная дисциплина, основанная на сравнении и сопоставлении языков.

Главная цель сравнительно-сопоставительной лингвистики – выявить универсальные языковые законы и принципы, а также понять процессы, которые приводят к различиям в языках. Она важна в контексте глобализации, когда возникают новые формы языковой коммуникации и мультязычие становится все более распространенным явлением [Инькова 2022 :28].

В сравнительно-сопоставительной лингвистике существует множество методов и подходов, которые используются для изучения различных языков и выявления их общих черт.

Рассмотрим некоторые из основных методов: сопоставление языковых данных – метод основан на сравнительном анализе грамматических, лексических и фонетических структур различных языков для выявления сходств и различий. Это позволяет выявить общие закономерности и универсальные языковые характеристики; сопоставительная грамматика – метод фокусируется на анализе грамматических структур и систем различных языков. Он исследует сходства и различия в структуре предложений, морфологических формах и синтаксисе, что помогает выявить типологические особенности языков; функционально-семантический анализ – метод фокусируется на смысловых и функциональных аспектах языковых конструкций. Он исследует, какие смысловые значения передаются различными языковыми единицами и как они функционируют в разных языках; контрастивный анализ – метод сравнивает и анализирует разные языки на уровне звуков, слов, грамматических структур и смысловых значений, чтобы выявить различия и сходства между ними. Он помогает установить, какие особенности языка специфичны и уникальны для каждого языка [Овсянников 2005: 113–115]. Далее проведем детальный анализ грамматических структур туркменского и русского языков, применяя метод сопоставительной грамматики.

Выбор туркменского языка для сравнительно-сопоставительного анализа с русским языком может быть обоснован следующими причинами:

- туркменский язык и русский язык относятся к разным языковым семьям – тюркской и славянской;
- туркменский и русский языки имеют существенные семантические, грамматические и фонетические различия;
- туркменский и русский языки имеют исторические связи и взаимодействие, особенно в контексте бывшего Советского Союза. Туркменистан был частью СССР, поэтому многие слова и выражения русского языка интегрировались в туркменский язык: садик, елка, воспитатель, уборщица, утренник, буханка и т.д.
- изучение различий и сходств между туркменским и русским языками может иметь практическую пользу для студентов, изучающих их, а также для переводчиков и лингвистов, работающих в контексте перевода и межкультурной коммуникации.

Учитывая эти факторы, сравнительно-сопоставительное исследование туркменского и русского языков может дать ценные результаты в понимании языковых семей, культурных влияний и различий в языковых структурах.

Таблица 1

Сравнительно-сопоставительный анализ грамматических структур туркменского и русского языков

Русский язык	Туркменский язык
1. Род: в туркменском языке нет грамматического рода в привычном смысле, как в русском языке, где существуют личные местоимения и различные грамматические окончания для мужского, женского и среднего рода. В туркменском языке грамматический род указывается с помощью слов, относящихся к определенному полу или классу. Например, в туркменском языке слово 'oglan' обозначает "молодого человека" или "мальчика", а слово 'gyz' обозначает 'девушку' или 'девочку'. В рамках предложения указательные местоимения или определенные слова могут использоваться перед словами 'oglan' или 'gyz' для указания на пол субъекта.	
Он читает. Она читает. Он читает интересную книгу . Она читает интересный журнал .	Ol oglan okaýar. Ol gyz okaýar. Ol oglan gyzykly kitap okaýar. Ol gyz gyzykly žurnal okaýar.
2. Множественное число: в русском языке – окончания -ы /-и, в туркменском — добавление суффикса '-lar' или '-ler' к основе слова.	
Девушка- девушки Книга- книги Друг- друзья Слово- слова Человек- люди	Gyz- gyzlar Kitap- kitaplar Dost- dostlar Söz- sözler Çaga- çagalar
2.1 Существительные, которые имеют только форму множественного числа в русском языке, имеют единственное число в туркменском языке.	

Продолжение таблицы 1

Русский язык	Туркменский язык
Каникулы Шахматы Брюки	Dynç-alyş Küşť Jalbar, balak
3. Глагол: в русском языке глаголы имеют виды, которые отражают характер действия – совершенный и несовершенный виды. В туркменском языке возможность выражения совершенного и несовершенного вида осуществляется преимущественно аналитическим способом, используя вспомогательные глаголы: <i>boldy, gutardy</i> – глаголы указывают на завершённое или окончённое действие.	
Она писала сочинение. Она написала сочинение. Она написала сочинение.	Ol gyz düzme ýazdy . Ol gyz düzmäni ýazyp boldy . Ol gyz düzmäni ýazyp gutardy .
4. Имя числительное: в русском языке собирательные числительные образуются от количественных числительных только первого десятка при помощи суффиксов -ое / -ер-, а в туркменском языке собирательные числительные образуются путем добавления слова 'sany' к числительному (в русском языке — часть чего-л., представляющая собой, отдельный предмет из числа однородных, считаёмых).	
Двое мальчиков Трое девочек	Iki sany oylan Üç sany gyz
5. Предлоги предложного падежа: в туркменском языке отсутствуют предлоги, которые имеют своё значение в русском управлении. Вместо них используется система послелогов (аффиксов). В туркменском языке эта функция выполняется аффиксами пятого туркменского падежа – 'da' или 'de'.	
В рынке В гостях В/на соревнованиях На театре	Bazarda Myhmançylykda Ýaryşda Teatrdä
6. Творительный падеж: в русском языке существуют окончания в творительном падеже в значении средства действия, а в туркменском языке это передается словом 'bilen' (в русском языке – предлог 'с').	
Писать ручкой Рисовать карандашом	Ruça bilen ýazmak Galam bilen surat çekmek
7. В русском языке при игре на инструменте или в играх используются предлоги 'на чём' и 'во что', в туркменском языке предлоги в таких случаях не используются.	
Играть на гитаре. Играть в волейбол.	Gitara çalmak. Woleybol oýnamak.
8. Качественные прилагательные и наречия: в туркменском языке имя прилагательное не может изменяться по родам, числам и падежам, а качественные прилагательные и наречия смешиваются и часто передаются, одним словом.	
Он прочитал интересную книгу. На мероприятии было интересно .	Ol oglan gyzykly kitaby okap boldy. Çärede örän gyzykly boldy.

Исследование сопоставительно-сравнительной лингвистики имеет высокую научную ценность и способствует развитию лингвистических теорий и более глубокому пониманию языкового разнообразия.

Следовательно, использование метода сопоставительной грамматики (на примере туркменского и русского языков) позволяет нам лучше

понять грамматические особенности выбранных языков, выявить как общие, так и отличительные особенности в обоих языках. Изучение туркменского и русского языков с помощью данного метода расширяет наше понимание структурных и функциональных аспектов этих языков.

Литература

Инькова О.Ю. О сопоставительном методе в лингвистических исследованиях / О.Ю. Инькова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 2022. – № 6. – С. 17–31.

Овсянников А. О. Новые возможности сравнительно-сопоставительной лингвистики в свете личностно-ориентированного подхода в обучении второму иностранному языку / А.О. Овсянников // Инновации в профессиональном и профессионально-педагогическом образовании. – Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2005. – С. 113–115.

Тюркская лексика в венгерском языке

Венгерский язык, тюркизмы, финно-угорские племена

История венгерского народа окутана многими спорами и тайнами. Предположительно они являются потомками финно-угорских племен, так как их язык схож с хантами и манси. Кочевой образ этого этноса распространялся на территориях Сибири, Урала и Средней Азии. В этих местностях другие кочевые племена, турки, вступали в контакт с венграми, что приводило к массовому переселению венгров за Днепр в 890 г. Ученые считают, что в основе венгерского этногенеза – финно-угорские племена и, возможно, гунны, печенеги, половцы (рис. 1).

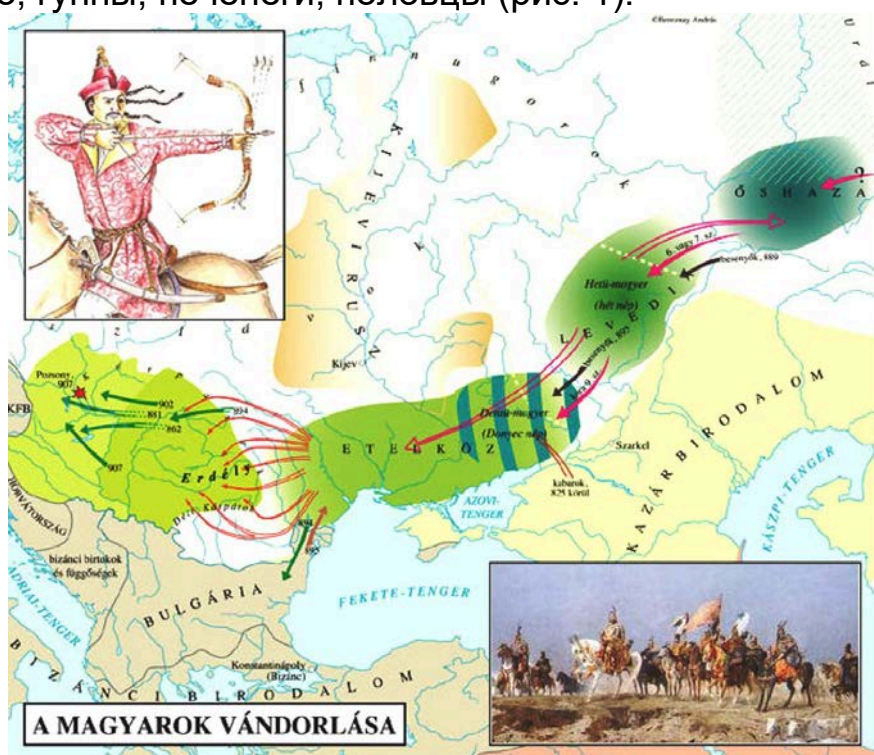

Рис. 1. Переселение венгров в Европу [Расторопов 2015: 81]

Одним из наиболее заметных влияний тюркской культуры на венгерскую является период правления турков в восточной части современной Венгрии в XII в. В этот период венгры тесно контактировали с тюркскими племенами и ханствами, и это оказало влияние на различные аспекты их культуры, включая язык, музыку, кухню и архитектуру. Первые военные столкновения между венгерским и тюркским государствами произошло в 1396 г. в битве при Никополе. Эта битва стала одной из крупнейших в ходе крестового похода на Османскую империю, где участвовали соеди-

ненные войска крестоносцев и венгров под командованием короля Венгрии Сигизмунда и османские войска султана Баязида I. Победа Османской империи позволила расширить сферу влияния над Балканским полуостровом и Юго-Восточной Европой. Часть Королевства Венгрии была под османским игом в 1541–1699 гг., что привело к раздробленности. В процессе образования Австро-Венгрии отношения с Османской империей продолжали быть напряженными из-за имперских амбиций на Балканах и в Восточной Европе. Только во время Первой мировой войны двум империям пришлось объединиться из-за реваншистских настроений против Антанты [Ходченко 2014: 92]. В настоящее время премьер-министр Венгрии Виктор Орбан склонен к идеологии пантюркизма (см. рис. 2).

Рис. 2. Виктор Орбан на саммите тюркских стран [Кыпчакские 2023]

Будучи наблюдателем Организации тюркских государств, он преследует только экономические выгоды, игнорируя венгерское самосознание и финно-угорские корни. Политика тюркизации автохтонных народов в начале XX в. привела к исламизации и массовому геноциду иноверцев. Проникновение тюркских слов в венгерский язык связано с долгой исторической взаимосвязью между тюркскими и венгерскими племенами. Тюркские влияния в венгерском языке можно отследить до времен великого миграционного движения племен в Средние века, а также во времена турецкого владычества в некоторых частях современной Венгрии. Первые исследования тюркизмов в венгерском языке начались в 1894 г. ученым Барнат Мункачи при поддержке Н.И. Ашмарина. Особого внима-

ния заслуживают труды Золтана Гомбоца, посвященные анализу болгаро-тюркских заимствований в этом языке. Из почти 800 тюркских заимствований в венгерском языке Гомбоц выделяет 227 слов старочувашского происхождения. На этом основании он приходит к выводу, что венгры никогда не общались с чувашами, но контактировали с булгарами более 100 лет, у которых язык близок к чувашскому. Гомбоц не рассматривал другие ветви тюркского языка, например кыпчакские подгруппы: татарский, башкирский, кыргызский, ногайский и казахский. На территориях современного Татарстана, Сибири и Башкортостана сохранились поселения волжских болгар (предки татар, башкир, ногайцев и частично кыргызов, обитавших в Сибири), таким образом происходил контакт с венграми.

Некоторые из этих слов, проникших из тюркского в венгерский язык, отражаются в повседневной лексике. Например, слово 'башня' на тюркском языке 'баш' (башня), а в венгерском это слово звучит как 'bástya'. Кроме того, некоторые слова, связанные с кулинарией и бытом, могут иметь тюркские корни. Также стоит отметить, что тюркские влияния в языке не ограничиваются только словами. Венгерский язык также имеет определенные тюркские черты в своей грамматике и морфологии. Примеры можно найти в таблице 1.

Таблица 1

Тюркизмы в венгерском языке [Дыбо 2013: 16]

Тюркский (пример кыргызский язык)	Венгерский	Перевод
Алма	Alma	Яблоко
Сакал	Szakáll	Борода
Балта	Balta	Топор
Кичи	Kicsi	Маленький
Бала	Baba	Малыш
Баатыр	Bátor	Отважный
Эне	Anya	Мама
Көк	Kék	Синий
Байке	Bácsi	Сэр

Литература

Дыбо А.В. Периодизация тюркских заимствований в финно-угорских языках / А.В. Дыбо, Ю.В. Норманская // Урало-алтайские исследования. – 2013. – № 4. – С. 7–40.

Кыпчакские тюрки: где находилась историческая прародина венгров? // МИР24. – 2023. – URL: <https://mir24.tv/articles/16542549/kypchakskie-tyurki-gde-nahodilas-istoricheskaya-prarodina-vengrov> (дата обращения: 30.11.2023).

Расторопов А. В. Вопросы ранней этнической истории венгров-мадьяр / А.В. Расторопов // Поволжская археология. – 2015. – С. 70–90.

Ходнев А.С. Первая мировая война: уроки истории / А.С. Ходнев // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – С. 91–94.

Использование лексико-фонетических единиц огузского языка в узбекских письменных источниках XVII–XVIII веков

*история узбекского языка, тюркские языки, карлук, огуз,
фонетико-лексический, литература*

История узбекского литературного языка сложилась из карлукского, кыпчакского и огузского диалектов, в то время как карлукский диалект использовался как единица литературного языка, кыпчакский и огузский диалекты языка использовались на основе художественно-поэтических требований.

*«Фано аҳлиға ворму бийм шайтон бирла тангридин,
Ки ўғри муфлиси торож қилмас, шоҳ бож этмаз» (Хозик).*

В трех местах этого байта использовались огузские формы: 1) *ворму*, 2) *муфлиси*, 3) *этмаз*. Читаем байт, заменяя огузские языковые единицы, используемые в этом байте, на карлукские формы.

*«Фано аҳлиға борму бийм шайтон бирла тангридин,
Ки ўғри муфлисни торож қилмас, шоҳ бож қилмас».*

Замена 'ворму' на 'борму' в строфе абсолютно не повлияла ни на стихосложение, ни на поэтическое искусство. Следовательно, в использовании огузской формы в этом месте нет языковой и художественной необходимости. Хозик, применяя эту форму, стремился приватизировать (оригинализировать, сделать необычным) язык своего произведения. Эта форма была заимствована Хозиком либо из художественной литературы, либо из его родного диалекта.

Второй случай – *муфлисни* – не может быть применен к этому байту, потому что в байте, написанном в стиле (v---|v---|v---|v---), отношение второй строки к столбцам байта следующее:

v - - - | v - - - | v - - - | v - - - |

Ки ўғри муф| лисни торо | ж(и)қилмас, шо |х(и) бож этмас|

Как видно, во 2-й строке б-стиле –лис-ни то-ро–происходит срыв. Это нарушение произошло в 1-хиджо (-лис). В соответствии с требованиями к стихосложению это хиджо должно быть коротким (возможно). Потому что открытый слог может быть коротким в стихосложении аруза. В этом месте слог «-лис» закрытый. Единственный способ превратить часть строфы «-лис» из длинной хиджо в короткую хиджо-это процитировать хиджо, которая начинается с гласной после части «-лис». Если за частью «-лис» следует слово или форма, начинающаяся с гласной, последняя фонема части переходит к следующей гласной, а часть «-ли» переходит в состояние открытого слога. Эта форма полностью удовлетворяет требованиям к весу. Поэтому лучше всего использовать огузскую форму «-и»

вместо карлукского суффикса «–ни». В результате строфа приобретает следующий вид: Ки ўғ-ри муф| ли-си то-ро |ж(и) қил-мас, шо|ҳ(и) бо-ж эт-мас| (v - - - | v - - - | v - - - | v - - - |).

Так, в этом месте обстоятельство, заставившее Хозика применить огузскую форму, является требованием стихосложения; поэт умело использовал лингвистическую возможность – совместное использование огузской и карлукской форм – для соблюдения законов искусства, поэзии.

Рассмотрим третий случай: мафойлун (v - - -) – ҳ(и)-бо-жэт-мас. Здесь может показаться, что нет ничего бессмысленного в том, чтобы применить карлукскую форму **‘бож қилмас’** вместо **‘бож этмас’**. Но по весу **‘бож этмас’** выделяется в арузе как бо-жэт-мас. Однако применение огузской формы **‘этмас’** требует и другого явления-рифмы. Обратимся к матле газели:

*«Димоғим иллатин, бағримни доғин май илож этмаз
Кавокиб гардишидиндур бу ғам вазъин мизож этмаз».*

Разделение первой строфы матлы на рукн и хиджо выглядит следующим образом:

Ди–мо–ғим ил|ла–тин, бағ–рим|ни до–ғин май| и–ло–жэт–маз,|
v - - - | v - - - | v - - - | v - - - |

Если в этой строфе вместо огузской формы *этмаз* поэт использовал бы карлукскую форму *қилмас*, последний рукн имел бы следующую форму: v ~ - - (и-лож қил-мас). В этом соединении было необходимо преобразовать хиджо в открытый слог, чтобы превратить сверхдлинную хиджо «-лож» в простую удлинённую хиджо. Самый удобный способ сделать это – использовать огузскую форму *этмаз*, которая начинается с гласной фонемы, вместо карлуко-уйгурской формы *қилмас*. В результате *илож этмаз* делится на: v - - - (и-ло-жэт-мас) и потребность стихосложения полностью удовлетворяется. В качестве альтернативы огузская форма *этмаз* в этой газели передаётся как радиф. В результате в 4-ом байте газели поэт использует огузскую форму *этмаз*.

Так, поэт в байте

*«Фано аҳлиға ворму бийм шайтон бирла тангридин,
Ки ўғри муфлиси торож қилмас, шоҳ бож этмаз»*

использовал огузскую форму в одном месте без необходимости, во втором и третьем с требованием стихосложения.

В староузбекском литературном языке в качестве литературной нормы использовались лексикофонетические формы огузских языковых единиц. Основной причиной выраженности огузских форм в литературном языке являются требования к стихосложению и рифме.

В этот период продолжали употребляться такие формы огузского диалекта, как *чекмоқ*, *уюмоқ*, *ўл*. Кроме того, в более ранний период в качестве литературной нормы огузских диалектных единиц использовались также такие, как *этмоқ*, *демоқ*, *дурур*, *уроқ*, *қапу*.

В соответствии с требованием веса:

а) для преобразования длинного хиджо в короткий хиджо:

*«Фироқида кўзум ёши қурумай,
Юрур эрдим кеча-кундуз уюмай»* (Мажлисий).

В этом стихе, написанном в стиле махзуф мусаддад хазаджи аруза, 'уюмоқ' огузский вид выражается в соответствии с требованием стихосложения, чтобы быть коротким в 6-рукне 1-хиджо. Если бы на этом месте был применен вариант этой формы с *ухламоқ*, то 1-хиджо 6-рукна был бы удлинённым, что создавало бы тягу к весу.

*«Мардлар майдон чекиб, рангин кўтариб захмлар,
Сизга йўқ, ул жавҳару юзга упа-энглик қилинг»* (Турди).

В этой строфе, написанной рамали мусаммани махзуфом аруза, используется огузское выражение 'чекмоқ', основанное на требовании стихосложения. Причина в том, что 2-хиджо 2-рукна должен быть коротким по стихосложению. В то время как на этом этапе у него была форма 'тортмоқ', которая была карлукским вариантом, все хиджо (слоги) в рукне были удлинёнными (закрытыми), и стихосложение искажался бы.

б) чтобы преобразовать сверхдлинную хиджо в простую:

*«Бу дард ила хароб ўлдим, келиб ҳолимни сўрмассан,
Ғаминг бошқа, алам бошқа, юракимни фиғон ўртар»* (Машраб).

В этом стихе, написанном хазаджи мусаммани солимом аруза, 'умереть', огузский облик выражен в соответствии с требованием стихосложения и тона. Потому что 2-хиджо 2-рукна чрезвычайно длинный (-роб), что требует, чтобы стихосложение было простым удлинением. Поэтому была использована форма *ўл* с огузским видом, превратившая хиджо в простую длину (-ро-б ўл).

в) чтобы количество хиджо было равным:

*«Жаҳлдан турдилар ул қалъа аро,
Бўлубон мулк аро асру ғавғо»* («Шайбонийнома»).

В этом стихе, написанном в стиле рамали мусаддаси махбуни мактуъи мусаббагом аруза (-V--|VV--|~), слово 'асру' считается огузским проявлением. Используется для выравнивания количества хиджо в цитируемом байте. Потому что, когда используется слово 'кўп', которое является его карлукским вариантом, количество хиджо во 2-строке стиха было бы на единицу меньше. Это противоречит правилу стихосложения.

По требованию рифмы:

В этом отрывке слово 'чўқ', имеющее огузский вид, рифмуется со словом 'ўйқ'.

*«Тегди бир ўнға баса ўн шоту,
Қўйдилар қалъа томиға ўтру»* («Шайбонийнома»).

В этом стихе огузская форма *ўтру* использовалась для рифмования со словом *шоту* в первой строфе. Если бы в этот момент был использован (правильно) карлукский вариант этой формы, это подорвало бы рифму стиха.

*«Қилиб ороста ўнг бирла сўлин,
Оғасидек ясобон ички қўшин»* («Шайбонийнома»).

В этом стихе также использовался сўл, который является огузской формой, чтобы полностью сохранить рифму.

Чтобы сформировать искусство преувеличения: (муболага)

«Ёзуғим асру кўп оздур савоб,

Неткум эрур вақти саволу жавоб» (Қосимий Саййид).

Поэт объединил множество огузских и карлууйгурских вариантов, чтобы показать (то есть преувеличить) огромное количество своих грехов и выразить свое мнение эмоционально-экспрессивным образом. Потому что именно это значение (вместе с стихосложением) остальные формы (больше, чем много) не могут дать. Это потому, что будут определенные изменения либо в содержании, либо в стихосложении.

Но в узбекской классической литературе существует и такой случай употребления огузских языковых единиц, которые совершенно не связаны с рифмой и стихосложением.

«Верирам устадигин жон эса, йўх имкони,

Подшоҳим, бана чихмак сени фармонингдин» (Хон)

Теперь прочитаем форму огузского диалекта, используемую в этом стихе, заменяя ее карлукскими стандартными формами

«Берайин устаганинг жон эса, йўқ имкони,

Подшоҳим, менга чиқмоқ сени фармонингдин».

По стихосложению и рифме между этими двумя строфами нет никакой разницы. Поэтому в истории узбекского литературного языка должны быть и другие причины возникновения огузских языковых единиц (кроме упомянутых выше). Эти причины могли быть вызваны тем, что Мухаммад Фузули, прославившийся на территории Узбекистана с XVI в., использовал огузские языковые единицы для того, чтобы без надобности «приукрасить» язык своих произведений, сделать его необычным. В XV–XVII вв. турецкие и азербайджанские писатели, будучи нормированными литературными языками, принадлежащими к огузской группе, следовали творчеству мир Алишера и использовали в своих произведениях карлукские проявления огузских нормативных форм [Гарбузова 1969]. Когда в XVI–XVII вв. в нашей стране стали популярны произведения известного азербайджанского поэта Физули, у него появился ряд пайравов, поклонников, и вышеупомянутый стих Мадалихана является одним из примеров такого пайрава.

Литература

Гарбузова В.С. Турк адабиёти классиклари / В.С. Гарбузова. – Т., 1960. Поэты средневековой турции. – Л., 1969.

Ахмет Байтурсынов и казахская письменность

*казахская письменность, грамматология, национальный алфавит,
графика Байтурсынова*

Письменность является составной частью развития цивилизации, относящейся в мировой культуре к национальным ценностям. Особое место в развитии человечества наряду с культурой устной речи занимает культура письменной речи. Пространство письменности настолько увеличилось, что его можно рассматривать в оппозициях таких фундаментальных понятий как *письменность и цивилизация, письменность и культура, письменность и нация, письмо и мышление*.

Всемирно известный тюрколог А. Байтурсынов создал уникальный казахский алфавит на основе арабской графики, в чем проявилось его реформаторство и инноваторство. Национальный алфавит А. Байтурсынова, который сам ученый называл «казахской графикой», русские и татарские тюркологи называют «графикой Байтурсынова», а казахи – «төте жазу» («прямое письмо»), был обсужден и официально принят на Первом съезде казахских учёных, прошедшем в 1924 г. в Оренбурге и положительно воспринят общественностью, особенно учителями. И по сей день, он используется некоторыми представителями тюркских народов.

Какое значение имело это казахское письмо? Исторически оно возникло в период активного формирования национального самосознания народа и развития национальной культуры, когда представители интеллигенции начали совместную организованную работу по ликвидации безграмотности казахского народа. А. Байтурсынов в качестве исследователя с 1912 г. начал публиковать в массовых изданиях статьи, в которых выразил свою идею создания алфавита, максимально подходящего к звуковой системе казахского языка. Так, в статье «Шаһзаман мырзаға» («Господину Шахзаману»), опубликованной в № 9–10, 1912 г. журнала «Айқап» он доказывает, что не нужно вводить в казахский алфавит некоторые арабские знаки, не обозначающие казахских звуков, а для обозначения мягкости целого слова перед ним необходимо ставить знак «апостроф», впервые используя наряду с указанным общенаучные и лингвистические термины на казахском языке: 'звук' ('дыбыс'), 'буква' ('әріп'), 'апостроф' ('дәйекше'), 'твёрдый звук' ('жуан дыбыс'), 'мягкий звук' ('жіңішке дыбыс'), 'принцип' ('қағида') и др.

В этой связи уместно привести мнение академика Р. Сыздык, вы-

соко оценившей заслугу А. Байтурсынова как ученого-фонолога: «Огромное инноваторство Ахана проявилось во внедрении апострофа в алфавит. Апостроф, который ставится в правой верхней части слова, указывает на то, что это слово целиком читается мягко – здесь мы видим способ адаптации алфавита к закону сингармонизма, являющемуся особенностью казахского языка. Такое приспособление крайне необходимо, так как посредством этого апострофа можно показать, что исконно казахские слова употребляются либо только с твёрдыми, либо только с мягкими словами. Если стоит афостроф – значит, гласные в нём мягкие. При этом Ахан проявил себя как настоящий учёный-фонолог, знавший о том, что у каждого языка существуют свои национальные особенности, и доказавший, что 43 разных звука казахского языка можно обозначить 25-ю буквами» [Сыздык 2017: 7]. Тогда и началось фактическое использование в сфере просвещения Байтурсыновской графики наряду с кириллицей, а с 1913 г. алфавитом стали пользоваться русско-казахские школы и мусульманские медресе. После введения в оборот нового алфавита А. Байтурсынов еще более 10 лет работал над ним, вносил в него исправления, обращая пристальное внимание как на полиграфическое удобство, так и на эффективность его в обучении чтению и письму.

Вспомогательными средствами к использованию нового алфавита стали учебное пособие ученого-методиста «Баяншы» (букв.: «Толкователь») и методический труд «Әліпби астары» (букв.: «Изнанка алфавита»), в которых разъяснялись буквенные знаки и способы их усвоения. В 1914–1915 гг. вышел в свет учебный комплекс для казахских школ – пособие «Оқу құралы» («Учебное пособие» – нынешнее «Әліппе», то есть букварь) вкуче с учебником «Тіл – құрал» (букв. «Средство для овладения языком», которое ныне именуется учебником грамматики), которые составили эффективный комплекс для обучения. В «Әліппе», написанном в грамматологическом ключе, учёный разъяснил, что в казахском языке существует 24 звука, 5 из которых являются гласными, 17 – согласными и 2 – полугласными. Также он обратил особое внимание на то, что и буквы наряду со звуками обозначаются как гласные и согласные. А. Байтурсыновым также в этом ключе был написан труд «Қазақша алифба» («Казахский алфавит»). Таким образом, в 1915 г. более 15 книг были написаны и выпущены в различных издательствах новой графикой.

Заслуга Ахмета Байтурсынова в том, что он смог реформировать и трансформировать арабскую графику, веками использовавшуюся народом, связать новый алфавит с национальным мировоззрением и создать на этой основе казахскую орфографию. Благодаря кропотливой работе учёного иностранные лингвистические термины были переведены на казахский язык и обрели новые значения. В современном языкознании по сей день употребляются введенные учёным правила и теории, что доказывает бессмертие его трудов. А. Байтурсынов обращал особое внимание на чёткое выражение звуков в алфавитном строе, на лёгкость чтения

и написания букв, а также на лёгкость обучения чтению и письму [Байтурсынов 2022: 87]. Главной особенностью созданного ученым алфавита стало то, что каждая буква в ней точно передает звуки казахских слов, и это он смог научно обосновать, конкретно охарактеризовав сущность и особенность каждого знака. В 34-номере газеты «Қазақ» за 1913 г. А. Байтурсынов впервые написал объемную статью «Жазу мәселесі» («Вопрос о письменности»), в которой высказал ценные идеи об обозначении на письме некоторых гласных звуков казахского языка. Автор казахской письменности рекомендовал:

1) не использовать для казахского письма знаки твёрдых звуков *т, с, з, д, ғ, х* из арабского алфавита;

2) обозначить отдельной буквой каждый из звуков *ы, і, и, ұ, ү, у*;

3) перед всеми словами, в которых употребляются согласные звуки, кроме *к, г*, (т. е. теми словами, которые произносятся со звуками «ә», «і», «ү») ставить знак апострофа для обозначения мягкости [Байтурсынов: 2022: 52].

Дальнейшая практика применения доказала, что этот алфавит, соответствующий звуковой системе казахского языка, был удобным для ликвидации безграмотности.

Таким образом, А. Байтурсынов предложил свой собственный проект алфавита казахского языка, который прошел обсуждение и экспертизу. Проект был назван Байтурсыновым «Қазақ жазуы» («Казахское письмо»), с пояснением, что хотя основу данного алфавита составляют буквы арабской графики, но он не может называться арабским письмом. Данный алфавит, вновь построенный в соответствии с особенностями звукового строя казахского языка, стал первым образцом казахской культуры письма. Из использовавшейся доселе арабской вязи были исключены знаки звуков, не встречающихся в казахской речи, и наоборот – в новый алфавит были включены новые знаки, которых не было в арабском алфавите. Поэтому новый алфавит по праву стал называться «казахским национальным алфавитом», «новым алфавитом», «казахским алфавитом».

А. Байтурсынов рассматривал алфавит и орфографию, носящие гетерогенный характер, сквозь призму общенародного восприятия, на основе особенностей национального языка. Именно на этом основании мы называем эту графическую систему учёного казахской национальной графикой [Байтурсынов 2013: 9]. Такая трактовка алфавита породила признание не только казахского народа, но и всех тюркских народов, которые положительно восприняли новый алфавит на основе арабской графики и стали пользоваться им как своей системой письма. Точнее, другие тюркские народы начали изменять свои алфавиты, взяв за образец «графику Байтурсынова». Таким образом, можно смело утверждать, что А. Байтурсынов, реформировавший арабскую графику, изобрёл общую для тюркских народов алфавитную систему, которая еще на стамбульском совете в 1913 г. была представлена в качестве образца не только для тюркской,

но и для арабской, иранской письменности.

Многие известные учёные-тюркологи высоко оценили «графику Байтурсынова». В частности, Е. Д. Поливанов утверждал: *«Эту последнюю форму, которую приняла казак-киргизская графика в 1924 году, я во всяком случае считаю уже не нуждающейся в исправлениях и представляющей последний шаг в историческом формировании национальной графики, которым с полным правом могут гордиться киргизские деятели просвещения – создатели реформы, как крупным культурным завоеванием»* [Поливанов 1924: 36]. А. Байтурсынов не просто создал новый алфавит, он проделал огромную работу по трансформации ранее использованной народом арабской графики для адаптации её к особенностям звуковой системы казахского языка, к возможностям публикации, тиражирования изданий, написанных на этой графике, по приведению её в точное и полное соответствие с произношением каждого слова, тем самым заложив основы казахской грамматики, причем он не имел ни пантюркистских, ни антисоветских взглядов и вовсе не преследовал цели проповедования ислама посредством арабского письма.

Казахская графика, внесшая неоценимый вклад в дело ликвидации безграмотности казахского населения при активном употреблении на казахской почве около 17-18 лет, также способствовала и развитию казахской печати – сотни трудов, выполненных алфавитом Байтурсынова и поныне хранящиеся в архивах в качестве бесценного наследия казахской письменности, обогатили фонд национальной духовной и материальной культуры.

Литература

Ахмет Байтұрсынұлы шығармалары – Сочинения. Он екі том. Оқу құралы: Қазақша алифба; Әліб-би: Жаңа құрал. Қазақ және орыс тілдерінде. – Астана: «Алашорда» ҚҚ, 2022. – Т. III: – 396 б.

Байтұрсынұлы А. Қазақ тіл білімінің мәселелері / А. Байтұрсынұлы // Құраст: Ғ. Әнес. – Алматы: «Абзал-Ай» баспасы, 2013. – 640 б.

Поливанов Е. Новая казак-киргизская (Байтурсыновская) орфография / Е. Поливанов // Бюллетень Среднеазиатского государственного университета. – Вып. 7. – Ташкент, 1924. – С. 35–43.

Сыздық Р. Ахмет Байтұрсынұлы – қазақтың ұлттық ғылымының көшбасшысы / Р. Сыздық // Ахмет Байтұрсынұлы мұрасы: зерттеу, жүйелеу, насихаттау. Халықаралық ғылыми-теориялық конференция материалдары. – Алматы: Еланым баспасы, 2017. – 396 б.

Образование неологизмов суффиксальным способом в русском и узбекском языках

неологизм, суффиксация, масс-медиа, семантика

Лексический фонд национального языка нельзя назвать величиной постоянной. Он непрерывно изменяется путем добавления новых лексем и естественного выхода из употребления имеющихся единиц. На эти процессы влияют преимущественно экстралингвистические факторы. То есть не относящиеся к самому языку, а формирующиеся под влиянием текущей реальности «любые лексические единицы появляются в результате совокупности процессов, происходящих в социуме. Лексемы образуются с целью выражения/обслуживания каких-то конкретных языковых потребностей» [Катлинская 2009: 12].

Новые единицы для закрепления в национальном языке должны получить соответствующее лексикографическое описание, что открывает новые горизонты для работы лингвистов. Такие описания помогают понять культуру, идеологию, политический и экономический уклад использующего данный язык социума на определенном этапе его эволюции. Благодаря лексикографической фиксации фразеологизмов и лексем получается определить социокультурную специфику определенного периода в существовании социума. Для каждой эпохи характерно наличие слов-маркеров, наилучшим образом отражающих превалирующую идеологию, культурные ценности, специфику и особенности мировосприятия.

Вторым по популярности способом формирования неологизмов является суффиксация. В ней соединяются мотивирующие основы и суффиксы. Причем последние сочетаются не с целыми словами, а только с их основами [Мусатов 2010: 252].

Суффиксация активно применяется в русском и узбекском языках. Обычно она затрагивает именные части речи с минимальным задействованием глаголов. Большинство частей речи имеют развитую суффиксальную систему. Благодаря суффиксации к ним постоянно добавляются новые словообразования [Филиппова 2009: 141].

Если рассматривать лексические фонды русского и узбекского языков, то к числу самых обширных тематических групп относится «наименование лиц». Это объясняется желанием говорящих назначить номинации лицам, имеющим какую-то общую черту. Причем многочисленность указанной группы отмечается для неологизмов и новой лексики [Карева 2012: 93].

При появлении новых наименований лиц используются расширение существующих значений, заимствование и прочие методы. Здесь практически не существует ограничений по причине обширности словообразовательной подсистемы русского языка. Причем конструирование номинаций возможно с основами не только в виде существительных, но и глаголов с прилагательными.

Самая значительная группа обозначающих лицо существительных образована неологизмами, в которых используются суффиксы -ец / -ц(ы). Для их соединения с речевыми основами применяют интерфиксы. Слова с суффиксом -ец обычно обозначают «лицо – которое является чьим-то последователем, кто назван производящим словом». Также новообразованиями обозначают лиц, связанных с какой-то компанией/организацией/структурой посредством своей профессиональной деятельности. Например, огнебор-ец, спецназов-ец, торгов-ец и т. д. Причем производящими могут быть самые разные названия, в том числе города и республики: навоин-ец, узбекистан-ец. Но здесь важно отличать группы лиц от народностей. К первой относится «самаркандец», «бухарец» и др., ко вторым – узбеки, навоинцы и т. п.

Если разбить неологизмы по принадлежности к частям речи, то самой многочисленной окажется группа с существительными. Это объясняется способностью таких единиц называть явления и предметы. По этой причине среди неологизмов намного меньше глаголов и прилагательных. В русском языке аналогичная картина. При этом большая часть недавно появившихся новых слов – это существительные мужского рода, для которых характерна принадлежность к предмету или признаку с мотивирующим названием.

Изучение таких существительных в русском языке позволяет сделать однозначный вывод: большинство неологизмов сформировано при помощи добавления нескольких суффиксов: -ник(Ø), -ик(Ø), -чик(Ø), -щик(Ø)/-льщик(Ø). На практике это выглядит следующим образом: рыночник ‘приверженец рыночной экономики’, бюджетник ‘сотрудник учреждения/организации, которое полностью или частично финансируется из регионального/федерального бюджета’, жилищник ‘работник из сферы ЖКХ (жилищно-коммунального хозяйства)’, налоговый ‘сотрудник налоговой службы’, биржевик ‘специалист, сфера деятельности которого связана с биржевыми операциями’, интернетчик ‘любой пользователь сети интернет’, альтернативщик ‘человек, проходящий альтернативную службу в армии’, информационщик ‘сотрудник информационной (новостной) службы’, аномальщик ‘специалист, изучающий необъяснимые (аномальные) явления’, экстремальщик ‘любитель экстремальных развлечений/видов спорта’.

подавляющее большинство неологизмов, относящихся к существительным со значением лица, используются при неформальном общении. Даже если оно проходит в рамках каких-то деловых встреч. В узбекском языке формирование таких существительных происходит при помощи

указанных далее суффиксов: -chi, -bon, -dosh, -boz, -dor, -paz, -dor, -hon, -soz: skanerchi, paynetchi, suhbatdosh, kabobpaz.

Для наглядной оценки чего-либо используются существительные, имеющие отвлеченную семантику. В них используется основа в виде прилагательных с добавлением относящегося к разговорной речи суффикса -щин(а). Такие неологизмы имеют семантику 'явления с определенным признаком, для названия которого используется мотивирующее слово (зачастую транслируют негативную оценку)' [Лопатин 2016: 700]: 'махновщина', 'цыганщина'. Из абсолютно нейтральной основной части при добавлении экспрессивного аффикса формируются производные единицы с неодобрительной, отрицательной оценкой.

Многие лингвисты в повсеместном использовании просторечных слов и жаргонизмов склонны винить необратимый процесс демократизации. В итоге даже в литературной речи стали появляться сниженные лексемы оценочного характера с экспрессивной окраской. Более того, их использование все чаще считается нормой [Вепрева 2012: 114]. По этому поводу предметно высказывалась Л.И. Плотникова. Среди основных причин наводнения речи сниженной лексикой она называет: «желание СМИ стать популярными, невзирая на методы и формы; глобальные политические и экономические процессы; снижение культуры речи. [Плотникова 2012: 77]

При создании контента средства массовой информации постоянно стремятся оказать воздействие на свою аудиторию. Для этого они не чураются использовать размерно-оценочные суффиксы. «Суффиксальные образования имеют множество оттенков. Это объясняет их популярность и сказывается на появлении большого количества названий: субъективной оценки, уменьшительно-увеличительные, эмоционально-размерные, эмоционально-оценочные и другие. Многообразие связано с устоявшейся практикой применения суффиксов вместе со значениями, указывающими на реальные свойства объектов (размеры, интенсивность, объем и т. п.), и дающими ему характеристики с целью влияния на общее восприятия». [Бронникова 2014: 277]. Например, 'комнатушка', 'журналюшка', 'дурнушка'. Такие слова транслируют негативную оценку (характеристику) при помощи суффикса у(ю)шк(и)-. Это называется стратегией дискредитации, реализуемой путем добавления ярко выраженной иронии.

Также СМИ практикуют формирование наречий, относящихся к категории состояния и дающих ироническую оценку событиям/ситуациям. Например, живенько, бюджетненько, скромненько и др. Причем единицы с размерно-оценочными суффиксами все чаще проникают в разговорную речь. В данном случае наблюдается реализация стратегии оценивания через тактику иронизирования.

Средства массовой информации в контексте словообразования упоминаются не случайно. Именно они наиболее оперативно реагируют на любые изменения в социуме. При помощи суффиксации журналисты создают определенные ассоциации, чаще негативные. Как считает лингвист

А. С. Зотова, в формируемых номинациях изначальный оценочный смысл заостряет внимание на положительных или отрицательных ощущениях/эмоциях. Последние создают мироощущение, дают вектор в создании оценочных стереотипов, которых немало в коллективном сознании общества [Зотова 2013: 755].

Также суффиксация является действенным инструментом в формировании экспрессивных лексем благодаря наличию коммуникативных стратегий: оценивания, разговорности, дискредитации и т. д. А основными тактиками являются иллюстрирование отрицательного и иронизирование.

Литература

Бронникова Ю.О. Словообразовательные средства выражения оценки в русском языке / Ю.О. Бронникова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – № 12–1. – С. 276–279.

Вепрева И.Т. Респект и уважуха / И.Т. Вепрева, Н.А. Купина // Русский язык за рубежом. – 2012. – № 2 (231). – С. 113–116.

Зотова А.С. Коммуникативные стратегии в современном медиадискурсе и деривационные способы их реализации / А.С. Зотова // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6. – С. 752–757.

Катлинская Л.П. Активные процессы словопроизводства в современном русском языке / Л.П. Катлинская. – М.: Высшая школа, 2009. – 174 с.

Лопатин В.В. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка / В.В. Лопатин, И.С. Улуханов – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. – 812 с.

Мусатов В.Н. Русский язык: морфемика, морфонология, словообразование: учеб. Пособие / В.Н. Мусатов. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 360 с.

Плотникова Л.И. Лексические новообразования в текстах газетной публицистики: лингвокреативная специфика / Л.И. Плотникова // Человек. Культура. Образование. – 2012. – № 5. – С. 72–82.

Филиппова Л.С. Современный русский язык. Морфемика. Словообразование / Л.С. Филиппова. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 248 с.

Карева О.М. Новые наименования лиц в современном русском языке. Словарные материалы / О.М. Карева, О.В. Григоренко – Воронеж: Научная книга, 2009. // Мир русского слова. – 2012. – №1. – С. 92–94.

Оценки билингвами характера и уровня владения родным языком в условиях несбалансированных языковых ситуаций

*социолингвистика, билингвизм, владение языком, Южная Сибирь,
Узбекистан*

В данной статье рассматриваются две ситуации межъязыкового взаимодействия – узбекско-русского и татарско-русского, которые противопоставлены по типу соотношения родного и второго языка.

Татарско-русские билингвы являются носителями сибирского диалекта татарского языка, который распространен преимущественно на территории Южной Сибири. В настоящее время языковая ситуация в данном регионе описывается как несбалансированная с доминированием русского языка во всех сферах жизни людей. В результате языки малочисленных народов (татарский, хакасский, шорский и др.) становятся херитажными (эритажными) языками, или языками семейного наследия, используемыми преимущественно в бытовом общении [Резанова 2020: 102]. Узбекско-русские билингвы, чей материал представлен в исследовании, являются студентами Ургенчского государственного университета – ведущего вуза Хорезмской области Республики Узбекистан. Несмотря на то, что в настоящее время в Хорезмской области наименьший удельный вес русского населения (0,3 % в 2017 г.) [Федорко 2018: 56], в повседневном общении русский язык занимает второе место после узбекского, являющегося государственным языком и доминирующим во всех сферах коммуникации.

Татарско-русское и узбекско-русское межъязыковое взаимодействие противопоставлены по месту второго языка в парах, однако их объединяет такой фактор, как обслуживание видов коммуникаций разными языками, которые выполняют разные функции. В ситуации татарско-русского билингвизма доминирует второй язык (русский), материнский (татарский) находится в условиях неполного выполнения функций, таких как использование в устной бытовой и художественной коммуникации, актуализация языковой и культурной идентичности [Резанова 2020: 102, 113]. В ситуации узбекско-русского билингвизма функционально доминирующим языком выступает первый (узбекский), второй (русский) выполняет преимущественно функции языка-посредника в полиэтнической среде и языка-носителя научно-технической информации [Иноятова 2018: 3].

В данной работе, применяя методы статистического анализа, мы выявляем, насколько функциональная несбалансированность родного и

второго языков отражена в субъективном оценивании уровня владения родным языком билингвами. Мы предполагаем, что анализ самооценивания будет непосредственно соотноситься с функциональным распределением языков билингвов.

Узбекский язык будет иметь более высокие оценки по сравнению с татарским языком, так как он является государственным и функционально доминирующим в регионе проживания участников, в то время как татарский язык находится в положении языка меньшинства в Южной Сибири и используется значительно реже русского.

Материалом для исследования послужили данные двух баз данных: RuTurkSocLing и UzRusSocLing (которые были созданы по единым принципам на основе материала социолингвистических опросников). Они включали в себя информацию о субъективном оценивании билингвами уровня владения такими тюркскими языками, как татарский (в RuTurkSocLing) и узбекский (в UzRusSocLing) по 10-балльной шкале. Оценивание было разделено на три вида языковой деятельности: понимание, говорение и чтение.

Общее число респондентов, чьи оценки были использованы в данном исследовании, составляет 224 человека: 99 татарско-русских и 125 узбекско-русских билингвов.

Первый анализ заключался в выявлении разницы между двумя усредненными группами оценок (1 группа – оценки татарско-русских, 2 группа – узбекско-русских билингвов), которые были объединены из трех видов языковой деятельности путем арифметического среднего. Результаты показали, что между двумя группами нет статистически значимой разницы ($p\text{-value}=0,975$). На рисунке 1 представлена визуализация анализа.

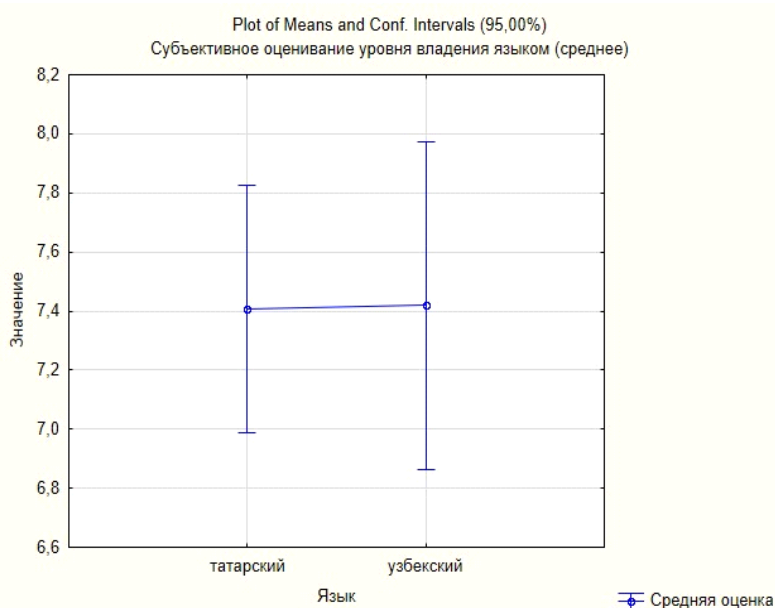

Рис. 1. График общих субъективных оценок татарско-русских и узбекско-русских билингвов

Во втором анализе субъективное оценивание уровня языка было разделено по видам речевой деятельности. Практически все выборки (за исключением оценивания говорения татарско-русскими билингвами) имеют не гауссовское распределение, поэтому для анализа использовался критерий Манна-Уитни. Результаты анализа показали, что статистически значимая разница обнаружена в двух видах языковой деятельности – чтение ($p\text{-value}=0,000044$) и понимание ($p\text{-value}=0,018441$). На рисунке 2 результаты представлены в виде графика.

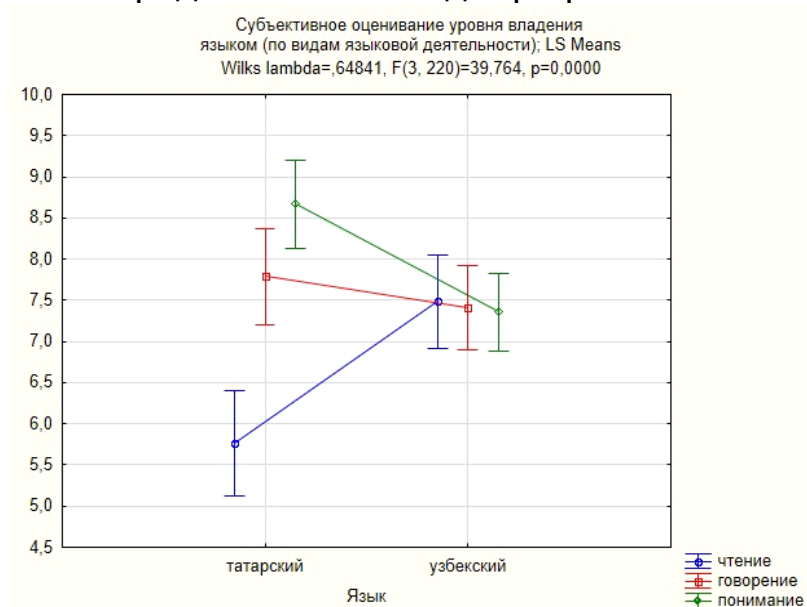

Рис. 2. График субъективных оценок татарско-русских и узбекско-русских билингвов, разделенных по видам языковой деятельности

Следует отметить два положения, являющихся выводами данного анализа. Во-первых, по сравнению с узбекско-русскими билингвами, татарско-русские респонденты оценивают свой уровень владения языком как несбалансированный с сильным отклонением в сторону понимания и говорения, в то время как узбекско-русские билингвы оценивают себя в различных видах языковой деятельности примерно на одном уровне. Во-вторых, можно заметить достаточно низкие оценки уровня владения навыком чтения татарско-русскими билингвами не только в сравнении с аналогичным у узбеков, но и по сравнению с другими видами речевой деятельности. Данные выводы лишь частично соотносятся с охарактеризованными языковыми ситуациями. Следует отметить также различие в сфере образования в двух регионах – в Хорезмской области Узбекистана образование на всех его этапах проводится на узбекском языке, в то время как в Южной Сибири образование на татарском языке ограничивается факультативами в сельских школах и курсами в центрах татарского языка, что может являться причиной низкого уровня владения таким видом языковой деятельности, как чтение. Однако не подтвердилась гипотеза оценивания владения татарским языком как более низкого в сравнении с оценками узбекского языка, на что могут влиять такие факторы, как

рост национального самосознания (из-за осознания своей принадлежности к этносу билингвы склонны завышать оценки), в некоторой степени семейное воспитание, а для части респондентов – компактность проживания в местах исконного населения, где херитажный язык употребляется значительно чаще, чем доминирующий (русский) [Диброва 2023: 255].

Таким образом, анализ субъективного оценивания уровня владения родным языком показал, что функциональная несбалансированность родного и второго языка лишь частично влияет на оценивание владения языком билингвами. В случае татарско-русского билингвизма такой фактор, как склонность к завышению оценок по причине актуализации культурной и национальной идентичности требует более детального изучения. В дальнейшем планируется изучать влияние различных социолингвистических факторов, таких как возраст, уровень образования, место рождения и др., на субъективные оценки уровня владения языками различными группами билингвов. Кроме того, планируется более подробно рассмотреть ситуацию функционирования русского языка в Хорезмской области Республики Узбекистан.

Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

Литература

Диброва В.С. Мотивация выбора языка билингвами в системе современных социокультурных практик (русско-тюркское языковое взаимодействие в Южной Сибири) / В.С. Диброва // Русин. – 2023. – № 72. – С. 244–258.

Иноятова Д.М. Языковая политика в современном Узбекистане / Д.М. Иноятова // Наука, техника и образование. – 2018. – № 9 (50). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-politika-v-sovremennom-uzbekistane> (дата обращения: 20.11.2023).

Резанова З.И. Образ языка в дискурсах этнолингвистической и этнокультурной самоидентификации у современных сибирских шорцев / З.И. Резанова // Interface. – 2020. – Issue 13. – С. 97–120.

Федорко В.Н. Этногеографическое районирование Узбекистана / В.Н. Федорко, Ш.Б. Курбанов // Известия Географического общества Узбекистана. – 2018. – Т. 54. – С. 42–54.

Художественно-композиционные задачи эпистолярной публицистики в детских произведениях

письмо, эпистолярный, публицистика, письмо, рассказ, повесть

Признано, что в мировой публицистике и литературе существуют стихи, поэмы, рассказы, повести, романы, написанные в форме писем. «Слово эпистолярный, – пишет М. Худойкулов, – от латинского *epistola*» означает письмо, посланная информация. Этот жанр представляет собой выражение литературно-художественного или публицистического произведения в форме письма [Худойкулов 2011: 205].

В частности, в детской публицистике особое место и положение занимают статьи, написанные в стиле жанра письма. Рекламное письмо служит для повышения эффективности материалов в газетах и журналах. В общей публицистике подробно изучена история использования каллиграфии, ее различные формы и важные аспекты [Мухаммадиев 1965: 60]. О. Тогаев подчеркивает, что наличие особенностей жанра письма в стиле письма газетных и журнальных материалов, выражение социального пафоса через личные чувства и эмоции, прямое обращение к газете способны сделать социально-политическую действительность привлекательной и познавательной [Тогаев 1976: 10].

Недаром детские творцы или писатели вообще выбирают в своих статьях для детей письменную форму. Потому что форма письма дает автору возможность писать от души, относясь к читателю как к близкому другу и коллеге, естественность в приоритете.

Кроме того, в детской литературе часто используется формы послание и писем. Например, композиция рассказа Э. Малика «Онаизор» имеет эпистолярную основу. Каждая глава произведения написана в форме письма, отправленного матерью сыну. Таким образом, разнообразные события, упомянутые в письмах, соединяются в единый композиции.

Если образ Матери в письме стал обобщенным образом всех одиноких женщин, то, что безотцовщина не только вызывает распад семьи, но и вредит детской психике, раскрывается на примере детских страданий маленькой Шерали. Хотя отец бросил семью и все променял на водку, его сын попросил с друзьями, что у него есть отец, тащит не верящего в это друга в разрушенную избу отца и остается там до вечера, несмотря на нем висит большой замок: «Ты не пойдешь, ты не пойдешь, ты увидишь моего папу, мой папа здесь... ведь он сейчас придут», – говорит он, цепляясь за воротник друга; начинает плакать и просить. В письме матери также упоминается ребенок, сидящий на папке и плача,

зажав голову между колен: «Ты никогда, никогда не оставишь своего ребенка в такую ситуацию. Ты прошел через эту боль, когда был ребенком», – говорит. Поэтому в центре произведения больше всего стоит детская психология и раны их сердца.

В письмах матери добродетели, которые передаются в семье от отца к сыну, смелость слов, то, что женщина еще не может дать самостоятельности, вернее, сожаление о том, что она заставила ее быть такой веселой и надоедливой.

Важно, что композиционная целостность видна даже в суммировании писем: по мере перехода писем от письма к письму развитие событий достигает кульминации. В детстве Шерали не чувствовал себя счастливым, потому что вырос без отца, подростком пошел искать отца и потерял сердце. Теперь, когда он сказал, что будет только опорой и плечом для своей матери, ушел на военную службу...

Он согласен на все, чтобы воплотить в жизнь мечты матери... Хотя в повести присутствуют лишь письма, написанные матерью сыну, и нет ни одного ответного письма, написанного сыном матери, доброта и близость ребенка с матерью поняла. Но афганская трагедия превращает эту надежду матери и ребенка в мираж. Сначала женщина носит синее в честь военного по имени Улугжан, который спас ее дочь Сабохат от головорезов, затем отдал свое сердце и сделал ее женихом, а потом... рядом прибавляется львиный траур...

В творчестве Э. Маликова другая форма рассказа – в виде писем, записанных в дневнике. В рассказе автора «Воспоминания о сиротевших» через письма и воспоминания девочки-подростка Маъсуда отражены душевные переживания разочарованных мальчиков и девочек в детских домах, их родителей, их тоска по дому, их видение общества. В результате этот рассказ получил и новую идейно-композиционную основу [Сафаров, Джамилова 2011: 76].

Если учесть, что дневниковое ведение свойственно девочкам и мальчикам-подросткам, то становится ясно, что выбранное методическое направление реалистично. Также одной из тем, не освещенных в узбекской детской литературе, является тот факт, что родители, отправленные в детский дом, оставляют в живых своих детей сиротами. Когда отец уехал на заработки за границу и мать узнала, что он болен, она оставила детей здесь под предлогом возвращения их обратно.

Под видом писем и сердечных выражений, запечатанных в дневнике, писатель упоминает болезненные стороны таких детей, как Халима, Мадина, Салиха, Наргиза и Адиль, воспитывающихся в детском доме. У каждого из обладателей этой судьбы отдельная история. Именно поэтому автор рассказывает эти истории в виде дополнительных историй в развитии основного события. Судьбы Дармонжона, Наргизы и Адиля очень трогательно повествуются в письмах дневника Маъсуды, написанных ее возлюбленному. «Дармонжон ненавидел всех матерей на свете. Бедняга, он пришел в эти края потому, что не мог назвать чужака

своим отцом. Даже если я буду унижен, даже если я согласен на смерть, я все равно не назову чужого человека «отцом». Я бы сделал то же самое...» В письмах Маъсуда упоминается, что мать Дармонжона пыталась задушить своего ребенка, заперев ее в кишасе крысами подвале, как мачех в сказках, и под влиянием таких событий все дети в приюте начали ненавидеть всех матерей. Или в образе девочки по имени Наргиза описывается ситуация детей, зараженных «детдомовой болезнью». «Он тоскует по дому! – кричит маленькая девочка. Дети думают о матери, горят внутри и наконец ложатся спать... Мы, девятнадцати девочки, смеемся и смеемся, плачем и плачем. Наша боль одна, наша боль-Мы сироты!»

Произведение Э. Малика «Письма внукам» заслуживает внимания как новаторское продолжение этой традиции. Хотя писатель начал писать письмо внуку, каждое из них состоит из отдельных заголовков во всей композиции произведения. В рассказах с самостоятельным сюжетом, в них последовательно через события представлены слова деда - автора, обращенные к внуку, актуальные темы данного времени и пространства, нравственные уроки, воспитательная цель. Это пришло ему на память. Особенно, абстрактные понятия детям, например, «Доверие», «Внимание», «Подарок», «Страсть и ревность», «Поддержка», «Любовь» и т. д. интерпретируются через реалистические события, художественные детали, «Моя внучка» почти Каждый рассказ-письмо, начинающийся со слова «мои дети», и тот факт, что это учение и совет, направленный на всех детей, обеспечивает дидактическую ценность произведения [Малик 2019: 150].

Известно, что в детской мировой литературе можно увидеть яркие краски и художественное выражение воображения и фантазийного мира детей. Поэтому можно сказать, что детский поэт и издатель А. Обиджон своими «Странными письмами» создал новую серию эпистолярной литературы, развлекающую детей. В двадцати семи стихотворениях этой серии поэт возрождает архаические и исторические слова, предметы, национальные ценности, душевные радости и средства, которыми нынешняя молодежь почти не пользуется или даже забывает, что они собой представляют. Помимо того, что такие художественные элементы, как сарказм, ирония, метафора во многих «письменных письмах», таких как ботинка Калиша, «Хурозканднинг Чайнамайшиминга», «Песок Куры», «Чинникосанинг Сополкосага», могут выражать разные виды юмора, как образец поэтического письма, достойного признания. То есть, через письма этих предметов доходят исторические предметы и слова, превращающиеся в антиквариат. Конечно, разнообразие их художественного выражения в полной мере демонстрирует композицию письма, например «Карнайнинг сурнайга», «Ящик к сундуку», «Письмо шубы к мишке», иронические изображения типа «Письмо Свечи к лампочке», «Письмо Тандира к молнии» в приоритете. Также антропонимы в таких стихотворениях, как «Чайнамайшиминг», «Деда

Чориг», «Сестра Шиппак», «Брат Хиром», «Дядя сапог Кирза», «Бабул Махси», «Тетя Амиркони», по сути объединяют в себе суть показывает эту композиционную форму и детский язык. Это помогает молодежом восстановить отдаленную от общественной жизни реальность, исторические подробности в эпистолярной форме, типичной для живого общения. Действительно, стоит отметить, что, помимо того, что он является очень старым, извечным жанром, он широко и новаторски используется во многих литературно-художественных, публицистических произведениях, а также выполняет уникальные художественно-композиционные задачи в детской литературе.

Литература

Карасев П.С. Проблемы теории публицистики / П.С. Карасев. – Л.: ЛГУ, 1973.

Мухаммадиев Р. Жанры журналистики / Р. Мухаммадиев. – Т.: Узбекистан, 1965.

Малик Э. Письма внукам / Э. Малик. – Ташкент: Шарк, 2019. – С. 368.

Тогаев О. Жанры журналистики / О. Тогаев. – Т.: Учитель, 1976.

Сафаров О. Детство – символ бессмертия или «дальних путей сообщения» / О. Сафаров, Б. Джамилова. – Ташкент: Шарк, 2011. – С. 76.

Худойкулов М. Журналистика и публицистика / М. Худойкулов. – Ташкент: Тафаккур, 2011. – С. 205.

Jamilova B.S. The influence of literary relations in the interpretation of the psyche of children and adolescents. Annals of forest research / B.S. Jamilova. – 2022. – 65(1). – P. 3624–3630.

Каракалпакская лингвопоэтика и ее развитие

*язык художественного произведения, лингвопоэтика,
экспрессивные функции языка, художественный текст*

Каракалпакский язык, как национальный язык каракалпакского народа развивался вместе с жизнью населения и сегодня имеет усовершенствованный литературный язык и широкие стилистические возможности. Было проведено множество исследований по изучению его фонетического строя, словарного запаса, грамматического строя, истории, диалектной системы.

В языкознании ученые изучают поэтическую структуру языка, языковую прагматику, связь языка и культуры, когнитивную лингвистику, психолингвистику, социолингвистику. Здесь одной из отраслей нового языка является лингвопоэтика, в которой изучаются различные поэтические и эстетические аспекты употребления звуков, слов, словосочетаний и предложений. Связь между смыслом национального языка и смыслом искусства неразрывно связана и развивается с развитием каракалпакской художественной литературы и поэзии.

Важнейшей стадией произведения искусства является язык, а важнейшей характеристикой человека, который его использует, являются коммуникация и цели выражения, используемые для поднятия произведения на высокий уровень.

Когда мы изучаем язык художника, важно, как он своими произведениями повлиял на развитие нашего языка. Если мы посмотрим на историю термина лингвопоэтика, то она образована от союза слов «лингвистика» и «поэтика» и признана одной из развивающихся областей языкознания.

История лингвопоэтики восходит ко временам Аристотеля, знаменитый труд которого «Поэтика» дает подробные сведения о поэтических искусствах, особенно о поэтических жанрах. Помимо предоставления информации о различных жанрах поэзии, эта работа также дает мнение о поэтическом искусстве и анализирует его на примерах [Абдиназимов 2020: 13].

Вопросы углубленного анализа языка художественного произведения изучались в научных трудах таких лингвистов, как А. А. Потебня, В. В. Виноградов, В. М. Жирмунский, И. В. Арнольд, В. Я. Задорнов, Т. Б. Ишваарова, А. А. Липгарт.

Среди них учёный-русист А. Лебедев «Имеет кандидатскую диссертацию на тему «Поэтический синтаксис произведений

А. Вяземского». В ней обсуждается роль поэтического анализа в лингвистике, стилистические особенности и современные исследования, в том числе особенности поэтической связи и различных поэтический синтаксис в творчестве Вяземского. Важным вопросом ученый считал классификацию поэтических конструкций.

В становлении лингвопоэтики в узбекском языкознании, расцвете и развитии узбекского языкознания внесли вклад узбекские лингвисты К. Дониеров, С. Мирзаев, К. Самадов, И. Кочкортоев, К. Абдурахмонов, Н. Махмудов, а заслуги Умаркулова, И. Мирзаева, М. Ёлдошева и других были великолепны. Эти стилистические особенности языка художественного произведения, художественно-эстетические аспекты выбора слов писателем, способы употребления и стилизации слова в его родном языке, его отношение к общезыковому языку и факторам, например, создание новых слов и фраз.

Также по узбекскому языкознанию имеются диссертации Г. Мухаммаджановой, Д. Шодиевой, М. Юлдашева, Г. Джуманазаровой, С. Умировой, З. Мухимовой.

Научные работы в каракалпакском языкознании Э. Бердимуратова, Д. Насирова, Ш. Абдиназимова, Г. Карлыбаевой, А. Абдиева являются первыми лингвопоэтическими исследованиями.

Область лингвопоэтики отделилась от каракалпакского языкознания, и профессор Ш. Абдиназимов разработал учебники.

В каракалпакском языке существуют два способа анализа поэтической речи: поэтический и прозаический. Поскольку богатство элементов, образующих поэтическую речь, использование различных тонких искусств в поэзии доставляет человеку различное удовольствие и волнение, особое внимание уделяется порядку фрагментов предложений в тексте, использованию словесных и духовных искусств. Надо будет обратить внимание на то, чтобы определить идею, цель и мысли поэта, его стремление к жизни, необходимо проанализировать структуру и способы речевых фрагментов по форме и содержанию, а также все средства, обеспечивающие эмоциональную выразительность.

В прозаической речи необходимо обращать внимание на такие вещи, как порядок предложений и фрагменты предложения, формальную и содержательную пропорцию. В этом случае анализ связан с такими явлениями, как формально-грамматическое деление предложения, фактическое деление, логическое ударение, пресуппозиция. В целом это направление связано с концепциями структурной поэтики. И в то же время в лингвистике началось исследование литературного творчества поэтов и писателей с лингвопоэтической точки зрения, а диссертация Д. Ержановой считается первой лингвопоэтической диссертацией.

В том числе, сегодня З. Казымбетова успешно защитила свою научную работу на тему: «Лингвопоэтический анализ произведений Ж. Избасканова».

В настоящее время докторанты проводят исследования по темам: Улзада Кыдырбаева «Лингвопоэтический анализ каракалпакского героического эпоса (на примере эпосов Алпомыш», «Сорок девиц» и «Едиге»», Бухарбаева Джазира «Лингвопоэтика произведений Матмуратова», А. Насирова «Лингвопоэтический анализ каракалпакских народных поговорок», А. Бадахшанова «Лингвопоэтика произведений Муратбая Нызанова», Г. Саденова «Лингвопоэтика произведений Ш. Сеитова», Н. Караматдинова, «Лингвопоэтика произведений А. Дабылова» и А. Косымбетова «Лингвопоэтический анализ произведений Сагынбая Ибрагимова».

Аналитическая значимость результатов такого научного исследования заключается в том, что на основе содержащихся в нем материалов и выводов студенты высших учебных заведений могут использовать лингвопоэтику каракалпакского языка, изучать литературу по стилистике, культуре речи, лингвистическому анализу художественного текста, лингвопоэтике. При преподавании таких предметов в качестве источника можно использовать теорию. В то же время результаты исследования окажут большую аналитическую помощь исследователям, проводящим лингвопоэтические исследования языка художественных произведений.

Литература

Абдиназимов Ш. Лингвопоэтика (оқыў қолланба) / Ш. Абдиназимов. –Тошкент: Ёшлар нашриёти.2020. – 152 с.

Шмульда И. А. Лингвопоэтическая стратификация художественных текстов и изучение индивидуального авторского стиля: на материалах произведения Шакспира / И. А. Шмульда. – М., 2001. – С. 3

Kirtaeva A.V. The Linguopoetics of Multicomponential Attributive Word-Combinations in the English Drama of the 16-18th Centuries. –Candidate thesis / A.V. Kirtaeva. – М., 2001.

Qayumov A. Tilshunoslikda Lingvopoetik Xususiyatlarning Tahlili / A. Qayumov, O. Ro‘zimatova // Miasto Przyszłości Kielce 2022. – P. 391–393.

Kosimbetova A. Saġinbay Ibragimov shıġarmalarınıń poetikalıq sintaksisi. Magistrlik dissertaciya.Nókis, 2022. – P. 87.

**Некоторые наблюдения о художественности и языке стихов
Габдуллы Тукая**

*художественный язык, перевод, национальный дух, метафора,
аллегория, эпитет*

В истории мировой поэзии, имена художников, оставивших великие образцы своего творчества, продолжают жить в истории и литературе. Александр Сергеевич Пушкин, солнце русской поэзии, неповторимый Юрий Лермонтов, обаятельный поэт Сергей Есенин, татарский поэт Муса Джалиль, отдавший жизнь за свободу страны, Усман Насир, поэт воспевавший узбекскую душу... Этот ряд можно продолжать бесконечно. Фактически в этом ряду фигур достойное место занимает имя Габдуллы Тукая, ставшего символом и гордостью татарской нации. Стихи поэта, творившего в классических и новых жанрах, переводили на узбекский язык такие узбекские поэты, как Миртемир, Туроб Тула, Аскад Мухтар, Шухрат, Рамз Бабаджан, Кавсар Турдиева. Естественно, что эти два народа, имеющие общую религию, язык, культуру и обычаи, в своих чувствах и взглядах на жизнь гармоничны. Следовательно, эти стихи находят своеобразный отклик в сердцах читателей как на узбекском, так и на татарском языке.

В начале прошлого века тема национальной свободы и независимости стала основной темой национальной литературы. Действительно, Габдулла Тукай, патриот, национальный герой, прогрессивный и просвещенный поэт татарского народа, написал множество стихов о борьбе своего народа за свободу. Также в своей лирике поэт писал о патриотизме, любви к родине, родному языку и природе. Объединив достижения классической поэзии, он создал эффектное произведение в традиционных восточных литературных тропах «*аруз*» и «*бармок*». Литературный критик Ш. Турдиев пишет о нем как об источнике, бравшем начало в творчестве поэта: «В этом отношении Габдулла Тукай подал пример, глубоко изучив произведения великих представителей восточной и западной классической литературы, в узбекской литературе таких как Алишер Навои, Ахмад Яссави, Сулейман Бакиргани, в русской литературе – А.С. Пушкин, М. Лермонтов и в английской литературе – Байрон, высокие идейно-художественные произведения которых сотворены в духе любви и являются образцом истинной человечности и патриотизма» [Турдиев 2011].

Стихи поэта на народные мотивы перекликались с движением национального возрождения в Туркестане, тема Родины воспевалась с большим пафосом, а поэтические сочинения о природе отличаются богатством пейзажей и жизненных образов. Мы постараемся излагать свои

комментарии на основе анализа художественного языка этих переводов. Тема Родины – основная тематика, «красная нить» стихотворений Габдуллы Тукая. В плане идей патриотизма, примечательно стихотворение «Говорит татарский поэт»:

*Мен куйлайман, турган ерим тор бўлса ҳам,
Қўрқмайман севган халқим татар бўлса ҳам* [Абдулла 2013].

Строки стихотворения написаны классическими газельными тонами. То есть рифмованная форма газели сохраняется, но доводится до уровня тропа «бармок». Поэт имеет в виду территорию Татарстана, когда говорит «хотя земля моя непросторна». Рифмующиеся в строфе слова «тор» и «тотор» одновременно создают своеобразную игру слов. В следующем стихотворении поэт выражает свою гордость за свою национальность.

Стихотворение поэта «Себе» также написано в духе патриотизма:

*Тилайман бўлишга мен инсони олий,
Тилар кўнглим таоли биттаволи*

Идеи гуманизма ярко выражены в вышеприведенных строках. Поэт хочет стать «совершенным человеком» – «комил инсон, инсони олий».

*Юракдан севаман бахтин татарнинг,
Кўрсайдим, улғайиш вақтин татарнинг.*

Выражая свою любовь к народу Тукай-поэт желает видеть его светлое будущее и счастье.

*Татар бахти учун мен жон отарман,
Мен ўзим ҳам татарман, чин татарман.*

А в этих строках с большим пафосом воспета самоотверженность поэта. Он всем своим существом гордится своей нацией.

Стихотворение поэта «Деревня» также передает тему Родины:

*Тоғ бошига солингандир бизнинг қишлоқ,
Бир булоқ бор, у қишлоқдан эмас йироқ.
Қишлоқ гўзал, суви ширин, биламан мен,
Шу сабабли жону тандан севаман мен.*

Пейзажи деревенской природы, расположенной на вершине горы, где родился поэт, прекрасны. Он любит свою родину вместе с ее живительными родниками с прохладной водой.

*Эсдан чиқмас унда менинг кўрганларим,
Шодлик билан ўйнаб умр сурганларим.
Акам билан бирга-бирга далаларда,
Омоч билан ер ҳайдашиб юрганларим.*

Место, где человек родился, провел свое детство и юность, самое памятное в его жизни. В этом плане данное стихотворение приобретает автобиографическое содержание. Лирический герой стихотворения вспоминает счастливые времена, которые он провел в своей родной деревне: он жил весело и пахал землю вместе с братом.

*Бу дунёда кўп иш кўриб, умрим ўтар,
Белгисиздир, тақдир қаён бошлаб кетар.*

*Қайда борсам, қайда юрсам, сўнмас меҳрим,
Хотиримда манғу қолар туққан ерим!*

В первых строках поэт говорит «неизвестно, куда заведет судьба», и судьба его указывает на будущее. Независимо от того, что происходит, куда он идет, где гуляет, по горячим линиям в стихотворении можно понять и проследить безграничную любовь и преданность поэта к родному селу.

Национальный язык – зеркало души каждого народа. Он отражает дух народа. Габдулла Тукай любил и ценил татарский язык, принадлежностью к которому он поистине гордился. Для него уважение и почитание родного языка, не вменьшая ценность, как любовь к Родине, почитание отца и матери:

*Эй азиз тил, эй гўзал тил, ота-онамнинг тили,
Дунёда кўп нарса билдим сен она тил орқали.
Авалло, бу тил билан онам бешикда куйлаган,
Сўнг узун тунлар бўйи бувим ҳикоят сўйлаган.
Эй она тил, ҳар замон бўлдинг мададкорим менинг,
Сен туфайли англатарман шодлигим, зорим менинг.*

Такой пафос и эмоции чувствуются в строках, взятых из стихотворения «Родной язык». Ведь родной язык для поэта прекрасен и поситин дорог. Потому что этот язык впитан с молоком матери, под звуки ее колыбельных песен и сказок бабушки, что слушал долгими ночами. Именно поэтому его называют «языком моих родителей», «моей помощницей», «моей радостью, моей силой».

Столь высокие эмоции можно почувствовать в строках узбекских народных поэтов Миртемира, А. Орипова, Э. Вахидова.

Сочинения поэта о природе вызывают у лирического героя как теплые, так и грустные настроения. Показательно в этом отношении его стихотворение «Весенние знаки»:

*Баҳор келди, қорлар эрий бошладилар,
Пўстинлилар пўстинларин ташладилар.
Кийимсизлар эркин юра бошладилар,
Тўнсизларга ёруғ кунлар келди энди.*

Приход весны приносит умиротворение душам, озябшим за суровую зиму. Если таяние снега означает изменение природы, то сбрасывание тяжелых мехов с плеч людей и благодарность за светлые дни приобрели общечеловеческий социальный смысл. Потому что зима не принесла радости одиноко живущим людям.

*Қишда қотган, яп-яланғоч дарахтга боқ!
Бугун гўзал, чиқармоқда яшил япроқ.
Нурга тўлиб очилмоқда яқин, йироқ,
Ҳар ёғочда булбул куйин куйлар энди.*

Такое же поэтическое содержание развивается и в следующих абзацах. Хотя аллюзии в стихотворениях поэта традиционны, они обретают новый смысл. В основном можно заметить, что диагноз, аллегория

и метафора выражают национальный смысл в строках, изображающих пейзаж, например, зеленые листья «голых» деревьев, свет существа, пение соловьев на «каждой ветке».

В следующих строках поэт художественно выразил хорошее настроение, связанное с приходом весны, через образы «легкого ветерка, веящего в пустыне», «гор великих и ледяных», «полноводных рек» и «стаями летящих птиц». Поэт образно описал, как яркие зимние дни смывают вызванную зимой грусть, взбудораживая печаль «тоскующего сердца».

На самом деле это стихотворение является, прежде всего, прекрасным поэтическим описанием весеннего пейзажа, и социальный дух в нем связан с тем, что стихотворение несет в сердца простых людей теплые чувства и радость жизни. Стихи в этом духе ярко наблюдаются в произведениях узбекских национальных поэтов, таких как Чулпан и Эльбек. Стихотворение Габдуллы Тукая «Поэт» подтверждает, что он был волевым и великодушным человеком:

*Йиллар ўтиб, умр кечиб бел букилса,
Қариб қолсам, дармон кетса, тиш тўкилса.
Кўнглим менинг ёш қолғуси, ҳеч қартаймас,
Иродам ҳеч синмас, асло ҳолдан тоймас.
Кўкрагимда шеър оташи сўнмас ҳеч ҳам,
Қарисам-да кўтаргайман тоғни бардам.
Кўнглим кундуз каби ёруғ, кўкламдай ёш,
Қиш ва қор йўқ, шоир кўнгли – мангу кўклам [Там же].*

Эти строки стихотворения – воздвигнутый в честь поэта «памятник нерукотворный». Поэт, покинувший светлый мир в юном возрасте, предсказал свою вечность. Он живет в сердцах тех, кто любит литературу и поэзию, как он писал в своих пламенных строках «не угас огонь поэзии в его груди», «он может горы свернуть», «его сердце сияет, как день, он вечно молодой и красивый».

Литература

Абдулла Тўқай // Ziyouz. – 31.12. 2013. – URL: <https://ziyouz.uz/jahon-sheriyati/tatar-sheriyati/abdulla-toqay/> (дата обращения: 30.11.2023).

Турдиев Шерали. Абдулла Тўқай ва ўзбек адабиёти / Ш. Турдиев // Жаҳон адабиёти. – 2011. – № 4.

Семантические особенности компонентных фразем «казан» в каракалпакском языке

*фразема «казан», языковой корпус, семантика, концепт,
концептосфера*

В словарном составе каждого языка известное место занимает глуттоним компонентной фраземы. Прием пищи и относящиеся к нему единицы, встречающиеся каждый день в быту, и являющиеся неотъемлемой частью жизни людей успели превратиться в новый объект, изучающийся в языкознании. Как и своеобразный мир каждого народа, нации, национальный колорит и прием пищи, относящиеся к нему понятия различны в каждом краю. Вместе с приготовлением пищи - подношение еды на подносе, подача еды на стол, приглашение к еде, культура приема пищи, продукты питания, кухонные приборы имеют специфическое, культурологическое, прагматическое и смысловое значение.

Мы выявили в семантике фразем со словом **«казан»** в каракалпакском языке наличие нескольких смысловых, стилистических особенностей. В толковом словаре каракалпакского языка слово «казан» является омонимом, объясняются 3 его значения. 1) осенний сезон; 2) вянуть, желтеть; *перен.* конец жизни, смерть; 3) сосуд для приготовления еды, изготовленный из меди или железа. Мы анализировали фраземы с третьим значением на основе примеров, собранных из каракалпакских пословиц, поговорок и словарей.

В толковом словаре каракалпакского языка компонент «казан»: *qazan kóteriŋ* – приступить к приготовлению пищи, готовить еду; *qazanniŋ kúyesindey* – черный, пречерный, иссиня-черный; *qazani basqa* – отдельное хозяйство, дом; *qazani maylanıw* – готовить жирное, сытное блюдо; *ómir qazan* – существование; *ortalıq qazan* – прием пищи многих людей в одном месте; *shúlen qazan* – большой (огромный) казан (котел), на котором готовится еда, чтобы доставалось многим людям; *ókpesi qara qazanday* – обидется, расстраиваться; *qazanday qaynaw* – а) поток воды, течение воды с изгибами, с волнами; б) *перен.* означает скопление, толпа людей [Каракалпак 2023: 313–314].

Во «Фразеологическом словаре каракалпакского языка» под авторством К. Пахратдинова, К. Бекниязова приведены 5 различных фразем с компонентом «казан»: 1) *qazan astı (kóterdi, qaynattı)* – приготовление еды; 2) *qazani basqa (bólek)* – отдельное хозяйство, дом; 3) *qazani qaynap turıptı* – неплохая жизнь; 4) *qara qazani qaynap turıptı* –

нормальное существование; 5) *úlken qazanda pisti* – опытный, закаленный, боевой [Пахратдинов 2018: 106-109-152].

Кроме этого, в «Кратком фразеологическом словаре каракалпакского языка» Ж. Ешбаева встречается 2 единицы фразем с компонентом «казан»: 1) *qazanın suwǵa taslaw* – не готовить еду, молча сидеть без приготовления пищи. К нему в качестве варианта приводится фразема *qazanı quwraw* (конец существования); 2) *miyi qazanday qaynaw* – сильная головная боль [Ешбаев 1985: 107–123]. Единица *qazan asraw* в приведенном первом значении является фраземой с компонентом «казан», означает *awqat pisirmew* (не готовить пищу). Если учесть, что словарь издан в конце 80-х годов прошлого века, то посредством приведенных в них компонентов определяются устойчивые словосочетания, имеющие место в лексиконе людей того периода и до них, тут концепт «казан» в концептосферическом круге. Например, «казан» (вид, цвет: *shoyın, shúlen, qara t.b.* понятие; *ómir qazanı, iris qazanı, qazanı basqa, qazanı maylanıw t.b.* в этих случаях концепт) представляется нам система понятий и различные значения в подсознании, формирует концептосферу концепта «казан».

Дополнительно к приведенным выше словарям мы собрали компонентные фраземы со словом «казан» из каракалпакских народных пословиц, поговорок, анализировали их по значению. В результате, стало известно, что есть 11 различных новых семантик с компонентом «казан», которые не имеют место в словарях:

1) *qara qazan* – благополучие, существование, жизнь, изобилие. Напр.: *Qara qazan qaynasa, qara alaman quwanar* (Если готовится еда, то радуется народ); *Sulıw – názerde, júyrik – tozańda, Qıdır qayda? –dep sorasań, Aldıńdaǵı qara qazanda* (Если спросишь, красавица – на виду, конь – на скаку, где Кыдыр?, то услышишь – на казане перед тобой) [Каракалпак 2015: 60-65].

2) *qazanıńdı birew bilǵaw* – порученное кому-то дело, никогда не будет так, как сам выполнишь, никто твое дело не сделает с ответственностью, а выполнит поверхностно. Напр.: *Qazanıńdı birew bilǵasa, jaqsı astan dáme etpe* (Если чужой приготовит еду, не жди хорошего блюда) [Каракалпак 2015: 74].

3) *qazan qaynataw* – бесполезное дело, не выполненное дело, ничего не осуществляется: *Atanıń aqılı paydasız bolsa, Qara sózge qazan qaynamas* (Если совет отца бесполезен, то пустыми словами ничего не добиться); *Qalıpke túsken qazan qaynamas, qaynasa da qoyılmas, qoyılsa da buyırmıs* (Нехорошее дело не сбудется); *Mıynetsiz qazan qaynamas, qaynasa da qoyılmas* (Без труда не достанешь и куска хлеба); *Jazda tóbesi qaynamaǵanıń, Qısta qazanı qaynamas* (Кто летом не работает, тот зимой не ест) [Каракалпак 2015: 109–152–173].

4) *qazanı ottan túspew* – нежелание работать, не выполнение просьбы, надолго тянуть чье-то дело). Напр.: *Bermestiń ası pispes, qazanı ottan túspes* (Скупой не даст еды, не делится едой) [Каракалпак 2015: 126].

5) *qazanniń qarası (kúyesi) juǵıw* – вред плохого человека, переход нехороших качеств. Напр.: Qazanǵa jantaspa, kúyesi juǵar, Jamanǵa jantaspa bálesi juǵar (Не подходи к казану, есть сажа, избегай плохих); Qazanǵa jaqınlasań qarası juǵadı (Если приблизишься к котлу, испачкаешься сажей) [Каракалпак 2015: 50].

6) *qazan-osháǵın saylaw* – готовиться, действовать, заготовить впрок. Напр.: Birewden túslik jeseń, úyińe kel de, Qazan-osháǵıńdı saylay ber (Если у кого-то съел обед, то по приходу домой готовься к приготовлению еды) [Каракалпак 2015: 108].

7) *qazanǵa salıw* – закончить, завершить, уничтожить. Напр.: Til erdi jábirge saladı, Nardı qazanǵa saladı (Злой язык уничтожит человека, положит коня в казан, котел) [Каракалпак 2015: 135].

8) *qazanda qaynaw* – сытная калорийная пища. Напр.: Qıs ayında qus saqla, Qus qaynaydı qazanda (Зимой держи птицу, Будет сытная еда) [Каракалпак 2015: 150].

9) *qazanı tolıp qaynaw* – изобилие, достаток в доме. Напр.: Miynet penen mańlayı terlegenniń, Úyında qazanı tolıp qaynaydı (Кто трудится непрестанно, в доме будет достаток всегда) [Каракалпак 2015: 174].

10) *bir qazan* – много, бесчисленно. Напр.: Shabaq shóbiresi bir tabaq, Sazan shóbiresi bir qazan (Мелкая рыба – целый поднос, сазан – целый казан, бульона много); Shabaq sorpası bir tabaq, Sazan sorpası bir qazan [Каракалпак 2015: 178–179].

11) *qazan qaynaw* – выполнение дела, желания. Напр.: Aqsha bolsa, sheńgel basında qazan qaynar (Если денег много, везде будет еда) [Каракалпак 2015: 180].

В стихотворении «Ońbaǵırlar, sattılar seni» (Предали тебя, бессовестные) народного поэта, героя Узбекистана и Каракалпакстана И. Юсупова, посвященного Аральскому морю, встречаются следующие строки:

Aral, Aral! Sen keshir bizdı,
Sorımızdı sorlatqan elmiz.

Арал, Арал! Ты прости нас,
Мы не сохранили тебя.

Íris qazanı – teńizimizdi
ток

Наше благополучие и доста-

Kúpá-kúndiz urlatqan elmiz.
Nesiybesin haqtan tilegen,
Miynet shınıqtırǵan bilegin,
Aq kókirek eden elseń dep,
Bergen edi iǵbalımızǵa,

Море уничтожали мы сами.
Просили изобилие у Создателя
Закаленные трудом руки,
Доброму народу, как мы,

«Bir qazanniń bir qulaǵına
lyelik et, ol – nesiybeń» dep

Дал нам в дар Всевышний,
«Держи за один край котла
Это твой достаток и мир»

[Юсупов 2018: 316].

Поэт Аральское море изображает в качестве *iris qazanı* большого котла благополучия, который кормит народ, является источником существования каракалпакского народа. Если за одну ухо котла держат каракалпаки, то другое ухо принадлежит нашим казахским друзьям. То есть, Аральское море расположено у границы Казахстана и Каракалпакстана –

двух стран в Средней Азии. Думаем, что автор последние строки приводит в этом значении.

Кроме этого, в разговорном языке встречаются и продуктивно используются *qazanda bari shómishke iliniw* – не ждать многого, от злого человека не услышать хорошего слова; *jabiwli qazan* – держать втайне, секретное дело.

В заключение отметим, что в каракалпакском языке много смысловых особенностей фраземы с компонентом «казан». Мы в данной работе привели примеры только из словарей, из пословиц и поговорок каракалпакского фольклора и из одного поэтического произведения поэта И. Юсупова. Тем не менее единицы с компонентом «казан» и другие его различные смысловые значения встречаются в разговорном языке нашего народа и в творческой лаборатории наших писателей-поэтов. Посредством их изучения и систематизации появится возможность создания языкового корпуса каракалпакского языка.

Литература

Ешбаев Ж. Краткий фразеологический словарь каракалпакского языка / Ж. Ешбаев. – Нукус. 1985. – С. 107–123.

Толковый словарь каракалпакского языка. – Том VII. – Нукус, 2023. – С. 313–314.

Каракалпакский фольклор. Многотом. – Том 88–100. – Нукус, 2015. – С. 50–60-65-108-109-126-132-135-150-172–175-178-179-180.

Пахратдинов К. Фразеологический словарь каракалпакского языка / К. Пахратдинов, К. Бекниязов. – Нукус. 2018. – С. 106–109–152.

Юсупов И. Сборник сочинений / И. Юсупов. – Том II. – Нукус. 2018. – С. 316.

Отражение образа природы в узбекских народных лирических песнях

народная песня, явления природы, образ, обряд

Разнообразные картины явлений природы намечаются в качестве сравнительного источника в узбекских народных лирических песнях. А также более распространенными из них являются обобщенные образы вод, равнин, гор, растений и животных.

Осмондаги ойга қўлим етмайди,
Шу дунёда куйган мендан ўтмайди.
Юрагимда фарзандсизлик доғи бор,
Қанча-қанча дори қўйсам битмайди [Свадебные песни 1981: 88].

В народном творчестве очень много легенд посвящено луне. В частности, мифы как «Ширин қиз», «Ой билан Ширин» также предназначают данную тему. Главным образом в этих произведениях рассказывается о том, как луна хвастается своей красотой, однако терпит поражение при состязаниях в красе с прекрасной Ширин, к тому же от сильного смущения у луны на лице появляется пятно, и она убегает высоко в небеса. Исходя из этого в вышеуказанной песне излагается о том, что горестные испытания бездетного человека даже намного тяжелее, чем печальное положение луны, описанной в легенде. Также образное выражение 'ветра' в образцах пейзажной лирики изображается в своеобразном образе. В частности, этот образ кроме своих традиционных символов, таких как извещение об информации или разглашения слухов также, обладает еще рядом своеобразных значений. В большинстве случаев образ ветра применяется в значении посланника, воображения или вестей. Как отмечает литературовед И. Хаккулов, «Ветер – это не только элемент, это – посланник. Переваливая через горы и реки, он свободно сетует из континентов в континенты, из стран в страны. Этот беспокойный странник не имеет границ. Не признающий надзора. Не подвластный по жизни. Ветер – свидетель событий, переживающих народы и страны, он как будто – повествователь. Рассказывает о веселье, оплакивает горе» [Хаккулов 1988].

Юқорига қарасам – ёрнинг ҳовлиси,
Шамол билан келар гулларнинг иси.
Манам армон этсам, ёр билан кетсам,
Олмалар отилиб, муродга етсам [Алавия 1959: 118].

В вышеприведенной песне ветер поэтически трактуется в исполнении средства донесения приятных вестей от влюбленной.

Также в народных песнях можно встретить частое обращение к образу 'дождя'. Традиционно этот образ употребляется при отражении символа изобилия и достатка. Ветер избавляет душу лирического героя от горя и печали, подобно тому как он очищает поверхность древесных растений. Он похож на сердцебиение, заставляющие задуматься о поэтических переживаниях лирического героя окрашенных его страстными и болезненными сожалениями, а также призывает ощутить прелести природы, вникнуть в смысл разнообразных набросков разноцветных картин вселенной. На самом деле дождь это – не дождь, это – проливные слезы разрушенного дома неба. Известно, что 'облако' похоже на душу человека, чаша которой переполненная от воздержанности к уныниям и печалям во вселенной. И тогда оно проливает всю свою досаду и боль. Точно так же и облако появляется из кручины рек и гор, все набирается и – набирается и в конце где-нибудь сильно проливается.

Ҳавода парча булут,
Ёмғир ёғиб ўтгаймикин?

Ҳар киши ёри билан
Муродига етгаймикин?

Или:

Ёмғир ёғмай бўлди қурғоқ,
Қуриди кўкарган илоқ.

Бош қўярда қора булоқ,

Устингдан Ойхон ўтдими? [Алавия 1959: 192].

В приведенном втором примере песни заявляется о том, что если не будет дождя и настанет засуха, то это будет в ущерб пропитанию людей. Известно то, что при засухе в народе проводится обряд «Суст хотин». В процессе этой церемонии при мольбе богине дождя «Суст Хотин» призывали дождь. А также при данном обряде пелась песня «Суст Хотин». Это исторически древний обряд и в разных местах проводился по-разному. Обряд «Суст хотин» возник в времена матриархата тогда, когда, не зная подлинных причин капризов природы и проводился по причине бессилия в их предотвращении [Саримсаков 1986: 216]. Не случайно то, что в песнях переживания героев и их душевное состояние приводятся вместе с явлениями природы и картинами жизни, так как образы, взятые из природных явлений и жизненных картин относительно устойчивы, и при сопоставлении их с состоянием героя предоставляет возможность освещения смысла песни ярче и более художественно. Древние люди верили, что их состояние, действия были тождественными процессам свойственными природе, живым (органическим) и неодушевленным (неорганическим). Поэтому в песнях часто встречаются строки, где вместе параллельно приведены образы природы и человека на основе их сличения. Но со временем вместе с развитием человеческого сознания человечество немного отделилось от природы и даже стало оказывать влияние на природу, то понятие о

ней существенно изменилось. Теперь человек понял, что он тождествен природе и что он другой мир по сравнению с ней. Человек даже начал разделять свои качества и свойства, схожие с природой. Таким образом возникло искусство сличения в творчестве человечества и со временем совершенствовалось.

Песни, в которых изображены качества переживаний, свойственные человеку посредством *олицетворения образов природы*, одушевленных существ (например, звери, птицы, насекомые) и растений. Посредством *поэтических подробностей (деталей)*, связанных с природой, уделяется внимание раскрытию внутреннего и внешнего мира лирического героя. Целостность картины воспроизводится посредством поэтических деталей качеств лирического героя во взаимосвязи с природой. Душевные переживания передаются посредством определенного естественного состояния природы в двух направлениях – принимаются во внимание время года и состояние природы, а также душевное состояние лирического героя изображаются реально в соотношении с теми природными обстоятельствами. Посредством душевного параллелизма изображаются волнующие душевные чувства на ряду с природой.

В песнях, начинающихся отображением картины природы, особое внимание привлекает противоречие человека и природы. Но этот конфликт отличается от конфликта в других видах произведений собственными своеобразиями. В основе изображения пейзажа конфликта природы и человека стоит картина или же проблема природы, противопоставленная человеку. Противоречия образов природы проявляются противопоставлением друг-другу образов в тексте песни. Конфликт такого вида в лирике пейзажа в основном раскрывается тайным образом, изображение одного образа выявляется на основе логического отображения, противопоставляемого ему второго:

Анов тоғда қора булут қор ташлайди,
Суворийлар отин миниб йўл бошлайди.

Йўл бошлаган отларига итлар минсин,

Шалдур-шулдир кийганига ўқлар тегсин [Алавия 1959: 198].

Действительно, во время снегопада трудно идти по дороге. В строке четверостишия «қора булут ташлаган» создают проблемы в движении человека по дороге. Здесь сочетание «қора булут» символически выражает смыслы беспокойства, холода, страданий и мук. Художественное искусство это – поэтическое явление, появившееся на начальной стадии эстетического мышления. Особенно искусство сравнения является средством лирики пейзажа. Искусство сравнения составляет основу лирики пейзажа. В сущности, изыскание душевных переживаний в картинах природы непосредственно приводит к возникновению сравнений:

Ойга ўхшайди юзинг,

Чўлпонга ўхшайди кўзинг.

Бунча ҳам яхши экан,
Халқ ичида юлдузинг [Свадебные песни 1981: 33].

Искусство «тажоҳули орифона», то есть «искусство притворяться незнающим чего-то, в то же время зная об этом», тоже широко употреблялось в лирике пейзажа. В нижеприведенной песне при воссоздании психологического портрета прекрасной возлюбленной были вовлечены природные явления в качестве сравнительного источника:

Оқ юзлик, *турна* кўзлик *лолазорим* сенмисан?
Чой сузиб пиёла тутган *косадорим* сенмисан?
Лабларинг *ариққа* ўхшаб жонима ўт ёқади,
Шу *ҳаёт бўстонида* ҳар икки борим сенмисан?

Поэтический пейзаж в народных песнях можно классифицировать на основе нескольких критерий. Здесь принимаются во внимание стилистически-смысловые особенности художественного образа, идейно-эстетические задачи в изображаемой картине природы. Например, по свойственным признакам времени и места поэтическая картина разделяется на два типа: а) сезонный пейзаж; б) пейзаж места.

Итак, понимание пейзажа как искусства, стремление превратить тот или иной пейзаж в образную идею во всей ее красоте, составили суть эстетических воззрений народа. Поэтические образы, связанные с действительностью природы, возникают на основе придания значения социального фона представлениям людей о красоте мира. Через каждый поэтический образ можно познать опыт художественного восприятия народа материального мира, узнать целостную информацию об их эстетическом мире, взглядах на мир и человеческие страдания. Каждый поэтический образ – это естественно изображенная картина действительности.

Литература

Алавия М. Узбекские народные песни / М. Алавия. – Ташкент: Акад. наук УзССР, 1959.

Мирзаев Т. Хрестоматия узбекского народного искусства / Т. Мирзаев, О. Сафаров, Д. Ураева. – Т.: Алокачи, 2008. – 393 с.

Саримсаков Б. Узбекский обрядовый фольклор / Б. Саримсаков. – Т.: Наука, 1986.

Свадебные песни. Народные песни и термины. Запись, сбор и подготовка к публикации О. Собиров. – Т.: Литературно-художественное издательство им. Г. Гулама, 1981. – С. 88.

Хаккулов И. Слова – крылья души / И. Хаккулов // Литература и искусство Узбекистана. – 1988.

**Концептуальные особенности интерпретации времен года
в узбекских лексикографических источниках:
анализ и культурные контексты**

*узбекская лексикография, ЎТИЛ, времена года,
культурный контекст, женские имена*

В современных лексикографических изданиях, посвященных узбекскому языку, концептуальные образы времен года проявляют как аналогии, так и разнообразные особенности, при этом детальный анализ показывает, что этническая специфика восприятия годовых циклов заслуживает внимания не только в контексте противостояния зимы и лета, но и в рамках интерпретации дефиниций весны и осени.

В частности, в «Ўзбек тилининг изоҳли луғати» под редакцией Э.М. Маъруфова весна характеризуется таким образом:

- 1) как первое из четырех времен года, находящееся между зимой и летом,
- 2) как символ живой, динамичной стадии чего-либо, например, жизни или существования.

Это определение акцентирует основное внимание на следующих аспектах:

- 1) на хронологической последовательности годовых циклов, где весна занимает позицию, следующую за зимой и предшествующую лету;
- 2) на культурно-историческом восприятии весны как первого из времен года, отклоняясь от современного календарного порядка, который определяет зиму как начальный этап, основываясь на исторической традиции празднования весеннего праздника Навруза;
- 3) на метафорическом значении весны, сравнивающим его с наиболее благоприятными и положительными аспектами человеческой жизни, такими как молодость и пр.

Следует отметить, что в более позднем издании «Ўзбек тилининг изоҳли луғати» под редакцией Э.М. Мадвалиева представлена более экспансивная дефиниция весны, в которой, помимо уточнения календарных месяцев (март, апрель, май), указано большее число директивных и переносных значений, расширяя контекстуальное содержание понятия. В дополнение к этому включено значение слова «весна» (Баҳор) в качестве узбекского женского имени.

В современных лексикографических изданиях акцентирование внимания на конкретных календарных месяцах, приходящихся на весенний период, является абсолютно рациональным и логичным, так как авторы, очевидно, стремятся максимально точно и недвусмысленно определить временные рамки этого сезона. Однако необходимо отметить, что в «Ўзбек тилининг изоҳли луғати» 1981 г. под ред. Э.М. Маъруфова был высказан интересный аспект, согласно которому климатические особенности весеннего периода в Узбекистане, возможно, не совсем коррелируют с теми месяцами, которые традиционно считаются весенними в контексте григорианского календаря, принятого в ряде других географических и климатических регионов Евразии.

Далее следует подчеркнуть, что в последующем издании словаря под ред. Э.М. Мадвалиева представлено более детализированное и обогащенное определение весны, которое включает в себя не только указание на календарные месяцы, но и акцентирует внимание на метафорической нагрузке, связанной с этим временем года. Такое расширенное определение акцентирует внимание на положительной характеристике весны, представляя ее как символ радости, молодости и обновления. Более того, интересно отметить, что именно весна в узбекском языке приобрела статус женского имени, что может говорить о ее особой значимости в языковой карте мира носителей узбекского языка.

Следует также уделить внимание тому, что в обоих рассмотренных словарях присутствует термин «кўклам», который является синонимом слова «баҳор» (весна). Интересно, что определение данного синонима, представленное в словаре под редакцией Э.М. Мадвалиева, хотя и включает в себя временные рамки между зимой и летом, не содержит дополнительных метафорических или календарных характеристик, что может говорить о его более узком или специфичном использовании в языке. На примере новостного репортажа можно проследить, что «кўклам» может быть использовано в более возвышенном или поэтичном контексте, что делает его менее частым, но более выразительным синонимом слова «баҳор».

Анализируя лексикографические материалы, в частности, определения времен года в ЎТИЛ различных лет, можно выявить интересные закономерности и различия. Например, в отношении такого времени года, как осень, дефиниции, представленные в изданиях ЎТИЛ 2006 и ЎТИЛ 1981 г., оказываются идентичными, как это иллюстрируется следующими статьями:

1. Ёз билан қиш ўртасидаги фасл. 2. кўчма Даврнинг, мас. киши ҳаётининг умрнинг охириги дамлари.

Следует подчеркнуть, что в ЎТИЛ 2007 г. при описании осени отсутствует акцент на конкретных календарных месяцах, таких как сентябрь, октябрь и ноябрь, что становится явным контрастом по сравнению со статьями «весна» или «зима». При этом интересно отметить,

что детализация в виде конкретного перечисления календарных месяцев, в соответствии со словарем под редакцией Э.М. Мадвалиева, присутствует только при определении зимы и весны, тогда как для лета и осени такая детализация не предоставлена. На наш взгляд, было бы целесообразно предоставить такую спецификацию для каждого времени года для создания более гармоничной и полной языковой картины.

Проводя дальнейший анализ, можно констатировать, что, несмотря на схожесть определения осени в обоих рассмотренных УТИЛ, подход к дефинированию весны разнится, что может свидетельствовать о различных концептуальных подходах и акцентировании внимания на разных аспектах весеннего периода. Это важное наблюдение, так как оно может отражать специфику понимания концепта «весна» в культурно-лингвистической картине мира народов Центральной Азии, в частности Узбекистана. Нельзя обойти вниманием также такой аспект, как особенности культурных традиций, связанных с празднованием различных сезонов. Например, хотя традиция празднования Нового года в зимний период была принята восточными культурами относительно недавно, в Узбекистане, как и в ряде других стран Центральной Азии, сохранилась традиция отмечать Новый год 21 марта, что совпадает с днем весеннего равноденствия. Эта особенность, возможно, и обусловила факт, что именно весна стала источником для создания женских имен в узбекском языке.

Литература

Джураева М.Ю. Следы мифологических представлений и табу в узбекских народных загадках / М.Ю. Джураева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2010. – № 3 (7). – С. 46–49. ISSN 1997-2911.

Камышева С.Ю. Языковая репрезентация концепта «весна» в русской лингвокультуре с позиции носителя таджикского языка / С.Ю. Камышева, А.А. Эшпулатова // Международная студенческая научно-практическая конференция «В мире русского языка и русской культуры» (Москва, 27 апреля 2017 г.): Сборник тезисов / Отв. ред.: С.Г. Персиянова, И.А. Орехова. – М., 2017. – С. 63–67.

Болалар учун тез айтишлар (матн): тез айтишлар / тўплаб, нашрга тайёрловчи: Иродабону Аввалбоева. – Тошкент: Юрист-медиа маркази, 2019. – 112 б.

Меҳнатсеварлик ва ишёқмаслик ҳақида мақоллар. – URL: <https://ziyouz.uz/hikmatlar/ozbek-xalq-maqollari/mehnatsevarlik-va-ishyoqmaslik-haqida-maqollar/> (дата обращения: 30.11.2023).

Хуршид Даврон, Куз шеърлари. – URL: <https://kh-davron.uz/ijod/sherlar/xurshid-davron-kuz-sherlari.html> (дата обращения: 04.08.2020).

Ўзбек тилининг изоҳли луғати: Икки томли, 60000 сўз ва бирикма / С.Ф. Акабиров, Т.А. Алиқулов, С.З. Зуфаров ва бошқ.; Э.М. Маъруфов таҳрири остида. – М.; Русский язык, 1981. – 2-чи том. – 715 б.

Ўзбек тилининг изоҳли луғати: 80000 дан ортиқ сўз ва сўз бирикмаси. Ж. 2. / Таҳрир ҳайъати: Т. Мирзаев (раҳбар) ва бошқ.; ЎзР ФА Тил ва адабиёт ин-ти. – Т.: «Ўзбекистон миллий энциклопедияси» Давлат илмий нашриёти, 2007. – 860 б.

Хуш келибсан Наврўзой! [Электронный источник] // URL: http://sherlaruz.com/news/sms_navro_39_z_bayrami_tabriklari_sherlari_navruz_tabriklari/1-0-66 (дата обращения: 30.11.2023).

**Лексические особенности произведения
«ГУЛИСТОНИ БИТ-ТУРКИ»**

общетюркские слова, старотюркские слова, диалектные слова

Поэт Сайфи Сарои родился в 1321 г. в семье мастера-оружейника. О месте его рождения существуют разные мнения. Некоторые исследователи утверждают, что он родился в селе Камишли (Сарикамыш) Хорезмской области. Однако, учитывая, что вдоль реки Волги расположено множество сел с названием *Камишли*, есть некоторые исследователи, которые предполагают, что он родился в одном из этих сел [Саидов 2019: 97–101]. Известно, что Золотоордынское государство было основано в 40-х гг. XII в. сыном Жожихана Ботухоном. Хорезм и регионы Северного Кавказа изначально входили в состав этого государства. Позднее Ботухон Дашти присоединил к государству Золотой Орды Кипчак, Крым и Западную Сибирь. Русские князья зависели от этого государства и платили дань. Это государство, которое в русских источниках называется Золотой Орды, в восточных источниках улус Джоджи, распалось в начале XVI в. Его центр, город Сарай, в исторических записях упоминается как *Сарай-боту*, *Катта Сарай* и *Янги Сарай*. В конце XIV в. город сильно пострадал в результате борьбы ханов Золотой Орды и похода Амира Тимура. Он был полностью разрушен в 1480 г. Руины города сейчас сохранились в Харабалинском районе Астраханской области.

Дошедшее до нас литературное наследие Сайфи Сарои насчитывает более десяти газелей, касыд, китъа, рубайи и маснависов, эпос «Сухайль и Гулдурсун» (1394), «Гулистони бит-тюркий» (1390–1391). Произведение поэта «Гулистони бит-тюркий» является великим литературным памятником и важным источником для изучения древнетюркского языка. Его единственная рукопись хранится в библиотеке Лейденского университета в Нидерландах. Фотокопия этой рукописи имеется в Москве и Ташкенте. «Гулистони бит-тюрки» играет важную роль в творчестве Сайфи Сарои.

В 1390–1391 гг. поэт первым свободно перевел произведение Саади Ширази «Гулистан» с персидского на узбекский язык в Египте, создав относительно новое, философско-нравственное произведение «Гулистони бит-тюрки». В процессе перевода Сайфи Сарои опускает некоторые отрывки из «Гулистана» и творчески перерабатывает некоторые стихи. Сайфи Сарои выбирает уникальный путь в переводе этого произведения. Он берет основное содержание произведения Саади Ширази и наполняет его новыми рассказами, стихами и стихами, отражающими общественно-политическое, культурно-просветительское мышление и дух, образ жизни своего времени.

В языке произведения «Гулистони бит-тюркий» имеется большинство общетюркских слов, и они выступили в качестве основного словарного пласта. К ним относятся *буғдой* (пшеница), *юрт* (страна), *мен* (я), *сўз* (слово), *киши* (человек), *қари* (старый), *қул* (раб), *оқ* (белый), *йўл* (дорога), *янги* (новый), *ой* (луна), *ит* (собака), *юррак* (сердце), *тош* (камни). Подобные лексические единицы активно используются в современном узбекском литературном языке, и их содержание вполне можно понять без пояснений.

Древнетюркские слова также в большом количестве встречаются. В предложение входят *ёзуқ* (грех, вина), *эв* (дом), *йўқсул* (бедный, бедный), *қатинда* (рядом), *аёқ* (чашка), *ал* (рука), *дағи//доғи* (опять), *тамуғ* (ад; огонь), *эрдэм* (добродетель, сила), *кунаш* (солнце), *эйгу* (добрый), *бийик* (великий; высокий), *текма* (каждый), *соғ* (правая сторона), *бикин* (подобный), *ўтмак* (хлеб), *билик* (знание, ум). Эти слова активно использовались при жизни поэта, а на более поздних этапах развития узбекского литературного языка по разным причинам были выведены из литературного языка. Но некоторые из них продолжают использоваться в тюркских языках и диалектах [Кошғарий 1960]. Понятно, что выражение слова *алчақ//алчоқ* в древнетюркском языке означает *мягкодушный, милый, скромный*, поясняет Махмуд Кошгари в своем труде «Девону луготи тюрк». В этом смысле это слово фигурирует и в произведении «Гулистони бит-тюркий»: *Эр керак кўнгли кинадан холи, Ўзи алчоқу ҳиммати олий* [Сайфи Саройи 1968].

Это слово выражается как *алчақ* в огузских диалектах узбекского и кыргызского языков, *алчак* в туркменском языке, *альджак* в турецком и узарском языках. Примечательно, что это слово в настоящее время используется в некоторых языках и диалектах в положительном смысле, а в некоторых языках и диалектах – в отрицательном. Например, в огузских диалектах узбекского языка *быстрый, способный; вежливый* по-киргизски; в туркменском языке оно имеет положительное значение, например, *вежливый*, а в турецком и озарском языках оно имеет отрицательное значение, например, *низкий, подлый*. В качестве пояснения можно сказать, что это слово *подлый*, низкое в нынешнем узбекском литературном языке; оно употребляется в таких значениях, как *злой, бесчестный, предатель* [Ўзбек тилининг изоҳли луғати 2006].

Язык произведения «Гулистони бит-тюркий» отражает некоторые особенности огузских языков и диалектов. В качестве примера можно привести употребление прошедшего времени в форме *-на* (как *бўйина, юзина*), глагол *бўл* употребляется в форме *ўл*. Феномен гармонии выражен в языке произведений поэта: таких как *кўнгул* (сердце), *юзунг* (твое лицо), *ўлум* (смерть). Язык произведения также содержит некоторые слова, характерные для татарского языка. Примером этого является слово *кўгарчин* (голубь). Это слово употребляется как *гәвәржин* в огузских диалектах, *гөвәржин* в туркменском, *кугәрсин* в башкирском и означает *дикий голубь* [Ўзбек тилининг изоҳли луғати 2006].

Большинство слов, заимствованных из языка произведения «Гули-стони бит-турки», а также арабских заимствованных лексических единиц используются в современном узбекском литературном языке. В этом предложении могут быть такие слова, как *ватан* (страна), *содиқ* (верный), *фақир* (бедный), *шоир* (поэт), *булбул* (соловей), *санъат* (искусство), *давлат* (государство), *одам* (человек). Есть также несколько устаревших арабских слов. Например, *мунодий* (посланник, вестник), *таҳаммул* (терпение, выносливость), *акраб* (скорпион), *фоний* (преходящее, тленное), *адам* (отсутствие), *Мавло* (Бог; хозяин, господин), *қавл* (слово, речь), *мунажжас* (нечистый, грязный), *тафарруж* (просмотр, развлечение), *фазиҳат* (зло, позор, стыд), *қавий* (сильный, энергичный), *уқбо* (загробная жизнь, потусторонний мир) и другие. Большинство слов, относящихся к арабскому языку, — это слова, связанные с просвещением, религией, этикой и литературой. В частности, относительно велико число лексических единиц, выражающих религиозные понятия [Навоий асарлари луғати 1972]. Некоторые топонимы встречаются в языке произведения «Гули-стони бит-тюркий», хотя и не в большом количестве. Это следующие: *Қамышлы*, *Хитой*, *Чин*, *Хиджаз* (район, где расположены города Мекка и Медина), *Кааба* и *Шам* (Сирия). Некоторые из упомянутых топонимов, например, *Чин*, *Шом*, сейчас не используются. В произведении использовано также определенное количество личных имен — антропонимов. Их можно классифицировать по следующим группам: 1) имена пророков: *Иса* (Иса алейхиссалам), *Халил* (Ибрагим алейхиссалам); 2) имена людей, которые являются символами в литературе: *Корун* (человек, сделавший имя жадности, является символом жадности в восточной литературе); *Ноширавон* (Ануширван, царь Ирана, символ справедливости в восточной литературе); 3) имя героя художественного произведения: *Рустам* (герой произведения «Шахнома»), *Меджнун*, *Лейли* (герои эпоса «Лайли и Меджнун»); 4) имя правителя и поэтов: *Фаридун* (шестой правитель Ирана, принадлежащий к династии Пешдади); *Ходжа Исхак* (поэт Ходжа Исхак Хорезми).

Цель использования поэтом в своем творчестве имен этих людей — *Иса*, *Корун*, *Ноширавон*, *Рустам*, *Меджнун*, *Лейли* и др. — выразить посредством этих имен глубокий и ясный смысл. Очевидно, что в литературоведении такое художественное искусство называется *талмиҳ*. Талмиҳ дает творцу возможность обратиться к историческим или легендарным событиям, известным произведениям и образам героев и таким образом чудесным образом укрепить свое мнение [Исҳоқов 2014].

В классической узбекской литературе слово *булбул* (соловей) часто используется в метафорическом смысле любви, тогда как *талантливые поэты* Сайфи Сарои употребляли это слово в метафорическом смысле. Слово *зоғ* (овца) употреблялось бездарными поэтами в поэзии в переносном смысле. Понятно, что когда поет соловей, то язык человека наполняется наслаждением от его приятного звука. А безобразный голос овцы омрачает сердце и пробуждает в человеке дурные мысли. Слова *булбул*

и *зоғ* в строфе являются метафорами, и поэт использовал их для создания искусства метафоры. Кроме того, поэт противопоставил значения этих слов, такие как приятность соловьиной песни, красоту и неприятность, безобразие вороньего голоса, и создал искусство контраста.

Хотя это произведение Сайфи Сарои не является литературным наследием высокого уровня и ценности с точки зрения художественности, оно в некоторых отношениях значимо. Важным ее моментом является то, что, прежде всего, в содержание произведения глубоко заложены общечеловеческие идеи, и эти идеи на протяжении веков побуждали людей только к добру. Во-вторых, касаясь этапа развития узбекского литературного языка в XIV в., стоит отметить, что произведение является одним из важнейших письменных источников, позволяющих сделать четкие, точные и подробные выводы о языковых особенностях этого периода. Общеизвестно, что письменных памятников этого периода немного. Отдельно следует отметить, что лингвистические особенности этого письменного источника, занимающего важное место в истории узбекского литературного языка, и заслуги талантливого поэта и переводчика Сайфи Сарои в развитии узбекского литературного языка едва ли были оценены. Изучение задуманного творчества поэта в разных аспектах важно не только для узбекского языкознания в частности, но и для тюркологии в целом.

Литература

Исҳоқов Ё. Сўз санъати сўзлиги / Ё. Исҳоқов. – Тошкент: Ўзбекистон, 2014. – 319 с.

Кошғарий М. Девону луғотит турк / М. Кошғарий. – Тошкент: Фан, 1960–1963. – 499 с.

Навоий асарлари луғати. – Тошкент: Фафур Фулом, 1972. – 782 с.

Саидов Ё. Ўзбек адабий тили тарихи / Ё. Саидов. – Бухоро, 2021. – 407 с.

Саидов Ё. «Гулистони бит-туркий» асарининг тили хусусида / Ё. Саидов // Бухоро давлат университети илмий ахбороти. – 2019. – № 1. – С. 97–101.

Сайфи Саройи. Гулистон / Сайфи Саройи. – Тошкент: Бадиий адабиёт, 1968. – 257 с.

Ўзбек тилининг изоҳли луғати. – Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2006. – 398 с.

Ўзбек шевалари лексикаси. – Тошкент: Фан, 1966. – 453 с.

Ўзбек халк шевалари луғати. – Тошкент: Фан, 1971. – 407 с.

Функционирование терминов родства в паремиях татарского языка

термины родства, татарский язык, паремии

Термины родства составляют отдельную тематическую группу в лексической системе татарского языка и являются важным источником исследования лингвокультурологических особенностей.

С началом активного изучения лексики татарского языка термины родства учеными разных отраслей филологии так или иначе классифицировались, анализировались. Особенно интересны исследования этих единиц с точки зрения диалектологии, так как именно здесь раскрывается широкое разнообразие как самих обозначений, так и богатство синонимического ряда. Следует отметить труды таких исследователей, как Л.Ш. Арсланов, Р.Г. Ахметьянов, Д.Б. Рамазанова [Рамазанова 2014].

В последнее десятилетие коллективом авторов Казанского федерального университета в лице Р.Р. Замалетдинова, Г.Ф. Замалетдиновой, Р.С. Нурмухаметовой [Татар 2012] этнолингвистическая терминология татарского языка изучается более детально, в том числе и терминам родства выделяется отдельное внимание.

Среди множества фонетических вариантов, синонимического ряда обозначений терминов родства, активно употребляемых в настоящее время, было отобрано 25 лексических единиц: *абый / абзый* 'старший брат', *ана / эни* 'мама', *апа* 'старшая сестра', *ата / эти* 'папа', *эби* 'бабушка', *бабай* 'дедушка', *бажа / бажай* 'свояк', *бала* 'дитя, ребенок', *балдыз* 'своячени (младшая)', *бэби* 'младенец', *гаилә* 'семья', *жизнә / жизни* 'зять – муж старшей сестры или родственницы', *жиңги / жиңгә* 'джингә – жена старшего брата или старшего родственника', *ир* 'муж', *каене (каениш) / каенага // каенсеңел / каенигәч* 'шурин / старший брат жены / золовка / старшая сестра мужа или жены', *кайната / каената // кайнана / каенана* 'свекор, свекровь', *килен* 'сноха', *кияү* 'зять', *кода / кодагый / кодача* 'сват, сватья, свойственница', *кыз (кыз бала)* 'дочь, девочка', *онык* 'внук', *сеңел / эне* 'младшая сестра / младший брат', *туган / кардәш* 'родня', *үги ана* 'мачеха', *ул (ир бала)* 'сын', *хатын* 'жена'. Данные единицы изучены с точки зрения этимологии, наличия прямого и переносного значения слова, активности употребления в таких произведениях устного народного творчества, как пословицы, фразеологические единицы, и в авторских произведениях, зафиксированных на протяжении последнего столетия в разные годы. Особенно интересны дополнительные материалы, которые раскрывают полную картину мира татарского народа относительно той или иной языковой единицы, относящейся к описываемой тематической группе.

Отдельный интерес вызывают особенности употребления терминов родства в фразеологизмах и пословицах. Фразеологические единицы и пословицы, как весомая часть паремиологического фонда национального языка татар, несут в себе глубокие знания об истории, особенности быта, нравах, в целом о материальной и духовной культуре народа. Паремии татарского языка подвергались многостороннему анализу. Об этом свидетельствует огромное количество коллективных и монографических исследований. Тем не менее паремиологический фонд татарского языка настолько богат и глубок, что каждая исследуемая единица из тематической группы терминов родства находит по несколько десятков, а иногда сотни единиц употребления. Столь огромное количество паремий можно группировать по содержанию, цели высказывания и т. д.

По содержанию термины родства принято группировать на те, которые обозначают кровное родство, и на те, которые обозначают родство по браку. Указанные нами выше термины родства, являющиеся объектом лингвокультурного описания, подтверждают достоверность подобной классификации. Из 25 терминов 12 относятся к группе терминов, обозначающих кровное родство. Два термина – для общего названия понятий, относящихся к группе и остальные 11 – это термины родства, обозначающие родство по браку. Наличие практически одинакового количества терминов родства как по кровному родству, так и родству по браку дает основание полагать, что татарского народа имеют практически одинаковую важность, так как семейный институт, крепость семейных отношений является основополагающим моментом полноценной, счастливой жизни как с точки национальной, так и с точки зрения религиозных мировоззрений. Если обратить внимание на содержание терминов, не сложно заметить их парность. Например, термина кровного родства: *ата* / *эти* ‘папа’ // *ана* / *эни* ‘мама’, *эби* ‘бабушка’ // *бабай* ‘дедушка’, *абый* / *абый* ‘старший брат’ // *апа* ‘старшая сестра’, *ул* (*ур бала*) ‘сын’ // *кыз* (*кыз бала*) ‘дочь, девочка’, *сеңел* / *эне* ‘младшая сестра / младший брат’; термины родства по браку: *ур* ‘муж’ // *хатын* ‘жена’, *бажа* / *бажай* ‘свояк’ // *балдыз* ‘своячени (младшая)’, *жизнә* / *жизни* ‘зять – муж старшей сестры или родственницы’ // *жиңги* / *жиңгә* ‘джингә – жена старшего брата или старшего родственника’, *каене* / *каениш* / *каенага* // *каенсеңел* / *каенигәч* ‘шурин / старший брат жены / золовка / старшая сестра мужа или жены’, *кайната* / *каената* // *кайнана* / *каенана* ‘свекор, свекровь’, *килен* ‘сноха’ // *кияу* ‘зять’, *кода* // *кодагый* ‘сват, сватья’ и др.

В настоящей статье уделим внимание таким терминам родства, как *кияу* ‘зять’ и *килен* ‘сноха’. Они относятся к второй группе. Следовательно, близкого кровного отношения между ними не имеется. При анализе фразеологических единиц, в составе которых употребляются термины *кияу* ‘зять’ и *килен* ‘сноха’, были установлены следующие особенности.

Кияу ‘жених, зять’ достоин уважения. Для угощения готовилось огромное количество еды, отдельные названия зафиксированы в качестве фразеологических единиц. Например, *кияу пәрәмәче* ‘перемяч

для жениха/зятя – подавали на свадьбе, они отличались меньшим чем обычно размером, тонкостью теста, готовились с особым усердием. *Кияу пилмәне* ‘пельмени для жениха/зять’ – так же подавались во время свадебных пиршеств, эти пельмени мелкие, готовятся всегда вручную.

Согласно обычаю бракосочетания, зять встречаются в доме невесты. Помимо застолья, обмена подарков, отдельное гостеприимство, почтение по отношению к зятю проявляется в таких моментах, как подготовка отдельного места для сна молодых: *кияу келәте* ‘специально подготовленная, ‘белая’ клеть, где будут спать молодожены’. В подготовке и сопровождении церемонии бракосочетания принимали участие знающие порядок и все тонкости люди: *кияу жиңгәсе* ‘опытная замужняя женщина, которая знает толк в обычаях, подготовке угощений, ухаживающая за молодоженами’; *кияу егете* ‘в дни никаха – свадьбы по мусульманскому обычаю, парень, который сопровождает жениха, помогает ему’.

В определенной части паремий имеется и отрицательное содержание, которое основывается на указанном выше почтении относительно жениха. Например, на основании того, что зять пользуется ухаживаниями сверх нормы, зародились такие понятия, как *назлы кияу* (нежный зять) ‘тот, кто нежится своим статусом гостя, пользуется обилием угощений и ухаживаний’; *хан кияве* (зять хана) ‘тот, кто нежится, кривляется, притворяется нежным’; *кияу егете кебек* (словно сопровождающий жениха парень) ‘тот, кто усердно следит за своей одеждой, очень холеный, очень модный, тщательно ухаживающий за своей внешностью мужчина’ и др.

Жених/зять является центральной фигурой в процессе бракосочетания. Важное значение имеют подарки, которые дарит жених родственникам невесты. Для этого употребляется понятие *кияу бүләре* ‘подарок жениха’. Как правило, девочкам дарили зеркала, ленточки, мальчикам ножи, портмоне и др.

Для обозначения замужества, что являлось так же очень важным событием в жизни молодой девушки, употреблялись такие синонимичные понятия, как *кияүгә бару* // *кияүгә чыгу* // *кияүгә китү* // *иргә бару* // *иргә чыгу* (*китү*) // *тормышка чыгу* // *иптәшлеккә килү* // *килен булып төшү* ‘выходить замуж’.

После замужества девушка приобретает статус *килен* ‘снохи’. В паремиях термин *килен* ‘сноха’ в большинстве случаев имеет отрицательное содержание. Например, *килен белгән бер нәгыш* ‘единственное, что умеет сноха’ (выражение о том, что человек знает только одни обязанности, все время делает одно и то же, особых умений и навыков не имеется); *киленгә кадәр күчтәнәч* ‘даже снохе есть гостинец’ (означает, что во время свадьбы до такой степени много провизий, гостинца, даже снохе выделили долю); *китмәс киленгә арчылык итү* ‘помогать собраться снохе, которая никак не может собраться и уйти’ (зря стараться, словно помогать собирать свои вещи снохе, которая никак не может уйти) и т. д.

Таким образом, изучив употребление терминов родства *кияу* 'зять' // *килен* 'сноха' на материале татарского языка, следует отметить, что центральным лицом в институте семьи татар является *кияу* 'зять'. Термин *килен* 'сноха' очень активно употребляется в разных источниках. Как в поговорках, так и в литературных произведениях отдельно подчеркиваются обязанности, статус в семье снохи. Всегда восхвалялось ее умения и мастерство, способности, необходимые в хозяйстве. Ценность семейных и родственных отношений, поведения в семье, поддержка друг друга подчеркиваются и являются важными факторами жизни татар. Последовательное изучение всех терминов родства с точки зрения употребления в поговорках позволит более точно характеризовать лингвокультурное содержание исследуемого материала.

Исследование выполнено в рамках проектов НОЦ Стратегических исследований в области родных языков и культур.

Литература

Рамазанова Д.Б. Родственные и семейные отношения в названиях / Д.Б. Рамазанова. – Казань: Татарское кн. изд-во, 2014. – 287 с.

Исәнбәт Н.С. Татар теленең фразеологик сүзлегенә / Н.С. Исәнбәт. Ике томда. I том. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. – 495 б.

Исәнбәт Н.С. Татар теленең фразеологик сүзлегенә / Н.С. Исәнбәт. Ике томда. II том. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1990. – 366 б.

Татар теленең этнокультура сүзлегенә: рухи мәдәният лексикасы (сүзлек белешмәлек) / Төзүче авторлар: Р.Р. Җамалетдинов, Г.Ф. Җамалетдинова, Р.С. Нурмөхәммәтова, М.Р. Саттарова. – Казан: Отечество, 2012. – 144 б.

Репрезентация эмоций «радость» и «счастье» в татарской фразеологии

татарский язык, фразеологическая единица, смежные эмоции, активный компонент, фразеосемантическая подгруппа

Эмоции оказывают большое влияние на деятельность человека и в большинстве случаев отвечают за его действия. В связи с этим на эмоции обращали внимание еще с древних времен. Один из основополагающих факторов в управлении поведением человека заключается в эмоциях. Во всех сферах жизни человека (духовной, интеллектуальной, физической) участвуют эмоции. Долгое время изучение их на научном уровне оставалось вне поля зрения исследователей.

Выражение эмоций в татарском языке недостаточно изучено, хотя и рассматривалось в работах таких ученых, как Х.Р. Курбатов, Ф.С. Сафиуллина, И.Б. Баширова, Г.Р. Галиуллина, Р.Ф. Фаттахова, А.К. Булатова, Д.К. Вахитова, Г.З. Габбасова, Н.Ф. Галиева и др.

В татарском языкознании изучение способов вербализации эмоциональности на примере татарской фразеологии позволяет представить в едином комплексе возможности языка и речи и способствует пониманию менталитета и психологии татарской языковой личности. Таким образом, актуальность данного исследования не вызывает сомнений.

Эмоции можно разделить на положительные и отрицательные. Например, Е.Ф. Арсентьева составила шкалу, в которую включила 10 эмоций. Они расположены в следующем порядке: ласка, шутка, ирония, унижение, обвинение, оскорбление, грубость и т. д. Автор разъясняет каждую эмоцию и связывает ее возникновение с тем, как субъект относится к предмету или лицу [Арсентьева 2017: 98].

К.Э. Изард также выделяет 10 основных эмоций: интерес, радость, удивление, страдание, ненависть, отвращение, унижение, страх, обвинение, стыд [Изард 1996: 176]. По его мнению, эти эмоции составляют семантический центр эмотивной лексики. Человек, воспринимая окружающие процессы, явления, выделяет только те события, которые для него важны. Именно этот процесс отражается в эмоциях.

Для более детального ознакомления с семантикой фразеологизмов, выражающих состояние человека, в пределах двух подгрупп была проанализирована структура отношений ФЕ подгруппы «Радость, счастье» в аспекте «Эмоциональное состояние человека».

Радость создает у человека приподнятое настроение, счастье порождает чувство радости, состояние полного удовлетворения жизнью. Радость и счастье тесно взаимосвязаны между собой. Однако между этими двумя чувствами есть разница: счастье – это личное чувство, которое может быть радостным для другого человека, но от этой радости другой человек не может быть счастливым. Счастье связано с душевной гармонией человека и является глубоким чувством. Радость относится к эмоции, вызываемой благополучием, успехом или везением, и обычно ассоциируется с чувством интенсивного, продолжительного счастья.

Состояние радости и счастья в татарском языке очень часто сопровождается смехом: *эче катып көлү* [Сафиуллина 2001: 314]; *шатлыктан (тәгәри-тәгәри) тәгәрәп көлү* [Там же: 302]; *шатлыгыннан авызын жыеп ала алмый* [Там же: 302]; *көлә-көлә эч кату (катуга сабышу)* [Там же: 148]; *көлә-көлә эч кату* [Там же: 148]; *егылып көлү* [Там же: 84]; *егыла-егыла көлү* [Там же: 84]; *авызы колакка (колагына) житкән* [Там же: 11]; *авызы колакта* [Там же: 11].

В.Н. Телия выделяет три античных источника смеха:

- 1) гиппократовская философия смеха – лечебная;
- 2) формула Аристотеля: «Из всех живых существ только человеку свойственен смех»;
- 3) образ смеющегося в загробном царстве Мениппа, Лукиан подчеркивает связь смеха со смертью [Телия 1996: 39-41].

В татарском языке существуют фразеологизмы с национальной спецификой, которые используются при выражении чувства радости: *кош тоткандай булу* [Сафиуллина 2001: 147]; *бәхет кошы* [Там же: 54]; *бәхет кошы тоткан күк булу* [Там же: 54]; *алтын кош тоткан кебек* [Там же: 20].

Птица Счастья, Птица Феникс, Жар-Птица, Царь Птица – это есть птица Семруг (Сәмруг). Семруг – мифическое существо в иранской мифологии, царь всех птиц. Также известна в мифологии тюркоязычных народов Средней Азии и Поволжья. Персы и узбеки называли ее Симург, казахи – Самурык, татары – Семруг.

По легенде, жила эта птица на вершине самой высокой горы. Настолько высокой, что ни пешие, ни конные путники не могли достичь ее вершины, сколько бы ни поднимались. Никому не было дано увидеть Семруга – ни зверю, ни птице, ни человеку. Знали лишь, что оперение его прекраснее, чем все земные восходы и закаты вместе взятые. Семруг был не только блистательно красив, также и мудрость его была бескрайней, как океан. Эту птицу могли увидеть и обрести счастье лишь те люди, которые очень рано вставали и трудились до поздней ночи. Образ, использованный во фразеологизме *Золотая птица*, обращенный к радующемуся, заимствован из сказки. Пройдя через тяжелые испытания, герой смог поймать золотую птицу, символизирующую счастье.

Также во фразеологии татарского языка при выражении чувства радости используется компонент, связанный с национальной спецификой

ат: *атка менгәндәй булу* [Там же: 28]; *ат алгандай шатлану* [Там же: 28]; *атка атланган күк* [Там же: 28].

У татарского народа опорой и помощником в хозяйственных делах была лошадь. Во фразеосемантической подгруппе «Шатлык, бәхет» фразеологизмы с компонентом *ат* употребляются активно. Лошади удовлетворяли почти все потребности татарского народа. Татары долгое время вели кочевой образ жизни, лошадям не нужно было заготавливать корма на зиму, сооружать конюшни. Шкура животного использовалась для изготовления одежды и посуды, а мясом и питался человек. Существовала и отдельная порода татарских лошадей – низкорослая, крепкая, быстрая и неприхотливая.

Следует отметить, что в древнетюркских языках слово *канатлану* имело переносное значение «ат алу» («брать коня»), «атлы булу» («иметь лошадь»). Действительно, когда человек испытывает чувство радости, он чувствует себя окрыленным: *канатлы жайдак* [Там же: 124]; *канат жәю* [Там же: 124]; *канатланып китү* [Там же: 124]; *канат үсү канат кую* [Там же: 124].

В следующей фразеосемантической подгруппе выделяется большое количество фразеологических единиц, образованных космонимом *күк* («небо»). В эпоху родоплеменной раздробленности люди считали, что на седьмом небе обитает Верховная сила (Танри), которая символизирует небо и решает судьбы народов и стран. Существует поверье, что *капка*, *капус* («купол») открывается раз в год и человек, увидевший это, становится счастливым. Считалось, что, когда Бог открывает капус, он слышит желания людей и исполняет их: *күк капусы ачылу* [Там же: 166]; *күк кабагы (капусы) ачылган көн* [Там же: 166]; *күк капусы (ишеге) ачылу* [Там же: 166].

Еще одна группа, созданная компонентом *күк* («небо»): *жиде кат күккә менү* [Там же: 93]; *жиденче кат күккә ашу* [Там же: 93]; *түбәсе күккә тию / житү* [Там же: 254]; *түбәсе түшәмгә тию* [Там же: 254]; *башы күккә тию / күтәрелү* [Там же: 52]; *башы түбәгә тию* [Там же: 52]. Аллах сотворил небо семиэтажным. Ад находится в подземелье, а рай – на небе, имеет семь этажей, достижение седьмого этажа – это есть блаженство и добро.

Издревле, говоря о каком-нибудь счастливом человеке, татары использовали фразеологизмы: *бәхет йөзеге белән туу* («родиться в рубашке») [Там же: 54], *бәхет йөзеге белән туу* («родиться со счастливым кольцом») [Там же: 54]. Этимология фразеологизма *бәхет йөзеге белән туу* связана с пророком Сулейманом. Он правил не только всеми царями в мире, но и птицами, насекомыми, животными, ветрами, демонами и т. д. Такого безграничного могущества он достиг с помощью своего волшебного перстня. Не только он, но и обладатель этого перстня должен был быть счастливым.

Во фразеологизмах, выражающих чувство радости, часто используются соматизмы: *авыз колакка житү* [Там же: 9]; *авыз еру*

[Там же: 9]; *йөз яктыру / ачылу* [Там же: 116]; *эч катып көлү* [Там же: 314]; *аяк жиргә тимәү (аяк жиргә тияр-тимәс)* [Там же: 34]; *йөз ачылу* [Там же: 116].

Компоненты *йөрәк* ('сердце'), *күңел* ('душа') напрямую связаны с миром чувств человека и активно используются в образовании фразеологизмов во фразеосемантической подгруппе «Радость, счастье»: *күңел күтәрелү* [Там же: 169]; *күңел кинәнү* [Там же: 169]; *күңел кузгалу* [Там же: 169]; *күңел көрәю* [Там же: 169]; *йөрәк жылкенү* [Там же: 118]; *күңел канатлану* [Там же: 118] и др.

Активные компоненты фразеосемантической подгруппы «Радость, счастье»: *күк* ('небо'): *күк капусы ачылу*; *бәхет ишеге ачылу*; *жиде кат күккә менү*; *жиденче кат күккә ашу*; *түбәсе күккә тию / житү*; *түбә түшәмгә очу*; *башы күккә тию / күтәрелү*; *башы түбәгә тию*; *бәхет* ('счастье'): *бәхет йөзлегә белән туу*; *бәхет йөзегә белән туу*; соматизмы: *авыз колакка житү*; *авыз еру*; *йөз яктыру / ачылу*; *эч катып көлү*; *аяк жиргә тимәү*; *йөз ачылу*; *йөрәк* ('сердце'), *күңел* ('душа'): *күңел күтәрелү*; *күңел кинәнү*; *күңел кузгалу*; *күңел көрәю*; *йөрәк кабыну*; *йөрәк жылкенү*; *күңел канатлану* и др.

Таким образом, язык – зеркало народа, в нем отражается и его дух, и история, и суть жизни. В целях познания, изучения культуры, менталитета, обычаев, представлений о мире какого-либо народа обращаются к фразеологическим единицам. Фразеологическая единица не теряет коннотативного компонента даже при утрате внутреннего значения, то есть при немотивированном значении.

Литература

Арсентьева Е.Ф. Эмотивно-оценочный компонент коннотации фразеологизмов-эвфемизмов английского и русского языков / Е.Ф. Арсентьева, Ю.С. Арсентьева // Человек. Осведомленность. Интернет. Коммуникация. – Том I. – Варшава: Emittrade, 2017. – С. 97–103.

Изард К. Психология эмоций / К. Изард. – СПб.: Питер, 1999. – 464 с.

Ланге Н.Н. Психический мир. Избранные психологические труды / Н.Н. Ланге. – М.: Наука, 1996. – 368 с.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

Сафиуллина Ф.С. Татарча-русча фразеологик сүзлек / Ф.С. Сафиуллина. – Казан: Мәгариф, 2001. – 335 б.

**Об узбекских переводах и переводчиках творений
Габдуллы Тукая**

литература, татарская литература, поэт, узбекский язык

Имя Габдуллы Тукая – видного представителя татарской литературы, основоположника критического реализма, детской литературы, одного из создателей современного татарского литературного языка, хорошо известно и почитаемо в Узбекистане. Потому что в свое время он был талантливым и искусным поэтом, боровшимся со пережитками прошлого и фанатизмом, тормозившими прогресс, своим творчеством он продвигал идеи прогрессивного просвещения. В свое время его поэтические произведения, по духу адаптированные к народным напевам и песням, были созвучны национальному и общественному возрождению Туркестана, они были переведены на узбекский язык и в 1913 г. включены в школьные учебники. В частности, его стихотворение «Тувгон тил» было переведено Абдуллой Авлони в произведении «Туркий Гулистан», созданном в 1913 г. Переводы произведений татарского поэта представлены в таблице 1.

Таблица 1

Переводы стихотворений Габдуллы Тукая

Названия стихотворений Габдуллы Тукая	Имена переводчиков
«Текинхўрлар» («Паразитам»)	Туроб Тула
«Бир татар шоирининг дегани» («Слова татарского поэта»). «Тараддуд ва шубҳа». «Сарлавҳасиз». «Ўз-ўзимга». «Куз» («Осенние ветры»).	Рамз Бобожон
«Шоир». «Муҳаббат». «Қўш от». «Олтинга қарши». «Бир расмга». «Бўлмаса». «Қишлоқ». «Ёзги тонг хотираси». «Она тили» («Родной язык»).	Миртемир
«Насиҳат». «Севгилимнинг қабр тошига». «Куз еллари» («Осенние ветры»). «Қитъа». «Жавоб».	Мамарасул Бобоев
«Бўрон».	Шухрат
«Болаларга» («Ребенку»). «Кўнгил юлдузи».	Шукрулло
Мўъжиза	Аскад Мухтор
«Чин ва ёлғон». «Тиланчи».	Уйгун
«Байрам бугун». «Она тили» («Родной язык»). «Китоб». «Зиналар». «Бола билан капалак».	Кавсар Турдиева

Узбекский поэт Тавалло вел тесные дружеские отношения с татарским поэтом и как поэт, и как человек [Турдиев 2011: 37]. В 1913 г. поэт,

глубоко опечаленный смертью Габдуллы Тукая, писал в печати, что «его стихи принесли пользу многим людям» и что его жизнь «чрезвычайно похожа на биографию Тукая».

Под названием «Поэтическое “подражание” знаменитого поэта наших татарских братьев, покойного Габдуллы Афанди Тукая» он анонсирует свои размышления о стихотворении, которое начинается словами «Мои мысли день и ночь принадлежат тебе, мой народ».

Спустя много лет поэт Абдулла Орипов закончил строки, посвященные татарскому поэту:

*Мен демам асло сени: шўрлик Тўқай,
Дардлисан, лекин мудом нурли Тўқай,
Чунки сен озод замонни истадинг,
Мақсадинг хурлик эди, хурлик, Тўқай.
Ўзбегу тотор, қозоқ, бошқирд бўлиб,
Кўринарсан менга гоҳ турлик Тўқай.
Сен қоронғу кечалар битдинг ёниб,
Чиқди гўрға аслида зўрлик, Тўқай.
Ҳақ сўзингга миллатинг кўз тикса ҳам,
Неча зотлар қилдилар кўрлик Тўқай.
Ҳеч ажаб эрмас Сени ёд айласам,
Иккимиз ҳам бир қия, ўрлик, Тўқай.*

«Дай сюда, дай-дай» используется для дальнейшего усиления иронии, сарказма и жалости в стихотворении «Паразиты» в переводе узбекского поэта Туроба Тулы Габдуллы Тукая «Давай начнем», «билбанзай!» окказионализмы приведены в оригинале, а не переведены.

В этом стихотворении поэт обращается к жадным, аристократам, толстопузым христианам, отморозкам, людям, которые вечно рыгают оттого, что слишком много едят, которые гордятся собой, чьи внутренности наполнены маслом, а наружность которых пуста, и называет их нечестивыми, бесстыдными. Он подчеркивает, что таких людей не волнует, даже если народ умрет, лишь бы желудки у них были полны, а рты всегда открыты, как колодец.

Конец стихотворения таков: «Хватит, Габдулла, не пытайся больше писать произведения, в этом изгнании, тебя повесят, придержи язык и больше не двигайся!» Он не скрывает наказания тех, кто в его время боролся за правду. Но поэт сказал, что он так не боится:

*Нет, я писал не останавливаясь, совершенно не боясь их,
Как-то эти сердечные мелодии не дрожат до самой смерти!
Моя душа с телом как у мухи, ну если ты умрешь на этой дороге,
Вот что мне очень нравится, как светская львица!*

В стихотворении поэта «Размышления одного татарского поэта» в переводе Рамза Бободжона он подчеркнул, что татарский народ – его любимый народ. Он считал запретным испытывать страх молодому поэту, у которого в руке было перо. Использует эпические имена Хазрат Али и Ру-

стами, дастан как искусство «тальме» и говорит, что в героизме необходимо равняться на них. Призывает к добру, благодеянию, любезности. Возвеличивает дружбу. Иногда он сожалеет об этом, когда хочет писать стихи звучные, как соловей вместо того, чтобы мяукать стихи, как кошка.

В конце этого стихотворения поэт надеется, что благодать Божья позовет его сердцу исцелиться, выразив это в форме «Я не горбатый, мне не нужна могила, чтобы исцелиться» в соответствии с паремией «Горбатого могила исправит».

Габдулла Тукай думает, что он страдает от боли, когда вплетает песню «Колебания и сомнения», но он думает, что его народ получит пользу от мелодий, которые он поет.

В этом стихотворении поэт уточняет мифы об ангелах, чертях, аде, рае и ризване, сравнивая их со слугами, и прелестных гуриях в раю.

Стихотворение поэта «Самому себе» отличается своим патриотическим настроением. В этом стихотворении поэт восхваляет свой народ и пишет:

*Юракдан севаман бахтин татарнинг,
Кўрсайдим, улғайиш вақтин татарнинг.
Татар бахти учун мен жон отарман,
Мен ўзим ҳам татарман, чин татарман.*

Миртемир в своем переводе стихотворения «Пара лошадей» говорит о древней и неповторимой иронии татар. Казань упоминается с любовью, поэт определяет ее как «Край родной, не будь в обиде, край любимый». Но поэт сказал ему: «О, Казань, ты грусть и бодрость! Светозарная Казань!», апеллируя тем самым.

Среди стихотворений Габдуллы Тукая выделяется стихотворение «Против золота». Поэтому оно привлекло внимание узбекского поэта Миртемира, который перевел его на узбекский язык. В этом стихотворении золото упоминается эпитетами «пламя, поджигающее святую землю», «желтый дьявол», «желтое лицо». Золото было изобличено как развращающее людей, бешеное, вводящее в заблуждение, обманывающее светлые глаза и роющее ямы на своем пути. Везде человек является слугой этого зла, но оно призвано быть завесой истины.

На наш взгляд, такие стихотворения поэта, как «Если не», «В картине», привлекли внимание Миртемира, и он перевел их с точки зрения мифических образов всех тюркских народов, таких как Меджнун и Лейли, Адам и Ева, Хорут и Морут, бессмертный Хызыр, Ильяс.

В стихотворении «Родной язык» Габдулла Тукай употребил прилагательные «родной язык», «красивый язык», «язык моих родителей» по отношению к своему родному языку – татарскому языку. Он сказал, что благодаря этому он узнал много нового о мире, что он всегда был готов помочь, что его мать пела у его кровати и что бабушка долгими ночами рассказывала ему истории.

Кавсар Турдиева также перевела стихотворение «Родной язык» прямо с татарского языка. В его переводе используется сочетание «уважаемый язык». Более четко сказано, что мать пела колыбельную на этом языке.

Мамарасул Бобоев сосредоточился на стихах поэта, которые были созданы в более народной манере и тонах, и перевел их на узбекский язык. Среди них стихотворения «Наставление», «К надгробию моей возлюбленной», написанные в духе народных поминальных стихотворений.

В стихотворении «Осенний ветер», переведенном Мамарасулом Бобоевым, приводятся имена Азраила – ангела смерти, пророка Авраама и его сына Исмaила.

В стихотворении поэта «Ответ» русские поэты Лермонтов и Пушкин описываются как величайшее чистое море, величественные Пушкин и Лермонтов, Тукай – три звезды. Всю свою жизнь он проклинал собак, которые лаяли на три звезды на небе.

В поэме «Буря» упоминается мифопоэтоним «Гора Каф», широко используемый в турецкой мифологии.

Аналогично в стихотворении «Дети» в переводе Шухрата говорится, что в таких мифах, как джинны, аджина, шуралы, алвасти, в частности, нет черного леса, хранящего шурале, и чтобы понять его, нужно прочитать его.

В стихотворении «Чудо» в переводе Аскада Мухтара, если скажут, что после смерти Пророка Мухаммеда не будет чудес, ни расколота луна, ни один черный камень не родит верблюда, не верьте этому, это ложь. «Я сегодня сам это видел, должно быть, в наше время происходит чудо», – говорит Габдулла Тукай.

«Правда и ложь» в переводе Уйгуна имеет свою выразительность, поскольку построено на контрасте. В стихотворении «Нищий» с сожалением отмечается, что, когда есть деньги, все друзья повсюду, а когда запах денег не выходит, все тебя сторонятся.

Детский поэт Кавсар Турдиева, переводя стихотворение поэта «Книга», намеревалась донести до детей фразу «Мои надежды ведут меня в будущее».

Несомненно, что стихотворение «Лестница» оказывает на детей воспитательное воздействие в плане воспитания скромности. В ней несколько ступеней, и, хотя все они необходимы и равны, говорят, что верхняя ступень смотрит на нижнюю сверху вниз, особенно самая высокая ступень гордится и говорит: «Я вверху, ты внизу», и это несчастье. Затем подходит человек и поворачивает лестницу так, что нижняя ступенька поднимается вверх, а верхняя опускается.

В заключение можно сделать вывод, что Габдулла Тукай – любимый поэт всех тюркоязычных народов. Узбекский народ всегда чтит его творчество. В знак высокого уважения к татарскому поэту именем Габдуллы Тукая были названы улицы в Ташкенте и Бухаре. На узбекский язык переведены многие художественные произведения поэта.

Литература

Нуруллин И.З. Тукай / И.З. Нуруллин; авториз. пер. с тат. Р. Фиша. – М.: Молодая гвардия, 1977. – 240 с.

Турдиев Ш. Абдулла Тўқай ва ўзбек адабиёти / Ш. Турдиев // Жаҳон адабиёти. – 2011 – № 4. – Б. 36–39.

Тўқай А. Танланган асарлар / А. Тўқай. – Ташкент: Ўздабийнашр, 1961. – 125 б.

Хусаинова Ляйля Мидхатовна
Кутлугалямов Рушан Каримович
Башкирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы
УДК 811.512.1

Парные слова современного башкирского языка и проблема их перевода на русский язык

башкирский язык, терминология, перевод, словари

Дериватология (*дериват* от лат. *derivatus* 'отведенный' – производное слово) как научная дисциплина получила интенсивное развитие в отечественном языкознании, в том числе и в тюркологии, в 50-е гг. XX в. Всестороннее исследование вопросов словообразования в тюркских языках в целом проводилось Н.А. Баскаковым, Э.В. Севортяном, А.Н. Кононовым, А.Н. Щербаком, А.А. Юлдашбаевым, Ф.А. Ганиевым и др. Существенный вклад в изучение вопросов словообразования внесли башкирские ученые-языковеды Н.К. Дмитриев, Дж.Г. Киекбаев, Т.М. Гарипов, З.Г. Ураксин, М.В. Зайнуллин, Н.Х. Ишбулатов, М.Х. Ахтямов, К.Г. Ишбаев. Профессором М.Х. Ахтямовым составлен «Словарь морфем (значимых частей слов) башкирского языка» [Ахтямов 1992].

Вместе с тем отдельные аспекты башкирского словообразования продолжают оставаться недостаточно разработанными. К наиболее актуальным проблемам можно отнести комплексное исследование парных слов башкирского языка, в частности рассмотрение структурных моделей общественно-политических терминов, а также проблему их перевода на русский язык. Необходимость изучения таких единиц языка заключается еще и в том, что после принятия в 1999 г. Закона РБ «О языках народов РБ» и приобретения башкирским и русским языками статуса государственного на всей территории республики расширились функции башкирского языка в различных сферах. Согласно ст.14.1. этого закона «На территории РБ официальное делопроизводство в государственных органах, организациях ведется на государственных языках РБ», ст.14.2. «Тексты документов, а также бланков, печатей, штампов, штемпелей и вывесок с наименованиями государственных органов, организаций оформляются на государственных языках РБ» [Башкирско-русский 1996]. С этой точки зрения лингвистическое исследование парных слов современного башкирского языка представляется весьма актуальным.

Объект исследования – общественно-политические термины современного башкирского языка, образованные путем спаривания двух или более основ. В настоящей работе проанализированы лексические единицы, зафиксированные в «Башкирско-русском словаре юридических

терминов» [Башкирско-русский 1996] и «Русско-башкирском словаре общественно-политических терминов» [Русско-башкирский 2001].

Основной целью настоящей статьи является исследование лингвистической природы и структуры общественно-политических терминов современного башкирского языка для выявления особенностей перевода этих единиц на русский язык. Для достижения указанной цели предполагается решение следующих задач:

- дать структурно-семантическую классификацию общественно-политических терминов современного башкирского языка;
- установить ведущие типы моделей словообразования в данной тематической группы, выявить универсалии и частные подсистемы;
- рассмотреть вопросы, касающиеся перевода общественно-политических терминов современного башкирского языка на русский язык.

В процессе осуществления поставленных задач мы оперировали наиболее приемлемыми для нашего исследования методами и приемами: дескриптивным (описательным), статистическим, структурно-словообразовательным, лексико-семантическим, формантным.

Научная новизна работы заключена в самом объекте исследования. Впервые рассматривается определенная часть общественно-политических терминов современного башкирского языка с лингвистической точки зрения: выделяются основные структурно-семантические типы, выявляются универсалии и частные явления, затрагивается проблема перевода.

Теоретическая значимость исследования обусловливается научной новизной работы. Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы при составлении двуязычных словарей и справочников.

Структурно-семантическая классификация общественно-политических терминов современного башкирского языка следует начать с интерпретации термина «парные слова», рассматривая морфематические структуры лексем. В процессе спаривания основ производящие основы не полностью соединяются друг с другом, а лишь примыкают друг к другу, ставятся рядом: в результате появляются парные слова, выражающие одно понятие [Ишбаев 2000]. В башкирской терминологии общественно-политические термины, образованные путем спаривания основ, рассматриваются как монологемы [Каһарманов 2002]. Анализ показал, что в современном башкирском языке они представлены в следующих морфематических структурах: корневые (*ата-әсә* / родители, *исәп-хисәп* / расчет), производные (*ирле-катынлы* / супруги, *керем-сығым* / приход и расход). Компоненты парных слов по своей семантике находятся между собой в синонимических (*нәсел-ырыу* / родственники, *тауыш-ғауға* / шум, скандал), антонимических отношениях (*килдә-китте* / несуразно). Некоторые сложные слова в своем составе сохранили устаревшие варианты соседнего компонента, которые в современном языке самостоятельно не употребляются (*карт-коро* / старики и старухи, *нәсел-нәсәп* / родственники,

азык-түлек / продовольствие). Следует отметить, что с помощью спаривания основ образованы в основном имена существительные (сущ+сущ: *уй-фекер* / дума, мысль, *мал-мөлкәт* / имущество, *белем-ғилем* / знания, наука) и имена прилагательные (прил+прил: *ижтимағи-сәйәси* / общественно-политический, *аслы-туклы* / полуголодный). К числу компонентов, регулярно повторяющихся в создании общественно-политических терминов современного башкирского языка, можно отнести исконно башкирские (*ара* / промежуток, *ни* / что), арабские (*ғәләмәт* / признак, *фәлән* / кое-что, кое-кто), греческие слова (альфа, гамма).

Особо остро стоит проблема перевода общественно-политических терминов современного башкирского языка на русский язык. Здесь на примере вышеназванных словарей рассматриваются принципы передачи данных единиц на русском языке. Анализ показал, что принадлежность этих терминов к той или иной части речи в обоих языках совпадают (*катын-кыз* / женщина – сущ., *касып-боҫоп* / скрытно – наречие, *бәрел-һуғыл* / кидаться туда-сюда – глагол, *ул-был* / то-се – местоим., *фәнни-техник* / научно-технический – прилаг.). При переводе парных слов с башкирского на русский в большей степени им соответствуют простые производные основы (*күз-баш* – голова, *кәңәш-тәңәш* – совет). Есть варианты, когда эквивалентом выступает простое производное или сложное слово (*карындаш-ырыу* – родственники, *йорт-йыһаз* – домашнее имущество, *мин-минлек* – самомнение). В некоторых случаях парное слово переводится в виде словосочетания (*корал-корамал* – всякие инструменты, *мин-минләнеү* – проявлять зазнайство). Практика показывает, что во многих случаях переводятся тексты с русского языка на башкирский, и часто вместо парного слова эквивалентом выступают простые слова (*знакомые* – *таныштар*, *родственники* – *туғандар*). Возможно поэтому в «Русско-башкирском словаре общественно-политических терминов» парные слова представлены в малом количестве (*беднота* – *ярлы-лар* вместо *ярлы-ябаға*). На наш взгляд, парные слова в большей степени отражают смысл сказанного и должны употребляться шире. В противном случае замена таких единиц корневыми приведет к утрате определенного количества лексем башкирского языка.

В результате исследования общественно-политических терминов современного башкирского языка мы пришли к выводу, что есть необходимость составления отдельных кратких словарей-справочников парных слов по разным отраслям знаний с целью сохранения богатства языка и национального колорита.

Литература

Ахтямов М.Х. Словарь морфем (значимых частей слов) башкирского языка / М.Х. Ахтямов. – Уфа, 1992. – 270 с.

Башкирско-русский словарь юридических терминов. – Уфа, 1996. – 202 с.

Закон РБ «О языках народов РБ». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/935103425> (дата обращения: 25.11.2023).

Ишбаев К.Г. Башкирский язык. Морфемика. Словообразование / К.Г. Ишбаев. – Уфа, 2000. – 77 с.

Русско-башкирский словарь общественно-политических терминов. – Уфа, 2001. – 250 с.

Каһарманов Ғ.Ғ. Башкорт терминологияһы. Тарихи-лингвистик тасуирлау тәҗрибәһе / Ғ.Ғ. Каһарманов. – Өфө, 2002. – 137 б.

Ягмурова Мехри Сердаровна
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Язмурадов Агамамед Пащакулиевич
Туркменский государственный педагогический институт
имени Сейитназара Сейди
УДК 811.512.164; 81`373.23

Семантический аспект лексико-тематической классификации туркменских личных имен

*семантическая мотивация, тематические группы,
имена-посвящения, имена-описания, имена-пожелания,
туркменские личные имена*

Личное имя указывает на социокультурные ценности окружающего мира. Люди выбирают имена на основе психологических мотивов именования.

Словари тюркских собственных имен изменялись под влиянием ряда факторов, а именно исторических и социокультурных, однако они сохранили традиции системы именования. Без сомнения, в тюркской культуре установки родителей проявлялись в интенциональных именах. Им придавалось большое значение и символический смысл. В настоящее время проведено много исследований, посвященных происхождению и семантике тюркских имен. В изучение тюркской антропоники определен вклад внесли С. Атаниязов, Н.А. Баскаков, А.Г. Гафуров, Т.Ж. Жанузаков, З.Б. Мухамедова, В.А. Никонов, А.В. Суперанская, Г.В. Юсупов и другие.

Лексико-тематическая классификация туркменских имен может быть основана на различных семантических аспектах, таких как исторические, культурные, религиозные, семейные или социальные контексты. Они также могут быть связаны с религиозными темами, включая имена, связанные с мусульманской традицией [Anpagulyjow 1966]. Кроме того, туркменские имена могут иметь семейные или социальные коннотации, отражающие ценности, связанные с семьей, преданные отношения или высокий статус в обществе. Классификация туркменских имен семантическим аспектом помогает понять их значения и связи с традициями и историей туркменского народа.

В результате анализа научной литературы в настоящей работе можно выявить некоторые основы семантической мотивации в рамках лексико-семантической классификации личных имен тюркского происхождения. С учетом опыта других исследователей (А.Г. Шайхулов, Г.Р. Галиуллина и др.) туркменские имена рассматриваются нами в рамках трех лексико-тематических групп:

- 1) «дескриптивные» имена;
- 2) «дезидеративные» имена;

3) «меморативные» имена.

Следуя теории Г.Р. Галиуллиной, мы также попытались разделить туркменские личные имена на данные лексико-тематические группы и подгруппы [Галиуллина 2000: 29], представленные ниже.

1. «Дескриптивные» или описательные имена можно разделить на такие подгруппы, как:

- имена, отображающие внешние особенности или физические недостатки ребенка: **Наргулы**, **Наргуль** (от слова **нар** 'гранат'), **Халлы**, **Халлыгозель** (от слова **хал** 'родинка'), **Менгли** (от слова **менг** 'родинка'), **Артык**, **Артыкгуль** (от слова **артык** 'излишек'), **Гара**, **Гарагельды** (от слова **гара** 'черный'), **Сачлы** 'густоволосый';

- имена, подтверждающие обстоятельства рождения ребенка (день, место и месяц рождения) [Ономастика 1978]: **Ашир**, **Сапар**, **Мерет**, **Ремезан**, **Гурбан** (названия месяцев по лунному мусульманскому календарю), **Аннамерет**, **Аннагурбан** (образованы от названия дня и месяца), **Барс** 'барс', **Товшан** 'заяц', **Окуз** 'бык' (имена, которые образовались от названий лет 12-летнего цикла восточного календаря);

- имена, которые указывают на события, происходящие во время рождения ребенка: **Байрам** 'праздник', **Сахатбике** 'госпожа, родившаяся в благополучный день', **Тойлы** 'с торжеством' [Мухаммедова 1957].

2. «Дезидеративные», или имена-пожелания:

- имена, в основе которых лежит идея различных пожеланий: **Кемал** 'совершенный', **Байгельди** 'богатый пришел', **Довлет** 'богатство, государство', **Парахат** 'мирный', **Гайдусыз** 'бесстрашный', **Батыр** 'смелый', **Пялван** 'силач' [Атаниязов 1992].

3. «Меморативные», или памятные, имена, которые связывают человека с отраженным в его имени:

- историческим лицом: **Огузхан**, **Гёроглы**, **Генжим**, **Кеймир** [Гафуров 1987];

- памятью близких родственников: **Овезмурат**, **Овезгельды**, **Овездурды** (когда умирал предыдущий ребенок, новорожденному давали имя **Овез**, которое выражало сострадание и сочувствие) или же **Гайып** (от слова **гайып** 'пропавший').

Имя несет глубокую смысловую нагрузку. Туркменский народ верит в то, что имя, полученное при рождении, может влиять на будущее человека, а также на его жизненные приоритеты и духовные ценности.

В заключение отметим, что проведенная лексико-тематическая классификация туркменских личных имен, рассмотренная в составе дескриптивных, дезидеративных и меморативных имен, показывает, что туркменская антропонимическая система отражает уникальные особенности жизнепонимания окружающей реальности, которая уточняет определенные периоды социальной жизни и духовной культуры туркменского народа.

Литература

Атаниязов С. Толковый словарь личных имен / С. Атаниязов. – Ашхабад: Ылым, 1992. – 265 с.

Галиуллина Г.Р. Личные имена татар в XX веке / Г.Р. Галиуллина. – Казань: Матбугат йорты, 2000. – 112 с.

Гафуров А. Имя и история / А. Гафуров. – М.: Наука, 1987. – 215 с.

Мухаммедова З.Б. К вопросу о личной ономастике у туркмен / З.Б. Мухаммедова. – Ашхабад: Ылым, 1957. – 125 с.

Ономастика Средней Азии: сборник статей / Под ред. В.А. Никонова, А.М. Решетова. – М.: Наука, 1978. – 227 с.

Annagylyjow Ş. Türkmenlerde at dakylyşy / Ş. Annagylyjow. – Aşgabat: Ýlym, 1966. – 67 s.

Вөгазь текстларының синтаксик структурасы

*проповедь, синтаксис, предложение, текст, татарский язык,
прямая речь*

XVIII гасырның икенче яртысы – XIX гасырларда Россиянең Европа өлешендәге мәчетләрендә һәм Себердә хөтбә, традицион рәвештә, гарәп телендә укыла. 1898 нче елның 25 нче августында мөфти М. Солтановның шәһәр имамнарына мөрәҗғәтендә, башка проблемалар белән беррәттән, вөгазьләргә халыкның туган телдә уку мәсьәләсен дә күтәрәп чыгуы бу юнәлештә үзгәрешләр башлануга этәргеч бирә [Загидуллин 2016]. Билгеле, бу яңалык зур тизлек белән практик яктан тормышка ашырыла башлый дип әйтеп булмый. Халыкка вөгазьләргә, аерым алганда, хөтбәләргә татарча уку өлгеге чорда шактый бөхәслә мәсьәләләрнең берсе булып тора [Бубый 1908].

Бүгенге көндә татар телендә сөйләнүче вөгазьләр, өлгегә өлкәдә тупланган тәҗрибә, фактик материал шактый. Һәм бу вөгазь текстларына лексик-грамматик, синтаксик планда анализ ясап, өлгегә стильгә хас төп үзенчәлекләргә ачыкларга, шулар нигезендә билгеле бер нәтиҗәләр ясарга мөмкинлек бирә.

Вөгазьләр – аудиториягә (тыңлаучыларга) юнәлдерелгән чыгыш текстлары. Шуңа бәйле рәвештә, аларга билгеле бер риторик таләпләр куелып, өлгегә таләпләр, үз чиратында, вөгазьнең идея-эчтәлегенә, корылышына, стилиенә һәм яңгырашына тәэсир итәләр. Этос, пафос, логос кебек төшенчәләр вөгазь текстлары өчен дә ят түгел.

Структур яктан вөгазь башка чыгыш текстлары кебек үк кереш, төп һәм йомгаклау өлешләреннән гыйбарәт. Аларга да текстка карата булган гомуми таләпләр куела. Болар – логик эзлеклелек, композицион, коммуникатив бөтенлек. Шулай ук «хәбәрлек һәм модалылек» тә [Татар грамматикасы 2017: 15] вөгазь текстлары өчен чит түгел. Әмма болардан тыш, аларны башкалардан аерып торучы элементлар да бар. Өлгегә төр текстларга үз стилие, композицион калыбы һәм структурасы хас. Кереш өлештә, гадәттә, чыгышның иң башында урын алучы салават-сәламләүләр, текстта һичшиксез урын алырга тиешле чакыру-өндәүләр төзелеш-корылыш жәһәтеннән аларны башкалардан аерып тора. Мисал өчен, «Галәмнәрнең Тәрбиячесе булган Раббыбыз Аллаһы Сөбеханәһу вә Тәгаләгә хәмед-сәналәребез булсын, жир йөзенә рәхмәт өчен җибәрелгән пәйгамбәребез Мөхәммәд салләллаһу галәйһи вә сәлләмгә күңел түрләребездән чыккан салават-шәрифләребез ирешсә иде.

Әссәләмү галәйкүм, хөрмәтле мәселман кардәшләрем!» [Фазлыев 2022: 30].

Вәгазь текстларында игътибарны беренче чиратта җәлеп иткән күренеш – цитаталар. Бу турыдан-туры дәлилләү белән бәйле, чөнки вәгазь текстында яңгыраган фикер, тезис Коръәннән, ышанычлы хәдисләрдән һ.б. китерелгән дәлилләр ярдәмендә расланырга, ныгытылырга тиеш. Шулар арасында Коръәннән алынган өзекләр – иң көчле дәлилләрдән санала һәм алар һәр вәгазь текстында урын ала.

Сөйләмнең бирелеш формасы ягыннан караганда, вәгазь текстларында туры сөйләмнең аеруча актив булуы күзгә ташлана: «Тагын бер хәдисне искә төшерик, анда: «Адәм балаларының күбесе үзләренә бирелгән ике нигъмәтне аңламыйлар, алданалар. Бу нигъмәтнең берсе – сәламәтлек, икенчесе – буш вакыт», – диелгән. Расүлебез Мөхәммәд салләллаһу галәйһи вә сәлләм: «Адәм баласы сәламәтлегенең дә, үзенең таза вакытта эшләгән вакытының да кадерен белми», — дигән» [Фазлыев 2022: 31]. Төзелеш ягыннан кыёк сөйләмгә караганда катлаулырак булса да, ул тәәсирлерәк яңгырый, аның дәлил буларак, ышандыру көче дә зуррак. Икенче яктан, туры сөйләмнең бик актив кулланылуы Коръәннән, хәдисләрдән алынган текстны оригиналдыгыча бирү таләбе белән дә бәйле.

Вәгазь текстларында еш кына төрле стильләр һәм жанрлар керешеп-үрелеп килә. Текст кысаларына кертөп җибөрөлгән өзекләр, цитаталарның үз стиле бар. Аларны каймалап алган автор хикәяләвенең үз үзенчәлекләре, үз калыбы була. Кайбер вәгазьчеләрнең текстларында аерым-ачык сөйләмә стиль, икенчеләрәндә китап стиле өстенлек ала. Гомумән, вәгазь текстының синтаксик структурасына анда күтөрөлгән тема, идея һәм проблема гына түгел, вәгазь сөйләүченең сөйләм стиле дә йогынты ясый. Бер төркем вәгазьчеләрдә структур яктан гади җөмлөләр өстенлек итсә (монда сөйләм стилинең дә тәәсире зур, чөнки сөйләм телендә кыска һәм җыйнак җөмлөләр белән сөйләшү отышлырак, тыңлаучыга да кыска җөмлөләр белән әйтелгән фикер яхшырак барып җитә), икенче төркем авторлар вәгазьләрендә катлаулы кушма җөмлөләрне актив куллалана. Мисал өчен, иярченле кушма җөмлөләр арасында сәбәп, максат, вакыт, шарт җөмлөләр аеруча актив: «Ягъни, бала бу дөньяга килгәнче, без баланы ничек тәрбияләвебез турында уйларга, фикерләргә тиеш» [Хәйруллин 2022: 87]. «Ата-ана әхлаксыз, тәрбиясез булса, бала да шундый булыр» [Хәйруллин 2022: 88].

Вәгазьләрдә боерык, өндәү, теләк мәгънәсендәге җөмлөләр дә активлык күрсәтәләр. Бу турыдан-туры вәгазь стиле белән бәйле: «Аллаһының рәхмәте белән гаилә коргач, Аллаһы Тәгалә тәкъдире белән һәрбер гаиләдә тәүфыйклы, иманлы, озын гомерле, мул ризыклы балалар булсын иде. Бала бу дөньяга аваз салганчы әти-әни өстендә нинди вазифалар тора соң? Беренчедән, ике яктан кодалар һәм яшьләр бергә утырып, бөтен гаилә мәсьәләләрен уртага салып сөйләшсәннәр иде» [Хәйруллин 2022: 88].

Әлеге төр текстлар турыдан-туры тыңлаучыга, аудиториягә юнәлтелгән булу сәбәпле, вәгазьләрдә кереш сүзләр, риторик мөрәжәгатьләр еш кулланыла: «Кызганычка, су, туфрак һәм һаваның ни дәрәжәдә пычранганын без аңларлык халәттә түгел. Әлбәттә, бәлки болар хакында бу дөньяда сорау алынмас, әмма Ахирәттә барысы өчен дә җавап бирәсебез булачак, чөнки без булганның кадерен белмичә, табигать дигән нигъмәткә салкын карыйбыз. Сүз дә юк, һәркем агач утырту кебек гамәлләрне башкара алмаска мөмкин, әмма безгә кечкенә генә булып тоелган кайбер гамәлләрнең дә Аллаһы каршында олуг булуын беләбез» [Юлдашев 2023, 37: 39–40]. «Мөгаен, һәрбер кешенең дә авыр вакытта бары туганнар ына ярдәм иткәнәнә, хастаханәгә хәлне белергә килгәнәнә, туганының өстендә булган бурычларын түләгәнәнә инанганы бардыр» [Җиһаншин 2022: 44]. Алар бер яктан, вәгазьләрнең хис катламын көчәйтсәләр, икенче яктан әһәмиятле риторик чара булып торалар.

Югарыда әйтелгәннәрдән тыш, вәгазь текстлары өчен поэтик сурәтләр, стилистик фигуралар булу да ят күренеш түгел. Вәгазь текстларында аеруча киң таралган тел-сурәтләр чараларынан антитезаны күрсәтергә мөмкин. Аерым жөмләр дә, текстның абзацлары да бер-берсенә антонимик мөнәсәбәттә торырга мөмкин: «Аларның иң хәерлесе – «ләә иләәһә илләллаһ» сүзләре, ә иң түбәнә – юлдан кешеләргә комачау итә торган нәрсәләргә алып кую» [Юлдашев 2023, 37: 41].

Хис-кичерешне арттыру максатында вәгазьләрдә сүзләр, сүзтезмә һәм фразалар, жөмләрнең аерым бер өлешләре кабатланып килә ала. Кабатлаулар градациядә киң кулланыла: «Бер кеше Пәйгамбәребез салләллаһу галәйһи вә сәлләмнән: «Йә, Расүлуллаһ, мин кемгә иң олы хөрмәтне күрсәтергә тиеш?» – дип сораган. Пәйгамбәребез: «Үзеңнең әниңә», – дип әйткән. Бу кеше: «Ә аннары кемгә?» – дигән. Расүлебиз: «Әниңә», – дигән. Әлеге кеше янәдән: «Ә аннары кемгә, йә Расүлуллаһ?» – дип сораган. Пәйгамбәребез салләллаһу галәйһи вә сәлләм кабат: «Әниңә», – дип җавап биргән. Моннан соң сорау бирүче кеше тагын бер тапкыр: «Ә аннары кемгә?» – дип сорагач, Пәйгамбәребез салләллаһу галәйһи вә сәлләм: «Аннары әтиңә, ә аннан соң кардәшлекләре дәрәжәсе буенча туганнарыңа», – дип әйткән [Җиһаншин 2022: 42–43]. Кеше үзенә тиң парын – кыз бала ирен сайлаганда, булачак балаларның атасын, оныкларының бабасын сайлый. Егетләр үзләренә хатын сайлаганда, булачак улларының, кызларының әнисен, оныкларының әбисен сайлый [Хәйруллин 2022: 88]. Вәгазьләрдә чагылыш тапкан төп фикерләр “тезис-аргументация” формасында бирелә. Башта тезис бирелә һәм аннан соң әлеге тезисны раслаучы дәлил китерелә. Мисал өчен, «Садака – авыруларның дөвасы. Сөекле Расүли Әкрам болай дип әйткән: «Байлыгыгызны зәкят белән пакьләгез, авыруларны садака белән дөвалагыз» [Сәүбәнов 2021: 88–89].

Текстның идея-проблемасына бәйле төп нәтижәләр йомгаклау өлешендә урын ала. Ул, үз чиратында, өндәү-теләкләр белән гармоник рәвештә кушылып-үрелеп килә: «Аллаһы Тәгалә барыбызга да динебезне дәрәс аңлап, якыннарыбызга нәсыйхәтләр әйтеп, аларның дингә килүенә сәбәпче булырга насыйп итсә иде, кылган гамәлләребез ихластан һәм дәрәс булып, ата-аналарыбыз каршындагы бурычларыбызны үтәп, ризалыкларына ирешә алсак иде» [Юлдашев 2023: 84].

Гомумән, вәгазь текстлары лексик һәм грамматик, стилистик планда өйрәнү өчен гаять кызыклы материал булып тора. Туры сөйләмнең бик күп формалары, катлаулы структуралы цитаталар, тезислар һәм аргументация бирелешә дә аерым тикшерү-анализлауны таләп итә. Бу өлкә, һичшиксез, тирән һәм системалы эзләнүләр көтеп калучы яңа бер юнәлеш булып тора.

Литература

Бубый Г. Татарча хәтбә уку дәрәсеме? / Г. Бубый. – Казань: Электро-типографий «Урнәк», 1908. – 35 с.

Җиһаншин И. Туганлыкны саклау гомерне озынайта / И. Җиһаншин // Шура. – 2022. – № 37. – 42–46 б.

Сәүбәнов И. Садакалы һәр көн... / И. Сәүбанов // Шура. – 2021. – № 3. – 88–91 б.

Татар грамматикасы: өч томда / проект җит. һәм автор М.З. Зәкиев. – Тулыландырылган 2 нче басма. – Казан: ТӘҺСИ, 2017. – III т. – 536 б.

Фазлыев Ж. Сәламәтлек – Аллаһы бүләге / Ж. Фазлыев // Шура. – 2022. – № 38. – 30–33 б.

Хәйруллин Р. Тәрбиялә ата һәм ана / Р. Хәйруллин // Шура. – 2022. – № 37. – 87–90 б.

Юлдашев Т. Табигатьне саклау – һәр кешенең бурычы / Т. Юлдашев // Шура. – 2023. – № 37. – 38–41 б.

Юлдашев Т. Олыларны хөрмәт итү / Т. Юлдашев // Шура. – 2023. – № 41. – 78–84 б.

Загидуллин И.К. Проповедь на татарском: как муллы выбирали между языком Корана и Тукая / И.К. Загидуллин. – URL: <https://realnoevremya.ru/articles/41022> (дата обращения: 01.09.2023).

**Мәктәпкәчә яшьтәге балаларның бәйләнешле сөйләм телен
үстерүдә заманча алымнар**

*мәктәпкәчә тәрбия, Яңартылган Федераль дәүләт белем бирү
стандартлары, коммуникатив метод, заманча дәрес,
бәйләнешле сөйләм*

Бүгенге көндә Яңартылган Федераль дәүләт белем бирү стандартлары укытучылар һәм тәрбиячеләр алдына яңа бурычлар куйды. Әлеге стандартлар гадәти дәресләр, тәрбия чаралары белән генә чикләнеп калмыйча, яңача эш итүне таләп итә. Балаларга белем бирү генә түгел, ә аларны белем алырга, алган белемнәрен тормышта кулланырга өйрәтүне төп максат итеп куя. Бу исә бездән, укытучылардан, тәрбияче-педагоглардан, белем бирүнең яңа алымнарын һәм методларын кулланып эш итүне, бүгенге көн таләпләренә җавап биргән дәресләр оештыруны таләп итә.

Заманча дәрес оештыруга нинди таләпләр куела соң?

• дәреснең коммуникатив юнәлешен көчәйтү ягъни төрле ситуацияләрдә яшәтешләре һәм өлкәннәр белән аралашуга әзерлек формалаштыру;

- дәреснең мәгълүмати өлешен арттыру;
- укучыларның уку нәтижеләрен бәяләүдә яңа ысуллар кертү;
- дәреснең технологик өлешен көчәйтү;
- практик күнекмәләр булдыруга юнәлеш бирү;
- балаларның мөстәкыйль эшчәнлеген активлаштыру.

Татар телен аралашу дәрәжәсендә яхшы белү – бүгенге көн ихтыяҗы: бу мәктәпкәчә яшьтәге балаларның интеллектауль, әхлакый яктан камилләшүе өчен дә кирәк. Әлеге юнәлештә заманча дәресләрдә файдаланырга мөмкин булган махсус методик кулланмалар, укыту методик комплектлары төзелә. Бүгенге көндә тәрбиячеләр, ата-аналар өчен хрестоматияләр, әдәби әсәрләр җыентыклары, мәктәпкәчә яшьтәге һәм кече яшьтәге балалар өчен эш дәфтәрләре, татар телендә мультимедиа ресурслары, мультипликацион фильмнар видео, аудио материаллар, анимацион сюжетлар, тренажер биремнәр, демонстрация-тарату материаллары һәм диагностикалар туплана.

Балалар эшчәнлеген комплекслы-тематик принципка нигезләнеп оештыру уңышлы.

Бәйләнешле сөйләмгә өйрәткәндә, диалогик һәм монологик сөйләм телен үстерү, үз фикерен формалаштырып әйтә белү, матур әдәбият һәм халык иҗаты белән таныштыру белән беррәттән, авазларны дәрес әйтү,

сүз байлыгын үстерү, сөйләмнең грамматик төзелешен өйрәнү, ижади сәләтләрен үстерү бурычлары куела.

Балада ватанпәрвәрлек тәрбияләү, актив тормыш рәвеше алып бару, төрле мәсьәләләрне чишкәндә ижади якин килү, гореф-гадәтләргә, буыннан-буынга күчеп килгән рухи кыйммәтләргә хөрмәт белән карау кебек сыйфатларга зур игътибар бирелә. Аңлашыла ки, заманча методик алымнарда үз-үзеңне тотаткан белү, дуслык, бердәмлек, толерантлык сыйфатларын ныгыту, куркынычсызлык сыйфатлары тәрбияләү кебек төшенчәләр дә зур урын алып тора.

Дәресләрдә мәгълүмати-коммуникатив технологияләр куллану – татар теленә җәлеп итүнең иң отышлы, яхшы юлы дип саныйбыз..

Танып-белү хикәяләре, әкиятләр, табышмаклар, шуларга бәйле махсус эшләнгән уен формасындагы биремнәр яңа мәгълүматны истә калдыру һәм җиткерүдә балаларның мөмкинлекләрен арттыра.

Эшчәнлек матур әдәбият әсәрләрен уку, эчтәлеген сөйләү, ятлау; әңгәмә үткөрү, сәхнәләштерү, рәсемнәр, картиналар карау, алар буенча хикәя төзү, хәрәкәтле, дидактик уеннар, мини-викториналар, тәҗрибә үткөрү; тасвирлау, хикәя төзү, хикәяне дәвам итеп сөйләү; яшь үзенчәлекләрен искә алып сайланган шигырьләр, хикәяләр, әкиятләр белән танышу кебек эш формаларын күздә тотат.

Өлгә биремнәр ярдәмендә балалар тыңлап аңлау, үзләренә якин темага өйрәнгән сүзләрен кулланып, аралашу күнекмәләрен булдыра.

Татар халык иҗаты үрнәкләре белән беррәттән рус, башкорт, чуваш, удмурт, инглиз, алман һ.б.халыкларның әкиятләре мәкаль-әйтемләр, сынамышлары, табышмаклары – балаларның сөйләмен баетуда, зирәклеке-тапкырлыгын, ижади фикерләү сәләтләрен үстерүгә ярдәм итә. Бәйләнешле сөйләм үстерүдә без бу юнәлешкә аерым игътибар итәбез. Күпмәдәниятле белем бирү шартларында татар теленә тәрҗемә ителгән әдәби әсәрләренә тәҗдид итү башка халыкларның мәдәниятенә якынайта ала дип уйлыйбыз.

Әдәби әсәрләр аша диалогик сөйләмне үстерүгә игътибар юнәлтәп, балалар белән аның геройлары, эчтәлегә һәм эчтәлеккә бәйле рәвештә баланың үз дөньясы, тирәлеге, карашлары турында сөйләшеп алырга мөмкин. Моның өчен кулланмада коммуникатив сораулар, биремнәр тәҗдид ителә. Сорауларга җавап биргәндә, бала үз фикерләрен әйтсә, нәтиҗәләр ясарга өйрәнә, сөйләм телен үстерә.

Мәктәпкәчә яшәткән балаларга эстетик тәрбия бирүдә һәм әхлак сыйфатлары тәрбияләүдә шигъриятнең роле чиксез зур. Шуңа күрә кайбер шигърьләрен яттан сәнгатьле итеп сөйләргә өйрәнү авазларны дөрес әйтүдә, бәйләнешле сөйләм теле, сәнгатьле сөйләү күнекмәләрен булдыруда һәм хәтерне үстерүдә әһәмияте зур.

Сөйләм телен үстерүнең нәтиҗәле эш төрләренең берсе – уен. Балалар бакчасында белем бирүнең федераль дөүләт стандартларында да нәкъ менә уен эшчәнлегенә басым ясалса, чөнки бу алым телне өйрәнгәндә иң нәтиҗәле ысул булып тора.

Белгәнебезчә, дәресне уен формасында үткәргәндә, уен элементларын керткәндә, материал жиңелрәк үзләштерелә. Балаларның рухи яктан бай, физик яктан сау-сәламәт булып үсүендә уеннарның әһәмияте бик зур. Уеннар аша балаларның фикерләү сәләтләре үсә, дөньяны танып белергә өйрәнүләре арта, сәламәтлекләре ныгый. Иң мөһиме – уеннар вакытында бала 'ачылып китә', күмәк эчендә үз урынын таба һәм үзен коллективның аерылгысыз бер өлеше итеп хис итә.

Безнеңчә, Мәктәпкәчә яшьтәге балалар белән эшләгәндә, заманча уеннар белән бергә хәрәкәтле халык уеннарын файдаланырга мөмкин.. Халкыбызның горел-гадәтләре, йолалары, тормыш-көнкүрешә чагылыш тапкан бу уеннар балаларда житезлек, тапкырлык, ярдәмләшү, сабырлык кебек күркәм сыйфатлар тәрбияләргә булыша. Сөйләм үстерү шөгыльләрендә хәрәкәтле уеннардан «Кул чабу», «Кыш бабай», аз хәрәкәтле уеннардан «Болай ярый, болай ярамый», «Тынлык уены», «Очты, очты», «Сәгать», «Без-без идек», жырлы-биюле уеннардан «Үрмәкүч», «Кунаклар», «Коймаклар», «Нардуган», «Габдулла», «Утыр, утыр, Мәликә», «Капкалы» кебек татар халык уеннарын тәкъдим итәргә мөмкин.

Әлеге бурыч-максатлар төрле формада: уен рәвешендә, коммуникатив, танып-белү һәм тикшеренү, продуктив эшчәнлектә чагылыш таба. Боларның барысы да балалар бакчасында федераль дәүләт белем бирү стандартлары программасы (ФДББС) максатлары белән яраклаша.

Шул рәвешле, әлеге эш төрләре түбәндәге компетенцияләренә формалаштырырга ярдәм итә:

Сөйләм компетенциясе – коммуникатив максатка ирешү өчен, телдән (диалогик һәм монологик) һәм язма сөйләм оештыру осталыгына, тыңлап аңлау күнекмәләренә ия булу.

Тел компетенциясе – аралашу барышында тел берәмлекләрен дөрес куллана белү осталыгы ул, ягъни икенче телдә лингвистик кодка ия булу. Социаль-мәдәни компетенция – икенче телдә сөйләшүче халыкның милли-мәдәни үзенчәлекләрен исәпкә алып, сөйләм этикеты үрнәкләрен кулланып, аралашу оештыра алу осталыгы ул. Федераль дәүләт белем бирү стандартлары – баланың үз үсешен булдыру, шөхес буларак формалаштыру, заманча жәмгыятьтә яшәргә әзерләү, сабийның физик һәм психик сыйфатларын төрле яклап үстерү, сәламәтлеген ныгыту, күңеленә әхлак кагыйдәләрен сөңдерүне үз эченә ала.

Күренгәнчә, заманча белем бирүнең күп төрле инновацион технологияләренә – *сәламәтлек саклау, проект эшчәнлегә, тикшеренү эшчәнлегә, мәгълүмати-коммуникатив, уен, ижади мөмкинлекләр технологиясенә* зур урын бирелә:

Заманча технологияләренә һәм электрон ресурсларны кулланы куелган максатларга ирешүдә өстәмә мөмкинлекләр тудыра:

- балаларда татар телен өйрәнүгә даими кызыксыну булдыру;
- укучыларның танып белү эшчәнлеген активлаштыру;

- укучыларның ижади мөмкинлекләрен ачып бирү һәм ижади үсешен тәэмин итү;
- укучыларга житәрлек мәгълүмат бирү;
- белемнәрне системага салу һәм гомумиләштереп күрсәтү;
- үзлектән белем алу мөмкинлекләрен киңәйтү;
- укучыларда эзләнү-тикшеренү эшләре алып бару теләге уяту;
- предметара бәйләнеш булдыру.

Нәтижә ясап әйткәндә, төрле характердагы инновацион технологияләр баланың әйләнә-тирәне күзәтү һәм танып-белү күнекмәләрен, ижадий эшчәнлеген һәм сөйләм телен үстерүгә, аңа акыл һәм әхлакий (экологик культура, гигиена, юл йөрү кагыйдәләре һ.б.) тәрбия бирү һәм белемгә омтылыш булдыруга юнәлтелгән.

Баланың омтылышына игътибарлы булу, аның уңышларын хуплау, ижадий сәләтен һәрьяклап үстерергә ярдәм итү, үз көченә ышану тойгысы уяту, туган һәм башка телләргә, мәдәнияткә ихтирам тәрбияләү – күпмәдәниятле белем һәм тәрбия бирүнең иң мөһим бурычларыннан берсе.

Мәкалә «Туган телләр һәм мәдәниятләр өлкәсендә стратегик тикшеренүләр» фәнни белем бирү үзәге кысаларында язылды.

Әдәбият

Нәбиуллина Г.Ә. Нәниләргә әлифба. Хәрефләр илендә. (Азбука для малышей. В стране букв) / Г.Ә. Нәбиуллина, Л.Г. Гыйләҗева – Казань: Раннур, 2011. – 96 с.

Нәбиуллина Г.Ә. Нәниләргә әлифба. Сүзләр илендә. (Азбука для малышей. В стране слов) / Г.Ә. Нәбиуллина, Л.Г. Гыйләҗева – Казань: Раннур, 2011. – 104 с.

Нәбиуллина Г.Ә. Нәниләргә әлифба. (Азбука для малышей) / Г.Ә. Нәбиуллина, Л.Г. Гыйләҗева – Казань: Раннур, 2011. – 45 с.

Нәбиуллина Г.Ә. Нәниләргә әлифба. Иртәгә мәктәпкә / Г.Ә. Нәбиуллина, Л.Г. Гыйләҗева – Казань: Раннур, 2012. – 120 б.

Төрки телләрдә туганлык атамаларын өйрәнү тарихы

төрки телләр, туганлык атамалары, өйрәнелү тарихы

Халыкның яшәү рәвеше, рухи, мәдәни үсеш тәҗрибәсе телдә булган предметларының һәм күренешләренең атамалары белән билгеләнә, шунлыктан тел белемендә лексик берәмлекләренә өйрәнүгә аеруча зур әһәмият бирелә. Төп сүзлек фондын тәшкил иткән туганлык атамалары һәр телдә үзәк урынны алып тора. Шуңа бәйле рәвештә, һәр халыкның формалашу юлында үзенчәлекле сыйфатларга ия үз туганлык терминнары системасы да туплана. Кардәш телләр буларак әлеге атамаларның төрки телләрдә охшаш һәм аермалы шактый, һәм аларның өйрәнелү тарихы да төрлечә. Күпчелек телләренң лексикасы шактый жентекле өйрәнелүгә карамастан, аерым лексик-семантик төркемнәр буенча тулы күзаллау хәзергәчә юк. Шунлыктан аларның өйрәнелү тарихын барлау бу өлкәгә берникадәр ачыклык керттер иде. Аерым алганда, бу хезмәттә кайбер төрки телләрдә туганлык атамаларын өйрәнелү тарихын барлау максаты куела.

Туганлык терминологиясә иң борынгы архаик катламнарның берсен тәшкил итә. Ул кешелек тормышының мөһим саналган төшенчәләр системасын белдерә, еллар, дәверләр дәвамында тотрыклы кулланыла һәм тел тарихын, халыкның этнографиясен өйрәнүдә кыйммәтле материал булып тора.

Туганлык атамаларын өйрәнү тикшеренүчеләр алдына бер төркем проблемалар куя: бу атамаларның асылын ачыклау, структурасын күзаллау, аларның лингвистик статусын билгеләү һ.б. лар. Шунысын да искәртеп үтү мөһим: туганлык атамаларын тасвирлау мәсьәләләре тел белеменең, сөйләм һәм телнең башка мәсьәләләре белән тыгыз бәйләнештә тора.

Соңгы унбиш-егерме елда туганлык терминнары проблемасы белән кызыксыну бермә-бер артты, ләкин бүгенгә көнгә кадәр әлеге тел берәмлекләре лингвистиканың иң аз өйрәнелгән өлкәләренең берсе булып кала бирә. Гәрчә шуны оңытмаска кирәк: сүзнең килеп чыгышы тарихы кешелекнең тирәлекне танып белү эшчәнлеген ныгыту, теге яки бу предмет яисә күренеш турындагы мәгълүматны аралашу, киләчәк буынга тапшыру максатларында зур роль уйный. Шуңа күрә әлеге проблема галимнәрнең игътибарын торган саен күбрәк жәлеп итә. Шул рәвешле, сайланылган теманың актуальлеген билгели.

Төрки халыктарның туганлык системасы гаилә-никах мөнәсәбәтләре үсешен чагылдырып, теләсә-кайсы башка система шикелле үк тарихи төстә формалашкан.

Төрки халыктарның туганлык терминнары системасын чагылдырган беренче хезмәтләрдән Н. Виташевскийның «Якутларда никах һәм туганлык» (1910) һәм Н.П. Дыренкованың «Алтайлыларда һәм телеутларда нәсел, туганлыкның классификацион системасы һәм никах нормалары» (1926), «Шорларда туганлык һәм психик тыюлар» (1926), «Кыргызларда никах һәм туганлык атамалары, һәм “психик тыюлар”» (1927) дип аталган күзәтүләрен атарга мөмкин. Мисал өчен, Н.П. Дыренкова кыргызларның һәм Алтай халыктарының туганлык системасын өйрәнеп, туганлык терминнарын тасвирлама аспектта тикшерә, аларның башка төрки телләрдәге туганлык терминнары белән күп кенә охшаш билгеләре булуга игътибар итә.

Алга таба төрле тел сүзлекләрендә туганлык терминологиясенә караган шактый җентекле материаллар туплана һәм әлеге тема буенча махсус тикшеренүләр нигезендә тюркологиядә туганлык терминнарының гомумтөрки системасының чагыштырма-тарихи анализына багышланган гомумиләштерүче хезмәтләр дөнья күрә. Бу нисбәттә Л.А. Покровскаяның «Төрки телләрдә туганлык терминнары» (1961) зур күләмдәге мәкаләсе һәм «Төрки телләрнең чагыштырма-тарихи грамматикасы. Лексика» (1997, 2001) хезмәтендә К.М. Мусаев тарафыннан язылган «Туганлык мөнәсәбәтләре» бүлегә аерым игътибарга лаек.

Шул рәвешчә, бүгенге көндә аерым төрки халыктарның гаилә-туганлык мөнәсәбәтләрен тасвирлаган күпсанлы фәнни әдәбият тупланган. Әлеге хезмәтләрдә билгеле бер төрки телнең әдәби формасында кулланыла торган туганлык терминнары системасы гына түгел, ә диалектларда һәм сөйләшләрдә дә урын алган берәмлекләр дә барлана. Бу очракта төрекмән һәм карачай-балкар (А. Кулиев, 1967), башкорт (С.Ф. Миржанова, 1973), татар (Д.Б. Рамазанова, 1991), алтай (Н.А. Тадина, 1992), хакас (А.С. Кызласов, 1996) һ.б. телләрнең туганлык атамаларына тасвирлама биргән хезмәтләрне атап үтү урынлы булып.

С.Ф. Миржанованың «Башкорт теле диалектларында туганлык терминологиясе» хезмәтендә көньяк диалекты сөйләшләренең туганлык терминологиясе көнчыгыш диалекты сөйләшләре белән чагыштырма планда карала һәм әлеге терминнарның функциональ-семантик мәгънәләре билгеләнә [Миржанова 1973]. Н.А. Кучигашеваның «Алтай теленең телеут диалектында туганлык терминнары» хезмәте кысаларында әлеге диалект өчен характерлы булган аерым берәмлекләр анализлана. Автор, телеут диалектында туганлык мөнәсәбәтләре җенес һәм яшь үзенчәлекләре принципларына ярашлы терминнар белән белдерелә, дип искәртә [Кучигашева 1981]. С. Сыдыковның «Монгол-төрки тел параллельләре» хезмәте кысаларында төрки-монгол телләрендә охшаш туганлык терминнары карала һәм анализга дучар ителгән туганлык терминнарында охшашлыкларга караганда лексик-

семантик аерымлыктарның бермә-бер күбрәк булуын күрсәтә. Күпчелек терминнар төрле мәгънәгә ия һәм еш кына монгол һәм төрки телләрдә аналогия күзәтелми [Сыдыков 1983]. М.Ш. Сарыбаеваның «Инглиз, рус һәм казах телләрендә туганлыкны белдерү системасы» кандидатлык диссертациясендә беренчеләрдән булып өч телнең туганлык терминнарын чагыштырма-тиңләштермә планда өйрәнү омтылышы ясала һәм аларның гомуми һәм үзенчәлекле билгеләре ачыклана: әлеге телләрдә теләсә кайсы туганлык мөнәсәбәтенең терминологик билгеләнешен тасвирларга мөмкинлек бирүче дифференциаль сөмәләрнең типологиясе булдырыла [Сарыбаев 1991]. Д.Б. Рамазанова монографиясендә татар теленең туганлык терминнары системасына синхроник, диахроник планда тулы тикшеренү үткәрелә һәм сөйләшләр, иске татар әдәбияты истәлекләре буенча, шулай ук, башка төрки, фин-угор телләреннән мәгълүматлар җәлеп ителгән зур фактик материал анализлана. Терминнарның килеп чыгышы һәм кулланылышының кайбер теоретик мәсьәләләре дә карала [Рамазанова 1991]. А.С. Кызласовның «Хакас телендә туганлык атамалары» хезмәтендә туганлык терминнары лексика, этнография күзлегеннән карала, кантуганлыгы терминнарының семантик структурасын анализлау омтылышы да ясала [Кызласов 1996]. Н.В. Бикбулатовның «Төрки телле халыктарның туганлык системасы һәм зур гаилә проблемалары» монографиясендә хәзерге башкорт халкының туганлык системасы барлана, архаик һәм соңгы катламнар ачыклана, аның эволюциясе һәм терминологиясе башкортларның иҗтимагый оешуындагы үзгәрешләргә, шәхси исемнәр системасына, катлам титулларына, үткәндәге гаилә-никах мөнәсәбәтләренә бәйләп карала. Башкортларның кардәшлек системасын башка халыктарныкы белән чагыштыру нигезендә башкорт халкының этногенезы, этник тарихы буенча нәтиҗәләр ясала. Әлеге хезмәт кысаларында Урта Азия һәм Себердә яшәүче төрки халыктарның борынгы бабалары өчен, «дәү», «олы», «карт» сүзләре өстәлеп ата-аналарга карата кулланылган терминнар файдаланылуы хақында искәртелә. Бу күренешне автор, элегрәк әлеге халыктарда өйлängән ир баланың ата-анасыннан күчеп китмичә бер хужалык булып яшәве һәм, нәтиҗәдә, гаилә үз эчендә өч һәм аннан да күбрәк буынны колачлаган булуы белән аңлата [Бикбулатов 1998].

Тюркологиядә туганлык терминологиясенең аерым телләр материалында шактый җентекле өйрәнелүен алга таба дөнья күргән хезмәтләргә атап чыгу белән чикләнәбез: А.А. Бурыкин һәм Н.И. Летагина «Тувалыларның туганлык терминологиясен башка төрки халыктарның туганлык терминнары белән чагыштыру» (1999); А.А. Машрабов «Туганлык терминнарының мәгънәсе һәм аларның кыргыз һәм үзбәк телләрендә белдерелеше» (2000); Л.А. Гаджиева «Кумык һәм төрек телендәге туганлык атамалары» (2009), Х.Х. Эгамназаров «Үзбәк һәм инглиз телләрендә туганлык терминнары һәм аларның функциональ-семантик микросистемалары» (2010), З.А. Мөхәммәдиева «Инглиз һәм

тажик телләрендәге никах туганлыгы терминнарының чагыштырма анализы» (2012), Е.П. Федорова «Якут телендә туганлык терминнары һәм аларның үзенчәлекләре» (2012) һ.б.

Нәтижә ясап шуны әйтергә мөмкин: тюркологиядә туганлык атамаларын махсус фәнни өйрәнү бары тик XX гасыр башына гына туры килсә дә, төрки телләрнең туганлык терминнарын жыю берникадәр алданрак башлана. Моңа мисал итеп Мәхмүд Кашгарыйның «Диване лөгаты эт-төрөк» (XI гасыр) һәм «Төркичә-гарәпчә сүзлек» (XIII гасыр) һ.б. борынгы лексикографик чыганаclarны атау җитә. Әлеге истәлекләрдә теркәлгән лексик берәмлекләр бүгенге көндә дә актив кулланылалар. Туганлык атамалары буенча мәгълүматлар тәрҗемәле, диалектологик, аңлатмалы һ.б. сүзлекләрдә дә күп тупланган.

Төрки телләрнең туганлык терминнарын өйрәнүнең торышын ачыклауга, чагыштыруга корылган әлеге хезмәтебез киләчәктә бу юнәлештәге тикшеренүләрнең яңа ориентирларын билгеләргә мөмкинлек тудырыр дип уйлыйбыз.

Мәкалә «Туган телләр һәм мәдәниятләр өлкәсендә стратегик тикшеренүләр» фәнни белем бирү үзәге кысаларында язылды.

Әдәбият

Бикбулатов Н.В. Система родства у тюркоязычных народов и проблема большой семьи / Н.В. Бикбулатов // Проблемы современной тюркологии. – Алма-Ата, 1998. – С. 369–372.

Кучигашева Н.К. Термины родства в телеутском диалекте алтайского языка / Н.К. Кучигашева // Вопросы изучения алтайского языка. – Горно-Алтайск, 1981. – С. 87–98.

Кызласов А.С. Термины родства и свойства в хакасском языке: Пособие для учителя / А.С. Кызласов. – Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 1996. – 46 с.

Миржанова С.Ф. Терминология родства в диалектах башкирского языка / С.Ф. Миржанова // Советская тюркология. – 1973. – № 4. – С. 99–109.

Сарыбаева М.Ш. Система обозначений родства в английском, русском и казахском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.Ш. Сарыбаева. – Алма-Ата, 1991. – 31 с.

Сыдыков С. Монгольско-тюркские языковые параллели / С. Сыдыков. – Фрунзе: Илим, 1983. – 165 с.

Рамазанова Д.Б. Термины родства и свойства в татарском языке / Д.Б. Рамазанова. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. – 190 с.

Татар телендә фраза басымының әһәмияте

фраза, синтагматик басым, синтаксик басым, үзәктән соңгы басым, фонетика

Сөйләм барышында әйтәсе фикерне төгәл җиткерү, адресат әйтелгәнне дәрәҗәс итеп кабул итсен өчен басым һәм паузалар ярдәмгә килә. Шулар арасынан мәгънә һәм интонациягә тәэсир итүче фраза басымын аерып чыгаралар. Фраза басымы – бер яки мәгънә ягыннан бәйләнгән берничә сүзгә (синтагманы) бер басым астына алып әйтү дигән сүз [Зәкиев 2017: 44]. Фраза басымын икенче төрле синтагма басымы дип тә йөртәләр. Синтагма басымы фразадагы мөһим булган сүзгә аерып күрсәтергә ярдәм итә. Мәкаләдә әлеге терминны куллану дәрәҗәс булып, чөнки фраза басымы үзәк берничә төрле басымнан гыйбарәт: синтаксик басым, синтагматик басым, үзәктән соңгы басым. Синтагматик басым төшкән сүз башкаларга караганда көчлерәк әйтелешкә ия, синтаксик басым синтагматик басымлы сүз алдыннан килә, ягъни, алдагы сүзгә әйтергә әзерләнеп, тавыш күтәрелү процессы, үзәктән соңгы басым көчле сүздән соң килә, тавышның түбәнәюен билгели. Әлеге структурадагы элементлар сөйләмәбездә төрлечә килә ала. Нигездә, татар телендә вариантларның дүрт төре күзәтелә:

- 1) фразаның синтаксик басымы төшеп калып, синтагматик һәм үзәктән соңгы басымнан торыуы:

| **бер** сүз дә дәмим |

Синтагматик басым ‘бер’ сүзгә туры килә, фразаның калган өлеше – ‘сүз дә дәмим’ – үзәктән соңгы басым дип санала. Әлеге структура иң еш очрый торган вариант булып санала.

- 2) Өч басымның да фраза өчендә килүе:

| башыма **бер** карлыган ботагы килеп төште |

Әлеге төрдә һәрбер элемент үз урынында килә: ‘башыма’ – синтаксик басым, ‘бер’ – синтагматик басым, ‘карлыган ботагы килеп төште’ – үзәктән соңгы басым.

- 3) Синтагматик басымның фраза ахырында килеп, үзәктән соңгы басымның төшеп калуы:

| тагын бер **хәл** |

Әлеге очракта фраза синтаксик басымнан башлана – ‘тагын бер’ һәм синтагматик басым белән тәмамлана – ‘хәл’.

4) Синтагматик басымнан гына торуы:

| шулаймы |

Шулай итеп, синтагматик басым фразаның төп басымы булып санала һәм синтаксик, үзәктән соңгы басымнарға караганда фраза эчендә һәрвакыт чагылыш таба. Синтагматик басымның көче сөйләүченен кәефенә, җиткерәсе фикернең мөһимлегенә бәйле була. Әлеге төр басым үзе янында килгән сузык авазларның озынлыгына да тәэсир итә: синтаксик басым эчендәге авазлар кыска әйтелешкә ия, кайбер очракларда кыска сузыклар редукцияләнә; үзәктән соң басымдагы авазлар, киресенчә, озынрак әйтеләләр. Мисал өчен аваз кыскару күзәтелгән фраза:

| аннары без икебез дә **берьюлы** |

Сөйләм дәверендә ‘без’ составында килгән [э] сузык авазы редукцияга дучар була, һәм спеткорграммадан күренгәнчә, әлеге сүз алдагысы белән тоташып бергә әйтелә [бзикэбездә].

Нәтижә ясап, фраза басымы үз эчендә берничә төргә бүленеп карала һәм шулар арасында сөйләмебездә мәгънә аеруда һәм интонациянең барлыкка килүендә синтагматик басым зур роль уйный, дигән фикергә киләбез. Шул рәвешле, татар телендә фраза басымы сөйләмнең үзенчәлегеннән чыгып 4 төрле комбинациядә килә ала.

Литература

Зәкиев М.З. Татар грамматикасы / М.З.Зәкиев. – Казан: ТӨҺСИ, 2017. – Т. 3. – 536 б.

Сайхунов М.Р. Ритмо-темпаральные характеристики татарского языка в плане автоматического синтеза / М.Р. Сайхунов. – Казань: ИЯЛИИ, 2010. – 26 с.

**Татар телен чит тел буларак өйрәткәндә язма сөйләм
күнекмәләрен формалаштыру үзенчәлекләре**

сөйләм эшчәнлегә, язма сөйләм, осталык, стандарт

Татар телен чит тел буларак өйрәтүдә заманча технологияләр барлыкка килү белән бергә, язма сөйләм күнекмәләрен үстерүгә дә игътибар артты һәм бу бүгенге көндә күп кенә галимнәрнең тикшеренү объектына әверелде. Соңгы дистә елларда чит телләрне өйрәтү дәресе, шул исәптән, татар телен укыту тәртибе берничә тапкыр үзгәрдә, ә мөгалымати-коммуникацион технологияләр барлыкка килү белән укытучылар һәм укучылар яңа мөмкинлекләргә ия булды. Әлеге мәкалә татар телен чит тел буларак укытканда, язма сөйләм күнекмәләрен формалаштыру үзенчәлекләренә багышлана. Монда шулай ук язма сөйләмнең психологик-педагогик үзенчәлекләре исәпкә алыначак, чөнки аларны язма сөйләм күнекмәләрен формалаштырганда истә тотарга кирәк. Тикшеренү эшенең максаты – укучының психологик-педагогик үзенчәлекләренә таянып, татар телендә язма сөйләм күнекмәләрен формалаштыру процессын анализлау, шулай ук белем бирүнең барлык этапларында да язма сөйләм сөйләм эшчәнлегенең мөһим роль төрә икәнлеген истә тоту.

Башка телдә язуга өйрәтүгә кереп киткәндә шул телнең фонетикасы белән бәйләү уңышлы санала. Язуга өйрәткәндә беренче этап графика белән бәйлә, ягъни язудагы билгеләр ситемасын үзләштерү үзгәргә алына. Укучы бер үк вакытта укырга да өйрәнә һәм хәреф, ижек, сүз, сүзтезмә һәм жөмлеләр язуга да өйрәнә. Авазларның әйтелешен өйрәткәндә, аларның график рәвештә бирелеше дә аңлатыла. Хәрефләрне өйрәткәндә, язу техникасы да формалашырга тиеш [Кузьмина 2001: 83]. Рус балаларын язма сөйләм күнекмәләренә өйрәтүдә кәгазьдә күрсәтелгән авазлар, сүзләр, сүзтезмәләр һәм жөмлеләрне язуга катлаулы булмаган күнекмәләрен формалаштыруга юнәлгән эшчәнлек, шулай ук зур булмаган текстларны күчереп язу, сүзлек эшен алып бару, әйтеп яздыру һәм тема буенча кечкенә сочинение язу, ягъни үзгә күргән һәм укыганны үз сүзләре белән язма рәвештә тасвирлап бирү күздә тотыла [Харисов 2015: 255]. Язма сөйләм язуга белем һәм күнекмәләрен формалаштыруга ярдәм итеп, бик күп тапкырлар кабатлау юлы аша гомуми ашырыла. Аның үсеше тыңлау һәм аңлау белән тыгыз бәйләнештә тора.

Рус телендә гомуми белем бирү оешмаларында татар теле дәрестәрендә язу телдән үзләштерелгән материалны ныгыта торган мөһим эшчәнлек булып тора. Ә башка телне өйрәткәндә, текст һәм аның

язма формасы чыганак буларак хезмәт итә. Укучыга татар теле өйрәтелгәндә, грамоталы язу күнекмәләре формалаштыру белән беррәттән, язуны сөйләм эшчәнлегенә бер төрә буларак өйрәтү төп бурычлардан санала. Шуңа күрә башлангыч этапта еш очрый торган *соло* (солы), *борон* (борын) кебек хаталарга артык игътибар бирү кирәкми, чөнки алар телне өйрәнү барышында үзләре юкка чыга. Моның уңай ягы да бар: бала ирен гармониясен үзләштерә дигән сүз [Харисов 2015: 256].

Дәрәслек – бик зур әһәмияткә ия булган укыту чарасы. Ул укучыларны кешелек җәмгыятенә яшәеш, тормыш-көнкүреш шартлары, хәтта эчтәлегә турындагы белемнәр белән коралландыра, аның идеологиясен чагылдыра [Харисова 2023: 97]. Татар телен чит тел буларак өйрәнүче укучыларның язма сөйләмен үстерүгә юнәлтелгән күнегүләрнең урта сыйныфлар өчен булган татар теле дәрәслекләрендә бирелешен карап китик. Шул дәрәслекләргә күзәтү ясау максатыннан, аларның берничәсенә тукталып үтик. Р.З. Хәйдәрова һәм Г.М. Әхмәтжановалар тарафыннан рус телендә белем бирү оешмаларында татар телен өйрәнүче 5 нче сыйныф укучылары өчен төзелгән «Татар теле» (2017) дәрәслегенә мөрәҗғәгать итик.

Дәрәслекнең 4 нче битендә бирелгән 4 нче күнегүнең биремнә игътибар итик: «Сез укытучыларыгызны Белем көне белән котладыгызмы? Бирелгән сүзләрдән җөмлөләр төзегез, котлау языгыз» [Хәйдәрова 2017: 4]. Димәк, балаларга шушы сүзләргә кулланып, котлау текстны язмага кирәк була дигән сүз. Аңа түбәндәге сүзләр тәкъдим ителә: «Хөрмәтле, укытучым, котлыйм, Сезне, уңышлар, теләм, Белем көне, белән, Сезгә, сәламәтлек» [Хәйдәрова 2017: 4]. Әлеге күнегүдә укучы белә торган, аңлаешлы сүзләр бирелгән, шуна күрә, бу котлау текстын язганда укучы авырлыктар белән очрашырга тиеш түгел. Әлеге дәрәслекнең инде 28 нче битендә зур булмаган хикәя бирелә. Укучыга 6 нчы күнегүгә үткәндә, хикәя эчтәлегенә бәйле сораулар уйлап язмага кирәк була. Бу очракта татар телендәге сорау җөмләдә сүз тәртибен, андагы сүзләрнең дәрәс язылышын, сүзтәзмәләр төзелешен саклау мөһим. Р.З. Хәйдәрова һәм З.Р. Нәҗиповалар авторлыгында рус телендә белем бирү оешмаларында татар телен өйрәнүче 6 нчы сыйныф укучылары өчен төзелгән «Татар теле» (2016) дәрәслегенә тукталып, укучыларның язма сөйләмен үстерүгә юнәлтелгән күнегүләргә игътибар бирик. Дәрәслекнең 4 нче битендә 7 нче күнегүнең биреме болай яңгырый: «5 нче күнегү сораулары буенча үзегез турында языгыз» [Хәйдәрова 2016: 4]. Укучыларның язма сөйләмен үстерү өчен бирелгән әлеге бирем сорауларга җавап бирүгә күз уңында тотыла. Нәтиҗәдә, укучы турында белешмә бирә торган текст туа. Язма сөйләм күнекмәләрен булдырган вакытта халык авыз иҗаты әсәрләре дә читтә калмый. Дәрәслектә әлеге моментка да игътибар бирелгән һәм моңа бәйле эш төрләре тәкъдим ителгән. Мәсәлән, 9 нчы биттәге 13 нче күнегүдә «Китап – белем чишмәсе» дигән мәкаль бирелә. Аңа бәйле бирем

түбәндәгечә: «Сез бу мәкальне ничек аңлыйсыз? Фикерегезне дәфтәрегезгә языгыз» [Хәйдәрова 2016: 9].

Р.З. Хәйдәрова һәм Р.Л. Малафеевалар авторлыгында рус телендә белем бирү оешмаларында татар телен өйрәнүче 7 нче сыйныф укучылары өчен төзелгән «Татар теле» (2017) дәреслегендә укучыларның язма сөйләмен үстерүгә юнәлтелгән биремнәргә күз салыйк. Әлеге дәреслектә игътибарны жәлеп иткәне шул: укучының язма сөйләмен үстерүгә багышланган биремнәрнең күбесе аның фикерен белдерү белән бәйле. Мисал итеп түбәндәге күнегүләр бирелешенә күз салыйк: «Әйтик, сезнең подъезд чисталык буенча беренче урынны алды. «Безнең йортның подъезды» дигән темага кечкенә хикәя төзеп языгыз» [Хәйдәрова 2017: 54]; «Илдар белән Ирек әдәпле малайлар булсалар, алар арасында нинди сөйләшү булыр иде?» [Хәйдәрова 2017: 59] һәм башкалар. Чит телдә язма сөйләм күнекмәләрен формалаштыру төп гомуми белем бирүнең Федераль дәүләт белем бирү стандартында да чагылыш тапкан, ул мәктәпне тәмамлаучы укучының чит телдә сөйләм эшчәнлегенең төрләре буенча белем бирү дәрәжәләрендә нәрсәләргә өйрәнәргә тиешлеген билгели. Федераль Дәүләт стандарты укучының язма сөйләм күнекмәләре, база дәрәжәсенә түбәндәге таләпләрне куя:

- 1) тексттан кыскартып өземтәләр ясый белү;
- 2) кыска котлаулар язу, теләкләрен ирештерә белү;
- 3) формулярны тутыра белү (исем, фамилия, яшь, адресны күрсәтү);

4) шәхси хатны үрнәккә таянмыйча яза белү (адресаттан аның тор-мышы, эшләре турында сораштыру, үзе турында да хәбәр итү, рәхмәт белдерү), сөйләмдә үзләштерелгән темаларга караган материалларны кулланып, өйрәнелә торган телдә кабул ителгән сөйләм этикеты формулаларыннан файдалану.

Балалар татар телендә язарга өйрәнгәндә, еш кына үз фикерләрен язма хәбәр формасында тапшырган очракта төрле проблемалар белән очраша. Укучылар төрле хаталар жибәрә: сүзләр язганда, хәрефләрне төшереп калдыра, жөмләдәге сүзләрнең тәртибен боза, кушымчаларның кулланышын бутый, грамматик хаталар ясый. Бу башлангыч күнекмәләрнең дәрәс формалашмавы белән аңлатыла.

Татар тел белемендә язма сөйләм үстерү күнекмәләрен ачыклау, өйрәнү буенча эшлängән хезмәтләр шактый. Ф.С. Сафиуллинаның «Хикмәтле дә, бизәкле дә туган тел» (1998), «Хәзерге татар әдәби теле» (2002); С. Вәгийзовның «Башлангыч мәктәптә татар телен укыту методикасы» (2001); З.Н. Хәбибуллинаның «Сочинение язарга өйрәнәбез (методика һәм үрнәкләр)» (2002); Н.С. Гыймадиеваның «Диктантлар һәм изложениеләр» (2006); Н.В. Максимовның «Татар теленнән диктантлар һәм изложениеләр жыентыгы» (2005), И.М. Низамовның «Ярдәмең берләң синең...» (2008), Ф.Ф. Харисовның «Татар теле: укыту теориясе һәм практикасы» (2018) һәм башка хезмәтләр моның ачык мисалы булып тора. Психологик тикшеренүләрдән чыгып, телдән сөйләм һәм язма

сөйләмнең үзара бәйләнеше һәм килеп чыгышы турындагы фикерләрнең алгы планга чыгарылуын күрергә мөмкин. Шулай ук кеше сөйләме формалашканда һәм язма хәбәрләр башкарганда баш ми механизмнарының да зур әһәмияткә ия булуын әйтергә кирәк. Язма сөйләмне үзләштерү процессы, телдән сөйләмнән аермалы буларак, аңлы процесс, һәм ул бөтенләй башкача формалаша. Шуңа күрә язма һәм телдән сөйләм төзелешендә аермалар шактый. Кешенең телдән сөйләм кичерешләргә нигезләнгән. Язма сөйләм, киресенчә, уйланылган һәм аңлы процесс. Язма сөйләм күнекмәләрен формалаштыру процессы күп төрле компонентларны үз эченә ала һәм баш миенең төрле өлешләренә кагыла, алар бер-берсе белән бәйләп рәвештә бара.

Шулай итеп, язма сөйләмнең формалашуы психологик-педагогик үзенчәлекләргә бәйләп һәм моны галимнәр дәлиллегән. Язуга өйрәтү башлангыч этапта белем бирүнең ярдәмче бер эш төрле буларак кулланылса, тора-бара күнегүләр катлауландырыла, һәм язма сөйләм мөстәкыйль бер эш төре буларак үзләштерелә башлый. Аны укучы үз тормышында чынбарлыкта куллана, әлегә эшчәнлек аша үз теләк-ниятләрен башкаларга белдерә ала. Бу татар телен чит тел буларак өйрәткәндә язма сөйләм күнекмәләре формалаштыруда да шушы тәртиптә дәвам итә.

Әдәбият

Харисов Ф.Ф. Татар телен чит тел буларак өйрәтүнең фәнни-методик нигезләре / Ф.Ф.Харисов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2015. – 302 б.

Харисова Ч.М. Мөгаллимнәр. Галимнәр / Педагог. Ученые / Ч.М. Харисова. – Казан, 2023. – 233 б.

Хәйдәрова Р.З. Татар теле. 5 сыйныф: рус телендә төп гомуми белем бирү оешмалары өчен дәреслек (татар телен өйрәнүче укучылар өчен) / Р.З. Хәйдәрова, Г.М. Әхмәтжанова. – Казан: Татармультфильм, 2016. – 126 б.

Хәйдәрова Р.З. Татар теле. 6 сыйныф: рус телендә төп гомуми белем бирү оешмалары өчен дәреслек (татар телен өйрәнүче укучылар өчен) / Р.З. Хәйдәрова, З.Р. Нәҗипова. – Казан: Татармультфильм, 2017. – 160 б.

Хәйдәрова Р.З. Татар теле. 7 сыйныф: рус телендә төп гомуми белем бирү оешмалары өчен дәреслек (татар телен өйрәнүче укучылар өчен) / Р.З. Хәйдәрова, Р.Л. Малафеева – Казан: Татармультфильм, 2016. – 96 б.

Кузьмина Л.Г. К вопросу о содержании обучения иноязычной письменной речи / Л.Г. Кузьмина // Вестник ВГУ, Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – В. 1. – С. 97–99.

Туганлык мөнәсәбәтләрен чагылдырган татар һәм казах мәкальләре

*пословицы, татарский язык, казахский язык, термин, родственные
отношения*

Мәкальләр ул – халыкның күп гасырлык социаль-тарихи тәҗрибәсе чагылыш тапкан, тотрыклы, кыска, ритмик рәвештә оешкан һәм формага, гыйбрәтле мәгънәгә ия булган халык әсәрләре. Төрле телләрнең мәкальләрен чагыштыру лингвомәдәниятнең өстенлекле юнәлешләренең берсе булып тора.

Мәкаләдә туганнар арасындагы мөнәсәбәтләрне тасвирлый торган татар һәм казах мәкальләрен чагыштырып анализлау омтылышы ясала.

Туганлык татар һәм казах халкы өчен һәрвакыт изге төшенчә булган. Туганлык мөнәсәбәтләрен чагылдырган татар һәм казах мәкальләрен шактый күзәтергә мөмкин. Аларда татар һәм казах халкына хас тормыш рәвеше, гаилә кыйммәтләре, омтылышлары турындагы традицион күзаллаулары чагылыш тапкан.

Татар һәм казах мәкальләрендә күзәтелгән туганлык мөнәсәбәтләре туганлык терминнары белән белдерелә. Мәгълүм ки, татар һәм казах телләренең мәкальләр байлыгы халыкның менталитетын бәяләү һәм табигатен аңлауда лингвомәдәни кыйммәткә ия. Мәкальләр телен чагыштырып өйрәнү милли образны, этноско хас кыйммәтләр системасын, этик нормаларны һәм психологияне ачыкларга ярдәм итә.

Татар һәм казах телләренең әлегә кыска халык хикмәте әсәрләре – авыз ижатының иң борынгы төрләренең берсе. Мондый сүз сәнгате әсәрләре татарларның һәм казахларның күп гасырлык тормыш тәҗрибәсен, карашларын, идеалларын чагылдыра.

Бу тикшеренүләр өчен мисаллар Н. Исәнбәтнең «Татар халык мәкальләре» [Исәнбәт 1959: 1013] һәм «Қазақ мақал-мәтелдері» [Аккозин 2012: 272] җыентыкларыннан сайланды. Хәзер шуларга игътибар итәрбез.

Төркі телләрдә үзеңнән өлкәнрәк ир җенесендәге кан туганнарын «аба», «баба», «бабай», «ата», «атай» һәм теленә карап шуларның фонетик үзгәрешләре белән атыйлар. Ләкин, «аба», «аппа», «абба» лексемалары – төркмән һәм төрек телләре диалектларында әти, атаны яки «бабай» исә борынгы бабаны да аңлатырга мөмкин. Татар һәм башкорт телләрендә «абый» дип үзеңнән олы ир туганнарыңа әйтелә, аларның сиңа кан туган булулары роль уйнамый. «Ата» сүзе татар телендә гаиләдә балалары булган ир кешене күздә тотта. Төрле диалектларда бу мәгънәне күздә тоткан «атай», «атый», «әтей», «әти»,

«әткәй» һәм башка сүзләр кулланыла. Каракалпак, кыргыз, караим телләрендә «ата» – бабайны, ягъни әтинең әтисен аңлата. Төрөк телендә әти мәгънәсендәгә сүзгә «баба» лексемасы туры килә. Татарларда түбәндәгә мәкальләр булуы ачыкланды: *Алдыңа килсә, атаңның давын кичер; Ата суккан жыр утка янмас; Әтине сатып алмыйлар; Әткәй — шикәр, әнкәй — бал* һәм башкалар.

Казах мәкальләрендә исә үзеңнән өлкәнрәк ир женесендәгә кан туганыңны белдерү өчен «аға», «ата», «әке» берәмлекләре кулланыла. Казах телендәгә «әке» сүзгә әти мәгънәсендә була. Мәкальләрдә әлегә берәмлек актив. Мәсәлән, *Әкенің қадірін – әке болғанда біперсің (Әтиеңнең қадерен үзең әти булғач белерсең); Әке – балаға сыншы, аға – ініге сыншы (Ата – балаға оста, абый – энегә оста); Әкеге қарап ұл өсер (Әтисенә қарап ұл үсәр)* һәм башкалар.

Казахлардагы «аға» татар телендәгә эне, энекәшкә дә туры килә. Ә «ата» сүзгә казах телендә татар телендәгә бабай мәгънәсенә туры килә. Бу сүз казах мәкальләрендә актив күзәтелә. *Алты жыл аш болсаң да, атаңның салтын ұмытпа* дигән мәкаль тормышыгыз кыен булса да, ач булсагыз да, ата-аналар йоласыннан баш тартмау, ата-аналарның гадәтләреннән чигенмәү мөһим икәнлегә турында сөйли. Мәкаль горейф-гадәтләренң мөһимлеген ассызыклау өчен кулланыла булса кирәк. Ата лексемасы кәргән менә шундый мәкальләр дә күзәтелде: *Атадан пұл қалғанша, ұл қалсын (Атаңнан байлық қалғанчы, ұл қалсын); Аталы сөзге арсыз таласады (Аталы сүзне әрсез дәгъвалый)* һәм башкалар.

Татар мәкальләрендә исә «бабай» лексемасы күзәтелә. Мәсәлән, *Бабаңның бәясен бабай булғач белерсең; Бабаң, бүреге белән киңәш итсә, барын да булдыра* һәм башкалар. Татарларда әтинең яки әнинең әтисен аңлата торган сүзләр күп: «бабай», «дәү әти», «картәтә», «картәтәй» һәм башкалар бар. Ләкин күпчелек очракта, әдәби телдә «бабай» берәмлегә кабул ителгән. Шул ук вакытта төрки телләренң күбесендә, мәсәлән, төркмән, төрөк, әзербайжан, гагауз, кырым татарлары телендә «баба» әти мәгънәсенә ия. Димәк, бер үк термин төрлө телләрдә төрлө мәгънәләрдә кулланылырга мөмкин икән.

Татар халык мәкальләрендә күзәтелгән кан туганлыгы атамалары арасында «апа» сүзгә дә бар. Мәсәлән, *Агай-энең тату булса, ат күп, апа-сеңелең тату булса, аш күп* һәм башкалар. «Апа» лексемасының фонетик вариантлары төрки телләрдә әни, олы кан буенча кыз туганны, олы кыз женесендәгә туганны, әйтүчедән олырак булган олы абыйның кызын һәм башкаларны белдерә.

Казах телендә кече кыз туганга ир-атлар һәм хатын-кызлар төрлөчә әндәшәләр. Ирләр кече кыз туганнарын – «қарындас» дип, ә хатыннар исә «сіңлі» дип атыйлар. Әлегә лексемалар казах мәкальләрендә дә күзәтелде. Мәсәлән, *Ауру – астан, дау – қарындастан (Авыру – аштан, дау – қарындаштан)* мәкале кешенең башына килгән барлық кыенлықлар һәм аңлашылмаучанлықлар аның яқыннарыннан килә, ә авыру үзенең

туклану культурасы белән бәйлә дигән мәгънәгә ия. Бу хикмәтле сүз авыруларга яки бәхәстә калганнарга карата кулланыла булса кирәк.

Әнинең яки әтинең әнисен белдерер өчен татарлар «әби», «дәү әни», «әбекәй», «нәнәй», «инәкәй» кебек сүзләрдән файдалана. Ләкин кайбер жирлекләрдә әти ягыннан һәм әни ягыннан әти-әнине төрлечә атау бар. Ешрак «әби» – әтинең әнисе, «дәү әни» әнинең әнисе була. Мәкальләрдә исә әби лексемасы күзәтелә. Мәсәлән, *Әби булгач, асрау кирәкми; Әбиеңнең мич башыннан егылып төшүенең берәр хикмәте булмый калмас* һәм башкалар.

Татар халык мәкальләрендә туганлык атамалары арасында бик еш күзәтелгән сүз ул – «ана», «әни», «әнкәй». Мәсәлән, *Анасы типкән колынның тәне авыртмас; Ана авыртмасын дип суга; Алыптай алты малайны кабыктай бер ана асрый; Кыш – үги ана, яз – үз ана; Атага тартып ул тумас, анага тартып кыз тумас; Навада болыт бар, анада өмет бар; Корбан башы – коры баш, әти белән әнигә; чуртан башы – чур желек, хатын белән үземә; Үги ана – яфрак, үз әнкәем яхшырак; Йорт анасы белән корт анасы бер; Әткәй – шикәр, әнкәй – бал* һәм башкалар.

Татар телендә әни, ана, әнкәй дип тудыручы кешегә әйтәләр. Әлеге сүзнең туганлык терминнарында иң төп урынны алып торы да гажәп күренеш түгел. Татар теленең аңлатмалы сүзлегендә «ана» сүзенең түбәндәге 4 мәгънәсә бирелгән: балага карата: тудырган хатын, әни; ана женестән булган (төр); гадәттә өстәмә сүз яки аергыч урынында: иң кадерле, мөкатдәс, якин булган нәрсә турында; күчерелмә мәгънәдә: тудыручы, барлыкка китерүче [Татар 1977: 56]. Казах телендә «ана» – «өз баласының туған шешесі; балалы әйел» (үз баласының анасы һәм балалы хатын).

Казах халык мәкальләрендә дә «ана» лексемасы күзәтелә. Мәсәлән, *Алып – анадан, ат – биеден* мәкале ананың ролен, батырны аналар тудыруын аңлата. Матриархатлык чорыннан калган мәкаль булса кирәк. Татар мәкальләре арасында әлеге казах мәкаленә охшашлар бар: *Алып анадан туар; Алып анадан туар, аргамак биядән туар.*

Әйел жаман десең, анаң оның ішінде дигән казах мәкале хатын-кызларга хөрмәт тәрбияләүне тасвирлый, ягъни хатын-кызларны ихтирам итми торган кеше үз анасын да олыламый дигән сүз. *Кыз яманлау – языкның иң яманы дигән* охшаш мәгънәгә ия татар мәкаленең дә барлыгын искәртик үтик.

Аға өлсә, жеңге мұра, іні өлсә, келін мұра казах мәкалендә «жеңге» берәмлеге кызыксыну тудырды. Әлеге атама абыйның хатынын һәм әңгәмәдәшкә берәз таныш булган өлкән яшьтәге кияүдәге хатын-кызны аңлата. Татар мәкальләрендә дә жиңгә термины кулланыла. Мәсәлән, *Ага алганчы, жиңгә – биргәнче (ярата).* Әле термин шул ук мәгънәдә жиңги сүзгә белән дә алышынырга мөмкин: *Жиңгинең уйныйсы килә, абыйның имана түлисе бар.*

Шуны дә искәртәргә кирәк: ике телдә дә бертөрле мәгънәгә ия булган, бертөрле диалект яңгыраган туганлык мөнәсәбәтләре турындагы мәкальләр шактый:

Анасын көр де – кызын ал, аяғын көр де – асын иш. = Аягына карап, ашын эч, анасына карап, кызын коч.

Анасы ащы алма жесе, баласының тисі қақсайды = Баласы алма капканга, анасының теше камашкан.

Ананың көңілі балада, баланың көңілі далада. = Ана күңеле балада, бала күңеле далада.

Алып – анадан, ат – биеден. = Алып – анадан, аты – биядән (туар).

Мондый мисалларның булуы мәдәниятебезнең охшаш нокталарына ишарәли.

Инде алда әйтеп үтелгәнчә, төрки халыкларда ата-баба, буын, ыру, туганнар бик мөһим роль уйнаганнар. Олылырга, гаиләгә һәм туганнарга карата хөрмәт зур булган. Татарларда – «*Жиде буын нәселеңне бел*», казахлар әйтә торган «*Жеті атасын білмеген – жетімдіктің белгісі*» мәкальләре дә шуны дәлилли. Бу – туганнарга ғына түгел, туган якка, милләткә, милли телгә һәм мәдәнияткә, димәк, традицияләргә, гадәтләргә хөрмәт һәм ярату дигән сүз.

Шулай итеп, теләсә кайсы тел һәм мәдәниятны өйрәнергә теләгән халык өчен мәкальләр – бик нык жыелып өйрәнелә торган әһәмиятле чыганақ. Ул – телнең тотрыклылыгын, грамматик төзелешен һәм сүз байлыгын саклап килгән хәзинә, тел казнасы. Тел байлыгы булу ягыннан, мәкаль текстында, безнең телнең әлегә хәтле өйрәнелмәгән гаять бай сүзлек фонды яга. Мәкальнең киң таралган булуы аның текстындагы сүзнең дә күпчелек өчен уртак булганлыгын күрсәтә. Мәкальләр аерым сүзләрнең нинди мәгънәләрдә кулланылуын яки сүз хәзер актив кулланылмаса, тарихта кулланылган булуын күрсәтә.

Мәкалә «Туган телләр һәм мәдәниятләр өлкәсендә стратегик тикшеренүләр» фәнни белем бирү үзәге кысаларында язылды.

Әдәбият

Аккозин М.А. Қазақ мақал-мәтелдері. Казахские пословицы и поговорки / М.А. Аккозин. – Алматы: Алматы кітап, 2012. – 272 с.

Исәнбәт Н. Татар халык мәкальләре. Өч томда / Н. Исәнбәт. – Казан: Татар. кит. нәшр. – Т. 1. – 1959. – 913 б.; Т. 2. – 1963. – 959 б.; Т. 3. – 1967. – 1013 б.

Татар теленең аңлатмалы сүзлегә. Өч томда. Т. 1. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1977. – 476 б.

Processes of mentalization of cognitive models in speech communication

oral speech, written speech, communicativeness

One of the important issues to be studied and studied in cognitive linguistics is the analytical analysis of the processes of understanding cognitive models in oral and written speech or text communication. By learning the interrelationship of communication and cognitive structures, it is possible to find out the pragmatics of text or context construction, comprehension semantics, mental strategy and tactics, linguistic reflection, conceptual relations and their organization methods, interpretation, strong, mutual meaning connection of language and culture, national-cultural components, linguistic aspects of contemporary translation concepts, subtextual and supratextual structural-semantic resources. In order to determine the correlation between the communicative aspects of the text and the cognitive models, as well as to understand, in our opinion, what we have said in thesis below should be taken into account:

1. In the process of understanding oral and written texts, cognitive structures and report and information extracted from this structure, cognitive fragments that have already been acquired, actualization of scenarios of general knowledge, communicative measures and criteria serve to organize and regulate them, creating attachment at local and global levels.

2. As a linguistic regularity in the communicativeness of the text, the components of the same sentences should be combined in a syntactic whole, and the conceptual relations and pragmatic forms that realize or ensure the structural-semantic connection of the combined sentences against the background of the meaning relationship of language and culture should be discovered, and in order to determine the subject content of a given fragment, its global macrostructures should be revealed.

3. Communicativeness is the main condition for the interior, construction and compilation mechanism of oral and written text, and includes general and episodic knowledge about the world and the environment, and the knowledge contained or developed should be found, their conceptual aspects should be determined, the magnitude and smallness of the concept should be determined by selection, and mental intellectual results based on knowledge that provides local and global coherence should be produced.

4. Communicativeness also necessitates the paradigmatic forms of the text, and finding paradigms based on the necessary structures in accordance with the typical social context framework, providing a memory-based linguistic analysis of the interpretation of those related to the conditions of speech acts

are very typical cognitive analyses. The types of cognitive paradigms are realized as a result of the influence of communicative interaction, so the study of the relationship between semantics and paradigm is also very necessary.

5. Communicativeness forms the text's informative quality and features, structural-semantic resources, and at the same time, in principle, explicative and impilistic aspects are also activated in cognitive processes. The explicative aspect covers the upper area of the text in communication, and the impilicist nuances cover the lower area, so it is very important to provide a linguistic analysis of the subareas of cognitive models. In other words, in the communicativeness of the text, formal structural syntax in its upper areas should be the object of research, and cognitive studies in its lower areas.

6. Human assimilation, collection and use of information in the text is based on communicativeness, and all this demonstrates the cognitive ability of a person such as language and consciousness, language and thinking, language and knowledge, language and culture, language and society through language. Acts of communication constitute the main structure, foundation, and foundation of cognitive linguistics, and clarification of all language and speech indicators, categories, typological semantics, occurrence of meaning changes as a result of grammatical semantic influence, identification of psycholinguistic signs and involvement in analysis are urgent tasks in modern Azerbaijani cognitive linguistics.

ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО И ЯЗЫК В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

Агличева Татьяна Николаевна

Московский государственный технический университет

им. Н.Э. Баумана

УДК 81.11

Лингвокультурологический аспект исследования фразеологизмов

языковая и культурная семантика, стилистические особенности фразеологизмов

Язык – основная форма фиксации знаний о мире. Языковая картина мира понимается как закрепленные в языке различные способы *видения* мира. Слово как разновидность знания о мире становится предметом изучения способов, отображающих жизнь человека. Значение слова – это достигнутые обществом знания, отражающие связанные со словом культурные представления и традиции, «а культура составляет тот общий фон, на котором воспринимается языковой знак. Язык не просто выражает идеи, но и формирует их...» [Ковшова 2012: 28]. «Поскольку этническая культура и этнический (национальный) язык согласованы между собой, язык вырабатывает свое *видение* национального мира» [Верещагин 2002: 92]. По мнению Н.И. Толстого, язык – это и компонент культуры, и ее инструмент; в то же время язык автономен по отношению к культуре. Развитие темы «Язык и культура» Н.И. Толстой видит «лишь при условии серьезного внимания к языку как вербальному коду культуры и к языку как творцу культуры» [Толстой 1995: 24].

В русском языке, как и в любом другом, важна и интересна национально-культурная семантика языка, то есть те языковые значения, которые фиксируются и передаются от поколения к поколению. В ознакомлении с национально-культурной семантикой русского языка помогает особый аспект изучения языка – *лингвострановедческий*.

Национально-культурная семантика присутствует на всех уровнях: в морфологии, в синтаксисе, в фонетике. Однако наиболее ярко она проявляется в тех единицах языка, которые отражают внеязыковую действительность, называя предметы и явления окружающего нас мира. К таким единицам относятся слова, фразеологизмы и языковые афоризмы (половицы, поговорки и крылатые выражения). Национально-культурная семантика языка – это история и культура народа, и чем история и культура богаче, тем ярче и содержательнее значимые единицы языка. Прошрое связано с настоящим, поэтому национально-культурная семантика языка должна изучаться не только с синхронической, но и с диахронической точки зрения.

Фразеологизм – особый знак языка и культуры, являющийся объектом лингвистики, но лингвокультурологический аспект семантики фразеологизма помогает понять его своеобразие как знака в культурной коннотации. Общее значение фразеологизма не выводится из прямого значения составляющих его компонентов. К примеру, если о ком-то сказано, что «он работает плохо», то смысл словосочетания вытекает из отдельных смыслов слов «работать» и «плохо». Если же мы говорим «*работать спустя рукава*», то смысл «плохо, небрежно» не вытекает из значений глагола «спустить» и существительного «рукава». В «обычном» словосочетании смыслы слов складываются и дают легко предсказуемый общий смысл всего сочетания, а в «особом», фразеологическом, словосочетании нельзя предсказать, какой общий смысл дадут входящие в это сочетание самостоятельные слова. Почему «*отложить в долгий ящик*» означает «затянуть какое-либо дело»? Разве в выражении «*бить баклуши*» содержится хоть какой-то намек на безделье? «Под фразеологической единицей понимается относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание лексем, обладающее (как правило) целостным значением» [Мокиенко 1980: 4]. Это свойство фразеологизма называется *идиоматичностью*. Об этом, традиционном, определении фразеологизма ранее писали такие ученые, как В.В. Виноградов, С.И. Ожегов, В.Н. Телия и другие.

В.Н. Телия писала так: фразеологизмы – «общее название семантически несвободных сочетаний слов, которые не производятся в речи (как сходные с ними по форме синтаксические структуры – словосочетания или предложения), а воспроизводятся в ней в узואльно закреплённом за ними устойчивом соотношении смыслового содержания и определенного лексико-грамматического состава. Семантические сдвиги в значениях лексических компонентов, устойчивость и воспроизводимость – взаимосвязанные универсальные и отличительные признаки фразеологизмов» [Телия 1997: 605].

Известно, что большинство сочетаний слов рождается говорящим в процессе речи. Если человек кажется вам очень умным, вы можете о нем сказать: «ясная голова», «чрезвычайно умен». Но если вы скажете «*он семи пядей во лбу*», то это выражение не создано в момент речи. *Воспроизводимость* – это свойство языковых (а не речевых) единиц, ведь языковые единицы в ходе речевой коммуникации человек извлекает из памяти. Этой характеристикой – *воспроизводимостью* – фразеологизмы объединяются с другими значимыми единицами языка – словами и языковыми афоризмами.

Языковые афоризмы (пословицы, поговорки) имеют синтаксическую форму фразы («*Сам кашу заварил – сам и расхлебывай*» – это пословица); фразеологизмы же имеют синтаксическую форму словосочетания. Приведенная пословица делится на два фразеологизма: «*заварить кашу*» – затеять сложное или неприятное дело, «*расхлебывать кашу*» – распутывать сложное или неприятное дело).

Фразеологизмы могут выполнять функции обычных членов предложения. К примеру, обстоятельство образа действия может быть выражено одним словом (работа продвигается *успешно*) или фразеологическим словосочетанием (работа продвигается *без сучка без задоринки*). При семантической эквивалентности слов и фразеологизмов возможна их *взаимозамена*. Сравним: *бить баклуши* = бездельничать; *как курица лапой* = неразборчиво; *от горшка два вершка* = маленький.

Еще одна характеристика фразеологизма - *двуплановость* его семантики. Так, «*работать засучив рукава*» означает «с большим усердием, старательно и добросовестно». Но какое отношение имеют рукава к усердной работе? В предложении «*Засучив рукава, хозяйка принялась мыть окна*» сочетание «*засучив рукава*» имеет дословное значение. В исторической перспективе идиоматическому смыслу словосочетания предшествовал его прямой смысл. Выражение «*засучив рукава*» было связано с особым покроем одежды в Древней Руси. Верхняя одежда шилась с такими длинными рукавами, что они доходили до колен, а иногда и до самых пяток. Такая одежда оправдывалась суровым русским климатом: длинные рукава в какой-то мере заменяли рукавицы. Делать что-либо со спущенными рукавами было невозможно, поэтому сначала их засучивали, то есть поднимали на руки складками. Одежда с длинными рукавами исчезла, но выражение «*засучив рукава*» приобрело идиоматический смысл – так возник фразеологизм.

Семантика многих словосочетаний («*мерить на свой аршин*», «*белены объелся*», «*сматывать удочки*» и т.д.) и в наши дни остается *двуплановой*, так что носитель языка (даже не лингвист) обычно может объяснить, почему у фразеологизма то или иное значение. Такова современная *двуплановость* фразеологических сочетаний. Большая же группа фразеологизмов обладает *двуплановостью* семантики только с исторической точки зрения. Прямой смысл словосочетания носитель языка (не лингвист) уже не воспринимает, а воспринимает только его идиоматическое значение, потому что перестают употребляться слова из состава фразеологического сочетания: «*турусы на колесах*», «*типун тебе на язык*». Забывается и явление, которое легло в основу некогда свободного словосочетания. Современные носители языка не знают о том, что на бобах можно гадать, но выражения «*гадать на бобах*», «*разводить бобы*», «*остаться на бобах*» из активного употребления не уходят.

Лингвокультурологическое исследование фразеологизмов имеет комплексную страноведческую ценность.

Во-первых, они отражают национальную культуру. Некоторые фразеологизмы называют такие явления прошлого, которые не имеют прямых аналогов в культурах других стран и народов. Например, «*не лыком шит*», «*красный угол*».

Во-вторых, фразеологизмы отражают культуру с помощью безэквивалентных слов. Например, фразеологизм «*ходить фертом*» («держаться гордо, высокомерно») содержит безэквивалентное слово «ферт»:

так в старину называлась буква «Ф», своим внешним видом напоминающая человека, который, подбоченившись, принял вызывающую позу. Другие примеры: «*коломенская верста*», «*тертый калач*».

В-третьих, фразеологизмы отражают русскую национальную культуру своими прототипами: о русской флоре и фауне, особенностях повседневного быта, отражении фольклора и литературы.

Лингвокультурологическое исследование фразеологизмов – это исследование знаков языка, в образном виде хранящих и передающих из поколения в поколение ценностные установки национальной культуры.

Лингвокультурологическое исследование фразеологизмов – это взаимодействие естественного языка и культуры, комплексное описание языковой и культурной семантики.

Современный этап лингвокультурологического направления во фразеологии – этап продолжающегося исследования фразеологии с позиции современного языкового сознания.

Литература

Верещагин Е.М. Миросознание вне и посредством языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: гипотеза (лого) эпистемы / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: ИКАР, 2002. – 168 с.

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии / М.Л. Ковшова. – М.: Книжный дом «Либроком», 2012, 2013. – 453 с.

Мокиенко В.М. Славянская фразеология: Учебное пособие для филологических специальностей ун-тов / В.М. Мокиенко. – М.: Высшая школа, 1980. – 207 с.

Телия В.Н. Фразеология. Русский язык: Энциклопедия / В.Н. Телия. – М., Большая Российская энциклопедия. – М.: Дрофа, 1997. – С. 605–607.

Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н.И. Толстой. – М.: Индрик, 1995. – С. 1–100.

**Семиотика и язык в романе Ф.С. Фицджеральда
«Великий Гэтсби»: литература и кино**

*киноадаптация, кинематограф, литература,
художественный стиль, лексика*

В современной гуманитаристике все чаще актуализируется теория интермедиальности, возникновение и развитие которой тесно связано с усилением научной значимости интегральных и междисциплинарных аналитических парадигм.

В силу увеличивающегося влияния аудиовизуальных медиа на восприятие и оценку окружающей реальности появляется колоссальное количество научных дисциплин, изучающих кинематограф.

Предмет исследования разнообразен, и на фоне обретения киноведением академического статуса появляются разногласия в методологии изучения и киноанализа, звучат споры о его отличии от кинокритики.

Литературный пласт кинофильма уже первыми теоретиками кино воспринимался и как необходимое «полезное ископаемое», и как объект нападок. Мифом оказалось так называемое «чистое кино» – отрешенное от любого другого искусства, существующее за счет, как выражался Люмьер, «камеры-музы» [Зоркая 2010: 49]. Но, как итог, сращенность литературы и экранного искусства, слова и изображения неизбежны.

Исследование художественных текстов с точки зрения взаимодействия искусств с акцентом на сравнении вербальных и невербальных форм интерпретации и репрезентации сегодня является наиболее востребованной, так позволяет учесть большее число структурных и содержательных компонентов, подлежащих анализу.

В рамках данной концепции можно также включать и теорию интертекстуальности, но рассматривать ее при этом исключительно как один из аспектов взаимодействия искусств.

Действие, происходящее в фильме, воспринимается как реально протекающее время, но в нем формально хронометраж довольно ограничен, в отличие от романов. Как правило, средняя длина сценарных текстов в соответствии со всеми канонами написания – 125-150 страниц [Мопасо, 2009: 53]. Средний же роман больше в 3-4 раза. Потеря огромного количества деталей, сюжетных поворотов, а порой даже влияющих на репрезентацию характера персонажа, практически неизбежна при интерпретации текста киноязыком. Эта проблема преодолевается только преобразованием романов в сериалы или многосерийные фильмы, но

даже в этих случаях важные моменты художественного текста могут не попадать в сценарии.

Сегодня в культуре кинематографа ситуация смены парадигм (литературоцентричной на медиацентричную) часто меняет восприимчивую систему – человек сначала смотрит экранизацию, затем узнает о книге и читает ее. Фильмы стали своего рода рекламой для художественных произведений, сокращенной версией, после которой у зрителя появляется интерес прочитать расширенный вариант. Вербальная культура, доминирующая в XX столетии, стала вытесняться визуальной.

Роман Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» определил многие культурные традиции XX и XXI веков. Феноменальное произведение, которое не только отразило англо-американскую будничность, но и стало культурным кодом своего времени.

На данный момент существует несколько киноэкранизаций романа и бесчисленное количество театральных спектаклей. Стремление к повторению киноинтерпретаций обусловлено ярким художественным стилем, масштабностью детального описания интерьера, колористики, особым психологизмом внутренних состояний героев, развернутых через призму героя-рассказчика Ника Каррауэя.

Фильм Джека Клейтона «Великий Гэтсби» (1974 год) точно передает атмосферу начала века и образы главных героев. Картина Роберта Марковица «Великий Гэтсби» (2000 год) сосредоточивается больше на психологии героев, используя кольцевую композицию. Фильм Баз Лурмана «Великий Гэтсби» (2013 год) создает характерную картину действительности того периода.

В последней из экранизаций, которая практически полностью воссоздает оригинальный текст и сюжетно, и стилистически, режиссер Баз Лурман для более точной передачи эпохи использует музыку джаза. Фицджеральд вводит термин «эпоха джаза» [Селютина, Морозова 2017: 38], поэтому таким простым и логичным, тем не менее значимым является решение музыкального джазового сопровождения в фильме – это элемент передачи мысли и в вербальной, и в невербальной формах. Режиссеру таким образом удалось отразить и внутреннее самоощущение героев, их образ жизни, описанный в книге, – все это невозможно уместить в целостно в хронометраж фильма.

Упрощает интерпретацию также ранее упоминаемый «голос» автора – Ник Каррауэй, который сам собой является личностью, «встроенной» в текст для того, чтобы рассказать читателю о великом Гэтсби. Через взгляд этого образа-повествователя мы видим всех героев и воспринимаем их характеры через призму его отношения к ним. По сюжету книги именно он и пишет нам произведение о Великом Гэтсби. Режиссерское решение относительно этого фрагмента интересно – герой фиксирует свои воспоминания о Гэтсби на машинке для записи. Подобный «машинный» исповедальный нарратив усиливает особую метафикциональность произведения и создает эффект двойного повествования.

В фильме мнение автора-рассказчика представлено **закадровым голосом**. С первых страниц романа мы видим красочно описанный образ Гэтсби: «...there was something gorgeous about him; some heightened sensitivity to the promises of life, as if he were related to one of those intricate machines that register earthquakes ten thousand miles away. [This responsiveness] was an extraordinary gift for hope, a romantic readiness such as I have never found in any other person and which it is not likely I shall ever find again». Важным в этом описании являются такие оценочные выражения, как «gorgeous», «heightened sensitivity», «extraordinary gift for hope», «romantic readiness». Обращаясь к фильму, мы замечаем, что эмоциональность высказывания теряется за счет упрощения языка: «He was the single most hopeful person I've ever met. And I'll never likely meet again. [пауза] There was something about him... sensitivity. He was like one of those machines that register earthquakes miles away».

Во-первых, сложные многосоставные предложения делятся на короткие односоставные. Во-вторых, книжная утонченная лексика заменяется более разговорной: «extraordinary gift for hope» превращается в «the single most hopeful person». В-третьих, мы видим примененный прием упрощения: например, в «intricate machines that register earthquakes ten thousand miles away» опускаются «intricate», «ten thousand».

Тем не менее со всеми этими изменениями изначальный авторский смысл не меняется и передается сполна, утрачивается лишь авторский стиль письма, что крайне сложно транслировать из вербального состояния в аудиовизуальный ряд.

Помимо изменений лексических и синтаксических и использования музыки как элемента интерпретации изначального замысла, в киноадаптации мы видим глубоко простроенную актерскую игру, благодаря которой зритель, не имея возможности прочесть эмоцию героя в буквальном смысле может ее читать по жестам, мимике и поведению в конкретной ситуации. Так, ироничная замечка Ника Каррауэя в отношении Тома: «...he saw himself standing alone on the last barrier of civilization» актером Д. Эджертоном выражается презрительной неприятной гримасой и пренебрежительными жестами.

Интерес публики к экранизациям классических произведений свидетельствует о том, что литературное творчество может получать новые формы выражения, соответствующие духу времени.

Киноискусство существует обособленно, но не независимо от художественных текстов. Существуют разные подходы и к созданию экранизации, и к ее анализу, но важно помнить, что это всегда работа, связанная в первую очередь с интерпретацией вербального языка в медиакультурном поле. Режиссер является своего рода соавтором произведения, по мотивам которого фильм снимался.

Литература

Быкова Н.И. Система образов-символов в романе Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» и одноименных экранизациях / Н.И. Быкова // Наукосфера. – 2020. – № 11–2. – С. 7–9.

Зоркая Н.М. Кино. Театр. Литература. Опыт системного анализа / Н.М. Зоркая. – М: Аграф, 2010. – 400 с. (Серия «символы времени»).

Лотман Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.

Селютина Е.А. Роман Ф. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» как прецедентный феномен: классический текст и массовая культура / Е.А. Селютина, А.С. Морозова // Челябинский гуманитарий. – № 3. – 2017. – С. 37–46.

Склизкова Т.А. Взаимодействие языка литературы и кино: учеб. пособие / Т.А. Склизкова; Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2023. – 307 с.

Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю.Н. Тынянов. – М.: Наука, 1977. – С. 323–324.

Усанова А.А. Особенности голоса автора в романе «Великий Гэтсби» и его киноадаптации / А.А. Усанова // Молодой ученый. – 2017. – № 7 (141). – С. 591–594.

Fitzgerald F.S. The Great Gatsby / F.S. Fitzgerald. – Scribner, 2004. – 180 p.

Monaco J. How to read a film: Movies, Media, and Beyond. Fourth Edition / J. Monaco // Oxford University press. – 2009. – 542 с.

Алишина Ханиса Чайдатовна
Тюменский государственный университет
Джунгурова Валери Николаевна
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова
УДК 81'28:811.512.145

**Из опыта перевода скотоводческой лексики
словаря Наки Исанбета с татарского на русский язык**

*татарский и русский языки, фразеологический словарь,
скотоводческая лексика*

В настоящем исследовании мы взяли за перевод фразеологических единиц, относящихся к сфере скотоводства, из уникального фразеологического словаря, чтобы ввести в научный оборот переведенный нами материал и дать его современным исследователям лексики, диалектологии, истории не только татарского, но и русского и других языков народов РФ. Методом фронтальной выборки мы выписали в алфавитном порядке 300 лингвистических единиц по теме «Скотоводство» из двухтомного словаря «Татар теленең фразеологик сүзлеге» и перевели их на русский язык. Перевод лексики скотоводства, извлеченной из «Фразеологического словаря татарского языка» Наки Исанбета, имеет теоретическую и практическую значимость для лексикографических, терминологических, диалектологических, сравнительно-исторических исследований татарского и русского языка.

Авызлык кидерү [Исәнбәт 1989, 1: 16] – взнудать, надеть удила. Лишить человека воли, подчинить себе.

Авызлыклап башка (муенга) менеп атлану [Исәнбәт 1989, 1: 16] – обуздать, сесть на голову (шею) надев удила, залезть на голову. Лишить человека или народ свободы, повелевать им.

Агач атка атландыру [Исәнбәт 1989, 1: 30] – посадить верхом на деревянную лошадку. Обмануть человека.

Агач атка атлану [Исәнбәт 1989, 1: 30] – сесть на деревянную лошадь. Быть обманутым, лишенным идеала.

Алла бозавы [Исәнбәт 1989, 1: 63] – божий теленок. Тихий, смиренный, податливый человек.

Алмаган ат тумаган колын [Исәнбәт 1989, 1: 67] – некупленная лошадь, неродившийся жеребенок. Мечтатель, выдающий желаемое за действительное. Соотв.: делить шкуру неубитого медведя.

Алпавыт алашасы түгел [Исәнбәт 1989, 1: 68] – это ведь не помещичья лошадь, т.е. не упитанная, чтоб перегружать ее.

Аның алашасы да колынлы [Исәнбәт 1989, 1: 79] – у него и лошадь жеребится. О богатом человеке, которому всегда везет.

Аның белән чәкүшкәң эләгешмәсен [Исәнбәт 1989, 1: 79] – с ним нельзя иметь общего дела, лучше обходить его стороной.

Аның сарыгы да бүре тота [Исәнбәт 1989, 1: 80] – у него и овцы волков ловят. О хвастливом человеке. Соотв.: барон Мюнхгаузен.

Аның үгезе дә сәт бирә [Исәнбәт 1989, 1: 81] – у него и бык дает молоко. Аналогично: у него и бык телится. Везучий человек.

Аның үгезе дә бозаулый, аның үгезе дә тешене бозаулый [Исәнбәт 1989, 1: 81] – у него и бык телится, и телка у быка начинает телиться. О сказочно богатом, очень счастливым человеке.

Аның үгезе дә үкерә [Исәнбәт 1989, 1: 81] - у него и бык ревет. О человеке, которому очень в жизни везет

Аптыраганнан гына суям, кәжәкәем [Исәнбәт 1989, 1: 82] – выражение человека, утешающего козу: «Не кричи, дорогая козочка. Я ведь тебя зарезу только из большой любви к тебе». Применительно к палачам безвинно убиенных людей.

Асау айгыр [Исәнбәт 1989, 1: 94] – неприрученный жеребец.

Атагызның малын бүләсезме [Исәнбәт 1989, 1: 97] – почему так шумите (кричите), отцовское наследие делите?

Ат ачуын тәртәдән алу [Исәнбәт 1989, 1: 99] – гневаясь на лошадь, лупить оглобли. Сорвать гнев на другом человеке.

Ат базары ясау Тукта дим, ат базары ясама син безнең утырышны [Исәнбәт 1989, 1: 100] – делать конский базар, базарить.

Ат бар, арба юк, казан кайный, ярма юк, аннан түбән бар да юк [Исәнбәт 1989, 1: 100] – есть лошадь, нет телеги, казан кипит, крупы нет, вообще, ничего нет. О бедности, нищете.

Ат башы булу, ат башчы булып ат башына утыру [Исәнбәт 1989, 1: 100] – быть главой лошади. Быть кучером, сидеть на козлах, править, управлять.

Ат башына менәрлек малай [Исәнбәт 1989, 1: 100] – 6-7 летний мальчик, способный управлять лошастью в помощь отцу.

Ат башында йөрү [Исәнбәт 1989, 1: 100] – быть всадником, наездником

Ат башы тоту, кучер булып ат тотып бару [Исәнбәт 1989, 1: 100] – управлять лошастью, быть кучером, вести лошадь под уздцы.

Ат белән чыпчык куу [Исәнбәт 1989, 1: 100] – гоняться за воробьями на лошади. Соотв.: стрелять из пушки по воробьям.

Ат биреп башлаттым, тай биреп туктаттым [Исәнбәт 1989, 1: 100] – дал лошадь, чтоб начал (напр. плясать), дал жеребца, чтоб остановить.

Ат бәясе [Исәнбәт 1989, 1: 100] – лошадиная цена (доза).

Ат ите ашаганга кызыккан урыс малае кебек [Исәнбәт 1989, 1: 101] – как русский парень, завидующий тем, кто ест конину.

Атка менгәч, ыштанымны ямап бир [Исәнбәт 1989, 1: 101] – если сел на лошадь, сделай сначала заплаты на штанах.

Ат кебек ашый, ат кебек эшли [Исәнбәт 1989, 1: 101] – работает, как лошадь, ест, как лошадь.

Ат кебек ат тигсә бер хәер иде, аның да корчаңгысы тибеп хур итә [Исәнбәт 1989, 1: 101] – если бы пнула лошадь, куда ни шло, а то ведь еще плешивая пинает, это оскорбительно.

Ат кебек эшләү [Исәнбәт 1989, 1: 101] – работать, как лошадь.

Ат куна бару [Исәнбәт 1989, 1: 101] – идти в ночное, пасти лошадей ночью.

Ат күз [Исәнбәт 1989, 1: 101] – прозвище человека с большими глазами.

Атлы казак [Исәнбәт 1989, 1: 102] – казак с лошадыю.

Атлы казак булма [Исәнбәт 1989, 1: 16] – не будь казаком.

Атлысы атып, жәяүлесе ятып карый [Исәнбәт 1989, 1: 102] – всадник стреляет, пеший лежа смотрит. Удивительной красоты вещь.

Атлы-тунлы кеше [Исәнбәт 1989, 1: 102] – богатый, состоятельный человек (имеющий коня-шубу).

Ат тапкан, йөгән тапмаган [Исәнбәт 1989, 1: 102] – лошадь нашел, узду не мог найти. Неудавшийся руководитель.

Атта ял, адәмдә мал калмады [Исәнбәт 1989, 1: 103] – у лошадей гривы, у людей скота не осталось. Полное разорение.

Ат тезеннән [Исәнбәт 1989, 1: 103] – по колено лошади.

Аңа ат тизәге тәгәрмәч, эт тизәге пәрәмәч [Исәнбәт 1989, 1: 103] – ему конский навоз – колесо, собачий помет – перемяч.

Ат тотып йөрү [Исәнбәт 1989, 1: 103] – быть ямщиком, извозчиком.

Ат тоягы [Исәнбәт 1989, 1: 103] – выпечка, похожая на лошадиное копыто.

Ат уйнату [Исәнбәт 1989, 1: 103] – быть хорошим наездником.

Ат урынына эшләү [Исәнбәт 1989, 1: 103] – работать, как лошадь.

Ат хәтле [Исәнбәт 1989, 1: 103] – величиной с лошадь.

Аты аргач тәртәсен кыйный [Исәнбәт 1989, 1: 103] – уставшая лошадь мучает оглобли. О глупом человеке, срывающем зло на другом.

Аты артта, тәртәсе алда [Исәнбәт 1989, 1: 103] – оглобли впереди, лошадь позади. Человек, любящий привирать.

Аты булса йөгәнә табылыр [Исәнбәт 1989, 1: 103] – была бы лошадь, уздечка найдется.

Аты булса чанасы булмый [Исәнбәт 1989, 1: 103] – лошадь есть, саней нет. О малоимущем человеке.

Аты чаптыр, кылычы үткер [Исәнбәт 1989, 1: 103] – лошадь рысистая, сабля острая. О хорошем воине говорили в прежние времена.

Ат эзе эт эзе белән буталды [Исәнбәт 1989, 1: 104] следы лошади перепутались с собачьими. О творящемся беспорядке.

Ат юк. Арба юк. Аннан калган бар да юк [Исәнбәт 1989, 1: 104] – Лошади нет, телеги нет, вообще ничего нет.

Ат яныннан бозау эзләү [Исәнбәт 1989, 1: 104] – искать теленка возле лошади. Лелеять несбыточные мечты.

Ат жене кагылган [Исәнбәт 1989, 1: 104] – лошадиный фанатик. Человек влюбленный в лошадей, в конские скачки.

Ат житкән хат житкән жиргә [Исәнбәт 1989, 1: 105] – посылать весть в самые дальние края, посылать всадника с вестью.

Аягы керсә тоягы керә [Исәнбәт 1989, 1: 117] – если нога пролезет, то и копыто пройдет. О наглом вездесущем человеке.

Аягым ат, кулым камчы [Исәнбәт 1989, 1: 117] – ноги – лошадь, руки – плетки. Одиноким вертким человек, оборотень, проходимец.

Аягына бозау (сыер) басмаган [Исәнбәт 1989, 1: 118] – ему ведь на ноги теленок (корова) не наступил (а). Он еще ничего не испытал.

Аягыңа ат басмаган бит [Исәнбәт 1989, 1: 119] – ему ведь на ноги лошадь не наступила. О лениво ходящем человеке.

Аягы өзәңгедә [Исәнбәт 1989, 1: 119] – ноги в стремях.

Аякка тышау булу [Исәнбәт 1989, 1: 121] – быть путами, висеть грузом на ногах.

Аяклы мал [Исәнбәт 1989, 1: 122] – животные, имеющие ноги.

Аяк урынына тояк, тояк урынына сыйрак, сыйрак урынына таяк, таяк урынына маяк [Исәнбәт 1989, 1: 123] – одно взамен другого, эрзац, суррогат, протез.

Аңа ике ат бер тиен, ике чабата бер кием [Исәнбәт 1989, 1: 124] – ему две лошади копейка, двое лаптей – одна одежда. Легкомысленный человек

Аңа үгез үлсә ит, арба ватылса утын [Исәнбәт 1989, 1: 126] – если бык умрет – мясо, телега сломается – дрова. Человек, извлекающий личную выгоду из любого несчастья других людей. Соотв.: Кому война – кому мать родна.

Таким образом, с татарского на русский язык переведена часть материала на букву «А», связанного со скотоводством. При этом частотность употребления лексем следующая: авызлык – 2, алаша – 5, арба – 4, ат – 53, бия – 3, бозау – 14, дилбегә – 11, дөя (төя) – 12, кәжә – 24, койрык – 7, колын – 3, мөгез – 9, сарык – 8, сыер – 30, тай – 9, тәртә – 5, тояк – 7, тышау – 1, үгез – 25, чана – 2, ял – 2. Работа будет продолжена.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00060 «Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с традиционным скотоводством: сравнительно-исторический аспект».

Литература

Исәнбәт Н. Татар теленең фразеологик сүзлеге. Ике томда / Н. Исәнбәт; фәнни ред. В.Г. Хаков. Рец. Ф.А. Ганиев. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1989. – 1 т. – 495 б.; 2 т. – 1990. – 365 б.

Сверхъестественные образы в сказках тюркских народов

*сверхъестественные образы, народные сказки, одноглазый человек,
Герадот, грифон*

Многие сверхъестественные образы носят универсальный характер. Эти образы, рассматриваемые как типологическое явление, существуют в мифологии или сказках народов мира. Как говорил В.М. Жирмунский, «международный характер имеют сюжеты сказок – волшебных, животных...» (выделено мной. – Х.А.) [Жирмунский 1979: 261]. То же самое можно сказать и о мифах. Художественное мышление народов и племен, живущих в разных культурных слоях народов мира, обуславливает появление сверхъестественных образов.

Чем ниже опускается культурный слой, тем очевиднее становится сверхъестественность, которая указывает на первобытный образ мышления. В частности, к первобытным образам можно отнести сверхъестественные образы, основанные на сходстве небесных светил с некоторыми органами человека. Например, этот первобытный этап сохранился в мифах, созданных арийцами. Арии называли солнце «глазом неба». В Ригведе солнце описывается как «глаз Митры, Варуны и Агни».

Кстати, составление «Ригведы» связано с художественным и словесным творчеством ариев, переселившихся в Индию из Средней Азии во II тыс. до н.э. [Олтун ёруғ 2009, 1: 8]. В «Зенд Авесте» оно «глаз Ахурамазды, сияющее солнце, обладающее быстрыми скакунами», а в другом месте восхваляются «два глаза». Два глаза – это солнце и луна. У древних скандинавских народов Один, отец всего сущего, у которого только один глаз [Тайлор 1989: 169]. Особый акцент на образ «двуглазого» показывает, что образ одноглазого был распространен на этапе первобытного мышления, и человечество делало упор на двуглазое существо.

Анализ таких сверхъестественных образов или сюжетов мировой мифологии и сказок невозможен в рамках одной статьи, поскольку материала много, а их функция претерпела определенные изменения на этапах исторического, культурного и социального развития каждого народа. В одном воплощены все черты сверхъестественного, а в другом остаются на примитивном уровне. Вместе с тем изменились и поэтические формы, а значит, произошли изменения и в содержании сверхъестественных образов. В этом вопросе мы ограничимся высказыванием некоторых своих мыслей по поводу вышеописанного

сверхъестественного образа – одноглазого существа на примере сказок тюркских народов. Например, у всех народов мира есть сказки с такими персонажами, как одноглазый человек или трехглазый человек, которые из-за своей неестественной внешности были созданы для выполнения сверхъестественных задач [Мифы 1992: 246].

Одноглазые существа или сказочные образы, представленные как исторические факты в исторических произведениях, выражают почти тот же смысл, что и образы этого типа, встречающиеся в сказках. На самом деле эти сверхъестественные образы либо взяты из определенных эпосов, либо основаны на мифологических представлениях народа, на что делается акцент в исторических произведениях. Например, об одноглазом человеке говорится в «Мельпомене», четвертой книге «Истории» Геродота. Аристей, сын Каистробия, уроженец Проконеса, рассказывает в своем эпосе: Аристей, одержимый Фебом, дошел до исседонов, выше исседонов живут одноглазые люди, аримаспы [Геродот 1993: 190]. Это отрывок из эпоса об Аристее. Аримасп по-скифски означает 'одноглазый'. На рисунке ниже изображен мифологический гриф, живущий над аримаспами и стерегущий золото. Аримаспы всегда воевали с грифонами и другими соседними народами, включая скифов и иссидонцев.

Как видно из рисунка 1 (см. ниже), изображение головы грифона, мифологической птицы, воплощает образ крылатого коня, в данном случае грифон сражается с аримаспами – одноглазыми людьми.

Рис. 1. Грифон сражается с аримаспами

Грифоны живут на горе, которая расположена вблизи края ари-маспов и стерегут золото. Аримаспы из-за этого богатства постоянно сражались с грифонами. Грифон в данном случае олицетворяет крылатую птицу и мифологическую лошадь.

Мы уже упоминали в нашей книге, что образ крылатого коня широко распространен в изобразительном и прикладном искусстве народов Центральной Азии, мифологии тюркских народов, живших в этом регионе, каракалпакском, узбекском вариантах эпоса «Алпамыс» [Алламбергенов 2013: 29–32].

Некоторые исследователи предполагают, что народ аримаспов мог быть кочевым скифским народом южной Сибири в эпоху бронзы. Аримаспы, которых Геродот описал на основе эпоса Аристея «Эпос об Аримаспах» (этот эпос еще называют «Аримаспы») – мифический народ, изображаемый воинственным племенем.

Образ одноглазого человека получил продолжение в сказках тюркских народов. Этот образ чаще встречается в казахских народных сказках. Например, в сказке «Ағайынды екі жігіт» («Два брата») персонаж долго скитается, пока в горах не встречает одноглазого человека. Он приветствует его словами: «Здравствуй, отец». Интересно то, что в этой сказке образ одноглазого человека не представлен как злой персонаж, который существует в большинстве других источников. Одноглазый человек, увидевший парня, также обращается к нему «сын»». И спрашивает его о том, что он делает на этой горе и откуда он пришел. Парень говорит ему, что он сирота и что «он будет сыном того, у кого нет детей или пастухом того, у кого нет пастуха». Услышав это, одноглазый старик просит парня быть его сыном, и приглашает его к себе домой. После того, как поужинали, они легли спать, перед этим одноглазый старик говорит парню: «Дитя мое, я хочу тебя предупредить, чтобы ты не испугался. Ночью в темноте мой глаз начинает сверкать так, что в комнате станет светло» [Қазақ 1989, 4: 232]. Тогда парень говорит, что не испугается и выходит на улицу. Герой этого сюжета не ответил добром на доброту одноглазого старика. Он делает зло герою, который оказал ему доброту и дал ему ночлег в своем доме, вероятно из страха, что он все равно его убьет.

В казахской народной сказке «Аламан мен Жоламан» («Аламан и Жоламан») одноглазый человек – это жалмауыз кемпир (злая ведьма). Как описано в сказке, одноглазая ведьма своим вдохом притягивала к себе жертву с расстояния в один день. Герой сказки Аламан спасается от ведьмы с помощью волшебного кольца. Сын Аламана кольнет старуху копьем в единственный глаз. Жена Аламана говорит сыну «ударь только один раз. Помни, от второго удара ведьма оживает». «Ударь еще раз» – умоляет старуха парня. Но парень помнит наказ мачехи, не слушает ведьму и наконец избавляется от нее.

На основании изученных источников можно сделать заключение, что образ одноглазого человека имеет древние корни в фольклоре

тюркских народов. Более того, этот сверхъестественный образ часто ассоциируется с отрицательными персонажами сказок.

Литература

Аримаспы // Википедия. 2024. Дата обновления: 06.07.2024. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%B0%D1%81%D0%BF%D1%8B> (дата обращения: 23.09.2023).

Геродот. История. – М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1993. – 600 с.

Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение. – Л.: Наука ЛО, 1979. – 493 с.

Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. – М.: Советская энциклопедия, 1992. – Том 2. – 719 с.

Тайлор Э.Б. Превобытная культура. – М.: Изд. Политической литературы. 1989. – 576 с.

Алламбергенов Х. Ғайритабий образларнинг мифологик асослари. – Ташкент: Муҳаррир, 2013. – С. 29–32.

Олтун ёруғ. 1-китоб, – Ташкент: Фан, 2009. – С. 8.

Қазақ халық әдебиеті. Көп томдық, 4-том. – Алматы: Жазушы, 1989. – С. 438.

«Shorts» как новый тип функционально-прагматических единиц кинотекста

*кинодискурс, функционально-прагматические единицы кинотекста,
shorts, социальные сети*

Стремительное развитие технологий в современном мире ведет к постоянному развитию форм репрезентации текстов в новом виртуальном веб-пространстве. Виртуализация всех сфер жизни общества, в первую очередь направленных на коммерческое потребление, стимулирует развитие новых форм репрезентации и функционирования собственно коммерческой продукции и направленных на ее распространение рекламных текстов. Одной из сфер, претерпевших стремительную виртуализацию, становится сфера кинематографа.

В настоящее время появилось множество онлайн-сервисов, позволяющих потреблять кинопродукцию посредством сети Интернет. К ним относятся онлайн-кинотеатры, стриминговые сервисы, подписные киносервисы, а также каналы, посвященные их распространению и продвижению (веб-страницы, каналы в сети Telegram, социальные сети, форумы и т. д.). Привычное популярное телевидение перемещается в виртуальное пространство, что преследует ряд целей: расширение охвата целевой аудитории (что является возможным за счет отсутствия временных границ в предоставлении прав на просмотр), получение пролонгированной выгоды (возможность продажи сервисов подписки), возможность распространения рекламной информации (за счет включенной рекламы или рекламы, размещенной на самом сервисе), возможность реализации кинопродукции без выкупа времени показа в кинотеатрах, широкое распространение формата сериалов, а также создание форумного чата для повышения популярности и привлекательности кинопродукции.

Вследствие появления новой формы распространения собственно кинопродукции, возникает запрос на создание новой формы рекламы для привлечения потенциального зрителя к просмотру продукта киноиндустрии. Одной из таких форм становится феномен т. н. «шортс» (от англ. Short – ‘короткий, короткометражный’). В русском языке данное явление получило название «клип», которое, однако, употребляется реже, чем англоязычный вариант вследствие меньшего распространения в социальных сетях, а также семантической задвоенности лексемы «клип» – данное понятие рассматривается в значении «короткометражный, специально смонтированный видеофильм, обычно используемый в качестве рекламы

эстрадной песни, музыкального альбома, фильма» [НКРЯ, URL]. В данном случае, клип или shorts также обладает рекламными функциями, как и оригинальный клип, однако не является специально смонтированным объектом.

Shorts представляет собой короткометражный (до 90 секунд) видеофрагмент, представляющий собой цельный сюжетный отрывок оригинального полнометражного кинофильма, сериала или мультипликационного фильма. Функционально, shorts используются в качестве рекламных объектов, которые распространяются посредством популярных социальных сетей (ВКонтакте, Telegram, TikTok, ТамТам, Pancha и т. д.). распространение shorts происходит со специальных аккаунтов стриминговых сервисов, таких как Okko, Кинопоиск, IVI, Start, Premier и пр., а также онлайн-кинотеатрами как популярными дистрибьюторами неавторской (производимой другими кинокомпаниями) кинопродукции (Wink, Kion, More.tv и т. п.). Как и иные функционально-прагматические единицы кинотекста [Анисимов 2020], shorts обладают следующими характеристиками: небольшой объем, краткость, структурная целостность, информационная насыщенность, прагматическая установка на потенциального зрителя кинофильма. Небольшой объем и краткость достигается за счет ограничения на время репрезентации (для большинства социальных сетей краткий формат предлагает зрителю видеофрагменты длительностью не более 90 сек). Структурная целостность достигается за счет репрезентации целостного сюжетного фрагмента (одной законченной темы, сцены), а информационная насыщенность – за счет идейной насыщенности рассматриваемого фрагмента. Так как главной функцией shorts предполагается аттрактивная функция, а целью – привлечение к просмотру кинофильма, демонстрируемый потенциальному зрителю видеофрагмент обладает высоким аттрактивным потенциалом и может носить философский, социальный или юмористический характер. Помимо этого, формат shorts предполагает наличие краткой подписи, которая выражена малоформатным комментарием, отражающем информацию о дистрибьюторе (стриминговом сервисе или онлайн-кинотеатре), а также набором гипертекстовых меток (хэштег-меток), которые представляют собой малоформатные элементы рекламного текста [Анисимова 2023], чаще всего содержащих информацию о сюжете кинофрагмента в виде ключевых слов.

В качестве специфической особенности репрезентации shorts можно отметить наличие визуализированного аудиоряда, т. е. сопровождение речевой озвучки рядом субтитров, которые, в отличие от стандартного ряда субтитров, могут перекрывать визуальный ряд и играть ведущую роль в процессе восприятия видеофрагмента. Данная характеристика обусловлена тем, что большое количество пользователей просматривает shorts в беззвучном формате во время скроллинга социальных сетей, вследствие чего аудиальный ряд, как играющий важнейшую репрезентативную и аттрактивную функцию, следует визуализировать. Следует отметить, что аудиальный и визуализированный аудиальный (субтитры)

ряд могут не совпадать (аудиальный ряд может быть представлен на одном языке, а визуализированный – на другом), однако это не является обязательным условием функционирования единиц shorts.

Рассмотрим следующие примеры shorts на русском и французском языке, размещенные стриминговыми сервисами Allociné и Кинопоиск в 2023 г. (рис. 1).

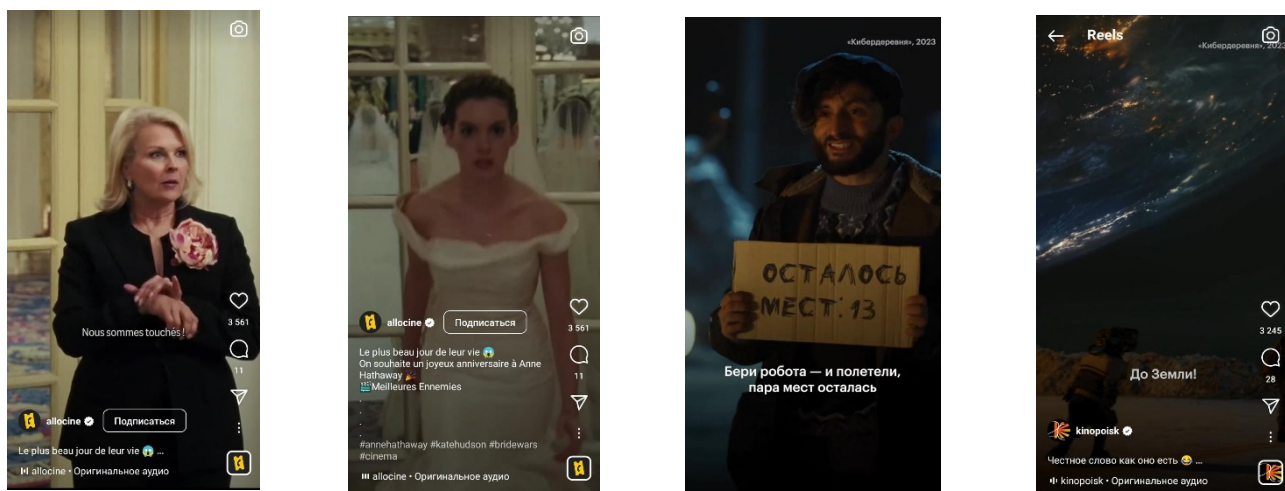

Рис. 1. Shorts, посвященные к/ф «Meilleures Ennemies» на французском языке от сервиса Allociné и сериалу «Кибердеревня» на русском языке от сервиса Кинопоиск

Приведенные примеры shorts на русском и французском языках имеют ряд сходств и различий. Так, shorts на русском языке посвящен новому сериалу «Кибердеревня», первый сезон которого вышел в прокат 23 сентября 2023 г. на стриминговом российском сервисе Кинопоиск. Вследствие ориентации на русскоязычную целевую аудиторию и отсутствии факторов локализации, аудиальная и графическая текстовая составляющая аналогичны и представлены на русском языке. Визуальная составляющая представляет собой 90 секундный отрывок из 3 серии сериала. Для репрезентации выбран не пилотный фрагмент, так как он доступен к бесплатному просмотру на стриминговом сервисе, тогда как просмотр следующих эпизодов возможен только по подписке.

В свою очередь, shorts на французском языке представляет собой классическую постпрокатную рекламу фильма «Meilleures Ennemies» («Война невест» в русскоязычной локализации), выпущенного в 2009 г. для привлечения внимания целевой аудитории к представленным на сервисе продуктам, а также привлечению зрителей к просмотру потенциально незнакомых для них кинокартин. Аудиальный и графический текстовый компонент не совпадают, так как аудиоряд представлен на языке оригинала (английский), тогда как графический дубляж текста представлен на французском языке. Подобный формат локализации позволяет одновременно привлечь как англоязычную, так и франкоязычную целевую аудитории.

Среди общих структурных черт можно выделить наличие следующих элементов: графический дубляж для представленного аудиоряда, название кинопродукта в описании, авторский малоформатный комментарий, гипертекстовая ссылка в описании (для облегчения поиска и отображения по ключевому запросу пользователя), а также ссылка на стриминговый онлайн-сервис. Также можно отметить наличие открытого форума для просматривающих short (комментариев) и использование полноформатного фрагмента – в shorts присутствует полноценный эпизод из к/ф или сериала, а не просто нарезка кадров.

Таким образом, можно сделать вывод, что т. н. *shorts* представляют собой новый тип малоформатных функционально-прагматических единиц кинотекста, функционирующих в пространстве социальных сетей. Shorts представляют собой цельный короткометражный (не более 90 сек.) эпизод кинопродукта (кинофильма или сериала), основной функцией которого становится привлечение внимания потенциального зрителя к просмотру нового кинопродукта на стриминговом сервисе, или ознакомление с библиотекой кинопродукции, представленной на данном сервисе (пост-прокатная реклама). Shorts обладают рядом специфических структурных и содержательных характеристик, к которым относятся: короткий метраж представленного фрагмента (до 90 сек.), представление цельного эпизода, дубляж аудиоряда графическим текстом, размещенным поверх изображения, наличие ссылки на стриминговый сервис или онлайн-ресурс, наличие названия полнометражной версии фрагмента, наличие авторского комментария и гипертекстовых меток для привлечения целевого пользователя к просмотру.

Литература

Анисимов В.Е. Кинозаголовок, синопсис и слоган кинофильма как функционально-прагматические единицы кинотекста (на материале современного французского кинодискурса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13, № 1. – С. 240–245. – DOI 10.30853/filnauki.2020.1.48.

Анисимова Е.Д. Феноменология социальной рекламы во французском и русском рекламном дискурсе // Язык и коммуникация в контексте культуры: Материалы международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 12 апреля 2023 года. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2023. – С. 66–71.

Национальный корпус русского языка (НКРЯ). – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.11.2023).

Образ татарской женщины в романе Р. Туфитулловой «Ветер судьбы»

татарская проза, образ женщины, Г. Камалова-Акчурина

На протяжении всей истории татарской литературы ее авторы неизменно обращаются к историческому прошлому и его героям. Одной из ярких традиций является воплощение образов выдающихся женщин, олицетворяющих дух народа. Особую популярность эта тема приобретает в непростые для общества времена, когда возникает потребность в нравственных ориентирах.

Ряд романтических произведений второй половины XX – начала XXI в. демонстрирует тягу татарских писателей к исторической тематике и созданию ярких женских характеров. Обращаясь к героическому прошлому, литература находит там вдохновение и примеры стойкости, необходимые для преодоления кризиса в обществе. Эта особенность татарской словесности сохраняет свою актуальность по сей день.

Ярким примером стал женский образ в татарской литературе 1960–1980-х гг., эпохи «оттепели» и возвращения к национальным традициям. В повести Амирхана Еники «Воспоминания Гуляндам» (1975) воплощен образ молодой татарки начала XX в. Гуляндам Султановой. Автор преодолевает схематичность образа «новой» советской женщины, обращаясь к национальной истории.

Эту традицию продолжают татарские писательницы начала XXI в. В 2017 г. вышел роман Айгуль Ахметгалиевой «Туташ» о первой татарской актрисе Сахибджамал Гиззатуллиной-Волжской. В 2019 г. опубликована повесть Розы Туфитулловой «Язымыш жиле» о жемчужине тюркского мира Гульсум Камаловой-Акчуриной. Рассмотрим последнюю подробнее.

Гульсум Камалова (1899–1957) – младшая дочь религиозного деятеля второй половины XIX в. Закира Камалова. Ее жизненный путь был сложным, но ярким и насыщенным. В повести о Гульсум Камаловой каждый эпизод раскрывает определенную черту характера татарской женщины. Автор показывает, как в судьбе героини проявляются такие качества, как стойкость, вера, любовь к искусству, приверженность традициям. Через этот образ воплощаются лучшие черты национального характера.

В повести Р. Туфитулловой читатель впервые встречается с образом Гульсум Камаловой в культурном пространстве Петербурга. Здесь героиня получает образование, участвует в общественной жизни, входит в круг передовой татарской интеллигенции. Это подчеркивает ее прогрессивные взгляды и активную позицию.

В повести Габдулла Тукай называет Гульсум «белым ангелом черной ночи», а Гаяз Исхаки сравнивает с Джокондой. Однако, как подчеркивает литературовед М. Хабутдинова, в роли сквозного образа у Туфитулловой выступает «светлый ангел», в отличие от традиционных для татарской литературы «матерей нации» и «звезд». Кроме того, в интерпретации Туфитулловой образ Гульсум лишен двойственности Джоконды и акцентирован на ангельском начале, как отмечает ряд исследователей.

Доверие Г. Исхаки, передавшего Гульсум рукопись «Зулейхи», связывает ее с галереей жертвенных женских образов татарской литературы. Так автор вписывает героиню в литературную традицию, наделяя ее символическим значением.

Одной из ярких черт Гульсум Камаловой было сострадание и милосердие. Так, с началом войны на Балканах в 1912 г., она в сопровождении Фатиха Карими и группы татарских девушек отправляется в качестве сестры милосердия в турецкую армию по призыву правительства Турции. Гульсум пишет репортажи в татарскую прессу, активно публикуется, проявляя заботу о раненых и помощь нуждающимся. Несмотря на раннюю потерю отца, она всегда гордится своим происхождением и корнями, оставаясь верной им («Гөлсем үзенең кем баласы икәнән бөтен күзәнәкләре белән тоя»).

Ключевой сюжетной линией в повести являются отношения Гульсум Камаловой и выдающегося татарского поэта Габдуллы Тукая. В начале произведения наивная Гульсум предлагает больному Тукаю поехать лечиться в Крым, готова помочь ему деньгами. В 1913 г., вернувшись из Турции, девушка спешит проститься с умирающим поэтом. Смерть Тукая становится тяжелой утратой для Гульсум и всего татарского народа. Повесть пронизана цитатами из произведений Тукая: каждая глава начинается эпиграфом из его стихотворений, подчеркивая неразрывную связь героини с творчеством великого поэта.

В повести Чистополь, родные края Гульсум, предстает особым хронотопом. Здесь героиня узнает о смерти своей подруги, одной из первых татарских учительниц Фатимы-Фариды Наурузовой. Эпизод показывает, что Гульсум разделяла феминистские взгляды начала XX в. – вместе с Фатимой-Фаридой они мечтали преподавать татарским девочкам, воспитать из них будущих «милләт анасы» (матерей нации). Так автор акцентирует прогрессивные взгляды героини и ее стремление к женскому образованию.

Далее судьба забрасывает Гульсум в Симбирск, где она выходит замуж за фабриканта Габдуллу Акчурина. Несмотря на перемены в обществе, Гульсум остается прежде всего женой и матерью.

После революции имущество Акчурина национализируют, а сам он умирает в 1933 г. Из-за своего «классово чуждого» происхождения Гульсум долгое время не может устроиться на работу при советской власти. До 1941 г. она живет в Ленинграде, затем переезжает в Оренбург, а с

конца 1940-х гг. поселяется в Казани, где и умирает, несмотря на все перипетии судьбы оставаясь верной себе.

Таким образом, обращение к жизни татарской просветительницы Гульсум Камаловой позволяет Розе Туфитулловой в повести «Язмыш җиле» наиболее полно раскрыть образ татарской женщины. В этом помогает авторский голос, который на протяжении повести дает оценку событиям и персонажам. Автор размышляет о национальной свободе, устанавливая связь между прошлым и настоящим. Для создания образа героини используются мотив дороги как жизненного пути и символ «язмыш җиле» – ветра судьбы. Гульсум достойно проходит все испытания, воплощая в себе лучшие черты татарской женщины – силу, прогрессивность, терпение, милосердие. Так автор кристаллизует образ национального женского идеала.

Литература

Гайнуллина Г.Р. Р. Туфитуллованың «Язмыш җиле» романында татар хатын-кызы идеалы бирелеше / Г.Р. Гайнуллина, Л.Р. Фаезова // Литература и художественная культура тюркских народов в контексте Восток-Запад: материалы Международной науч.-практ. онлайн-конф. (Казань, 22–25 октября 2020 г.) / под ред. Ф.С. Сайфулиной. – Казань: Изд. Казанского университета, 2020. – 370 с. – С. 63–67. – URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F_14491417/SBORNIK_.Vostok_Zapad_2020.pdf (дата обращения: 15.11.2023).

Туфитуллова Р.Р. Язмыш җиле: роман / Р. Р. Туфитуллова; [кереш сүз авт. Р. Гаташ]. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2020. – 143 б.

Хабутдинова М.М. Идеино-художественное своеобразие романа Р. Туфитулловой «Язмыш җиле» // Литература и художественная культура тюркских народов в контексте Восток-Запад [Электронный ресурс]: материалы Международной научно-практической онлайн-конференции (Казань, 22–25 октября 2020 г.) / под ред. Ф.С. Сайфулиной. – Казань: Издательство Казанского университета, 2020. – С.312-314. – URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F_14491417/SBORNIK_.Vostok_Zapad_2020.pdf (дата обращения: 15.11.2023).

К проблеме использования музыкально-семантического анализа в исполнительской подготовке будущих педагогов-музыкантов

*музыкально-педагогическое образование, исполнительская
подготовка, студенты, музыкальная семантика, анализ*

Выявление смылосодержательной основы музыки, ясное представление идейного замысла композитора и используемых им средств художественного воплощения являются важнейшим условием актуализации мощного социально-педагогического и развивающего потенциала музыкального искусства в образовательном процессе.

Музыкальная семантика как наука о смысловой организации музыки нацелена на ее выявление с точки зрения теории языка и музыкально-речевой деятельности. По мнению В. Медушевского, музыкальный знак можно определить как специфическим образом оформленное материальное акустическое образование, выполняющее в музыке следующие функции (одну из них или все вместе): пробуждение представлений и мыслей о явлениях мира, выражение эмоционально-оценочного отношения, воздействие на механизмы восприятия, указание на связь с другими знаками [Медушевский 1974: 10].

Понимание значимости анализа музыкального содержания и необходимости разработки его методических основ для применения в области музыкального образования активизировало педагогическую мысль в последние годы, стимулировало проведение диссертационных исследований по данной проблематике, издание научных и методических работ, разработку авторских курсов в рамках профессиональной подготовки педагогов-музыкантов в вузе, инициировало рассмотрение в рамках конференций и научно-методических семинаров. Так, проблемам музыкального содержания и его анализа посвящено более десятка специализированных международных и всероссийских конференций, проведенных на базе творческих вузов России.

Раскрытие музыкального содержания является одним из аспектов музыкального анализа как одного из главных методов в исследовательском аппарате современного теоретического музыковедения. Музыкальный анализ отражает, с одной стороны, методические традиции, сложившиеся в музыкальной науке и искусствоведении за многовековую историю своего развития, а с другой – подходы и технологии междисциплинарных научных областей и прежде всего семиотики, позволяющей выявить универсальные механизмы расшифровки языка музыки как знаковой и коммуникативной системы.

Семиотическое направление в музыковедении связано с трудами зарубежных исследователей А. Шеринга, Д. Липмана, Г. Епперсона, Й. Ииранека, Б. Неттля, Н. Рюве, Ж. Наттье, Дж. Стефани и др.; отечественных ученых М.Г. Арановского, Б.В. Асафьева, В.В. Медушевского, Л.А. Мазеля, А.Н. Сохора, В.Н. Холоповой, Л.П. Казанцевой, Л.Н. Шаймухаметовой и др.

Сложившиеся в классической семиотической науке направления – синтаксис (синтактика), семантика и прагматика, нашли в музыковедении свое определенное отражение в виде научных концепций и предметных областей.

Так, синтаксис, изучающий отношения между знаками, внутренние свойства знаковых систем вне связи с их интерпретацией, анализирует прежде всего грамматический строй музыкального языка и становится объектом таких музыкально-теоретических дисциплин, как «музыкальная форма», «гармония», «полифония», «инструментоведении» и др.

Семантика, рассматривающая отношения между знаками и обозначаемым предметом, находит воплощение в активно развивающейся области «теория музыкального содержания», применяющей широкий арсенал методов культурологии, эстетики и философии музыки в области музыкального анализа, раскрывающей смысл элементов музыкальной ткани в контексте художественно-стилевых направлений или индивидуального творческого стиля композитора.

Прагматика, исследующая отношения между знаковой системой и «адресатом», а также проблемы интерпретации знаков, наиболее широко изучается в сфере социологии и психологии музыки, становится почвой для возникновения новых теорий, особенно на стыке музыковедения и социолингвистики (теория музыкального дискурса, теория музыкальной коммуникации и др.).

В области музыкальной педагогики идеи музыкальной семантики нашли отражение в вузовских учебных курсах по теории музыкального содержания для студентов-музыковедов, а также прикладных разработках ряда исследовательских групп, развивающих методическую линию развития музыкальной семантики.

Лабораторией музыкальной семантики УГАИ им. З. Исмагилова под руководством Л.Н. Шаймухаметовой осуществляется исследование проблемы «музыкальный текст и исполнитель», разработаны методические основы музыкального семантического анализа, что предусматривает расшифровку интонационной лексики как объекта исполнительского интонирования, изучение устойчивых смысловых структур музыкального текста, интонационных оборотов с закрепленными значениями – «мигрирующих интонационных формул» – лексем, семантических фигур, в совокупности репрезентирующих предметный мир и образы искусства.

Наибольшую перспективность в аспекте прикладного применения в музыкально-образовательном процессе представляет семантический ас-

пект музыкального анализа, непосредственно направленный на раскрытие содержательной сущности музыкального произведения во взаимосвязи с внешней формой реализации.

В рамках инструментально-исполнительских дисциплин студентов музыкально-педагогических профилей подготовки Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета элементы семантического анализа музыкальных произведений применяются достаточно широко.

В «Классе основного музыкального инструмента» при изучении фортепианных сочинений зарубежных и русских композиторов с опорой на методику музыкального семантического анализа Л.Н. Шаймухаметовой выявляются устойчивые интонационные обороты-лексемы и более крупные смысловые структуры-синтагмы. Это позволяет охарактеризовать музыкальный образ в контексте определенной эпохи, художественной системы определенного композитора или создаваемой в произведении ситуации; обозначить музыкально-риторические фигуры, интонации, символизирующие двигательные действия, речевые интонации, имитирующие музыкальные инструменты и т. д. Наиболее доступными для семантического анализа выступают произведения крупнейших композиторов XVII–XX вв., творчество которых глубоко исследовано в аспекте стилистических и художественно-образных характеристик.

В «Концертмейстерском классе» при изучении камерно-вокальных сочинений особое внимание уделяется анализу семантического соответствия выразительных средств фортепианного аккомпанемента и литературной (поэтической) основы вокальной партии, выявлению «вклада» партии фортепиано в образно-тематическую или сюжетную содержательность сочинения. При изучении аккомпанементов, реализующих функции изобразительно-иллюстративного фона средствами фактурно-ритмических формул, важным является выявление особенностей использования композиторами приема «обобщения через жанр» (А. Альшванг) для передачи необходимого семантического значения в фортепианной партии.

Специальное внимание уделяется семантическому анализу камерно-вокальных сочинений, которые характеризуются содержательной «несогласованностью» партий фортепиано и вокала. Особенности такого «несоответствия» обусловлены многомерностью, смысловой многозначностью поэтического и музыкального текстов как самостоятельных семантических систем, наличием коннотативных (дополнительных) значений, которые актуализируются в процессе развертывания образного содержания произведения.

Особый интерес при изучении фортепианных и камерно-вокальных произведений представляет интертекстуальность, благодаря использованию цитат, аллюзий, реминисценций и других типов «первичных текстов» превращающая музыкальное сочинение в сложное знаковое пространство, характеризующееся процессами порождения и интерпретации многомерных смысловых пластов. Это способствует развитию музыкального

мышления будущих педагогов-музыкантов, способствует формированию их музыкально-педагогической культуры и готовности к реализации развивающего потенциала музыкального искусства в образовательном процессе школы.

Литература

Медушевский В.В. О закономерностях и средствах художественного воздействия музыки / В.В. Медушевский. – М.: Музыка, 1974. – 254 с.

Шаймухаметова Л.Н. Мигрирующая интонационная формула и семантический контекст музыкальной темы: Исследование / Л.Н. Шаймухаметова. – М.: Гос. ин-т искусствознания, 1999. – 311 с., нот.

**Полифоничность театрального дискурса:
инструменты выражения**

театральный дискурс, афиша, аттрактивность, брендинг, маркетинговый потенциал

Современные реалии, предполагающие цифровую эволюцию, а также коммерциализацию форм коммуникации, оказывают определенное влияние на все дискурсивные практики, реализуемые в процессе человеческого взаимодействия. Театральный дискурс, в свою очередь, не стал исключением. Театральная коммуникация обладает следующими характеристическими особенностями:

– *институциональность*, находящаяся в тесной связи с ритуализованностью, регламентированностью и канонизированностью (театр – институт культуры и искусства, деятельность которого осуществляется в рамках конкретного театрального пространства согласно позициям специфического коммуникативного кодекса, регулирующего деятельность профессионалов, задействованных в воплощении действия, при этом деятельностный алгоритм в контексте театральной коммуникации обусловлен форматом дискурса, временной и исторической перспективой, фиксированным процессуальным порядком);

– *семиотичность*, воплощаемая в контексте театрального дискурса посредством системы знаков, имеющих определенный функционал (пространственное ориентирование, ценностное ориентирование, просветительская функция и др.);

– *развлекательность*, предполагающая максимальное воздействие на адресата, вовлечение его в игровой процесс посредством различных инструментов, манипулятивность и персуазивность коммуникативных форматов [Викулова, Черкашина 2022; Борботько 2014; Викулова, Борботько 2017].

На сегодняшний день одним из определяющих признаков театрального дискурса стала его междисциплинарность, нашедшая воплощение в принадлежности и эффективной реализации в рамках различных типов дискурса. Так, театральная коммуникация осуществляется в контексте медиа-, рекламного и маркетингового дискурсов. Каждый из них характеризуется собственным набором типологических характеристик, которые передаются театральному дискурсу, воспроизводимому в том или ином формате. Полифоничность театрального дискурса реализована посредством матрично организованного инструментария. Если ядерным элементом является спектакль, имеющий максимальный манипулятивный эффект, то на периферии находятся инструменты, предваряющие выход

спектакля, сопутствующие его представлению на сцене, а также возникающие *post factum*, часто кросс-темпорально – время возникновения того или иного инструмента (например, рецензии) может варьироваться. Обозначенный инструментарий включает такие элементы, как афиша, рецензия, отзыв, театральная программа, билет и пр. Остановимся на афише подробнее.

Театральные афиши зародились в Греции в IV веке до н.э. Изначально внешний вид афиши представлял собой рукописный текст, сопровождающийся изображением, нарисованным вручную. Афиши вывешивали у дверей театра с целью сообщить зрителям о предстоящих спектаклях. Следовательно, справедливо подчеркнуть, что изначальным существенным признаком афиши является аттрактивность – нацеленность на привлечение внимания аудитории и мотивацию к его посещению [Горбик 2018: 55]. С точки зрения реализуемого функционала древнегреческие афиши предполагали реализацию информационной и рекламной функций. В дальнейшем с развитием книгопечатания, появились первые напечатанные рекламные буклеты, которые в основном информировали о новых книгах. Подобные буклеты представляли собой отдельные полноценные издания. В свою очередь, афиши также приобрели печатную форму, что увеличило их популярность в XVIII в., когда их стали регулярно выпускать для оповещения зрителей о предстоящих театральных представлениях. При этом, большое значение приобретал внешний вид афиш: они рассматривались не только и не столько как информационный или рекламный буклет, но и как произведения искусства, создание которых требовало привлечения известных художников. Со временем афиша стала полноценным элементом декораций, который может восприниматься автономно и служить передаче художественных ценностей. Важно, что каждый театр, про это, демонстрировал свой собственный стиль афиш, что справедливо считать шагом к брендированию театра. Таким образом, помимо информационной и рекламной афиши предусматривали реализацию просветительской и аксиологической функций.

Переходя на современный этап, отметим, что афиши сегодня в большей степени являются поликодовыми текстами, включая в себя минимум текста и больше графики, в то время, как подробная информация о спектакле представлена на сайте театра, в театральной программе или на билете. Вербальная и визуальная информация являет собой целостное «смысловое и коммуникативное единство» [Шевченко 2014: 121]. При этом довольно частотны изображения популярных актеров, задействованных в спектакле, что, безусловно нацелено на привлечение внимания зрителей к конкретному спектаклю. Таким образом, афиша не только информирует зрителей о репертуаре и премьерах, но и популяризирует стиль театра в целом и каждого спектакля в отдельности. В этом случае, справедливо говорить о развитии маркетингового потенциала театра и формировании его бренда как объекта культурного и исторического

наследия, носителя национального культурного кода. При этом, брендинг предполагает информационную и имиджевую поддержку, коммерциализацию объекта. В то же время, афиши в цифровом формате, размещенные в сети интернет, позволяют привлечь большую аудиторию и воздействовать на нее в режиме реального времени. Ключевой характеристикой таких афиш является гипертекстуальность, поскольку посредством клика осуществляется переход на веб-сайт театра или сайт агрегатора билетов, что также способствует продвижению бренда театра и реализации коммерческой функции. Рассмотрим пример афиши как элемента маркетинговой стратегии продвижения театра как бренда.

Композиционные особенности афиши к спектаклю «Манюня» (рис. 1), демонстрируемого на сцене РАМТ (г. Москва), цветовые и графические решения, содержательное наполнение позволяют ей изначально вторгаться в общее городское коммуникативное пространство, создавая новое в стремительно развивающемся коммуникативном пространстве.

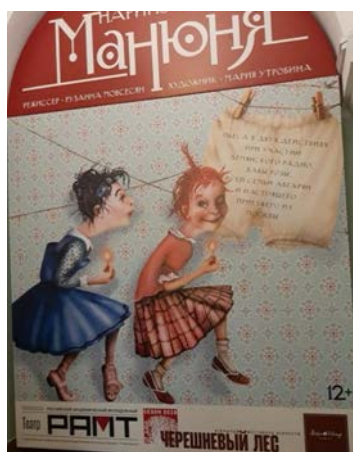

Рис. 1. Афиша к спектаклю «Манюня»

Другими словами, описываемая афиша представляет собой единый комплекс, систему кодов и символов, выступающий инструментом физического и когнитивного ориентирования аудитории. В верхней части афиши располагается название спектакля, перечисляются ключевые позиции создателей – художника, режиссера. Интересной композиционной особенностью стало расположение эмблемы театра в нижней части страницы. Логотип фестиваля «Черешневый лес» совместный с эмблемой фирмы-спонсора есть дань коммерциализации театра. Одной из немногочисленных вербальных составляющих является упоминание задействованных в постановке персонажей, тем не менее, подобный текст нельзя считать списком действующих лиц, поскольку отсутствует детализация всех участников постановки. Представляется интересным, однако, имплицитное упоминание автора пьесы, которая легла в основу спектакля (Н. Абгарян). Применение метадискурсивной стратегии, в частности, отсылка к семье автора пьесы позволяет сделать вывод об автобиографичности

произведения, его достоверности, что несомненно повышает аттрактивность данной афиши и анонсируемого спектакля. Более того, подобная отсылка также является своеобразным вектором адресации, поскольку упоминание семьи, задействованной в пьесе, предполагает, что и среди адресатов (зрительской аудитории) будут семьи с представителями разных возрастных групп. Спектакль не позиционируется как детский, о чем свидетельствует принадлежность к возрастной категории 12+. Тем не менее, создатели видят спектакль семейным (в рамках обозначенных возрастных ограничений), что одновременно можно трактовать с позиции культурного кода и этностереотипизации – клановость, уважительное отношение к старшим членам семьи, культ большой семьи, свойственные народу Армении.

Таким образом, воздействующий потенциал театрального дискурса реализуется посредством инструментария, составляющие которого представляют собой матрицу. Одной из них является афиша, обладающая такими сущностными признаками, как информативность, аттрактивность, медийность. С течением времени афиша приобретает просветительские и эстетические характеристики, а впоследствии трансформируется в инструмент брендинга и воплощения маркетинговой стратегии. Будучи связующим звеном между зрителем и театром как институтом культуры, приглашая зрителей на спектакль, афиша одновременно отражает полифоничность театрального дискурса.

Литература

Борботько Л.А. Категории театрального дискурса как институционального образования / Л.А. Борботько // Научный вестник Воронежского гос. архит.-строит. ун-та. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2014. – № 3 (23). – С. 113–122.

Викулова Л.Г. Коммуникативное пространство театра в лингвопрагматической парадигме / Л.Г. Викулова, Л.А. Борботько // Языковой дискурс в социальной практике: сб. науч. трудов Междунар. науч.-практ. конф., 7–8 апр. 2017 г. / отв. ред. Н.А. Комина, И.В. Дорофеева. – Тверь: ТвГУ, 2017. – С. 49–52.

Викулова Л. Г. Французская афиша как ключевой жанр театрального дискурса / Л.Г. Викулова, Е.И. Черкашина // Романские тетради: Романия как цивилизационное понятие: Сб. науч. ст. / Отв. редактор Л.Г. Викулова. Том 2. – М.: ООО «Языки Народов Мира», 2022. – С. 47–56.

Горбик А.А. Поликодовость текста печатной театральной афиши // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2018. – Т. 15, № 1. – С. 54–58.

Шевченко А.С. Театральная афиша как рекламный текст и метод воздействия / А.С. Шевченко // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2014. – № 1. – С. 120–128.

**Контекстуальная эмотивность лексических единиц с семантикой
цветообозначения в повести И.С. Тургенева «Первая любовь»**

*эмотивная лексика, цветообозначение, внутренний мир человека,
символическое значение, повесть И.С. Тургенева*

В настоящее время в лингвистической сфере одним из наиболее активно развивающихся направлений является направление, изучающее тесную связь между человеком и языком. Это объясняется в первую очередь антропоцентрическим принципом современного языкознания, по мнению лингвиста Т.И. Ананиной, который характеризуется тем, что изучение языка превращается в изучение самой говорящей личности [Ананина 2006]. В результате этого в научных статьях и диссертациях многих исследователей начинается постепенный переход от анализа системы и структуры языка к рассмотрению новых вопросов, такие как способы фиксации и хранения знаний о мире в языке и влияние человеческих факторов на язык и другие соответствующие проблемы.

В человеческом сознании присутствует не только предметно-логическая информация об окружающем мире, но и эмоциональное, волевое и другие формы его отражения. Литературовед Н.А. Мартянова отмечает, что информация, которая получается в результате анализа языковых средств писателя, помогает нам более глубоко понять его творческую индивидуальность, его мнение и психические переживания и состояния (эмоции) [Мартянова 2006: 79]. В данной работе мы хотели бы сосредоточиться на последней категории, которая имеет непосредственное отношение к психологии человека, и латентно присутствует во всех языковых знаках, в основном в художественных текстах. Основными методами исследования являются лингвостатистический, описательный и метод контекстуального анализа.

Еще в середине XX в. много языковедов уже признали, что эмоции охватывают все виды когнитивной деятельности человека, в том числе и языковую (Л.Г. Бабенко, А.А. Водяха, В.В. Виноградов, В.И. Шаховский и др.). Так, при изучении различных уровней языковых единиц нельзя игнорировать в них эмотивные потенциалы, то есть их способность выражать эмоциональную информацию человека.

Вместе с тем следует обратить внимание на то, что некоторыми учеными уже была предпринята попытка раскрыть тесную взаимосвязь между эмоциями и цветообозначениями. Ю.А. Климовских справедливо отмечала, что с помощью когнитивно-прагматического анализа можно

сделать вывод о том, что цветовые слова могут «коннотировать» психологические детали человека [Климовских 2010: 108]. Цветообозначения выступают в художественных произведениях не только в прямых номинативных значениях, а представляют собой полисемантические единицы языка, выполняют различные функции, такие как символическая, эмоционально-оценочная, изобразительная, эстетическая и др.

Если учесть, что в русском художественном тексте давно уже традиционно используются лексические единицы с семантикой цветообозначения в качестве средства интерпретации эмоционального мира героев, то произведения И.С. Тургенева не являются исключением. В своей повести «Первая любовь» И.С. Тургенев использует разнообразные выразительные средства языка для изображения эмоционального состояния героев, в том числе и лексические единицы с семантикой цветообозначения. В повести имеется всего 168 лексем для наименования 45 цветов и оттенков. Наиболее употребительными являются цветами **белый** (22 раза), **темный** (18 раз), **красный** (15 раз), **черный** (13 раза), **серый** (10 раз), **золотой** (6 раз), а также слова **светлый, полинялый, пестрый, пурпуровый, полумрак** и др. Анализ позволил сделать вывод о том, что большинство цветовых слов является прилагательным, кроме того, представлены глаголы с отвлеченной признаковой семантикой цвета (**светиться, потемнеть, краснеть, бледнеть**), а также существительные, сочетающие в семантике структуру значение цвета со значением признака предмета или явления (**кровь, золото, свет, огонь, дым**).

В исследуемой повести психологические детали представлены элементами пейзажа и внешнего портрета героев, такие выражения с помощью метафорических значений слова наделяют художественный текст новыми подтекстами и эмотивными смыслами. В повести «Первая любовь» используются различные цветообозначения, во-первых, для описания природных объектов (**темное небо, полупрозрачная мгла, черные тучи, ночная темнота, темная комната**), что помогает создавать эмоциональную атмосферу сюжета, во-вторых, для демонстрации внешности человека (**белое лицо, светлые глаза, бледные губы, ясный взгляд**), что характеризует личность персонажей и их эмоциональные состояния. Таким образом, лексические единицы с семантикой цветообозначения под влиянием эмоционального контекста могут приобретать соответствующие символические значения и демонстрируют различные эмоциональные переживания персонажей, делают художественный текст более образными и экспрессивным.

Рассмотрим несколько основных эмоциональных ситуаций, описываемых в повести «Первая любовь» с помощью цветообозначения: «Она до того была **бледна**, такая горькая печаль, такая глубокая усталость сказывалась в каждой ее черте...» [Тургенев 2011: 108]; «На ней было **белое** платье – и сама она, ее лицо, плечи, руки – были **бледны до белизны**» [Тургенев 2011: 122]. Активное употребление цветообозначения «блед-

ный» при интерпретации эмоции «печаль» можно обосновать с физиологической точки зрения. Эмоции тесно связываются с организмом человека, всегда влияют на его физиологический и психологический процессы: сильная печаль влияет на общий уровень активности мозга, приводит к похуданию и истощению [Аверина, Трубина 2020: 9].

Оттенки цвета кожи могут тесно связываться с эмоциональными состояниями человека, красный часто показывает такие эмоции, как **гнев, смущение и грусть**, белый – **страх, печаль, удивление**, а черный – **тоска, зависть, угнетенность и неуверенность**. Например, «Он **красен**, как рак ... Отчего она такая **бледная**? ездил верхом целое утро – и **бледная**?» [Тургенев 2011: 120]. Таким образом, выражение эмоций персонажей через цветовые слова основывается на взаимодействии подходов метафоры и гиперболы.

В произведениях писателя И.С. Тургенева природные элементы (**небо, огонь, дерево, туман, облако** и др.) являются параллелью духовности человека, они имеют важное значение в характеристике личности персонажа. Автор в своей работе активно использует разнообразные выразительные средства языка для изображения картины природы, чтобы создать эмоциональный фон истории. Например: «... а за ними **темное** небо с большими звездами да **темный** сад с большими деревьями. Королева глядит в сад. Там, около деревьев, фонтан: он **белеет во мраке** – длинный, длинный, как привидение» [Тургенев 2011: 126]. Темный, как традиционный цвет ночи и смерти, символизирует **грусть, страдание, сомнение и духовные терзания**, передает эмоциональное состояние Зинаиды, которая не смогла противостоять любви и уже осознала свой трагический результат. В фантазии Зинаиды показывается тургеневская концепция любви: Любовь часто приносит людям трагедию, что приводит к утрате внутренней свободы, превращает человека в раба.

Эмоции являются абстрактными, расплывчатыми и трудно выразимыми, в художественном тексте для интерпретации эмоциональных состояний героев можно использовать различные языковые средства, в том числе и лексические единицы с семантикой цветообозначения. Все выделенные материалы показали, что писатель И.С. Тургенев при использовании цветовых лексем для объективации внутренних переживаний героев в большинстве ситуаций придерживается устоявшихся традиций. Цветовые слова в художественном тексте позволяют проецировать внутренний мир человека на его физиологические реакции и на внешний мир, что помогает заинтересовать читателей и заставлять их переживать вместе с героями.

Литература

Аверина Д.И. «Цветные фразеологизмы»: физиология эмоций / Д.И. Аверина, И.С. Трубина // Слово – эхо мысли!: Сборник студенческих

научных работ и эссе (к 100-летию ПИМУ). – 2020. – С. 9–12.

Ананина Т.В. Эмоции и языковая картина мира / Т.В. Ананина // Вестник КАСУ. – 2006. – № 2. – URL: <https://www.vestnik-kafu.info/journal/6/210/> (дата обращения: 24.10.2023).

Климовских Ю.А. Цветообозначения как способ семантической интерпретации психологических деталей в описании портрета в произведениях О. Уайльда / Ю.А. Климовских // Наука. Инновации. Технологии. – 2010. – № 68. – С. 108–112.

Мартьянова Н.А. Особенности объективации эмоциональных состояний посредством цветообозначений (на материале произведений А. И. Куприна) / Н.А. Мартьянова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2013. – № 5 (26). – С. 79–84.

Тургенев И.С. Первая любовь: повести / И.С. Тургенев. – М.: Дет. лит., 2011. – 317 с.

Насколько трагедия «Ромео и Джульетта» Уильяма Шекспира интересна сегодня: подход к переводу и анализу

*Ромео и Джульетта, любовь, культура, традиции перевода,
трансформация, интермедиаальность*

В сложную эпоху технологических и общественных трансформаций, вызовов и трудностей все равно проявляется новое, какие-то элементы отмирают, а какие-то возрождаются. Однако культура во всех ее проявлениях была, есть и будет всегда неотъемлемой составляющей жизни человеческого вида. Наличие культуры радует и вдохновляет, отвлекает и помогает человеку, спасает его от реальности и дает ему шансы на выживание в жестоком мире. В период различных трансформаций именно культура дает человеку шанс оставаться собой, быть стойким и терпеливо выдерживать все жизненные испытания. В наше время вследствие глобализации, компьютеризации и цифровизации наблюдается слияние жанров, стилей и культур. Творцы бросают вызов миру: в искусстве кино происходит пересечение с литературой, живописью, театром, развивается интермедиаальность. И в то же время идет возврат к историческим корням, если можно так назвать к прошлому, как некий посыл интереса к забытому или оставленному. У. Шекспир, Ш. Бодлер, В. Гюго, М. Сервантес, Д. Дефо, Ш. Перро, П. Корнель, Р. Декарт, Ф. Бекон и другие великие авторы остаются популярными даже сейчас. Обращение к их творчеству проявляется не только в чтении или посещении спектаклей, но и в использовании прямом или косвенном, в рекламе, блогах, маркетинговых ходах, интернет-ресурсах.

Переводчики – посредники между культурами, чья неутомимая деятельность помогает большинству из нас увидеть краски разноликого мира, напоминая об истории и традиции; красоте и доброте, окуная в забытую среду. Уильяма Шекспира переводят до сих пор, к нему делают множество отсылок, его жизнь и творчество вдохновляет огромное количество шекспироведов. И.А. Аксенов, А.Н. Баранов, Г. Брандес, Н.А. Высоцкая, К.Н. Державин, О.Ю. Поляков, Ю.Г. Фридштейн и другие ученые, отечественные и зарубежные исследователи, такие как Кеннет Адельман, Энн Бартон, Шарлотта Портер, Дэвид Кристал, Эмма Смит составляют неполный внушительный список. Широк и список фильмов и театральных постановок Шекспира: лишь экранизаций «Ромео и Джульетты» насчитывается 11 (*Ромео и Джульетта* 1908, 1936, 1954, 1968, 2013, а также фильм-балет, фильм-опера и многое другое.) Кроме того, режиссеры копируют сюжет «Ромео и Джульетты»: фильмы «Девушка из долины»

(1983), «Приговор» (1988), а фильм «Влюбленный Шекспир» (Shakespeare in Love) Джона Меддена (1998) показывает часть жизни и творчества молодого Шекспира, его личную драму как будущую основу трагедии Ромео и Джульетты. Театральные постановки ставятся и в наше время, создаются вариации и с мюзиклами, и с музыкальными группами. Интермедиальность в эпоху трансформаций развивается все стремительнее. В то же время не ослабевает интерес и к самому тексту драматических произведений и сонетов У. Шекспира, существует и появляется сегодня новое количество переводов, напечатанных и/или выложенных в Интернет, среди которых известны переводы «Ромео и Джульетты» И. Расковшенко (1839), Н. Грекова (1862), Д.Л. Михаловского (1888, 1899), А.Л. Соколовского (1894), А. Григорьева (1902), А. Радлова (1934), Б. Пастернака (1943), Т. Щепкиной-Куперник (1957), из сравнительно недавних версий можно назвать переводы Екатерины Савич и Осии Сороки. В своем желании перевести отрывок из трагедии сыграло роль то, как в наше сложное и переменчивое время трагедия сохраняет тепло в сердце, как чудо может стать реальностью, мечта воплотиться в жизнь, это трагедия юной всепоглощающей любви, зарождающейся при первом взгляде, в ней столько страсти, что для нее не существует преград, она так сосредоточена, что выбирает только между своим предметом или смертью, так сильна, что соединяет молодых людей мгновенно неразрывными узами и, наконец, так трагична, что вслед за упоением свидания следует с поразительной быстротой гибель влюбленных» [Брандес, 1999, 1: 1]. Такие константы, как любовь, страсть, верность, самопожертвование и помогают бросить вызов трудностям и пережить трудные времена.

Сюжет трагедии возник в своем первоначальном виде, вероятно, около 1591 г. Следовательно, когда поэту было 27 лет, не отличался новизной. Впервые он был рассказан Масуччио из Салерно в одной повести, относящейся к 1476 г. Затем английский поэт Артур Брук заимствовал его для своей поэмы «Трагическая история Ромео и Юлии». Скорее всего, Шекспир знал эту поэму, «здесь он нашел уже роли главных действующих лиц, затем фигуры Лоренцо, Меркуцио, Тибальта, кормилицы и аптекаря, очерченные слабыми контурами в виде силуэтов» [Смирнов, 1949, 1: 4]. Это вечный сюжет, который и через столетия актуален и привлекателен.

Характерной чертой шекспировской трагедии является ее удивительная поэтичность. Отдельные сцены трагедии напоминают сборники лирических стихотворений. Конечно, это знаменитая сцена у балкона (II, 2), начинающаяся монологом Ромео [Пуришев, 1996, 1: 1г]. Для перевода и анализа и был выбран отрывок (2 акт, 2 сцена): обращение Ромео к Джульетте. Безусловно, трагедия написана изящным языком возвышенного стиля, языковые средства, эпитеты и метафоры, усиливают восприятие безмерности чувств. Джульетта в данном монологе Ромео представляется ему богиней, сравнима с солнцем, звездами. Ромео хочет стать перчаткой, чтобы коснуться руки своей возлюбленной. По словам Ю.М. Лот-

мана, поэтический текст подчиняется всем правилам данного языка. Однако на него накладываются новые, дополнительные по отношению к языку, ограничения: требование соблюдать определенные метро-ритмические нормы, организованность на фонологическом, рифмовом, лексическом и идейно-композиционном уровнях. Поэтому в нашем переводе хотелось это попробовать передать. Ниже будет рассмотрена интерпретация известной переводчицы Т. Щепкиной-Куперник в сравнении с авторским переводом (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение переводов

Авторский перевод	Перевод Т. Щепкиной-Куперник
О, тише! Что за свет струится чрез окно? Это восток, Джульетта- это солнце! Выгляни, прекрасное солнце, прогони завистливую луну, Которая уже больна и бледна от огорчения, Но ей служа, ты все еще прекрасней, Но не будь же жрицей зависти; Ее непорочное, нежно-зеленое одеяние, Которое носят только глупцы, сбрось его с себя. Это моя госпожа. О! Это моя любовь: О! Пусть знает она, что это так. Она заговорила, но вот она снова молчит: что же делать? Ее глаза вопрошают; я отвечу им. Нет моей дерзости конца, не мне она молвит свои речи: Две прекраснейшие звезды во всем небосводе, Живут своим чередом, поглядывая в ее глаза Чтобы огоньком зажечь их и вернуться. Что если бы ее очи были там, высоко, а не на ее личике? Блеск ее щек затмит сияние тех звезд Как только свет дневной вдруг станет фонарем; ее глаза Закружат в вальсе с воздухом, сияя и блестя на небесах Пташки запоют так звонко, будто ночь ушла давно. Посмотрите же! Как нежно она касается рукой своей щеки: Ах! Мечтаю быть перчаткой на ее ручке, Чтобы хоть раз дотронуться до ее щеки.	Но тише! Что за свет блеснул в окне? О, там восток! Джульетта – это солнце. Встань, солнце ясное, убей луну — Завистницу: она и без того Совсем больна, бледна от огорченья, Что, ей служа, ты все ж ее прекрасней. Не будь служанкою луны ревнивой! Цвет девственных одежд зелено-бледный Одни шуты лишь носят: брось его. О, вот моя любовь, моя царица! Ах, знай она, что это так! Она заговорила? Нет, молчит. Взор говорит. Я на него отвечу! Я слишком дерзок: эта речь – не мне. Прекраснейшие в небе две звезды, Принуждены на время отлучиться, Глазам ее свое моление шлют — Сиять за них, пока они вернутся. Но будь ее глаза на небесах, А звезды на ее лице останься, — Затмил бы звезды блеск ее ланит, Как свет дневной лампаду затмевает; Глаза ж ее с небес струили б в воздух Такие лучезарные потоки, Что птицы бы запели, в ночь не веря. Вот подперла рукой прекрасной щеку. О, если бы я был ее перчаткой, Чтобы коснуться мне ее щеки!

Авторский перевод написан более вольным стилем, сохранен смысл, но присутствуют новые метафоры и образы.

Например, в первой строке в авторском переводе использовано слово *струится*, чтобы показать динамику любви, силу и энергию желания с самой первой фразы. Любовь словно вода, которая струится с гор и своей силой сносит все вокруг. *Блеснуть* не имеет такой коннотации, это больше что-то мимолетное, но любовь молодых вечна.

Далее слово *убей* в переводе Т. Щепкиной-Куперник заменено на слово *прогони*, так как луну невозможно убить, она всегда будет оттенять солнце, быть тенью для Джульетты; кроме того, слово *убить* несет в себе меланхолическое настроение, которое не свойственно молодым, они находятся в эмоциональном подъеме, и ничто не может сломить их. *Жрица* имеет более сильный и эмоциональный оттенок, нежели *служанка*; жрица более величественна, энергична, как любовь. В переводе Т. Щепкиной-Куперник использовано слово *царица*, что является русским элементом в культуре и хорошо сюда вписывается, однако *госпожа* подразумевает более приземленное и нежное отношение подчинения, которого и добивается Ромео. Во фразе *ее глаза вопрошают* использовано эмоционально-окрашенное слово *вопрошать*, которое также является более возвышенного стиля нежели *говорить*. В переводе Т. Щепкиной-Куперник фраза *принуждены на время отлучиться* является близкой к оригиналу и несет в себе то изящество трагедии Шекспира; однако в авторском переводе больше подчеркнута обособленность звезд, как чего-то высоко, от мира людей, но в то же время и связь высшего с Джульеттой. Фраза *огоньком зажечь* также является символом желания, пылкого и страстного, безумного и нежного. Слово *подперла* не несет в себе связи с Ромео, это слово кажется здесь грубым и неуместным, а *касаться* иллюстрирует всю нежность и страсть, подразумевает второго человека, и также символизирует пылкое желание.

В эпоху многих перемен и разных изменений очень важно быть стойким и разумным, научиться принимать стремительные трансформации. Культура и искусство в этом состоянии могут помочь, являясь для человека неким отвлечением, уходом в другую реальность. Для нас «Ромео и Джульетта» – это символ любви, ценностная эмоция и константа, которая будет сопровождать человека всегда. Возможно, поэтому эта повесть Шекспира найдет отголосок в каждом человеке, а ее различные переводы показывают разную интерпретацию произведения, разное отношение через призму разного мировоззрения, времени и состояния.

Литература

Брандес Г. Шекспир. Жизнь и произведения / Г. Брандес. – М.: ТОО «Алгоритм», 1999. – 734 с.

Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии / Ю.М. Лотман. – СПб, 1996. – 748 с.

Пуришев Б.И. Литература эпохи Возрождения. Идея универсального человека / Б.И. Пуришев. – М.: Высш. шк., 1996. – 365 с.

Смирнов А.А. Шекспир / А.А. Смирнов. – Л.: Гос. акад. Искусствоведения, 1949. – 200 с.

Шекспир У. Ромео и Джульетта / У. Шекспир. – М.: Мой мир, 2005, перевод Т. Щепкиной-Куперник. – 429 с.

Shakespeare Romeo and Juliet. – М.: Higher school publishing house, 1972. – 125 p.

**Гририна Елена Анатольевна
Романова Галина Семеновна**

Московский государственный институт международных отношений
(Университет)

УДК 930.85–091'811.34.2/811.8

Мультикультурный мир и его отражение в перуанской хронике XVI века

*мультикультурный мир, империя инков, перуанские хроники,
Гуаман Пома де Айяла*

Столкновение разных культур не является новой реальностью современного мира, хотя о политике *мультикультурализма*, заговорили лишь в конце XX в. Эти столкновения происходят на протяжении всей истории человечества, выливаясь, как правило, в конфликты той или иной степени тяжести. Их отражение мы находим в произведениях, созданных разными авторами в разные эпохи на разных континентах. Однако наибольший интерес представляют собой те сочинения, в которых описан глазами очевидцев начальный этап столкновения разных цивилизаций с совершенно непохожими друг на друга культурами. Одним из таких произведений является перуанская хроника XVI в., увидевшая свет под названием «Новая Хроника Доброго Правления» (El Primer Nueva Corónica y Buen Gobierno) и принадлежащая перу Фелипе Гуамана Пома де Айяла [Poma de Ayala], индейца кечуа, который принял католицизм и, выучив испанский язык, служил переводчиком между изначально чуждой ему европейской цивилизацией и родным андским сообществом.

Текст Хроники он создавал в течение двадцати или даже тридцати лет, объехав огромные территории и общаясь с представителями многочисленных этносов, населявших инкскую империю, а также церковной и гражданской администрацией вице-королевства. Его собеседниками были люди из всех слоев общества. Будучи рожден в знатной индейской семье, представители которой принадлежали к разным этносам, он с детства прочувствовал особенности межэтнического общения.

В своем произведении Пома де Айяла противопоставляет, с одной стороны, господствовавший инкский мир укладу жизни племен и этносов, средой обитания которых является Амазонская сельва. Вывод автора о том, что они, будучи дикарями, ведут варварский образ жизни, основан на двух критериях: каннибализм и отсутствие одежды. В то же время он признает вклад этих воинственных людей в формирование инкского социума, отдавая должное их умению сосуществовать с природным миром и использовать его: «...с точки зрения жителя Анд, эти народы выглядят менее гуманными и цивилизованными, что превращает их в потенциальных врагов: имидж их общества противоположен укладу жизни инков, а негостеприимная природа сельвы чужда монументальной архитектуре Анд,

они предстают как противопоставленные друг другу культурные пространства... Но хронист прекрасно знаком с их мировидением и признает их давние связи с андским миром» (перевод наш. – Е.Г., Г.Р.) [Mamani 2016: 219]. С другой стороны, перуанский хронист проводит параллели между инкской и европейской цивилизациями, и, не сомневаясь в абсолютной ценности христианских добродетелей, он с грустью констатирует, что они не способны защитить местное население от множества бесчинств и несправедливости, которые творятся на бескрайних просторах родной ему и уже прекратившей свое существование инкской империи. Однако, автор не оставляет попыток «примирить два совершенно разных мира, две цивилизации, свидетелем столкновения которых он является» [Гринина, Романова 2023].

Идеалом государственного устройства и жизненного уклада Пома де Айяла считал порядки, существовавшие в бывшей инкской империи, где все было устроено в соответствии с понятиями справедливости и функциональности, где законы честно исполнялись, а их невыполнение жестоко каралось. Поэтому, обращаясь к испанцам, он дает понять, что тот мир, который они принесли на его родную землю, далек от совершенства: «Ты ужасаешься, читатель-христианин, древнему язычеству и ереси, в которые впадали индейцы-язычники. Они ошибались в выборе истинного пути, как ошибались [и] испанцы, у которых [в древности] были идола. <...> Так, один испанец-язычник имел своего идола из серебра, которого он изготовил сам своими руками, а другой испанец украл его у него. Разыскивая идола, он плакал и плакал больше из-за идола, чем из-за серебра. И также индейцы-варвары и язычники плакали по своим идолам, когда вы разрушали их во время конкисты. А ваши идола – в ваших владениях и в деньгах всего мира» [Пома де Айяла 2011: 248].

В заключение отметим, что «Новая Хроника Доброго Правления», описывая сосуществование многих этносов в конфликтном процессе формирования единого социума, поднимает важнейшую проблему взаимодействия и взаимовлияния культур, основной движущей силы становления нового перуанского национального сообщества. И сегодня эта проблема остается чрезвычайно актуальной.

Литература

Гринина Е.А. Андская цивилизация в Хронике Помы де Айяла / Е.А. Гринина, Г.С. Романова // Философия и культура. – 2023. – № 9. DOI: 10.7256/2454-0757.2023.9.43781 EDN: ZYSRQBURL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43781 (дата обращения: 24.11.2023).

Гуаман Пома де Айяла, Фелипе. Первая новая Хроника и доброе правление (доколумбовый период) / Пер. со староиспанского В.А. Кузьмищева, отв. ред. Н.Ю. Кудеярова. – М.: Памятники исторической мысли, 2011. – 292 с.

Guaman Poma de Ayala F. El primer nueva corónica y buen gobierno [1615]. Biblioteca Real de Dinamarca, Copenhagen.

Mamani Macedo M. Guamán Poma de Ayala: las travesías culturales. – Lima, Universidad Nacional Mayor de San Marcos, 2016. – 277 p.

**Книга нон-фикшн «Я – Малала»: английский язык как инструмент
привлечения международного внимания**

*нон-фикшн, права человека, нарратив, международные отношения,
образование, английский язык*

В настоящей статье мы анализируем значимость основной идеи книги, написанной в жанре нон-фикшн «Я – Малала: уникальная история мужества, которая потрясла весь мир» (в оригинале *I am Malala. The Girl Who Stood Up for Education and Was Shot by the Taliban*). Данное произведение опубликовано в 2013 г. и написано Малалой Юсуфзай в соавторстве с Кристиной Лэм. Книга представляет собой мемуары девочки, чья жизнь поделилась на «до» и «после».

12 июля имеет особое значение для Малалы Юсуфзай. Это не только ее день рождения, но в этот день в 2013 г. она выступила в ООН, чтобы призвать к доступу к образованию во всем мире. С этого дня ООН назвала 12 июля Днем Малалы. Во время своего выступления в ООН она заявила: «День Малалы – не мой день. Сегодня день каждой женщины, каждого мальчика и каждой девочки, которые подняли свой голос в защиту своих прав».

Так важно понимать и осознавать, главное – образование, его величайшая ценность, значимость, доступность, наше право на образование. Мы со студентами-международниками проходим тему «Права человека», в рамках изучения английского языка в сфере международных отношений, овладевая профессиональной коммуникацией на иностранном языке, для совершенствования навыков мы рассматриваем различные официальные документы, переводим их, разбираемся в значении слов, используемых в данном контексте, анализируем тексты таких документов как Великая хартия вольностей, Билль о правах человека, Всеобщая декларация прав человека, которая включает в себя 30 статей. В данном контексте хотелось бы подчеркнуть значимость статьи 26, которая гласит, что «каждый человек имеет *право на образование*. Образование должно быть направлено к полному развитию человеческой личности и к увеличению уважения к правам человека и основным свободам. Образование должно содействовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми народами, расовыми и религиозными группами, и должно содействовать деятельности Организации Объединенных Наций по поддержанию мира» [Официальный 2023].

В рамках темы о правах человека мы обсуждаем деятельность ключевых общественных политических деятелей, таких как Э. Рузвельт, М. Ганди, Н. Мандела и М.Л. Кинг. Студенты готовят свои выступления,

связанные с современными личностями, которые поразили, вдохновили их самих. История Малалы оказала особое влияние и на современных студентов.

Книгу отличает простой наивный стиль написания. Повествование ведется от первого лица, нарратором выступает сама главная героиня. Основные темы произведения – история Пакистана, традиции, обычаи народа, природа родного края, тоска по родине, политический у строй страны, религиозный вопрос, тема семьи, роль отца в жизни девочки, родственные связи, мирный воин в борьбе за просвещение, свет и прогресс. В книге подчеркивается значимость развития личных качеств – храбрость, сострадание, доброта, целеустремленность, пытливость ума, самоценность и признание того, что даже один голос может на что-то повлиять. Косвенно затрагивается актуальный на сегодняшний день вопрос о навыках критического мышления, который очень остро стоит в современном мире постправды, альтернативных фактов, когда легко попасть в ловушку фейковых новостей. Школа дает надежду и обеспечивает будущее для современного поколения, когда примером для подражания становятся такие общественные активисты как Малала Юсуфзай.

Литература

Официальный сайт Организации объединенных наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 29.11.2023).

Юсуфзай М.Я. Малала: уникальная история мужества, которая потрясла весь мир / М.Я. Юсуфзай; в соавторстве с Кристиной Лэм; пер. с англ. Е. Большелаповой М.: Колибри: Азбука-Аттикус; 2014. 399 с.

Особенности перевода названий китайских фильмов на русский язык: переводческий опыт

кино, перевод, китайский язык, русский язык

Кинематограф сегодня, несомненно, одно из важных направлений в искусстве, которое присутствует практически во всех странах мира. Оно способствует развитию межкультурной коммуникации, взаимопониманию. Сегодня в связи с изменением в геополитической ситуации в России увеличивается интерес к китайской культуре, в том числе и китайскому кинематографу. В настоящее время планируется увеличение импорта большого числа китайских фильмов в прокатах российских кинотеатров и пополнение коллекции фильмов в онлайн-кинотеатрах (например, Кинопоиск, okko и др.).

Цель данной работы – изучить особенности перевода названий кинофильмов и установить связь между оригинальным названием на китайском языке и переводом на русский.

Перевод – это интерпретация смысла исходного текста на одном языке и создание нового, эквивалентного текста на другом языке таким образом, чтобы переведенный текст нес в себе смысловую нагрузку исходного текста. Цель перевода состоит в том, чтобы установить отношение равнозначности между исходным и уже переведенным текстом (то есть, чтобы гарантировать, что оба текста сообщают то же самое сообщение), принимая во внимание много ограничений: контекст, правила грамматики языков, их соглашения письма, их идиом, и тому подобное.

Аудиовизуальный перевод – особый вид перевода, который нельзя отнести ни к письменному, ни к устному переводу. Согласно словарю Л.Л. Нелюбина, аудиовизуальный перевод, в зависимости от цели и характера работы, сочетает в себе особенности синхронного, письменного и последовательного перевода. Такой вид включает перевод анимационных, документальных, игровых фильмов, телесериалов, новостных выпусков, рекламы, компьютерных игр и других интернет-материалов. Такой комплексный тип перевода имеет основную цель в том, чтобы произвести впечатление на зрителя такое же, как и оригинальное произведение.

Учитывая, что первое знакомство с фильмом потенциальный зритель начинает с его названия, то возникает проблема – ориентироваться на исходный вариант на иностранном языке или ориентироваться на целевую аудиторию, которой будет доступен перевод. Тем не менее, переводчик должен следовать принципам и тактикам перевода: функциональ-

ная эквивалентность, информационный принцип, художественный принцип или другая тактика, а именно: буквальный перевод, вольный перевод, транслитерация и т. д. Более того, перевод названия фильма, в соответствии с теориями перевода, должен сосредоточить внимание на самом сообщении как по форме, так и по содержанию и стремиться к тому же, что и представляет оригинал.

Переводя что-то с иностранного языка, переводчик переводит также и «культурный код». Из-за разницы в истории и менталитете, западному человеку без специальных знаний довольно трудно воспринять особенности культуры и традиций восточного человека. Поэтому стратегии перевода важны не только для перевода целого произведения, но и для перевода названия.

В научной литературе выделяется три основных стратегии, наиболее часто используемых переводчиками.

1. Прямой перевод. Его основная цель – сохранить исходную оригинальность и форму в переводе, когда условия это позволяют (сохраняется метафора, национальные элементы). Однако стоит отметить, что на практике этот метод лучше всего работает в том случае, если название фильма близко по смыслу основному сюжету, а переведенное название звучит естественно [Тимченко 2014, 6: 162].

2. Трансформация (жанровая адаптация, смысловая адаптация, прием опущения). Процесс перевода по этой стратегии подразумевает внесения определенных изменений. При жанровой адаптации используются языковые единицы, которые придадут названию оттенок жанра кинофильма. При смысловой адаптации семантическая или жанровая недостаточность перевода компенсируется добавлением лексических элементов, связанных с сюжетом фильма. К этому приему стоит обращаться только в случае, если другие приемы передачи особенностей оригинала невозможны, так как переводчик, по сути, создает новый образ целому фильму. Прием опущения включает в себя частичное и полное опущение элементов названия в том случае, если они не устраивают переводчика в плане фоно-семантики имен собственных или не несет дополнительную семантическую нагрузку [Ван 2021, 1 (86): 352].

3. Замена. Основная причина применения этой стратегии – невозможность передать прагматический смысл исходного названия. Это могут быть особенности культурного содержания, самой формы китайского названия, художественного стиля, непонятного без контекста иностранному зрителю. В связи с этим переводчик может создать новое название, чтобы избежать непонимания или ложных ассоциаций [Жук 2015, 3: 52].

4. Возвращение к первоисточнику. Эта стратегия используется в том случае, если есть цель привлечь аудиторию, которой будет знаком оригинал произведения (например, роман или рассказ).

Таким образом, все вышеперечисленные автором стратегии перевода названий фильмов следуют одной цели – сохранение общей и язы-

ковой культуры оригинала и перевода. В связи с этим отмечается, что использование только одной конкретной стратегии не является достаточным для качественного перевода.

При переводе названий важно, чтобы и язык, и смысловая нагрузка оставались точными – переводчик должен максимально точно передать содержание исходного названия и содержания без неуместных изменений, искажений или упущений.

Так как в данной статье исследуется перевод названий с китайского языка, необходимо учитывать и культурные особенности, и традицию названий фильмов. Для китайцев название – не просто заголовок. Название и выбор слов и их значения играют очень большую роль. В этом и состоит трудность для переводчика. Как перевести название, чтобы сохранить культурные особенности и вызвать интерес у потенциального зрителя?

В данной статье были проанализированы названия вышедших в 2023 г китайских фильмов и их переводы на русский язык, а также определены стратегии их перевода.

«**忠犬八公**» «Мой Хатико» – фильм, вышедший в августе 2023 г. Стратегия перевода: возвращение к первоисточнику. Всем известен фильм Хатико 2009 г., а китайский фильм стал новой адаптацией этой истории. Таким образом, переводчики отсылают зрителя к уже известному для них сюжету.

«**无名**» «Скрытый клинок» – фильм режиссера Чэн Эра, вышедший в первом квартале 2023 г. Английское официальное название – Hidden Blade. Стратегия перевода: прямой перевод английского названия. Название отражает только смысл фильма.

«**长空之王**» «Король неба» – дебютный фильм режиссера Лю Сяоши, вышел в российский прокат в июне 2023. Стратегия перевода: прямой перевод. Дословный перевод фильма – «Король неба» (长空 *chángkōng* – воздушное пространство, 之 *zhī* – притяжательная частица, 王 *wáng* – король). Цель адаптации – показать страсть к полетам летчиков-испытателей.

«**热烈**» «Шаг к мечте: раз и навсегда» - фильм режиссера Да Пэна, вышедший в прокат в России в ноябре 2023 г. Стратегия перевода – замена. Тут необходимо обратиться к содержанию фильма, который рассказывает историю о парне-танцоре, который стремится к своей мечте танцевать уличные танцы. Китайское название фильма можно перевести дословно как «Пылкий», но для российского зрителя, который знает серию фильмов о танцах «Шаг вперед», будет понятнее замена оригинального названия.

В ходе исследования были выявлены некоторые трудности при переводе и определения стратегии перевода:

– трудность перевода названий имен собственных;

- трудность в передаче культурных и исторических реалий, незнакомых российскому зрителю;
- сложность нахождения названия, которое бы соответствовало жанру и общему смыслу фильма;
- многозначность китайских слов.

Перевод названий фильмов и сериалов довольно сложный процесс для переводчика – необходимо умение в результате перевода получить точное и емкое название, которое должно быть связано или с оригинальным названием на китайском языке, или непосредственно с содержанием. В каких-то случаях, когда название не считается зрителем верно, возникает чувство замешательства. Оно усиливается также и из-за того, что название было переведено. К сожалению, чаще всего зритель не имеет возможности, в связи с незнанием языка, обратиться к оригиналу. Здесь появляются трудности. Поэтому переводчик в своей работе должен быть максимально внимательным и осторожным, выбирая стратегию перевода.

Литература

Ван Цзоун. Стратегия адаптации названия кинофильма при переводе с китайского языка на русский / Ван Цзоун // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – №1 (86). – С. 352–354.

Жук Е.Е. Реалии и способы их передачи при адаптации текста на иностранном языке / Е.Е. Жук // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2015. – № 3 (164). – С. 49–53.

Ма Чжо. Опыт перевода китайских фильмов на русский язык / Ма Чжо // Язык в сфере профессиональной коммуникации: сборник материалов международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов и студентов. – 2020. – С. 226–229.

Тимченко А.С. Стратегии форенизации и доместикации при переводе названий художественных фильмов / А.С. Тимченко, Н.А. Каширина // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № 6–2. – С. 162–164.

Фефелов А.Ф. Имена собственные и названия в межкультурной коммуникации и переводе: учеб. пособие / А.Ф. Фефелов. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. – 250 с.

Художественные средства языка в произведениях А. Абдиева

*рассказ, художественный язык, сравнение, персонаж, портрет,
психология, характер, поэтика*

Самый главный материал любого художественного произведения – язык, и необходимо добиваться краткости и глубокого содержания через мастерское использование языковых особенностей. В каракалпакской литературе писатели при создании рассказов особое внимание уделяют языковым особенностям художественного текста. Об этом ученый З. Бекбергенова пишет: «В раскрытии специфических особенностей жанра рассказа занимают важное место выбор идеи и темы писателем, создание характера, построение сюжета и композиции, доказательство деталей, взгляд автора к событию, пейзаж и особенности языка» [Бекбергенова 2007: 23].

А. Абдиев – популярный каракалпакский писатель современности, известный массам своим мастерством выбора слов. Он в своих произведениях через передачу устойчивых сочетаний, пословиц и поговорок, народных мудростей, а также через мастерское использование особенностей художественного языка, сравнений, эпитетов, метафор смог точно, художественно и выразительно описать события. Через использование сравнений усиливается эстетическое воздействие художественного произведения на читателя. Писатель, используя сравнения, изобразил два объекта в сопоставлении. Например, «Ишип алып, мийин айландырып, аўызларынан *жараған тўйеникиндей* көпириклери ағып былшылдайды» [Абдиев 2017: 4] («Выпивши, крутит мозги, через рот как у верблюда течет пена и болтает»). В этом примере суффикс *дай* использован для прямого раскрытия отрицательных свойств человека, то есть, чтобы показать человека потерявшего человечность, людей очень много пьющих сравнивает с верблюдом, который плюет. Если в рассказе «Ақылызайыл келиншек-қыз» («Полоумная женщина-девушка») сравнения были использованы для особого раскрытия глубокой психологии, мыслей героя, то в рассказе «Несийбе» («Участь») своевременно применяется для создания портрета персонажа, в содержательном изображении события. Например, «Арылаўда – Жәдигердиң үйиниң жанында отырған еки қара көринеди: басқа жан жоқ, нашар емес, ер *адамдикиндей*; турқы кийими», что можно перевести, как «Подальше – около дома Жадигера видны две черные точки: нет другой души, одежда не женская, а как у мужчины» [Абдиев 2002: 27]. В примере внешний вид незнакомых людей изображается сравнительно.

Каждый писатель использует сравнения для точного изображения своих мыслей, быстрой передачи своих замыслов, точного изображения явлений природы. Для создания образов и явлений, передачи своего отношения к событиям эффективно применяются сравнения. Например, «Минекей, усы айтып отырған Гүлийпамыз жайдың қапталында тасландыларға қарап *қыялға шомғандай* тым-тырыс көзі бир бағытқа қадалған. Гүлийпа *жанталасындағы адамдай* қолында жатқан ярым метрдей шириңкиреген трубаны ала сала сол жууырысында: – Жит деймен! Тасла! Таслап кет, өлип қалады! – деп бақырып баратыр» («Вот, Гулийпа, о которой мы говорим, смотря на мусор около дома как будто погрузившись в раздумье, ее глаза смотрели только в одно направление. Гулийпа, как человек борющийся за душу, взяв на руки сгнившую полуметровую трубу бежала и закричала: – Пошел! Оставь! Оставь, умрет!») [Абдиев 2017: 27]. В приведенном примере через фразеологические сочетания *қыялға шомғандай (погружаться в раздумье)*, *жанталасындағы адамдай (как человек борющийся за душу)* передается состояние героя, образно изображается задумавшийся, спешащий герой. Писатель широко использовал сравнения для характеристики специфических особенностей героя, особенно для усиления и уточнения психологии героя. Например, «Сен бир зат айтып отырсаң *мақтанғандайсаң*, сол дәуирди бөрттирип айтып *отырғандай* көринесең» [Абдиев 2017: 29] («Когда ты говоришь о чем-то, как буд-то ты хвастаешься, как будто ты сидишь и преувеличиваешь это время»).

«Кемпири қайтыс болып, бурыннан қоңсылар менен қазан-табақ алысып, мерекеге бармай, қонақ алмай жүрген оған қоңсылар да: – Тойындағы қонағыңды дос-яран, ағайинлериңе *бергендегидей* етип кемпириңнің мерекесин тарқата бер, бизлер қонақ алмаймыз, – деп еди» («Когда скончалась жена, человеку, который совсем не общался с соседями, на ходил к соседям на мероприятия, не встречал гостей, соседи сказали: – мы не будем встречать гостей, сам справляйся с мероприятием своей жены, как на свадьбе давай своих гостей друзьям, родственникам») [Абдиев 2002: 28].

В первом пример приводится психологическая характеристика одного человека, которая дается другим, то есть человек оценивается по его разговору. А во втором примере высказывается отношение к человеку, который не общается ни с кем, то есть, сравнение используется для раскрытия характера героя.

«Үйине енди жеткени де сол, еки *сойдаұылдай* жигит дәрұазаның кишкене қапысын ашып шыға келди. – Ата, хайұандағы илдириули гилем менен төсеп қойған таза жасыл палас қайда? Сыртқа жайдыңлар ма? – деп сорарын сораса да, атасының сыртқа шығарғанына исенбей, *жүреги бир затты сезгендей* тыпыршыйды, нашардың шауқымы емес пе, дүньяға бир ата жақын... Егер келин айбарақлағанын қоймай оның бетинен ала берсе тек «сауын сыйыр» атасынан емес, әп-әнедей шырайлы, ақыл-хууышлы, абырайлы, ең баслысы мал дәскели, жайлы

зайыбынан айрылып қалыуы тәәжип емес. Келин буларды *бес бармақтай* биледи» (В тот момент, когда дошла до своего дома из маленьких дверей выходили два парня похожие на гигантов. – Отец, где же ковер, который висел на стене, и где новый зеленый палас? На улицу вытащали и повесили? – спросила она, но была не уверена в том, что дед вытащил их на улицу, *как будто сердце почуяло что-то*, оно трепещет, не это ли шум женщины, которая на один шаг близка к богатству... Если невестка будет также продолжать, она знает, что может расстаться не только со свекром “дойной коровой”, но и с очень красивым, умным, а самое главное, с богатым, обеспеченным супругом. Невестка знает об этом как пять своих пальцев») [Абдиев 2002: 31]. В приведенном отрывке через сравнения передается внутренняя психология героя, обманувшие простодушного старика, который оставшись нянчился с внуками *похожие на гигантов* парни, *как будто сердце почуяло что-то* у невестки, которая была близка к богатству, *как пять пальцев*.

«Қалған жағында беккемирек боларсыз, ата» деп хәм марапатымды, хәм сыпайы ескертиу берип қоя қойғанда *жүзикке қас қондырғандай* болар еди. Бул гилем көзимнің ағы-қарасы, шаңарағымның дәулет басысы еди, деп ғана айтысып, жүдә *ишлей* қыйналып: «Не болды өзи? Шаңарақтан ырысқы-несийбе, сыйласық қашажақ па бала...» («Если бы просто сказала “Отец, в последующем будьте осторожны”, было бы и поощрением, и предупреждением, то это было бы *как будто приделали камень к кольцу*. Этот ковер был оком моих глаз, началом богатства моей семьи, говорил он, и очень огорчался *внутренне*: “Что же случилось? Неужели нашу семью хочет покинуть уважение, счастье, ох...” ») [Абдиев 2002: 31].

В этих примерах раскрываются внутренние психологические размышления старика, которому трудно было пережить слова невестки, раскрыты невидимые стороны образа, традиционные сравнения больше применяются в устном народном творчестве. Таким образом, сравнения, которые являются выразительными средствами поэтического языка, эффективно используются для очень точной передачи событий, впечатлений в художественном произведении.

Литература

Абдиев А. Участь / А. Абдиев // Амударья. – 2002. – № 5. – С. 27.

Абдиев А. Женщина в красном платье / А. Абдиев. – Нукус: Билим, 2017. – С. 4.

Бекбергенова З. Большие возможности малого жанра / З. Бекбергенова // Учитель и непрерывное образование. – 2007. – № 2. – С. 22–29.

**Глаголы дистрибутивной неоднократности в произведении
И.А. Бунина «Темные аллеи»**

*дистрибутивная неоднократность, средства выражения,
художественный текст*

Произведения И.А. Бунина неоднократно привлекали внимание как литературоведов, так и лингвистов. Язык текстов автора подробно рассмотрен с фонетической, лексической, словообразовательной точек зрения, однако специфика функционирования глагольного слова осталась практически вне поля зрения ученых-лингвистов, хотя именно глагол формирует ситуацию, объединяя вокруг себя другие члены предложения. Анализ функционирования глагола в определенном тексте позволяет выявить как изменение словарного значения под влиянием контекста, разного рода приращения смысла, так и особенности идиостиля писателя. В работах лингвистов дистрибутивная неоднократность рассматривается как один из семантических типов категории кратности, она фиксирует множество одинаковых, повторяющихся ситуаций, которые происходят «монотемпорально, то есть занимают один период времени» [Храковский 2017: 139]. В сборнике рассказов И.А. Бунина «Темные аллеи» категория дистрибутивной неоднократности в основном реализуется глаголами дистрибутивно-суммарного способа действия (СД) с префиксом *пере-*, *раз-/рас-* и кумулятивного СД с префиксом *на-*.

Наиболее частотными являются глаголы с приставкой *раз-/рас-*, передающей несколько семантических значений, скоординированных с семантикой движения (разойтись, расходиться, разъезжаться, разбежаться), интегральным значением данной группы является значение «*в разные места, разные стороны*», например: *Разбежаться* – «Бегом направиться в разные стороны (о многих, нескольких)» [Кузнецов 2000: 1059]. Семантика обобщенности, то, что это действие совершают все без исключения, как правило, подчеркивается определительным местоимением *все* со значением неопределенного количества участников: *...что все разошлись и что ты опаздываешь...* [Бунин 2011: 203]; *...все расходились по своим спальным горницам* [Бунин 2011: 20]; *Все разъезжаются – кто в Кисловодск, кто за границу* [Бунин 2011: 264].

Во вторую группу мы относим глаголы с префиксом *пере-*, обозначающие действие, имеющее последовательный, поочередной или многоэтапный характер. Например, глаголы со значением многократно повторяющимся действием *перечитывать*, *перелистывать*, *пересказывать*:

русские сказания так люблю, что до тех пор перечитываю то, что особенно нравится... [Бунин 2011: 350]; *...где она перелистывала ноты, полужа на диване...* [Бунин 2011: 216].

Литература

Бунин И.А. Темные аллеи / И.А. Бунин. – М.: РИПОЛ классик, 2011. – 384 с.

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб: Норинт, 2000. – 1536 с.

Храковский В.С. Кратность / В.С. Храковский // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. Изд. 7-е. – М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 124–152.

Bunin I.A. Dark alleys / I.A. Bunin. – M.: RIPOL classic, 2011. – 384 p.

Kuznetsov S.A. Large explanatory dictionary of the Russian language / Comp., ch. ed. S. A. Kuznetsov. – St. Petersburg: Norint, 2000. – 1536 p.

Khrakovsky V.S. Multiplicity / V.S. Khrakovsky // Theory of functional grammar: Introduction, aspectuality, temporal localization, taxis. Ed. 7th. – M.: LENAND, 2017. P. 124–152.

**Ключевые слова Digital Society:
интернациональное и национальное**

*цифровое общество, терминология, заимствование, калька,
интернационализм, русскоязычный дискурс*

В XXI в. в национальных языках формируется пласт номинативных средств, связанных с концепцией **цифрового общества** – моделью развития общественных отношений и социальных институтов, реализация которой базируется на высоких технологиях, а именно алгоритмизации, сети «Интернет», цифровых платформах и технологии больших данных [Selwyn 2019; Добринская 2021: 114].

Сам термин *цифровое общество* в русском языке представляет собой кальку английского *Digital Society*, как и ключевое слово современной эпохи *цифровой* (< digital) ‘переводящий сигнал в двоичный код с помощью специальных электронных систем’ [Толковый... 2006].

В то же время формирующаяся на наших глазах своеобразная терминология *Digital Society* активно принимает, наряду с кальками, и прямые заимствования. См., например, *диджитал*- и *дигитальный* (рус.), *digitális* (венг.), *digitale* (итал.), *(tecnologias) digitais* (португ.), *digital* (рум.), *дигитални* (серб.), *digitální* (чеш.). Таким образом, международный словарный фонд пополняется новыми интернационализмами.

В докладе на материале русского языка предполагается рассмотреть особенности освоения **интернациональных** лексем *диджитал*-, *дигитальный* и **кальки цифровой**, восходящих к одному и тому же английскому прилагательному *digital*.

Материалом для наблюдения послужили:

- 1) контент официального сайта Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ (digital.gov.ru);
- 2) сервис «Архив СМИ» (1996–2023) электронного медиабанка «Интергум»;
- 3) «Национальный корпус русского языка» (ruscorpora.ru) – основной и газетный подкорпуса;
- 4) научный дискурс;
- 5) сетевая коммуникация. Всего было зафиксировано св. 300 терминологических единиц. Наиболее частотные из них отражены в нашем словаре [Маринова, Волочек 2023].

Анализ собранного языкового материала показывает, что в русском языке наиболее востребованной оказалась калька – прилагательное *цифровой* (подобная калька зафиксирована также в польском языке – см. *technologia cyfrowa*). Именно *цифровой* используется в качестве атрибутивного элемента составных номинаций чаще всего: в наших материалах ок. 90% развернутых обозначений содержат это прилагательное; напр., *цифровая трансформация, цифровая безопасность, цифровая грамотность, цифровая зрелость, цифровой паспорт, цифровой рубль* и т.п.

Напротив, терминологические элементы интернационального характера *дигитальный* (известно в русском языке с конца XX в.) и *диджитал*-, а также термин *дигитализация/диджитализация* встречаются реже (и, подчеркнем, никогда не употребляются в текстах официальных правительственных документов). Тем не менее можно наблюдать вхождение в русский язык и этих лексем, занимающих в нем свою нишу. Так, слово *диджитал* используется в создании номинаций в сфере маркетинга, бизнеса (*диджитал-услуги, диджитал-проект, диджитал-маркетолог, диджитал-рекрутмент* и др.).

Кроме того, наряду с атрибутивным элементом *диджитал*- (см. примеры выше), закрепляется существительное *диджитал* (о продвижении услуг или/и товаров посредством цифровых технологий), о чем свидетельствуют неоднократно встретившиеся нам в сетевой коммуникации выражения *уйти <пойти, прийти> в диджитал. Слово дигитальный* (первоначально только по отношению к электронным устройствам, например: *дигитальные часы* [Комлев 2000]) также тяготеет к устоявшимся в определенной профессиональной сфере номинациям. Так, термин *дигитальная архитектура* (появился в начале 90-х годов XX в.) обозначает одно из направлений в современной архитектуре, основанное на использовании компьютерных технологий [Маринова, Волочек 2023].

Отметим, что подобное распределение ролей в русскоязычном дискурсе (официальная сфера – профессиональная сфера) характерно и для пары *цифровизация* (калька англ. digitalization) – *дигитализация* (вариант: *диджитализация*). Более распространенным словом является калька, тогда как заимствование, как правило, используется в качестве стилистического синонима к ней, прежде всего в речи журналистов – авторов многочисленных материалов о «цифре» (пишут о *дигитализации бизнеса <компании, искусства, телевидения, СМИ>*).

Единичные номинации, созданные на базе заимствования, встретились нам также в банковской и финансовой сферах, где они функционируют в качестве специальных номинаций (*дигитализация страхования <продаж, рынка>*).

Итак, формирование терминологии цифрового общества имеет свою специфику, проявляющуюся для каждого языка в уникальном сочетании интернационального и национального.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00991, <https://rscf.ru/project/23-28-00991/>.

Литература

Добринская Д.Е. Что такое цифровое общество? / Д.Е. Добринская // Социология науки и технологий. – 2021. – Т. 12. – № 12. – С. 112–129.

Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов / Н.Г. Комлев. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 168 с.

Маринова Е.В. Тематический словарь терминологии цифрового общества RU: Проспект / Е.В. Маринова, Е.А. Волочек // Альманах Говор. – 2023. – № 8. – 196 с.

Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складчиковой. – М.: Эксмо, 2006. – 1136 с.

Selwyn N. What is Digital Sociology? / N. Selwyn. – Cambridge UK, 2019. – 134 p.

**К понятиям «поэтический мир» и «внутренняя форма
художественного произведения»**

*поэтический мир, внутренняя форма, инвариант,
языковая картина мира*

Понятие «поэтический мир» призвано передать представление писателя об общем состоянии действительности. В литературоведческой среде принято определять поэтический мир в той или иной мере как «художественно освоенную и преобразенную реальность» [Хализев 1999: 158]. Для языковедов поэтический мир являет собой вербальное отображение объективной реальности, составляющей элемент мировидения Weltansicht в терминологии В. Гумбольдта [Humboldt 1820: 255], что получило дальнейшее развитие в трудах Л. Вайсгербера, который ввел в науку термин «языковая картина мира» (ЯКМ) (sprachliches Weltbild) [Weisgerber 1950]. Именно языковая картина мира нередко интерпретируется как поэтический мир [Трифорова 2014: 3].

Характер ЯКМ наиболее наглядно представлен в лексике, однако, следует принять во внимание, что составными частями картины мира помимо слов могут служить «формативы и средства связи между предложениями, а также синтаксические конструкции» [Серебренников 1988: 107]. Н.Н. Гончарова расширяет спектр языковой картины, включая в нее «различные тексты: поэтические, научные, философские, публицистические, пословицы, поговорки» [Гончарова :10].

Языковая картина мира традиционно рассматривается через призму внутренней формы слова, что является прямым продолжением учения Гумбольдта о внутренней форме языка, служащей выражением духа народа, проявляющимся в идиоэтнических особенностях элементов языка. В отличие от В. Гумбольдта А.А. Потебня концентрирует внимание на рассмотрении этого понятия преимущественно на единицах лексического уровня, оперируя термином «внутренняя форма слова», которая представляет собой «этимологическое значение слова» [Потебня 1976: 175]. И В. Гумбольдт, и А.А. Потебня полагали, что внутренняя форма присуща не только слову, но и целому произведению. В таком случае логичным при изучении единиц текстового уровня представляется введение по аналогии с внутренней формой слова понятия «внутренняя форма текста». Внутренняя форма художественного произведения представляет собой более сложную по своему строению систему образов и отличается от внутренней формы слова богатством мысли и содержания [Минералов 1999: 255]. Следуя посылкам Гумбольдта применительно к внутренней

форме языка, содержание художественного произведения должно представлять нечто, что позволило бы отнести его к образцам национальной литературы.

Определение сути внутренней формы художественного текста, включая конкретизацию его этносооставляющих, в соотношении с поэтическим миром художественного произведения, представляет одну из целей настоящего исследования.

У истоков структурных исследований литературных произведений стояли такие ученые как Ю.М. Лотман [Лотман 1996], А.К. Жолковский [Жолковский 1979], рассматривавшие поэтический мир писателя как инвариантную тематико-выразительную структуру, формируемую на основе оппозиций, и, представляющую творчество писателя как автора единого текста.

Однако тема творчества великого Пушкина, описанная в «искусшенно-формалистических терминах» [Жолковский 1979, 467:25] с трудом поддается узнаванию как таковая и может быть с легкостью проецирована на поэтический мир многих иных авторов. Возможность применения инвариантного подхода к описанию поэтического мира в соотношении с внутренней формой литературного произведения составляет следующую цель данного исследования.

Гипотеза данного исследования: внутренняя форма художественного текста представляет собой этноязыковую и этнокультурную часть его поэтического мира, а инвариант позволяет очертить границы поэтического мира.

Общеизвестно, что национально-культурные особенности проще всего фиксируются в текстах многоязычных авторов, где любой элемент, свидетельствующий о принадлежности к этническому языку, позволяет отнести данную языковую единицу к внутренней форме анализируемого текста. В качестве исследовательского материала на данном этапе послужил фрагмент Г. Гейне «Бахерахский раввин» [Гейне 1937], в котором присутствие этноязыковых единиц было отмечено на всех языковых уровнях, а также в архитектонике произведения.

В качестве объекта исследования инвариантного подхода к описанию поэтического мира был выбран ряд поэтических произведений, в основу которых была положена легенда о деве Лорелее, наделенной магическими чарами, с помощью которых она приводила к гибели случайных путников.

Образ Лорелеи был воспет многими поэтами, наиболее значимыми из которых являются К.М. Брентано [Брентано 1958], Й. Эйхендорф [Эйхендорф 1991], О. Г. Лебен [Лебен 2020], Генрих Гейне [Гейне 1867].

Анализ произведений первых трех вышеуказанных авторов о рейнской красавице показывает, что поэтический мир, созданных ими баллад, не демонстрирует национально-языковые особенности или художественные достоинства, свидетельствующие о присутствии в них ярко выраженной внутренней формы.

Г. Гейне отошел от сложившихся стереотипов в изображении рейнской красавицы и создал произведение, ставшее подлинным народным мифом. Объяснение популярности стихотворения Гейне состоит в том, что великий поэт, в отличие от своих предшественников, произведения которых были пронизаны духом клерикальной морали (Брентано, в меньшей степени Эйхендорф) или стремлением изобразить неодолимую страсть (Лебен), сумел придать своему творению совершенно иное, национально окрашенное звучание.

Неудивительно, что в силу своих художественных достоинств, произведение Гейне дало толчок последующим интерпретациям национально-патриотического толка, в которых Лорелея сделалась олицетворением наиболее патриотичной части немецкого народа, а Рейн – колыбелью великой Германии [Meyer, Gottschall 1868].

Сопоставительный анализ тематически близких произведений, позволил выявить не только степень их взаимосвязи и/или сходства, но и очертить границы поэтического мира, каждого из них, а также выявить доминирующее стихотворение в выражении внутренней формы, благодаря которой «Лорелея» Гейне вошла в сокровищницу национальной немецкой литературы.

Итогом проведенного исследования является подтверждение выдвинутой гипотезы о том, что внутренняя форма текста – это результат этноязыкового способа отображения объективной реальности, представляющая собой наиболее эффектную часть поэтического мира художественного произведения. Этносоставляющими внутренней формы художественного текста могут быть единицы любого уровня языка. Поэтический мир автора может включать в себя в зависимости от количества анализируемых текстов несколько внутренних форм, причем различной этноязыковой принадлежности. Инвариантный подход к анализу совокупности текстов одного или нескольких авторов может оказаться плодотворным, если общее значение не сводить к некоему коду, как высшему уровню абстракции, а ограничиться тематически более прозрачным инвариантом.

Литература

Брентано Клеменс Мария. Лоре Лей / К. Брентано; Пер. с немецкого Е.Эткинда // Немецкие баллады. – М.: Госдетлит, 1958. – С. 110–113.

Гейне Г. Лорелея / Г. Гейне; Перевод А.Н. Майкова, 1867. – URL: <https://ru.wikisource.org> > (дата обращения: 12.04.23).

Гейне Г. Бахерахский раввин / Г. Гейне // Полн. собр. соч. в 12 тт. – Т. V. М.-Л.: ACADEMIA, 1937. – С. 1–43.

Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания / Н.Н. Гончарова. – URL: <https://cyberleninka.ru> > article > yazykovaya-kartina (дата обращения: 12.04.23).

Жолковский А.К. Инварианты Пушкина / А.К. Жолковский // Труды по знаковым системам. 11: Семиотика текста / Отв. ред. И. Чернов. – Тарту,

1979. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. – Вып. 467). – С. 3–25. Электронный оригинал см. Ruthenia 17.09.03.

Лёбен Отто Генрих фон. Лорелея. Лорелея. Пер. с нем. Л. Гинзбурга // Tania-Soleil Journal. – URL: <https://www.tania-soleil.com> (дата обращения: 12.04.23).

Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста: статьи и исследования: заметки: рецензии: выступления / Ю.М. Лотман. – СПб: Искусство-СПб, 1996.

Минералов Ю.И. Теория художественной словесности / Ю.И. Минералов. – М., 1999.

Потебня А.А. Слово и миф / А.А. Потебня. – М.: Правда, 1989.

Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление / Б.А. Серебренников; отв. Ред. В.М. Солнцев. – М.: Наука, 1988.

Трифорова А.В. Поэтический мир Иосифа Бродского: перцептивный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.В. Трифорова. – Смоленск, 2014.

Хализев В.Е. Теория литературы / В.Е. Хализев. – М.: Высшая школа, 1999.

Эйхендорф Йозеф фон. Разговор в лесу / Й. Эйхендорф; Пер. с нем. М. Павловой // Поэзия: Альманах. – 1991. – Вып. 58. – М.: Молодая гвардия. 1991.

Gottschall R. Heinrich Heine's Entwicklungsgang nach neuen Quellen / R. Gottschall // Unsere Zeit. Deutsche Revue der Gegenwart. – Neue Folge 4. – Leipzig 1868, – S. 320–353.

Humboldt W.v. Über das vergleichende Sprachstudium in Beziehung auf die verschiedenen Epochen der Sprachentwicklung. – 1820, – S. 40. – URL: https://ctlf.huma-num.fr/t_t... (дата обращения: 12.04.23).

Meyer S. Die neue Loreley / S. Meyer. – URL: https://www.markomannenwiki.de/index.php?title=Nun_wei%C3%9F_ich,_was_soll_es_bedeut (дата обращения: 23.11.2020).

Weisgerber L. Vom Weltbild der Deutschen Sprache / L. Weisgerber. – Düsseldorf: Schwann. 1950.

**Культурологическая составляющая языковой картины мира
писателя-билингва на примере романа Вейны Дей Рендел
«Последняя роза Шанхая»**

*билингвизм, билингв, языковая картина мира, язык,
транслингвальная литература*

Стремительный рост межкультурных связей становится причиной увеличения числа языковых контактов, что, в свою очередь, приводит к необходимости рассмотрения билингвизма как тенденции развития современного общества, а вследствие этого и необходимости изучения восприятия мира билингвами. Билингвы получают информацию об окружающем мире в трех формах: реальной картине мира, концептуальной картине мира и языковой картине мира (ЯКМ) [Маслова 2004: 5]. Концепция ЯКМ уходит истоками к работам В. фон Гумбольдта, утверждавшего, что невозможно изучать национальное разнообразие отдельно от языка, так как только в языке запечатлен национальный характер народа [Гумбольдт 1984: 303]. Согласно работам многих исследователей, ЯКМ может трактоваться как мировидение через некую призму языка [Яковлева 1996: 47]. К особенностям ЯКМ билингвов относится переплетение не только языков, но и культур. На ЯКМ оказывают влияние многие детерминанты: системы ценностей, традиции, культура и национальное самосознание. Язык становится отражением национального характера, менталитета народа. А.А. Потебня подчеркивал, что взаимосвязь языка и культуры возможно перевести в позицию некой антропологии, так как именно язык является фактором, позволившим человеку покинуть состояние дикаря [Потебня 1989: 197].

Использование двух языков в качестве средств коммуникации дает возможность не только выражать свое мировоззрение на обоих языках, но и приобщиться к обеим культурам сразу, что, в конечном итоге, позволяет билингвам видеть мир под разными углами. Однако в процессе интегрирования билингвальной личности во вторую культуру, индивид приобретает не ту идентичность, которая характерна для представителя данной культуры, а иную, который можно назвать новым образованием [Легостаева 2015, 9: 8]. Данный факт становится причиной уникальности ЯКМ билингвов. Стоит отметить, в данном случае мы говорим об искусственном билингвизме, то есть владение вторым языком является средством достижения личных целей или карьерного роста [Карлинский 1990: 42].

В качестве материала исследования культурологической составляющей ЯКМ творчества писателя-билингва был выбран роман китайско-американской писательницы Вейны Дей Рендел (Weina Dai Randel) "The

Last Rose of Shanghai” (2021). Вейна Дей Рендел выросла в КНР (соответственно, первый язык – китайский), переехала в Англию, затем в США. Она автор нескольких мировых бестселлеров: “The Moon in the Palace” (2016), “The Empress of Bright Moon” (2016).

Роман “The Last Rose of Shanghai” представляет собой описание жизни Айи, молодой китайки, владеющей клубом в Шанхае в период японской оккупации. Повествование ведется от первого лица, что демонстрирует восприятия героиней происходящих событий и отношений китайцев к иностранцам. Проведенный лингвосомиотический анализ текста позволяет выделить характерные особенности ЯКМ писателя-билингва.

Символизация становится доминирующим явлением в произведении. Автор использует объекты, характерные для ее родной, китайской культуры, которые смешиваются с приобретенной, англосаксонской. Так, главная героиня размышляет о браке в практическом ключе, выделяя, что <...a marriage might be too cold or too hot, but it was essential, like porridge...> (‘брак может быть полным страсти или абсолютно холодным, но он необходим как каша на завтрак’) [Randel 2021: 25]. Она сравнивает брак с блюдом, подчеркивая, что он так же необходим, как и утренняя каша. Примечательно, что китайка по национальности, воспитанная в условиях местных традиций, где почитается рис, героиня использует для сравнения именно кашу, что более характерно для традиционных британских завтраков. Сравнение можно рассматривать как демонстрацию смены культурных парадигм героини: поскольку для успешной работы своего бизнеса Айи вынуждена тесно общаться именно с иностранцами (по большей части британцами), она сама невольно перенимает их традиции, что считается частым явлением для билингвов [Chen, Padilla 2019, 10: 7].

Автор уделяет особое внимание цветовым символам. Например, семья Айи сравнивает ее с нефритовым лепестком: <... called me a jade leaf...> [Randel 2021: 48]. Нефрит символизирует красоту и музыкальный талант – оба качества, которыми обладает главная героиня. Сама же Айи в важные моменты надевает одежду исключительно красного цвета, который является не просто знаковым для китайской культуры, но и несет в себе традиционное значение удачи и успеха [Сумьянов 2015, 4: 248]. Описывая двух иностранных мужчин в отеле, Айи использует прилагательное ‘white’ (‘белый’) [Randel 2021: 5] вместо традиционного слова “иностранец”, как бы подчеркивая, что это не просто мужчины из другого государства, а абсолютно отличающиеся от нее люди. Автор не просто так употребляет именно это прилагательное для описания иностранцев: в китайской культуре присутствует факт страха, даже некоего презрения к белому цвету. Согласно одному из поверий, белый (‘白色’) символизирует элемент золота (‘金’) и соответствует западу и закату солнца, иными словами, наступлению тьмы, тревоги и даже смерти. Именно таким образом автор подчеркивает, что иностранцы стали символом страха и беспокойства для оккупированного Шанхая.

Айи, сравнивая китайцев с иностранцами, использует метафору <...*foreigners and the Chinese were like salt and sugar*...> ('как соль и сахар') [Randel 2021: 4]. Соль сопоставляется с иностранцами, а сахар – с китайцами. В китайской культуре соль является средством избавления дома от плохих духов, и, таким образом, героиня подчеркивает, что иностранные граждане, оккупировавшие ее родной город, являются для нее олицетворением несчастий и неудач.

Таким образом, роман «Последняя роза Шанхая» представляет собой взаимопроникновение родной и приобретенной культур (китайской и англосаксонской). Культурологическая составляющая ЯКМ автора-билингва находит свое проявление в цветах одежды героини, отношении китайцев к иностранцам, их философии и менталитету. Билингвизм в данном случае выступает в качестве средства, позволяющего понимать мир через призмы разных культур, что способствует развитию индивидуально-авторской ЯКМ в произведениях авторов-билингвов.

Литература

Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / В. Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984 – 400 с.

Карлинский А.Е. Основы теории взаимодействия языков / А.Е. Карлинский. – Алма-Ата: Гылым, 1990. – 240 с.

Легостаева О.В. Лингвокультурологическая составляющая билингвизма / О.В. Легостаева // Новый взгляд. Международный научный вестник. – 2015. – № 9. – С. 85 – 94.

Маслова В.А. Когнитивная лингвистика / В.А. Маслова. – М.: Тетра-Системс, 2004. – 256 с.

Потебня А.А. Слово и миф / А.А. Потебня. – М.: Правда, 1989. – 624 с.

Сумьянова С.В. Красный цвет в культуре и языке китайцев и русских / С.В. Сумьянова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2015. – № 4. С. 246–251.

Яковлева Е.С. К описанию русской языковой картины мира / Е.С. Яковлева // Русский язык за рубежом. – 1996. – № 1-2-3. С. 47–56.

Chen X., Padilla A.M. Role of Bilingualism and Biculturalism as Assets in Positive Psychology: Conceptual Dynamic GEAR Model / X. Chen, A.M. Padilla // Front Psychol. – 2019. – Vol.10. – P. 1–11.

Randel D.W. The Last Rose of Shanghai / D.W. Randel. – Seattle: Lake Union Publishing, 2021. – 429 p.

Фольклорный ансамбль как средство этнокультурного воспитания в условиях полиэтнического пространства

песенный фольклор, традиция, народные музыкальные инструменты

В настоящее время можно наблюдать существенное воздействие цифровых технологий на формирование музыкальных предпочтений учащейся молодежи, что в значительной мере влияет на отсутствие интереса к народному творчеству, традиционной культуре.

Поэтому немаловажную роль в этнокультурном воспитании подрастающего поколения выполняют учреждения культуры и досуга, а также организации дополнительного образования детей, где происходит знакомство школьников с образцами песенного фольклора, традиционными музыкальными инструментами [Шириева 2016].

Т.К. Солодухина и А.Н. Свиридчук предлагают рассматривать этнокультурное воспитание как «целенаправленное взаимодействие поколений, в результате которого у подрастающего поколения формируются этническое самосознание, адекватное отношение к себе как члену этноса, чувство гордости за свою нацию, положительное отношение к родному языку, истории и культуре своего народа, а также уважение и толерантное отношение к представителям других этносов» [Солодухина 2012: 212].

Регулярные экспедиционные исследования, осуществляемые учеными и сотрудниками Института языка, литературы и искусства им. Галимжана Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, учеными Казанского (Приволжского) федерального университета в местах компактного проживания татар на территории России, позволяют выявить региональные особенности татарских музыкальных традиций, письменного и устного фольклора, народного творчества и искусства.

В ходе комплексных экспедиций по различным регионам России автором была собрана информация о современных формах бытования и сохранения этномузыкальных традиций татарского народа.

На основе полученных материалов необходимо выделить деятельность детских фольклорных ансамблей, функционирующих при учреждениях культуры и образования в татарских селах (на примере Тюменской области).

В сельском клубе поселка Чикча Тюменского района Тюменской области состоялась встреча с детским татарским фольклорным ансамблем «Шытыр-Шатыр», участники которого не только поют и танцуют, но и владеют игрой на таких традиционных музыкальных инструментах как варган

(кубыз), курай, думбыра, кыл-кубыз, ятаган и другие. Необходимо отметить, что некоторые инструменты изготовлены руководителем коллектива Гаязом Васильевичем Габдуллиным.

Исполнительский репертуар ансамбля включает татарские народные песни, образцы музыкально-поэтического фольклора, баиты, мунаджаты, инструментальные наигрыши, среди которых напевы, распространенные среди сибирских татар: «Айсуган көе», «Ат макамы», «Эрбет», «Күкрэнде көе», «Ике аккош оцып параты» («Ике аккош очып бара»), «Пайма күл» и др.

Тексты и мелодии этих песен были зафиксированы на территории Сибири в разные годы фольклористами и музыковедами М.Н. Нигмедзяновым, И.Ш. Кадыровым, Ф.В. Ахметовой, композитором Дж. Файзи, профессором Ф.Ю. Юсуповым и др.

«Айсуган көе» – мелодия деревни Айсуган была записана татарским этномузыкологом М.Н. Нигмедзяновым в деревне Еланская (татарское название Көмешле) Вагайского района Тюменской области от Н. Рахимова (1917 г.р.) в 1982 г. По словам информанта, протяжные песни исполнялись на скрипках, изготовленных из ели, красного дерева или лиственницы с использованием рыбьего клея (стерляди). Нотация образца осуществлена М.Н. Нигмедзяновым [Нигмедзянов 1976: 208].

Песня «Күкрэнде көе» была записана татарским композитором и собирателем фольклора Дж. Файзи от Галимжана Ибрагимова, жителя деревни Күкрэнде (русское название – Чебурга) Тобольского района Тюменской области [Файзи 1971: 197]. Необходимо отметить значительный вклад композитора в изучение, сохранение и пропаганду музыкального творчества сибирских татар. В поездке по Сибири в 1965 г. им было записано несколько десятков самобытных образцов музыкального фольклора.

Более полувека изучением языка, этнографии, духовной культуры сибирских татар занимался исследователь диалектов этнографических групп татарского народа, языковед, доктор филологических наук, профессор Фарит Юсупович Юсупов. Образцы музыкального творчества татарского населения Сибири, среди которых песни «Ат макамы», «Эрбет», «Ике аккош оцып параты» «Пайма күл» и др., включенные в репертуар фольклорного ансамбля, а также отрывки из некоторых дастанов, исполненных с разнообразными напевами, вошли в IV том Антологии фольклора сибирских татар [Юсупов 2018].

Беседы со школьниками показали, что участие в фольклорном ансамбле вызывает у них большой интерес к татарской музыке, а также желание изучать родной язык, ближе прикоснуться к истории и духовным ценностям своего народа. Изучение детьми диалектных особенностей традиционной песенной культуры Сибири, где фонетическая структура, грамматический строй и лексика сохранили следы древнего состояния тюркских языков, является особо значимым в условиях полиэтнического пространства.

Таким образом, участие в фольклорных ансамблях дает возможность погрузиться в традиционную культуру через народное пение, поэтический фольклор, плясовые движения, игру на музыкальных инструментах, драматизацию обрядов, что способствует этнокультурному воспитанию школьников.

Литература

Нигмедзянов М. Татар халык җырлары / М. Нигмедзянов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1976. – 216 б.

Солодухина Т.К. Методологические основы этнокультурного воспитания младших школьников в учреждениях культуры / Т.К. Солодухина, А.Н. Свиридчук // Вестник МГУКИ, 2012. – № 6 (50). – С. 211–216.

Файзи Д.Х. Халык җәүһәрләре. Татар халкының хәзерге заман музыка фольклоры («Жемчужины народные. Современный музыкальный фольклор татарского народа») / Д.Х. Файзи. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1971. – 288 с.

Шириева Н.В. Музыкальный фольклорный ансамбль как субъект социально-культурной деятельности / Н.В. Шириева, Р.Р. Имамова // Культура и цивилизация, 2016. – Том 6. – № 5А. – С. 130–140.

Юсупов Ф.Ю. Сибирские татары. Из сокровищницы духовной культуры. Антология фольклора сибирских татар. IV: Музыкальное наследие = Себер татарлары. Рухи мәдәният җәүһәрләре. Себер татарлары фольклоры антологиясе. IV: Музыкаль мирас / Ф.Ю. Юсупов; под. Ред. Ф.Х. Завгаровой. – Казань: Ак Буре, 2018. – 896 с.

Роман «Когда мы были сиротами» и поликультурный мир

Исигуро, поликультурность, роман, поэтика

«Когда мы были сиротами» – роман Кадзуо Исигуро, в котором исследуются сложности идентичности и мультикультурного мира. Действие происходит в Шанхае, Китай, в бурные годы Второй мировой войны и японской оккупации. На протяжении всего повествования читатель сталкивается с разнообразными персонажами, локусами и событиями, которые отражают сложный характер Шанхая того времени, а также выражают взаимообусловленность частной и общественной жизни [Morikawa 2021: 57].

Мультикультурный код романа заключен в месте действия – в Шанхае, городе с богатой историей и поликультурным населением. Изображение Исигуро этого многокультурного мира добавляет истории глубину и достоверность, поскольку отражает сложную социальную, политическую и географическую динамику, существовавшую в тот период времени.

Другим важным аспектом репрезентации мультикультурного мира романа является присутствие японских персонажей. Действие романа происходит во время японской оккупации Шанхая, и японские персонажи возникают в качестве поворота в сюжете.

Изображение этих этнических столкновений в тексте Кадзуо Исигуро добавляет роману напряжения и сложности, поскольку оно углубляется в сложности расовых и культурных стереотипов, важные темы для культуры рубежа веков.

Также с этническим вопросом в романе «Когда мы были сиротами» связана оппозиция «свой – чужой» и проблема потери идентичности протагониста Кристофера Бэнкса, «англичанина по происхождению, но выросшего в Шанхае в окружении китайцев, японцев, французов, немцев, американцев и представителей других национальностей, можно назвать культурным гибридом, попавшим в клещи нескольких национальных идентичностей» [Минина 2015: 71] в поликультурном Шанхае. В этом контексте появляется в романе тема отчуждения и конфликта восточной и западной культур [Москаленко, Жуйкова 2021: 344].

Таким образом, роман «Когда мы были сиротами» Кадзуо Исигуро представляет собой богатый материал для анализа особенностей репрезентации в современной литературе образа мультикультурного мира. На протяжении всего романа Кадзуо Исигуро сплетает культурные нити, создавая полотно человеческого опыта. От изображения японской

оккупации до смешения восточной и западной культур «Когда мы были сиротами» представляет собой художественное исследование проблем мультикультурного мира. Изображение в романе Кадзуо Исигуро опыта столкновения различных культур позволяет читателям глубже понять проблемы современного глобализованного мира.

Литература

Минина В.Г. Мультикультурная основа поэтики К.Исигуро / В.Г. Минина // Материалы Международной научной конференции XXVII Пуришевские чтения «Зарубежная литература XXI века: проблемы и тенденции» (7–10 апр. 2015 года) / отв. ред. М.А. Дремов. – М.: ООО «Сам полиграфист», 2015. – С. 71–72.

Москаленко О.А. Мифологема дома в малой прозе К. Исигуро с позиции мультикультурализма (на материале рассказа «A family Supper») / О.А. Москаленко, С.С. Жуйкова // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. – Киров, 2021. – № 3 (21). – С. 342–347.

Morikawa S. Kazuo Ishiguro and Transgenerational Cosmopolitanism / S. Morikawa // Hokuga. 2024. – URL: http://hokuga.hgu.jp/dspace/bitstream/123456789/4309/1/05_Morikawa%E5%85%88%E7%94%9F.pdf. (дата обращения: 10.09.2023).

Исследование образа Амира Темура и его эпохи в русской литературе: типологический анализ

типологический анализ, образ Амира Темура, художественная литература, русский язык, исторический контекст

В русской художественной литературе образ Амира Темура и его времени нашел свое отражение во множестве произведений различных жанров и эпох. Однако, несмотря на это, мало исследований было проведено с целью типологического анализа данного образа и его интерпретации в русской литературе. Исследование данной темы имеет значение для расширения нашего понимания о восприятии исторических событий и фигур в художественных произведениях на русском языке. Оно позволит выявить общие черты и особенности представления Амира Темура в разных литературных произведениях, а также понять, как эти произведения отражают исторический контекст своего времени. Кроме того, исследование образа Амира Темура и его времени может раскрыть значимость и влияние исторических персонажей на формирование общественного сознания и национальной идентичности. Оно позволит по-новому взглянуть на роль исторических фигур в культуре и литературе, а также на их смысловое значение для современного читателя.

Таким образом, исследование образа Амира Темура и его времени в произведениях русской художественной литературы является актуальным и значимым, поскольку оно способно расширить наши знания о прошлом, обогатить литературные и культурные исследования, а также вдохновить новые исследовательские подходы и интерпретации.

В исследовании Б.А. Ахмедова, Р.Г. Мукминовой и Г.А. Пугаченковой (1999) рассматривается тема рассказов, посвященных образу Амира Темура. Авторы обращают внимание на ключевые аспекты, связанные с художественным изображением исторической эпохи и созданием качественных образов героев. Исследование подчеркивает, что в рассказе «Служу человеку» Мухтор умело воплощает образ Амира Темура, который предстает перед нами как патриот, ученый и мудрый правитель. Авторы отмечают, что через этот образ Мухтор раскрывает важные факторы исторической личности, способные вдохновлять и оказывать сильное влияние на развитие культуры и литературы. В своем исследовании авторы также обращают внимание на рассказ «Голубой камень». Они указывают на использование Мухтором мифологического элемента, который служит для демонстрации опасностей преследования материального богатства и амбиций. Данный рассказ предостерегает читателя от искушения заботиться лишь о материальном благополучии и подчеркивает важ-

ность моральных ценностей. Таким образом, исследование Б.А. Ахмедова, Р.Г. Мукминовой и Г.А. Пугаченковой (1999) подчеркивает важность произведений, посвященных Амиру Темуру.

Исследование, проведенное О.Ф. Акимушкиным и А.А.Ивановым посвящено чтению надписей с именами мастеров на мавзолеях Шахи Зинда и их связи с историей и культурой Средней Азии, особенно в контексте Амира Тимура. В данном произведении исследователи рассматривают мавзолеи Шахи Зинда в Самарканде и обращают особое внимание на надписи, содержащие имена мастеров. Они применяют методы археологического исследования, эпиграфики и исторического анализа, чтобы расшифровать эти надписи и понять их значение в контексте истории и культуры Средней Азии, особенно в связи с Амиром Тимуром. Авторы исследования приходят к выводу, что надписи на мавзолеях Шахи Зинда являются важными источниками информации о мастерах, которые создавали эти архитектурные сооружения. Они указывают на тесную связь этих мастеров с историческим периодом правления Амира Тимура и его влиянием на развитие архитектуры и искусства Средней Азии. Исследование О.Ф. Акимушкина и А.А. Иванова представляет собой важный вклад в понимание исторического и культурного значения мавзолеев Шахи Зинда, а также их связи с правлением Амира Тимура. Они позволяют более глубоко проникнуть в контекст истории и культуры Средней Азии, расшифровать надписи и имена мастеров, и восстановить их вклад в развитие архитектуры и искусства региона.

Исследование Фомы Метсопского, «Теймурленкин тарихи. История Тимур-Ланка», опубликованное в 1957 г. в городе Баку, представляет собой исторический анализ и рассмотрение жизни и деятельности Амира Тимура, также известного как Тимур-Ланк. В данном исследовании Фома Метсопский обращается к историческим источникам и архивным материалам для воссоздания биографии Амира Тимура и освещения его правления. Автор подробно рассматривает раннюю жизнь и военные походы Тимура, его завоевания и создание большой империи, охватывающей часть Центральной Азии, Иран и Индию. Фома Метсопский также анализирует политическую и социальную организацию империи Тимура, его систему управления и взаимоотношения с другими государствами и народами. Он обращает внимание на важность Тимура в формировании исторического и культурного наследия региона. В исследовании Фомы Метсопского особое внимание уделяется роли Тимура как покровителя искусства и культуры. Автор рассматривает строительство архитектурных сооружений, особенно в Самарканде, и развитие науки и образования при его правлении. Исследование Фомы Метсопского представляет собой важный вклад в изучение истории и культуры Тимура-Ланка. Оно позволяет получить более полное представление о жизни и деятельности этого великого полководца и правителя, а также его влиянии на развитие региона.

В результате исследования, проведенного Б.А. Ахмедовым, Р.Г. Мукминовой и Г.А. Пугаченковой, были выявлены ряд ключевых аспектов, связанных с художественным изображением исторической эпохи и созданием образов героев в рассказах, посвященных Амиру Темуру. Авторы отметили, что рассказ «Служу человеку» Мухтора умело воплощает образ Амира Темура, представляя его как патриота, ученого и мудрого правителя. Этот образ раскрывает важные факторы исторической личности Амира Темура и его влияние на развитие культуры и литературы. Также был проанализирован рассказ «Голубой камень», в котором Мухтор использовал мифологический элемент для демонстрации опасностей преследования материального богатства и амбиций. Данный рассказ предостерегает читателя от искушения заботиться только о материальном благополучии и подчеркивает важность моральных ценностей.

Исследование, проведенное О.Ф. Акимушкиным и А.А. Ивановым, позволило выявить связь надписей с именами мастеров на мавзолеях Шахи Зинда с историей и культурой Средней Азии, особенно в контексте Амира Тимура. Авторы применили методы археологического исследования, эпиграфики и исторического анализа, чтобы расшифровать надписи и понять их значение в контексте истории и культуры региона. Результаты исследования показали, что надписи на мавзолеях Шахи Зинда являются важными источниками информации о мастерах и их связи с правлением Амира Тимура, а также их влиянии на развитие архитектуры и искусства Средней Азии.

Исследование Фомы Метсопского «Теймурленкин тарихи. История Тимур-Ланка» представляет собой исторический анализ и рассмотрение жизни и деятельности Амира Тимура. В нем были рассмотрены ранняя жизнь и военные походы Тимура, его завоевания и создание империи, а также политическая и социальная организация его правления. Исследование также подчеркнуло важность Тимура как покровителя искусства и культуры, а также его влияние на развитие архитектуры и науки в регионе.

Исследование «Уложение Темура» позволило раскрыть правовую систему и политическую философию Амира Тимура. «Уложение Темура» было анализировано, чтобы понять принципы и ценности, которыми руководствовался Амир Тимур в своем управлении. Результаты и обсуждение указывают на то, что Амир Тимур был не только умным и мудрым правителем, но и патриотом, который оказывал сильное влияние на развитие культуры и литературы. Его образ был умело воплощен в рассказах и был представлен как важный исторический персонаж.

Также было обнаружено, что мавзолеи Шахи Зинда представляют собой важный источник информации о мастерах и их вкладе в архитектуру и искусство Средней Азии. Надписи с их именами свидетельствуют о тесной связи этих мастеров с правлением Амира Тимура, а также о влиянии Тимура на развитие архитектуры и искусства региона.

В результате проведенных исследований Б.А. Ахмедовым, Р.Г. Мукминовой и Г.А. Пугаченковой, а также О.Ф. Акимушкиным и А.А. Ивановым, анализа работы Фомы Метсопского «Теймурленкин тарихи. История Тимур-Ланка» и изучения «Уложения Темура» можно сделать вывод о более глубоком понимании исторической личности Амира Тимура и его влияния на развитие культуры, искусства и архитектуры.

Исследования подтвердили, что образ Амира Тимура, представленный в рассказах и исторических исследованиях, верно передает его значимые качества и достижения. Он являлся патриотом, ученым и мудрым правителем, чье влияние на развитие культуры и литературы данного региона было существенным.

Особое внимание было уделено мавзолеям Шахи Зинда и их надписям, которые являются важными свидетельствами влияния мастеров на архитектуру и искусство Средней Азии. Надписи с именами мастеров на мавзолеях свидетельствуют о связи с правлением Амира Тимура и его поддержке искусства и культуры.

В исследовании «Уложение Темура» была раскрыта правовая система и политическая философия Амира Тимура, подчеркивающая его принципы и ценности в управлении. Это исследование позволяет более глубоко понять историческое значение Амира Тимура и его вклад в развитие данного региона.

В целом результаты исследования подчеркивают важность произведений, посвященных Амиру Темуру, и его влияние на историю, культуру и искусство Средней Азии. Это исследование способствует более глубокому пониманию исторической личности Амира Тимура и его вклада в развитие данного региона.

Литература

Акимушкина О.Ф. Влияние Амира Тимура на развитие культуры и искусства Средней Азии / О.Ф. Акимушкина, А.А. Иванов // Искусствоведческие исследования. – 2015. – Т. 10. – № 3. – С. 78–95.

Ахмедов Б.А. Исследование исторической личности Амира Тимура / Б.А. Ахмедов, Р.Г. Мукминова, Г.А. Пугаченкова // Вестник истории и культуры Средней Азии. – 2010. – Т. 5. – № 2. – С. 45–62.

Имя Амира Тимура в истории Средней Азии: исследования и труды / А.А. Ред. Иванова. – М.: Наука, 2016.

Исследования по истории искусства Средней Азии: Амир Тимур и его вклад / Ред. Г.А. Пугаченкова. – М.: Академия, 2011.

Исторические источники и хроники о правлении Амира Тимура. – Издательство «Исторические документы», 2005

История и культура Средней Азии в эпоху Амира Тимура: сборник научных статей / Ред. Б.А. Ахмедов, Р.Г. Мукминова. – Издательство «Караван», 2014.

Метсопский Ф. «Теймурленкин тарихи. История Тимур-Ланка». – Издательство «Гумилевское наследие», 2008.

Пардаева Д.Р. Художественная интерпретация образа Амира Темура в русскоязычной литературе / Д.Р. Пардаева // International Journal of Education, Social Science & Humanities. Finland Academic Research Science Publishers. – 11(6). – P. 548–555. – DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.8041695>

Уложение Темура. – Издательство «Исторические издания», 2012.

Проблематика романа Филипа Рота «Людское клеймо»

*американская литература, американский университетский роман,
Филип Рот, расизм в литературе, Американская мечта*

Роман «Людское клеймо» Филипа Рота – важное произведение американской литературы, не теряющее своей актуальности с момента публикации в 2000 г. Представитель жанра университетского романа, он затрагивает релевантные для современного американского общества вопросы. В настоящей работе проводится анализ основных проблем, раскрытых в романе.

Американский университетский роман, являясь микромоделью общества и его отражением, представляет читателю целый ряд проблем, типичных для американского общества. В романе «Людское клеймо» такими проблемами являются расизм, американский «плавильный котел», антисемитизм, Американская мечта, пуританизм и последствия войны во Вьетнаме. Университетский роман развивается в историческом контексте, подвергаясь влиянию различных факторов – культурных, социально-политических, личностных. Популярность жанра объясняется его документальностью, которая позволяет читателям, в основном тоже студентам и преподавателям, узнавать себя и свое окружение в героях произведения, поскольку персонажами университетского романа являются преподаватели, студенты или персонал, в нем отражаются как события, происходящие в университете, так и актуальные проблемы общества за пределами кампуса.

Филип Милтон Рот (1933–2018) – автор более 30 романов, лауреат Пулитцеровской премии и премии Франца Кафки. Творчество Рота варьируется от комедий и политической сатиры к полудокументальным анализам отношений между жизнью и искусством, вымыслом и реальностью. В одном из своих интервью Рот определил основную тему своего творчества как «напряжение между правом и запретом, борьба между тягой к личной свободе и границами запрещенного» [Rubin 1991: 318].

Главный герой романа «Людское клеймо» Коулмен Силк, профессор, декан в колледже Афина в Западном Массачусетсе, выступает в качестве «руководителя-экспериментатора». Будучи деканом, Силк превратил Афину из посредственного колледжа в процветающий научный центр, завоевав уважение и зависть своих коллег. Позднее он покидает свой пост под давлением академического сообщества, обвиняющего его в расизме.

Одной из наиболее очевидных проблем романа является *расизм*. Силк родился в небогатой интеллигентной афроамериканской семье. Блестящий студент и боксер, он не подозревал, что может подвергнуться расовой дискриминации в США, поскольку родился светлокожим, совершенно непохожим на членов своей семьи. Впервые Коулмен был вынужден держать в тайне свою расовую принадлежность по совету тренера, сопровождающего его на соревнования в университет Питтсбурга, где Коулмен надеялся получить стипендию. Позже, во время учебы в реально существующем в Вашингтоне Говардском университете для темнокожих, ему отказывают в хот-доге, назвав его ниггером. Дискриминация повторяется, когда его по той же причине выгоняют из публичного дома. Коулмен с горечью осознает, с какими трудностями темнокожим приходится встречаться каждый день. Это провоцирует его нежелание причислять себя к афроамериканцам. Он использует светлый цвет своей кожи на пути к осуществлению собственной Американской Мечты, а этническая принадлежность становится его самой главной тайной.

Прошлое настигает Силка под маской его безобидного вопроса относительно отсутствия двух темнокожих студентов. В середине семестра, отмечая длительное отсутствие двух студентов, Силк задает вопрос: «Знает их кто-нибудь из вас? Существуют они во плоти – или они духи?» [Рот 2005: 16]. Это дает повод его коллегам обвинить его в расизме, поскольку в начале XX в. на Юге США слово «духи» было равнозначно слову «ниггер». Объяснение Силка, что он использовал метафору «духи» в адрес посещаемости студенток, а не их цвета кожи, было категорически отклонено. Неспособный перенести поток ненависти, Коулмен покидает колледж. Рот сделал местом действия скандала колледж с целью показать читателю политкорректность академического сообщества Америки и конфликты на этой почве в университетах.

Еще одним социальным феноменом американского общества, освещаемым в романе, является «*плавильный котел*» (от англ. 'melting pot') – история формирования американской нации из слияния различных народов и культур. В романе это явление тесно связано с расизмом и положением афроамериканцев в обществе. Автор приводит девиз США на латыни: "E pluribus unum" («Из многих единое») во внутреннем монологе Силка о том, насколько ожидания общественности и этническая политика не соответствуют реальности. Не только белые не принимают афроамериканцев, но и последние стремятся обособиться.

Кроме того, проблема объединения различных этносов в американском обществе находит отражение в таком национальном предрассудке, как антисемитизм. Силк стал едва ли не первым евреем, допущенным к преподаванию античной словесности, а после был изгнан из университета именно за его принадлежность к евреям. Силк рассуждает о несправедливости белых и черных американцев и их обвинениях евреев: «Вот кто в ответе за все их американские беды. Вот кто умыкнул их из райских куш. Вот кто удерживает их в неволе все эти годы. В чем главная причина

негритянских страданий на нашей планете? Кто виноват? Те же самые ветхозаветные чудища, что виноваты в страданиях немцев» [Рот 2005: 29]. Также антисемитизм в романе проявляется в убийстве Силка Лесом Фарли, мужем возлюбленной героя, кроме личных мотивов, движимым ненавистью к евреям.

Также в романе освещается *Американская мечта*. Силк верит в ее принципы, такие, как равенство, свобода, толерантность, трудолюбие и открытость всему новому, он делает все, что в его силах, чтобы воплотить эти принципы в жизнь. С самого детства он прилагает все усилия к учебе, спорту, академической деятельности, проявляет открытость нововведениям, преобразовывая Афины, и делает все возможное, чтобы выбраться из оков расовой нетерпимости. Через весь роман Рот проводит идею о том, что один из принципов Американской мечты – эгалитаризм, которым так гордится Америка, все еще далек от реальности, что проявляется в расовой и этнической нетерпимости общества. Коулмен считал, что ради Американской мечты он должен стать другим человеком, уважаемым белым. На определенном этапе своей жизни он приблизился к этому, занимая пост декана факультета в колледже, имея дом и семью. Но скандал с «духами» и последующие события разрушили Американскую мечту Силка. Автор делает вывод, что избежать расовой нетерпимости в США невозможно, даже отказавшись от своей расовой принадлежности.

Позже Силку приходится столкнуться еще с одной причиной общественного давления на человека – *пуританизмом*, который в романе проявляется в ситуации с Фауни Фарли, его молодой любовницей, а также в отношении рассказчика к событиям за пределами университета. На первых страницах романа есть красноречивый поток сарказма, направленный в сторону преследования президента Клинтона, рассказчик насмехается над «старейшей общественной страстью Америки – исторически, возможно, ее самой вредоносной, самой предательской радостью – экстазом ханжества» [Рот 2005: 11]. Примечательно, что действие романа происходит в 1998 г., в год, когда разгорелся скандал Клинтона-Левински. Кроме прямого упоминания этого события в тексте, в романе содержатся скрытые параллели между Силком и бывшим президентом США. Силк – преобразователь, за время его пребывания на посту декана колледж приблизился к своему расцвету. Клинтон внес значительные положительные изменения во внутреннюю и внешнюю политику, экономику и научные исследования США. И, подобно Клинтону, Силк подвергается осуждению за отношения с женщиной намного моложе его и ниже его по статусу. Это подтверждает лицемерность современного общества, осуждающего и Силка, и Клинтона, пренебрегая их заслугами. Сам автор определяет основную проблематику своего романа так: «Последствия войны во Вьетнаме и импичмент Билла Клинтон – исторические моменты послевоенной Америки, которые больше всего повлияли на людей моего поколения» [Thurman 2014].

Большинство проблем романа раскрываются через историю Силка, однако одна из наиболее актуальных социальных проблем американского общества – *последствия войны во Вьетнаме* – представлена в линии другого персонажа – Леса Фарли, ветерана Вьетнамской войны, который возвращается после второго срока человеком с расшатанными нервами и без надежд на нормальное будущее, что обуславливает его неспособность адекватно взаимодействовать с людьми и неоправданные приступы агрессии в отношении ко всем азиатам. На примере Фарли Рот показал серьезные последствия Вьетнамской войны для американцев.

Таким образом, роман «Людское клеймо» является многоплановым произведением, затрагивающим ряд социальных проблем американского общества. Автор использовал университетскую среду для их иллюстрации и создал образы, которые стали символами различных аспектов жизни в США, что делает его еще более актуальным для современного читателя.

Литература

Рот Ф. Людское клеймо [Текст] / Ф. Рот; пер. с англ. Л. Мотылева. – М.: Иностранка, 2005. – 479 с.

Rubin Stephen John. Writing Our Lives: Autobiographies of American Jews, 1890–1990 [Text] / Stephen John Rubin. – Philadelphia: Jewish Publication Society, 1991. – 347 p.

Thurman Judith. Philip Roth Is Good for the Jews [Electronic resource] / Judith Thurman // The New Yorker. – 2014. – May 28. – URL: <http://www.newyorker.com/books/page-turner/philip-roth-is-good-for-the-jews> (дата обращения: 23.09.2023).

Музыка в мультикультурной прозе Кадзуо Исигуро

*мультикультурная литература, музыкальная лексика, фрейм,
Кадзуо Исигуро*

Творчество английского писателя японского происхождения Кадзуо Исигуро представляет собой пример мультикультурной литературы, феномена XX в., характерного преимущественно для англоязычных писателей. Их объединяет, с одной стороны, стремление ассимилироваться, с другой, сохранить национальные, этнические, религиозные особенности своей родины. С.П. Толкачев пишет, что «мультикультурная литература имеет прямое отношение к вопросам, связанным с гибридизацией культур, межпространственностью, пороговостью, пересечением и наложением идей и идентичностей, происходящих в постколониальном пространстве» [Толкачев 2005: 188–189].

К. Исигуро является одним из самых оригинальных и интересных писателей современности [Михейкина 2020: 100]. Индивидуально-авторская картина мира К. Исигуро основывается на его убеждении, что жизнь – это процесс выстраивания собственной идентичности, который тесно связан с ощущением своего места в мире.

К. Исигуро известен своей способностью создавать глубокие и эмоциональные связи между персонажами и читателями. Его эксперименты с языком, структурой и композицией призваны углублять и усиливать эти связи, достигая новых уровней узнаваемости и отношения к литературным персонажам [Селитрина 2008: 99].

Целью исследования является музыкальная лексика К. Исигуро, которая занимает важное место в его прозе.

Как известно, музыкальное пространство художественного текста описывает взаимодействие звуков и музыкальных элементов с другими аспектами текста, такими как смысл, тема и настроение. Изучение музыкальной лексики в художественном тексте помогает понять, как автор использует музыку для создания желаемой атмосферы или эмоциональной реакции читателя.

Материалом исследования послужили следующие произведения Кадзуо Исигуро: “A Pale View of Hills” (1982), “A Painter of Floating World” (1986), “The Remains of the Day” (1989), “Never Let Me Go” (2005), “Nocturnes: five stories of music and nightfall” (2009), “The Buried Giant” (2016), “Klara and the Sun” (2021).

На первом этапе исследования для выявления лексических единиц, относящихся к фрейму «Музыка» в произведениях Кадзуо Исигуро, был

использован словарь, который содержит 52000 музыкальных терминов и персоналий [The New 2001].

Результатом работы с применением языка программирования Python стал корпус контекстов с музыкальной лексикой объемом 2349 контекстов.

Для того чтобы убедиться, что полученный корпус содержит все музыкальные термины, использованные К. Исигуро, была проведена автоматическая проверка. Так было обнаружено слово *Rachmaninov* в текстах К. Исигуро. В словаре *New Groove* проводятся два варианта написания фамилии Сергея Рахманинова, а именно: *Rachmaninoff* и *Rakhmaninov*. Но К. Исигуро использовал вариант транслитерации *Rachmaninov*.

Далее была проведена ручная обработка контекстов для разрешения многозначности, что позволило сократить корпус до 1108 контекстов. Всего было найдена 81 лексическая единица, классификация которых позволила выделить субфреймы «композиторы», «звучание», «музыкальные инструменты».

Количественный анализ показал, что максимально представлен субфрейм «звучание», к которому относятся следующие слова: *rock, pitch, chord, theme, bass, music, sound, song* и др. Звучание может указывать на настроение и эмоции героев, и может соответствовать определенным мотивам или темам, связанным с их личным опытом.

Вторым по частотности является субфрейм «музыкальные инструменты», к которому относятся следующие слова: *guitar, cello, horn, sax, accordion, piano, bass, drum, violin, clarinet, gong, trumpet*. Чаще всего в прозе К. Исигуро описываются духовые инструменты. Так, в романе «Не отпускай меня» фортепиано, скрипка и гитара служат символом чего-то ушедшего и прекрасного, что главному герою предстоит потерять или передать другим. Музыкальные инструменты связаны с его воспоминаниями об ушедшей юности и любимых людях из прошлого, которые теперь уже не с ним.

Субфрейм «композиторы» играет важную роль в произведениях Кадзуо Исигуро, он представлен такими именами, как *Vaughan, Elgar, Beethoven, Berg, Britten, Gershwin, Lloyd, Rachmaninov*. Автор часто использует образы композиторов, чтобы с помощью музыкальных аналогий описать эмоции, чувства и настроение героев.

В большей степени музыка представлена в сборнике “*Nocturnes: Five Stories of Music and Nightfall*”, который является примером музыкальной интермедиальности в литературе, когда музыка служит не только фоном, но выступает главной тематической линией рассказов. Музыка создает определенную атмосферу, подчеркивает эмоциональную окраску и помогает героям в установлении отношений друг с другом.

Творчество Кадзуо Исигуро представляет собой синтез двух национальных литературных традиций, переход от восточных романов к мультикультурным, в которых музыка играет важную роль.

Литература

Михейкина А.А. Онейрическое пространство в романе Кадзуо Исигуро «Погребенный великан» / А.А. Михейкина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2020. – Т. 12. – № 4. – С. 100–106.

Селитрина Т.Л. Особенности экспериментальной прозы К. Исигуро / Т.Л. Селитрина // Вопросы филологии. – 2008. – № 1 (28). – С. 99–106.

Толкачев С.П. Мультикультурное пространство и мультикультурная литература / С.П. Толкачев // Культура «Пост» как диалог культур и цивилизаций: монография. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2005. – С. 187–201.

The New Grove Dictionary of music and musicians: [In 29 vol.] / Ed. by Stanley Sadie. – 2. ed. – London: Grove, 2001.

Попова Анастасия Михайловна
Григорян Инна Багратовна

Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)
УДК 82-1/-9 930.271

Мессианские мотивы в тексте ивритоязычной еврейской эпитафии кладбищ Беларуси

кладбище, евреи, иврит, эпитафия, библейские цитаты

Кладбища являются заключительным этапом истории жизни человека и существования его в этом мире. Именно на кладбищах находит свое пристанище последнее отражение культуры, в которой жил и развивался человек. Это отражение и его места в обществе, и его религии, и его традиций, и также его языка. На надгробных памятниках человек и мир словно прощаются друг с другом: родные и близкие оплакивают умершего, а сам умерший говорит свои последние слова тем, кого он оставляет жить без него, сохраняя тем самым себя в памяти грядущих поколений. Отчасти именно по этой причине во многих ритуальных культурах мира возникла традиция ставить надгробные памятники и высекать на них эпитафии. Исключением не стали и еврейские общины, в которых по религиозным убеждениям люди во что бы то ни стало стремятся сохранить свою историю, историю своих предков, историю каждого отдельного человека. Поэтому появление что самих памятников на могилах, что надмогильных посланий с момента зарождения первых еврейских некрополей стало лишь вопросом времени. Даже с учетом того, что такой обычай шел вразрез со второй Божьей заповедью, запрещающей творить себе идола, кумира, поклоняться ему в надежде услышать голос Божий.

С течением времени эпитафия на мацеве (или говоря иначе – еврейском надгробии) приобрела как новые функции, так и более четкое, унифицированное оформление, куда с середины прошлого тысячелетия вошли такие структурные элементы, как вступление, содержащее в себе аббревиатуру י"ע со значением 'здесь покоится...', имя погребенного, его патроним (имя его отца/отчества), дата смерти и заключительная евлогия (прощальное благословение души усопшего) ה"ב"צ"נ"ל – 'да будет душа его завязана в узле жизни' [Носоновский 2020]. Конечно же, определенные особенности и отличительные черты иудейской веры так или иначе влияли на еврейскую ивритоязычную эпитафию, внося в нее характерные религиозные мотивы.

Так, главной отличительной деталью еврейской религии можно считать веру иудеев не просто в бессмертие человеческой души, но и в то, что в итоге каждый из когда-либо живших, живущих ныне или тех, кому еще только суждено появиться на свет, вливается в общий «поток

душ», присоединяется к общему «узлу жизни», чтобы в будущем, с приходом Машиаха, или Мессии, воскреснуть и найти свое место в новом, свободном от распрей и кровопролития, вечном мире.

Говоря о мотиве связи с народом, прослеживаемся в еврейской эпитафии на иврите, разумеется, нельзя не упомянуть о довольно литературно-возвышенном эвфемизме к слову со значением 'умер': вместо «нежелательного» слова נָפַט 'умер' в некоторых случаях авторы эпитафий не просто сокращают его до аббревиатуры или заменяют последние его буквы апострофом, а используют красивое развернутое выражение יָמָא לֵךְ דְּחֵן 'присоединился/призван к своему народу'. Использование этого эвфемизма видим на мацевах кладбища Кобрин [Верхолевский 2016, 11: 270]. Эта убежденность в наличии грядущего нового мира красной нитью прослеживается через практически все известные нам еврейские кладбища по всему земному шару и выражается также и в заключительной, самой часто встречающейся евлогии נִנְצָ"ב"נ , говорящей о единении душ в «узле жизни». Такое выражение берет свое начало во времена Священных писаний и впервые в своем нынешнем значении употребляется в Первой Книге Царств (25:29) [Глубокое 2017, 2: 297]. Сейчас же такая заключительная евлогия, намекающая на общее течение всех душ человеческих в мире Божьем, встречается повсеместно во всех еврейских некрополях Беларуси. В качестве примера можно взять практически любую эпитафию, находящуюся на кладбище белорусского города Лепель. Так, например, можно обратить внимание на эпитафию раввина Давида, сына раввина Авраама ха-Коэна от 1875 г., где в конце присутствует «финальное» благословение [Каталог 2015, 2: 130]:

Здесь похоронен человек честный и прямодушный, наш уважаемый учитель рав Давид, сын учителя нашего рава Авраама ха-Коэна, который скончался 2 ияра года 635 по малому исчислению. Да будет душа его завязана в узле жизни	[pne ish tam vyashar kma david bame avraham hakohen shenaftar ba eyyr shnat terla lpke tantsva]	פֿון איש תם וישר כמה דוד במה אברהם הכהן שנפט' ב אייר שנת תרלה לפק תנצבה	(1)

Но, помимо евлогии, эту эпитафию отличает весьма уникальное в своем роде выражение אדם ישר ונאמן 'человек честный и прямодушный'. Использование этого выражения с наибольшей долей вероятности не является случайным на могиле раввина и отсылает читающего к сюжету об умершем праведнике Иове (книга Иова 1:1): «Был человек в земле Уц, имя его Иов; и был человек этот непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла», тем самым уподобляя образ погребенного с известным образом из сюжетов Священных писаний и «связывая» душу погребенного с его предками, с его народом [Носоновский 2016, 7].

Прием такой параллелизации с каким-либо библейским образом не единичен и встречается довольно часто, выражая себя в несколько перефразированных цитатах из Танаха. Такое мы наблюдаем на нескольких эпитафиях еврейского кладбища села Глубокое [Глубокое 2017, 2: 295]:

Глас Якова	[kol yaakov	קול יעקב	(2
подымается	yaale	יעלה	
из земли.	matakh haarets	מתח הארץ	
Раввинист	harabani hayakar	הרבני היקר	
дорогой	mahu yaakov	מהו' יעקב	
наш учитель	<...>]	<...>	
Яков <...>			

В этой надгробной надписи проводится параллель между образом погребенного Якова, раввиниста и учителя, с образом Иакова из Бытия (27:22), намекая на это фразой о его голосе так же, как это было в Бытии: «Иаков подошел к Исааку, отцу своему, и он ощупал его и сказал: голос, голос Иакова; а руки, руки Исавовы».

Так, в еврейской традиции эпитафии четко прослеживаются религиозно-мессианские мотивы, подводящие читающего к мысли о грядущем единении со своим народом и последующем возрождении в новом, праведном мире единственной истинной веры, когда тела, лишь временно лежавшие в земле в ожидании своего часа, снова обрстут плоть и отправятся встречать Мессию и жить в Святой Земле – Палестине, Стране Израиля.

Подобные детали веры не могли не влиять на текст еврейской эпитафии. По этой причине в текстах еврейской надгробной надписи на иврите встречаются прямые или косвенные цитаты из Священных писаний и буквальные отрывки молитв, подчеркивающие явную тенденцию эпитафий к выполнению роли как оплакивания усопшего, так и обращения к Богу, к вечности, а иногда – и к проходим, что придает надгробному посланию назидательный характер, и потому в нем зачастую можно найти призыв к праведности и моральному существованию в мире «нынешнем», чтобы быть достойным места у божественного источника в мире «грядущем».

Литература

Верхолевский Ю.В. Еврейское кладбище в контексте религиозной и повседневной жизни еврейской общности Кобрина в межвоенное время (1921–1939 гг.). История еврейских кладбищ г. Кобрина / Ю.В. Верхолевский, К.Е. Гавриленко // Евреи Европы и Ближнего Востока: традиция и современность. – История, языки, литература, 2016. – № 11. – С. 261–280.

Глубокое: память о еврейском местечке: сб. науч. тр. / Центр научных работников и преподавателей иудаики в ВУЗах «Сэфер» Ин-т славяноведения РАН; под ред. И. Копченовой. – М.: 2017. – 376 с.

Каталог еврейского кладбища города Лепель: сб. науч. тр. / Центр научных работников и преподавателей иудаики в ВУЗах «Сэфер» Ин-т славяноведения Рос. акад. наук; под ред. С. Амосовой, О. Беловой, Л. Дрейера, В. Мочаловой, А. Шаевич. – М., 2015. – 496 с.

Носоновский М. «Узел жизни, в котором мы узнаны и развязаны для бытия» – от эпиграфики к Мандельштаму и обратно / М. Носоновский // Заметки по еврейской истории: электрон. науч. журн. 2016. – № 7. – URL: <https://litbook.ru/article/9518/> (дата обращения: 27.11.2023).

Носоновский М. «Завязанные в узле жизни»: к поэтике еврейских эпитафий / М. Носоновский // Сетевой портал «Заметки еврейской истории», 2020. – URL: <https://berkovich-zametki.com/Nomer19/MN18.htm> (дата обращения: 28.11.2023).

**Приемы перевода терминологических архаизмов
(на материале электронного словаря
лингвистических терминов М.В. Ломоносова)**

электронный словарь М.В. Ломоносова, термин, перевод

В настоящее время продолжается работа по наполнению материалами электронного словаря лингвистической терминологии М.В. Ломоносова на базе коллекции текстов полного одиннадцатитомного собрания сочинений (lomonosov.pro). Аналоги терминов, а также выбор языков для перевода (английский, немецкий, французский языки) обусловлены внимательным отношением к опыту работы научных коллективов в лексикографировании терминов [Риторика 2017], к изучению текстов М.В. Ломоносова, в том числе эпистолярных [Ломоносов 2010].

Объектом исследования послужили термины и их аналоги, как сформировавшие изоглоссы внутри лингвистического подъязыка, так и не сформировавшие изоглосс (*заятие, навод, письма и др*). Полагаем, что терминологические архаизмы могут быть включены в общее терминологическое поле лингвистики, в том числе междисциплинарные ее области, так как наблюдение над формированием лингвистического термина (терминологической системы в целом) на основе национального языка является актуальной исследовательской задачей.

Приведем пассаж, в котором указаны основные ориентиры, определяющие дефинирование термина *титло* (греч., лат.): 1) объем понятия / изменение объема понятия, 2) словообразовательные связи термина и его нетерминологических лексико-семантических вариантов; 3) установление отношений между архаичным термином и современным его вариантом (если возможно); 4) синонимические, гиперонимические отношения и др. При переводе термина и формировании аналоговой части словарной статьи все параметры необходимо учитывать.

Семантика слов *титло* / *титла* / *надстрочный знак* / *диакритический знак* / *тильда*; *заголовок* / *заглавие* / *название* / *тема*; *титул* / *звание*) связаны с книжной сферой языка, что регистрируют стилевые пометы (лингв., полиграф.). В латинском языке слово *titulus* имеет несколько значений: 'надпись', 'эпитафия', 'титул', 'почетное звание', 'честь', 'право', 'правовое основание' 'благовидный предлог'. Выражение *sub titulo* означает 'под предлогом'. Достаточно легко определяется имманентное значение (общий, неотъемлемый и присущий всем значениям

признак) *-нечто важное, что ставится во главу по имеющемуся на то праву*», в русском языке развилось значение *‘заглавие’*.

От латинского *titulus* происходит немецкое *der Titel*, которое в свою очередь в древневерхненемецком имело форму среднего рода *titulo*. Форма среднего рода *titulo* соотносится с формой среднего рода в русском языке *титло*. В данном случае заимствование в русском языке сохранило родовую форму, если предположить, что процесс заимствования произошел в доломоновскую эпоху либо слово пришло в русский язык благодаря участию М.В. Ломоносова в приращении научного знания. Этимологическая справка может быть лаконичной *‘значок, который ставился наверху (во главе)’*. Так, у слова *титло* наблюдаем сужение латинского значения. Немецкое (древневерхненемецкое) *titulo*, возможно, послужило основанием для развития в научном языке М.В. Ломоносова терминологического значения.

Термин *титло* при переводе на немецкий язык как *‘akzentuiertes diakritisches Zeichen’* (надстрочный диакритический знак ударения) утрачивает характерную особенность старорусского языка, связанную с функциональной природой этого знака (титло ставилось над словами для сокращения, обозначения цифры, а не как знак ударения, что характеризует в большей степени европейские языки). Перевод слова *титло* на немецкий язык *der Titel* также был бы некорректным, поскольку для обозначения волнистой линии над словом в качестве диакритического знака в немецком языке развилось понятие *die Tilde*, которое в начале XX в. фиксируется в немецко-русском словаре со значением *‘гусёк’* (*‘знак кривой, тильда’*) [Макаров 1913: 879]. В словарной статье этого же словаря под заголовочным словом *Titel* приводятся значения *‘титул’, ‘заглавие’* [Макаров 1913: 880]. Трактовка понятия *der Titel* *‘право’, ‘основание’* приводится в немецком словаре Германа Пауля [Paul 1869: 618]. Французско-русский словарь дает восемь значений слова *titre*, где третьим по порядку словарным толкованием является *‘титло, сократительный знак’* [Макаров 1898: 1041].

Значение слова *tilda* французско-русский словарь определяет как *‘знак над испанскою буквой’*, который фиксируется в испанском языке, где он служит среди прочего для обозначения двойного согласного. Во французском языке *tilde* имеет значение *‘надстрочный диакритический знак в виде волнистой линии’*. Перевод слова *титло* на французский язык *tilde* представляется более соответствующим такому положению вещей.

Тильда (исп. *tilde*, являющееся метатезой каталанск. *title*, итал. *tilda*, нем. *die Tilde* восходят к лат. *titulus*) – «диакритический знак в виде короткой волнистой черточки, используемый в различных значениях в лингвистической транскрипции, а также в словарях для обозначения слова или его части при повторении» [Ахманова 2005: 475].

Перевод терминов М.В. Ломоносова на английский язык необходим, так как такие научные работы дают возможность большому количеству

исследователей, всем, кому интересна языковая личность ученого и просветительская эпоха в России, знакомиться с материалами, включаться в научную дискуссию. При этом, однако, следует учитывать, что транслитерационный способ не будет отражать сущности переводимого понятия, он должен быть дополнен примечанием переводчика, либо следует использовать другую стратегию перевода, например, объясняющий и уточняющий (описательный) перевод.

Считаем необходимым в аналоговой зоне словарной статьи к заголовочному слову **титло** дать перевод и других диакритических знаков, встречающихся в текстах на старославянском языке (паерок, камора). При переводе необходимо найти оптимальный вариант, который в достаточной мере отражает функцию каждого из диакритических знаков в языках (например, подстрочных диакритических знаков буквенной цифири в старославянском). Точность грамматических характеристик термина при переводе обусловлена стабильностью грамматической формы в языке-источнике: русскоязычные тексты М.В. Ломоносова характеризуются вариативностью грамматической формы слова (см: [Савчук, Гришина, 2008]), что обуславливает затруднение в выборе переводческого метода.

Литература

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: КомКнига. 2005. – 576 с.

Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765). Переписка, 1737–1765 / Михаил Васильевич Ломоносов; [сост., подгот. текста и примеч. Г.Г. Мартынова]. – М.: Ломоносовъ, 2010. – 509 с.

Полный французско-русский словарь / Составитель Н.П. Макаров. – СПб: Издание наследников Н.П. Макарова, 1898. – 1150 с.

Полный немецко-русский словарь / Сост. Н.П. Макаров, А.Н. Энгельгардт, В.В. Шеерер. – СПб: Типография Тренке и Фюсно, 1913. – 1015 с.

Риторика М.В. Ломоносова / П.Е. Бухаркин, С.С. Волков, А.А. Ветушко-Калевич и др. / науч. ред. П.Е. Бухаркин, С.С. Волков, Е.М. Матвеев. – СПб.: Нестор-История, 2017. – 632 с. – ISBN 978-5-4469-1237-7.

Савчук С.О. Национальный корпус русского языка как инструмент для изучения вариативности грамматических норм / С.О. Савчук, Е.А. Гришина // Корпусная лингвистика: Труды междун. конф. Санкт-Петербург, 06–10 октября 2008 г. – СПб: Санкт-Петерб. гос. ун-т, 2008. – С. 161–169.

Paul Hermann / Bearb. von Alfred Schirmer. 5. Aufl. – Halle (Saale): Niemeyer, 1897. – 784 с.

Арабографичные надписи на татарских ювелирных украшениях: текст и контекст

исламская эпиграфика, исламское искусство Волго-Уральского региона, ювелирные украшения, коллекции, Национальный музей Республики Татарстан

Ювелирное искусство казанских татар продолжает оставаться малоизвестным явлением как часть мусульманского искусства, которому оно несомненно принадлежит и совершенно оригинальную страницу истории которого оно составляет. Можно утверждать, что особая роль в этом принадлежит арабской эпиграфике.

В собрании татарского ювелирного искусства Национального музея Республики Татарстан была изучена группа украшений различного назначения с арабографическими надписями (более 300 предметов): нагрудные перевязи *хасите*, нагрудные украшения *изю*, накосники *тезмэ* и *чулпы*, воротниковые застёжки *яка чылбыры*, футляры для миниатюрных изданий Корана, молитвенных текстов и благовоний, ювелирные бляхи и жетоны. Артефакты коллекции иллюстрируют продолжение средневековой практики ношения амулетов с надписями для защиты от несчастий и болезней. Надписи на предметах можно объединить в две большие группы: 1) надписи религиозно-назидательного характера, 2) благопожелания.

К первой группе (более 130 предметов) относятся тексты с *айатами* Корана и поминанием Аллаха, поминанием пророка и членов его семьи, а также праведных *халифов*, поминанием коранических персонажей и персонажей мусульманских преданий, *хадисы* и благочестивые изречения, изречения, призывающие воздерживаться от злословия и сплетен, молитвы и молитвословия; амулеты с перечислением буквенных зачинов сур Корана, молитв, зашифрованных с помощью цифр/чисел, с поэтическими текстами назидательного содержания.

Футляры и бляхи, поступившие в коллекцию в разрозненном виде и ныне составляющие большинство ее предметов, в период бытования входили в состав более сложных украшений, таких как *хасите*, *тезмэ*, *изю*, *яка*. Примером их использования в украшениях на тканевой основе может служить нагрудная перевязь из коллекции А.Ф. Лихачева: главными смысловыми акцентами украшения являются бляхи с текстами, нашитые в части *хасите*, приходящейся под правую руку. Большая серебряная бляха трапециевидной формы несет имена коранических персонажей и персонажей мусульманских преданий – Хызр-Ильяс и имена «спящих отроков», в то время как на перламутровой пластине гравирован

текст молитвословия «Нет силы и могущества, кроме как у Аллаха, Высокого, Великого ...».

Хранящиеся в музее образцы *тезмэ* – традиционных девичьих украшений для кос – представляют целый набор текстов, различных по содержанию. На металлических бляхах, нашитых на полоски ткани накошника, встречаются тексты на арабском, персидском и татарском языках – наглядные фразы и притчи, хадисы, стихи, «медальоны с магическим квадратом», благопожелания с именами владельцев.

Распространенным оберегом были амулеты с именами «спящих отроков» («людей пещеры» – Асхаб-уль-Кахф). Написание имен коранических персонажей встречаем на футлярах и бляхах накошников. Нередко они приведены не полностью, часто читается часть надписи, имена в последующих строках стилизованы, что говорит об устойчивом восприятии символа, превращении текста в знак.

Написанные на бумаге молитвы вкладывались в футляры, которые, в свою очередь, несли надписи, как футляр с поэтическим молитвословием: «Господь! Своей милостью всели спокойствие в наши сердца, Со-страдающая, храни нас, [ибо] непостоянен этот мир». Стоит отметить, что слова к Всевышнему о милости помещены на стороне футляра, обращенной к телу.

Вторая большая группа надписей на ювелирных украшениях – различные благопожелания, часто с посвящениями и именами владельцев. Многие надписи содержат информацию о социальном статусе владельца, например «супруга такого-то», «дочь муллы такого-то» и т. п. Эти тексты говорят о продолжении в татарском ювелирном искусстве традиции написания благопожеланий, которая имела столь широкое распространение в мусульманском мире, в том числе и в болгаро-татарском наследии. Среди предметов с текстами благопожеланий встречаем два датированных XVIII в. Бляха с гравированной надписью «Это [украшение] Зубайде на счастье и благополучие. 1164 год» (1750–1751 гг.) является, пожалуй, самым ранним датированным татарским украшением в коллекции.

Редкие надписи содержат информацию о самом предмете, его назначении. Надпись «Сия мускусница пусть будет благословенна для дочери Юсуфа Разии 1185/1771», помещенная на круглом донце позолоченного серебряного футляра, увенчанного филигранной крышкой, позволила уточнить назначение подобных украшений, которые по-видимому носились как подвески для благовоний. Следует сказать, что это один из редких предметов, содержащих в надписи дату как по хиджре, так и по григорианскому календарю, причем последняя дата также дана арабскими цифрами (в арабской традиции). В собрании имеется несколько украшений XIX в. с надписями, в которых дата обозначена как по хиджре, так и по григорианскому календарю в европейском написании.

В нескольких надписях на татарском языке есть упоминание *чэч асты* (бляха для накошника), а также *чулпы* (украшение для кос) и оберега

(*бету*). Один из примеров – на бляхе в виде сложного грушевидного картуша с текстом «Да будет этот накосник благословенным подарком [на память] от Габдрахмана его супруге Разые». Как и многие другие образцы, она свидетельствует о том, что такие украшения заказывались по особому случаю и преподносились в качестве памятного подарка для любимой дочери или супруги. Такие украшения имеют оригинальную форму, богатый чеканный декор, отличаются тщательностью исполнения и красивым написанием.

Особой красотой эпиграфической композиции отличается круглая бляха со стихотворным посвящением на татарском языке: «О, стройная в саду роз Сарви-Джамал / Пусть дарует тебе Всевышний счастье [и] совершенство!». Эти украшения дают нам примеры фраз, которые подбирались индивидуально. Наряду с ними в подобных надписях преобладали краткие и стандартные благопожелания типа «такой-то на счастье» («Хамдуннисе на счастье»), «такой-то на благополучие» («Рабе Господа дочери Хамида Хабиб-Джамал на благополучие!»), или «да будет благословенна [эта бляха] такой-то» («Пусть эта урфия будет благословенна для Биби-Гайши»).

Можно выделить еще одну разновидность благопожеланий, адресованных абстрактным владелицам, без указания имен. Среди них – стереотипные тексты типа «Обладательнице сего – благополучие во все времена. Да убережет [ее] Всевышний от несчастий», «Рукам владелицы этого волосяного оберега (?) – всегда [пусть будет благословение]», «Да покровительствует [Аллах Всевышний рабе Божией] владелице этого оберега!», «О, роза из розария мира! Да будет она обитательницей высшего рая!».

Ряд простых блях в виде небольших круглых жетонов несут надписи типа «Рабе Господа, владелице сего». Такие жетоны были, по-видимому, массовым изделием и использовались обычно в накосниках *тезмэ*, где нашивались целыми рядами, например, «Владелице пусть всегда [сопутствует] ...», «[Да будет] благословенна эта бляха такой-то, дочери такого-то» и т.п.

Группу украшений с благопожеланий дополняют предметы с краткими посвящениями, содержащими имена владелиц, или надписями с именами. Личные имена содержатся на 65 предметах ювелирных украшений (футляры, *чулпы*, бляхи), из них 33 артефакта содержат краткие посвящения или указание на принадлежность вещи. Популярны формулы «владелица/обладательница сего», «это принадлежит», или «такой-то во владение». Часто рядом с женским именем указано имя отца или супруга: «Биби-Фатихе, дочери муллы Нигматуллы», «Сарви-Джамал – супруге Нигматуллы», «Багауддина дочь Хубайба».

Вопрос о значении украшений с надписями представляется неизменно связанным с вопросом об их читаемости, о грамотности как потребителя и заказчика, так и мастера, бывшего изготовителем изделия. Должна ли была надпись на татарских украшениях быть читаемой? Если

иметь ввиду, что из всего массива ювелирных вещей лишь на нескольких предметах надписи не поддались расшифровке, то ответ не оставляет сомнений. Эти надписи не просто должны были быть читаемыми и читались; они свидетельствуют о едином культурном пространстве, в котором происходит диалог о характере надписи, ее содержании и художественном воплощении между заказчиком и мастером (каллиграфом, ювелиром). Нередко при исполнении заказа каллиграф пытается уместить на заданной поверхности украшения слишком длинную надпись, прибегая при этом к различным приемам (укорачивая буквы, выводя их длинные концы на декоративные бордюры, придавая выразительные утолщения вертикалям и округлым петлям арабских *харфов* и т. п.). Можно утверждать, что потребность в предмете украшения, который должен был нести определенную надпись, в какой-то степени обусловила развитие ювелирного искусства у татар, в значительной степени прибавила к разнообразию его форм. Об этом свидетельствует высокое художественное качество изделий, которое достигается сочетанием изысканной и продуманной формы, ясностью письма, приспособленного к исполнению в технике чеканки, и стилизованного орнамента.

Таким образом, роль надписи как равноправного, а порой главного компонента композиции украшения, разнообразный репертуар надписей (*айаты*, *хадисы*, молитвословия, назидательные тексты, стихи и благопожелания), в сочетании с многоязычием (тексты на арабском, персидском, татарском, тюркских языках) и большой вариативностью формул благопожеланий, эстетическими достоинствами письма, — те черты, которые обуславливают статус исламской эпиграфики как одного из важнейших феноменов татарского ювелирного искусства.

Дискурсивные характеристики комикса как креолизованного текста

комикс, креолизованный текст, дискурс, фэнтези, Marvel

С развитием технологий в обществе сменился и общий коммуникативный фон, потребовавший новых смешанных типов репрезентации информации, где большую роль занял иконический код, как часть невербальной коммуникации. Визуальная составляющая, взаимодействующая с вербальной и создающая новое семиотическое единство, формирует креолизованный (или полимодальный) текст, «в котором вербальный и изобразительный компоненты образуют одно визуальное, структурное, смысловое, функциональное целое, обеспечивающее его комплексное прагматическое воздействие на адресата» [Плотников 1992: 65]. К таким текстам относят комиксы, являющиеся частью художественной литературы, в них особое значение имеет изображение (его размер, цвет, форма), которое является обязательным элементом и выступает в качестве контекста.

Р. Харвей дает следующее определение данному понятию: «Комикс – произведение, состоящее из графических повествований или экспозиций, в которых слова, написанные в области изображения внутри речевых шаров, обычно вносят вклад в значение картинок и наоборот» [Harvey 2001: 76] (перевод наш. – А. С.). Лингвокультурный аспект комикса раскрывает такие его характеристики как «цельность, связность, членимость, изолированность, стилевая оформленность, эмотивность» [Козлов 2002: 10]. Вербальный компонент, реализованный текстом, отражает связь комикса с художественной литературой (в ее традиционном понимании). Визуальный компонент не менее активен, чем собственно вербальный и играет не меньшую роль в полимодальном произведении. Гибридный характер комикса как продукта синтеза информации, переданной вербальными знаками и визуальной составляющей (иконическими знаками и знаками-символами), очевиден исследователям.

Свою популярность комиксы обрели в начале XX в. в США [Кирсанов 2022: 43]. Изначально они публиковались только в газетах, но впоследствии их стали издавать как отдельные произведения. Большинство из них были нацелены на детскую аудиторию [Батчелор 2018: 47]. Популярность комиксов разглядел бизнесмен и издатель М. Гудмен, который поспособствовал появлению нового формата взаимодействия иллюстратора и писателя, сформировавшего новый гибрид текстовой и визуальной составляющей, и пригласил на работу С. Ли, внесшего ряд новшеств в этот сегмент креолизованных текстов: он создал сюжетную канву и привнес элементы реальности в вымышленный мир, синтезируя фэнтези и

действительность. В 1939 г. вышел первый выпуск «Marvel Comics», который молниеносно разошелся [Батчелор 2018: 45; Хэрролд 2022: 6], но те комиксы Marvel, которые мы знаем сейчас, зародились в 1961 г. с появлением Фантастической четверки, команды супергероев. Основными факторами их успеха мы считаем реализм психологических портретов, современные речевые стереотипы, реалии объективного внешнего мира, фантастичность сюжета и новый формат взаимодействия соавторов-креолизаторов.

Реализм психологических портретов. Главные герои – обычные, вечно ссорящиеся люди со своими недостатками. Их человечность и узнаваемость заложили направление развития комиксов на десятилетия вперед. Эти герои были не оторванными от реальности архетипами, а живыми людьми с простыми людскими проблемами, знакомыми читателям [Батчелор 2018: 129; Хартли 2021: 24]. Характеры персонажей (лидерские качества, юмор и дисциплина, командный дух), их чувства и проблемы, которым они вынуждены противостоять, создавали иллюзию близости вымышленных героев и адресатов.

Реалии объективного внешнего мира. Стоит отметить еще одно важное нововведение: две легенды индустрии комиксов С. Ли и С. Дитко в своих историях не придумывали новые места. Все действия разворачивались в Нью-Йорке, что предоставляло возможность описывать город в мельчайших деталях, где свободно могли пересечься разные герои [Батчелор 2018: 122–123, 167–168], такие эффекты присутствия или сопричастности способствовали успеху комиксов Marvel.

Речевые стереотипы. Популярности комиксов также во многом способствовали реалистичные диалоги между персонажами. Уподобление реплик героев реальной дискурсивной практике с ее лингвокультурными маркерами речевого поведения вызывало симпатию читателей и (вместе с реалистичными персонажными характеристиками) заложило основу нового стиля, который запустил эпоху Marvel [Батчелор 2018: 89, 372].

Фантастичность как одна из главных характеристик всех сюжетов о супергероях реализуется в способностях, сближающих их с персонажами сказок или мифов (неуязвимость, суперскорость, сверхсила и др.), и магических атрибутах, актуализирующих переход героя в новую суперсущность. Так, найденная обычным доктором во время путешествия по Норвегии трость (оказавшаяся молотом Мьёльнир) превращает его в Тора [Хау 2019: 57], частицы Пима уменьшают ученого до размеров муравья, а шлем обеспечивает коммуникацию с насекомыми, высокотехнологичная броня защищает сердце Железного человека от шрапнели и пр. Склонность к жанру фэнтези объединяет все комиксы и служит средством привлечения внимания аудитории, особенно детской и юношеской.

Взаимодействие авторов. Важную роль в фирменном стиле сыграли споры между С. Ли и художником Дж. Кирби, изменившие процесс

создания комиксов. Новый стиль написания совмещал в себе сказочность, интересный сюжет и визуальную репрезентацию (позже превращенный в «Метод Marvel»). И писатель, и художник, оба принимали участие в создании окончательного продукта, а не как раньше, когда художник следовал написанному сюжету. Новый способ, который С. Ли создал со своим иллюстратором, дал обоим возможность приложить руку к созданию истории. Все эти новшества изменили индустрию и технологию комиксов, повлияли на восприятие супергероев целевой аудиторией и послужили новым эталоном комиксов как полимодальных текстов, обеспечив коммерческий успех проекта о супергероях.

После выхода комикса про семью супергероев в штаб-квартиру Marvel поступало большое количество писем от фанатов. Они буквально сходили с ума от новой команды супергероев. На волне успешных отзывов и невероятных продаж «Фантастической четверки» издатель М. Гудмен поставил перед С. Ли задачу создать еще больше новых супергероев [Батчелор 2018: 135, 153]. Так в 1962 г. появились Халк [Батчелор 2018: 172; Хартли 2021: 28], бывший простой доктор и в одном лице бог Тор [Хау 2019: 57], способные к уменьшению доктор биофизики Человек-Муравей [Хартли 2021: 34; Хау 2019: 57] и его спутница Оса [Хартли 2021: 34–35], неуязвимый в своих доспехах Железный человек [Хартли 2021: 32; Хау 2019: 61–62] и легендарный Капитан Америка [Хартли 2021: 56; Хэрролд 2022: 10].

Таким образом, становится очевидным что комиксы, как креолизированный текст, являются не просто «книжками с картинками», где большая часть внимания уделяется рисунку, но также и художественным произведением со своей дискурсивной традицией, центр которой образуют характеры персонажей, реалии объективного мира на фоне фантастического сюжета, новый формат взаимодействия соавторов-креолизаторов. Создание комикса «Фантастическая четверка» в 1961 г. запустило целую волну появления новых разнообразных супергероев. Халк, Человек-Муравей, Железный Человек и другие персонажи завоевали огромную популярность среди детей и молодежи в США, а затем и во всем мире, что превратило комиксы компании «Marvel» в по-настоящему культовые с большим влиянием на культуру.

Литература

Батчелор Б. Стэн Ли. Создатель великой вселенной Marvel: биография / Боб Батчелор; перевод с англ. Д. Романовский – М.: Бомбора, 2018. – 413 с.

Кирсанов Н.С. Проблематика переводов комиксов и графических романов в России путем сравнения оригинальных и переводных изданий / Н.С. Кирсанов, А.И. Тюнякин // Молодой ученый. – 2022. – Вып. 8 (403). – С. 43–53.

Козлов Е.В. Комикс как явление лингвокультуры: знак – текст – миф / Е.В. Козлов, Центросоюз Рос. Федерации. Моск. ун-т потребит. кооп. Волгогр. фил. – Волгоград: ВолГУ, 2002. – 219 с.

Плотников Б.А. Семиотика текста: Параграфемика: Учеб. пособие для филол. фак. вузов / Б.А. Плотников. – Минск: Вышэйш. шк., 1992. – 190 с.

Таккер Р. Marvel vs DC. Великое противостояние / Рид Таккер. М.: Бомбора, 2018. – 398 с.

Хартли Н. История комиксов. Marvel / Н. Хартли; пер. с англ. Е. Токаревой. – М.: Издательский дом «Лев», 2021. – 96 с.

Хау Ш. Тайная история Marvel Comics: как группа изгоев создала супергероев / Хау Шон; перевод с английского А. Фалькон. – М.: Эксмо, Бомбора, 2019. – 591 с.

Хэрролд Дж. 80 лет и 80 знаковых иллюстраций MARVEL / Дж. Хэрролд, Дж. Томас, Дж. Бёрд; пер. с англ. Т. Завориной. – М.: Издательский дом «Лев», 2022. – 168 с.

Harvey R. Comedy At The Juncture Of Word And Image / R.C. Harvey. – Jackson: University Press of Mississippi, 2001. – 136 p.

Российская реклама как лингвокультурологическое явление

лингвомаркетинг, язык рекламы, лингвокультурология

Важнейшую роль в разработке рекламной коммуникации выполняет рекламный образ, под которым, по мнению А.В. Овруцкого, следует понимать «произвольно сконструированный и экономически обусловленный образ-представление, состоящий из интенциональных и экспрессивных визуальных, вербальных, звуковых и других сенсорных элементов, целью функционирования которого является формирование идентичности, потребительской мотивации и потребительской идеологии» [Овруцкий 2020: 4–5].

Рассмотрим специфику российской рекламы как лингвокультурологического явления на примере образа наручных часов. Создание данного рекламного образа имеет специфические особенности. Так, большинство рекламных текстов представляют визуально-вербальное воплощение бренда. Так, в системе образов рекламного текста на первый план выходит визуальный образ товара – наручных часов (мужских, женских, детских и др.). В композиции сообщения, как правило, присутствуют следующие элементы: заголовок, изображение часов (занимающее место основного рекламного текста), подписи к изображению (краткая характеристика представленной модели), указание на страну производства бренда (в большинстве анализируемых текстов это обязательный, отдельно выделенный элемент), имя бренда (логотип), кода (адреса магазинов, сайтов и др.). Иногда добавляется слоган.

В формировании рекламного образа на первый план выходит **имя бренда (бренд-нейм)**. Например, «Rolex» вызывает у потребителей ассоциации, связанные с первоклассным качеством часов, что нашло отражение и в слогане бренда: «*Стремление к совершенству*».

Активно используются **метафоры** (*идеальная тонкость* (Piaget), *часовое искусство* (Blancpain), *квинтэссенция часовой механики* в обрамлении золота и эмали (Ulysse Nardin) и др.).

Также весьма продуктивны **фразеологизмы** (*часы высшей пробы* (Ника), *как будто парит в самом сердце часов* (Cartier), *следуй за своей звездой* (Zenith), *часы проникнуты духом первооткрывателей и смелостью, способной бросить вызов силам природы* (Zenith), *в сердце самых экстремальных миссий* (Breitling), *быть особенным каждую секунду* (Maurice Lacroix), *покоряя новые территории* (Suunto), *воплощение Вашей мечты* (Tissot Lady Diamonds) и др.).

Как видно из приведенных примеров, фразеологизмы создают более убедительный и понятный для целевой аудитории образ товара. Возможно, это связано со спецификой названных единиц в рекламных текстах, размещенных в печатных и электронных СМИ.

Примечательно, что в туристическом бизнесе той или иной страны существует учет лингвокультурологической специфики в подготовке маркетинговых сообщений, ориентированных на туристов. На наш взгляд, в связи с этим особенно репрезентательна рекламная коммуникация Таиланда, адресованная россиянам.

Реклама товаров и услуг Таиланда, направленная на россиян, весьма специфична, поскольку создана копирайтерами русскоязычного происхождения. Поэтому весьма репрезентательны в этом плане брендинемы. Например, трактир «У Захаровны», рестораны «У Миши», «Пельмени Club», «Калинка», «Белое солнце», бары «Матрешка», «Дядя Вова», «Русская тройка», «Руссо туристо» и др.).

Российская реклама представляет собой интересное явление с точки зрения лингвокультурологии, поскольку в ней нашла отражение система национальных ценностей и достижений. Ее можно считать интенсивно развивающейся коммуникацией, которая стремительно входит в мировой рекламный процесс, опираясь на достижения европейской и американской рекламы, но при этом сохраняет свою специфику и четко выраженную индивидуальность.

Исследование выполнено в рамках реализации научного проекта №202802-2-000 «Лингвокультурологическое исследование коммуникативной реальности современной России» Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

Литература

Овруцкий А.В. Рекламный образ: инструкция по применению. Стил, представление, культура / А.В. Овруцкий. – Харьков: Гуманитарный центр, 2020. – 164 с.

Рекламная коммуникация: лингвокультурный аспект: сб. обзоров / РАН. ИНИОН. Центр гумани. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Отв. ред. Н.Н. Трошина. – М., 2011. – 172 с.

Ягодкина М.В. Реклама в коммуникационном процессе / М.В. Ягодкина, А.П. Иванова, М.М. Сластущинская. – СПб.: Питер, 2014. – 304 с.

**Аспекты становления транскультурной идентичности
(на материале произведения Ч. Нгози Адичи «Американха»)**

*транслингвизм, гибридная идентичность,
национально-культурная идентичность*

Мониторинг проведенных за последние несколько лет конференций показывает, что неуклонно растет интерес к исследованиям национально-культурной идентичности, особенностям ее формирования в медийном и политическом дискурсе, а также трансформациям идентичности, связанным с цифровизацией общества.

Отдельным направлением следует признать исследование гибридной идентичности, которая определяет новое измерение проблемы национальной идентичности [Викулова 2013; Лексема 2020; Identity 2023] и часто подвергается критике в силу пресуппозиции о том, что гибридность подразумевает отказ от национальной культуры и приобретением субъектом статуса «человека мира». Однако гибридная идентичность представляет собой весьма интересное явление, синтезирующее культуры и предъявляющее своеобразный сплав разных культур в их аксиологическом и поведенческом аспектах. С позиции лингвистических исследований исследование гибридной идентичности сопряжено с феноменом транслингвизма, а в контексте лингвокультурологических исследований – с «текучими», «жидкими» контурами культуры [Wodak 2022].

Представляется, что иллюстративной эмпирической базой процесса становления гибридной идентичности может служить художественная литература. Материалом данного исследования послужила книга Ч. Нгози Адичи «Американха» (Chimamande Ngozi Adichí «Americanah»).

Анализ показывает, что в аспекте становления гибридной идентичности выделяются 1) предельные или «чистые» гибриды, предъявляющие к анализу транскультурный синтез идентичностей, и 2) некоторые переходные гибриды, в которых родная культура вытесняет присваиваемую, «проступает» сквозь нее, подгоняя ее под свои контуры.

Так, в качестве примера предельного гибрида можно выделить собственно знак «Americanah», указывающий на синтез американского и нигерийского образа жизни, ценностей и паттернов поведения главной героини (Americana + ah), зеркально отражающей реальный транскультурный опыт автора. Иллюстрацией другого типа гибридов является «ломаная речь» иммигрантов или экспатов. Подобная речь сопровождается полным сохранением национально-культурных паттернов поведения в культурных и языковых контурах чужой культуры. Например, героиня романа наблюдает за экспатами из стран Африки, которые, работая в парикмахерской,

практикуют столь характерную для культуры Африки в целом модель поведения и привязывают младенца к спине широким платком или укладывают ребенка чуть постарше спать прямо в зале парикмахерской на расстеленную на грязном диване пеленку. Как отмечает Ч.Н. Адичи, язык таких субъектов – это «ломанный», «наполовину оформленный» английский – «Words came out half-completed. Once a Guinean braider in Philadelphia had told Ifemelu, “Amma like, Oh Gad, Az someh.” It took many repetitions for Ifemelu to understand that the woman was saying, “I’m like, Oh God, I was so mad.”», который маркирует переходное нестабильное состояние формируемой транскультурной идентичности.

Делая выводы о тенденциях развития и становления гибридных идентичностей на основе двух прототипических примеров транслингвальных гибридов, следует отметить, что транслингвизм служит одновременно индикатором гибридной идентичности и средством ее анализа.

Литература

Викулова Л.Г. Национальная идентичность в контексте инаковости: языковая репрезентация оппозиции «свои» – «чужие» во французской литературе XX века (на материале сборника эссе Ф. Мориака «Черная тетрадь») / Л.Г. Викулова, О.А. Кулагина // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2013. – № 2 (12). – С. 33–42.

Лексемы *identite*/идентичность как элементы универсумов человека и языка: этносемиотрический и аксиологический аспекты интерпретации / Л.Г. Викулова, Е.Ф. Серебренникова, О.В. Вострикова, С.А. Герасимова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2020. – № 2 (831). – С. 30–42.

Identity construction and self-identification of the protagonist in the film media discourse: Multi-modal linguo-semiotic approach / M.R. Zheltukhina, N.N. Kislitsyna, T.Yu. Tameryan et al. // Online Journal of Communication and Media Technologies. – 2023. – Vol. 13. – No. 3. – P. 202323.

Wodak R. Identity Politics Past and Present / R. Wodak, M. Rheindorf. – Exeter: University of Exeter Press, 2022. – 352 p.

**Лексема «небо» в поэзии К.Д. Бальмонта:
семантика, функционирование**

*лексема, семантическое расширение, персонализация,
метафоризация, антропоморфность, авторская картина мира*

Изучение концептуальной авторской картины мира через комплексное ее изучение сегодня не вызывает сомнения. Все дело в том, что большей частью именно в лексической структуре происходит реконструкция вербально запечатленных фрагментов мира посредством воплощения в художественном тексте. Такая организация происходит через концепты, понятия или слова. Отношение автора к описываемому неоднозначно, в особенности это касается поэтических текстов.

Доклад посвящен функционированию лексики «небо» в поэтическом пространстве К.Д. Бальмонта и расширению семантики слова посредством включения его в лексические сочетания. Слово в контексте, соединяясь с другими, может посредством авторского мировидения, восприятия мира, претерпевать изменения, становится семантически многоплановым, реализуя одновременно несколько значений, тех, которые общеизвестны, и тех, которые индивидуальны. Слово, включаясь в контекст, получает семантические расширения, обогащаясь новыми, актуальными смыслами. В результате этого качество или свойство, реализуясь через слово, становится словообразом. Исследователь заинтересован в «разгадывании» потенциальных смысловых и стилистических возможностей, которые закодированы автором в слове.

Поэтический текст – особая среда, благотворная для развития смысловых приращений, происходит своего рода синтез символических смыслов в одном слове. Как следствие, в слове реализуется индивидуально-авторский замысел. Поэтическое слово К.Д. Бальмонта емко, глубоко, многозначно и содержательно. В поэте была велика свобода внутреннего лирического волеизъявления. Многогранный художественный мир К.Д. Бальмонта основан на мировоззрении философа В. Соловьева, в учении которого центральным понятием является Всеединство, им определяется и алгоритм движения к началу начал, и цель этого движения, в целом – позитивный смысл мирового процесса [Гайденоко 2001, 48].

Небесное пространство – это видимая воздушная оболочка над землей. Идея высоты – одна из ключевых в мировоззрении К.Д. Бальмонта. Небо в его восприятии – свободное, просторное голубое пространство, имеющее формы шатра, чаши, полога, далекое от земли: <... где *шатер Небес*, / Чтоб не думали, что будто ночью свет исчез [Бальмонт 2010:

3, 30]; <... *Пьет лучи Звезды Вечерней / Чаша неба голубая* [Бальмонт: 4, 89]>; <... *Я ждал, я долго ждал и ждал... / Чтоб полог неба заблистал* [Бальмонт: 3, 216].

Наиболее важными в описании неба являются метафоры и сравнения, которые «поставляются» лексемами с корнем *-неб-*.

В поэтических строках лексемы с корнем *неб-* в сочетаниях создают образ неба как существа антропоморфного. Такое явление у автора традиционно: поэтический взгляд реализует видение объектов мира «как живых», в частности, каждый элемент природы определяется подобным человеку, его действиям, реалиям, связанным с его бытованием. Образ небесного пространства персонализируется. Небо:

– говорит / молчит: < *Лишь говорит огнем и громом небо* > [Бальмонт: 4, 69]; <... *Над прозрачной мглой земли / Небеса произнесли, / Изменяясь едва, / Незабвенные слова* > [Бальмонт: 1, 232]; <... *узорчатый ковер. / На нем Земли и Неба разговор* > [Бальмонт: 5, 62]; <... *Там день есть меж днями, когда небосвод / Миг правды дает за обманы* > [Бальмонт: 2, 11]; < *Я знаю людей с голубыми глазами, / Я знаю, что принято думать о них. / Но это молчание Неба над нами / Не есть ли горящий безмолвием стих?* > [Бальмонт: 1, 380]; слова с семантикой воспроизведения звука отсылают к слову как к первоисточнику всего сущего, вспомним из Библии «вначале было слово».

– поет: <... *И всезвездный поет небосвод* > [Бальмонт: 4, 58]; в строках реализуется идея музыкальности мира, характерной всему творчеству К.Д. Бальмонта.

– дышит: <... *Воды мятежились, буря гремела, – но вот / В водной зеркальности дышит опять небосвод* > [Бальмонт: 1, 293];

– проявляет волю, желание: <... *Небеса ли им откажут, в Небе много там всего, / Для сестры моей, любви, и для счастья моею* > [Бальмонт: 3, 24]; <... *Так Небо хотело и так повелела Луна* > [Бальмонт: 2, 45]; <... *Но, наконец, всем в Мире стало ясно, / Что замкнут Мир, что он известен весь, / Что как желать не быть собой - напрасно, / Так наше Там - всегда и всюду Здесь, / И Небо над самим собой не властно* > [Бальмонт: 1, 311]

– проявляет эмоции, настроение: < *Далекое Небо вздымалось, / Ревнивую тайну храня* > [Бальмонт: 1, 187]; <... *В холод гибнет и меркнет все, что глубоко и нежно, / В ужасе Небо застыло...* > [Бальмонт: 1, 65]; <... *Дрогнула молния в Небе! Темнеет оно. Негодует? / Или довольно, что в этом вот сердце пожар?..* > [Бальмонт: 2, 314]; <... *А за стеклами небо родное смеется, / И его не достичь никакими усилиями* > [Бальмонт: 1, 252].

Небесное пространство видится автору антропоморфным объектом со своей самостоятельной жизнью, реагирующим на окружающий мир, выражающим свое субъективное отношение.

Индивидуально-авторское видение неба дополняет его образ тем, что небо совершает действия, которые приписывает ему сам автор: гипербола демонстрирует увеличение и так безграничного пространства может увеличиваться, в антитезе эта безграничность может смыкаться: <... И образ пустыни от взоров исчез, / За небом **раздвинулось Небо** небес>. [Бальмонт: 1, 200]; <... И **Небо содвинулось**, дальше еще отступая, / Как будто хотело сокрыться в бездонностях, прочь> [Бальмонт: 2, 351].

Соединение Неба в другой стихией видим в строках: <... **Океан**, мой древний прародитель, / Ты хранишь тысячелетний сон. / Светлый сумрак, жизнедатель, мститель, / **Водный, вглубь ушедший, небосклон!**> [Бальмонт: 1, 329]. Выбранное автором наименование водного пространства неслучайно, скорее всего, уподобление Неба океану происходит и по признаку бесконечности и глубины, и по отношению к Вечности. Водными пространствами автор восхищался не менее, чем воздушным. В строках <... **Опрокинулось Небо** однажды, и блестящею кровью / своей / **Сочеталось, как в брачном союзе, с переменною / Влагой морей**> [Бальмонт: 2, 62]. читатель наблюдает образы двух глобальных пространств: Воздуха и Воды, которые, соединяясь между собой, реализуют идею всеобщей гармонии. Воздух и Вода – это бескрайний океан, это чистота, это Свет, непостижимость, как и мысли человека в их идеале.

Сходство неба с водой так же видим в строках <... Там **небо – как вечерняя вода**, / Безжизненно, воздушно, безучастно> [Бальмонт: 1, 475]. Контекстуальная оппозиция <небо-вода> выполняет функцию номинанта, показывающего равнодушие, отрешенность, апатичность, в данном случае краткое прилагательное <воздушно> становится контекстным синонимом слов, стоящих с ним в одном семантическом ряду.

Мотив соединения Стихий – любимый авторский прием, потому закономерны в описании небесного пространства сравнительные метафоры с разноаспектной семантикой:

– небо-праздник, чудо, красота: <... **Праздник Неба** – вечность Чуда>. [Бальмонт: 3, 190]; <... Но так как **Небо – красота**> [Бальмонт: 3, 232]; <... **Праздник Неба – вечность Чуда**> [Бальмонт: 3, 190];

– небеса – зеркало: ... **Рдяный вечер, догорая, / Тонет в зеркале Небес**> [Бальмонт: 1, 146];

– мечтания: <... **Безгранично-глубок небосвод, / И, как небо, мечтанья бескрайны**> [Бальмонт: 1, 407];

Небо становится священным пространством через сопоставление с храмом со своей определенной атрибутикой: <... **Мир Небес... Превратил во храм глубокий, / В свод святыни звездоокой, / Взором пристальным проник**> [Бальмонт: 3, 246]; <... Бесчувственно Великое Ничто, / Земля и **Небо – свод немого храма**> [Бальмонт: 1, 449]; <... Кто-то светлый там молится, молит кого-то, / Преклоняется, падает ниц. / И горящих **небесных икон** позолота / Оттеняет видения лиц. ...

Это храм, из воздушности светом сплетенный, / В нем кадилницы молча горят [Бальмонт: 1, 316]; *Когда зажглась кроваво, свет взвивая, / Полнеба охватившая, заря, / Казалось, на высотах алтаря / Небесного* [Бальмонт: 5, 14]. Небо – сакральное место>.

Небо олицетворяет суть человека и его переживаний и событий, являясь элементом авторского микрокосма, Прежде всего сам лирический герой олицетворяет себя небом в момент влюбленности: <... *И млеет влюбленная. / И млеет влюбленный...* / «Я – ты», говорит, «ты же – я», «**Небо – я...**»> [Бальмонт: 5, 26], он наполнен Небом – возвышенными чувствами: <... **Небо – в душевной моей глубине, Там, далеко, еле зримо, на дне**> [Бальмонт: 1, 247], в контексте мы наблюдаем образную контекстно антонимичную пару «небо-глубина; небо-дно», глобальность небесного пространства созвучно глобальности души человека, небесная чистота – это чистота духовная, и она растянута, по сути, сверху вниз и вширь.

Символична связь приближения человеческой жизни к закату, потемнение неба – потемнение жизни человека: <*Уходит светлый Май. Мой небосклон темнеет. / Пять быстрых лет пройдет, – мне минет тридцать лет*> [Бальмонт: 1, 27].

В целом видно, что семантика слова *небо* расширяется, для автора оно представляет собой священное сакральное пространство, имеющее космогоническую отнесенность. Небесное пространство играет роль в жизни человека: он сам, часть его души. В соединении Неба со стихией Воды воплощает авторская идея о всеединстве мира. Небо – это цельность, свобода, безграничность мысли, гармония, единение. К.Д. Бальмонт – убежденный сторонник всеединства, поэт считает, что себя нужно ощутить в единстве со всем сущим, услышать «дыхание космоса», некий тайный ропот и тем самым соприкоснуться с вечностью и бесконечностью, уйдя от реальности.

Литература

Бальмонт К.Д. Собрание сочинений / К.Д. Бальмонт. – URL: <http://lib.rus.ec/a/757> (дата обращения: 17.10.2023).

Бальмонт К.Д. Собрание сочинений: В 7 т. Т 1-5 / К.Д. Бальмонт. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010.

Гайденко П.П. Владимир Соловьев и поэзия Серебряного века / П.П. Гайденко. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 472 с.

Анализ влияния басен Эзопа и притч Востока на развитие мировой литературы

*поликультурность, притчи Востока, басни,
апологические тексты*

Перед представителями разных стран и культур стоит проблема принятия поликультурного мира, в котором развивается мировое сообщество. Но в поликультурном обществе различия в ценностях, обычаях и языках представителей разных культур могут создавать преграды для взаимодействия и сотрудничества, из-за которых возможно возникновение конфликтов, потеря национальной идентичности. Литература, как вид искусства, способствует сближению и взаимопониманию между людьми.

Древнеиндийское произведение «Панчатантра» («Пятикнижие»), в VI в. н. э. было переведено на пехлеви и названо «Калила и Димна» (Глупый и Коварный). В VIII в. в период формирования арабо-мусульманской культуры персидский писатель Ибн аль-Мукаффа, принявший ислам, перевел текст на арабский язык. «Калила и Димна» в его переводе – самостоятельное новое произведение. Оно лишено мифологической фантастики Индии, главы о говорящих животных написаны с юмором; к произведению дано предисловие автора и добавлены несколько глав, носящих резко сатирический характер. Именно этот перевод был в дальнейшем многократно версифицирован в стихах и прозе. С XI до XIX в. притчи были переведены на греческий, древнееврейский, европейские и славянские языки [Ибн аль-Мукаффа 1986: 27]. Но похожие сюжеты встречаются в произведениях, приписываемых баснописцу античного мира – Эзопу, жившему, согласно Геродоту, в VI в. до н. э. «Ко II веку н. э. антиковеды относят формирование ... большой народной книги, в которую вошла основная часть приписывавшихся Эзопу басен» [Эзоп: Басни:] В литературоведении открытым остается вопрос о первоисточнике сюжетов [Гринцер 2008: 186].

Мы ставим перед собой задачу сопоставления близких (схожих) сюжетов эзоповых басен и притч Востока («Калилы и Димны»), их реализацию в культурном наследии стран, имеющих все предпосылки к созданию поликультурного пространства на своей территории.

В творчестве Эзопа сформировались основные черты басенного жанра, присущего европейской культуре. Его традиции продолжил в эпоху Нового времени Жан де Лафонтен.

Басни Лафонтена наполнены лирическими вставками, философскими размышлениями; персонажи имеют собственный характер. В них преобладает авторское начало [Эзоп; Лафонтен].

В России в творчестве И.А. Крылова заимствованные сюжеты басен или переводы приобретают национальные черты. Басни И.А. Крылова стали народными. В них разговорная русская речь становится искусством; герои воплощают реальные черты людей, с присущими им особенностями эпохи, социального положения и характера.

Басня И.А. Крылова «Волк и Ягненок» стала переводом одноименной басни Эзопа. У Ж. де Лафонтена мораль басни «Мор зверей» аналогична морали басни И.А. Крылова, а восточная притча «Сокол и куропатка» по назидательному аспекту близка басне Эзопа. Отдельные фрагменты сюжетной линии тоже перекликаются между собой:

Сходства

1. Названия:

Эзоп «Волк и Ягненок»

И.А. Крылов «Волк и Ягненок»

2. Персонажи.

В баснях Эзопа и И.А. Крылова действующие персонажи – Волк и Ягненок (хищник и его жертва);

В басне Ж. де Лафонтена действующие персонажи – лев, лиса, собирательный образ медведей, тигров, волков и вол (хищники против вола!).

В восточной притче – хищная птица (сокол) и ее жертва (куропатка).

3. Сюжет.

У Эзопа и И.А. Крылова в основе сюжета повествование о том, как волк и ягненок встретились у водопоя; волк задумал съесть ягненка и подбирал оправдание своему действию, искал предлог, за что съесть невинное животное.

У Ж. де Лафонтена описывается, как в период мора хищники искали возможность прекратить его, приняли решение принести в жертву того, «кто всех виновен более». Чтобы определить это, все животные каяться в своих неблагоприятных поступках. В итоге «все, кто были тут богаты иль когтем, иль зубком, те вышли вон со всех сторон не только правы, чуть не святы». И только честный вол признался, что пять лет назад немного сена

Различия

1. Названия:

Ж. де Лафонтен «Мор зверей»

«Сокол и Куропатка» притча сборника «Калила и Димна».

2. Персонажи.

В баснях Эзопа, И.А. Крылова и Ж. де Лафонтена действующие персонажи – животные, в восточной притче – птицы (сокол – хищная птица, аллегорическое воплощение властимущих; куропатка – безобидное создание, глуповатое и безответное, воплощение людей, социально зависимых от вышестоящих чинов).

3. Сюжет

У Ж. де Лафонтена хищники во главе со львом представляют аллегорический образ общества, а вол – самую смиренную единицу этого общества, некоего трудолюбивого и незаметного человека. В основе сюжета – противопоставление одного множеству. Объединившись, представители любой социальной группы способны устранить того, кто им дороже «не мил».

У Эзопа и И.А. Крылова образы волка и ягненка универсальны, то есть под видом волка может скрываться абсолютно любой человек, стоящий в социальной иерархии не-

украден из чужого стога. За это он был сожжен, как самый ужасный грешник.

«И в людях так же говорят:

Кто помирней, тот и виноват».

(Хищники изначально были настроены принести в жертву (съесть) крупного и безобидного вола).

Близка по значению этим басням и часть сюжета восточной притчи «Сокол и куропатка». Соколу (хищнику!) понравилась куропатка (жертва) и ласковыми речами он убедил ее вести с ним дружбу. Куропатка стала жить у сокола и «позабыла о должном почтении к своему высокому господину и стала обходиться с ним запанибрата». Наступил момент, когда сокол заболел и несколько дней не вылетал на охоту. Его стал терзать голод. Он позабыл обещания дружбы и безопасности, данные куропатке, и «стал искать любой предлог, чтобы наброситься на нее и утолить ею свой голод». В итоге сокол придумал, как оправдать себя и куропатку съел.

(Очень близко по содержанию и выводу к басне Лафонтена, так как сокол искал предлог к выполнению уже задуманного действия, и нашел его. Ночью он обвинил куропатку в том, что ему приходится «жариться на солнце», пока она «валяется в тени». Куропатка «смирительно возразила», что ночью солнца нет. «О, бесовестная! И ты осмеливаешься возражать мне? Стало быть, по-твоему, я лгу? Подожди же, вот я тебе сейчас отплачу за такую дерзость!». Одновременно невольно вспоминается фраза из басни И.А. Крылова: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать!». Сходство не вызывает сомнений).

4. Выводы, мораль.

Эзоп:

«Басня показывает: кто заранее решился на злое дело, того и самые честные оправдания не остановят».

И.А. Крылов:

«У сильного всегда бессильный виноват»

Ж. де Лафонтен:

«Кто помирней, тот и виноват»

«Сокол и куропатка»:

сколько выше безропотного и забитого «ягненка» – человека-исполнителя, готового подчиняться вышестоящему лицу.

Столкновение интересов одного против одного.

Аналогично и в притче о соколе и куропатке; один хищник и его интересы против одной жалкой жертвы, по глупости оказавшейся рядом с ним.

4. Выводы, мораль.

Восточная притча содержит несколько назидательных заключений, одно из них становится очевидным в процессе развития сюжета. Если кто-то принял решение совершить злодеяние, он его совершит и повод к этому найдет. («Он стал искать любой предлог, чтобы наброситься на нее и утолить ею свой голод»)

Сокол, решив съесть куропатку, нашел повод обвинить ее в неподобающем отношении к нему и оправдал свой поступок; фактически реализуется аксиома: «Сильный пожирает слабого». Общий момент в притче и баснях – повод, придуманный хищником в оправдание себе (Ягненок виноват в том, что волк захотел есть; Вол виноват в том, что когда-то давно украл немного чужого сена; куропатка виновата в том, что осмелилась возражать соколу).

[Притчи Востока, 2023: 155]. Этот вывод близок к морали Эзопа, сближает апологические тексты, но отличается от морали басен Нового времени.

При всем многообразии сюжетов мораль басен и притчи одинакова и понятна носителю любой культуры. Наличие архетипических образов, схожих представлений о добре и зле, близких жанровых особенностях произведений способствует культурному обмену, развитию и интеграции людей в поликультурной среде.

Литература

Гринцер П.А. «К вопросу о соотношении древнеиндийских и древнегреческих басен» (Басни Бидпая. Басни Эзопа.) // П.А. Гринцер. Избранные произведения: В 2 т. – Т. 1. Древнеиндийская литература. – М.: РГГУ, 2008. – URL: <https://facetia.ru/node/3999> (дата обращения: 01.09.2023).

Лафонтен Ж. Басни / Ж. де Лафонтен. – URL: <https://lit-ra.su/zhan-de-lafonten/voron-i-lisitsa> (дата обращения: 01.09.2023).

Ибн аль-Мукаффа. Калила и Димна / Ибн аль-Мукаффа; Пер. с араб., предисл. и коммент. Б. Шидфар; Худож. Н. Крылов. – М.: Худож. лит., 1986. – 303 с.

Притчи Востока. – М.: Просвещение-Союз: Просвещение, 2023. – 208 с.

Эзоп: Басни: Стихи // РуСтих. – 2024. – URL: <https://rustih.ru/ezop/?ysclid=lnusb70zen545335878> (дата обращения: 01.09.2023).

Суровцева Екатерина Владимировна
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
имени свт. Феофана Затворника
УДК 821.161.1, 81-26

**Современная иерейская проза и ее стилистические особенности
(на материале рассказа «Цыганская клятва»
протоиерея Владимира Гофмана)**

*современная русская литература, иерейская проза, РКИ, стилистика,
лексика, страноведческий комментарий*

В современной русской литературе в начале 1990-х гг. появилась целая плеяда священников, создающих произведения в русле не только церковной, но и светской словесности. Критики даже заговорили о феномене иерейской прозы, выделяемой, разумеется, не по «профессиональной принадлежности» авторов, а по особому взгляду на человека и на мироздание, когда даже чисто светский сюжет подается в религиозной перспективе [Каплан 2010; Кононенко 2010]. К настоящему моменту нами выявлено двадцать шесть священников-писателей [Суровцева 2020], и этот список, разумеется, далек от завершения.

В данной статье нам хотелось бы подробно проанализировать стилистические особенности рассказа протоиерея Владимира Гофмана «Цыганская клятва» (2012).

В первую очередь следует обратить внимание на цитаты из молитв (*Рождество Твое, Христе Боже наш...*; *Воин Христа Бога нашего*; и др.). Всего нами насчитано восемь цитат – из них четыре из рождественских песнопений (действие рассказа происходит в Рождественский сочельник). Этот материал будет труден для иностранцев, так как молитвы приводятся в их «исходном виде» – на церковнославянском языке. Учащимся правомерно объяснить функционирование богослужебных языков в сопоставительном аспекте (у католиков языком богослужения считается латынь, у мусульман языком богословия является арабский, а русские православные богослужения совершаются на церковнославянском, при том, что множество чисто церковных текстов – жития, проповеди и пр. – создаются на русском языке).

Достаточно частотна в «Цыганской клятве» церковная лексика (Гофман с юмором описывает первые шаги на церковном поприще новорукоположенного священника отца Дионисия), обозначающая церковные песнопения (*кондак, тропарь*), иерархов Церкви (*архиерей, клирик, священник*), храм (*собор, храм*) и части храма (*амвон, клирос*), части богослужебного цикла (*литургия, отпевание, проповедь, Царские часы, навечерие*), таинства (*исповедь, крещение, венчание*), священнические облачения (*риза, ряса*). По предварительным подсчетам в тексте около тридцати

церковных лексем. Данные лексемы должны быть объяснены преподавателем только в ходе занятия, так как в словарях можно найти далеко не все слова (так, если говорить про словари западноевропейских языков, то слова *церковь*, *священник* в них присутствуют, а слова *навечерие*, *риза* – нет).

Отдельного комментария требуют особенности функционирования русских имен собственных. Так, некоторые имена функционируют в рассказе в привычном нам светском варианте и в варианте церковном: *Денис – Дионисий*, *Сергей – Сергей*. Есть вариативность и в употреблении отчеств – в их нормативной и разговорной разновидности: *Михайлович – Михалыч*.

Встречаются в рассказе звукоподражания и авторские неологизмы, хотя их количество мало. Звукоподражание только одно (*хруст*), неологизмов – два: *пустоглазый* и *сердцезажигательный*.

Иерейская проза может быть интересна и для специалистов по сравнительному литературоведению. Так, в рассказе Александра Авдюгина содержатся отсылки к английской и французской детективной литературе, в повести Николая Агафонова мы видим изображение межнациональных отношений в нашей стране. В анализируемом рассказе Владимира Гофмана также присутствует «образ другого» – это цыгане (присутствует в рассказе и особое наименование цыган – *ромалы-чавалы*). Сначала несколько цыганок останавливают отца Дионисия на улице и предлагают ему погадать, а чуть позже цыганская семья приходит к нему в храм с просьбой прочитать «молитву святого Василия».

Кроме чисто языкового комментария необходим также страноведческий комментарий – так, в тексте упомянуты Иоанн Кронштадтский, Николай Японский, Иоанн Крестьянкин, Андрей Кураев. Этот комментарий потребует экскурс в историю русской церкви, что будет нелегко не только для учащихся, но и для преподавателя. Более опытный священник, отец Николай, с которым служит отец Дионисий в одном храме, поясняет, что Рождество у цыган – любимый праздник и что в этот день они всем табором приходят в храм.

Современная иерейская проза – и, в частности, избранный нами рассказ – написана прекрасным русским языком и в лучших традициях русской литературы, крайне интересна в сюжетном, языковом и культурологическом плане, поэтому может быть рекомендована для изучения на уроках русского языка в иностранной аудитории.

Литература

Гофман Владимир. Персиковый сад / протоир. Владимир Гофман. – М.: Никея, 2012. – 266 с.

Каплан В. Иерейская проза: Станет ли она литературным явлением? / В. Каплан // Фома. – 2010. – № 1 (81). – С. 70–73.

Кононенко Ю. Феномен «священнической прозы» / Ю. Кононенко. – URL: // <https://dm-jurevch-67.livejournal.com/52847.html> (дата обращения: 29.11.2023).

Суровцева Е.В. Современная русская литература в школе и вузе (иерейская проза) / Е.В. Суровцева // Всероссийский съезд учителей и преподавателей русского языка и литературы (Москва, Россия, МГУ имени М.В. Ломоносова, 5–7 ноября 2019 г.). Сборник материалов. – М.: Издательство Московского университета, 2020. – С. 426–429.

**Стилистические функции иноязычных вкраплений в романе
Б. Фришмут «Vergiss Ägypten»**

*австрийская литература, современная литература, Фришмут,
вкрапления, функции вкраплений*

Для многих лингвистов и переводчиков иноязычные вкрапления являются важной составляющей их исследований. Данный термин был введен А. Леонтьевым. Для исследователя «иноязычные вкрапления» представляют собой существование двух текстов на разных языках в одном. При этом данный текст сформирован по определенной модели согласно правилам языка [Леонтьев 1966: 34].

В свою очередь, Л. Крысин конкретизировал термин «иноязычное вкрапление», выделив его в отдельный тип иноязычных единиц, обладающий собственной структурной и функциональной особенностью [Крысин 1996: 146].

Ю.Т. Листрова-Правда считает, что иноязычные вкрапления, представляющие собой открытую группу слов, словосочетаний и предложений на иностранном языке, подвергаются воздействию текста, в который они вставлены, и вступают в интеръязыковое взаимодействие с этим текстом [Листрова-Правда 1986: 46].

Анализ иноязычных вкраплений требует глубокого понимания иностранного языка, контекста и особенностей текста. При включении иноязычных элементов в текст они могут внести дополнительные нюансы, эмоциональную окраску или расширить информационное содержание текста. Одновременно контекст может воздействовать на иноязычные вкрапления, изменяя их значение и адаптируя к лингвистическим правилам и структурам языка, на котором пишется текст.

Выделяют следующие функции иноязычных вкраплений: документирования, создания местного колорита, экзотическая, эвфемизации или смягчения неприятного, установления связи авторского творчества с мировой литературной традицией и мировой культурой, выразительности и др. [Манина 2010: 2].

Иноязычные вкрапления в тексте обычно представляются при помощи различных типов выделений, включая курсивный шрифт, сноски и кавычки. Использование кавычек служит для того, чтобы привлечь внимание читателя к иноязычным элементам и подготовить его к восприятию текста на другом языке. Однако, не всегда осуществляется такое выделение, и иностранные включения могут быть представлены в различных

формах, таких как фразы на иностранном языке, ремарки, известные цитаты, изречения или афоризмы. Такие приемы вносят особенную ноту оригинальности и экспрессивности в художественное произведение.

Существует несколько классификаций иноязычных вкраплений. Основой каждой классификации является определенный признак, который исследователь берет за основу разделения иноязычных вкраплений на отдельные категории.

Наиболее широко распространенные классификации основаны на таких признаках, как семантическое значение, частотность использования, происхождение и грамматические характеристики.

Наследие современной австрийской писательницы Барбары Фришмут (род. 1941) многогранно и привлекает интерес и рядовых читателей, и литературных критиков, и литературоведов, и филологов.

Фришмут, писательница с открытым мировоззрением, имеет значительное влияние на развитие австрийской литературы. Ее литературные труды до сих пор сохраняют свою актуальность в связи с акцентированием внимания на существенных вопросах, связанных с внутренним миром человека, ролью женщины в современном обществе и отношениями между Востоком и Западом.

Фришмут, основываясь на своих контактах с турецкой и арабской культурами, выступает в качестве посредницы и литературного посла, играющего значимую роль в сближении культур, религий и языков.

Ее литературные произведения проникнуты глубокими культурными и религиозными мотивами, которые она умело интегрирует в свое повествование. Фришмут с успехом освещает актуальные и сложные проблемы, которые по-прежнему обсуждаются в современном обществе. Это придает ее произведениям ценность и значимость не только в контексте австрийской литературы.

В романе «Забудь Египет. Роман-путешествие» («Vergiss Ägypten: Ein Reiseroman», 2008) центром повествования становится один из известнейших арабских городов – Каир, который привлекает своей красотой и историческим наследием многих австрийских писателей.

Структура этого романа-путешествия включает элементы прошлого и настоящего, а также случайные встречи между героями двух частей света: Востока и Запада. Главная героиня, Валери Кутцер, возвращается в Каир в пятый раз, где она училась в 1960-х гг. Она останавливается у своей подруги Ламис, наслаждается достопримечательностями Александрии и Лукоса, и погружается в воспоминания о молодости, когда она в Вене встретила свою любовь, Аббаса, и отказалась последовать за ним в Египет.

В произведении присутствует большое количество иноязычных вкраплений на разных языках: арабском, английском, французском, итальянском. Для анализа иноязычных вкраплений в романе «Vergiss Ägypten» была взята классификация Ю.Т. Листровой-Правды, в основе

которой соотношение иноязычных вкраплений с системами языка-источника и заимствующего языка [Листрова-Правда 1986: 96].

1. Полные вкрапления – текст на иностранном языке представлен с переводом, снабженным комментариями. Они вводятся с целью показать, что рассказчик владеет как немецким (родным) языком, так и английским (иностранном):

(Don't touch! (Не трогай! пер. Л.В. Трофимовой) – функция эстетического эффекта благозвучия [Frischmuth 2008: 17],

You are entering a tunnel, sagte der Professor zu mir, and you should know it. (Вы входите в туннель, сказал мне профессор, и вы должны это знать. пер. Л.В. Трофимовой) – функция эстетического эффекта благозвучия [Frischmuth 2008: 134].

No more graves, please! (Больше никаких могил, пожалуйста! пер. Л.В. Трофимовой) – функция авторской иронии [Frischmuth 2008: 113].

2. Частичные вкрапления – это отдельные слова, или часть текста на иностранном языке, ассимилированные фонетически или морфологически в языке. Некоторые частичные вкрапления, выраженные именами собственными из арабского языка в немецкоязычной графике, являются транслитерированными (Nagib Mahfus, Omar Sharif [Frischmuth 2008: 9].

Часть данного вида вкраплений выполняет функцию документирования. Б. Фришмут дает в книге названия отелей, улиц, кафе, ресторанов, что позволяет читателю ближе приблизиться к иноязычной реалии (Grand Hayatt – функция документирования, Meridian – функция документирования [Frischmuth 2008: 24]. The Resolving Restaurant – функция документирования [Frischmuth 2008: 25].

3. Контаминированные вкрапления – часть текста или отдельное слово употреблен[о] в соответствии с законами иностранного языка и нулевые – обычный переводной текст или отрывок такого текста, включенный в оригинальную речь (Pharao – функция эстетического эффекта благозвучия [Frischmuth 2008: 102]. Sundowner – функция эстетического эффекта благозвучия [Frischmuth 2008: 129]. Performance – функция эстетического эффекта благозвучия [Frischmuth 2008: 202].

Частое использование вкраплений обусловлено знанием иностранных языков автором романа. Стоит отметить, что наличие в романе Фришмут иноязычных вкраплений, свидетельствует о характерной особенности индивидуально-художественного стиля произведения.

Таким образом, иноязычные вкрапления создают определенный колорит, особую атмосферу повествования, обогащая произведение средствами стилистической выразительности, и формируют речевой портрет персонажей.

Причинами их привлечения в художественный текст являются экстралингвистические и интралингвистические факторы. Исследование связано с проблемой функционирования иноязычных вкраплений в художественном тексте, что, в свою очередь, затрагивает актуальные проблемы современной лингвистики.

Литература

Крысин Л.П. Иноязычное слово в современной жизни / Л. П. Крысин. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 161 с.

Леонтьев А.А. Иноязычные вкрапления в русской речи / А.А. Леонтьев. – М.: Наука, 1966. – 68 с.

Листрова-Правда Ю.Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века / Ю.Т. Листрова-Правда. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1986. – 144 с.

Манина С.И. Прагматические функции иноязычных вкраплений / С.И. Манина. – Серия 2: Филология и искусствоведение, 2010. – 4 с.

Frischmuth B. Vergiss Ägypten. Reiseroman / B. Frischmuth. – Berlin: Aufbau Verlag, 2008. – 220 с.

**«Евгений Онегин» в зазеркалье: псевдорусский мир
в зарубежном кинодискурсе**

*интерсемиотический перевод, деформация,
диссеминация, адекватность*

Межкультурные контакты, позволяющие устранять изоляцию национального исторического опыта и раскрывать концептуальные картины взаимодействующих языковых миров, неуклонно расширяются и интенсифицируются в связи с развитием технологий, в частности технологий кино. Актуальным во взаимодействии наций становится вопрос о границах мировоззренческой экспансии (через язык) и локальной идентичности [Леонтович 2017: 248]. Центр настоящего исследования составляет анализ киноадаптации классики, сопряженный с преодолением лингвокультурного и собственно языкового барьеров. Речь об экранизации русской литературы в зарубежном (западном) мире и о связанных с ней изменениях оригинала. В качестве фактического материала избран знаковый для русской культуры роман в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» 1823–1831 г. [Пушкин 1984] и его британо-американская версия в игровом художественном фильме «Onegin» 1999 г. [Онегин 1999]. В данной статье мы представим наблюдения над неточностями, допущенными при «ретрансляции» русской классики.

В работе используем главным образом сопоставительный анализ средств визуализации и аудиального сопровождения, а также контекстуальный анализ. В качестве методологической основы обратимся к принятым в переводоведении концептуальным тезисам и терминам в пределах трансформационизма, где разработано понимание преобразований исходного текста (ИТ), необходимых и факультативных, которые могут быть оценены как неточность, неясность, искажение, деформация. Различную степень творческой свободы и невозможность полной эквивалентности кино и литературного оригинала постулируют многие исследователи интерсемиотического перевода, оценивающие его продукт – кинотекст (ПТ) [Леонтович 2008: 22; Лотман 1994; Эко 2006: 283; Naremore 2000: 67; Wu 2014: 168]. В нашем фактическом материале отступления ПТ от ИТ многочисленны и разнообразны.

В хронологическом порядке кинореализации сюжета первым звонком искажения ИТ служит визуализация своеобразного мадригала ножкам: «Я помню море пред грозой | <...> Как я желал тогда с волнами | Коснуться милых ног устами!» [Пушкин 1984: 42]. Видеоряд демонстри-

рует Онегина фетишистом, каким его вообразить себе не мог бы, пожалуй, ни один из русскоязычных читателей А.С. Пушкина. Это очевидное несоответствие ПТ семантике ИТ создает у неносителей русского языка ложное представление о главном персонаже. Метафора слишком буквально понимается ретрансляторами и в результате абсолютно искажает (или даже извращает) смысл, заложенный автором ИТ.

Многие дополнения новых деталей обнаруживают вольность интерпретации ИТ: ключница, у А.С. Пушкина безымянная и не имеющая внешнего и речевого портрета, по воле создателей фильма без всякой необходимости получает собственное имя и действует, нарушая принятые нормы поведения прислуги, то есть выходит за рамки своего социального статуса. Представить себе ключницу, которая осмелилась бы ворваться в спальню нового господина (вступившего в права наследника) и будить его с рассветом, абсолютно невозможно для знакомых с русской историей и иерархией общества начала XIX в.

В соответствии с видением киноавторов и затем в сознании англоговорящих зрителей сцена знакомства Онегина и Ленского, которая у А.С. Пушкина не прописана и каждым русскоязычным читателем додумывается в меру его фантазии, превращена в пародию. При этом отклонение от написанного автором портрета Ленского очевидно: в отличие от пушкинского героя, который «... из Германии туманной | Привез <...> кудри черные до плеч» [Пушкин 1984: 59], в кадре актер носит стрижку на огненно-рыжих волосах. В этом внешнем облике угадывается намек на ирландцев, которые в англоговорящем мире призваны адаптировать идею эксцентричности или *пылкости и странности*. При этом русский национальный стереотип отражен в маловероятном (с точки зрения представителя отечественной культуры) облачении Ленского в бараний тулуп.

Музицируя, Ольга Ларина и Владимир Ленский исполняют «Ой, цветет калина в поле у ручья» из советского фильма «Кубанские казаки» 1949 г. Временная амплитуда романа и музыкального фрагмента – 120 лет! – не смущает кинопроизводителей. Видимо, песня в народной традиции должна маркировать принадлежность к лингвокультуре, но получается нелепое и даже абсурдное для наследников русской культуры представление о монолитности стилизованной под фольклор песни и дворянской жизни.

Сам же внешний облик сестер Лариных не имеет ничего общего с историческим фоном: две косы, обернутые вокруг головы, на Руси носили только замужние женщины, эта традиция сохранилась в крестьянстве, но она никакой связи не могла иметь с модой дворян и помещиков начала XIX в., несущественно отличавшейся от общеевропейской.

Обед у Лариных сопровождается политической дискуссией, совершенно неуместной в глазах русской публики. Видимо, традиция обсуждения политики как одна из частотных тем для беседы в обществе Великобритании должна помочь англоязычной аудитории апроприировать содержание пушкинского текста, но беда в том, что ничего подобного в ИТ

нет: политику при дамах не принято было обсуждать в России. Такая нелепица могла появиться на экране только как новое «прочтение» ИТ. Одновременно с этим крайне странное вольнодумство, проявленное Татьяной, чуждо главной героине романа, такая трактовка искажает ее образ и не соответствует ее дальнейшим действиям (согласию на вынужденное замужество). Непонятая иностранцами загадочная русская душа, полная противоречий и внезапных страстных порывов, превратилась для удобства западной публики в революционное настроение юной барышни, которая в ИТ *«Дика, печальна, молчалива | Как лань лесная боязлива»* [Пушкин 1984: 69], а в киноверсии рассуждает о несправедливости крепостного права.

Музыкальным фоном к чтению письма Татьяны Онегиным выступает песня «Коробейники». Ее финал всем представителям русской культуры прекрасно известен: он содержит весьма недвусмысленный намек на интимную связь, которая представляется оскорбительной и невозможной для главной героини, она роняет ее образ. Западным зрителям может быть неясен такой вопиющий диссонанс, но темп и мотив песни абсолютно неуместны в предметной ситуации и контекстной репрезентации смысла ИТ.

Еще более отступают от пушкинского сюжета и созданного им образа Татьяны наставления Петербургской родственницы (по-видимому, княжны Алины): *«Со временем ты привыкнешь к мужу, возможно, вы станете друзьями, если тебе повезет. Потом, если ты так настаиваешь на любви, то сможешь ее найти и вне супружеской постели»*. Удивительно, что такое «поучение» дается в присутствии матери, которая в оригинале романа была верной супругой и не могла поддержать подобную идею, поскольку была сторонницей совсем иных взглядов на семейную жизнь и с уважением относилась к институту брака.

Странным эхом за Онегиным следует вальс «На сопках Манчжурии», посвященный военным капельмейстером И.А. Шatroвым памяти погибших в 1905 г. в Русско-японской войне боевых товарищей. Этот явный временной сдвиг – более 70 лет – обнаруживает незнание ретрансляторами знаковых, символических для русской культуры концептов. Особенно дисгармоничен он в весьма откровенной эротической сцене между Онегиным и Татьяной, изображающей, по-видимому сон Татьяны, который, однако, она видит уже в финале фильма, будучи супругой генерала. Эта сцена позволяет западным зрителям трактовать представленное авторами фильма как эротическую страсть, хотя в ИТ нет никаких намеков на такое «видение».

Названными ошибками экранизация 1999 г. не исчерпывается, сходных деформаций ИТ достаточно много, они реализуются визуальными и аудиальными средствами киноязыка. Они очевидны носителям культуры оригинала, как это видно в одном из комментариев зрителей: *«...Вольная интерпретация "Евгения Онегина", в которой есть все, что угодно, но здесь нет Пушкина. Здесь нет русского духа, здесь Русью совсем не*

пахнет» [Онегин]. Однако искажения ИТ могут не быть распознаны неносителями этой культуры, то есть зрителями англоязычных культур (Великобритании, США, Канады, Австралии), которые воспримут один из шедевров русской классики как достаточно банальную историю нереализованной страсти. Этому способствуют нарушения временного и социального контекста, диссеминация персонажных портретов, искажения концептуальной картины русского мира. В результате от пушкинского текста, наполненного культурными смыслами, множеством психологических нюансов, крупными нравственными вопросами, остается лишь голый сюжетный каркас, на который насильственно, неуместно и неумело навешиваются маркеры русской культуры, выпадающие из темы, контекста и социально-временных рамок адекватности. Остается открытым вопрос, намеренна ли такая дисфемизация русской классики или отражает произвольное уничтожение внутренних смыслов оригинала.

Литература

Леонтович О.А. «Зеркало, в котором каждый показывает свой лик»: дискурсивное конструирование идентичностей / О.А. Леонтович // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. — 2017. — Т. 21. — № 2. — С. 247-259.

Леонтович О.А. Проблема ретрансляции и адаптации культурных смыслов / О.А. Леонтович // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2008. — № 2. — С. 18–24.

Лотман Ю.М. Диалог с экраном / Ю.М. Лотман, Ю.Г. Цивьян. — Таллин: Александра, 1994. — 416 с.

Онегин (фильм) 1999 г. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0-KjBsi8EYk> (дата обращения: 02.11.2023).

Пушкин А.С. Евгений Онегин. Роман в стихах / А.С. Пушкин. — М.: Худож. лит., 1984. — 255 с.

Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / У. Эко. — СПб.: Symposium, 2006. — 576 с.

Naremore J. Film Adaptation / J. Naremore. New Brunswick: Rutgers UP, 2000. 258 p.

Wu E.Ch. Intersemiotic Translation and Film Adaptation. Providence Forum, Language and Humanities / E.Ch. Wu. — 2014. — Vol. VIII. — No. 1. — P. 149–182.

Функция экфрасиса в романе Донны Тартт «Щегол»

экфрасис, интерпретация, искусство, нидерландская живопись

Одним из важных структурообразующих элементов романа Донны Тартт «Щегол» является экфрасис. Экфрасис – это словесное описание произведений изобразительного искусства. Появление его как риторического приема тесно связано с античной литературой и эстетикой. Одним из самых ранних примеров экфрасиса служит описание щита Ахилла в гомеровской «Илиаде». Он используется авторами для создания определенной атмосферы, усиления эмоционального воздействия на читателя и углубления смысла произведения. Кроме описательной функции, экфрасис может играть очень важное значение в построении сюжета. Визуальный материал, используемый в экфрасисе, не только иллюстрирует идеи автора, но и служит средством для их полного раскрытия. Так, например, Н.В. Брагинская в своей работе «Экфрасис как тип текста» отмечает: «Экфрасис не просто описывает произведение искусства, он играет сложную роль, выражая идеи автора, причем, чаще всего на нескольких уровнях литературного текста» [Брагинская 1977: 262].

Роман «Щегол» открывает перед читателем историю тринадцатилетнего Тео Деккера и его матери, которые посещают выставку нидерландской живописи в нью-йоркском Метрополитен-музее. Внезапный взрыв становится причиной смерти матери, а сам Тео по просьбе умирающего старика спасает картину «Щегол» Карела Фабрициуса и выносит ее из музея. Одиноким и глубоко несчастным герой путешествует по приемным семьям, открывая для себя сложность и противоречивость жизни.

Экспозиция становится отправной точкой для серии экфрасисов картин, которые они видят. Например, таким главному герою видится натюрморт Адриана Коорта: «<...> на темном фоне белая бабочка порхает над каким-то красным фруктом. Фон – насыщенный шоколадно-черный – излучал затейливое тепло, отдававшее набитыми кладовыми и историей, ходом времени» [Тартт 2015: 27]. Уже здесь можно заметить главную особенность авторского экфрасиса Донны Тартт – это построение визуального образа через индивидуальное восприятие картины героем. Именно поэтому далее в романе чаще всего экфрасис появляется не в момент прямого контакта с картиной, а в моменты, когда герой воспроизводит ее в своей памяти.

Важным аспектом нового художественного опыта для героя является мотив выхода за рамки обыденности, времени и пространства. Именно в

музее Тео вдруг чувствует себя «до странности» отгороженным от всего [Столбова, Железняк 2017, 4: 77]. Чтобы усилить потерянное состояние главного героя автор снова прибегает к экфрасису, в частности, включая картину Рембрандта «Урок анатомии доктора Тульпа» в сюжет *«<...> мы сразу это видим, что-то не так, но, перевернув палец, он делает это зрелище еще более не таким, и даже если мы сами не можем понять, в чем дело, наше подсознание это отмечает, тут что-то совсем неверное, неправильное»* [Тартт Д 2015: 31]. Картина Рембрандта также подчеркивает важность танатопозитики в романе. Тема и образ смерти здесь представлены не только на образном и идейном уровнях текста, она также выполняет сюжетообразующую функцию, определяет хронотоп и нарративные особенности романа.

Однако, несмотря на наличие экфрасисов многих картин, центральным образом произведения является живописный шедевр голландского художника Карела Фабрициуса «Щегол». Она идейно противопоставляется картине Рембрандта, если «Щегол» олицетворяет жизнь и неразрывную связь главного героя с его матерью, то «Урок анатомии» символизирует смерть, который сопровождает жизнь главного героя. Дихотомия жизни и смерти в образе этих двух картин будет все более заметна в ходе развития сюжета.

Тартт не раз отмечала, что намеренно выбрала картину и биографию Фабрициуса для раскрытия идейной составляющей текста. Жизнь художника, которая трагически оборвалась во время взрыва порохового склада и пожара в Делфте, на котором сгорели почти все его произведения, явно перекликается с судьбой матери главного героя. Не случайно именно картина Фабрициуса является ее проводником в мир искусства (*«Это самая первая картина, в которую я по-настоящему влюбилась», – говорила мама»* [Тартт 2015: 32]). И именно она же косвенно, но становится причиной ее гибели.

Особенно эта связь заметна в экфрасисе картины в начале романа, где Тео отмечает, что птица визуально напоминает его маму в детстве: *«<...> то, как ловко, ладно вся она подобралась на жердочке, ее яркость и тревожный, настороженный взгляд напомнили мне детские фотографии моей матери — темноголового щегла с внимательными глазами»* [Тартт Д 2015: 33]. Главный герой уже с самого начала связывает образ картины и матери, что во многом становится предзнаменованием трагедии в его жизни. Однако с развитием сюжета, образ прикованного щегла становится символом психологического состояния самого Тео. Цепочкой, приковавшей героя и не дающей ему внутренний покой, становится чувство вины за смерть матери и потеря жизненных ориентиров.

Каждый раз экфрасис картины возникает в самые значимые и важнейшие моменты сюжета, когда герой остро чувствует потерю матери. Именно здесь чувствуется амбивалентность влияния картины на Тео [Ищенко, Попова 2016, 2: 77]. С одной стороны, она дает герою успокое-

ние, но в то же время каждая встреча с картиной напоминает ему о трагедии, которую он пережил, и вызывает новую травму. Именно картина становится олицетворением внутреннего конфликта героя, который винит себя в смерти матери и не может смириться с ее смертью.

Через образ щегла автор подчеркивает тесную связь всех героев романа с искусством. Среди них выделяются три группы людей, которые окружают главного героя. Это «люди-щеглы», способные постичь нравственные ценности, скрытые в искусстве; коллекционеры, главная цель которых лишь обогащение, и герои, неспособные воспринимать искусство или отвергающие его [Столбова, Железняк 2017, 4: 78]. Эта система образов дает нам лучшее понимание характеров и мотивации героев.

Важнейшим элементом в романе также является потеря жизненных ориентиров главного героя. Воспитанный интеллигентной матерью, которая с детства привила ему любовь к искусству, Тео после ее смерти оказывается в чуждом для него мире, где ценности утратили свою силу, а зачастую и вовсе исчезли. И вот эту невозможность найти опору в изменившемся мире подчеркивает образ прикованного щегла.

Картина Фабрициуса является объектом символической интерпретации. Она становится загадочным фокусным пунктом, вокруг которого разворачивается физический и символический ход событий. Все сюжетные линии переплетаются вокруг «Щегла»: она переживает два взрыва, проходит суровые жизненные испытания вместе с героем, но все равно в конце возвращается в музей. Несмотря на хрупкость и уязвимость произведений искусства, оптимистичный финал все же подтверждает веру автора в силу и бессмертие искусства.

Таким образом, можно сделать вывод, что экфрасис, как художественный прием, является важной составляющей сюжета и образов в романе. Он помогает создать сложные ассоциации, которые обогащают наше восприятие произведения и раскрывают особенности героев. Экфрастические образы, которые Тартт использует, отражают ее культурные и эстетические ориентиры. Экфрасис помогает нам расширить наше восприятие произведений искусства, а также глубже понять и оценить героев и их взаимодействие с окружающим миром. Этот прием делает ее произведения уникальными и интересными для изучения и дальнейшего исследования.

Литература

Брагинская Н.В. Экфрасис как тип текста: к проблеме структурной классификации / Н.В. Брагинская // Славянское и балканское языкознание: Карпато-восточнославянские параллели. – М., 1977 – 262 с.

Ищенко Е.Н. Экфрасис как структурообразующий элемент художественного мира и маркер современного отношения общества к искусству

в романе Д. Тартт «Щегол» / Е.Н. Ищенко, М.К. Попова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер. Филология, педагогика, психология. – 2016. – № 2. – С. 66–73.

Столбова Н.В., Железняк В.Н. Опыт искусства в романе Д. Тартт «Щегол» / Н.В. Столбова, В.Н. Железняк // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. – 2017. – № 4. – С. 74–81.

Тартт Д. Щегол / Д. Тартт. – М.: АСТ Corpus, 2015. – 832 с.

Трансформации татарской традиционной духовной музыкальной культуры

*трансформации, татарская традиционная музыка,
духовная культура, мунаджат, маулид*

Культурные трансформации, которые мы сегодня наблюдаем повсеместно, происходят под влиянием различных факторов: социальных, экономических, технологических, политических. Они влияют на все аспекты культуры, включая духовную музыкальную культуру. Согласно Г.Н. Акбаровой, традиционная татарская культура в разные исторические периоды формировалась как культура ислама, поэтому духовное (в том числе и религиозная составляющая) и национальное являются неразделимыми понятиями у татар [Акбарова 2022, 1 (6): 5].

Среди древнейших жанров татарского фольклора мунаджат, чье предназначение заключалось в формировании эмоционально-личностного отношения, глубоких религиозных чувств к канонам ислама, стал распространяться в татарском народе начиная с X–XI вв., когда ислам становится единственной государственной религией в Волжской Булгарии. Само слово «мэнэжет» означает ‘мольба к аллаху’, ‘ночная молитва’ ‘славословие’, а также ‘религиозный гимн, псалом’, тихая беседа с самим собой о сокровенном, поэтому мунаджаты содержат самые сокровенные желания и поэтому имеют особый статус личного обращения к Аллаху.

По мере развития жанра появлялись мунажаты как отклик на события повседневной жизни. Так, музыковед Урманче Ф. делит татарские мунаджаты на четыре основные тематические группы: мунаджаты об Аллахе и его пророке Мухаммеде, мунаджаты о родной земле, мунаджаты о матери и ребенке, мунаджаты о тяжести каждодневной жизни, о бренности бытия и неизбежности смерти [Урманче 2023].

Исполнение мунаджатов среди татар Поволжья сегодня – это живая традиция, она соответствует таким параметрам, как традиционность, вариативность, устность, локальность, инклюзивность и синкретизм, которые музыковед Л.И. Сарварова выделяет как главные критерии традиционного фольклора [Сарварова 2023]. В частности, вариативность проявляется в том, что один и тот же напев у каждого исполнителя звучит по-своему.

Традиция исполнения мунаджата передается преимущественно в устной форме, отсюда его вариативность и особенности интерпретации. Признак локальности обнаруживается в региональной традиции, которая ограничена определенными границами, существует свой свод напевов,

свои особенности этнографии. При этом инклюзивность как включенность в процесс, означает нераздельность, отсутствие барьеров между исполнителем и слушателем, а синкретизм выражен в связи слова, музыки и действия.

Интересно, что именно религиозную принадлежность Л.И. Сарварова выделяет как единственный охранительный фактор, который препятствует перемешиванию традиций в условиях дисперсного проживания разных народов Поволжья [Сарварова 2023].

Однако эта традиция также претерпевает различные изменения, связанные с влиянием времени.

Некоторые из трансформаций традиции исполнения татарских мунажатов хотелось бы рассмотреть подробнее на примере проведения религиозного праздника Маулид – дня рождения Величайшего из людей Пророка Мухаммада в сентябре 2023 г. в Новочебоксарской Соборной мечети имени Айнетдина хазрата Шамбазова при Духовном управлении мусульман Чувашской Республики.

Мероприятие было драматургически выстроено, у него был свой сценарный план, свои исполнители, гости, зрители, которые одновременно были также участниками действия. Помимо чтения сур Корана, совершения намаза, рассказов о знаменательных событиях, происшедших во времена Пророка Мухаммада, традиционного угощения людей, пришедших на Маулид, особенностью данного мероприятия было своеобразное состязание между местными исполнителями мунаджатов (преимущественно женщины старшего возраста, большинство мишаре) и гостями из Казани (в частности, специально приглашенным на данное мероприятие коллективом «Апанай апайлары», в основном казанские татары).

У гостей была редкая возможность послушать мунаджаты в исполнении подлинных хранителей и носителей древних напевов татарского народа. Были исполнены распространенные мунаджаты, передаваемые по памяти от поколения к поколению [Мөнәжәтләр 2022: 16].

Аллюзия на поэтическое состязание «эйтеш», популярное среди тюркских традиций акынов, бахши, сказителей, была очевидной. Аллюзия на концерт (лат. *concerto* — ‘состязаюсь’) как творческую форму состязания также напрашивалась.

Кроме того, состязание между «командой» и одиночными участниками, что предполагает опору только на индивидуальный ресурс и импровизацию, напоминала популярные ныне телевизионные баттлы, что добавляло драматическую остроту и живость. Особенно интересно было сравнить разное звучание одного и того же мунаджата, которое зависело от индивидуальной и локальной традиции музыкального интонирования.

Данное мероприятие показало влияние следующих тенденций: элементы театрализации, наличие драматургической канвы в проведении праздника Маулид, влияние современных телевизионных технологий на проведение массовых религиозных мероприятий, стремление к объеди-

нению татар на основе общей истории, культуры, языка и религии без возрастных, социальных, культурных, гендерных, этнических различий. Стоит отметить, что весь праздник Маулида шел на татарском языке.

Литература

Акбарова Г.Н. Современные духовные сочинения композиторов Татарстана как отражение духовной культуры татарского народа / Г.Н. Акбарова // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. – 2022. – № 1 (6). – С. 5–9.

Урманче Ф. Мунажат / Ф. Урманче // Tatarica – татарский мир. – URL: <http://tatarica.narod.ru/cult/library/folk/munajat.htm> (дата обращения: 12.10.2023).

Сарварова Л.И. Исполнители «озын көй» привезли эту традицию из Казани или послушали Ильгама Шакирова и поют» / Л.И. Сарварова // Реальное время. – URL: <https://realnoevremya.ru/articles/247743-etnomuzykolog-liliya-sarvarova-o-tatarskoy-pesennoy-tradicii> (дата обращения: 12.10.2023).

Мөнәжәтләр – жан авазы. – Казан, ИП «Мусабинова Р.М.», 2022. – 94 б.

Биографический роман Айгуль Ахметгалиевой «Туташ» («Девушка»)

*актриса, биография, роман,
Сахибжамал Гиззатуллина-Волжская, театр*

Ахметгалиева Айгуль Габдулловна – прозаик, журналист, лауреат Международной премии имени Махмута Кашгари, премии им. Сажида Сулеймановой, лауреат литературно-общественной премии им. И. Юзеева, ответственный секретарь журнала «Майдан». Является членом Союза журналистов РТ и членом Союза писателей РТ.

Айгуль Ахметгалиева – автор множества рассказов и повестей. В 2008 г. вышла в свет книга для детей «Болытта жиләк үсә» («Ягодные облака») в издательстве «Мәгариф», в 2011 г. в Татарском книжном издательстве – книга повестей и рассказов для взрослых «Синең өчен яшим» («Живу для тебя»), в 2014 г. – «Мин гашыйк булдым» («Я влюбилась») – книга для подростков. В 2011 г. была удостоена поощрительной премии имени Сажида Сулеймановой. Драма «Бәхет агачы» («Дерево счастья») стала победителем в республиканском конкурсе «Новая татарская пьеса 2012». В 2013 г. повесть «Таллыкүлдә былбыл бар» заняла третье место, а киносценарий «Зәңгәр күлмәк» («Синяя рубашка») – второе в республиканских конкурсах. Рассказы вошли в сборники «Яңа базар», «Детская энциклопедия», в школьные учебники. В 2017 г. повесть «Ак читек» («Белые ичиги») заняла первое место в конкурсе, проводимом Минсельхозом РТ и Союзом писателей. В 2014 г. стала лауреатом премии им. Махмута Кашгари: рассказ Айгуль Ахметгалиевой «Капка» («Ворота») занял на республиканском – первое, а на международном конкурсе – второе место. Этот рассказ был опубликован на турецком языке (перевод Фатих Кутлу) в издающемся в Анкаре журнале «Кардэш каләмнәр» (№1, 2015). В городе Набережные Челны в 2014 г. была удостоена звания «Писатель года».

В республиканском конкурсе «Книга года» в 2014 г. – книга «Мин гашыйк булдым» («Я влюбилась»), в 2016 г. – книга «Таллыкүлдә былбыл бар», в 2018 г. – книга «Ак читек» стали победителями.

В 2014 г. Айгуль Ахметгалиева получила грант Министерства культуры и Союза писателей для создания романа о выдающейся артистке Сахибжамал Гиззатуллиной-Волжской. И тогда она принялась писать роман о Сахибжамал Гиззатуллиной-Волжской и отправилась в путешествие по местам, связанным с ее биографией.

Конечно же, роман в первую очередь основан на исторических событиях и документальных фактах. Это первый роман о первой профессиональной актрисе.

Историко-биографический роман современной писательницы Айгуль Ахметгалиевой «Туташ» вышел в «Татарском книжном издательстве» в 2019 г. Книга посвящена жизненному и сценическому пути первой татарской актрисы, режиссера, заслуженной артистки Татарской АССР Сахибжамал Гиззатуллиной-Волжской (1892–1974), осмелившейся выйти на сцену и сыграть в спектакле на родном языке в то время, когда посещение мусульманской молодежью театров, концертов и танцев, особенно женщинами, считалось позорным и греховным. За это в нее даже стреляли! Актриса стояла у истоков создания национального театра в начале XX в. Ее актерское служение стало настоящим вызовом для традиционного мира той эпохи. Но она выдержала все нападки и критику, стала настоящей звездой своего времени [Әхмәтҗалиева 2019: 312]. О Сахибжамал туташ писали газеты, посвящали стихи, хранили открытки с ее фото-портретом, стремились попасть на татарские спектакли с ее участием. «Она была душой и сердцем труппы. Ее талант, терпение, выдержка удивляли всех», – писал в своих воспоминаниях известный татарский актер Ш. Шамильский.

В романе речь идет о судьбе актрисы. Решительно сделав первый шаг на выбранном пути, девушка, которую все уважительно называли Туташ (форма обращения к незамужней женщине) и восхищенно сравнивали с русской актрисой начала XX в. Верой Комиссаржевской, уже не отступилась. Не повернула она назад и тогда, когда гастролировали вместе с труппой таких же молодых энтузиастов по городам и селам, с трудом выпрашивая разрешение властей на представления, а собранных денег не хватало не то что на оплату номера в гостинице, а зачастую даже на кусок хлеба.

Обладавшей непростым характером и неуживчивой натурой Волжской пришлось пройти испытание славой и «звездной болезнью», завистью и предательством, сделав непростой выбор между сценой и личным счастьем. Со всей горечью и глубоким психологизмом раскрыта в романе трагедия актрисы, которая в силу ряда обстоятельств (распад труппы в годы Гражданской войны, острый конфликт с коллегами, подорванное на гастролях здоровье) слишком рано, на пике карьеры вынуждена была оставить сцену и большую часть своей долгой жизни прожила инвалидом-домохозяйкой, закончив дни в психиатрической больнице, всеми забытая и брошенная. О ней, конечно же, вспомнили, но, как всегда, слишком поздно...

Становление татарского литературного языка, национального театра и прогрессивных учебных заведений показано в новелле в контексте бурных социально-политических преобразований начала XX в., способствовавших пробуждению национального самосознания татарского народа и включению его передовых общественных деятелей в революционную борьбу. Сначала театрам и большевикам было по пути: последние использовали сцену для агитации и пропаганды, а далекие от политики актеры мыслили свою деятельность возможной только при советской

власти. Но в 1930-х гг. их пути разошлись: многие татарские актеры, режиссеры и драматурги были обвинены в буржуазном национализме, объявлены «врагами народа» и репрессированы, рассказу о чем в романе уделено должное внимание.

В ходе повествования пересекаются жизненные пути многих исторических личностей, хорошо знакомых жителям Казани и других населенных пунктов Татарстана, поскольку их имена носят десятки улиц, проспектов и площадей. Это Габдулла Тукай, Габдулла Кариев, Камиль Мутыги, Галиасгар Камал, Карим Тинчурин, Фатих Амирхан, Мирхайдар Файзи, Хусаин Ямашев, Гафур Кулахметов, Мулланур Вахитов и др. С их жизнью мы смогли познакомиться через Сахибжамал Гиззатуллину-Волжскую, которая является матерью нашего театра.

По словам автора Айгуль Ахматгалиевой, на основе своего романа она уже написала пьесу и предложила театрам, в том числе Уфимскому драматическому театру «Нур», которого в 1912 г. организовала сама Сахибжамал Гиззатуллиной-Волжская. В драматургии образ Сахибжамал был создан и ранее – в историко-биографической пьесе «Гульжамал» народного писателя ТАССР Наки Исанбета, и спектакль был поставлен в разные годы. А в прозе эта ниша, до сих пор остававшаяся пустой, сегодня заполнилась объемным и достойным произведением, представившим перед современниками полноценный сильный литературный образ хрупкой женщины начала двадцатого столетия.

Литература

Әхмәтгалиева А. Туташ / А. Әхмәтгалиева. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2019. – 502 б.

Гайнуллина Г.Р. Хәзерге татар прозасы: жанрлык хасиятләре, әдәби алымнар / Г.Р. Гайнуллина // Tatarica. – 2018. – № 10. – С. 61–75.

Образ Китая в травелогах русской литературы 1920-х гг.
русская литература 1920-х гг., Китай, образ, травелог,
«чужой», «свой»

О формировании в русской литературе и культуре образа Китая можно с уверенностью говорить лишь начиная с XVIII в., хотя контакты между двумя странами стали складываться гораздо раньше [Лукин 2004: 70]. На формирование этого образа большое влияние оказала европейская геополитика: если в XVIII в. в России Китай представлялся лишь далекой, загадочной, производящей фарфор древней восточной страной, то в XIX в. образ Китая в русской литературе постепенно укрепляется и становится многогранным. В XX в., когда в Китае и России произошла смена режимов, частота и глубина контактов между двумя странами значительно возросли: многие писатели отправились в Китай и записали увиденное и услышанное. Для анализа в данной статье мы выбрали два травелога, написанные в схожие времена и по схожим маршрутам, но с совершенно разных точек зрения, чтобы исследовать русское сознание образа Китая 1920-х гг. и культурную идентичность, лежащую в его основе.

Известный военачальник, журналист, поэт и романист Георгий Иванович Гончаренко, писавший под псевдонимом Юрий Галич, совершивший в 1922 г. путешествие в Европу на корабле из Владивостока через Шанхай и Гонконг, позже описал свое путешествие в Китай в книге «Золотые корабли. Скитания», которая была опубликована в 1927 г.

К моменту посещения Галичем Китая страна все еще находилась в состоянии хаотического полуколониального и полуфеодалного общества. Этот период был отмечен непрерывными войнами между военачальниками и социальными беспорядками, а многие территории, изначально принадлежавшие Китаю, были превращены в селтльменты, которые, по словам автора, «один за другим в известной последовательности отрывались эти куски от китайского тела» и составили «государство в государстве» [Романенко 2008: 249]. В этой трагедии автор не нашел причин для оправдания Запада, он четко указал, что именно западные державы воспользовались слабостью Китая в это время, чтобы жестоко разделить его, и Россия не стала исключением. Угнетение ведет к сопротивлению, а чрезмерная жадность Запада вызвала ненависть китайцев. Он утверждал, что Китай не останется надолго в застойном состоянии разделения и угнетения и что передовая интеллигенция начала пробуждаться к мысли о том, что «приведет к страшному взрыву, к той грозе, первые раскаты которой уже доносятся самым явственным образом» [Романенко 2008: 250].

Автор гуляет по улицам Шанхая и встречает самых разных китайцев. Его наблюдательность настолько дотошна, что он даже может отличить жителей севера от жителей юга. В прошлом западные люди любили называть азиатов желтыми, опасаясь «желтой опасности» – смертельно опасного «чужого» [Дятлов 2022: 128]. Автор не пытается, как это делают традиционные западники, свалить характер всех азиатских стран в одну кучу. Он тщательно исследует различия между китайцами и японцами с точки зрения характера. Он утверждает:

Японец – воинственный, лукавый, скрытный хищник, народ-завоеватель, националист до мозга костей, непревзойденный подражатель, лишенный, в сущности, творческого размаха и глубины.

Китаец – мирный земледелец, купец и коммерсант, продукт своеобразной многовековой цивилизации, разносторонний, восприимчивый, одаренный творческой фантазией [Романенко, 2008: 247].

Значительную часть своей книги автор посвящает китайской культуре. По его мнению, Китай как традиционная страна с великими философами и уникальными ритуалами по-прежнему полон национального колорита, хотя его образ жизни меняется под влиянием Запада. В этом отношении понимание автора совпадает с мнением синологов прошлого. Галич рассматривает китайские иероглифы не просто как язык, а как целую философию великой мудрости. Китайский язык, быт, религия и литература также уникальны, а китайцы – народ, сильно отличающийся от русских: доблестный, терпеливый, честный и мудрый.

Несмотря на объективный подход автора к Китаю, в его описании встречаются некоторые традиционные предрассудки. Например, из-за того, что русская артистка не продвигалась в Китае так хорошо, как должно было, писатель прямо заявляет, что «искусство здесь не пользуется спросом» [Романенко, 2008: 251]. Однако если мы посмотрим на китайское общество в 1922 г., то там были западные державы, которые делили территории, использовали опиум, чтобы разрушить присущее Китаю единство, а внутри страны были военачальники и вожди, и народ не был счастлив. У китайского народа были более насущные проблемы, чем искусство. Это слишком произвольное суждение также отражает коллективное отсутствие правильного понимания китайского искусства в российском обществе. По мнению французского ученого Даниэль-Анри Пажо, все образы проистекают из самосознания (пусть и незначительного) «своего» по отношению к «чужим», сознания здесь и сейчас по отношению друг к другу [Pageaux 1994]. Поэтому автор как созерцатель, создатель образа всегда сознательно и бессознательно привязан к своей собственной культуре и использует свою культуру в качестве системы отсчета для изучения иностранной культуры.

Вообще, Китай под пером Галича – это позитивный образ Китая, без излишней фантазии и преувеличений. С точки зрения имагологии, образ чужой страны по мере углубления взаимодействия становится все более близким к реальности, а полный антагонизм между Другим и Своим все

более размывается. Сам автор не смотрит на Китай с возвышенной позиции, а занимает объективную позицию и действительно понимает образ страны и стоящее за ним культурное наследие. Этот экзотический образ в определенной степени отражает и самосознание созерцателя, хотя в этом процессе он все равно неизбежно подвергается влиянию коллективных образов общества.

Как писатели, побывавшие в Китае в один и тот же период, Б.А. Пильняк и Галич испытывали совершенно разные чувства. Травелог «Китайская повесть» у Пильняка, дневниковый отчет о его путешествии по Китаю в начале 1920-х гг., содержит широкий спектр текущих событий в Китае и имен, например, военачальников Юань Шикая, Чжан Цзолиня, Фэн Юйсяна и Сунь Чуаньфана, а также их отношения с Советским Союзом, Великобританией и Соединенными Штатами.

В отличие от объективности Галича, образ Китая под пером Пильняка полон негатива и мрака. Сцена, которую автор описывает в самом начале, также оставляет серое впечатление: *«В желтой воде, похожей на перепрелый чай, около берега плывет труп китайца»* [Пильняк 1927]. Стоит отметить, что оба писателя путешествовали по Китаю в противоположных направлениях, но оба проезжали через города вдоль реки Янцзы, такие как Ханькоу, Шанхай и Нанкин. Однако, проезжая через эти города, Пильняк не заглядывал в них слишком глубоко, и в его глазах китайские районы были полны убожества, варварства, нищеты и отсталости, даже *«нет слов, чтобы передать грязь закоулков китайского бытия, убожества, нищенства»* [Пильняк 1927], в отличие от селтльментов, которые представляли собой опрятность и цивилизацию. Он не считал, что селтльменты – это неразумное существование в Китае, а наоборот, *«удивительно сумели англичане “вырезать” своими ножницами “культуры”, выкроить из Китая – этот парк, эту музыку, – эту “Англию”!»* [Пильняк 1927]. Он считал, что на всех уровнях китайского общества царит хаос и беспорядок и был не слишком высокого мнения об интеллектуальной молодежи, находящейся на стадии пробуждения. Он даже писал в саркастическом тоне, что такая молодежь будет только противостоят всему и в конце концов лишится жизни, будучи арестованной полицией. Приехав в Пекин, он поговорил с одним синологом о Великой китайской стене и городских стенах, утверждая, что, хотя эти сооружения, безусловно, служили защитой от иностранного вторжения, они также полностью отрезали Китай от мира.

Очевидно, что автор свысока смотрел на страны, по которым путешествовал, и не был объективен, поскольку в своем изображении рассматриваемых стран он полностью попал под влияние западного евроцентризма и «желтой опасности». Кажется, что автор отчаянно хочет сбежать из страны, полной негатива, но непрекращающиеся войны между военачальниками заставляют его *«Маманди – значит по-китайски – погоди, не торопись, не спеши, значит русское – сейчас»* [Пильняк 1927].

Следует отметить, что мрачный тон, в котором Пильняк писал «Китайскую повесть», контрастирует с его изображением Японии. Писатель совершил путешествие в Японию и написал книгу под названием «Корни японского солнца». Здесь тон Б.А. Пильняка становится более мягким и лиричным при описании Японии. Таким образом, когда создается образ чужого, всегда есть близость к присутствию сопоставимой силы «своего» и обесценивание слабого. Это один из вариантов присутствия «свой» в «чужой».

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы: под влиянием национальной идеологии и общественного коллективного сознания образ Китая в русской травелогической литературе постоянно развивался и изменялся, и разные писатели в своих произведениях показывали его качества с разных точек зрения. Основой существования экзотического образа является противопоставление и различие между собой и чужим. Однако, будучи образным представлением о чужой стране, он невоспроизводим по своей природе и никогда не может быть полностью отождествлен с реальностью чужой страны.

Литература

Дятлов В.И. Китайские мигранты на Дальнем Востоке и российский вариант синдрома «желтой опасности» (рубеж XIX—XX вв.) / В.И. Дятлов, Е.В. Дятлова // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – 2022. – С. 128–166. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskie-migranty-na-dalnem-vostoke-i-rossiyskiy-variant-sindroma-zhyoltoy-opasnosti-rubezh-xix-xx-vv> (дата обращения: 12.11.2023).

Лукин А.В. Образ Китая в российском общественном сознании: преемственность и эволюция / А.В. Лукин // Полис. Политические исследования. – 2004. № 6. – С. 70–88.

Ощепков А.Р. Имагология / А.Р. Ощепков // Знание. Понимание. Умение. – 2010. № 1. – С. 251–253.

Пильняк Б.А. Китайская повесть / Б.А. Пильняк // Новый мир. – 1927. – N 6. – С. 5–29.

Романенко А.Д. Китай у русских писателей / А.Д. Романенко. – М: Алгоритм, 2008. – 528 с.

Pageaux D.-H. La Littérature générale et compare / D.-H. Pageaux. – Paris, Colin, 1994.

Обзор теоретического развития китайской детской литературы в 1930-х и 1940-х годах

*китайская детская литература, теория детской литературы,
теория социалистической детской литературы*

Развитие теории китайской детской литературы в 1930–1940-е гг. главным образом отразилось на углублении некоторых теоретических вопросов детской литературы. Первое, что привлекло внимание, – это вопрос о том, как исследователи определяют «детскую литературу». В период «Движения 4 мая» «сказка» была синонимом детской литературы, тогда как «детская литература» была менее распространенным понятием.

В ранних теоретических работах определение «детской литературы» было сравнительно кратким. В «Исследовании детской литературы», написанном в соавторстве Чжао Луцином и Сюй Цзюньцзяном в 1930-х гг., определение детской литературы стало более полным и строгим. Они выдвинули более полное определение детской литературы: детская литература – вид литературы, выражающий и критикующий невинные детские эмоции и имеющий художественную организацию, достаточную для обогащения детских интересов в жизни, расширения детской радости и сочувствия. Это более полное и научное определение детской литературы.

В этот период развитие теории детской литературы проявилось и в изучении жанров детской литературы. Наряду с более глубоким изучением таких жанров, как сказки и мифы, стали изучаться басни и драмы, что привело к более тонкой классификации и расширению жанровых исследований в детской литературе, а также к углубленному обсуждению художественных особенностей и истоков развития детских жанров в детской литературе.

В 1930-е гг. в Китае перевод и распространение зарубежной детской литературы постепенно изменились с преимущественно европейской на преимущественно советскую.

Советская детская литература не только позволила юным китайским читателям увидеть образы детей в новом мире, но и внесла новое влияние в теорию и создание детской литературы в Китае того времени.

В этот период Мао Дунь сыграл большую положительную роль. Он ознакомил кружок советской детской литературы с борьбой кружков советской детской литературы против тенденции игнорировать детскую литературу, отражающую реальную жизнь, и помог Китаю понять новую ситуацию, в которой Советский Союз придавал большое значение детской литературе.

В конце 1946 г. Мао Дунь посетил Советский Союз по приглашению Советской ассоциации зарубежной культуры. В ходе своего визита он встретился с Маршаком, одним из основоположников советской детской литературы. Вернувшись в Китай, Мао Дунь написал статью «Маршак говорит о детской литературе», знакомя китайского читателя с произведениями Маршака и восхваляя его произведения за красивые формы, здоровые темы и глубокое воспитательное значение. Эти вступления Мао Дуня расширили кругозор китайских деятелей детской литературы и придали новое дыхание развитию китайской детской литературы.

Мао Дунь всегда уделял внимание развитию и построению теории китайской детской литературы. В 1930-е гг. он написал такие романы, как «Весенние шелкопряды» и «Полночь», которые закрепили его место в истории китайской детской литературы. Он также внес выдающийся вклад в теоретическое построение и развитие китайской детской литературы. Среди типичных работ – «О детской литературе», «Повторный разговор о детской литературе» и т. д. Все они отражают его мысли о детской литературе того периода.

Мао Дунь считает, что хорошая детская литература должна представлять собой единство идеологии и художественности. Он привел теорию Маршака, известного советского писателя и теоретика детской литературы, который считал, что детская литература должна «учить детей» и в то же время должна быть «очень ценным произведением искусства». Он был согласен с тем, что детская литература должна не только удовлетворять детскую любознательность, но и вдохновлять детское воображение и мышление, пропагандировать красоту детской природы.

В теоретической системе детской литературы Мао Дуня мы можем почувствовать его совершенно новый взгляд на детскую литературу, новый тип детской литературы, основным содержанием которой являются идеологические и научные знания. Мао Дунь имеет историческое значение в истории развития теории китайской детской литературы. После основания Нового Китая Мао Дунь развил свою теорию детской литературы с высоты социалистического реализма и внес большой вклад в развитие китайской детской литературы.

В этот период Чжао Цзиншэнь как специалист теории сказки также внес большой вклад в развитие теории детской литературы. Он считает, что сказки не слишком близки к действительности и не слишком загадочны и представляют собой своего рода повествование о счастливой детской жизни.

При этом он также делил сказки на три типа: народные сказки, литературные сказки и образовательные сказки. «Народные сказки» относятся к сказкам, собранным непосредственно у народа и в основном используемым в качестве академических исследовательских материалов. Они стремятся только к тому, чтобы быть богатыми и объективными по содержанию, независимо от их воздействия на детей; «литературные сказки» относятся к литературным произведениям, созданным писателями, или

сказочным произведениям, созданным путем художественной обработки на основе народных сказок; из «народных сказок» и «литературных сказок» выбираются «познавательные сказки», с простым и понятным языком и определенным смыслом.

Классификация сказок Чжао Цзиншэня более объективно отражает понимание людьми сказок и различных путей развития сказок после «Движения четвертого мая» и имеет определенную научную ценность. Что касается функции сказки, он выступал за отбор и художественную обработку различных сказок, исключение безнравственных и непригодных для физического и умственного развития детей элементов. Он соглашался с тем, что сказки оказывают воспитательное воздействие на детей, но выступал против явных уроков в сказках.

Существует три метода исследования сказок: «фольклорное исследование», «педагогическое исследование» и «литературное исследование». Он использовал антропологические методы изучения сказок, что имело большое значение для теоретических исследований детской литературы. Исследования Чжао Цзиншэня по сказкам имеют чрезвычайно важное значение в истории современной китайской детской литературы.

Чэнь Бочуй – известный китайский детский педагог, детский писатель и теоретик детской литературы. Всю свою жизнь он посвятил делу китайской детской литературы. Он придавал большое значение воспитательной роли детской литературы и подчеркивал, что возникновение реалистической детской литературы является требованием общества и времени. Он подчеркивал, что детские произведения должны побуждать детей обращать внимание на время. Его взгляды глубоко отражают прогрессивную теоретическую направленность исследований китайской детской литературы под влиянием теории советской детской литературы 1930–1940-х гг.

Чэнь Бочуй отмечал, что детская литература должна уделять внимание возрастным особенностям детей, учитывать физические и психологические особенности детей, составлять для них собственные материалы для чтения, считал, что детские книги не могут превосходить детскую способность воспринимать. Детские литературные произведения хороши тем, что начинаются с точки зрения детей, особенно с детского сознания. Этот взгляд имеет положительное практическое значение и теоретическую ценность как в то время, так и сейчас.

Верность художественности также является неотъемлемой частью теории детской литературы Чэнь Бочуя. Он также подробно обсудил особые требования, предъявляемые к детской литературе с точки зрения тематики, персонажей, языка, структуры и т. д. Он одновременно детский писатель и теоретик с уникальными взглядами.

Предложенные им новые перспективы имеют большое значение для теоретического развития китайской детской литературы. Поэтому он стал одним из самых активных теоретиков китайской детской литературы 1930–1940-х гг.

В общем развитие теории китайской детской литературы в 1930–1940-е гг. было очень быстрым, и исследователи создавали теории, учитывающие суть и особенности детской литературы. Несмотря на недостатки и недоработки, они также внесли практический вклад в современное построение теории китайской детской литературы.

Литература

陈伯吹. 《儿童文学简论》. 长江文艺出版社, 1959 年. Чэнь Бочуй. Краткий разговор о детской литературе. – Китай: Чанцзянская литература и искусство, 1959.

茅盾. 《茅盾和中国儿童文学》. 少年儿童出版社, 1984 年. Мао Дунь. – Мао Дунь и китайская детская литература. – Китай: Детское издательство, 1948.

**Использование графических планшетов учащимися
начальной школы на уроках изобразительного искусства как средство развития
творческих способностей**

творческие способности, цифровые технологии, искусство

В этой работе рассматривается методика стимулирования и расширения художественного потенциала младших школьников в процессе обучения изобразительному искусству через применение цифровых графических устройств.

Актуальность изучаемой проблематики напрямую связана с тем фактом, что в эпоху технологий дети с самых младших лет погружены в мир цифровых устройств. Настал момент, когда цифровизация становится неотъемлемой частью учебных заведений. Обязанность педагогов заключается не только в передаче учебного материала, но и в подготовке учеников к жизни в быстро изменяющемся цифровом обществе, воспитывать умение адаптироваться к технологическим и социальным инновациям. Одно из нововведений, которое переопределяет учебный процесс, – это интеграция цифровых средств, таких как образовательные платформы и приложения.

Технологический прогресс превратил цифровое пространство из вспомогательного инструмента в фундаментальную среду, где разворачивается жизнь современного человека. В эпоху цифровой образовательной среды отпадает необходимость ограничиваться классной комнатой и фиксированным временем. Теперь обучение становится возможным в любом месте и в любое время. Уникальная возможность состоит в том, что каждый обучающийся может разработать индивидуальный образовательный маршрут, который удовлетворит его личные образовательные потребности. Такой подход открывает возможность для учащихся не только активно использовать цифровые ресурсы, но и становиться инициаторами их создания.

Развитие творческого потенциала стоит в ряду приоритетных целей образовательной системы, так как этот процесс является ключевым на всех уровнях формирования индивидуальности ребенка, стимулирует его к самостоятельности и инициативе в принятии решений, воспитывает привычку к независимому выражению себя и поддерживает уверенность в своих силах [Беспалько 1995: 23].

В связи со спецификой обучения изобразительному искусству, постоянно требуются иллюстрации. Благодаря ЦОР, любой урок становится более увлекательным и интересным. Интеграция передовых технологий

в процесс обучения изобразительному искусству на начальном этапе школьного образования значительно улучшает учебные результаты учеников, что проявляется в:

- формировании умений самостоятельно получать знания и контролировать свои достижения;
- улучшении комфорта учебного процесса;
- стимулировании развития творческого и информационного мышления.
- усилении исследовательского интереса у учащихся;
- повышении их общей успеваемости;
- достижении учебных целей через внедрение специализированных цифровых учебных материалов.

Как показывают исследования, использование цифровых образовательных ресурсов на занятиях в начальной школе способствует повышению наглядности урока, стимулирует интерес учащихся к изучаемым предметам, а также повышает интерес у учащихся к предмету.

Следовательно, важно учитывать, что в рамках стратегии обновления образовательной сферы в России акцентируется внимание на сохранении глубины и системности знаний при одновременной настройке их на соответствие современным требованиям социума и государства. Центральной задачей этого процесса является повышение качества школьного образования до уровня новых стандартов.

Информационная насыщенность образовательного процесса должна способствовать выполнению двух ключевых функций: обеспечение доступности образования для всех и гарантирование его высокого качества каждому ученику [Гилфорд 1965].

Согласно последним научным данным, применение цифровых инструментов в учебной сфере способствует прогрессу студентов и преподавателей, совершенствует структуру образовательной деятельности, а также стимулирует повышение ее качества и производительности. Использование цифровых технологий на уроках привносит элементы увлекательности и запоминающегося опыта в обучение для всех учеников, независимо от возраста, и способствует формированию позитивного эмоционального отношения к предмету. Интеграция информационно-коммуникационных технологий в обучение младших школьников поддерживает развитие их навыков навигации в информационной среде. Это обучает их не только эффективному взаимодействию с информацией, но и умению передавать ее через современные цифровые устройства. Применение ИКТ на занятиях также обогащает учебный процесс визуализацией материала, улучшая его усвоение, позволяя ученикам замечать тонкости и оценивать эстетические аспекты изучаемых объектов. Кроме того, они способствуют повышению мотивации и прозрачности урока. В процессе изучения изобразительного искусства активно используются ИКТ для развития художественных способностей учащихся. С их помощью можно демонстрировать необходимый художественный материал, познакомить с

произведениями великих художников, архитекторов, композиторов и музыкантов, поэтому значимость цифровых инструментов в углублении творческих качеств у младших школьников нельзя недооценивать. Они стимулируют развитие критического, визуального и абстрактного мышления, улучшают практические умения в рамках цифровой среды. В рамках занятий изобразительным искусством дети осваивают технологическую грамотность, учатся коллективной работе и самовыражению, формируют эстетические предпочтения и разрабатывают уникальный творческий стиль.

Согласно предыдущему утверждению, использование цифровых технологий, включая графические планшеты, на уроках изобразительного искусства играет важную роль в развитии творческих способностей у детей.

Литература

Беспалько В.П. Педагогика и прогрессивные технологии обучения / В.П. Беспалько. – М., 1995.

Богоявленская Д.Б. Психология творческих способностей / Д.Б. Богоявленская. – М., 2002. – 320 с.

Гилфорд Дж. Структурированная модель интеллекта. Психология мышления / Дж. Гилфорд. – М., 1965. – 244 с.

Григоренко Е. Инвестиционная теория креативности / Е. Григоренко // Психологический журнал. – 2005. – № 2. – С. 144–160.

Енышина Н. А. Инновационные процессы в образовании / Н.А. Енышина. – Барнаул, 2002.

Шакиров Альфред Ильдарович
Исмаел Хадеер Камил Исмаел
Казанский (Приволжский) федеральный университет
УДК 070.484

**Женская журналистика в Ираке:
тематическое многообразие текстов**

*женская журналистика, Ирак, тематика, феминизм,
арабский восток*

История иракской женской журналистики насчитывает более 100 лет. Она представлена большим количеством женских изданий и занимает в стране особое место. Типология иракской женской прессы имеет универсальный для стран всего арабского востока характер. В качестве основных можно выделить три типа изданий по характеру своего материала: семейное издание, общественно-политическое издание и издания универсального типа. Аудитория данных изданий не имеет жесткой целевой привязки. Женская журналистика в Ираке является частью общей системы средств массовой информации. Самый первый женский журнал Ирака *Laila* начал функционировать в 1923 г., редактором его стала Паулина Хассун Рафаэль, которая также была основателем Клуба женского возрождения [Шакиров 2023, 2: 234]. На страницах этого издания затрагивались вопросы, посвященные литературе, искусству, правовому положению женщин в обществе. Этот журнал зародил основы женской журналистики Ирака. Сейчас на страницах иракских женских изданий печатают материалы, посвященные известным женщинам, добившимся успеха в разных областях жизни общества, культуры и политики. Эти публикации направлены на вовлечение женщин во все слои общества, поскольку участие женщин в данном случае стало культурным капиталом, с помощью которого издатели пытаются максимизировать охват своей аудитории и удовлетворенность зрителей. В Докладе Организации Объединенных Наций о развитии человеческого потенциала (2002) говорится о многочисленных препятствиях на пути расширения прав и возможностей женщин в арабских обществах. В попытке тщательно изучить проблему в докладе говорится, что использование возможностей арабских женщин посредством участия в политической и экономической жизни остается самым низким в мире в количественном выражении, о чем свидетельствует очень низкая доля женщин в парламентах, кабинетах министров и рабочей силе, а также тенденция к феминизации от безработицы.

Жанровая палитра женской прессы Ирака представлена в основном художественно-публицистическими и аналитическими жанрами. Так как в стране большое влияние имеет исламская культура, то женские темы затрагивают в основном ведение домашнего хозяйства, моды, вопросы женской гигиены и развлекательные материалы. Для привлечения аудитории

к чтению женских изданий используются стандартные методы воздействия, характерные для европейских женских журналов (взаимоотношения между полами, эмоциональные рассказы, вопросы женской красоты, психологии семейной жизни). В противовес этим темам выступают статьи, в которых затрагиваются вопросы равенства между мужчиной и женщиной, также важной темой является правовое положение женщины в иракском обществе. Для привлечения читательниц используются современные визуальные приемы, инфографику, большое место занимают сатира и юмор на страницах журналов.

Немаловажное значение в женских журналах Ирака имеет религиозная тематика, часто встречается обращение автором материалов к сурам из Корана, трактовкам религиозных текстов и высказываний исламских религиозных деятелей. Стилистика материалов имеет своеобразные черты, характерные для арабской психологии. Важное значение имеет доверительность и выдержанность в журналистских текстах. Диалогичность текстов представлена в таких жанрах, как интервью-беседа, житейская история, анекдот, исповедь. Большое значение имеет обратная связь с читателем, отдел работы с письмами часто публикует самые яркие письма и отвечает на вопросы на страницах издания.

Информационные жанры представлены очень скудно, мало новостей о важных событиях, связанных с женщинами. Так как женщины часто сидят дома и не имеют возможности ходить в публичные места, то и информационных событий мало. Обратная сторона доверительности и диалогичности материалов – низкое качество публикуемых материалов, много в текстах встречается просторечных и бытовых слов. Культурно-образовательная тематика мало представлена.

В дополнение к растущему числу женщин-ведущих и продюсеров различных жанров программ на арабском телевидении за последние десять лет наблюдается всплеск смелых женщин – военных репортеров. Атвар Бахджат, иракская журналистка, родившаяся от отца-суннита и матери-шиитки, стала символом женской журналистики в Ираке во время освещения вторжения в страну американских войск. За свою недолгую карьеру она тронула сердца миллионов зрителей по всему миру, рассказывая о повседневной борьбе простых иракцев. Сцены ежедневных взрывов, пустынных улиц, разрушенных гражданских лиц и скорбящих женщин в течение нескольких месяцев показывали по спутниковому телевидению всему миру в ее ежедневных новостных репортажах. 22 февраля 2006 г. в Самаре (Ирак) она вела репортаж для телеканала «Аль-Арабия», когда в результате взрыва бомбы погибла вся съемочная группа. В том же году Бахджат была удостоена Международной премии за свободу прессы, присужденной Комитетом по защите журналистов. Она также была удостоена премии Фонда Нимана Гарвардского университета в области журналистики и премии Луиса Лайонса за освещение взрыва в шиитской мечети в Самаре 22 февраля [Джасим 2009, 2: 142].

Росту числа организаций арабских женщин, в дополнение к числу отдельных активисток, способствовали новые возможности средств массовой информации, которые часто обходят традиционные меры цензуры. В настоящее время больше женщин, чем когда-либо прежде, участвуют в политической жизни. Отчасти это обусловлено драматическими событиями в регионе. Развитие арабо-израильского конфликта, вторжение в Газу, война с Ираком и борьба за демократические реформы в различных арабских странах – все это стало основными катализаторами расширения участия женщин.

Спутниковое телевидение и Интернет становятся все более значимыми местами взаимодействия групп и отдельных лиц арабских женщин. Киберпространство стало процветающим виртуальным пространством для участия женщин. За последние несколько лет появилось все больше женщин-блогеров в социальных сетях. Женщины в арабском мире ведут блоги чаще, чем когда-либо, и во многих случаях они открывают новые горизонты, бросая вызов широко распространенным заблуждениям. Формируется новое пространство для взаимодействия и вовлеченности, где мужчины и женщины имеют равные шансы на влияние. Обсуждаются запретные темы, такие как сексуальные домогательства, участие в политической жизни и нарушения прав человека, и это лишь некоторые из тем, которые стали известны благодаря сотням арабских женщин-блогеров по всему миру. В странах, где свобода выражения мнений находится под жестким контролем правящих правительств, социальные сети, похоже, стали столь необходимой альтернативой.

Литература

Джасим Фирас Джамиль. Иракское телевидение: современный пейзаж / Джасим Фирас Джамиль // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2009. – № 2. – С. 140–144.

Шакиров А.И. Становление феминистической журналистики в Ираке/ А.И. Шакиров, Х.К.И. Исмаел // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2023. – № 2. – Т. 2. – С. 233–240.

**Цветосемантика образа Воланда
(на материале романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»)**

*цветосемантика, образ героя, художественный текст,
М. Булгаков*

Цвет – неотъемлемая часть того, что нас окружает. Люди прибегают к использованию представлений о цвете для структурирования окружающего мира и классификации его реалий, а также для выявления природных опасностей. Проблема цвета рассматривается в культурном контексте с точек зрения эстетики и науки. Названия цветов становятся объектом изучения в рамках различных научных направлений, охватывающих методы выделения семантических полей, историю языка, этимологию, проблемы влияния языка на мышление, а также определение доминирующего полушария мозга. Исследование закономерностей использования цветообозначений в художественных произведениях является одним из ключевых направлений в лингвистике, целью которого становится определение уникальных особенностей стиля того или иного автора. На данном этапе развития науки есть множество работ, посвященных цвето-наименованию в творчестве таких писателей как А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.А. Ахматова и др. К примеру, работы Е.И. Замятина, С.И. Миньчевой, Е.В. Воронец и др.

В данной статье мы рассмотрим цветосемантику романа на примере образа Воланда. Говоря о данном произведении, стоит отметить, что «Мастер и Маргарита» – одно из сложнейших произведений в истории русской литературы. Несмотря на то что роман был опубликован более пятидесяти лет назад, булгаковедами до сих пор не решены многие вопросы, касающиеся различных аспектов содержательной и композиционной специфики романа. Цветосемантика данного романа – одно из направлений в его исследовании, которое помогает понять закодированные смыслы, заложенные в произведение автором. Исследование inferнальных образов в романе (в частности, образа Воланда) невозможно без расшифровки таких скрытых смыслов, к которым можно отнести, например, цветовую символику.

Говоря о цветосемантике романа, стоит отметить основные цвета, которые сопровождают Воланда на протяжении романа: черный, серый, золотой. В связи с ограниченностью объема статьи мы остановимся только на одном из доминирующих цветов – черном. Для примера приведем цитату непосредственно из текста: «...под мышкой нес трость с черным набалдашником в виде головы пуделя. По виду – лет сорока с лиш-

ним. Рот какой-то кривой. Выбрит гладко. Брюнет. Правый глаз черный, левый почему-то зеленый. Брови черные, но одна выше другой. Словом – иностранец» [Булгаков 2001: 12].

Обратимся к этимологии слова *черный*. Согласно этимологическому словарю Фасмера данное слово имеет соответствие во всех славянских языках, а также во многих индоевропейских языках. Опираясь на концепцию, представленную в работе Л.В. Самариной «Традиционная этническая культура и цвет», мы можем утверждать, что желтый и зеленый цвета входят в базовую цветовую категорию [Самарина 1992]. Если обратиться к символике черного цвета, то можно увидеть, что в народной культуре этот цвет являлся признаком нечистой силы. Однако на данный момент исследователи придерживаются разной символической трактовки черного цвета. Таким образом, Е.А. Власова в своей работе «Символика черного цвета» дает следующее толкование данного цветообозначения: «...он символизирует зло, печаль, смерть, отчаяние, горе, загробный мир, но также может обозначать красоту, элегантность и сексуальную привлекательность» [Власова 2016: 68]. В.У. Тернер определяет символику этого цвета следующим образом: «...белому и красному противостоит черный, изображающий отрицание, зло, смерть, темноту, страдание, несчастье, болезнь, смерть. Но у тех же ндембу черный иногда выступает в позитивной роли, а именно как знак любви и счастливого брака и в магических обрядах управления дождем» [Тернер 1972: 69]. Существует убеждение, что черный цвет обозначает отсутствие цвета как такового. В нашей работе мы будем опираться на мнение В.У. Тернера, согласно которому этот цвет символизирует зло, темноту, страдание. Данную мысль можно подтвердить цитатами из текста.

Так, упоминание об этом цвете появляется в романе намного раньше, чем описание портрета сатаны. В первой главе романа, в которой идет речь о появлении Воланда в Москве, Булгаков использует глагол *темнеть* при передаче разговора Берлиоза с Бездомным, когда они впервые видят дьявола: «...стекла начали предвечерне темнеть...» [Булгаков 2001: 9]. *Темнеть* – непереходный глагол несовершенного вида, восходящий к прилагательному *темный*. Обратимся к этимологии этого цветообозначения: данная лексема также имеет соответствие во всех славянских языках и в индоевропейских языках. Можно заключить, что автор не случайно использует именно эту лексему, описывая появление Воланда. Этимология данного цветообозначения, восходящего к слову *тьма*, несет в себе скрытое значение предзнаменования того, что к жителям Москвы прибыл сам дьявол. Булгаков весьма своеобразно передает этот скрытый смысл в приведенной выше цитате: с одной стороны, мы знаем, что разговор Берлиоза с Бездомным состоялся на закате, когда солнце постепенно уходит за горизонт и небо начинает темнеть. А с другой стороны, Булгаков тем самым дает читателям закодированную информацию о том, что не просто на Москву спускаются сумерки, а сам дьявол своим приходом навевает темноту на этот мир.

Анализируя роман, можно заметить, что Булгаков не раз при помощи описания природных явлений указывает на сущность Воланда. Подтвердим данную мысль цитатой из романа: «...*бесшумно чертили черные птицы...*» [Булгаков 2001: 15]. Мы снова наблюдаем, что предзнаменование дьявола сопровождается указанием на черный цвет, что, несомненно, создает в восприятии читателя негативную коннотацию. Любого человека интуитивно настораживает черный цвет, который в рамках русской культуры символизирует зло, печаль, смерть. Стоит отметить, что и сам Воланд характеризует себя посредством указания на черный цвет, когда говорит, что он «...*специалист по черной магии*» [Булгаков 2001: 17]. В данном отрывке интересно и само словосочетание *черная магия*, которое имеет следующее значение: «использование темных сил, неподдающихся никаким объяснениям явления, реализуемых в злых целях». Из этого следует, что дьявол, описывая себя при помощи закодированных символов, говорит о своих возможностях и намерениях.

Таким образом, М.А. Булгаков активно использует цветосемантику при описании inferнальных персонажей. Цветовой компонент в образе Воланда играет важную роль. Так, лексема *черный* служит для передачи идейно-эстетического содержания, выполняя образно-выразительную функцию, а также репрезентирует символический код, который помогает читателю распознать дьявольское начало в данном образе. Частотность упоминания черного цвета свидетельствует о том, что для писателя он очень важен: при помощи него он описывает природные явления, которые помогают читателю распознать сущность Воланда; кроме того, данный цвет предзнаменует все то, что обрушит дьявол на жителей Москвы.

Литература

Булгаков М.А. Мастер и Маргарита / М.А. Булгаков. – СПб.: Азбука-классика, 2001 (СПб.: Печатный двор им. А.М. Горького). – 594 с.

Власова Е.А. Символика черного цвета (на материале английского языка) / Е.А. Власова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 5–2 (59). – С. 68–71.

Самарина Л.В. Традиционная этническая культура и цвет / Л.В. Самарина // Традиционная этническая культура и народные знания: Материалы междунар. конф. – М.: ИЭИА, Б. г. (1996). – С. 147–156.

Тернер В. Проблема цветовой классификации в примитивных культурах / В. Тернер // Семиотика и искусствометрия. – М.: Мир, 1972. – С. 50–81.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1986–1987.

Джадидизм и национальная литература

*нация, национальность, ислам, джадидизм, литература, сознание,
мышление, общество, политика*

«Джадидизм продолжался в Туркестане более тридцати лет. Однако этот короткий период дал возможность становлению народа как нации, пробуждения у него общественного сознания, изменения мировоззрения, созреть эстетическому вкусу» [Ризев 1997: 131]. Видно, что для совершенствования своей национальной духовности, это движение опиралось на силу искусства и литературы, потому что в процессе осознания национальной специфики роль литературы ни с чем не сравнима. Национальная литература сыграла важную роль в общественно-политических изменениях, произошедших в Узбекистане в начале нашего века. Литература никогда еще не становилась полем столь острой идеологической и политической борьбы – эта идея явно показывает положение литературы начала XX в. Феномен литературы, возглавившей движение национального возрождения, не является новым для мирового развития. Появившееся в России в XIX в. «народническое движение» стало движением, боровшимся за спасение русской нации от болота невежества и сыгравшее важную роль в становлении русской нации. Главной силой этого движения были представители литературы.

Талантливые творцы Турции возглавили реформы периода «танзимот» середины XIX в. Национально-освободительную борьбу Индии в начале XX в. трудно представить без творчества Тагора и его последователей. Потому что «зарождение и развитие демократической идеологии в каждой национальной культуре общества, вытекающие из материальных условий жизни рабочих масс, является необходимым, правовым явлением», по данным профессора Б. Касимова, «в 1905–1917 годах в Средней Азии жили и творили более восьмидесяти творческих людей» [Касимов 1984: 28].

Джадиды считали литературу наиболее близким к народу инструментом в развитии национального сознания нации и формирования национального мышления. В 1907 г. татарский поэт Г. Тукай писал: «...наша нация нуждается в настоящих писателях, художниках... в новой истинно национальной поэзии, музыке и всем том, что способствовало бы прогрессу, как в жизни других наций» [Тукай 1976: 10].

Джадидская литература проявила себя как национальная по форме и содержанию. Конечно, то, что джадидская литература защищала только интересы народа, не могло приблизить ее к народу. Эта литература, прежде всего, своим народным характером смогла проникнуть в самые

низшие слои народа и поставила вопросы: «Что такое литература?! Какой она должна быть?!», выдвинула идею «Ее задача – пробудить народ и объединить нацию». «Нация, у которой литература погибла, не развивалась и нация, которая не породила писателей, в конце концов станет бесчувственной, лишенной мыслей и идей, постепенно придет к кризису. Этого нельзя отрицать. Нация, которая это отрицает, подтверждает свое кризисное положение» [Чолпан 1994: 35]. Этими мыслями Чолпан показывает место литературы в жизни нации, в этом отношении, безусловно, особая роль принадлежит деятельности литераторов, литературной среды начала XX в. Представитель джадидской литературы Фитрат отмечал: «Литература выражает волны наших мыслей и чувств с помощью слов и предложений, чтобы вызвать такую же волну у других» [Фитрат 1994: 22]. Этими мыслями он хочет сказать, что намерения поэтов-джадидов заключаются в том, чтобы при помощи литературных средств пробудить «мысли» и «чувства» и в сознании нации. Именно в этих аспектах роль литературы в период национального возрождения стала несравненной. Ведущей силой стали поэзия и драматические жанры литературы, способные установить непосредственную связь с народом. На литературную арену пришло новое поколение в лице Хамзы, Фитрата, Бехбуди, Аваз Отара, Авлони, С. Ажзи, Чолпана. В своих работах они поддерживали культуру, которая служила повышению духовности нации. Свободу нации и горе страны они ставили превыше всего, привнесли в литературу новый дух, новое содержание. Расширился тематический круг литературы, изменилось ее содержание. Нетрудно заметить, что тема просвещения сочетается в их поэзии с идеями национализма, то есть почти во всех стихотворениях в сборнике «Литература или национальные стихи» А. Авлони жалуется на состояние нации, ее непросвещенность, «невежество в науке, сельском хозяйстве, промышленности» и призывает проснуться:

Сколько будешь спать в объятиях равнодушия, просыпайся народ,

Свергни невежество, встань, настало время, народ.

В поэзии Хамзы тема нации приобрела периодичность. В стихах, написанных им с 1905 по 1915 г., она поднималась до уровня главной темы. В своих стихотворных строчках он ищет способ спасти Туркестан, свою нацию:

Бедный Туркестан, каким ты был раньше?

Где то время, когда своим просвещением освещал ты мир?

Остался во тьме, уничтожен твой завтрашний день,

Если в рабство попадет нация, не наш ли это грех.

Или:

Оставшись невежественными, не достигли мы цели?

Сегодня мы такие, плачь нация, будем плакать (здесь и далее перевод наш. – Г.Э.).

В творчестве поэта Аваза Отара, любителя угнетенных, наблюдается усиление мотивов поиска средств защиты своего угнетенного народа, страны:

Нация, когда ты проснешься?

Найдя науку и ремесло своим просвещением нация?

Или:

Народы мира развиваются с каждым днем

Мы находимся в состоянии сна, мы – бедный, черный народ.

Поэт, не знающий, где найти надежду на будущее страдающей нации, растет до уровня того, что ищет виновных и требует свои права:

Чтобы обмануть нас, сделав беспомощными,

Вы отняли у нас свободу и заковали в кандалы,

В итоге вы понесете ответственность за эти бедствия,

Угнетая народ, вы его уничтожили.

Пробуждение и интеллектуальный рост поэзии этих поэтов были неразрывно связаны с жадой новаторства в характере времени. В начале XX в. такие стихи имели особое значение в пробуждении и росте национального самосознания. Жалость к состоянию нации внесла радикальные изменения в творчество поэтов. Характерной особенностью поэзии этого периода является то, что «личное Я» в ней переросло в «национальное Я». У поэтов формируется чувство вожака нации. Они стали считать себя ответственными за нацию, а потому занимались не только художественным творчеством, но они издавали газеты и журналы, открывали школы, формировали театральные труппы, ставили пьесы.

С 1905 г. появилась и начала функционировать новая литература – литература национального возрождения. Такие новые взгляды появились в жанре поэзии в произведениях Фурката, Муками, Анбара Отина в конце XIX в. Только к началу XX в. в литературе произошло становление джадидизма и было полностью проникнуто идеей национализма.

К 1910-м гг. одних лишь существующих литературных типов и жанров уже было недостаточно для изменения общественно-политического сознания нации. Для ускорения пробуждения нации, джадиды уже на самом первом этапе своего движения (имеется в виду эпоха Просвещения) приступили к созданию сценической литературы.

Даже в эпоху, полную противоречий, от литературы, доставляющей прежде всего эстетическое удовольствие, требуются самобытная красота и высокое творчество. По этой причине были предприняты усилия, чтобы не допустить фальшивости ни в одном жанре литературы.

Идеи национальной независимости обрели внутреннее содержание в стихах поэтов, которые не смогли сдаться. Конечно, не все поэты писали такие стихи. Подобные стихотворения занимают важное место в творчестве А. Фитрата и главным образом в творчестве Чолпана. В восхождении на арену этой совершенно новой литературы важную роль играют следующие факторы:

1) существование древних основ национализма в психологии тюркских народов;

2) трезвость национального мировоззрения и его развитие.

Этот острый и сквозной национальный вопрос в литературе продолжался главным образом до 1925 г. Хотя в 1938 г. политические репрессии усилились, их черный призрак встал над представителями литературы, начал бросать тень на интеллектуалов уже в середине 1920-х гг., потому что в этот период большинство деятелей литературы, сумевших проявить свой талант, были творцами, выросшими из джадидистского движения, являвшимися сторонниками национальной независимости.

Литература

Каримов Н. Особенности развития узбекской литературы XX века и идеология национальной независимости: автореф. дис. ... докт. наук / Н. Каримов. – Ташкент, 1993. – 51 с.

Тукай А. Собрание сочинений в 5 т. – Т. 3. / А. Тукай. – Казань, 1976.

Касимов Б. Излай, излай топганим... / Б. Касимов. – Тошкент: Г. Гулам, 1984.

Ризев Ш. Жадид драмаси / Ш. Ризев. – Тошкент: Шарк, 1997. – 315 с.

Фитрат А. Адабиёт қоидалари / А. Фитрат. – Тошкент: Учитель, 1994.

Чолпан А. Адабиёт надир / А. Чолпан. – Тошкент: Чолпон, 1994.

Эрсой Алисия
Научный руководитель:
Беклемешева Наталья Николаевна
Московский городской педагогический университет
УДК 821.111

Анализ принципа разбивки романа по главам и именованию глав в английской художественной литературе

*английская художественная литература, глава,
диахроническая перспектива, принцип именования глав*

Данное исследование посвящено анализу композиции романа, а именно разбивке по главам и их именованию, и выполнено в рамках парадигмы, объединяющей литературоведческий и лингвистический подходы к анализу художественной литературы. Особенности дискурсивного анализа художественного текста всегда вызывали устойчивый интерес исследователей [Сулейманова 2010, 1: 112; Кенжегараев 2012, 4: 228; Асратян 2015, 3: 30; Гуо 2017, 20: 483], был описан диахронический подход к анализу романа [Бахтин 1975], дейктические особенности и функции заголовка [Сребрянская 2005, 1: 22; Щирова 2007, 1: 177].

Тем не менее названия глав и их анафорическо-катафорические функции в тексте романа еще не являлись предметом отдельного комплексного исследования, за исключением нескольких статей [Brown 2010, 1: 11].

Вместе с тем трудно отрицать, что деление романа на главы и их наименование выполняет в художественном тексте важную функцию, в первую очередь с точки зрения структурирования произведения.

Принцип деления романа на главы уже привлекал внимание лингвистов [Hewitt 1997, 1: 49; Brown 2010, 1: 12; Dames 2014, 1: 1; Сулейманова 2017, 1: 31], хотя единой точки зрения по этому вопросу нет в силу большого разнообразия видов композиции художественного произведения.

Следуя общей логике, можно предположить, что разрывы между главами созданы для того, чтобы читатель остановился, проанализировал прочитанное и задумался, почему данные события объединены в одну главу под определенным названием.

Сплошной текст без разделения на части может отталкивать, начало новой главы свидетельствует о проделанном прогрессе в чтении, о том, что начинается новая часть повествования. Обрывание главы также возвращает читателя в реальный мир, напоминая, что прочитанное является вымыслом автора.

Разделение на главы может происходить по-разному. Некоторые авторы располагают главы таким образом, чтобы в каждой главе описывалось новое событие или появлялся новый персонаж, к чему привлекает внимание название главы. Вместе с тем иногда разрыв между главами

происходит в середине одной и той же сцены, формируя непрерывность между двумя главами. Некоторые авторы используют данные приемы, чтобы добиться комического эффекта или сделать акцент на чувствах и эмоциях героя, создавая резкую смену сцены и настроения повествования [Brown 2010, 1: 12].

Анализ принципа разбивки англоязычных художественных произведений по главам и наименования глав в данном исследовании выполнен автором в диахронической перспективе, то есть акцент сделан на процессах изменения данного аспекта с течением времени. На первом этапе в качестве исследовательского материала были отобраны произведения XVIII – начала XX в. (15 произведений). Для сравнительного анализа далее были отобраны современные англоязычные произведения, то есть романы конца XX–XXI вв., наиболее известные и обсуждаемые произведения, в том числе лауреаты таких литературных премий, как *British Book Awards*, *Goodreads Awards*, *British Academy Award*, всего 70 произведений.

Результаты анализа позволили выявить несколько принципов именования глав. Во-первых, это нумерация глав (29 произведений). Авторы нередко оставляют главы произведения без названий, оставляя лишь нумерацию с использованием арабских или римских цифр, числительное также может быть прописано буквами. Римские цифры являются значимыми символами истории и культуры и могут добавить роману элегантности и строгости. Вместе с тем, в современной литературе более распространенной нумерацией являются арабские цифры.

Во-вторых, главы романа могут выполнять функцию сюжетного синопсиса (16 произведений). В англоязычных романах XVIII–XIX вв. преобладала тенденция указывать в названии каждой главы на события, которые будут происходить далее, ср.:

Chapter 38: Mr. Samuel Weller, Being Entrusted With a Mission of Love, Proceeds to Execute it; With What Success Will Hereinafter Appear (The Pickwick Papers by Charles Dickens, 1836–1837).

С течением времени названия глав стали более короткими. В современных романах в заголовках глав, как правило, нет придаточных предложений, конструкций с *in which* или *concerning*. Общую тенденцию можно описать как переход с предикативной модели названия главы на номинативную, ср.:

1 *The library at Hurtfew*

2 *The Old Starre Inn*

(*Jonathan Strange & Mr Norrell* by Susanna Clarke, 2004).

Анализ показал, что названия некоторых глав современных английских произведений могут носить диалогичный характер. В названии главы рассказчик – как правило, главный герой – ведет диалог с читателем. Например, *Early spring, yes* (М. Фрейн *Headlong*). *Yes* создает иллюзию обращения главного героя к читателю, таким образом усиливая погружение читателя в жизнь этого персонажа. Такой же эффект создает название

другой главы этого произведения, сформулированное в виде вопроса: *Do we know where Upwood is?*

В ходе исследования все заголовки из эмпирического корпуса (70 произведений) были разделены на несколько групп в зависимости от принципа наименования глав. Значительное место в данной классификации занимают произведения, в названиях глав которых содержатся даты, периоды времени, дни недели (13 произведений).

Это является довольно популярной тенденцией среди современных авторов. Главы в таких романах, как правило, являются временными рамками для какого-то события.

Так, например, криминальный роман И. Рэнкина *Fleshmarket Close* рассказывает о десятидневном расследовании дела об исчезновении подростка. Роман разделен на главы по дням недели, в течение которых происходит расследование, начавшееся с понедельника.

Произведение Дж.К. Роулинг *The Casual Vacancy* разделено на семь частей, в первой рассказывается о трагической гибели Барри Фейрбразера. Первые шесть глав, относящиеся к первой части романа, названы по дням недели, начиная с воскресенья – дня смерти Барри Фейрбразера. Поэтому все, что происходит далее, объединено в отдельную (вторую) часть произведения. Таким образом, автор подчеркивает особую значимость событий, произошедших в первую неделю, так как смерть персонажа является спусковым крючком для последующих несчастий. Другая интересная особенность данного подхода к именованию глав заключается в том, что если в названиях используются даты, то произведение, как правило, имеет биографический характер. Вместе с тем, кроме даты в названии главы может указываться и место, в котором разворачиваются события. Например, в беллетризованном биографическом романе Х. Мантел *Wolf Hall*, документирующем стремительный приход к власти Томаса Кромвеля, ср.:

I Falcons. Wolf Hall, Wiltshire: September 1535

II Crows. London and Kimbolton: Autumn 1535

(*Wolf Hall* by Hilary Mantel, 2009).

Названием главы может быть определенный значимый период в жизни персонажа. Так, в произведении *Eleanor Oliphant Is Completely Fine* автор Г. Ханимен использует нестандартный подход к делению на главы, которые разделены на три большие части: *Good Days*, *Bad Days* и *Better Days*. «Хорошие дни» для главной героини – это дни стабильности, по сравнению с этой порой далее в ее жизни будут гораздо более тяжелые дни; «плохие дни» – самая трудная пора для героини, самая низшая точка ее падения; «лучшие дни» – пора исцеления.

Еще одним приемом, которым пользуются некоторые современные англоязычные авторы, является деление романа на главы по принципу смены лица, от которого ведется повествование (9 произведений). Таким

образом, когда автору произведения необходимо сменить перспективу повествования, показать ситуацию с другой точки зрения, глава прерывается и начинается новая, ср.:

August 1990. Hilary

September 1990. Henry

(*What a Carve up!* by Jonathan Coe, 1994).

Вместе с тем существуют произведения и с более сложным принципом наименования глав. Например, названиями 10 глав произведения Дж. Доусон *Magpie* являются строки из детской считалочки, (10 строк). Считалочка предсказывает будущее с помощью подсчета сорок. В качестве названия главы каждая строка считалочки описывает атмосферу главы и одновременно этапы взросления главной героини. Например, название первой главы *One for sorrow* обозначает чувство одиночества: в данной главе речь идет о главной героине и переломном моменте в ее жизни. Вторая глава называется *Two for joy*, что, как правило, обозначает счастье в браке. В данной главе автор рассказывает об обстоятельствах семейной жизни главной героини. Когда заканчивается считалочка, заканчивается и «детство» протагониста. В конце произведения героиня расстается с прошлым, ей необходимо принять решение, куда и как двигаться дальше.

Таким образом, проведенное исследование позволило сделать выводы об основных принципах разделения английского романа на главы и наименования глав. Наиболее частотным структурным типом являются названия номинативного характера. В целом подход к наименованию глав зависит от индивидуального стиля и основной идеи автора.

Литература

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.

Brown C. Chapters: Why Writers Have Them, and How To Read Them / C. Brown // Тропа. Современная британская литература в российских вузах, 2010. – Р. 11–22.

Hewitt K. Understanding English Literature / K. Hewitt. – London: Perspective Publications, 1997. – 279 p.

Reading English Novels: Workbook. Part I. / О.А. Сулейманова, М.А. Фомина, К.С. Карданова-Бирюкова и др. – М.: Языки Народов Мира, 2017. – 217 с.

Айгөл Әхмәтгалиеваның ижади биографиясе

*хәзерге татар прозасы, милли әдәбият, эпик сюжет
структурасы*

Милли әдәбиятыбызда ХХ йөз башыннан килгән традицияләрне дәвам итүче көчле язучылар бар. Алдынгылар рәтендә, һичшиксез. язучы, драматург, шагыйрә, киносценарийлар авторы Айгөл Әхмәтгалиеваны (1973) аерып куярга кирәк.

Бүгенге прозада классикларыбыз сызган юлны дәвам итүче, Әмирхан Еникичә күңел кичерешләрен модернистик алымнар ярдәмендә бирә алган, Аяз Гыйләжев кебек мифопоэтик структураны үз иткән, Мөхәммәт Мәһдиев кебек үз ижатында татар тормышын тулы бер образ итеп гомумиләштерүгә омтылган язучының бүгенге көндә дистәләгән китаплары, меңләгән укучы аудиториясе бар, Казан университетында әдипне ижатын гыйльми яссылыкта өйрәнүгә мөнәсәбәтле кандидатлык диссертациясе әзерләнгән.

Айгөл Габдулла кызы Әхмәтгалиева 1973 елның 27 ноябрендә Актаныш районы Качкын авылында укытучылар гаиләсендә туа. 1990 елда урта мәктәпне тәмамлагач, Казан дәүләт университетының татар теле, әдәбияты, тарихы һәм көнчыгыш телләре факультетына укырга керә. Студент елларында ук Казан гимназиясендә укытучы, «Мәгърифәт» газетасында корректор булып хезмәт юлын башлап жиберә. Гаиләсе белән Чаллы шәһәренә күчкәч, «Нур» газетасында корреспондент, Чаллы дәүләт педагогия институтында укытучы булып эшли. Бүгенге көндә Аяз Гыйләжев исемендәге Яр Чаллы драма һәм комедия театрында хезмәт куя.

2011 елда ук инде А. Әхмәтгалиева кече яшьтәге мәктәп балалары өчен язылган «Болытта жиләк үсә» китабы өчен «Рухият» фондының Сажидә Сөләйманова исемендәге бүләгенә лаек була. Язма-басма сүз туграсына бәллүр богау белән бәйләнгән Айгөл Әхмәтгалиева каләменнән төшкән һәр әсәр көтеп алына, чөнки әдипнең сюжет структурасын кора белүе, поэтик алымнардан иркен файдалануы, ниндәй, сүзгә олы җаваплылык белән кагылуы мәкиббән итә.

Әдипнең үз укучысын яраттыру сәре үтә дә гади. Ул гади кешеләр тормышында булган хәлләрне әдәби сурәт итә. Мисалга, «Баланнарда бал төмә» китабының дөньяга чыгуының үзенә күрә тарихын алыш. А. Әхмәтгалиева авылдашы, бүгенге көндә Пермь ягында яшәп ятуы Гөлфәгыйдә апа Юлышевага багышланган «Тузганак керфеге» дигән повестен берничә сәндә гына китап итеп бастырып, аңа бүләк ясарга ниятле. Шуннан аңа социаль челтәрләрдә дә, очрашуларда да «Яңа

китабыгыз бармы?» дигән сораулар белән мөрәҗғәгать ителәр. Шулай «Баланнарда бал төме» китабы дөнья күрә. Китапта урын алган «Таллыкүлдә былбыл бар», «Тузганак керфеге» повестьларында да, «Баланнарда бал төме» хикәясендә дә кеше язмышлары чагылдырылган.

«Баланнарда бал төме» хикәясендә дә пейзаж укучыга тәэсир итү вазифасын үти. А. Әхмәтгалиева укучысының игътибарын әдәби детальләргә юнәлтә, төп фикерне яшерә, китап сөючене уйлата белә. Автор гади генә балан жимешен энә шулай төсләргә мана. Әдиптәнең сурәтләвендә табигатьнең без игътибар да итмәгән нәкышләре энә шулай ачыла.

«Кайтаваз» – әни белән бала арасындагы ярату көче турында гомумиләштереп язылган хикәя. «Коткаручы» хикәясендә иң алгы планга кешенең жәмгыять, халык, ил алдында җаваплылыгы, бурычы мәсьәләсе куела. «Өч тәңкә» исемле хикәясендә дә ата-ана һәм балалар арасындагы мөнәсәбәтләргә һәм һәр борылышны тирән психологик буяулар ярдәмендә ача.

Соңгы елларда «Мәдәни җомга», «Казан утлары», «Мәйдан» газета-журналларында басылып чыккан әсәрләре, бигрәк тә «Синең өчен яшим» җыентыгында урын алган повесть-хикәяләре прозаикның сәнгати фикерләү үзенчәлекләре турында ныклы, нигезле сүз алып бару мөмкинлеген бирә. XX гасыр ахыры – XXI гасыр башында татар әдәбияты җитди үзгәрешләр кичерә. Илдәге демократик үзгәрешләр тәэсирендә үзгә бер социаль-мәдәни мохит урнаша. Буржуаз мөнәсәбәтләргә күчү, милли-мәдәни яңарыш, Көнбатыш һәм Көнчыгышның әдәби һәм фәнни казанышлары үтәп керү һ.б. татар сүз сәнгатендә яңа эзләнүләргә китерә. Әлеге эзләнү-үзенчәлекләр билгеле бер дәрәҗәдә А. Әхмәтгалиева прозасында да чагылыш таба.

Әйтергә кирәк, А. Әхмәтгалиеваны зәвыклы кәләмәннән танып була. Язучының «Таллыкүлдә былбыл бар» бәяне, «Бәллүр богау», «Тузганак керфеге» повестьларында гомумкешелек проблемалары милли гомумиләштерелүләр аша тәкъдим ителә.

Кыскасы, әдиптәнең «Баланнарда бал төме», «Синең өчен яшим», «Сагынган чакларымда», «Ак читек», «Хәния», «Кичке таң» һ.б. бик күп башка иҗат жимешләренең кыйммәтен билгеләүче төп үлчәм ул – укучы мөхәббәте, татар гыйльмиятендә әсәрләргә карата белдерелгән күпсанлы фикер-карашлар.

XXI йөзгә аяк атлаганда татар укучысын лирик-экзистенциаль хикәяләре белән таң калдырган А. Әхмәтгалиева 2015 нче елда Төрксой һәм Евразия Язучылар берлегенә төрки дөнья прозаиклары арасында уздыра торган хикәяләр конкурсында икенче урынны яулый. Хөкемдарларны әдиптә «Капка» хикәясе белән әсир итә. Әсәр төрек телендә Фатих Кутлу тәрҗемәсендә Әнкарада чыгуы «Kardes kalemner» журналының беренче санында тәкъдим ителә.

«Капка» хикәясендә татар яшәешенең әхлакий нигезләре, шул кануннарда тугрылык саклап калу мәсьәләсе күтәрелә, геройның

фажигасе шул нигезлэргә салынып бәяләнә. Хикәянең башламы аны Ф. Әмирхан прозасы белән бәйли, табигать сурәте сюжетка керү вазифасын башкара. Язучы хикәядәге капка образы үз асылын жуйган кешенең фажигасе турында уйланырга чакыра, укучының дөньяга караш мөмкинлекләрен киңәйтүгә ирешә.

Автор гаиләнең жәмгыятьтәге ролен, аның шәхес формалашуга йогынтысын күрсәтә һәм аның нәтижеләрен трагик пафос белән сурәтли.

2022 елда хикәя драма вариантында тәкъдим ителде һәм тамашачы хозурына тапшырылды. «Капка»ның язылу тарихы А. Әхмәтгалиева ижатының ике дәвергә бүлгән сызык та ул.

2014 елда Айгөл Әхмәтгалиевага ТАССРның 100 еллыгына сәнгать әсәрләре булдыру максатыннан С. Гыйззәтуллина-Волжская турында роман язу өчен Мәдәният министрлыгы һәм Язучылар берлеге гранты бирелә. Шулай итеп, әсәрне язу өчен мәгълүмат туплау максатыннан Сәхибҗамал Гыйззәтуллина-Волжскаяның архивларда бирелгән туган авылына барган (үзенең «Сәхнә юлым» дип аталган истәлекләрендә Сәхибҗамал Гыйззәтуллинаның «мин Казан ягы Әрә авылыннан Гыйззәтулла исемле бер крестьян кызы» дип язып калдыруы мәгълүм) әдибә икенче бер әсәргә тема табып кайта.

Айгөл Әхмәтгалиева профессиональ актриса, милләтпәрвар шәхес С. Гыйззәтуллина-Волжская белән якыннанрак танышу максатыннан, истәлекләрдә язып калдырган авылны табуы, аның хәзерге Яшел Үзән районына караганлыгы һәм, шушы Әрә авылына барып, аны үз күзләре белән күрүе хакында белдерә. Язучы әдәби жәмәгатьчелеккә яңа тарихи факт тәкъдим итә. Казан архивында сакланган, Сәхибҗамал Гыйззәтуллинаның үз куллары белән язылган истәлекләрендә туган елының өч төрле итеп бирелүе дә ачыла. Моның сере әлегә билгесез булып кала. Эзләнә торгач, Айгөл Әхмәтгалиева татар актрисасының чыгышы белән Чувашияның Козловка районы Әлмән авылыннан булуын ачыклай. Шулай ук ул гади крестьян гаиләсеннән түгел, ә хәлләрәк гаиләдән булып чыга.

А. Әхмәтгалиева психологизм, пейзаж, ретардация алымнары ярдәмендә Сәхибҗамал Гыйззәтуллина-Волжскаяны катлаулы, көчле, шул ук вакытта нечкә күңелле шәхес итеп сурәтләүгә ирешә. 2022 елда роман шулай ук драма вариантында тамашачыга тәкъдим ителде. Безнең карашка, әдибә ижаты бүген яңа күтәрелеш чоры кичерә. Әлегә тарихи роман – аның ижатындагы яңа баскыч, татар прозасының яңа хатын-кыз образына бәйле аерым бите.

Айгөл Әхмәтгалиева ижаты – бүгенге татар әдәбиятының йөзек кашы. Әдибәнең классик реализм, романтизм һәм модернизм традицияләрен үрәп эшләгән матур бизәккә тиң прозасы, җитди проблемаларны үзәккә алган драматургиясе – әдәби барышның төп юнәлешләрен, стиль тенденцияләрен билгеләгән жәүһәрләре.

Зөлфәт иҗатында лирик герой концепциясе

*лирик герой, гражданлык лирикасы, кешелек дөньясы,
табигать бөтенлеге, милләт язмышы, ярату хисе*

Татар шигъриятенәң әйдәп баручы шагыйре Зөлфәт иҗаты матур яңгырашы һәм яңалыгы белән үзенә аерым шигъри стиль юлына барып тоташа: ул символик-метафорик образларны, бирелешләрне төрле мәгънәви яссыклыкта гына ачып калмыйча, алар аша укучыны тәэсирлән-дерү максатын куя, экспрессия алымына йөз тоташа. Зөлфәтнең иҗат юлында лирикасының үзенчәлегенә төп өч жанр – гражданлык лирикасы, күңел лирикасы һәм фәлсәфи лирика жанрлары алгы сафларга баса һәм әйдәп баручы булып тора. Эдип иҗатының икенче – аның йөзгә билгеләнгән сыйфаты лирик герой концепциясе үзенчәлегенә тыгыз бәйләнеш ала.

Зөлфәтнең лирик герое иҗатының бөтен этапларында да дәрәжә юлын «кайгарты», шуны табу мөмкинлеген эзли, эрнеп сыкрана. Узган гасырның 70 нче елларында язылган «Дүрт җыр» шигъри аша Зөлфәт үзе дә дүрт «җырын» әйтеп, шигъри юлының тематик яссылыгын төгәлләштереп бер ноктага чорный: туган ил, халык язмышы; мөхәббәт; туган як, әниләр; хакыйкәт темалар әйләнеше ул:

Беренче җыр – илем турында ул,
Олы юлга дөшкән җырдыр ул...
Икенче җыр... әни турында ул,
Ун мең еллык тере көйдәр ул...
Өчүнче җыр... Сөю турындадыр –
Мең яңарган иске моңдыр ул...
Дүртүнче җыр... Бусы җырланадыр
Елларның иң аргы ягында [Зөлфәт 1971: 5].

Өстәп әйткәндә, 1960–1980 еллардагы поэзиягә хас күтәрелеш юлы, яңа билгә-үзенчәлекләр «цензурага буйсынмаган» шагыйрьләр иҗаты белән бәйләнә, шушы юнәлештә «үзгә фикерле, теге яки бу күренешләрне мөстәкыйль бәяли алырлык, шул ук вакытта эстетик камиллеккә ия» әсәрләр мәйданда күренә башлый. Татар шигъриятенәң бу катламын Зөлфәт әсәрләре дә тулыландыра.

Шушы үзенчәлекләр кабатланмас лирик герой концепциясенәң үсеп җитүе, һәм өлгерүе белән дә бәян ителә башлый. Әлеге төрдәге шигърьләрендә Зөлфәт лирик герое Такташның икенче чор иҗатында үсеш алган лирик герой концепциясен дәвам итүче буларак мәйданга чыга. Илебездә киләчәккә өчен үзгә җаваплылык хисе тойган гражданин лирик герой кысаларында гына калмыйча, ул эрнеп-сыкрана. Зөлфәтнең

лирик герое – илдәге хәлатне, торышны аңлаган хәлдә, кешелеккә дә төрле-төрле юллар аша инандыру өмете белән янып йөргән герой.

Мисал өчен, «Тырнак» (1971) шигыре – аның бу юнәлештәге беренче шигырьләреннән. «Сөргеннән котылган Гарәфи ага Хәсәнов болай сөйләде» диелгән әйтелеш аша шигырь беренче юлларыннан ук ижтимагый-сәяси нотага көйләнә һәм укучыга шушы яссылык аша тәкъдим ителә. Илдә барган төрле сәяси дулкыннар, мәсьәләләр, шәхес культы, сөргеннәргә озату, сугыш кебек ил кешеләре кичергән фәжигаләр лирик герой кичерә торган ярсу, иза чигү хисенә сәбәп төсен, чын әйтелеш проблемасын үз эчендә тотат.

«Мыскыл» (1978) шигырендә башка күренеш белән очрашабыз, ул ирония алымына таянып иҗат ителә. Г. Тукайның «Көзгә җилләр» шигыре белән интертекстуаль бәйләнеш шигырьнең ижтимагый-сәяси яссылыкта кабул ителүенә этәрә:

Язгы төн... Мин йоклый алмыйм –
Өй түрендә җил көлә!
Юк, җил көлми – шат яшәүнең
Шатлыгыннан ил көлә [Зөлфәт 1990: 128].

Ил кешеләре дөньясы, сәяси вазгыять проблемаларын күтәрү, шул дулкында яшәгән кешеләр яшәеше турында сөйләшү халыкның, ягъни татар милләтенең яшәвенә, көн итеше турында фикер йөртүгә алып килә. Андый шигырьләрдә лирик герой милләтенең киләчәгә өчен борчыла, аның хокуксы булуына әрнеп зур мәйданга якыная. Иҗат үрнәкләрендә ат, тулпар, Идел, дала кебек татар халкының тамырларына, үткәннә бәйлә образлар киң кулланылышка кереп китә, һәм аерып алынган шигырьләрендә нәкъ шушы образлар милли мәсьәләләр хакында уйлануларына зур мөмкинлек буларак юл яра. Мәсәлән, беренче уйлауга бик тә романтик хис-кичерешләр гына сөйләнгән «Ай сонатасы» (1965) шигыре шундыйлар рәтендә. Шигырь структурасында чәрдәкләнгән ай, яшен суккан имән образлары милли фәжигә булып кабул ителә. «Гөл» (1969), «Чабата» (1979), «Нигез» (1972) кебек шигырьләрендә милләтнең аяныч язмышын шагыйрь ижтимагый-сәяси күренешләр аша аңлата.

«Сөембикәнең хушлашу догасы» (1978) шигыре дә милли проблеманы калкытып куя. Әсәр тукумасына Сөембикәнең Казаннан китүе турындагы риваять салына. Әдип биредә борынгы мифологик легендаларның эчтөлеген тулысынча диярлек үзгәртеп корат. Ахыр чик “теләк ычкыннарының”да сүнәп юкка чыга баруы шәһәр нигезенә эт күмелүе белән бәйләнгән рәвештә үстерелеш алган хәсрәт ахырда зур күтәрелеш ноктасына әверелә. «Кандап карты» (1973), «Эт тоту көне» (1978), «Тамыр көлләре» (1978), «Туган тел хакында» (1976) кебек шигырьләрендә дә халык, милләт фәжигәсе, татар теле язмышы хакында сөйләшү дәвам итә. Мәсәлән, «Туган тел хакында» (1976) шигырендә туган телнең кеше тормышындагы урыны, яшәештәге вазифасы хакында уйланулар урын алат. Җитмешенче елларның уртасында – тел мәсьәләсе кискенләшкән

чорда – бу проблеманы күтәреп чыгу үзе үк шагыйрьдән кыюлык һәм ба-
тырлык таләп итә.

Әдип ижатының төп мотивларының берсе булган заман хаосы, көндәлек яшәү буларак кабул ителгән мәшхәрнең илаһи табигать дөньясына китергән зыяны өчен сызлану 1976нчы елда язылган «Казан шәһәренең 39 нчы кварталы янындагы сазлыкның төнге бәхилләшүе» ши-
гырендә дә калкуландырыла. Тәэсир итү көчен, хисси дулкынны арттыру максатыннан автор шигырьне Сазлык исемнән сөйләтә:

Бәхил булыгыз сез –
Мең тавышлы,
Мең очышлы шаулы саз кошлары!
Мин яраттым сезне бу дөньяга –
Кемнәр язар сезнең язмышларны? –
Бәхил булыгыз! [Зөлфәт. Сөембикәнең 1995: 27].

Кешелек дөньясының табигать, үзен чолгап алган тирә-юнь мохитен
жимерүе, алдагы көн өчен юл яруы сәбәпле туган әрнү хисе авыр язмыш
хәлендә калган сазлык үзенең «үлем»е аша биек ноктага ирешеп
сурәтләнә. Сазлык исә үзе өчен сердәшче итеп төнне, ә кеше исә көнне
сайлый.

Зөлфәтнең мәхәббәт лирикасына хис-кичерешләрнең киеренкелеге,
бер чиктән икенче чиккә ташлануы хас, лирик герой кичергән мәхәббәт
халәте укучыны шатлыктан алып, үкенечкә кадәр хисләр дулкынында
кайната. Бу үзенчәлек Зөлфәтне башка шагыйрьләрдән аерып тора.
Мисал өчен «Язмышлар ярында» (1970) шигырендә мәхәббәтне югалту
әрнү, үкенеч тудыруга сәбәп төсен ала. Шушы халәт шигырь тукумасында
текә яр, төнге кар, ак бәхет калдырган йорт кебек образлар аша
төгәлләшә. Лирик геройның яр читендә басып торую хис-кичерешне
тагын да кискенләштерә:

Һай биек, бик биек син мине
Калдырып киткән бу текә яр!
...Мин торам язмышлар ярында,
Беркем юк – кар ява, төнге кар...

Шагыйрьнең «Көз» (1970), «Яфрак төшкән инде юлга...» (1970),
«Офыкларда төн канаты яна» (1973), «Һаман яратам» (1974), «Кичер»
(1971), «Күпердә» (1971), «Ашыгылган» (1974), «Тәкъдир» (1976), «Изге
әрнү» (1975), «Гел биектә килеш» (1975), «Керфекләрең синең яшьле ча-
кта» (1976) һ.б. шигырьләр эчтәлек һәм форма ягыннан мәхәббәт лири-
касын үстерүгә-камилләштерүгә зур өлеш кертә.

Моннан тыш туган як темасына караган шигырьләрендә Зөлфәт
сынландыру алымына яратып мөрәжәгать итә, туган ягының тупылларын,
урманнарын сөйләштерә, йолдызларын йөгертә, карларын җырлата.
Өлеге алым аңа туган як матурлыгын, аның кадерен соң дәрәжәдә югары
күтәрергә мөмкинлек бирә. Әйтик, «Җилләр чиртә сары камылларга...»
(1970) шигырендә башак, кояш уты, салават күпере образлары шундый-
лардан:

Ургып керә җырларыма якты.

Сак булыгыз,
Уты капмасын!

... Бар дөньяга кояш моннан чыга –

Ачып керә офык капкасын... [Зөлфәт. Жилләр 1995: 61]

Кеше гомеренең, авылда калган балачакның, яшьлекнең вакытлы һәм кадерле булуы фәлсәфәсен шагыйрь гади генә сары камыл һәм салават күпере образлары ярдәмендә ача, моны яшәеш законы кебек табигый рәвештә сурәтли.

Ижатының икенче чорында язылган «Тылсым» (1992) шигырендә Зөлфәт үзенең шигъри вазифасын кеше жаннарын савыктыруда, аны туры юлга күндерүдә, халкы күңелендөгесен әйтеп бирүдә күрә:

Шигъри сүзем минем – саф тылсымым

Авыр чакта сезгә кагылсын –

Савыктырсын, горур итсен берүк,

Кеше итсен безне бу тылсым!

Күрдәшләрем! Сезнең жанда туган

Шигърьләрне әйтер сүз көчен

Ни өчендер Ходай миңа биргән –

Өлешемә тигән көмешем... [Зөлфәт. Тылсым 1995: 23]

Сызланулары аша халык язмышын, яшәешнең мәһим нокталарын җиткерә алган, милләтенең бүгенгесә һәм киләчәгә өчен әрнегән, кешелекнең аксаган яшәеш кануннарын жанландыру теләге, нияте белән янып торган шигърияте иҗат дәверендә Зөлфәтнең үз юлына, идеясына тугры калуына дәлил. XX гасыр уртасында милли традицияләрне тергезеп, аларны яңа алымнар белән баетып, сүз-сурәт тудыруның яңа алымнарын тергезеп, ул татар шигъриятенә кабатланмас, бай, күпкырлы һәм гүзәл иҗат калдыра.

Литература

Заһидуллина Д. 1960–80 нче еллар татар әдәбияты: яңарыш мәйданнары һәм авангард эзләнүләр / Д. Заһидуллина. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2015. – 152 б.

Зөлфәт. Дүрт җыр / Зөлфәт // Зөлфәт. Язмышлар ярында. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1971. – 5 б.

Зөлфәт. Мыскыл / Зөлфәт // Зөлфәт. Адашкан болыт. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1990. – 128 б.

Зөлфәт. Сөембикәнең хушлашу догасы / Зөлфәт // Зөлфәт. Ике урман арасы. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1995. – 27 б.

Зөлфәт. Жилләр чиртә сары камылларга... / Зөлфәт // Зөлфәт. Ике урман арасы. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1995. – 61 б.

Зөлфәт. Тылсым / Зөлфәт // Зөлфәт. Ике урман арасы. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1995. – 23 б.

Literary language in the poetry of T. Kabulov and innovative technologies in teaching it

poetry, literary language, style, teaching methods, modern technologies

Karakalpak folk poet T. Kabulov is one of the brightest representatives of Karakalpak literature of the XX century. His collection of poems is known such as “Qarabuğa”, “Ashıǵıńman”, “Diydar”, “Patulla zor”, “Sen tuwılǵan aqsham”, “Tamshı”, “Sen bar- dúń'ya bar”, “Eń jaqsı namaǵa janım sadaǵa”.

The themes of Tolibay Kabulov's poetry are patriotism, loyalty, love for the native land, humanity, happiness, purity of conscience, morality and hospitality, issues of education, energy of youth, beauty. The uniqueness of the poet's work was written in articles by literary critics prof. K. Allambergenov “Qara buǵadan qanat qomlaǵan xalıq shayırınıń poeziyası” [Allambergenov 2009: 91–94], prof. K. Orazimbetov “Shayırdıń ekinshi ómiri” [Orazimbetov 2010].

Prof. K. Allambergenov noted that the peculiarity of the themes of the poetry of the poet T. Kabulov is that “love, beauty and love are the three threads of his lyrics” [Paxratdinov 2011: 280].

Doc. K. Orazimbetov emphasizes the originality of the writing style of the master of literary word T. Kabulov: he wrote works in the lyrical genre. The language of T. Kabulov's poems is written figuratively, artistically, deeply meaningful, poetically skilled.

Tolibay Kabulov is, in his own way, a master of words in Karakalpak poetry. He sensitively pays attention to natural and life phenomena, skillfully selects from his works those suitable for creating a literary image, and pays special attention to writing his own genre. For T. Kabulov, small details of life seem to turn into poetry.

His writings are full of logical thinking, writing style, a different form of literary language and many couplets that can be conveyed in picturesque models full of spiritual feelings. We clearly see that the poet is a thinker who skillfully conveys the meaning of life in a philosophical tone in his poem “Poeziya sóleydi”:

Ómir-máńgi mektep!
Altın bosaǵa!...
Ol maǵan pal berer tilla kesadan.
Ómir-bul gózallıq! Onıń tasqının,
Men tek aq qaǵazǵa torlap jazaman.
Poeziya sóleydi,
Ómir órleydi...

Life is a life of contrasts. There is no room for arrogance here. The poet finds support in his dreams on the path to happiness through aspirations and efforts.” [Paxratdinov 2011: 280]

The language of a literary work is called poetic language. Its basis is the people’s language. When we pay attention to the words of T. Kabulov, a master of poetic language, we experience deep love for the place where he was born and raised.

Qara buğa dep atalğan burınnan,
Aýıl meniń ata jurtım tuwılğan,
Usı jerde jaslıgımnıń báhári,
Qızıl gúldey sheshek atıp qubılğan [Qabulov 2008: 3]

Also, literary tools of the poet’s pen enriched the artistry of his poetry. Epithets are used productively in T. Kabulov’s lyrics.

Xalqımnıń shetinen diyqan, qaharman,
Kewlinde jadırap, jaynap atar tań,
Atızında «Aq altın» dep atalğan,
Ájayıp baylıqtıń káryanı bardı.[Qabulov 2019: 12]

Here, in the second line of the composition, the epithet of dawn is depicted with emotional excitement, and in the third row, our national wealth - white cotton - is called “Aq altın”. This is considered a method of metonymic description. Metonymies are necessary to generalize artistic thought, colors and various phenomena of the depicted thing, person, event, or to give imagery to a person.

The use of comparisons in the poet’s work is especially noticeable.

Átirapta ańlıp júrgen jaw barday,
Keshke qaray kózi janğan gáwharday,
Tuyaqları sıtırlasıp ses bergen,
Bawrayında qulanı kóp tawlarday. [Qabulov 2019: 46]

The author used many comparisons as a means of expressing his attitude to events. The skillful use of modern technologies in improving the quality of education is considered one of the most important issues today. When studying the poems of T. Kabulov, we can use a number of educational technologies. For example, the cluster, zigzag, pinboard, cascade, and insert methods are actively used in the learning process.

The poetic credo of the poet Tolibay Kabulov “A poet is not considered a poet if there are no words of his people in his heart.”

Master of words T. Kabulov sang about the common people. More than 200 of his poems have been translated into music. Among them: “Assalawma aleykum”, “Eń jaqsı namağa janım sadağa”, “Bir ájayıp bostan”, “Kel Jayxunniń boylarına”, “Báhár keldi”, etc.

As we know, «Pándiw-násiyat» collection includes the best didactic and lyrical works of T. Kabulov. In the past, wisdom and advice were not given much importance, and there were even cases when they were slandered. These compositions, with impressive artistic and masterful content, intended for young people, inspire even adults. It depicts the best wishes of parents to

young people, no matter what part we read in it, there is a serious thought, a deep opinion.

Every talented poet lives with time. The works of T. Kabulov are more valuable in describing today's requirements.

Ómir degen aqqan dár'ya aqırı.

Oǵan bir pul jerdiń oyılı, taqırı

Seniń ushın hár bir adam ózinshe

Dar'ya bolıp aǵuına xaqılı. [Qabulov 1995: 35]

The poet believes that goodness makes the world eternal and beautiful. One of poet's most worthy works is the fairy tale "Ashkózler" [Qabulov 2007: 73]. It is written based on folk tales. When teaching this work, we can use the role-playing method.

In conclusion, T. Kabulov knew how to skillfully use artistic means in his compositions. The words used in the poems and the meaning of each sentence have different colors. The language of his works is formed by literary features, literary tools, they serve to enrich the ideas of his poetry. That is why the main function of literary means in T. Kabulov's poetry is not just narration, but literary depiction, the creation of a poetic image. This skill gives deep meaning and beauty to the poet's poetry. At the same time, the study of the literary language of the poet's lyrics and new innovative technologies is considered one of the pressing problems awaiting research.

Reference

Allambergenov K. Qara buǵadan qanat qomlaǵan xalıq shayırının poeziyası / K. Allambergenov // Ámudar'ya. – 2009. – № 4. – 91–94 p.

Orazımbetov K. Shayırdıń ekinshi ómiri / K. Orazımbetov. – Erkin Qaraqalpaqstan, 2010. – 230 p.

Paxratdinov Á. XX ásir qaraqalpaq ádebiyatı tariyxı / Á. Paxratdinov, K. Allambergenov, M. Bekbergenova. – Nukus: Qaraqalpaqstan, 2011.

Qabulov T. Qara buǵa / T. Qabulov. – Nukus: Qaraqalpaqstan, 2008.

Qabulov T. Ómir seni jırayman / T. Qabulov. – Nukus: Bilim, 2019.

Qabulov T. Pándiw-násiyat / T. – Qabulov. Nukus: Qaraqalpaqstan, 1995.

Qabulov T. Diydar / T. Qabulov. – Nukus: Qaraqalpaqstan, 1972.

Qabulov T. Cen bar – dún'ya bar / T. Qabulov. – Nukus: Qaraqalpaqstan, 2007.

Cult of deer and roe deer in Georgian folklore

In Georgia, as well as in many different countries, the ancient religious rituals represent many interesting issues and introduce us to the spiritual culture of the people who gave them the origin. Beliefs formed and existing beyond millennia are still present today. The echo of a more distant epoch is that a totemistic belief prevailed in the consciousness of the ancestors, which shared the evolutionary feature of the universe.

Our ancestors, in the past and today, considered some animals to be divine beings. In the folklore of Adjara, for some reason, contrary to the customs observed in the general Georgian folklore, the cult of the roe deer is recognized more than the cult of the deer, although in meaning the roe deer had the same function as the deer in the general Georgian language.

The deer had a symbolic function in the myths about Amirani that still exist. According to Georgian folklore, Sulkalmakhi, who was chasing a deer, meets the hunting goddess - Dali. The deer, according to this legend, is an animal that connects the goddess and a human being.

In Leonti Mroveli's work "Life of Parnavaz", the deer has the main function. The episode of Parnavaz hunting, which has a symbolic significance, is particularly noteworthy: "And one day Parnavaz went out and hunted alone, and chased after the deer in Digomi and the deer ran towards Tbilisi. Parnavaz chased after it, shot an arrow and hit the deer, and the little deer passed by and fell to the ground on a rock. Parnavaz came close to the deer, turned to grief and sat down beside the deer, stayed all night, and went at the dawn" [The Life of Kartli 1955: 21–22].

This part of Parnavaz's adventure is influenced by the Georgian folk epic. When we read this part of Leonti Mroveli's works, we think of old heroic literary works like "Amiradarejaniani" and others. Regarding this fact, Korneli Kekelidze wrote: Leonti Mroveli's work tells this story not from "Amiradarejanian", but from the same source from which they are taken by the author of "Amirandarejanian", namely, from the folk epic, in which we have Georgian folk tales [Kekelidze 1923: 221].

According to researcher Vakhushti Kotetishvili, the deer is by the power of the solar mythology that in one Georgian fairy tale a bullet fired at a deer hits the sun; Elsewhere to the sun, the path to the mother of the sun passes through deer antlers; In folk tales of Tamar's cycle: From the sun's rays, Tamar gives birth to Lasha, who is raised by a deer [Kotetishvili, 1961: 366]. Therefore there is no coincidence that in our story the deer seems to cross the path of the sun, the sun and the deer end the race together; When a wounded deer falls, then the sun will set: "And the deer went a little farther and fell to the bottom on a rock. Parnavaz approached to the deer and the day turned into the grief"

[Kiknadze 1984: 115–116]. "The symbolic image of deer appears in Georgia since the Eneolithic period. Distinguished mythological and historical figures are associated with deer: Amiran was given strength in a deer's belly, Lasha Giorgi, Erekle The Second were considered to be part of the second deer's udder it is implied that the Bagrationis did not eat deer meat, because according to tradition, their ancestors were raised and suckled by a deer [Encyclopedia of Symbols, Vol. I, 2006: 95].

In this regard, the ethnographic samples preserved in Adjara are noteworthy, in particular the embroideries, on which deer with wide horns are depicted (with embroidery floss). According to local tradition, the bride had to take hand-embroidered pieces (*daroshki*) as dowry. Among the embroideries, in various compositions, a deer must have been depicted. Also, the story by Nazi Beridze, who lives in Chvani valley, about her own embroidery is very interesting: "Embroidery of deer is the most graceful and beneficial during pregnancy, because they protect the pregnant woman from the evil eye. I have also made this embroidery during my pregnancy" [the teller Nazi Beridze-Chagalidze, born in village Khabelasvilebi and living in village Intskirveti, 60 years old. Personal archive, written down in 2017]. Two deer are embroidered on the presented embroidery, and a pregnant woman is sitting in the middle. It is possible to assume that in this embroidery there is a symbol of the face of the Mother Goddess, which protects the pregnant woman from evil forces.

In Adjara, rock beasts – deer, roe deer, tur, wild goat – were considered to be special enshrined animals, which were protected by female and male beast deities of the rock. In Adjara (as well as in all parts of Georgia), the golden horns of the animal are considered to be an outward sign of the divine beasts, which illuminates the darkness with its golden glow. Such a divine animal was killed by a hunter [Tavdgiridze 2004: 21]. "... Not an animal, but the fire he killed. He stood up and went up. He saw that he had killed gazelle. The beast had golden horns" [Noghaideli 1977: 66]. The hunter would read the appropriate prayer, asking God to forgive him for killing his chosen beast. They tried not to touch the banned animals. Killing God's chosen beast was associated with great misfortune. According to the folklore materials of M. Chikovani – "The mountain and the hunter are inseparable, but it turns out that the mountain has a governor and no one can touch a deer that has fallen without asking him" [Chikovani 1986: 73].

In general, in the Adjara region, the cult of roe deer is more widespread than that of deer. However, both are united in the ranks of the deer family. According to local beliefs, roe deer and bull are divine animals, and killing them is considered an unrepentant sin.

In Adjara, killing a deer is a great sin: "Killing a roe deer equals to killing a child" This is an expression that is familiar and important to everyone [Bskifa #2, 2001. Told by Sebet Khalvashi – Gabaidze 92 years old. Recorded by T. Shioshvili]. The killer of a roe deer will necessarily be punished, it is considered the most sacred animal, "whoever kills a roe deer, misfortune will come to his house, or his child will die [Mikeladze 2009, 1: 3].

The people resettled in Turkey remain as defenders and preservers of this tradition. According to the materials of the researcher Tina Shioshvili's book "Folklore of Shavsheti", the natives of Shavsheti do not kill roe deer according to the local rules. "The roe deer know us and we don't kill them. We kill goats, bears, pigs, wild chickens" [Shioshvili 2016: 294].

The historical fate of this valley, for Adjara, has put an unhelpful curse on it. Some of the informants, in their narrations, cannot specifically mention the identity of the saint or the prophet. Accordingly, the plot is also diverse. The topic of study is important, as far as the story presented here is closely related to the common knowledge that roe deer, deer and others are God's chosen animals. They are always ready to sacrifice the chosen one of the Lord, the saint, the Lord Himself. They feel internally, they experience as human beings. They know when they need to appear. In this regard, it is interesting to note the narration recorded in the village of Kvatia, Khulo district, regarding the dedication of the roe deer: "Once, a prophet was arrested by hunters. They didn't let him go, if a roe deer gets out of the forest, then we will let you go. They thought how the roe deer can know what to do or what to feel and did not expect it to come. The prophet said – if the roe deer comes down, will you really let me go? – Yes. The roe deer did not delay and went to help. They set a trap for him on the way. They have trapped a deer. "While coming it turned out to be in a trap but it managed to escape and she still came to the Prophet. The Prophet untied the trap and put a piece of cotton in the hoof (the roe deer has white on its hind legs), shook it and let it go and said: "Whoever kills this animal he will be damned in this world", that is, it is forbidden to eat the meat of this animal, because it sacrificed its life for us [T. Khodzrevanidze, born and living in the village of Kvatia, personal archive, 2005].

We see another version of the same story, in the narration of informants living in the village of Brill, Shuakhevi district [recorded materials]: "The hunters once caught a roe deer, when they were about to kill the deer, it started to speak and said: – I have a little roe, it will die of hunger, now I will go and feed it and then I will come. The men let it go. The deer kept its promise and really returned. "The God had put His hand on the back leg of the deer (a deer has a white spot on its back leg). The men said to the deer to go, as it was obedient, did not lie and came back as promised. The hunters let the roe deer go back to the little roes" [the teller – T. Chagalidze, 76 years old, born and living in village Chala, personal archive, written down in 2005]. "A roe deer is distinguished from other animals", "A roe deer has a white spot on its hoofs put by the God" [Beridze Khemid, born and living in village Brili, 78 years old, personal archive, written down in 2008].

The episode of seeing the wounded roe deer, in which the Lord's great love is expressed, is interesting and noteworthy: "Once the Saviour saw the roe deer wounded on the road and took him with him. God put him to sleep on his apron and cured. While leaving, He got sorry for the roe deer and did not wake up, he cut out the place of the clothes on which the deer was sleeping and left without waking him up. God petted the deer and damned everyone, whoever

would kill a deer” [Mikeladze, 2019: 30]. The content of this narration is archaic, because unlike the first one, the speaker does not specify whether the character is a Muslim or a representative of the Orthodox religion. Deer is God's animal, “God is unique” adds the speaker.

In the stories discussed above, we encounter both animistic and zoomorphic beliefs. Based on the research materials, we can note that the roe deer was considered “the animal of God” and is still considered today. Historically, they had a special place in folklore. Finally, the customs of the archaic plates were distinguished by a number of functions, which were reflected in the beliefs and material culture of this area.

References

- A.F.P. _ Adjarian Folk Poetry, The collection was compiled, added notes, search terms, word explanations and prepared for publication by A. Akhvlediani, E. Zoidze, Z. Thandilava, A. Inaishvili, A. Mskhaladze, J. Noghaideli, N. Tskitishvili. – Tbilisi: Publish House “Science”, 1969. – P. 38.
- Chikovani Mikheil. Issues of History and Theory of Folk Creativity / Mikheil Chikovani. – Tbilisi: Publish House “Science”, 1986. – P. 73.
- I.E.S. – Illustrated Encyclopedia of Symbols. – Volume N 2. Z. Abzianidze, K. Elashvili. – Tbilisi: Publish House “Bakmi”, 2007. – P. 95; 124
- Kekelidze Korneli. Literary sources of Leonti Mroveli / Korneli Kekelidze // Tbilisi University informer. – 1923. – III. – P. 221.
- Kiknadze Zurab. Dream of Parnavaz / Zurab Kiknadze // Journal “Matsne” series of Language and Literature. – 1984. – #1. – P. 115–116; 221.
- Kotetishvili Vakhushti. Folk Poetry / Vakhushti Kotetishvili. – Tbilisi, 1961. – P. 366.
- L.K. – “Life of Krtli” / The text is established according to all manuscripts by S. Kaukhchishvili. – Vol. 1. – Tbilisi: State Publish, 1955. – P. 21–22.
- M.A.F. – TSU Museum Archive Fund, Doc. N 1726.
- Mikeladze N. Toponymic stories-legends in the folklore of Adjara / N. Mikeladze. – Tbilisi: Publish House “Universal”, 2019. – P. 30.
- Mikeladze N. Expedition Materials, written down N 1: 3. – 2009. – P. 12.
- NBIFA _ BSU Niko Berdzenishvili Institute Folklore Archive. – Doc. N 2; 2001. – P. 23.
- Noghaideli Jemal. Sketches and writings / Jemal Noghaideli. – III. – Batumi, 1977 წ. – P. 66.
- Shioshvili Tina. Folklore of Shavsheti / Tina Shioshvili. – Batumi: Publish House “Editorial Adjara”, 2016. – P. 294
- Tavdgiridze Khatuna. Adjarian hunting myth / Khatuna Tavdgiridze. – Batumi: Publish House “Editorial Adjara”, 2004. – P. 21.

Гончарова Оксана Владимировна
Пятигорский государственный университет
УДК 81'322.2

Использование алгоритмов машинного обучения для задачи распознавания эмоционально-маркированной коммуникации

машинное обучение, распознавание речи, распознавание эмоций, этногруппа, просодические признаки, акустические признаки

Определение эмоций человека по его речи – уже относительно насыщенный рынок. Так, примерами современных систем распознавания с учетом эмоций являются приложения для call-центров, интеллектуальные автомобильные системы и интерактивные киносистемы [Morrison et al. 2007], но в целом задача автоматического распознавания эмоций еще далека от решения, а по результатам конкурса Emotion Recognition in the Wild, лучшие решения достигают точности порядка 60 %.

При всем многообразии существующих подходов к распознаванию эмоций в звучащей речи, таких, например, как работа с преобразованиями аудиозаписей или генерация синтетических данных с использованием методов машинного обучения, вопрос о том, эффективны ли эти подходы и выявленные ими признаки для классификации эмоций, все еще обсуждается.

Среди часто используемых признаков речи для распознавания эмоций – частотно-частотные кепстральные коэффициенты (MFCC) [A comprehensive 2021], основная частота [Nakatsu et al. 2000], резонансные частоты голосового тракта [Там же], но нельзя не отметить, что в машинном обучении практически не используется опыт фонетических школ, и существующие подходы к распознаванию эмоций в звучащей речи могут быть ограничены в своей способности точно определять эмоции на основе акустических сигналов.

Так, возможно, что использование просодических признаков в машинном обучении может повысить точность распознавания речи в реальном времени. Настоящее исследование посвящено описанию методологии создания системы, основанной на базовой комбинации просодических признаков, необходимых для определения эмоционального состояния и использовании соответствующего классификатора для идентификации эмоциональных состояний.

Хотя эмоции универсальны, их понимание и интерпретация являются специфическими и частично культурными [Kun et al. 2014], поэтому материалом настоящего исследования послужил экспериментальный корпус, записанный представителями русской, кабардинской и армянской

этногрупп, состоящий из аудиофайлов-диалогов, маркированных эмоциональным состоянием гнев/радость. Итоговое количество экспериментального корпуса составило 1500 звуковых файлов, по 500 «языковых» реализаций, «языковые» реализации представляли собой два набора по 250 аудиофайлов диалогов женщина/мужчина и мужчина/женщина, что было мотивировано предположением, что вариативность эмоций, особенно в армянской и кабардинской этногруппах, может иметь гендерную специфику.

На основе акустических коррелятов и литературных данных, касающихся автоматического распознавания эмоций по речи, мы выбрали признаки, основанные на четырех просодических группах: частоте основного тона, интенсивности, темпе и формантных частотах.

Известно, что характеристики голоса на просодическом уровне могут быть использованы для моделирования различных эмоций. Например, высокие значения высоты тона коррелируют со счастьем, гневом и страхом, в то время как грусть и скука ассоциируются с низкими значениями высоты тона, более конкретно, гневная речь обычно характеризуется высоким средним уровнем, широким диапазоном, широким средним диапазоном перепадов и высокой скоростью изменений [Morrison et al. 2007].

Просодические признаковые параметры в данном исследовании были рассмотрены в терминах просодических подсистем тона, длительности и интенсивности разработанными в ходе исследований интерференции в рамках Пятигорской фонетической школы (см. Кипа Е.В. 2003; Садовая А.Е. 2003; Шишимер Л.Ф. 2003; Лукова Н.В. 2004; Ермакова Н.А. 2006; Мартыанова Е.О. 2006; Гончарова О.В. 2008; Воробьева О.В. 2008, Дубовский Ю.А. и др. 2008 [Касьяненко 2010: 42]).

Для реализации данного этапа было использовано открытое программное обеспечение Praat 5.3.32.

Первоначально было отобрано 29 просодических признаков, которые были использованы в качестве отправной точки для описания различий между гневной и нейтральной речью.

Далее, в результате первичного экспериментально-фонетического исследования было выяснено, что ведущими маркерами эмоциональности в русской речи представителей этногрупп являются: повышение степени артикуляции, понижение степени контраста соотношения ударных и безударных слогов, восходяще-нисходящий тон в ударных слогах, увеличение интенсивности безударных слогов, повышенный уровень начала и завершения фразы.

Таким образом, для дальнейшего обучения модели были решено выбрать следующие просодические признаки: показатели интенсивности фразы (ударные, безударные слоги, контрасты данных слогов), тональные уровни начала и завершения фразы, тональный диапазон, величина интервалов повышения и понижения тона, а также объем данных интервалов. Артикуляционную напряженность решено было исследовать при помощи анализа формантных значений гласных, так, например,

M. Goudbeek, J. Goldman, K. Scherer отмечают, что эмоции оказывают существенное влияние на расположение формант, особенно на расположение первых двух формант, а также, что при гневе гласные произносятся «с более открытым голосовым трактом», и на основании этого сделали вывод, что первая формантная частота будет иметь большее среднее значение, чем в нейтральной речи [Goudbeek et al. 2009]. Поэтому для исследования были использованы первые два формантных значения частот гласных /и/, /а/, /у/ нормализованные с помощью метрики z-score Лобанова.

После формирования набора данных для обучения и разделения датасета на обучающую, валидационную и тестовую выборки, материал был разбит на входные данные X (базовая комбинация признаков) и целевые данные Y (класс 1 или 0, то есть является ли данная эмоция гневом или нет) для дальнейшей обработки.

Используя данные по частотным уровням, интервалам, диапазонам и значениям формант, первичные акустические показатели были переведены в относительные при помощи `StandardScaler` и `MinMaxScaler` библиотеки `scikit-learn`, далее все категориальные данные были преобразованы в числа в виде набора бинарных признаков со значениями 0 и 1. Это позволило сравнивать данные без учета физиологических различий между дикторами.

Для обучения модели был создан пайплайн с использованием следующих алгоритмов: алгоритм К-ближайших соседей (KNN), алгоритм дерева решений, алгоритм линейной регрессии. Для всех классификационных экспериментов использовались 10-кратные, стратифицированные кросс-валидации на наборах данных. Другими словами, каждая классификационная модель обучалась на девяти десятых от общего числа данных и тестируется на оставшейся десятой части. Этот процесс повторяется десять раз, каждый раз с разным семенем разбиения, чтобы учесть дисперсию между разбиениями.

Лучшей моделью определения эмоционального состояния выбрана логистическая регрессия, с координатным спуском `liblinear`, `random_state = 42` (параметр воспроизводимых случайных значений, если явно задать значение `random_state` отличным от `None` – то генерируемые псевдослучайные величины будут иметь одни и те же значения при каждом вызове), `penalty = 'l1'` (лассо-регуляризация, удаляющая неинформативные признаки), `C=1` (определяет степень регуляризации).

Результаты применения обученной модели к новым данным представлены в таблице 1. При тестировании полученной модели точность ощутимо снижается, на обучающей выборке логистическая регрессия показывает лучшие результаты по метрикам ROC-AUC и Precision по сравнению с KNN и деревом принятия решений для всех трех языков (русский, армянский, кабардинский), но при применении обученной модели линейной регрессии к новым данным, качество модели снижается для всех трех языков.

Таблица 1

Результаты применения обученной модели линейной регрессии к новым данным

Метрика/ Модель	ROC-AUC	Precision
русский/гнев		
LogReg	0.64	0.61
армянский/гнев		
LogReg	0.58	0.63
кабардинский/гнев		
LogReg	0.66	0.61

В ходе дальнейшего анализа важности признаков (график важности с помощью метода SHAP) нами была определена «базовая комбинация признаков», которая показывает наивысшую точность:

- mel-частотный кепстральный коэффициент (mfcc), melspectrogram (mel) тональный центроид (Tonnetz);
- формантные значения частот гласных /и/, /а/, /у/, показатели интенсивности начала и первого ударного слога фразы, соотношение интенсивности первого ударного и последующего безударного слога, тональные уровни начала и завершения фразы, тональный диапазон, скорость частотных изменений в ядерном слоге, динамический контраст ядерного и предъядерного слогов, скорость интервалов повышения и понижения тона и объем данных интервалов.

Исследование выполнено за счет гранта РНФ и Министерства образования Ставропольского края научного проекта № 23–28–10124 «Квантитативно-статистическая модель анализа эмоционально-маркированной коммуникации в условиях межэтнических взаимодействий в регионе Кавказские Минеральные Воды».

Литература

Касьяненко Л.С. Механизм просодической интерференции в русской речи кабардино-черкесских билингвов: экспериментально-фонетическое исследование на материале диалогических единств с лексико-синтаксическим параллелизмом: дис. ... канд. филол. наук / Л.С. Касьяненко. – Пятигорск, 2010. – 158 с.

A comprehensive review of speech emotion recognition systems / T.M. Wani, T.S. Gunawan, S.A.A. Qadri, M. Kartiwi, E. Ambikairajah // IEEE Access. – Vol. 9. – 2021. – P. 47795–47814.

Goudbeek M. Emotion dimensions and formant position. Ethical Theory and Moral Practice / M. Goudbeek, J. Goldman, K. Scherer // Interspeech. – 2009. – P. 1575–1578.

Kun H. Speech emotion recognition using deep neural network and ex-

treme learning machine / H. Kun, Yu. Dong, I. Tashev // Proceedings of INTERSPEECH, ISCA. – 2014. – Singapore. – P. 223–227.

Morrison D. Ensemble methods for spoken emotion recognition in call-centres / D. Morrison, R. Wang, L. De Silva // Speech Communication. – Vol. 49(2). – 2007. – P. 98–112.

Nakatsu R. Emotion Recognition, and Its Application to Computer Agents with Spontaneous Interactive Capabilities / R. Nakatsu, A. Solomides, N. Tosa // Knowledge-Based Systems. – 2000. – Vol. 13. – № 7–8. – P. 497–504.

Сравнение методов машинного обучения для выявления метафор в текстах

*классификация текста, нейронные сети, машинное обучение,
Natural Language Processing, автоматическое выявление метафор,
обучение с учителем*

Цель данного исследования заключалась в оценке эффективности нейронных сетей для задач бинарной классификации текста. Для проведения сравнительного анализа были разработаны и протестированы шесть классификаторов. Половина из них основывалась на классических моделях машинного обучения: наивном байесовском классификаторе (NBC), логистической регрессии (LR) и методе опорных векторов (SVM). Другая же половина опиралась на нейросетевые архитектуры, которые включали в себя модели рекуррентной (RNN), сверточной (CNN) и глубокой нейронной сети (DNN).

Задачей бинарной классификации было выявление наличия метафоры в предложениях. В качестве датасета для обучения и тестирования классификаторов был использован корпус размеченных вручную примеров метафорической сочетаемости, содержащий 166765 предложений. Ручная разметка проводилась в основном студентами факультета романо-германской филологии Воронежского государственного университета, обучающихся на направлении «Фундаментальная и прикладная лингвистика», в рамках учебной практики в период 2016–2020 гг. [Борискина 2017, 22: 154]. В данном корпусе наличие метафоры размечалось как «1», а отсутствие метафорического употребления – как «0» [Донина 2022, 4: 129]. Эта метка, присвоенная каждому примеру, представляла собой ключевую информацию, которую мы использовали для обучения и оценки эффективности методов классификации.

Далее было необходимо утвердить методы оценки качества классификации текста. Существует несколько метрик, которые используются для оценки качества классификации текста:

Precision (точность) – показатель того, какая доля предсказанных положительных (метафорических) классов действительно является положительными.

Recall (полнота) – показатель того, какая доля всех положительных (метафорических) текстов была правильно предсказана.

F1-score – среднее гармоническое между точностью и полнотой. Данная метрика учитывает и точность, и полноту, что позволяет оценить баланс между ними.

Ассурасу (точность классификации) – показатель того, какая доля всех предсказанных классов (как метафорических, так и нет) была предсказана правильно.

В качестве приоритетной оценки использовалась метрика F1-Score, которая лучше, чем Ассурасу, отражает результаты при сильном перевесе в классах [Донина 2022].

Датасет был разделен на обучающую и тестовую выборки в пропорции 70 % на 30 %, что оказалось наиболее оптимальным процентным соотношением для имеющегося объема данных.

Предобработка включала в себя токенизацию, лемматизацию, приведение слов к нижнему регистру и удаление стоп-слов с использованием Python-библиотек pandas, numpy и NLTK.

Результаты работы классификаторов отображены в таблице ниже (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение методов машинного обучения

		precision	recall	f1-score
<i>NBC</i>	0	0.83	0.89	0.86
<i>NBC</i>	1	0.80	0.72	0.76
<i>LR</i>	0	0.86	0.88	0.87
<i>LR</i>	1	0.80	0.77	0.79
<i>SVM</i>	0	0.86	0.90	0.88
<i>SVM</i>	1	0.83	0.78	0.80
RNN	0	0.88	0.91	0.89
RNN	1	0.84	0.81	0.82
CNN	0	0.86	0.91	0.88
CNN	1	0.84	0.76	0.80
DNN	0	0.95	0.95	0.95
DNN	1	0.92	0.92	0.92

Проведя сравнительный анализ результатов классификации текстов, мы пришли к выводу, что нейронные сети демонстрируют значительное преимущество в выявлении метафор в предложениях по сравнению с методами машинного обучения. Судя по значениям f1-score, который является ключевым показателем в задачах бинарной классификации,

нейронные сети, включая RNN, CNN и DNN, достигают более высоких значений как для класса 0 (отсутствие метафоры), так и для класса 1 (наличие метафоры).

Особенно выделяется глубокая нейронная сеть (DNN), которая демонстрирует высокие значения precision, recall и f1-score для обоих классов. Это может быть связано с ее способностью извлекать сложные зависимости из данных и строить более глубокие иерархические представления. Также стоит отметить, что и метод SVM показывает неплохие результаты, хотя его эффективность немного ниже нейронных сетей.

Проведение исследований в области автоматической классификации текстов с использованием нейронных сетей открывает дорогу к усовершенствованию способов автоматического извлечения метафор в текстах.

Литература

Борискина О.О. Корпусные исследования в контексте современных технологий обучения языку / О.О. Борискина, О.В. Дони́на // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2017. – № 22-2. – С. 154–158.

Дони́на О.В. Выявление метафорической сочетаемости методами машинного обучения / О.В. Дони́на // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2022. – № 4. – С. 129.

**Проблема индивидуального стиля переводчика –
на основе многомерного анализа (на материале сопоставительного
анализа переводов романа «Плаха» Чингиза Айтматова)**

*многомерный анализ, особенности дискурса,
Чингиз Айтматов, стиль переводчика*

Чингиз Айтматов – выдающийся советский и киргизский писатель XX в. Его произведение «Плаха» стало одним из самых популярных произведений. В настоящее время в Китае существует семь переводов произведения «Плаха», но наибольшей популярностью среди исследователей пользуются переводы Фэн Цзя и Цао Говэя.

В настоящее время исследования, посвященные роману «Плаха», в основном относятся к области литературы, и мало что сделано для изучения его перевода. В данной работе будет использован многомерный анализ для изучения сходств и различий в стилях двух переводчиков.

Многомерный анализ (MDA) – это метод корпусного лингвистического исследования, предложенный Бибером в 1988 г. Бибер отобрал 481 текст и выделил 67 лингвистических признаков для описания различий между письменным и разговорным английским языком [Biber 1988: 56]. Многомерный подход Бибера не только позволяет избежать недостатков анализа одного или нескольких лингвистических признаков в прошлом, но и обеспечивает эффективное сочетание качественных и количественных характеристик.

Но в настоящее время в стране и за рубежом существует лишь несколько исследований стиля переводчика с использованием многомерного подхода на материале китайских корпусов.

Однако многомерный подход фактически синтезирует три перспективы изображения стиля переводчика, обозначенные Хуан Липо: метрологическую лингвистическую, нарративную стилистическую и переводческую, что позволяет более системно и трехмерно изобразить стиль переводчика [Хуан Липо 2018, 39(01): 81]. Поэтому в данном исследовании используется метод Бибера для изучения сходств и различий в стилях переводчиков двух китайских переводов «Плаха» Фэн Цзя и Цао Говэя, а также для более полного и объективного анализа причин сходств и различий между ними.

В качестве объекта исследования в данной статье рассматриваются перевод Фэн Цзя (1987), выполненный издательством «Иностранная литература», и перевод Цао Говэя (1991), выполненный Шанхайским издательством переводов.

Поскольку в данном исследовании сравниваются только две выборки, объем выборки невелик и не подходит для факторного анализа и повторного установления лингвистических измерений, поэтому автор использует метод Лю Яньчунем разделения размерностей китайских регистров [Лю Яньчунь 2019, 38(03): 110].

В качестве индикаторов для исследования будут использоваться следующие пять измерений: «взаимодействие, подчеркивающее личную позицию vs. объективная и точная информация», «общее повествование vs. специализированное описание», «эмоциональное отношение vs. логические отношения или временные последовательности», «сложные грамматические структуры vs. простые грамматические структуры», «отдельные вещи или конкретное поведение vs. абстрактные понятия или типологические признаки».

После использования компонента *jieba* на языке *python* для сегментации китайских слов и лексического аннотирования корпуса, а также с учетом метрик предыдущих исследований, связанных с многомерным анализом китайского языка, и предварительного анализа текущего корпуса, в данном исследовании было выявлено 38 элементов лингвистических признаков: прилагательное, прилагательная морфема, различительное слово, аббревиатура, союз, наречие, восклицание, существительное-направление, идиома, числительное, ономотопея, предлог, счетное слово, существительное места, глагола, существительное, существительная морфема, топоним, название учреждений и организаций, указательное местоимение, структурная частица 的, структурная частица 地, структурная частица 得, служебное слово, видо-временное вспомогательное слово 了, видо-временное вспомогательное слово 着, эмоционально-экспрессивная частица, слово состояния, лексическая плотность, личное местоимение, другое местоимение, слово времени, глагол 是, односложное слово, двухсложное слово, средняя длина слова, соотношение тип/токен, отрицательная частица.

Следует отметить, что поскольку такие грамматические структуры, как идейно-пассивные предложения, в китайском корпусе не могут быть извлечены морфологическим способом, то лингвистические признаки, которые учитываются и анализируются в данном исследовании, это только те явные признаки, которые могут быть учтены с помощью корпусной технологии.

Данное исследование направлено на получение ответов на следующие вопросы: 1) существуют ли лингвистические различия между переводами «Плаха» Фэн Цзя и Цао Говэя по пяти измерениям регистра; 2) если да, то какие факторы приводят к различиям между двумя переводами в каждом измерении; 3) если нет, то почему оба перевода схожи по всем измерениям регистра.

Независимый выборочный t-тест для каждого измерения переводов Фэн Цзя и Цао Говэя

Для сравнения и анализа параметров в различных единицах или порядках величины автором проведена min-max нормализация шкалирования характеристик данных для показателей каждого измерения, то есть перевод данных в десятичные числа между фиксированными интервалами (0, 1) или (-1, 1). [Формула $x=(X-X_{min})/(X_{max}-X_{min})$]. Автор использовал SPSS 26.0 для проведения теста Бартлетта на сферичность и t-теста для данных каждого измерения двух переводов, и результаты оказались следующими (см. табл. 1).

Таблица 1

Результаты теста Бартлетта на сферичность и t-теста по пяти измерениям двух переводов «Плаха»

	измерение1	измерение2	измерение3	измерение4	измерение5
Тест Бартлетта на сферичность р-значение	0.912807059	0.921845562	0.838284333	0.832100124	0.824800714
t-тест р-значение	0.966324214	0.976514633	0.959012451	0.944811693	0.931980194

Результаты показывают, что р-значение сферического теста Бартлетта каждого измерения больше 0,05, поэтому дисперсия двух групп данных является хи-квадрат и может быть использована для t-теста, а р-значение результатов t-теста больше 0,05, что означает отсутствие значимых различий между двумя группами данных.

Различия в процентном соотношении положительных и отрицательных характеристик между переводами Фэн Цзя и Цао Говэя в каждом измерении

Хотя в целом оба перевода не демонстрируют значительных различий по пяти измерениям, но, подсчитав долю положительных и отрицательных черт в пяти измерениях, автор обнаружил, что положительных черт в переводе Фэн Цзя больше, чем в переводе Цао Говэя, по всем измерениям, и наоборот, отрицательных черт в переводе Цао Говэя больше, чем в переводе Фэн Цзя, по всем измерениям.

Таким образом, в переводе Фэн Цзя больше внимания уделяется личной позиции и аффективным отношениям, подчеркивается разговорный характер повествования, используются более простые грамматические структуры, выделяются отдельные вещи или конкретные формы поведения. А в переводах Цао Говэя, напротив, больше внимания уделяется объективной и точной информации, специализируются описания, выделяются логические связи или время и абстрактные понятия или типологические признаки, а также используются сложные грамматические структуры.

Причины различий и сходств между переводами Фэн Цзя и Цао Говэя

Из вышеизложенного видно, что между переводами «Плаха» Фэн Цзя и Цао Говэя нет существенных различий по всем параметрам, что, возможно, объясняется высокой степенью сходства их образования и воспитания. Фэн Цзя, родившаяся в 1932 г. в г. Чжисине (провинция Цзянсу), училась на факультете русского языка и литературы Пекинского университета. После окончания университета она продолжала работать там преподавателем до выхода на пенсию. Цао Говэй, родившийся в 1943 г. в Иньсяне (провинция Чжэцзян), после окончания факультета иностранных языков в 1964 г. остался преподавать в Восточно-китайском педагогическом университете. Можно сказать, что оба переводчика получили схожее русскоязычное образование в схожее время, и неудивительно, что у них сформировались схожие взгляды на перевод.

Однако несомненно, что перевод Цао Говэя превосходит перевод Фэн Цзя по негативным характеристикам по всем параметрам, то есть больший акцент на объективную и точную информацию, специализированное описание, выделение логических связей или времени, использование сложных грамматических структур и выделение абстрактных понятий или типологических признаков. Кроме того, перевод Фэн Цзя был опубликован в 1987 г., а перевод Цао Говэя – в 1991 г. Заимствование и исправление последним перевода первого также является одной из возможных причин того, что перевод Цао Говэя ближе к оригиналу.

Литература

Лю Яньчунь. Многомерный анализ вариантов китайского языка – исследование на основе 72 лингвистических особенностей 17 корпораций / Лю Яньчунь // *Jiangnan Academic*. – 2019. – № 38 (03). – С. 100–110. [刘艳春.汉语语体变异的多维度分析——基于 17 个语体 72 项语言特征的考察[J].江汉学术,2019,38(03): 100–110.]

Хуан Либо. Исследование и размышления о стиле корпусного переводчика / Хуан Либо // *Преподавание иностранных языков*. – 2018. – № 39 (01). – С. 77–81. [黄立波.语料库译者风格研究反思[J].外语教学,2018,39(01):77–81.]

Biber. D. *Variation across Speech and Writing* / D. Biber. – M: Cambridge: CUP. 1988.

Ильинова Елена Владимировна
Краснодарское высшее военное училище
имени генерала армии С.М. Штеменко
УДК 811.161.1

Лингвокультурный типаж «деловой человек» в Национальном корпусе русского языка

*лингвокультурный типаж, деловой человек,
Национальный корпус русского языка*

Лингвокультурными типажам называют узнаваемые образы представителей определенной культуры [Карасик 2007: 88]. Хотя русский лингвокультурный типаж «деловой человек» уже рассматривался в научной литературе [Северская 2014; Долгова 2015], исчерпывающего своего описания он до сих пор не получил.

Будучи абстрактным ментальным образованием, в исследовательском отношении лингвокультурный типаж представляет собой разновидность лингвокультурного концепта [Карасик 2007: 88]. В данной статье исследуется употребление имени концепта – словосочетания *деловой человек* – в текстах из Национального корпуса русского языка (НКРЯ), опубликованных за последние тридцать лет – с 1992 г., маркировавшего переход к новой социально-экономической реальности России. Использование основного корпуса, а не специальных подкорпусов (художественной литературы, СМИ и т. п.) позволяет сделать общий срез употребления в русском языке словосочетания, намного более редкого в употреблении по сравнению с лексемами *бизнесмен*, *предприниматель* и их синонимами. Представляется, что при употреблении имени концепта в составе предикативных единиц актуализируется один или несколько из его семантических признаков, помещаемый говорящим в коммуникативный фокус высказывания [Воркачев 2003: 41]. Частотно-контекстный анализ позволит определить, какие именно семантические признаки актуализируются чаще всего при употреблении словосочетания *деловой человек* в контекстах, представленных в НКРЯ. Неизбежным недостатком данного метода исследования выступает некоторая субъективность выделения семантических признаков.

Общие результаты поиска по данному словосочетанию привели к отбору 307 случаев его употребления. Из дальнейшего анализа были исключены те случаи, в которых это словосочетание полностью или частично выступало в роли имени собственного (всего 12 примеров). Также исключены немногочисленные случаи, в которых контекст представлен цитатами из произведений прошлого (иногда переводных), и, следовательно, нерелевантен российской ситуации современности (4 примера).

В первую очередь все примеры были разделены на три группы по времени создания соответствующих текстов (1992–2001, 2002–2011,

2012–2021), что позволит провести диахронический анализ. Параллельно с этим разделением выборка примеров была разделена на две группы в соответствии с двойной семантикой словосочетания *деловой человек*, которая, в свою очередь, определяется двумя вариантами значения прилагательного *деловой*: 1) ‘серьезно относящийся к делу, умело, толково ведущий свои дела’ и 2) ‘занятый практической стороной дела, коммерческой выгодой’ [БАСРЯ, 4: 653]. Стоит упомянуть тот факт, что контекст предложения (а зачастую и контекст абзаца) в некоторых случаях не дает возможность разграничить эти семантические варианты, приводя к неоднозначности. Таким образом, некоторая субъективность разделения на семантические группы оказывается неизбежной.

В первую семантическую группу вошли случаи, в которых данное словосочетание обозначает человека практичного, серьезного, занятого некоторой деятельностью. Всего их насчитывается 65; согласно хронологическим рамкам они распределяются в соотношении 29: 28: 8. Судя по контекстному употреблению, такой деловой человек рационален, реалистичен, расчетлив, пунктуален, не склонен терять время, чтит договоренности и умеет добиваться своих целей; он противопоставлен людям эмоциональным, беспечным, склонным к болтовне, развлечениям и фантазиям.

Во вторую семантическую группу, которая и является основным предметом анализа данной статьи, войдут случаи употребления словосочетания как синонима существительных *бизнесмен* и *предприниматель*. В этом значении словосочетание *деловой человек* употребляется приблизительно в 3 раза чаще, чем в первом, рассмотренном выше значении. Всего таких случаев насчитывается 226, а по периодам они распределяются в соотношении 91: 108: 27. Отметим при этом, что в третьей группе представлены примеры только до 2017 г., то есть за 6 лет (а не за 10, как в других). Относительно малое количество примеров и уменьшение количества представленных лет уменьшает и надежность выводов по этой группе. Тем не менее, даже с учетом этого в данной группе очевидно падение количества случаев употребления словосочетания по сравнению с группами, относящимся к предыдущим временным периодам.

При детальном рассмотрении случаев употребления словосочетаний в этой семантической группе нельзя не отметить разнообразие актуализируемых в контексте семантических признаков. Случаи употребления были распределены по семантическим подгруппам в соответствии с актуализированными семантическими признаками. Критерием выделения подгруппы было выбрано наличие 3 и более примеров с актуализацией одного и того же признака. Однако по семантическим подгруппам может быть распределено максимум чуть более половины примеров от общего количества. При этом этот процент предсказуемо растет по мере роста количества примеров: по подгруппам было распределено 36 % примеров при общем количестве выборки в 28 примеров (2012–2021), 48 %

при 91 примере (1992–2001) и 52% при 108 примерах (2002–2011). В подгруппы не были включены также немногочисленные примеры с несколькими одновременно актуализированными признаками.

В группе, охватывающей 1992–2001 гг., можно выделить семантические подгруппы с признаками «криминал» и «коммуникация» (по 6 примеров), «инициатива, хватка», «стремление к выгоде», «важность/востребованность» (по 5 примеров), «занятость», «стиль/ манеры / внешний вид», «работа с информацией» (по 4 примера), а также «мобильность» и «практичность» (по 3 примера).

В группе, охватывающей 2002–2011 гг., можно выделить подгруппы с семантическими признаками «стиль/манеры/внешний вид» (10 примеров), «работа с информацией» (9 примеров), «коммуникация» (7 примеров), «мобильность», «сделки» (по 5 примеров), «важность/востребованность», «поиск выгоды» (по 4 примера), а также «занятость», «благотворительность/спонсорство», «привязка к месту» и «имидж/репутация» (по 3 примера).

В группе, охватывающей 2012–2021 гг., можно выделить подгруппы с семантическими признаками «имидж/репутация» (4 примера), «стиль/манеры/внешний вид» и «коммуникация» (по 3 примера).

Из анализа контекста можно выделить главные, неизменные на протяжении тридцати лет характеристики образа делового человека: это признаки «коммуникация» и «стиль/манеры/внешний вид». Деловые люди общаются: для этой цели они ходят в специальные клубы, на разнообразные встречи, приемы, собрания, а также обладают помогающими общаться мобильными устройствами: *Деловым людям очень важно в дни работы выставки в спокойной обстановке пообщаться с представителями разных фирм.* (Наши снова в Берлине (2004) // «Вестник авиации и космонавтики», 30.06.2004); *Продам электронный спутник делового человека – миниатюрный радиопередатчик с контролем на УКВ-приемнике и электронные отпугиватели комаров* (Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008).

Также в мире деловых людей ценностью является соответствующие образу стиль (включая личные аксессуары), манеры и внешний вид: *Глаза его горели неутомимой энергией администратора, на лице плавала профессионально приятная улыбочка делового человека.* (Николай Дежнев. В концертном исполнении (1993)); *Его задачей, как психолога, было вернуть этих людей к нормальному образу жизни, а точнее, научить их правильно вести себя в обществе деловых людей.* (Андрей Ростовский. По законам волчьей стаи (2000)); *Ведь стиль для делового человека – это, не в последнюю очередь, подчеркнутая, изящная функциональность его офисных принадлежностей и личной техники.* (Полина Стечкина. Гаджеты и гаджетины (2004) // «Бизнес-журнал», 22.01.2004).

Если же разделить все примеры на семантические подгруппы независимо от времени создания соответствующих текстов, то получим сле-

дующий ряд: «стиль/манеры/внешний вид» (17 примеров), «коммуникация» (14 примеров), «работа с информацией» (13 примеров), «мобильность» (10 примеров), «стремление к выгоде» и «важность/востребованность» (по 9 примеров), «занятость» (8 примеров), «сделки», «имидж/репутация» и «криминал» (по 7 примеров). Прочие признаки насчитывают 5 или меньше случаев употребления.

Таким образом, обобщенный образ делового человека за 30 лет составят следующие главные признаки. Деловой человек характеризуется особым стилем, манерами, внешним видом; он заботится о своем имидже и репутации. Он часто бывает в поездках и очень занят. Главные его занятия – это общение и работа с информацией; результат его деятельности – это сделки различного рода: покупка, продажа, инвестиции. Он стремится к собственной выгоде. Деловые люди играют важную роль в жизни страны, но иногда за ними тянется криминальный шлейф.

Наконец, учет диахронического фактора позволяет утверждать, что с течением времени с 1992 по 2017 г. количество упоминаний криминального фактора в контексте резко снизилось, при этом увеличилось упоминание словосочетания *деловой человек* в контекстах, связанных с имиджем и репутацией, с одной стороны, и благотворительностью и спонсорством – с другой.

Литература

БАСРЯ – Большой академический словарь русского языка. – М.: «Наука» РАН, 2004.

Воркачев С.Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели) / С.Г. Воркачев. – Волгоград: Перемена, 2003. – 164 с.

Долгова Е.В. Имиджевые характеристики лингвокультурного типажа «деловой человек» / Е.В. Долгова // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – № 4 (28). – 2015. – С. 126–138.

Карасик В.И. Лингвокультурный типаж / В.И. Карасик // Язык. Текст. Дискурс. – 2007. – № 5. – С. 86–89.

Северская О.И. *Деловой человек, делец, делега*: образ бизнесмена в русском языке XX–XXI вв. / О.И. Северская // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. – 2014. – № 2. – С. 369–385.

Интеграция машинного перевода и САТ-инструментов в перевод- ческий процесс

*оценка систем МП, постредактирование,
искажение авторского текста, база данных фразеологизмов*

Современные инструменты перевода в значительной степени полагаются на компьютерные ресурсы, особенно терминологические ресурсы, инструменты САТ (Computer Assisted Translation – перевод с помощью компьютера), такие как базы данных документов (например, ТМ – Translation Memory, или «память переводов») и системы управления памятью переводов (например, EURAMIS [Blatt 1998: 74]), а также машинный перевод (МТ – Machine translation) системы. Эти ресурсы могут различаться в разных организациях и учреждениях. В литературе неоднократно высказывались опасения относительно потенциального долгосрочного воздействия растущего использования машинного перевода на качество переводного материала, отмечались критические ошибки практически всех систем МП. Чтобы соответствовать стандартам коммуникации и требованиям заказчика, правилам и нормам общения в принимающей культуре, в случае перевода с помощью инструментов МП и САТ необходимо постредактирование квалифицированными переводчиками. Включение сегментов машинного перевода в документы, переведенные вручную, также повышает вероятность ошибок, возникающих из-за различных стратегий перевода.

Восприятие качества в переводе в последнее время изменилось, особенно с появлением машинного перевода и краудсорсинга, сместившись от простого подсчета ошибок к оценке перевода на основе ожиданий читателей, цели и других коммуникативных факторов (см. также [Vandepitte 2017: 17]). Качество перевода – это постоянно меняющееся, согласованное понятие, которое зависит от нескольких факторов. К ним относятся актуальность коммуникации и соответствие переводного текста коммуникативной цели, полезность, временные затраты и стоимость [Jiménez-Crespo 2017: 478, 482]. Отраслевые стандарты, такие как ISO 17100:2015 и EN 15038:2006, также определяют качество перевода как соответствие определенной цели [Biel 2011: 63].

Поскольку качество перевода многомерно, ученые различают два взаимосвязанных и частично перекрывающихся измерения качества: качество перевода на уровне текста, рассматривающее перевод как продукт, и качество переводческих услуг, рассматривающее перевод как

услугу [Biel 2017: 32]. Первый подход охватывает два аспекта: эквивалентность переведенного текста и последовательность и ясность языка перевода. Второй подход касается моделей и механизмов управления переводчиками, технологическими процессами и переводческими ресурсами. Важно отметить, что качество переводческих услуг, а именно – соответствующие компьютерные ресурсы, существенно влияет на общее качество конечного переводческого продукта.

Качество перевода достигается за счет актуализации переводов в соответствии с правилами и нормами целевого языка, отказа от жаргона и идиоматического использования языка. Согласно рекомендациям по качеству перевода Генерального директората Европейской комиссии – DGT, «ключевым требованием к качеству является создание текстов, которые читаются как оригиналы на всех языках» [DGT 2015: 2, 13]. При этом у переводчиков художественных текстов больше свободы, и от них ожидается, что они будут обеспечивать переводы, которые будут безупречно работать в целевой культуре – культуре локализации перевода. Литературные переводчики сталкиваются с уникальными проблемами, пытаясь сохранить литературный стиль и тон оригинального произведения, обеспечивая при этом точный и связный перевод.

Растущая сложность рабочей среды в сочетании с многозадачностью приводит к появлению новых ошибок перевода. Однако известно, что современные системы автоматического обнаружения ошибок не способны идентифицировать все виды ошибок перевода. В переводческом секторе ученые изучают возможность создания автоматических систем обнаружения ошибок, которые смогут оценивать машинный перевод в режиме реального времени. Один из подходов к разработке таких систем предполагает перечисление ряда рабочих гипотез перевода предложения и выбор наиболее подходящего варианта [Баринова, Овчинникова 2021: 16].

Одним из потенциальных подходов к решению проблемы автоматического выявления ошибок связности и точности в текстах, генерируемых с помощью машинного перевода (МТ) и компьютерного перевода (CAT), является установление набора языковых форм и категорий («контрольных точек»), которые различают исходный и целевой языки. Для этого рекомендуется создать максимально представительный набор таких «контрольных точек» с использованием параллельных двуязычных или многоязычных корпусов [Poroń 2018: 132]. Такая база данных содержит каталог лингвистических единиц на исходном языке и их возможных переводов на целевой язык. Однако лингвистическое обоснование и нахождение «контрольных точек» все еще далеко от того, чтобы обеспечить релевантные результаты в автоматическом распознавании ошибок и оценке качества перевода МП.

В докладе будут представлены результаты использования мультиязычного корпуса переводов произведений А.П. Чехова на ряд европей-

ских языков (английский, датский, испанский, итальянский, немецкий, норвежский, португальский и французский языки) для формирования БД вариантов перевода фразеологизмов и устойчивых словосочетаний как особого типа «контрольных точек». Эта работа велась в рамках летней компьютерной практики студентов романо-германского отделения филологического факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в течение 5 лет, в ней приняли участие более 200 студентов [Кедрова, Потемкин 2022: 227]. Выбор фразеологизмов и словосочетаний для нашего исследования основывался на их исключительном положении как наиболее сложных для перевода единиц, считающихся некоторыми исследователями «непереводимыми» [Manipuspika 2018: 1].

В процессе выполнения практического задания учащиеся анализировали лучшие и худшие варианты фразеологизмов из разных систем машинного перевода. В работе им было предложено использовать следующие системы: МП Smartcat (<https://ru.smartcat.com/>), МП Google (<https://translate.google.com>), МП DeepL (<https://www.deepl.com/translator>), МП Prompt (<https://www.translate.ru>), МП Reverso (<https://context.reverso.net>), МП Яндекс Переводчик (<https://translate.yandex.ru/>). Помимо систем МП из обязательного списка студенты могли включить в свое исследование другие компьютерные системы и средства САТ и ТМ, которые они посчитали эффективными инструментами перевода. Классификация протестированных сетевых ресурсов была использована для установления параметров оценки точности перевода фразеологизмов и устойчивых фразеологических сочетаний разными переводческими инструментами для формирования реестра типовых ошибок машинного перевода. На основании ранжирования протестированных сетевых ресурсов САД, ТМ и МП студенты должны были сформулировать критерии оценки качества переводов такого рода лексических единиц.

Результаты анализа изложены в отчетах студентов и служат для совершенствования учебного процесса. Анализ основных ошибок и построение классификаций ошибок машинного перевода позволит определить, насколько полно в научных и прикладных классификациях представлены потенциальные несовершенства текста автоматического перевода. Это позволит в дальнейшем осуществить разработку автоматических систем распознавания таких ошибок и предложить алгоритм их исправления.

Литература

Баринова И.А. Влияние новых переводческих технологий на распознавание и классификацию ошибок перевода / И.А. Баринова, И.Г. Овчинникова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2021. – №. 1. – С. 8–25.

Кедрова Г.Е. Дидактический потенциал многоязычного параллельного корпуса переводов А.П. Чехова в подготовке переводчиков / Г.Е. Кедрова, С.Б. Потемкин // Актуальные проблемы современной лингвистики и гуманитарных наук: сборник статей XIV Всероссийской научно-методической конференции с международным участием. Москва, 25 марта 2022 г. – М.: РУДН, 2022. С. 227–235.

Biel Ł. Quality in institutional EU translation: Parameters, policies and practices / Ł. Biel // Tomáš Svoboda, Łucja Biel & Krzysztof Łoboda (eds.), Quality aspects in institutional translation, 15–29. – Berlin: Language Science Press. – 2017. – Т. 8. – С. 31–57.

Biel Ł. Training translators or translation service providers? EN 15038: 2006 standard of translation services and its training implications // The Journal of Specialised Translation / / Ł. Biel. – 2011. – Т. 16. – С. 61–76.

Blatt A. EURAMIS Alignment and Translation Memory Technology / A. Blatt // Terminologie & Traduction. – 1998. – С. 74–101.

Directorate-General for Translation (DGT), European Commission. 2015. DGT translation quality guidelines. DGT.IS/IP/DH/GH/th-(2015)5977178. – URL: http://ec.europa.eu/translation/maltese/guidelines/documents/dgt_translation_quality_guidelines_en.pdf (дата обращения: 04.11.2023).

Jiménez-Crespo M.A. How much would you like to pay? Reframing and expanding the notion of translation quality through crowdsourcing and volunteer approaches / M.A. Jiménez-Crespo // Perspectives. – 2017. – Т. 25. – № 3. – С. 478–491.

Manipuspika Y.S. Analyzing translation of metaphor: A case study / Y.S. Manipuspika // Studies in Linguistics and Literature. – 2018. – Т. 2. – №. 1. – С. 1–13.

Popović M. Error classification and analysis for machine translation quality assessment / M. Popović // J. Moorkens, S. Castilho, F. Gaspari, S. Doherty (Eds), Translation quality assessment: From principles to practice. – 2018. – Т. 1. – С. 129–158.

Vandepitte S. Translation product quality: A conceptual analysis / S. Vandepitte // Tomáš Svoboda, Łucja Biel & Krzysztof Łoboda (eds.), Quality aspects in institutional translation. – Language Science Press, 2017. – Т. 8. – С. 15–29.

«Байесовская сыворотка правды» в разметке эмоциональных датасетов: опыт пилотного эксперимента

*эмоциональная разметка текстов, адекватность разметки,
эмоциональный анализ текстов, сентимент-анализ,
эмоциональная предвзятость*

Задача сентимент-анализа сегодня кажется достаточно тривиальной, поскольку существует большое число моделей для разных языков, а их точность, по утверждениям разработчиков, достигает 99 %. Однако на деле при проведении реальных исследований больших коллекций текстов, нейросети, обученные на размеченных аннотаторами датасетах, показывают низкую адекватность и сопоставимость оценок. Еще более критично дело обстоит с моделями, «берущимися» за атрибуцию текстов к разным эмоциональным классам: их точность и полнота классификации оставляет желать лучшего. Представляется, что проблема кроется не в архитектуре используемых моделей или в качестве обучения, а в качестве разметки датасетов, которые это обучение обеспечивают. Каждый, кто работал с проблемой разметки, прекрасно знает, что на то, какую, например, эмоциональную метку поставит тексту аннотатор, влияет множество факторов: от качества сформулированной инструкции и дизайна интерфейса для разметки до настроения информанта, которое испортили накануне, скажем, на работе или в транспорте. Суммируя, можно сформулировать основные проблемы организации эмоциональной разметки в некоторый список:

- неправильная интерпретация информантом задания;
- саботаж;
- наклеивание личного опыта;
- влияние фактора социальной приемлемости.

Относительно последнего добавим, что Хотторнский эффект никто не отменял – участвуя в экспериментах, люди не перестают быть социальными субъектами, инвестирующими в свой социальный же престиж: они стараются разметить так, чтобы продемонстрировать свою принадлежность к морально «лучшей» части общества.

Предлагаемый нами подход является адаптацией классического Bayes Truth Serum («Байесовская сыворотка правды») подхода [Prelec 2004], который предлагает при оценке субъективных данных принять допущение, что исследователь не знает правильного распределения данных, не понимает «как должно быть». В отличие от уже существующих

методов, «Байесовская сыворотка правды» не опирается на наиболее распространенные ответы в выборке – исследователю интересны отклоняющиеся ответы [Carvalho et al. 2011]. Основной принцип состоит в том, что оценщика просят дать персональный ответ, а затем оценить вероятность такого ответа с точки зрения других людей, проходящих этот опрос. В данный подход заложено допущение, что человек использует какое-то внутреннее дополнительное знание (возможно сокрытое), которое он манифестирует при прогнозе того, как отвечают другие респонденты. Кроме того, подсознательно информант считает, что большинство других считает верным тот же ответ, что и он, хотя он лично может его не афишировать и даже скрывать [Dawes 1991].

При этом замечено, что информанты могут недооценивать истинное количество думающих также как они «верно»: так, любители Пикассо хотя и считают, что тех, кто считает этого художника самым талантливым больше, чем других, тем не менее, они уверены, что художника недостаточно мало знают и ценят. По этой причине исследователей интересуют «удивительно популярные» ответы, то есть их реальное количество в выборке информантов значительно превышает прогнозируемое в той же выборке – именно они являются наиболее правдивыми.

Ответы оцениваются с помощью так называемого information score (iScore), который рассчитывается по формуле $\log(x\_freq/x\_pred\_freq)$, где x_freq – вероятность ответа x , получаемое из личных оценок x_pred_freq – среднее геометрическое по прогнозу вероятности ответа x . Дополнительно в опросе можно использовать приемы повышения мотивации в точности угадывания ответов других людей при прогнозе (например: чем точнее вы угадаете как отвечают другие, тем больше денег мы вам потом заплатим).

Таким образом, мы предлагаем нашим респондентам на одной из краудсорсинговых платформ оценить степень выраженности эмоции в тексте, используя шкалу от - 5 до + 5. Одновременно, мы просим оценить тот же самый текст так, как это сделает большинство респондентов. Пока мы проводим пилотное исследование, результаты которого будут сопоставлены с результатами уже проведенного до этого аннотирования, где у информантов запрашивалось только личное мнение.

Литература

Hogarth R. Decision Making / R. Hogarth. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1991. – 990 p.

Issues in multiagent resource allocation / Y. Chevaleyre, P.E. Dunne, U. Endriss. – Informatica. – 2006. – № 30. – P. 3–31.

Prelec D. A Bayesian truth serum for subjective data / D. Prelec. – Science. – 2004. – № 306 (5695). – P. 462–466.

Что скрывается за объектом N_3 в конструкции <Куда N_3 до P >?

*сравнительно-оценочная конструкция, грамматика конструкций,
коллоквиалистика, коммуникативная ситуация*

Введение

В повседневной речи постоянно возникают конструкции, имеющие нестандартные для словарей значения входящих в них слов, например: < $P - N_1$ *отдыхает>, < $P - N_3$ делать нечего>, < N_1 не годится в подмётки P >, <куда N_3 до P >, < P ни разу не N_1 >.

Цель настоящей работы – проанализировать лексическое наполнение объекта N_3 в составе сравнительно-оценочной конструкции **<Куда N_3 до P >**.

Основными методами исследования стали *описательный* и *контекстный анализ*. Описательный метод помогает не только рассмотреть примеры с конструкцией, но и разработать классификацию возможных типов рассматриваемого объекта. Контекстный анализ позволяет исследовать синтаксическую сочетаемость и семантику конструкции.

Пользовательский подкорпус работы включает 463 единицы в контекстах. Источником материала стали устный (УП) и газетный (ГП) подкорпусы Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и Генеральный Интернет-корпус русского языка (ГИКРЯ).

При широком подходе к определению *конструкции* практически любая синтаксическая единица может восприниматься как конструкция. Различаться они будут лишь параметрами, которые в свое время выделил Ч. Филмор с коллегами в работе «Регулярность и идиоматичность в грамматических конструкциях: случай Let alone» [Fillmore et al. 1988]. Речь идет о степени идиоматичности и закреплённости входящих в конструкцию элементов. Л.Л. Иомдин главным различающим фактором считал такой критерий, как «степень лексикализации объекта» [Иомдин 2006: 202].

В качестве рабочего в настоящем исследовании принимается определение конструкции, данное А. Голдберг и принятое Е.В. Рахилиной и Ю.Л. Кузнецовой: « C is a CONSTRUCTION if C is a form-meaning pair $\langle F_i, S_i \rangle$ such that some aspect of F_i or some aspect of S_i is not strictly predictable from C 's component parts or from other previously established constructions»¹ [Goldberg 1995: 4].

¹ Конструкция – это «языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» [Рахилина, Кузнецова 2010: 19].

Классификация типов объекта N₃

1. N₃

1. И потому рассуждения Ханны Арендт начинают вызывать не возражение, а отторжение и неприятие – они представляются попыткой рационально объяснить иррациональное, отчасти оправдать палача, переложив часть ответственности на жертву Мораль? **Куда Ханне Арендт (N₃) до Шушарина (P)** [ГИКРЯ // 2013].

Перед нами конструкция в «чистом» виде, где объект сравнения и оценки N₃ в форме Дат. п. стоит после союза куда.

2. Adj/ Pron + N₃

В контекстах (2)-(3) видим расширение объекта за счет различных элементов, примыкающих к N₃. Самый типичный «расширитель» – прилагательное или местоимение, связанные отношениями согласования с главным словом:

2. ...18-летняя красавица Вардо Максимилишвили <...> была прелестна в своей наивной простоте и играла роль отменно, рассказывая соседям, что понятия не имеет, кто жил здесь до нее. **Куда убиенной (Adj.) Райх (N₃) до Вардо (P)**! [НКРЯ // 2005.11];

3. На первом месте «Вестник ТОГИРРО» (Тюменский областной государственный институт развития регионального образования) с импакт-фактором 19,636! **Куда там новосибирским (Adj.) педагогам (N₃) до тюменских (P)**! Схема накрутки обычная [ГИКРЯ // 2016.03].

Нередко в таких примерах наблюдается эллипсис в одном из слотов (3). Объект при сравнении один – педагог. Различие заключается в территориальной принадлежности (новосибирский и тюменский). Произошло опущение существительного педагогов, так как основная смысловая нагрузка перешла на «расширитель».

3. N₃ + Prep + N₅

Объект способен усложняться благодаря не только согласованному, но и несогласованному определению. В контексте (4) оно выражается сочетанием предлога с Тв. п.:

4. Высота горы Митридат в Керчи – 91,4 метра над уровнем моря. Сапун-гора в Севастополе – немногим выше, 240 метров. Но **куда до них (P) <...> Эвересту (N₃) с его почти девятью километрами (Prep + N₅)**! [НКРЯ // 2020.05].

4. N₃ + уточнение

Достаточно частотны контексты, в которых N₃ выражено дублирующим его местоимением, лишь указывающим на объект, не называя его. В таких случаях конкретизацию объекта подсказывает расширенная версия примера, а порой уточнение объекта находится в самой конструкции и стоит после него (5) или же недалеко от него, замыкая конструкцию (6) (подчеркнуты), ср.:

5. Железо, блин. Нет, титан! Нет, суперпрочный поликарбонатный сплав! Ну конечно, **куда мне (N₃), киборгу, до вас (P), людей** [НКРЯ // 2011.07];

6. В моей теории искажен в человеческом понимании этот свет. Вы, мамаша, зазря заостряетесь на истории, ведь по-сути ни вас, ни меня, ни кашки – нет. – Уж **куда мне (N₃) до просветленных (P), ничтожной сошке** [НКРЯ // 2013.06].

5. N₃ + деепричастный оборот

Деепричастный оборот также способен примыкать к объекту. В контексте (7) видим сразу несколько объектов N₃, последний из которых присоединяется к остальным в составе деепричастного оборота:

7. Они будут выпущены в виде специального издания видеокolleкции. Торговля уже началась. Мисс Ферстенберг заключает: "Фильм – это триумф XX столетия". Конечно, куда до кино (Р) какой-то квантовой теории (N₃) или глобальной программе вакцинации (N₃), не говоря уже о полетах в космос (N₃) [НКРЯ // 1997.12].

6. N₃ + причастный оборот

Продуктивным средством расширения объекта являются причастные обороты, ср.:

8. Я доверился Матвиенко. А что, приятная женщина во всех отношениях, особенно в смысле стабильности. Ее рейтинг, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), 3 месяца подряд держался на твердой «единице». Куда до нее (Р), например, Грызлову, 3 недели скучавшему на «нуле» (N₃) [НКРЯ // 2007.07].

7. N₃ + определительное придаточное

Сложным по форме объектом является тот, к которому присоединяется определительное придаточное, где может быть заключен большой объем информации. Объект представляет собой единое целое вместе с таким придаточным и может в составе конструкции получить обозначение Р, а не N₃:

9. Ватрушки – вот за чем стоило ходить в эту карболитовскую столовку! Куда до тех ватрушек (Р) тому ужасу, который за них сейчас выдается (N₃) [ГИКРЯ // 2012].

8. Комбинация типов

Во многих контекстах N₃ выражается не в таких «чистых» типах. Нередко объект включает в себя комбинацию разных «расширителей». Так, в примере (10) к объекту примыкает и несогласованное определение ее, и согласованное определение *близкой*, и даже определительное придаточное *которая в прошлом месяце за день потратила в магазинах Лос-Анджелеса "всего" 30 тысяч долларов*:

10. Миллиардер Роман Абрамович заблокировал кредитную карту своей любовницы Дарьи Жуковой после того, как она за один поход в магазин оставила там 118 тысяч евро <...> Куда до Дарьи (Р) ее близкой подруге Пэрис Хилтон (N₃), которая в прошлом месяце за день потратила в магазинах Лос-Анджелеса "всего" 30 тысяч долларов! [НКРЯ // 2007.08].

В контексте (11) видим придаточное предложение в комбинации с деепричастным оборотом:

11. Опять же теплый прием (в Грузии) и любые пожелания клиента из области? Хочу вина вот такого, а потом другого, и чай хочу из кружки, а не из чашки выполняются очень быстро=). Знаете, у них это гостеприимство очень какое-то такое удивительное и искреннее, что даже описать не могу. Куда до них (Р) словакам (N₃) все тем же, которые, поняв, что деньги закончились, гостеприимство тоже заканчивают [ГИКРЯ // 2009].

Подобных сочетаний разного типа может быть множество.

Заключение

В результате проведенного анализа было выявлено восемь комбинаций, которые выбирает говорящий или пишущий для выражения N_3 в контексте определенной коммуникативной ситуации.

Количественное соотношение выявленных моделей оказалось таково: N_3 – 51,7 %; **Adj/ Pron + N_3** – 27,7 %; **N_3 + Prep + N_5** – 5,1 %; **N_3 + уточнение** – 5,8 %; **N_3 + деепричастный оборот** – 0,2 %; **N_3 + причастный оборот** – 2,3 %; **N_3 + определительное придаточное** – 1 %; **комбинация типов** – 6,2 %.

Приведенные наблюдения могут быть полезны в лингводидактике (особенно в преподавании русского языка как иностранного), а также в практике перевода, так как изучение подобных конструкций важно для понимания носителями других языков, где зачастую невозможно найти однозначный, тем более дословный, эквивалент рассматриваемой модели, который может пригодиться во всех коммуникативных ситуациях.

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект № 22-18-00189 «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи»).

Литература

Генеральный интернет-корпус русского языка (ГИКРЯ) – URL: <http://www.webcorpora.ru> (дата обращения: 25.08.2023).

Иомдин Л.Л. Многозначные синтаксические фраземы: между лексикой и синтаксисом / Л.Л. Иомдин // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2006». – М.: РГГУ, 2006. – С. 202–206.

Национальный корпус русского языка (НКРЯ) – URL: <https://ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 25.08.2023).

Рахилина Е.В. Грамматика конструкций: теория, сторонники, близкие идеи / Е.В. Рахилина, Ю.Л. Кузнецова // Лингвистика конструкций / Под ред. Е.В. Рахилиной. – М.: Азбуковник, 2010. – С. 8–79.

Fillmore Ch.J. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of *Let alone* / Ch.J. Fillmore, P. Kay, M.C. O'Connor // Language. – 1988. – № 64 (3). – P. 501–538.

Goldberg A.E. Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure / A.E. Goldberg. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1995. – 280 p.

Мамонтова Ангелина Викторовна

Институт перспективных исследований проблем искусственного
интеллекта и интеллектуальных систем Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Казанский (Приволжский) федеральный университет
УДК 81'322.2

Открытые данные для задачи автоматического извлечения терминов из русскоязычных научных статей

*автоматическое извлечение терминов, термин, датасет, разметка,
обработка естественного языка*

Статья посвящена вопросу подготовки данных для задачи автоматического извлечения терминов (далее – АТЕ) – причинах этого явления и предложениях по его решению. Проанализированы различные открытые датасеты для данной задачи и схожих с ней относительно постановки задачи и понимания объекта поиска. Предложена универсальная разметка для АТЕ, которая может подстраиваться под различные приложения данной задачи.

Задача автоматического извлечения терминов в англоязычной публикационной практике существует под разными названиями: Automatic/Automated Term/Terminology Extraction/Recognition, Scientific (Biological/Mathematical/etc.) Entity Extraction/Recognition. Последний шаблон названия является более понятным с точки зрения общей классификации задач NLP – он описывает решаемую задачу операционально, в духе классического извлечения сущностей (Entity Extraction/Recognition) – как нахождение необходимого фрагмента текста (сущности) и определение ее класса. Классически в текстах ищут так называемые именованные сущности (Named Entity) – собственные имена людей, наименования географических объектов или организаций. С расширением объекта интереса количество определяемых классов начало возрастать, как и число определяемых сущностей. После этого в классическом NER следует определение связей между уже найденными сущностями (этап Relation Extraction). Данные этапы в совокупности решают задачу извлечения информации из текста (Information Extraction) – о чем в нем говорится и какие связи выстраиваются. В научных статьях наиболее информативными являются уже не уникальные объекты, как в случае с задачей NER, а нечто, связанное с определенной научной областью, причем это должны быть объекты как отличающие одну область (домен) от другой, так и разделяющие исследования внутри области.

Для формирования универсального датасета для АТЕ, а именно определения необходимых принципов разметки были собраны и проанализированы наиболее известные открытые наборы, которые были освещены в последнем обзоре задачи АТЕ [The Recent 2023] – GENIA [GENIA

2003], CRAFT [The Colorado 2017], ACL RD-TEC [QasemiZadeh, Schumann 2016], ACTER [TermEval 2020], – и все (по нашим данным) существующие открытые датасеты на русском языке для АТЕ и некоторые наборы данных для близких ей NLP-задач – RuCERRC¹ [Семантический 2021] и NEREL-BIO [NEREL-BIO 2023]. Анализ проводился по аспектам понимания авторами объекта поиска, критериев его определения, других особенностей разметки и итоговом варианте датасета, в частности характеристик размеченных единиц. Также были изучены подходы разметки для задачи АТЕ на русскоязычных научных статьях в работах без открытых данных.

Уже на начальных этапах анализа русскоязычных датасетов виден их малый объем: последняя версия RuSERRC включает 216 размеченных и 808 неразмеченных аннотаций, NEREL-BIO – 766 аннотаций, однако последний нуждается в сильной корректировке для использования в целях АТЕ, поскольку он был создан для решения задачи NER и содержит 41 семантический классов искомых единиц, часть из которых не является доменно-специфичной, а пришла из классификатора NEREL.

Была выявлена неоднозначность понимания того, что является объектом рассматриваемой задачи – самим термином. Начиная с 1970-х распространение получает следующее понимание термина – это «слово или словосочетание, обозначающее понятие некоторой области знаний или деятельности». Это определение часто встречается в работах по автоматическому извлечению терминов, однако очевидна его недостаточность. Критерии определения терминов чаще всего не формализуются и остаются на усмотрение разметчиков – чаще всего доменных экспертов, – таким образом лингвистическая природа термина чаще всего уступает место тому, является ли единица знакомой эксперту и считает ли он ее «специфичной» для его области знаний. Также большинство подходов решения АТЕ ограничивается одним доменом (чаще всего биомедициной) – в итоге определение термина становится зависимым от соответствующей области, а признаки, интегрирующие подходы к терминологии разных наук, остаются неосвещенными.

Стоит отметить, что проблема разметки данных для АТЕ возникает в первую очередь из-за неоднозначной лингвистической природы термина, его «многогранности». Например, это проявляется в вопросе о частеречной характеристике термина: большинство подходов ограничивают поле поиска только до существительных и именных словосочетаний, что основывается на лингвистических теориях главенствующей номинативной функции термина, – это позволяет значительно облегчить задачу, введя фильтр с помощью соответствующих настроек морфологического анализатора и чанкера. Однако такой подход явно оставляет вне поле

¹ Авторами настоящей статьи данный датасет был скачан в момент его открытого доступа зимой 2023 г., на начало декабря 2023 г. репозиторий RuSERRC [RuSERRC] закрыт.

зрения малочисленное, но все же существующее множество сущностей, которые не удовлетворяют такому частеречному требованию – единицы типа *перорально, инвазивный, лемматизировать, ингибировать, гомозиготный* и др.

Также важным фактором различия данных для рассматриваемой нами задачи в значительной степени исходит из разного ее приложения – того, как планируется использовать результаты, полученные с помощью АТЕ. Например, для формирования словаря терминов или построения онтологии нас будет интересовать извлечение единиц, которые действительно являются терминами с лингвистической точки зрения. Другим подходом понимания АТЕ является сбор и категоризация всех слов и выражений, так или иначе относящихся к какой-то области знаний, то есть определение тематически важных единиц – это может быть важно для последующего тематического моделирования и определения качества его работы. Подобный подход может применяться для автоматического определения ключевых слов статей – причем в данном случае важной частью решения будет ограничение ответа до некоторого количества извлеченных единиц. Также АТЕ может решать практическую задачу отслеживания трендов – тогда необходимо искать новые единицы, претендующие на уникальность и научную новизну.

В подавляющем большинстве датасетов задача АТЕ ставится как бинарная классификация (термин или нетермин). Наиболее интересен в этом вопросе подход, реализованный при разметке датасета ACTER. Несмотря на использование его в соревновании TermEval в классической постановке термин–нетермин, изначальная разметка включала четыре класса – три терминологических и один для нетерминов. Разделение терминологических классов производилось по уровню лексической специфичности (ее понятности только доменному эксперту или любому человеку) и доменной специфичности (принадлежности определенной области или использованию в любых исследованиях): так появились специальные/специфические (*specific*) термины – доменно и лексически специфичные, общие (*common*) – специфичные доменно, но не лексически (понятны даже неспециалисту) и внедоменные (*out-of-domain*) – специфичные лишь лексически. Несмотря на новизну данного подхода к разметке, он не получил должного внимания, хотя, по нашему мнению, именно учет лексической и доменной специфичности в дополнении с учетом соответствия специфичного домена главному домену текста может помочь подготовить универсальный датасет для задачи АТЕ при различных ее приложениях. Например, для формирования словаря терминов нас будет интересовать в основном только группа специфических единиц, а для задач поиска – уже все терминологические.

Таким образом, несмотря на большой опыт решения задачи автоматического извлечения терминов, существует довольно мало данных для ее решения на материале русскоязычных научных статей. Существующие наборы даже на других языках не являются универсальными, они связаны

с конкретным приложением АТЕ и ограничены конкретной областью – в основном внимание исследователей сосредоточено на области биомедицины. В перспективе планируется разработать русскоязычный набор данных, который сможет адаптироваться под различные практические применения АТЕ с помощью выбора необходимых терминологических групп в зависимости от степени их лексической и доменной специфичной, а также соответствия домена термина главному домену текста, чтобы подготовленный соответствующим образом набор данных мог претендовать на статус универсального и легко подстраивался под любую постановку задачи поиска научных сущностей – терминов.

Литература

Семантический анализ научных текстов: опыт создания корпуса и построения языковых моделей / Е.П. Бручес, А.Е. Паульс, Т.В. Батура и др. // Программные продукты и системы. – 2021. – Т. 34. – No 1. – С. 132–144. – DOI: <https://doi.org/10.15827/0236-235X.133.132–144>.

GENIA corpus – a semantically annotated corpus for bio-textmining / J.-D. Kim, T. Ohta, Y. Tateisi, J. Tsujii // Bioinformatics. – Vol. 19, Issue suppl_1. – 2003. – Pp. i180–i182. – DOI: <https://doi.org/10.1093/bioinformatics/btg1023>.

NEREL-BIO: A Dataset of Biomedical Abstracts Annotated with Nested Named Entities / N. Loukachevitch, S. Manandhar, E. Baral et al. // Bioinformatics. – 2023. – Vol. 39. – Issue 4. – btad161. DOI: <https://doi.org/10.1093/bioinformatics/btad161>.

QasemiZadeh B. The ACL RD-TEC 2.0: A Language Resource for Evaluating Term Extraction and Entity Recognition Methods / B. QasemiZadeh, A.-K. Schumann // Proceedings of the Tenth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'16), 2016. – P. 1862–1868. – URL: <https://aclanthology.org/L16-1294.pdf>.

RuSERRC dataset. URL: <https://github.com/iis-research-team/ruserrc-dataset> (репозиторий закрыт на момент с июня 2022 до декабря 2023).

TermEval 2020: Shared Task on Automatic Term Extraction Using the Annotated Corpora for Term Extraction Research (ACTER) Dataset / A. Rigouts, V. Hoste, P. Drouin, E. Lefever // Proceedings of the 6th International Workshop on Computational Terminology (COMPUTERM 2020). – 2020. – P. 85–94. – URL: <https://aclanthology.org/2020.computerm-1.12.pdf>.

The Colorado richly annotated full text (CRAFT) corpus: multi-model annotation in the biomedical domain / K.B. Cohen, K. Verspoor, K. Fort et al. // Handbook of Linguistic Annotation. – 2017. – P. 1379–1394. – DOI: http://dx.doi.org/10.1007/978-94-024-0881-2_53.

The Recent Advances in Automatic Term Extraction: A survey / T.H.H. Tran, M. Marting, J. Caporusso et al. – New York: ACM, 2023. – P. 1–25. – DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2301.06767>.

**Использование средств автоматической обработки
естественного языка для тематической сегментации
и разметки текстовых материалов корпуса устной речи**

*лингвистический корпус, машинное обучение, тематическая
сегментация, тематическая классификация, разметка данных*

Процесс сбора и разметки данных лингвистического корпуса предполагает использование информационных технологий на всех этапах работы. Несмотря на то, что разметка единиц отдельных уровней языка в настоящий момент полностью автоматизирована, использование средств автоматической обработки текстов для аннотирования единиц других уровней языка все еще вызывает ряд проблем, для решения которых требуется большое количество времени. Тематическая сегментация и последующая тематическая разметка неподготовленной диалогической речи относится к таким случаям, так как в виду политематичности как одного из основных свойств разговорной речи один текстовый фрагмент может содержать несколько тем, а смена темы в границах одного диалогического единства может происходить несколько раз.

В докладе представлены результаты эксперимента по использованию средств автоматической обработки текстов для тематической сегментации и разметки текстовых материалов бимодального корпуса устной речи жителей Южно-Сибирского региона (далее – RuTuBiC) [Компьютерная 2019].

Диалоги были разделены на отдельные сегменты по значению косинусного расстояния между векторными представлениями соседних предложений. Факт смены темы определялся при пороговом значении семантической близости равном 0,7. Предложения, значение косинусного расстояния между которыми превышало установленное пороговое значение, были отнесены к одному смысловому фрагменту текста. С полученным набором фрагментов диалогов было произведено два эксперимента по тематической разметке.

Так как объем собранного языкового материала в корпусе RuTuBiC недостаточно большой для применения методов машинного обучения с учителем, а уже выполненная ручная тематическая разметка имеет высокую степень субъективности, для тематической классификации была выбрана zero-shot классификация [Toward 2019] – метод машинного обучения, не требующий обучающей выборки, при котором модель классифицирует объекты на классы, которых не было в процессе обучения модели.

Такой подход позволяет модели обобщать свои знания и классифицировать объекты на основе общего понимания классов даже в случае отсутствия обучения на этих классах.

Эксперименты с двумя разными наборами тематических классов были произведены на двадцати пяти текстах, которые были уже размечены вручную, чтобы сравнить результаты классификации с разным лексическим описанием тематических классов. Для проведения обоих экспериментов была произведена предварительная обработка текстов. Из текстов были удалены все небуквенные символы, затем тексты были лемматизированы и очищены от стоп-слов.

Классификация осуществлялась с помощью transformers, библиотеки языка программирования Python. Для получения предсказаний была использована предобученная языковая модель с Hugging Face Hub joedav/xlm-roberta-large-xnli. Согласно решению создателей корпуса RuTuBiC, каждый сегмент текста может быть отнесен к более, чем одной теме, поэтому была использована опция multi_label для многоклассовой классификации.

В первом эксперименте модели был передан список названий тем, применяемых авторами корпуса для ручной разметки: «характеристика человека», «семья», «образ жизни», «окружающая среда», «социальное окружение», «этническая культура», «событие», «период жизни».

Второй эксперимент был произведен с названиями тематических классов, отобранных из тезауруса русского языка RuWordNet. Использование тезауруса обусловлено тем, что данный источник лексического описания может быть применен для тематической разметки разной степени детализации. Каждая тема из первого эксперимента была расширена списком микротем или заменена на синонимичное описание, как в случае с темами «образ жизни» и «период жизни».

В таблице 1 сопоставлены два перечня названий тематических классов для первого и второго экспериментов соответственно.

Таблица 1

Названия тематических классов для первого и второго экспериментов
соответственно

Названия тематических классов для первого эксперимента	Названия тематических классов для второго эксперимента
характеристика человека	человеческая личность, линия поведения
семья	семейная среда, наличие детей, родственник
образ жизни	жизненный уклад
окружающая среда	среда жизнедеятельности, антропогенная деятельность, защита окружающей среды, климатическо-природные условия, окружающая природная среда, дикая природа, животный и растительный мир

Названия тематических классов для первого эксперимента	Названия тематических классов для второго эксперимента
социальное окружение	круг общения, социальная среда, социокультурная среда
этническая культура	этническая культура, этническая принадлежность, языковая среда, родной язык, тюркская группа языков, хакасский язык, татарский язык, шорский язык, фольклор, музыкальный фольклор, танцевальный фольклор, народное предание
событие	происшествие, случай, описание фактов, ряд событий, мероприятие
период жизни	временной период

Так как задача zero-shot классификации не предполагает наличия обучающей выборки, на данном этапе исследования для оценки результатов экспериментов вместо использования метрик оценивания была произведена интерпретация определения темы человеком. Для интерпретации результатов экспериментов были взяты три самых вероятных тематических класса. Полная текстовая версия диалога содержит около двух с половиной тысяч слов, поэтому приведем результаты экспериментов для отдельно взятого текстового фрагмента.

Интервьюер: Все, понятно, угу. И вот вы на шорском языке сейчас немножко говорите, да? А вам что проще? Слушать, понимать или разговаривать на шорском? **Респондент:** Мне, наверно, больше слушать. **И.:** Сложнее, да? Проще, да? **Р.:** Проще, да, да, труднее разговаривать. Потому что...ну вот так. **И.:** Угу. А читать на шорском языке вы можете? **Р.:** На шорском могу читать языке, потому что у меня, говорю, казахский изучал, грамматика одна, там какие-то есть маленько разницы в произношении, там вообще незначительные, а... **И.:** А писать на шорском языке можете? **Р.:** Ну, тоже, если что-то такое, простое.

Темы, определенные в первом и втором эксперименте соответственно в порядке убывания вероятности:

Эксперимент 1: событие (0.53), период жизни (0.52), социальное окружение (0.5).

Эксперимент 2: шорский язык (0.87), временной период (0.73), родной язык (0.7).

Приведенный фрагмент диалога посвящен обсуждению разных аспектов использования шорского языка респондентом и не включает упоминаний ни одной из трех самых вероятных тем, полученных в результате первого эксперимента. Тема «этническая культура», к которой в том числе относится обсуждение использования респондентом национального языка, была определена в первом эксперименте пятой, с вероятностью 0.43. Во втором эксперименте были определены темы «шорский язык» и «родной язык», соответствующие теме «этническая культура» из первого эксперимента (см. сопоставление списков тем в табл. 1).

Анализ полученных результатов позволяет предположить, что более точное лексическое описание тематических классов способствует улучшению результатов zero-shot классификации при отсутствии возможности применения классических методов машинного обучения с учителем. Для улучшения интерпретируемости результатов классификации планируется провести эксперимент с использованием других метрик определения сходства между предложениями и источников лексического описания для тематических классов.

Исследование выполнено при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ, договор №14Y26.31.00.14.

Литература

Marian V. The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): assessing language profiles in bilinguals and multilinguals / V. Marian, H.K. Blumenfeld, M. Kaushanskaya // J Speech Lang Hear Res. - 2007. - Aug; 50 (4). - С. 940–967.

The Bimodal corpus of russian-turkic bilinguals' speech (RuTuBiC) / Z.I. Rezanova, I.G. Temnikova, E.D. Artemenko [et al.] // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». Дополнительный том, Москва, 29 мая – 01 июня 2019 года. – Vol. Выпуск 18 (25). - М.: Российский государственный гуманитарный университет (Москва), 2019. – С. 200–210.

Toward any-language zero-shot topic classification of textual documents / Y. Song, S. Upadhyay, H. Peng, S. Mayhew, D. Roth // Artificial Intelligence. - 2019. – Volume 274. - С.133–150.

Опыт усовершенствования морфологического парсера для литературного даргинского языка

парсер, морфологический парсер, даргинский язык

Введение

Статья посвящена анализу работы морфологического парсера для литературного даргинского (даргинские языки относятся к нахско-дагестанской группе языков). В 2022г. была создана бета версия корпуса на даргинском, куда вошли тексты газеты «Замана». В 2022 г. тексты прошли первичную обработку, был создан основанный на правилах морфологический парсер с использованием инструмента UniParser-Morph [Архангельский 2012] для поморфемной аннотации текстов. В 2023 г. в результате тестирования бета-версии корпуса были выявлены основные классы проблем морфологического анализа. В настоящей работе предлагается анализ этих проблем. Рассматриваемые случаи можно отнести к следующим классам: (1) система допускает избыточную генерацию морфологических разборов (overgeneration), часть из этих разборов ошибочные; (2) отсутствуют разборы для слов, которые есть в словаре и имеют регулярную морфологию; (3) разборы, предлагаемые парсером, все допустимы, однако, вероятность некоторых из них крайне низкая (ср., например, анализ словоформы 'Али' как 'А-ли' 'молозиво-ERG') (4) регулярная морфемная омонимия; (5) технические ошибки, связанные с автоматическим извлечением информации из словаря (например, проблемы с извлечением переводов).

Частотный анализ результатов разбора парсера

После чистки текстов и удаления из газетных текстов русскоязычных фрагментов (например, писем в редакцию), а также фрагментов с «псевдотекстом» – sudoku, списков персон и т. п., а также после удаления псевдословоформ – токенов, записанных латиницей и другими некириллическими символами, однобуквенных токенов и т. п., а также после исправления неправильного разбиения на токены из-за принудительных переносов в исходных текстах покрытие корпуса увеличилось, число разобранных словоформ на данный момент составляет примерно 72–75 %.

Мы провели анализ морфологической омонимии. На данный момент степень омонимичности составляет 2,7–3 разбора на одно словоупотреб-

ление (что сопоставимо с другими морфологическими анализаторами, основанными на правилах). Количество однозначных разборов составляет около 50 % среди разобранных словоупотреблений.

Избыточная генерация

Избыточная генерация связана с тем, что в агглютинативных языках довольно много коротких (часто однобуквенных) омонимичных морфем, которые могут занимать разные позиции в словоформе (ср. морфема -а в муиринском даргинском имеет 9 грамматических значений). Кроме того, в даргинском, как и в других дагестанских языках, показатель согласования по классу существительных (например, -б-, -д-, -р- и др.) может инфиксироваться в глагол, в сложных глаголах может быть больше одной позиции для глагольного класса, в некоторых случаях классный показатель может выпадать. Кроме того, возможны следующие случаи: (а) предложенные системой разборы некоторой словоформы возможны в случае регулярного формообразования, однако, лексема имеет нерегулярные формы, которые отражены в словаре; довольно часто регулярный разбор предлагается лексемам, которые во многих языках имеют нерегулярные основы и синкретичные формы, такие как личные местоимения, связки и т. п.; (б) «артефактные» разборы, когда парсер генерирует последовательность морфем, недопустимую в языке; (в) разбор потенциально возможен, однако, такой формы не существует, либо она крайне маловероятна в языке для восстановленной парсером леммы (исходной формы).

Примером случая (а) может служить маркирование множественного числа существительных в даргинских языках. Помимо большого количества регулярных аффиксов существуют нерегулярные формы, отраженные в словаре. Возможны два решения: завести в словаре парадигм дополнительные парадигмы на каждый нерегулярный случай множественного числа. Такое решение, однако, а) породит большое количество непродуктивных парадигм, б) не исключит приписывание словоформе регулярного анализа. Таким образом, этот случай требует постредактирования. Для решения задачи был разработан специальный модуль постредактирования, удаляющий неправомерные регулярные разборы.

При разработке парсера учитывались порядковые модели словоформ, относящихся к разным частям речи (что особенно важно для анализа агглютинативных языков). Однако невозможно предусмотреть все потенциальные последовательности, которые может породить парсер. В результате, парсер сгенерировал ряд последовательностей морфем, которые невозможны в литературном даргинском (случай б). Например, он предлагал именные глоссы после основы оптатива. Выявленные недопустимые цепочки морфем были учтены при модификации парсера.

Случай (в) требует специального экспертного исследования, что не представляется возможным для словаря объемом более 400000 словоформ (ср., например, в русском анализ словоформы «при» как повелительного наклонения для глагола «переть»).

Высокая степень омонимичности за счет маловероятных переводов и разборов

Случай (3) предполагает некоторую экспертную оценку вероятности того или иного разбора, что трудозатратно, и даже при разработке больших национальных корпусов таких, например, как НКРЯ, требует нескольких лет работы большой команды экспертов. Мы составили частотный словарь по корпусу, разобрали вручную 100 самых частотных словоформ и удалили маловероятные разборы. Однако даже после такой ручной обработки оказалось невозможным снять омонимию для некоторых самых частотных словоформ. Так, словоформа 'са-б-и' имеет 4 разбора: может являться связкой или местоимением, классный показатель внутри словоформы соответствует либо неодушевленному классу, либо множественному одушевленному. Относительная частота этой словоформы в газетном корпусе составляет примерно 1,6%, а в сказках она достигает 9–10 %. В результате, в сказках степень омонимичности достигает 3 разбора на словоформу.

Также омонимичные разборы характерны для форм указательных местоимений, других связей, некоторых форм личных местоимений.

Отсутствие разбора для основ из словаря

Во-первых, в литературном даргинском, как и во многих других дагестанских языках широко представлены частицы, которые свободно клитизируются к словоформам и на письме пишутся слитно с такой словоформой (ср., например, ассоциативную частицу 'ра' – 'и', в газетной части корпуса словоформы с частицей составили 4–5 %). В грамматиках не приводится исчерпывающий список таких частиц. Он расширяется в результате итеративного тестирования результатов работы парсера. Тестирование также показало, что следует иметь расширяемый список показателей, специализированных конвербов со значением времени, причины и т. д. Так, например, в словоформе кьулбас-б-ар-и-ли-хьалли – 'STEM-N-STEM-AOR-CVB-ALTHOUGH' показатель конверба уступки '-хьалли' присоединяется непосредственно к деепричастию.

Еще один случай неразобранных словоформ, это случаи регулярной словообразовательной деривации, когда лексема с таким словообразовательным показателем не приведена в словаре. Во-первых, это случай с каузативным показателем в глаголе, во-вторых, случай с отрицательной морфемой. В первом случае, каузативный показатель присоединяется к глагольной основе справа по регулярным правилам. Соответственно этот случай был добавлен в парсер. На данный момент около 2% словоформ разбирается как глагольные формы с каузативным показателем. Аналогичная ситуация с основой 'агар' – 'без, не имеющий'. Она достаточно свободно добавляется к именным основам. Однако оказалось невозможным добавить простым правилом отрицательную морфему -hle-, которая может занимать разные позиции в словоформе. Она не только может занимать позицию после основы в словоформе, но и располагаться вначале словоформы. либо между двумя основами.

В даргинском, как и в других дагестанских языках, распространен такой тип словообразования, как сложные глаголы. Очень продуктивен способ образования, когда к именной, наречной или глагольной основе присоединяется основа 'легкого' глагола, например, б-ар-ес 'N-делать-INF'. В подкорпусе на 7 млн. словоформ приходится около 400 тыс. словоупотреблений (около 4 тыс. различных лексем) с двумя основами, большинство из которых сложные глаголы. Безусловно, далеко не все такие глаголы попали в словарь (ср., например, глагольную словоформу "халтіби-рули" – 'возня, копошение + делать' или шин-агар-бирули 'вода+без+делать'). Интерес для исследования представляют случаи, когда даргинские морфемы присоединяются к русским основам (а нередко и к полным русским лексемам). Новые глаголы свободно образуются от инфинитивов русских глаголов: 'автоматизироватьбарибси', 'аттестоватьбарибти', 'монополизироватьбарес' и др.

Регулярная морфемная омонимия

Как и в других языках, в даргинском присутствует регулярная морфемная омонимия. Например, классный показатель для неодушевленного класса совпадает с показателем множественного числа для класса одушевленных существительных.

Заключение

Таким образом, мы рассмотрели различные случаи проблем морфологического парсинга для даргинского языка. Часть из них относится к общим проблемам морфологического анализа, основанного на правилах, часть объясняется спецификой агглютинативных языков. Ряд случаев связан с морфологическими особенностями дагестанских языков.

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ №22-28-01648. Авторы также приносят благодарности всем членам группы, участвующим в создании электронных ресурсов для даргинских языков.

Литература

Архангельский Т.А. Принципы построения морфологического парсера для разноструктурных языков: дис. ... канд. филол. наук / Т.А. Архангельский. – М., 2012. – 24 с.

Архангельский Т.А. Корпусная платформа Tsakorpus и языки России / Т.А. Архангельский // Электронная письменность народов Российской Федерации-2021 & IWCLUL 2021: Материалы Международной науч.-практ. конф. (21–23 сентября 2021 г.). – Сыктывкар, 2021. – С. 23–24.

Синтаксическая структура в оценке качества англоязычных и русскоязычных новостных заголовков

синтаксис, компьютерная лингвистика, оценка текста

Данное исследование выполнено в рамках лингвистической концепции, предложенной И.А. Мельчуком, согласно которой язык является многоуровневой моделью преобразований смысла в текст и обратно [Mel'suk 2015]. Отличительной особенностью этой теории является использование синтаксиса зависимостей. Синтаксическая концепция ТСТ (Текст-Смысл-Текст) выводится из структуры толкования, в которой задается модель управления лексемы и перечисляются ее сочетаемостные свойства.

Гипотезой исследования является предположение, что в новостных заголовках на русском и английском языках используются синтаксические структуры с устойчивыми связями и зависимостями лексем внутри них, характерные именно для заголовков.

Если данное предположение верно, то, анализируя синтаксическую структуру некоего случайного заголовка, мы можем соотнести ее с частотой и характером использования сходных синтаксических структур в ранее опубликованных заголовках, и, таким образом, увидеть, использовались ли подобные структуры ранее и как часто.

На основе этих данных можно вынести оценку частоты использования, которая должна стать основой оценки качества текста. В случае, если синтаксическая структура заголовка ранее никогда не использовалась, его можно назвать некачественным, то есть неэффективным в плане воздействия на аудиторию.

Еще одним предметом рассмотрения в данном исследовании является сравнение синтаксических структур русскоязычных и англоязычных заголовков. Например, какой частью речи выражено сказуемое (в русском языке это обычно глагол, в английском более часто встречаются другие варианты).

Для анализа заголовков на английском языке использовался датасет Kaggle News Category Dataset [News Category Dataset], включающий 210 тысяч заголовков издания HuffPost, опубликованных в период с 2002 по 2022 г.

Для анализа общих показателей использовался весь массив данных, для анализа частотности синтаксических структур анализ выборок по наиболее распространенным группам (размер выборки 2%).

В качестве инструмента анализа текстов на английском языке была использована библиотека *spacy*, модель *en_core_web_lg* (514k keys, 514k unique vectors) [SpaCy 101].

Для анализа заголовков на русском языке использовался датасет РИА Новости [RossiyaSegodnya/ria_news_dataset], в него входят 1,003 млн новостных заголовков с 2010 по 2014 г.

Инструмент для анализа: библиотеки проекта Natasha [Natasha]. Выборка также составила 2% случайных заголовков.

Рассмотрим, какой частью речи чаще всего выражено значение *root* в предложении (слово, которое связано со всеми словами в предложении и не имеет подчинения).

Для выполнения данной задачи был проведен синтаксический разбор обоих наборов данных (см. табл. 1).

Таблица 1

Частеречная принадлежность *root* новостных заголовков

	Английский язык			Русский язык		
	Tag	Количество	Процент	Tag	Количество	Процент
1	VERB	94 541	45,12 %	VERB	825 944	86,03 %
2	PROPN	52 693	25,15 %	NOUN	94 163	9,81 %
3	NOUN	36 670	17,50 %	ADJ	33 280	3,47 %
4	AUX	20 508	9,79 %	ADV	4 001	0,42 %
5	остальные	5 115	2,44 %		2 725	0,28 %

Как видно из таблицы 1, наиболее часто встречаемое значение *root* – это глаголы. Причем в русскоязычных заголовках это более выраженная особенность. Также встречаем существительные и имена собственные. В англоязычных заголовках вероятно также можно отнести к глаголам вспомогательные глаголы.

Некоторые формальные особенности организации заголовков можно обозначить уже на данном этапе исследования. Например, если значение *root* в заголовке не существительное и не глагол, то, с большой долей вероятности, текст не является качественным.

Всего на 1 млн заголовков было получено 52 типа связей по признаку части речи корня дерева (ориентированного асимметричного графа), и количества связей корня. Причем большая часть синтаксических структур (часть речи – связь – часть речи) приходится на первые 10 вариаций (97%) в русском языке и 76 % в английском (см. табл. 2).

Для компактности изложения представим таблицу по частям речи, и количеству связей, которые составляют более 1 % от общего числа.

Таблица 2

Связи по признаку части речи корня дерева
и количества связей корня

Русский язык					Английский язык			
	Root	связей	кол-во	процент	Root	связей	кол-во	процент
1	VERB	2	388 440	40,46%	VERB	3	31 116	14,87%
2	VERB	3	280 171	29,18%	VERB	2	25 779	12,32%
3	VERB	4	94 269	9,82%	VERB	4	20 024	9,57%
4	NOUN	1	50 455	5,26%	PROPN	3	18 082	8,64%
5	VERB	1	37 479	3,90%	PROPN	2	14 481	6,92%
6	NOUN	2	30 205	3,15%	NOUN	2	14 150	6,76%
7	VERB	5	21 201	2,21%	PROPN	4	10 514	5,02%
8	ADJ	2	16 550	1,72%	NOUN	3	10 466	5,00%
9	ADJ	3	9 087	0,95%	VERB	5	8 684	4,15%
10	NOUN	3	8 675	0,90%	AUX	3	7 053	3,37%

Всего в данной выборке установлено 1170 уникальных схем для русского языка и 694 для английского, первые распределены очень нелинейно, вторые более плавные. Самая распространенная схема в русском языке имеет вид глагола с двумя связями:

root	dep	pos
VERB	nsubj	NOUN
VERB	obj	NOUN

Заголовки типа

• **медведев утвердил перечень** товаров и услуг для гуманитарной помощи

• **дирекция ржд начала благоустройство** привокзальных площадей москвы

• **власти японии организуют церемонию** памяти жертв цунами

Аналогичную структуру (только более расширенную) имеют и случаи 2,3,5 из Таблицы 2 (русский язык).

Небольшое число вариаций синтаксических схем, а также частотность их применения однозначно говорит о том, что предлагаемый подход может быть заложен в основу анализа и оценки качества заголовка.

В англоязычных заголовках 694 уникальные схемы, однако распределены они без значимых перекосов, самые распространенные схемы не набирают 3 %, частотность использования значительно более пологая нежели в русскоязычных заголовках.

Самая распространенная схема (2,54 %) имеет вид глагола с двумя связями:

root	dep	pos
VERB	dobj	PROPN
VERB	nsubj	PROPN

Вторая по распространенности – такая же схема, но вместо имен собственных следуют существительные. В целом данная характеристика очень близка к синтаксической структуре на русском языке.

- Iraqi Forces Capture Islamic State's Last Stronghold In Northern Iraq
- North Korea Rejects 'Illegal And Unlawful' UN Sanctions
- Sarah Silverman Spots The Saddest Part Of Rudy Giuliani's Cameo Money Grab

Исследование не предложило готовых решений по оценке заголовков, однако данные показывают, что есть четкие структурные зависимости, дальнейшее исследование которых позволит сформулировать правила оценки качества текста по структурным синтаксическим признакам.

Литература

Mel'cuk, Dependency in Language (2015). – URL: https://www.researchgate.net/publication/304194711_Dependency_in_Language (дата обращения: 30.11.2023).

Natasha. – URL: <https://github.com/natasha/natasha> (дата обращения: 30.11.2023).

News Category Dataset. – URL: <https://www.kaggle.com/datasets/rmisra/news-category-dataset> (дата обращения: 30.11.2023).

RossiyaSegodnya/ria_news_dataset: "Rossiya Segodnya" news dataset. – URL: https://github.com/RossiyaSegodnya/ria_news_dataset (дата обращения: 30.11.2023)

SpaCy 101: Everything you need to know. – URL: <https://spacy.io/usage/spacy-101> (дата обращения: 30.11.2023).

RossiyaSegodnya/ria_news_dataset: "Rossiya Segodnya" news dataset. – URL: https://github.com/RossiyaSegodnya/ria_news_dataset (дата обращения: 30.11.2023)

Universal Dependencies. Syntax: General Principles – URL: <https://universaldependencies.org/u/overview/syntax.html> (дата обращения: 30.11.2023).

Корпусный анализ трансляции идеи миротворчества в англоязычном новостном дискурсе

*корпус текстов, новостной дискурс, корпусная лингвистика,
миротворческий дискурс*

Эффективность использования корпуса как инструмента исследования в лингвистике в настоящее время не оспаривается, несмотря на то что немногим больше двадцати лет назад Н. Хомский выразил свое отрицательное отношение к корпусной лингвистике и созданию баз языковых данных (“Corpus linguistics doesn't mean anything. Maybe the sciences should just collect lots and lots of data and try to develop the results from them. Well if someone wants to try that, fine”) [The Master]. Корпусная лингвистика по-прежнему предмет научных споров, строящихся вокруг самой сути корпусной лингвистики и различных подходов к корпусу как таковому. В рамках подхода *corpus-as-output*, корпус представляет собой образец использования языка определенной группой говорящих, являющейся репрезентативной для некоторого речевого сообщества, что по мнению А. Стефановича, служит как бы образцом коллективной речевой деятельности, сгенерированной на основе индивидуальных языковых репрезентаций в умах этих представителей (здесь и далее перевод мой. – О.Ч.) [Stefanowitsh 2017: 103]. Корпус аккумулирует огромный объем информации, обеспечивающей формирование знаний о мире, который представляет собой «очень сложный и многоступенчатый процесс переработки поступающего извне опыта» [Авербух 2018: 16]. С этой точки зрения корпус англоязычных новостных текстов NOW, основывающийся на территориально различных источниках текстов, позволяет не только установить частотность употребления тех или иных языковых единиц и отличительные особенности их коллокаций, но установить языковые стратегии, метафоры и мотивы, используемые журналистами и спикерами, которые отражают их взгляды на мир [Flowerdew]. Корпус регистрирует документально подтвержденные употребления языка, и создаваемая таким образом база данных служит полем для неограниченного числа исследований, которые, в том числе, могут отталкиваться от интуиции лингвиста.

Сведения о частотности и конкорданс, дающий возможность увидеть слово в контексте заданной протяженности, создают поле для количественного и качественного лингвистического анализа.

Работа с корпусом в рамках лингвистического исследования позволяет соединять собственно «корпусно ориентированный метод <...> с

критическим дискурс-анализом. Первый позволяет выделить то, что выражено в дискурсе эксплицитно, в то время как второй выходит за пределы рассматриваемого корпуса с целью погружения анализируемого явления в социальный, культурный или исторический контекст» [Анашкина 2021: 33].

Корпус англоязычных новостных текстов NOW [NOW Corpus] представляет собой ежедневно обновляемую базу данных, аккумулирующую языковые сведения из текстов, размещенных в цифровых средствах массовой информации двадцати стран. На данный момент он содержит 18, 1 миллиардов слов. Для лингвиста-исследователя серьезным преимуществом работы с этим корпусом является то обстоятельство, что в регистрируемых сведениях происходит синхронизация «языковых, когнитивных и культурных тем» [Chupryna 2022: 123]. Как отмечают исследователи, «частотность позволяет определить основные темы анализируемого корпуса» [Суворина 2018: 67]. Объем сведений, содержащихся в этом корпусе, способствует формированию представления о масштабе «информирования широких слоев населения о внешнеполитических событиях» [Викулова 2016: 55] и происходящем в их стране.

Предметом данной статьи является репрезентация англоязычного миротворческого дискурса в корпусе NOW (News On Web). Объектом – лексемы *peacebuilding* и *peacemaking* как ключевые наименования в данном дискурсе.

Миротворчество как идея и как действие никогда не утрачивали своей значимости и стали насущной потребностью нынешнего времени. Исследователи подчеркивают, что «идеи защиты мира, политического диалога, ненасильственного урегулирования международных и внутренних конфликтов приобрели сегодня архиважное значение» [Громова 2014: 69]. Понимание миротворчества не нашло отражения в едином и бесспорном определении. Как отмечается в документах Организации Объединенных Наций, «there are many possible definitions of peacebuilding and varying opinions about what it involves» [United Nations]. Там же указывается, что границы между *peacebuilding*, *peacemaking* и *peacekeeping* существенно размыты: “The boundaries between conflict prevention, peacemaking, peacekeeping, peacebuilding and peace enforcement have become increasingly blurred” [United Nations]. Если сопоставить имеющиеся определения этих трех слов, то становится очевидным, что семантическая близость первых двух из них обусловлена такими общими компонентами значения, как *conflict* и *measures*. Различие между ними заключается в том, что *peacebuilding* обозначает действия, нацеленные на предотвращение конфликта (“measures targeted to reduce the risk of lapsing or relapsing into conflict” [United Nations]), то есть слово соотносится с начальной фазой процесса *конфликт/война* ↔ *мир*. Что касается *peacemaking*, то это слово соотносится с фазой развития обозначенного процесса (“measures to address conflicts in progress” [United Nations]). Третья лексема *peacekeeping* не рассматривается в данной статье, поскольку ее

значение эксплицируется в составе близких, но тем не менее ограниченных коллокаций (*peacekeeping operations/forces*).

Статистические данные, приводимые в корпусе NOW, свидетельствуют о преобладании употреблений лексемы *peacebuilding* над употреблением *peacemaking*: 6587 обращений против 3165 соответственно. Объяснение, которое как бы «лежит на поверхности», сводится к предположению о том, что ситуации по снижению риска возникновения или возобновления конфликта значительно чаще становятся новостной ценностью, нежели меры, направленные на завершение конфликта.

Корпус отражает динамику употребления *peacebuilding* в границах 2010–2023 гг. Из приводимых в корпусе данных видна флуктуация частотности данной лексемы: 0,16 обращений на миллион в 2010 г., падение в 2011 г. до 0,12, рост в 2013 г. до 0,44, затем рост и падения на протяжении последующих девяти лет. В 2020 г. зафиксирован максимальный рост этого показателя – 0,62 обращений на один миллион слов. Если сопоставить данную статистику со сведениями относительно динамики встречаемости лексемы *peacemaking* в цифровом новостном дискурсе, то обнаруживаются расхождения в хронологических пиках и спадах обращений к *peacebuilding* и *peacemaking*. Пиковое значение обращений к первой лексеме приходится на 2020 г., ко второй – на 2010 г.

Статистика употреблений по странам демонстрирует самое большое число обращений к лексеме *peacebuilding* в новостном дискурсе Шри-Ланки – 2.21 на миллион слов (для сравнения – 0.11 в американском и канадском новостных дискурсах). Численный показатель служит адекватным отражением в новостном дискурсе социально-политических ситуаций, связанных с миротворческими проблемами в этой стране. Межэтнический конфликт в Шри-Ланке, латентно и открыто длившийся продолжительное время, «превратился из чисто локального события в явление с высокой степенью интернационализации и вовлеченности в него <...> большого числа иностранных участников» [Вильнин 2017: 3]. В мирном разрешении сингало-тамильских противоречий участвуют международные организации и такие страны, как Индия и США [Там же], что с экстралингвистической точки зрения объясняет столь значительную долю обращений к лексеме *peacebuilding* в ланкийском цифровом новостном дискурсе. Вовлеченность международных организаций в урегулирование противоречий отражается в корпусе NOW в фиксировании официальных названия организаций, в составе которых присутствует слово *peacebuilding*: *United Nations Peacebuilding Fund, Departments of Political and Peacebuilding Affairs and Peace Operations, Peacebuilding Support Office, Peacebuilding Commission*. Согласно статистике, приводимой в данном корпусе, ланкийский новостной дискурс демонстрирует самую высокую по сравнению с другими странами частоту обращений к названию *Peacebuilding Fund* – 0,26.

Лексема *conflict*, как показывает NOW корпус, является самым частотным коллокатом, расположенным на третьей позиции слева от лексемы *peacebuilding*, что справедливо соотносится с соответствующим компонентом значения этого опорного слова. Самыми частотными коллокатами в постпозиции к слову *conflict* оказываются лексемы *prevention* (98 обращений в 94 текстах) и *resolution* (43 обращения в 42 текстах). Они образуют устойчивые коллокации *conflict prevention and peacebuilding*, *conflict resolution and peacebuilding*, соотносящиеся с такой моделью экстралингвистической ситуации, в которой имеют место три стадии процесса *конфликт/война ↔ мир: prevention → resolution → peacebuilding*. В новостном дискурсе Шри-Ланки корпус зарегистрировал 6 вхождений *conflict prevention and peacebuilding* в 6 текстах и 2 вхождения *conflict resolution and peacebuilding* в 2 текстах.

В разделе *Chart* видно, что фраза *conflict prevention and peacemaking* была зафиксирована только в 2018 и 2019 г. с абсолютной частотой 1 при общем объеме слов 1,569.1 и 1,987.5 миллиардов соответственно. Данный факт можно рассматривать как языковую погрешность, поскольку составляющие данную лексическую последовательность единицы – *conflict prevention* и *peacemaking* – соотносятся с принципиально различными фазами процесса развития противоречий и столкновений. Абсолютная частотность лексической последовательности *conflict resolution and peacemaking* в 2014 г. составила 2, в 2020–2022 гг. – 1 в каждом.

Литература

Авербух К.Я. Культурная память слов как проявление языковых знаний о мире / К.Я. Авербух, Л.Г. Попова, Л.М. Шатилова // Инновационное развитие науки и образования: монография / Под общ. ред. Г.Ю. Гуляева. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. – С. 15–22. – EDN YRXMWD.

Анашкина И.А. Корпусно ориентированный метод дискурс-анализа (на материале английского языка) / И.А. Анашкина, И.И. Конькова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2021. – № 2. – С. 30–42. – DOI 10.15593/2224-9389/2021.2.3. – EDN HFJJRG.

Вильнин К.А. Межэтнический конфликт в Шри-Ланке: влияние на систему отношений в регионе Южной Азии: автореф. дис. ... канд. полит. наук / К.А. Вильнин. – М., 2017. – 33 с.

Викулова Л.Г. Институциональный дискурс цифровой дипломатии: новые коммуникативные практики / Л.Г. Викулова, И.В. Макарова, Н.В. Новиков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2016. – Т. 15, № 3. – С. 54–65. – DOI 10.15688/jvolsu2.2016.3.6. – EDN WYHKTH.

Громова Е.А. Идеи миротворчества в отечественной философии начала XX века / Е.А. Громова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 11–2 (49). – С. 69–71. – EDN STAILN.

Суворина Е.В. Применение Google N-grams в когнитивных исследованиях / Е.В. Суворина // Три «Л» в парадигме современного гуманитарного знания: лингвистика, литературоведение, лингводидактика: межкафедральный сборник научных статей / Московский городской педагогический университет; науч. ред. К.М. Баранова, О.Г. Чупрына, сост. и отв. ред. О.Я. Федоренко. – М.: Общество с ограниченной ответственностью «Диона», 2018. – С. 67–70. – EDN YQLEBF.

Chupryna O.G. Social and Cultural Values in American Web-Based Discourse / O.G. Chupryna, K.M. Baranova // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics. – 2022. – No. 4. – P. 122–130. – DOI 10.18384/2310-712X-2022-4-122-130. – EDN OCEVXT.

Flowerdew L. Corpus-based discourse analysis / L. Flowerdew // Routledge Handbook of Discourse Analysis. – Editors: J.P. Gee & M. Handford. – London: Routledge, 2012. – P. 174–187. – URL: <https://edisciplinas.usp.br/pluginfile.php/7> (дата обращения: 01.10.2023).

The Master and His Performance: An Interview with Noam Chomsky. January 2004; Intercultural Pragmatics 1(1): 93–111. DOI:10.1515/iprg.2004.009. – URL: <http://corpora.lancs.ac.uk/clmtp/main-2.php> (дата обращения: 01.10.2023).

NOW Corpus. – URL: <https://www.english-corpora.org/now/> (дата обращения: 01.10.2023).

Stefanowitsch A. The Corpus-Based Perspective on Entrenchment / A. Stefanowitsch, S. Flach // Entrenchment and the Psychology of Language Learning: How We Reorganize and Adapt Linguistic Knowledge, edited by Hans-Jörg Schmid. – Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2017. – P. 101–128. – DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110341423-006>

United Nations. – URL: <https://peacekeeping.un.org/en/terminology#:~:text=Peacemaking%20generally%20includes%20measures%20to,the%20resolution%20of%20the%20conflict.> (дата обращения: 21.10.2023).

Some issues on creating semantic fields of specific domain Ontology for Uzbek

ontology, medicine, terminology, natural language processing, paradigmatic relation, syntagmatic relation, hierarchical classification, semantic field

Ontologies (NLP) are closely related to artificial intelligence, computer science and linguistics. Ontologies provide a clear and formal way to interpret, integrate, and share information that supports natural language understanding. Natural language understanding is useful in various fields, such as: information retrieval (IE), machine translation (MT), question answering (QA), etc. [Alatrish et al. 2016: 624]. Therefore, the development of software tools to support ontology and the Semantic Internet has accelerated. One of the main goals of creating an ontology is to provide the possibility of automatic thinking [Кибернетическая 2012]. Therefore, the main focus should be on creating a hierarchy of domain concepts and defining the main types of relationships.

Hierarchical classification of lexical units

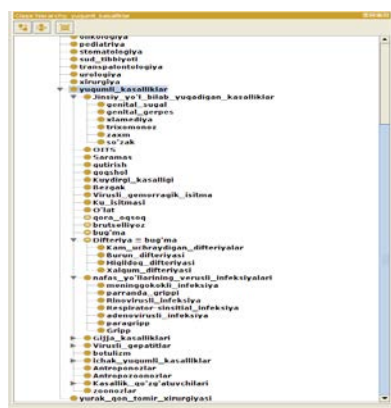
Hierarchical classification of domain terms begins with the definition of classes and class hierarchies. There are several approaches to developing a class hierarchy.

1. The process of top-down development begins with the identification of the most general concepts of the subject area and concretization of concepts;
2. The process of bottom-up development begins with the identification of the most specific classes, the leaves of the hierarchy, and then the grouping of these classes into general concepts is carried out.
3. The combined development process is a combination of top-down and bottom-up approaches. In this, well-known concepts are first identified and then they are generalized and limited accordingly.

None of these three methods is better than the others. The choice of approach depends largely on the subject area. Because the subject area being developed may tend to be top-down or more suited to a bottom-up approach.

The units of the medical field are also a certain hierarchy, and this creates a hierarchy from top to bottom. From top to bottom, the hierarchy begins by finding the largest, main class, and its internal branches are identified. Medicine as a field is the basis of a large hierarchical group, and subclass. As units of the hierarchy, and as all its internal areas: Andrology, Gastroenterology, Gynecology, Dietology, Immunology, Allergology, Infectious Diseases, Cardiology, Cosmetology, Mammology, Narcology, Psychiatry, Proctology, Pediatrics,

Orthopedics, Oncology, Psychology, Pulmonology, Rheumatology, Dentistry, Urology, Nephrology, Endocrinology, etc.

Diseases: Anthroponoses, Zoonoses, Anthropozoonoses;

- Extremely dangerous diseases (treatment measures are useless, chances of recovery are very low)
- Dangerous diseases (treatment is difficult, but the patient can recover)
- Non-dangerous diseases (not life-threatening, not fatal)
- Mild diseases (adapted in the human body, safe for life)

Zoonoses are diseases occurring in animals;

When discussed about field theory in linguistics, it is necessary to pay attention to the semantic structure and semantic relations of language units. Algorithms that are established using the semantic meaning of words and phrases in automatic text processing are not directly separated from syntactic relations. Semantic relations in the language can be called meaning relations. Semantic relations are stable, contradictory and infinitely variable. This is due to the fact that language units have stable (in their meaning) and additional meanings (the meanings of the word in use) at the same time.

Semantic field is a set of lexemes whose meaning is interrelated. The term semantic field is also known as word field, lexical field, meaning field, and

semantic system. Semantic fields can be classified in many ways, mainly depending on the relationship between their constituent elements, several groups of semantic fields have been identified:

1) open semantic field – we can always add new terms to this field. For example, *karantin, covid 19, pandemiya*;

2) semantic field of antonyms – *kasal-sog'lom*;

3) semantic field of homonyms – observation of homonymy among medical units is a rare phenomenon, so we found it appropriate to take the following as homonyms.

Mutation I: (Latin: mutare – "change, exchange") is a change in the base pairs of the genetic material of organisms. Mutation can be caused by an error in the transfer of genetic material during cell division, ultraviolet or ionizing radiation, chemical mutagens, viruses, or processes that occur under cellular control (eg, hypermutation). Mutation is essentially a change in genetic material. A mutation observed in organisms is sometimes harmful and is characterized by a violation of some function of the organism. Mutations are caused by a number of external and internal factors, as mentioned above. Mutations occur all the time in nature and are considered to be the primary driver of evolution.

Mutation II: (change) is a sudden natural or artificial genetic change of the genetic material that leads to a change in one or another characteristic of an organism.

Mutation III: Changes in the voice of pubescent boys. At the same time, this term has its own forms in the field of musical art and notes its relevance in this field. Their meaning is as follows:

Mutation IV: Transition from Hexagram to Another in Medieval European Music Theory.

Mutation V: change of instruments during orchestra performance.

Adaptation (lat. adaptatio – adaptation) – 1) adaptation of the organism to different living conditions; 2) it is used in the sense of a change in the level of sensitivity of the sense organs as a result of adaptation to the stimuli affecting them.

4) semantic field of synonyms – *kasallik, betoblik, xastalik; animiya, kamqonlik; belongi, bel og'rig'i, lyumbago; botkin kasalligi, verusli gepatit, yuqumli sariq kasallik; brutsellioz, mal'ta isitmasi, qora oqsoq; venerik kasalliklar, tanosil kasalligi, zuhroviy kasallik, (OITS); giyohvandlik, narkomaniya, bangilik*.

5) associative semantic field;

6) interdisciplinary semantic field – in this field, we tried to express the relationship of medical units with concepts in other fields, and we used the following examples.

Assimilation (in biology) (Latin: assimilatio – assimilation, assimilation, assimilation) is a part of the metabolism characteristic of living organisms, the formation of complex substances necessary for the organism from substances obtained from the external environment. Assimilation is one of the most basic features of life. In the process of assimilation, the accumulation of substances

used as a source of energy for the growth, development and renewal of the organism is ensured. From the point of view of thermodynamics, organisms are open systems that receive energy from the external environment. Sunlight is the primary source of energy for living organisms.

Assimilation (ethnography) – 1) similarity, identity, joining, assimilation; 2) a nation's own language, culture, traditions, etc.

Assimilation (petrography) is the process of assimilation of other rocks around the magma.

Assimilation (in linguistics) – one sound becomes similar to it under the influence of another sound or acquires uniformity, for example, without salt.

Agglutination (in medicine) lat. agglutination – adhesion – in medicine, particles, bacteria, red and white blood cells (erythrocytes and leukocytes) and other cells stick to each other under the influence of agglutinins (blood serum). They are accumulated in various diseases of the body and during the formation of immunity. For example, if experimental animals are vaccinated against perspiration, and the serum obtained from them (immune serum) is exposed to an environment containing microbes of perspiration, the microbes stop moving and sink to the bottom. Serological reactions used to determine blood group and check some infectious diseases are based on agglutination.

Agglutination (in linguistics) – in languages, the formation of a new word or grammatical form by adding affixes with a grammatical and derivational meaning to the root of the word. Affixes are unambiguous, that is, each of them represents one grammatical meaning, and the same affix serves to express this meaning. Vowel sounds can undergo phonetic changes depending on the sound composition of the base. In addition, consonants also change when morphemes are added. But this change is subject to a purely phonetic rule specific to a particular language. This situation can be observed in Turkic languages, Finno-Ugric languages. Agglutination is evident in agglutinative languages according to morphological description. For example, in the Uzbek word "to writers", *yaz* is the root (meaning to write), *-uv* is a word-forming suffix (meaning the name of an action), *chi* is a word-forming suffix (meaning a personal noun), *lar* is the plural suffix, *ga* - agreement suffix; the next two adverbs are modifying adverbs.

We all know that lexemes are associated with certain groups in the human mind. The reason for this is that words have the ability to combine concepts that are related to each other in the linguistic mind. When talking about a concept, other concepts related to it are also perceived.

For example, *zoonozlar* – *o'lat*, *kuydurg'i*, *quturish*, *brutsellyoz*, *tulyaremiya*, *meliodoz*, *erizipeloid*, *leptospiroz* and a group of other diseases appear in our mind.

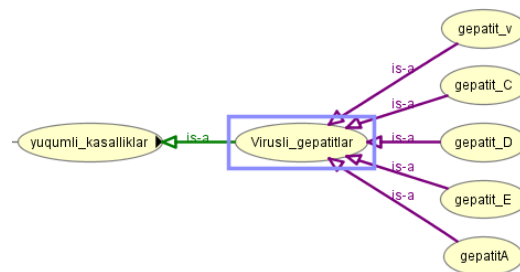

Figure 2. Representation of the semantic field in OWLviz

Above (Fig. 2) several types of viral hepatitis disease belonging to the class of infectious diseases are expressed. Here, too, it will be possible to see the semantic field expressed on the basis of nesting. After the analysis of semantic relations between lexical units, the following results can be realized in Protégé technology (Fig. 3):

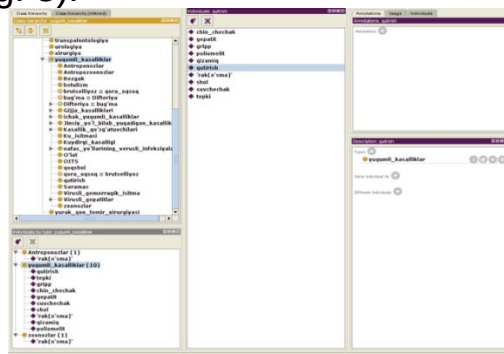

Figure 3. Results
References

Abdurakhmonova N. The bases of automatic morphological analysis for machine translation / N. Abdurakhmonova // *Izvestiya Kyrgyzskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. – 2016. – Vol. 2 (38). – P. 12–7.

Abduraxmonova N.Z. Linguistic support of the program for translating English texts into Uzbek (on the example of simple sentences): Doctor of Philosophy (PhD) il dis. aforef. / N.Z. Abduraxmonova. – 2018.

Alatrish E.S. Building ontologies for different natural languages / E.S. Alatrish, D. Tosic, N. Milenkovic // *Computer Science and Information Systems* (2016 on 15 January). – N 11 (2). – P. 623–644.

Ontology of grammar rules as example of noun of Uzbek and Kazakh languages // Abstract of the VI International Conference “Modern Problems of Applied Mathematics and Information Technology – Al-Khorezmiy 2018”. – Tashkent, Uzbekistan, 2018. – P. 37–38.

Кибернетическая педагогика: онтологический инжиниринг в обучении и образовании / К.А. Метешкин, О.И. Морозова, Л.А. Федорченко, Н.Ф. Хайрова. – Харьков: Харьковская нац. академия, 2012. – 208 с.

Новикова У.В. Теория поля в лингвистике / У.В. Новикова // *Научные труды КубГТУ*. – 2015. – № 10. – URL: <http://ntk.kubstu.ru/file/552> (accessed: 10.10.2023).

(Im)politeness in Interactions with ChatGPT

(im)politeness, human-machine interaction, Artificial intelligence, ChatGPT

Today, more and more people resort to Large Language Models (LLMs), namely ChatGPT, both at work and in communication. The growth of human-machine interactions has raised a number of concerns among lay users as well as researchers [Ribino 2023; Politeness 2022; Benotti, Blackburn 2016] regarding social norms, specifically (im)politeness, and their implications for human-machine interactions and people's communicative behavior. The major questions are whether humans have to communicate politely towards Artificial intelligence (AI) and what the reasons behind such a necessity might be. It is believed that politeness results in more effective communication with AI. In this introductory article I aim to probe whether exhibiting (im)politeness in prompts in ChatGPT affects the quantity and the quality of the responses.

LLMs are believed to have achieved advanced performance on a wide range of language tasks such as answering questions, translation, writing essays, and computer programs. Despite limitations, LLMs are deemed to expand their boundaries in natural language processing and evolve into more effective, socially competent, and trustworthy systems [ChatGPT 2023].

One of the ethical issues concerns the application of politeness norms in interactions with AI. It is believed that the use of polite language and tone, coupled with clarity and detail in prompts, helps generate respectful and collaborative responses [Microsoft 2023]. When AI detects politeness, it is likely to be polite back. What is more, some users of Twitter in an unofficial poll reported that they were nice to ChatGPT and found it somewhat difficult to be rude with it [Bayesianasian 2023]. The reason behind such communicative behavior towards a machine lies in the adoption of politeness norms aimed to preserve 'face' [Brown, Levinson 1987], originally suggested by E. Goffman and which is defined as "the positive social value a person effectively claims for himself by the line others assume he has taken during a particular contact" [Goffman 1967: 5]. Brown and Levinson proposed to distinguish between a negative face and positive face [Brown, Levinson 1987]. Although the concept of 'face' may not be particularly suitable for human-machine interaction as it is a characteristic of human verbal communication where each interlocutor maintains either their own or both their and the opponent's face, yet it appears to have a certain impact on the construction of the face of a human, asserting their positive social value in their own eyes in communication with a machine. Additionally, the CASA paradigm (computers as social actors), stating that humans tend to interact with machines in a similar way as they do in real-life interactions, may

also explain people's adherence to the same norms and strategies in human-machine interactions [Ribino 2023: 446].

As it has been mentioned, a polite tone is recommended to be used in prompts. I decided to ask ChatGPT a series of questions to test the assumptions related to the efficiency of the generated response depending on the use of politeness strategies by P. Brown and S. Levinson [Brown, Levinson 1987: 129–208] and impoliteness strategies (positive and negative impoliteness with such impoliteness formulae as personalized negative vocatives, personalized negative assertions and pointed criticism) proposed by J. Culpeper [Culpeper 2013: 134–136].

Answering the question on the importance of being polite with AI like ChatGPT, it responded that politeness “reflects a thoughtful and considerate approach to technology use”, which means that the use of polite language can have practical benefits, for instance, improved cooperation, positive human-machine interaction, and the encouragement of ethical behaviour. It stated that AI systems are tools created to assist and provide information, devoid of feelings or consciousness. Thus, politeness is primarily a consideration for human users and the overall user experience. The next step was to ask for a polite formula of a prompt for ChatGPT. The response was as follows: *“Hello [AI], could you please [request]?”*, *“Hello ChatGPT, could you please provide information on [topic]?”*. The formula includes a greeting, the name of the AI, a polite request with modals **‘can/could’** and the word **‘please’**, and the topic. In other words, it offers a user to resort to both positive (greetings and using names) and negative politeness (being indirect in a request). It also advises a user to provide context so that the AI understands the request better. At the same time, ChatGPT to the question *“Does the response differ if I don't include a greeting and a polite request with ‘can’ or ‘could’?”* replied that its response may not significantly differ from direct and less formal requests, however, their inclusion would foster positive and effective interaction. Again, it confirmed that AI does align itself with social norms and can enhance the user experience.

Nevertheless, I aimed to test whether ChatGPT generated different responses or not. To do so, I asked ChatGPT a question, ranging in the degree of (im)politeness, on how to improve listening skills, and resorted to both direct and indirect strategies. The quantity of responses did not show any stark differences: when answering my request, which used an order either with **‘please’** or without it (*“Tell me how to improve listening skills”*, *“Tell me how to improve listening skills, please”*), the number of responses was the same (10 suggested ideas). When the question was formulated with the help of a greeting and a request with **‘can’** (*“Hello Chat GPT! Can you please tell me how to improve listening skills?”*), the quantity of the responses did not differ either (10 suggested ideas). However, when a request contained a greeting, a modal **‘could’** and **‘please’** (*“Hello ChatGPT! Could you please tell me how to improve listening skills?”*) or the same variables but with the inclusion of **‘I was wondering’**, which increased the level of indirectness, hence, politeness (*“Hello ChatGPT! I was wondering if you could tell me how to improve listening skills.”*), or it was

an open-ended question (*"How can I improve listening skills?"*), the output constituted 12 suggested ideas.

Even though there is no current research which would thoroughly test the correlation between the level of politeness and the quantity of the output, there are some reports on users' experiences, stating that the output did exhibit certain differences. As far as the quality of the responses is concerned, the tips provided by the AI were, by and large, similar. For instance, when a prompt used **'can'** or **'could'**, the tips coincided in core content, though were worded fairly differently, and 3 more ideas in the prompt with **'could'** were added. When a request used a negative politeness strategy **'I was wondering if you could'**, 8 tips were the same as in the prompt with **could**, while 4 new ideas appeared. The prompt with **'could'** focused on being open and receptive, removing personal biases, as well as using non-verbal cues and focusing on the speaker's message, whereas the prompt with **'I was wondering if you could'** suggested being present, removing distractions, reflecting on one's own listening habits and taking listening challenges. Interestingly, the prompt with an open-ended question *"How can I improve listening skills?"* synthesized the responses from the previous requests, that is it kept some tips which were typical of all the three previous requests, but also added another advice. In the case with the direct question, ChatGPT only provided the answer to the question. However, if politeness strategies were used, for example, a greeting and an indirect request, it responded likewise, that is greeted you back, with **'Hello'**, adverbs **'certainly'**, **'of course'**, and a conditional sentence **'I'd be happy to provide information on ...'**. Thus, the use of polite prompts with **'could'** and **'I was wondering if you could'** and the prompt with an open-ended question provided more responses than the one with **'can'**, however, in terms of content they showed more similarities than differences. Moreover, the prompt with a direct question gave a generalized response of the previous three, which speaks in favour of clarity in prompts.

Further on, I wanted to check whether an impolite and rude request would affect the response. A direct request with an order (*"Tell me how to improve listening skills"*) was not much different in content from the requests with polite strategies. However, when a prompt contained a personalized negative vocative such as **'you jerk'** (*"You jerk, tell my how to improve listening skills."*), ChatGPT reacted to it with a polite answer, which, in fact, attended to my positive face (*"I'm sorry if you're feeling upset. I'm here to help."*), and gave the first tip linked to my emotional condition (*"Stay calm: If you're feeling frustrated, take a moment to calm yourself before engaging in a conversation. Emotional tension can hinder effective communication."*). The next prompt criticized the previous response and ordered ChatGPT to produce a new one (*"These tips are nonsense! Tell me what else can be done!"*). ChatGPT attended to my positive face again, responding with *"I'm sorry to hear that the provided tips didn't meet your expectations. Let's try to provide some additional practical suggestions"*. Indeed, the tips were more practical rather than abstract (take listening breaks, join a listening group, use technology, record and review conversations and

others). The last prompt, which used criticism, a negative question and a negative assertion (*"These tips are really stupid! Can't you be more specific? You don't do anything right!"*), did not receive a response. Chat GPT replied that it could feel the frustration and appreciated the feedback, but it needed more specific details to do its best with the response. So ChatGPT supports cooperative communication and does not appreciate blatant rudeness which degrades the quality and the quantity of the output.

Overall, exhibiting (im)politeness in prompts in ChatGPT seems to affect the quantity and the quality of the responses. Politeness sets the tone of the interaction and ensures that users save their own face in an interaction with AI and get a respectful and considerate response, which improves the user's experience and, presumably, AI's performance. In contrast, ChatGPT detects conventionalized impoliteness formulae, which may result in the refusal to provide a response.

References

Bayesianasian. Do you find it difficult to be rude to bots like ChatGPT? – 7:19 AM, February 20, 2023. Tweet. – URL: <https://twitter.com/etirabys/status/1627523326003363840?s=20> (accessed: 18.11.2023).

Benotti L. Polite Interactions with Robots / L. Benotti, P. Blackburn // *Robophilosophy*. – 2016. – P. 293–302.

Brown P. Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Culpeper J. Impoliteness. Using Language to Cause Offence / J. Culpeper. – Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2011.

Goffman E. Interaction ritual: Essays on face-to-face Behaviour / E. Goffman. – N.Y.: Doubleday, 1967.

ChatGPT for good? On opportunities and challenges of large language models for education / E. Kasneci, K. Sessler, S. Küchemann [et al.] // *Learning and Individual Differences*. – 2023. – Vol. 103. – 102274.

Politeness in Human-Robot Interactions: A Multi-Experiment Study with Non-Humanoid Robots / S. Kumar, E. Itzhak, Y. Edan [et al.] // *International Journal of Social Robotics*. – 2022. – N 14. – P. 1805–1820.

Microsoft. Why Using Polite Tone with AI Matters (2023). – URL: <https://www.microsoft.com/en-us/worklab/why-using-a-polite-tone-with-ai-matters> (accessed: 18.11.2023).

OpenAI (2023). ChatGPT 3.5. – URL: <https://chat.openai.com/> (accessed: 12.11.2023, 18.11.2023, 26.11.2023).

Ribino P. The Role of Politeness in Human-Machine Interactions: A Systematic Literature Review and Future Perspectives / P. Ribino // *Artificial Intelligence Review*. – 2023. – N 56. – P. 445. – P. 482.

АВТОМАТИЗАЦИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Блинова Екатерина Николаевна
Щербакова Ольга Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет
УДК 159.9.07, 159.95

Психологические и психофизиологические предикторы понимания иконических текстов

*иконический текст, чтение, понимание,
интеллектуальные способности, оculoмоторная активность*

Информационное пространство современного человека состоит преимущественно из таких текстовых материалов, формат которых претерпевает значительные качественные трансформации на протяжении последних десятилетий. На смену классическим вербальным текстам приходят поликодовые тексты [Ейгер, Юхт 1974], включающие в свой состав – помимо вербального повествования – компоненты иных семиотических систем: рисунки, аудио- и видеофрагменты, гиперссылки и пр. Описанные изменения в способах репрезентации информации приводят к необходимости адаптации навыка чтения к выполнению познавательных задач в новых условиях [Кружилина, Звягинцева 2021]. При этом, несмотря на активный интерес со стороны научного сообщества, вопрос о том, какие именно факторы важны для такого рода адаптации, остается открытым.

Для восполнения данного пробела нами было проведено экспериментальное исследование, направленное на выявление психологических и психофизиологических предикторов понимания *иконических* текстов – поликодовых текстов определенного типа, представленных совокупностью вербальных и иллюстративных элементов, которые выполняют смыслообразующие функции [Блинова, Щербакова 2021].

В эксперименте приняли участие 64 человека (81 % – женщины) в возрасте от 18 до 32 лет ($M = 21.4$). Процедура исследования состояла из четырех частей: 1) чтение участниками двух иконических текстов, различавшихся по двум параметрам: степени обобщенности описанной идеи (темы текстов: «Базовые асаны йоги» и «Равновесие Нэша») и наличию в тексте кросс-модального семантического конфликта – смыслового рассогласования между вербальным повествованием и его иллюстративным сопровождением, 2) выполнение блока проверочных заданий к каждому из текстов (тестирование включало 5 заданий разной степени сложности – от идентификации ранее предъявленных фрагментов материала до формулировки общей идеи текста), 3) выполнение вербальных (1–4) и невербальных (7–8) субтестов «Теста структуры интеллекта» Р. Амтхауэра и

4) заполнение анкеты, направленной на получение демографических данных респондентов и их субъективной оценки собственных предварительных знаний по темам текстов. В ходе первой части эксперимента – во время чтения текстов – велась запись окуломоторной активности участников с помощью айтрекера EyeLink 1000 + со следующими параметрами: монокулярный режим с фиксацией головы; линза 35 мм; частота обновления – 1000 кадров в секунду.

Для выявления психологических и психофизиологических предикторов понимания текстов был использован метод множественной линейной регрессии. В качестве зависимой переменной выступила сумма баллов, набранная участниками при выполнении всех проверочных заданий. В качестве независимых переменных (предикторов) были использованы переменные трех групп: 1) характеристики текста (степень обобщенности темы; семантическая согласованность текста), 2) психологические (когнитивные) характеристики испытуемых (вербальные способности; невербальные способности; предварительные знания по теме текста) и 3) паттерны окуломоторной активности испытуемых (время чтения; доля времени фиксаций на иллюстративных компонентах текста (в общей продолжительности фиксаций); количество зрительных переходов между вербальными компонентами текста и иллюстрацией; количество ментальных пауз (фиксаций высокой продолжительности, $t \geq Me * 1.5$); тип визуального анализа изображений (соотношение высоко- и низкоамплитудных саккад)).

По результатам проведения регрессионного анализа было обнаружено, что модель, учитывающая факторы всех трех групп, является оптимальной (в сравнении с моделями, учитывающими только одну или две группы предикторов) и предсказывает успешность выполнения испытуемыми проверочных заданий к текстам разного содержания ($F(10, 108) = 18.4$, $p < 0.001$), объясняя 60% дисперсии результатов ($R_{adj}^2 = 0.596$). Так, участники эффективнее выполняли тестовые задания к тексту конкретного содержания, чем абстрактного ($b = 3.149$, $p < 0.001$), и лучше справлялись с тестированием в тех случаях, когда материал был семантически согласован ($b = -0.911$, $p = 0.019$). Среди психологических предикторов понимания текста в качестве значимых были идентифицированы показатели невербального интеллекта респондентов ($b = 0.145$, $p < 0.001$) и их предварительных знаний по темам текстов ($b = 0.279$, $p = 0.047$). Психофизиологическим фактором, вносящим существенный вклад в результаты тестирования, оказалась доля времени, которое участники уделяли изучению представленных в тексте иллюстраций ($b = 11.253$, $p < 0.001$).

Полученные нами результаты согласуются с данными предшествующих работ, демонстрирующих более легкое усвоение конкретных понятий по сравнению с абстрактными (т. н. «эффект конкретности» [Paivio 1990]), негативное влияние семантической неконгруэнтности материала на последующую актуализацию изученной информации [Merkt, Schwan 2017] и

наличие позитивной взаимосвязи между уровнем предварительных знаний человека и результатами его обучения [Tracking 2013].

Кроме того, мы выявили специфические психологические и психофизиологические факторы, влияющие на успешность усвоения смысла текста читателями. Данные факторы – сформированность невербальных способностей человека и доля времени, потраченного им на изучение иллюстраций, – позволяют предполагать, что для полноценного понимания иконического текста читателю оказывается необходимо корректно считать семантику иллюстративных элементов текста и построить полную и точную ментальную репрезентацию прочитанного (базирующуюся как на вербальной, так и на иллюстративной составляющих материала).

Подводя итоги, можно заключить, что понимание иконических текстов является комплексным навыком, требующим не только умения эффективно оперировать вербальными элементами текста, но и развитых стратегий работы с графически представленной информацией, формирующихся на основе пространственных и образных компонентов интеллекта.

Литература

Блинова Е.Н. Когнитивные механизмы понимания вербальных и иконических текстов / Е.Н. Блинова, О.В. Щербакова // Психологический журнал. – 2021. – Т. 42. – № 1. – С. 66–79.

Ейгер Г.В. К построению типологии текстов / Г.В. Ейгер, В.Л. Юхт // Лингвистика текста: материалы научной конференции в МГПИИЯ имени М. Тореца. – М., 1974. – С. 103–109.

Кружилина Т.В. Поликодовые тексты как предмет исследования психолингвистики / Т.В. Кружилина, В.В. Звягинцева // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. – 2021. – № 1–2. – С. 291–298.

Merkt M. What you see is what you remember? Depictions of historical figures influence memory for historical facts / M. Merkt, S. Schwan // Learning and Instruction. – 2017. – V. 52. – P. 112–121.

Paivio A. Mental representations: A dual coding approach / A. Paivio. – NY: Oxford University Press, 1990. – 336 p.

Tracking learners' visual attention during a multimedia presentation in a real classroom / F.Y. Yang, C.Y. Chang, W.R. Chien, Y.T. Chien, Y.H. Tseng // Computers & Education. – 2013. – V. 62. – P. 208–220.

Кодирование актантов двухаргументных глаголов в даргинских языках: словарь и корпус

*кадарский, муиринский, литературный даргинский,
актанты глаголов, корпуса текстов*

1. Введение

Задача исследования – составить типологический портрет системы классов двухместных предикатов в даргинских языках (> нахско-дагестанские языки) и проанализировать их поведение в корпусах даргинских языков. В центре внимания данные кадарского и муиринского даргинского, а также данные литературного даргинского языка. Данные сравниваются с данными других дагестанских языков из базы данных проекта BivalTur [Сай 2020]: ицаринского и цугни. Нас будет интересовать, с одной стороны, каковы основные модели кодирования актантов (валентностные классы), с другой стороны, какие типы актантов какими языковыми средствами выражаются в реальных текстах; каково распределение переходных глаголов и других классов глаголов; как сказывается вариативность в морфологии в даргинских языках. Для сравнения валентностных классов мы использовали анкету проекта BivalTur [Сай 2020], в которую вошли примеры для 128 предикатов.

В исследовании мы использовали (1) данные, собранные по анкете, (2) данные базы данных BivalTur [Сай 2020], (3а) лексикографическую базу данных даргинских языков, (3б) корпуса устных текстов для муиринского и кадарского диалектов, (3с) корпус литературного даргинского языка [Toldova, Sokur 2022] (корпуса доступны по соответствующим ссылкам со страницы <https://hum.hse.ru/fml/dargwa>).

В соответствии с замыслом проекта BivalTur, мы рассматриваем как переходные глаголы, так и глаголы, которые достаточно часто в разных языках имеют «непреходную» модель управления (ср., например, русск. бояться <Nom, ACC>) и казах. *qorq* <NOM, ABL> 'бояться от').

Процесс сбора и анализа данных был автоматизирован, была применена следующая технологическая цепочка: морфологическое аннотирование корпусов, обеспечение корпусов удобным интерфейсом; использование базы данных для систематизации данных, а также использование языка R для квантитативной обработки и визуализации результатов.

Таким образом, наше исследование, с одной стороны, иллюстрирует возможную технологическую цепочку обработки языковых данных, с другой – предлагает достаточно подробную картину распределения валентностных классов в пяти даргинских языках.

2. Глагольное управление в дагестанских языках

Для дагестанских языков вопрос о моделях управления предикатов (кодировании актантов ситуации) особенно важен в силу следующих причин: (1) эти языки относятся к эргативным языкам (агенс (Ag) при переходном глаголе кодируется эргативом (ERG), а пациенс (Pa) – абсолютивом (ABS)), (2) кодирование актантов базируется на семантическом принципе, т.е. в соответствии с семантическими ролями актантов, (3) первый актант глагола нередко оформляется дательным падежом в случае экспериенциальных глаголов (например, экспериенцер при глаголе *любить* выражается дативом, а стимул – абсолютивом, <Exp=DAT; St=ABS>), а также различными косвенными (лексическими) падежами, например, пространственными. Для дагестанских языков характерно большое разнообразие моделей управления. Например, Б. Комри [Comrie et al. 2015] выделяет 96 различных моделей управления для бежтинского языка. Выявление базовых валентностных классов усложняется тем, что в языке может присутствовать как глаголы, где первый актант (имеющий синтаксические свойства подлежащего) имеет модель <ARG1=SUPER, ARG2=ABS> (SUPER – суперлатив), так и глаголы с моделью <ARG1=ABS, ARG2=SUPER>. Не всегда просто установить, какую именно модель имеет тот или иной глагол, тем более до сих пор ведутся споры о возможной синтаксической структуре предикации в дагестанских языках.

3. Процедура сбора материала

В анкету BivalTyp входит 130 предикатов, среди которых многие типологически нередко отклоняются от переходной конструкции (ср., например, ‘нравиться’, ‘думать’, ‘бояться’). Для дагестанских языков особо интересна ситуация, когда первый актант кодируется либо дативом, либо различными неграмматическими падежами. В качестве первичных данных мы использовали ответы носителей муиринского, кадарского и литературного даргинского на стимулы анкеты. При фиксации ответов мы следовали принципам сбора материала в проекте BivalTyp. Принципиальным моментом является то, что, независимо от синтаксических свойств актантов глагола, при аннотации примеров мы соблюдали семантический принцип кодирования (см. инструкцию к типологической анкете в [Сай 2020]). Для ицаринского и цугни использовались данные БД BivalTyp. Полученные в результате лексемы сверялись с лексикографической базой данных (<https://www.bivaltyp.info/data/patterns/>), а также с примерами из соответствующих корпусов (см. выше). Корпуса использовались как для проверки лексем, так и для исследования моделей управления для глаголов, присутствующих в корпусах.

Устные корпуса муиринского и кадарского диалектов были созданы в процессе работы над проектом. Собранные ранее тексты получили

грамматическую аннотацию в среде Fieldworks Explorer (FLEX), которая позволяет аннотировать примеры в полуавтоматическом режиме. Корпус литературного даргинского базируется на газетных текстах газеты “Замана”. Для аннотирования корпуса был создан морфологический парсер для литературного даргинского (на базе Uniparser Morph [Архангельский 2012]). Далее корпуса были выложены в свободный доступ с использованием корпусного менеджера TsaKorpus, разработанного Т. Архангельским [Архангельский 2022]. Мы использовали корпусной менеджер для проверки конструкций ‘конкретный глагол + падеж’, например, ‘DAT’ + ‘любить’.

Далее для нескольких текстов кадарского корпуса предложения были разбиты на предикации, и предикаты были размечены по способам кодирования актантов с точки зрения референциальных типов именных групп: полные именные группы, личные местоимения 1 и 2 лица, указательные местоимения, нули. Разметка производилась в соответствии с референциальной разметкой, описанной в [Biekel]. Далее мы вычислили референциальную плотность для аннотированных примеров (количество явно выраженных актантов/число потенциальных актантов двухместных глаголов). Полученные данные были сопоставлены с данными для муиринского диалекта. Однако, цель такой разметки не столько в измерении референциальной плотности, которая, как было показано в различных исследованиях, в значительной степени зависит от разных социолингвистических факторов. Основной вопрос — это вопрос о том, каковы тенденции в опущении актантов в зависимости от их падежного кодирования. Выводы были выборочно проверены на данных корпусов кадарского и литературного даргинского.

4. Результаты исследования валентностных классов

Мы сравнили пропорции переходных предикатов (<Erg; ABS>) в языках (количество переходных / количество всех предикатов из анкеты). Самое высокое значение у литературного даргинского – 0,37 (из 125 предикатов 47 переходных). Самое низкое – 0,27 у цугни (32 предиката). Безусловно, разнообразие валентностных классов связано с количеством падежей в языке. Количество различных валентностных классов – от 18 до 27. В кадарском меньше всего классов (в нем всего 6 падежей).

Несмотря на сравнительно высокие пропорции переходных предикатов, исследуемые языки имеют всего 26 совпадающих переходных предикатов. Это предикаты с высокой степенью переходности (агентивные, контролируемые и т.п.), такие, например, как ‘мыть’, ‘писать’, ‘доить’, ‘открывать’ и т.п. Только у одного из них значение связано с эмоциями: ‘огорчать’. Устойчивость проявляет также класс симметричных предикатов, в большинстве случаев второй актант оформляется комитативом.

Вторым по частоте классом во всех языках, кроме цугни, является класс <ABS, SUPER>. Число предикатов варьируется от 11 до 26. Однако только 3-5 глаголов совпадают в разных языках. Третий класс – это глаголы с моделью управления <DAT, ABS>. Несмотря на то, что количество

таких глаголов варьируется от 10 до 18 по языкам, только один глагол совпадает во всех языках. Это глагол 'любить, хотеть, нравиться'. Таким образом, в области ментальных, эмотивных и аффективных глаголов наблюдается наибольшая вариативность.

5. Результаты исследования референциальных средств

Считается, что вероятность опущения актанта высока для подлежащих, она повышается, если актант контролирует согласование предиката. В дагестанских языках абсолютные именные группы контролируют согласование, подлежащими свойствами, как правило, обладают эргативные. Наше исследование выявило следующие тенденции в кодировании актантов: (а) несмотря на согласование предиката с абсолютивом, значительно чаще опускается подлежащий эргативный аргумент; (б) второй аргумент, как правило, выражен менее редуцированным референциальным средством, чем первый аргумент; (с) неабсолютивные вторые аргументы практически не опускаются

Исследование выполнено за счет гранта РНФ №22-28-01648. Авторы также приносят благодарности всем членам группы, участвующим в создании электронных ресурсов для даргинских языков.

Литература

Архангельский Т.А. Принципы построения морфологического парсера для разноструктурных языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.А. Архангельский. – М., 2012. – 24 с.

Архангельский Т.А. Корпусная платформа Tsakorpus и языки России / Т.А. Архангельский // Электронная письменность народов Российской Федерации-2021 & IWCLUL 2021, 2022. – С. 23–24.

Bickel B. Referential density in discourse and syntactic typology / B. Bickel // Language. – 2003. – Т. 79. – №. 4. – С. 708–736.

Say S. (ed.). 2020. BivalTyp: Typological database of bivalent verbs and their encoding frames / S. Say. – St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS. (Available online at <https://www.bivaltyp.info>, accessed on 30 November 2023.)

Toldova S. Standard Dargwa Corpus / S. Toldova, E. Sokur // Современная лингвистика: от теории к практике. Труды и материалы III Казанского международного лингвистического саммита. Под общей редакцией И.Э. Ярмакеева, Ф.Х. Тарасовой. – Казань, 2023. – С. 81–86.

Оценка в интернет-комментариях в аспекте лингвистической экспертизы

*оценка, лингвистическая экспертиза, интернет-комментарий,
способы выражения оценки*

Современная политическая и социально-экономическая обстановка в мире с отголосками прошлого обусловила развитие онлайн-коммуникации. Это, в свою очередь, предопределило рост преступлений экстремистской и террористической направленности в сети Интернет, в связи с чем востребованным является производство лингвистической экспертизы. Под лингвистической экспертизой понимается лингвистическое процессуально регламентированное изучение письменного текста или устного высказывания, по итогу которого выдается заключение «по вопросам, разрешение которых требует применения специальных познаний в языкознании и судебном речеведении» [Теория 2006: 79].

Политика усиленной борьбы государства с экстремизмом и терроризмом выражается, в частности, в создании и изменении нормативно-правовых актов (например, создание Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», направленного на защиту национальных интересов, прав и свобод граждан от новых форм преступной деятельности, и угроз государственной безопасности). Особенно актуальным (в рамках судебной лингвистической экспертизы) в связи с этим представляется исследование оценки, так как именно она коррелирует с составами преступлений в указанной области. На основе существующих подходов к классификации видов, способов и средств оценки [Арутюнова 1988; Вольф 1985; Жумаханова 2018, 1: 103–106; Пасечная 2020, 9: 87–92] нами был выработан такой подход к определению способов ее выражения, который позволит создать алгоритм поиска и верификации наличия/отсутствия оценочного компонента в тексте: все способы (а под способами нами понимается класс языковых средств в общем виде) можно разделить на «преимущественно лексические» и «преимущественно синтаксические». В лексические средства на данном этапе включаются и стилистические средства, а строгость классификации смягчается указанием на «преобладание», так как представляется, что без наличия в значении слова такого компонента, который бы становился основой доказательства наличия оценочного компонента, его верифицируемость невозможна.

На предмет наличия оценки нами было проанализировано около 2000 интернет-комментариев за период с 01.10.2023 по 14.11.2023 (точное количество подсчитать не представляется возможным в связи с постоянными изменениями их количества, что вызывается высокой онлайн-активностью пользователей).

Данные комментарии были получены путем сплошной выборки из записей следующей тематики: семейные отношения, деятельность полиции, социально-экономические проблемы университетов, транспортные проблемы, собаки, кошки, макияж, лингвистика, психология, образование, положение Украины. Широта спектра тем обусловлена целью анализа, которая заключалась в определении наличия оценочного компонента (а также его доли) в комментариях в целом, вне зависимости от определенной направленности.

Из них 827 интернет-комментариев имеют оценочный компонент, а 47 из них не содержат текста, но могут содержать оценочный компонент (содержат только эмодзи, статические и динамические изображения без вербальной составляющей).

Среди 827 интернет-комментариев, имеющих оценочный компонент 755 интернет-комментариев имеют оценку, выраженную лексически (*тупая дура; ты свино бот; спидоноска 404; С той же медициной, сами украи-нацисты говорят, что если изделие только на мойве, то есть произведено на Украине, то полное говно; Молодцы ребята!!!*); 54 интернет-комментария имеют оценку, выраженную синтаксически (*Смысл было играть в то, чего давно уже нет? ты думаешь наши российские солдаты бессмертны?; Че у них там вообще происходит*); 18 интернет-комментариев имеют оценку, выраженную при помощи компиляции лексических и синтаксических средств (*«умная» как вы собственно; За каждый год борется, тварь!; ну и рожа у тебя друже, как ты живешь с такой заточкой; Лождю можно верить!*) – см. рис. 1.

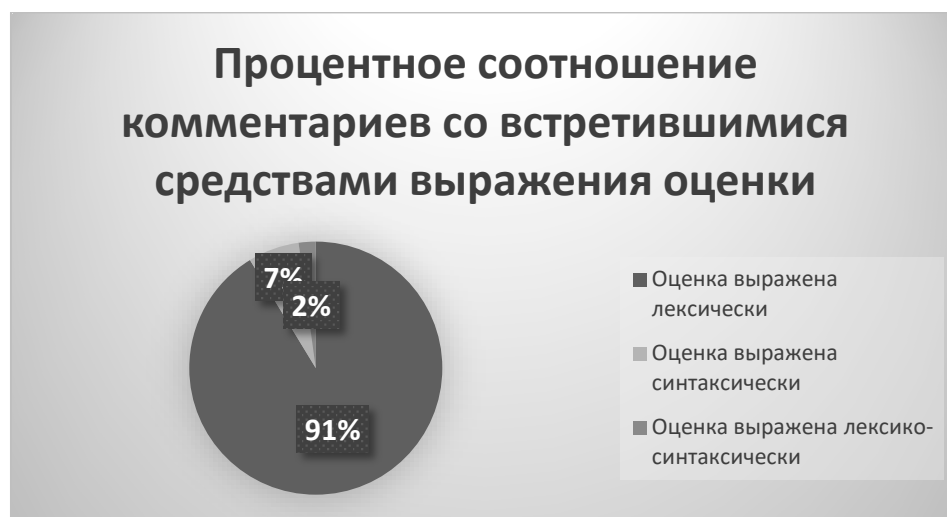

Рис. 1. Процентное соотношение комментариев со встретившимися средствами выражения оценки

Таким образом, самым популярным способом выражения оценки среди проанализированных комментариев является лексический. Представляется, что это обусловлено простотой и доступностью данного способа широкому кругу пользователей, обладающих индивидуальными особенностями, в частности, уровнем и профилем образования, владения языком и другими. Синтаксический же способ подразумевает переход от привычного простого лексического способа к более глубокому знанию и пониманию субъектом оценки синтаксических средств, способных выражать ее (риторических вопросов, умолчания, эллипсиса и других).

Наиболее часто встречались лексемы с общей положительной или отрицательной семантикой (хороший/плохой или их синонимы). Особую и многочисленную группу оценочной лексики в интернет-комментариях представляет собой обсценная (ненормативная) лексика (например, *это все твои аргументы, е*аный бот?*), которая также требует изучения, в том числе, в аспекте лингвистической экспертизы, так как тексты, содержащие ее, часто являются объектами экспертного исследования наравне с текстами с другими (например, привычными нейтральными) лексическими средствами. Соответственно, одним из перспективных этапов исследования при разработке алгоритма является составление глоссария наиболее употребляемых лексем оценочной семантики в комментариях для удобства их дальнейшего нахождения с помощью статистических инструментов поиска. Для достижения большего успеха алгоритмом должен учитываться контекст – как ближайший (цепочка комментариев до объекта, иницирующие и ответные комментарии), так и более широкий (исходная публикация, контент страницы ее размещения).

Данный анализ процентного соотношения показывает, что такой подход к разделению способов выражения оценки может эффективно использоваться для определения наличия в тексте интернет-комментария оценочного компонента текста. Иных способов выражения оценки кроме заявленных (за исключением неопределенности в отношении текстов интернет-комментариев без вербального компонента) не было выявлено. Следовательно, такой подход представляется подходящим для создания алгоритма, позволяющего найти и верифицировать наличие/отсутствие оценочного компонента в тексте. В перспективе необходимо выработать более детальную классификацию способов выражения оценки внутри лексического и синтаксического способов. Это позволит оптимизировать анализ интернет-комментариев на предмет наличия оценки в текстах в рамках решения вопросов судебной лингвистической экспертизы.

Литература

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт / Н.Д. Арутюнова; отв. ред. Г.В. Степанов; Акад. наук СССР, Институт языкознания. – М.: Наука, 1988. – 338 с.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф; отв. ред. Г.В. Степанов; Акад. наук СССР, Институт языкознания. – М.: Наука, 1985. – 226 с.

Жумаханова А.Ж. Понятие «оценки» в лингвистике / А.Ж. Жумаханова // Фундаментальная наука и технологии – перспективные разработки: материалы XVII междунар. науч.-практ. конф. – Роли, 2018. – Т. 1. – С. 103–106. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36557473> (дата обращения: 23.10.2023).

Пасечная Л.А. Способы выражения оценки в интернет-комментариях / Л.А. Пасечная, В.Е. Щербина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 9 (152). – С. 87–92. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44248605> (дата обращения: 23.10.2023).

Теория и практика судебной экспертизы в гражданском и арбитражном процессе: Научно-практическое пособие / Под ред. д.ю.н., проф. Е.Р. Россинской. – М.: ООО «Викор-Медиа», 2006. – 431 с.

**Автоматизация спектра значений имени существительного view
(на материале Иллюстративного корпуса лексемы view)**

*автоматизация, корпус, метод Наивного Байеса,
нейросетевая модель Берт, аугментация*

Исследование выполнено в рамках корпусного подхода с применением комбинаторного анализа и имеет целью обеспечение основ автоматизации снятия полисемии (word sense disambiguation) и определения лексико-семантического варианта имени существительного view. Алгоритм исследования включает создание классификационной модели, позволяющей осуществить контекстуальное сужение значения ЛСВ до полной предсказуемости во всех ситуационных контекстах. Для валидации представленного подхода и продвижению дальнейших исследований в области автоматизации лингвистического анализа Иллюстративный корпус лексемы view (<https://clck.ru/NmzfM>), содержащий более 255 тыс. словоформ, загружен на сайт КФУ.

В настоящее время активно развивается направление обработки естественного языка как последовательности лингвистических форм с применением вычислительных машин. Анализ текстов, предполагающий множество однотипных операций, эффективно автоматизируется с помощью специализированных компьютерных программ [Всеволодова 2007; Гольдин Крючкова 2011; Щипицина 2013].

Цель данного исследования заключается в разработке алгоритма построения классификатора лексико-семантических вариантов (далее ЛСВ) слова, «обученного» на основе Иллюстративного корпуса имени существительного view (ИКВ). Исследование осуществлено в четыре этапа:

На **Этапе 1** был составлен и аннотирован корпус исследования, Иллюстративный корпус лексемы view создан автором на основе данных о функционировании данной лексемы, зафиксированных в COCA (181948 токенов), BNC (49727 токенов), iWeb (259 токенов) и НКРЯ (10641 токенов). Общий объем ИКВ составляет 255266 словоформ view (6773) / views (1994) и включает сбалансированные по объему коллекции функционирования 10 ЛСВ имени существительного view.

View:

ЛСВ 1 осмотр предметов для продажи потенциальными покупателями, в особенности произведений искусства на выставке (осмотр)¹ [OED].

ЛСВ 1.1. онлайн-просмотр видео (просмотр) [OALD].

ЛСВ 2. способность видеть что-либо или быть увиденным с определенного места (обзор) [OED].

¹ В скобках указан сокращенный вариант перевода ЛСВ, используемый далее.

ЛСВ 3. внешний вид (вид) [OEtymD].

ЛСВ 3.1. пейзаж или перспектива, чаще всего привлекательных природных ландшафтов, которые могут быть увидены глазами с определенного места (пейзаж) [OED].

ЛСВ 3.2. произведение искусства, изображающее вид природных пейзажей (картина) [OED].

ЛСВ 3.3. изображение чего-либо, рассматриваемого с определенного места, угла, ракурса (ракурс) [OED].

ЛСВ 4 позиция или мнение – особый способ рассмотрения, отношения к чему-либо (точка зрения) [OED].

ЛСВ 4.1 с намерением или целью совершить какое-то действие (цель) [OED].

ЛСВ 4.2 долгосрочная перспектива, рассмотрение динамики показателей за длительный промежуток времени (перспектива) [CED].

На **Этапе 2** исследовательский корпус прошел доработку для дальнейшей работы с помощью удаления служебных слов, знаков препинания и извлечения лемм словоформ, а также разделен на обучающую и тестовую выборки в отношении 3:1. 70 % корпуса было использовано для обучающей выборки, а 30 % – для верификации модели.

На **Этапе 3** был протестирован «наивный байесовский алгоритм» (далее НБА), которым именуется классификационный метод, разработанный на основе теоремы Байеса и предположении о независимости признаков объекта. В соответствии с данной теоремой, наличие одного признака в классе не детерминировано присутствием другого признака в этом же классе [6 простых]. Меры валидации модели при помощи НБА продемонстрировали неспособность алгоритма осуществлять классификацию ЛСВ (см. рис. 1).

	precision	recall	f1-score
№1 ЛСВ 1 осмотр	0.00	0.00	0.00
№2 ЛСВ 1.1 просмотр	0.00	0.00	0.00
№3 ЛСВ 2 обзор	0.77	0.70	0.73
№4 ЛСВ 3 вид	0.00	0.00	0.00
№5 ЛСВ 3.1 пейзаж	0.69	0.71	0.70
№6 ЛСВ 3.2 картинка	0.00	0.00	0.00
№7 ЛСВ 3.3 ракурс	0.00	0.00	0.00
№8 ЛСВ 4 точка зрения	0.95	0.81	0.87
№9 ЛСВ 4.1 цель	0.00	0.00	0.00
№10 ЛСВ 4.2 перспектива	0.00	0.00	0.00
accuracy			0.75
macro avg	0.24	0.22	0.23
weighted avg	0.84	0.75	0.79

Рис. 1. Результаты валидации НБА

*precision (англ. 'точность') – параметр качества классификационной модели, указывающий на долю истинных предсказаний на деле являющихся таковыми.

**recall (англ. 'полнота') – мера оценки качества модели классификации, отражающая долю верно предсказанных наблюдений из всех объектов положительного класса.

***f1-score (F-мера) – мера оценки качества модели классификации, которая агрегируется из полноты и точности, являясь средним гармоническим этих метрик. Она показывает общее качество работы модели. Чем выше f1-score, тем лучше работает модель.

Как видно на рис. 1, НБА не смог осуществить поставленную задачу в полной мере: распознавание прошло успешно только для ЛСВ 2 «обзор» (f1-score 0,73), ЛСВ 3.1 пейзаж (f1-score 0,70), ЛСВ 4 точка зрения (f1-score 0,87).

На **Этапе 4** была протестирована тестовая нейросетевая модель-трансформер от Google, BERT (bert-base-uncased), на которой в настоящее время базируется преимущественное большинство инструментов/профайлеров обработки естественного языка. Между ее первым появлением в начале 2018 г. и интеграцией в поисковик Google прошло менее года (paperswithcode.com/method/bert). В представленном исследовании алгоритм BERT (bert-base-uncased) был осуществлен совместно с методом аугментации (augmentation), который широко используется в практиках глубокого обучения с целью увеличения разнообразия и размера обучающего набора данных для разработки надежных систем машинного обучения. В каждом в обучающем наборе данных произведена замена всех слов на синонимы, кроме слова view и его частеречного тега (POSTeги) как существительного. Благодаря этому методу корпус был расширен небольшим количеством обучающих примеров (рис. 2).

	precision	recall	f1-score
№1 ЛСВ 1 осмотр	0.41	0.52	0.46
№2 ЛСВ 1.1 просмотр	0.55	0.35	0.43
№3 ЛСВ 2 обзор	1.00	0.88	0.94
№4 ЛСВ 3 вид	0.85	0.84	0.84
№5 ЛСВ 3.1 пейзаж	0.88	0.85	0.86
№6 ЛСВ 3.2 картинка	1.00	0.67	0.80
№7 ЛСВ 3.3 ракурс	0.47	0.61	0.53
№8 ЛСВ 4 точка зрения	0.48	0.41	0.44
№9 ЛСВ 4.1 цель	0.82	1.00	0.90
№10 ЛСВ 4.2 перспектива	0.95	0.96	0.95
accuracy			0.87
macro avg	0.74	0.71	0.72
weighted avg	0.87	0.87	0.87

Рис. 2. Результаты валидации классификатора при помощи BERT

Алгоритм BERT продемонстрировал лучшие результаты: распознавание прошло успешно для 5 ЛСВ лексемы view. Исключение составили ЛСВ 1 «осмотр» (f1-score 0,46), ЛСВ 1.1 «просмотр» (f1-score 0,43), ЛСВ 3.3 «ракурс» (f1-score 0,53), ЛСВ 4 «точка зрения» (f1-score 0,44).

Перспектива исследования видится в применении дополнительных этапов аугментации для улучшения качества работы классификатора.

Литература

Всеволодова А.В. Компьютерная обработка лингвистических данных / А.В. Всеволодова. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 96 с.

Гольдин В.Е. Введение в электронные лингвистические ресурсы / В.Е. Гольдин, О.Ю. Крючкова. – Саратов: Изд-во СГУ, 2011. – 63 с.

Литвин Ф.А. Многозначность слова в языке и речи (на материале английского языка) / Ф.А. Литвин. – КомКнига, 2005. – Изд. 2.

Щипицина Л.Ю. Информационные технологии в лингвистике / Л.Ю. Щипицина. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 126 с.

6 простых шагов для освоения наивного байесовского алгоритма (с примером кода на Python) – URL: <http://datareview.info/article/6-prostyih-shagov-dlya-osvoeniya-naivnogo-bayesovskogo-algoritma-s-primerom-koda-na-python/> (дата обращения: 10.10.2023).

ЯЗЫКОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ И МНОГОЯЗЫЧИЕ В ОБРАЗОВАНИИ

Алламуратова Гулсанем Жалгасбаевна

Нукусский государственный педагогический институт
имени Ажинияза

Алламуратова Айсанем Жалгасбаевна

Частное образовательное высшее учебное заведение
«ProfiUniversity» (Ташкент, Узбекистан)
УДК 811

К вопросу о языковой ситуации в республике Каракалпакстан

*изучение, пропаганда, содействие,
иностранному языку, доступный, в совершенстве*

Русский язык является официальным языком в России, Беларуси, Казахстане и Киргизии. На Украине, Молдове и Таджикистане русский язык имеет статус регионального языка. В Армении, Грузии – как иностранный язык, а в Азербайджане и Узбекистане русский язык используется в качестве межнационального языка общения.

В целом языковая ситуация в странах СНГ остается динамичной и зависит от множества факторов.

Участники Совета министров иностранных дел СНГ в Бишкеке согласовали Договор об учреждении Международной организации по русскому языку.

В СНГ 2023 г. объявлен Годом русского языка. Сегодня на русском говорит более 250 миллионов человек по всему миру.

В настоящее время русский язык занимает не последнее место в мировом содружестве. В международном рейтинге русский язык стоит на восьмом месте по степени распространенности. Безусловно, что в этом играет роль его социальная значимость [Алламуратова 2022, 9: 65].

Для того чтобы понять, какова причина создавшейся ситуации, нами был проведен опрос среди учащихся и студенческой молодежи.

Цель опроса: выявить влияние и содействие зарубежных стран в продвижении изучения и пропаганде русского языка в Республике Каракалпакстан.

Для этого был проведен социологический опрос среди подростков в количестве 83 человека.

Были применены следующие вопросы:

1. Укажите три иностранных языка (по степени значимости) необходимые для изучения:

английский – 61

русский – 8

родной – 1

корейский – 17

немецкий – 12

японский – 4

китайский – 2

2. Каких курсов по изучению иностранного языка больше в вашем городе (подчеркните нужный язык):

английский – 62; русский – 16; корейский - 4; китайский – 0; арабский – 0; немецкий – 0; французский – 0.

3. Какие курсы по изучению иностранного языка для вас доступны (подчеркните нужный):

английский – 45; русский – 24; корейский – 8; немецкий – 4; японский – 1.

4. Как Вы считаете, что дает возможность в совершенстве изучить иностранный язык:

- профессиональная подготовка – 7
- окружающая среда (среда говорения, общения) – 19
- чтение и просмотр фильмов на этом языке – 7
- все ответы верны – 46
- другое – 4

5. Пособиями каких стран вы пользуетесь при изучении иностранного языка (не в школе):

– США (Великобритания) – 53; – Россия – 5; – Корея – 1; – Узбекистан – 16; – Другое – 8.

6. Со знанием какого языка легче найти работу в вашем городе:

английский – 30; русский – 47; корейский – 1; другой – 5.

По результатам опроса, были составлены графические таблицы (см. рис. 1, рис. 2, рис. 3, рис. 4).

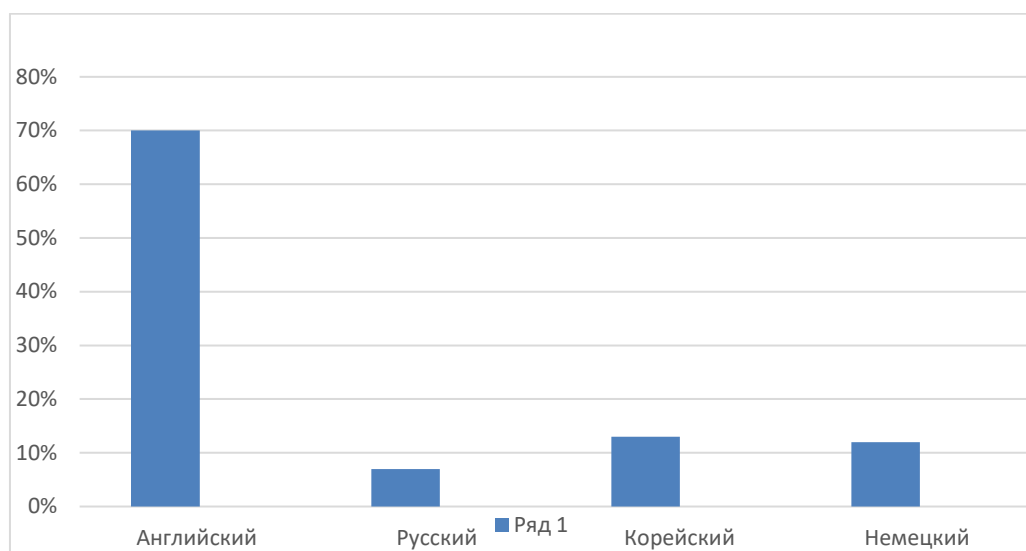

Рис. 1. Значимость изучения иностранного языка в Республике Каракалпакстан

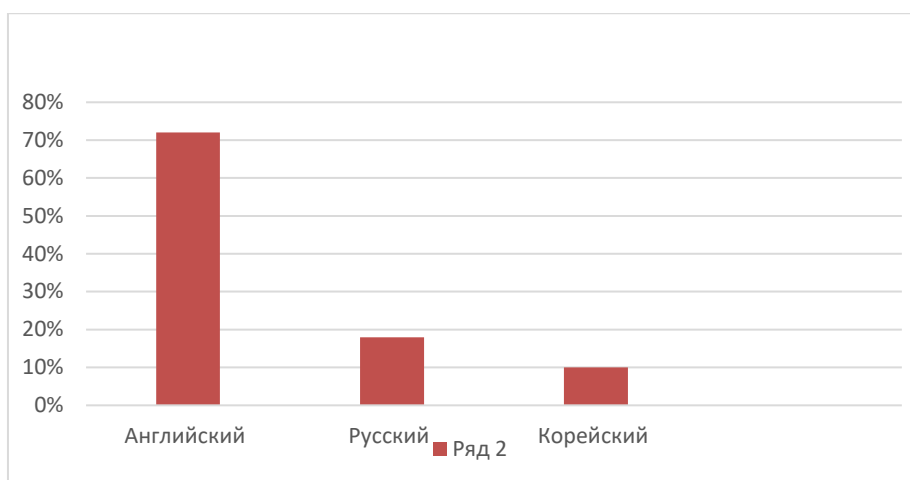

Рис. 2. Количество курсов изучения иностранного языка в Республике Каракалпакстан

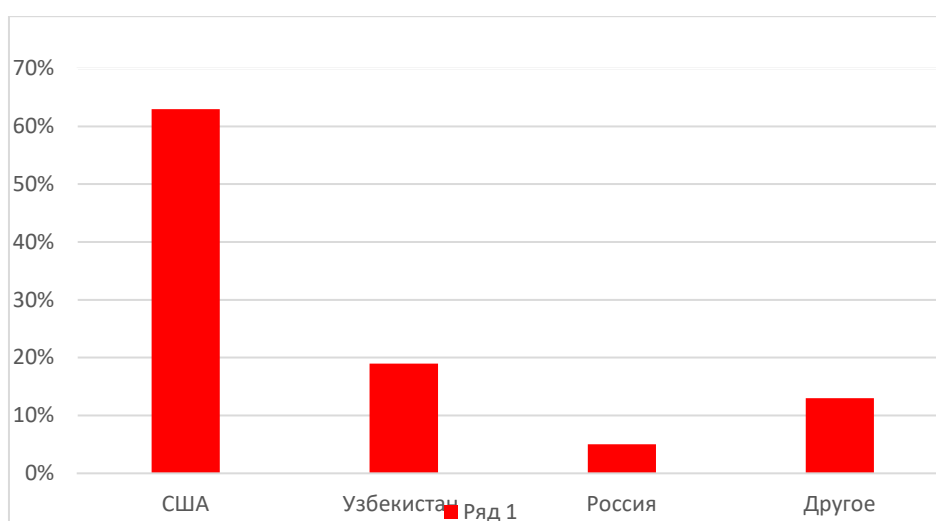

Рис. 3. Количество пособий для изучения иностранного языка в Республике Каракалпакстан

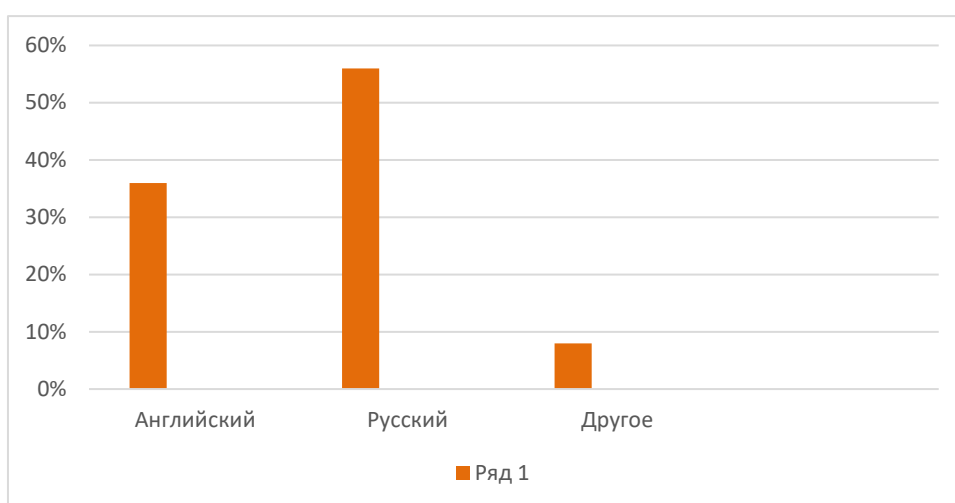

Рис. 4. Наличие знаний иностранного языка для будущей работы в Республике Каракалпакстан

Результаты опроса показывают, что создается парадоксальная ситуация: молодежь стремится к изучению английского языка, осознавая, что со знанием русского языка перспективы найти высокооплачиваемую работу, сделать карьеру намного выше.

Здесь мы видим несколько причин. Во-первых, знание русского языка находится на более высоком уровне по сравнению с английским, поэтому молодежь не видит потребности в его изучении. Во-вторых, недостаточная распространенность и доступность курсов по изучению русского языка как иностранного. Как показал опрос, количество курсов по изучению английского языка, их методическая и медиа оснащенность находятся на более высоком уровне, по сравнению с курсами по изучению русского языка.

Литература

Алламуратова Г.Ж., Алламуратова А.Ж. Русский язык: особенности изучения в нерусской аудитории // Вестник науки и образования. – 2022. – № 9 (129). – С. 65–69.

Патрахина Т.Н. Пропаганда: сущность научной дефиниции, подходы к классификации / Т.Н. Патрахина, Д.А. Шламова // Молодой ученый. – 2015. – № 4 (84). – С. 305–308.

Рудабе Э. Влияние родного языка на усвоение иностранного языка. Учебная мотивация школьников / Э. Рудабе // Молодой ученый. – 2017. – № 7(141). – С. 511–517.

**Использование заимствований из русского языка
в каракалпакский язык (на примерах поэзии И. Юсупова)**

*заимствование, русский язык, каракалпакский язык,
творчество И. Юсупова*

И. Юсупов в каракалпакской поэзии оставил бесценное наследие, поэтому всестороннее изучение языковых особенностей его произведений является одной из важнейших задач современного языкознания. Особенно актуально изучение особенностей использования русского языка и заимствований в каракалпакский язык. С русского языка в каракалпакский язык входили языковые единицы, присущие европейским народам. Рассмотрим в данной статье некоторые слова, которые были заимствованы из русского языка в каракалпакский язык у этих народов, встречающиеся в произведениях И. Юсупова

Можем наблюдать заимствование следующих слов из греческого языка в русский язык: муза, комедия, философ, симфония, космос, поэзия, телевизор, синоптик, оркестр, бальзам, телеграф, синтетика, магнитофон, идея, театр, демократия, программа, патриот и др. Данные слова можно наблюдать и в стихах И. Юсупова. Например:

Суў бойында шайқатылған жаным қара тал,
Маған **бальзам**, сен тымықта шақырған самал.
(Черная ива, качающаяся на берегу, милая,
Мне словно бальзам, а ты вечерний ветерок).
(«Қара тал» – «Черная ива»)

Самал кем-кем пәтке мине баслады.
Гүркиреди **демократия** аспаны.
(Ветер начал так усиливаться.
Аж демократией загремело небо).
(«Қайта қурыўдың балаларына» – «Детям перестройки»)

Мы можем увидеть, что мастером художественного слова И. Юсуповым заимствованные слова были внедрены в лексику каракалпакского языка со стилистическим смыслом с целью передачи колорита времени и языковых особенностей персонажа. Например, в Каракалпакстане в годы перестройки слово *демократия* начало использоваться в значении термина. На самом деле слово *демократия* означало 'народная власть', а поэт с целью раскрытия новостей того периода применил данное заимствованное слово в переносном значении. Через это автор усиливает

изображение образности мыслей и воздействие на читателя. Большинство греческих заимствований в произведениях поэта состоят из слов и терминов, связанных с культурной составляющей страны.

Существуют также слова, которые заимствованы из латинского языка в русский язык: коллектив, юбилей, класс, комплекс, оратор, дефицит, юбилей, градусник, диспут, музей, доктор, планета, нота, проект, милиционер, оригинал, адвокат, проза и др. Например:

Барлық шайыр **прозаға** өткенше,
(Пока все поэты не перешли на прозу),
Соңғы демим – қосық дегиздің бизге.
(До последнего вздоха – мы были за стихи).
(«Өмир, саған ашықпан» – «Жизнь, я тебя люблю»)

Уллы абырай қазанасыз еле сиз,
(Ваше величие ещё возрастет),
Қудай қуыт берсин, **Президент** мырза.
(Бог тебе в помощь, господин Президент).
(«Президентке» – «Президенту»)

Ислеген исин қарап тур,
(Дела твои ждут тебя),
Сөзге шешен **оратор**
(Ты остер на язык, оратор).

Кроме того, нельзя и обойти английские заимствования, вошедшие в русский язык: вокзал, митинг, доллар, спорт, торт, бройлер, траулер, лайнер, кибернетика и др.

Олар әлле қашан умытқан сени,
(Они давно позабыли тебя),
Қудайың ким десе «**доллар**» деп қояр.
(Они в боги приняли «доллар»)).
(«Шайтанның шағымы» – «Жалоба сатаны»)
Динамит жарылар, **лайнерлер** жанар
(Взрывается динамит, горят лайнеры),
Террорлар, мафиялар, жауыз хайуанлар
(Террор, мафия – хищные звери).
(«Плаха излеп» – «В поисках плахи»)

Большинство английских слов, заимствованных через русский язык, употребляются в связи с общественно-политической сферой. К примеру, слово «доллар» встречается в стихах, сотворенных поэтом в последнее время.

Что касается французских заимствований, то в русский язык вошли следующие слова: актриса, министр, актер, жанр, трико, банк, балл, мо-

раль, коррупция, фестиваль, платформа, бюро, капитал, этап, бюджет, регламент, кабинет, диплом, роман, салон, спектакль, финанс и др., их также можно наблюдать и в каракалпакском языке.

Ах, қандай талантлы актёрлар булар,
(«Ах, какие талантливые актёры»),
Терең изертлеген дәуирин олар
(Глубоко изучившие период).
(«Мәңги булақ» – «Вечный родник»)

Көл үстінде басланып куслардың фестивалы,
(Над озером начался фестиваль птиц),
Тауда сунқар қус түлер, ярым, сен жүрген жерде
(Любимый, даже горный сокол линяет, там, где ты).
(«Мухаллес»)

Французские слова, вошедшие в каракалпакский язык через русский язык, в большинстве своем заимствованы в связи с культурными требованиями, искусством и в языке произведений поэта очень активно используются.

Таким образом, заимствованные слова в каракалпакский язык через русский язык, активно используются в произведениях И. Юсупова и широко употребляются в таких сферах повседневного быта, как наука, культура, техника и производство. Эти слова имеют огромное значение в художественном мире произведений поэта.

Литература

Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. IV Лексика / Н.А. Баскаков. – Нукус, 1996.

Бердимуратов Е. Хәзирги қарақалпақ тили. Лексикология / Е. Бердимуратов. – Нукус, 1994.

Бердимуратов Е. Қарақалпақ тили терминлери / Е. Бердимуратов. – Нукус, 1999.

Кощанов К. Рус хәм қарақалпақ тиллериниң өз-ара байланыс мәселелери / К. Кощанов. – Нукус, 1991.

Максютова М. Шет тил сөзлериниң русша-қарақалпақша сөзлиги / М. Максютлова. – Нукус, 1992.

От conservative RP к modern RP: как за полвека изменилась произносительная норма английского языка

*conservative RP, modern RP, современная орфоэпическая норма,
правильное произнесение гласных, правильное произнесение
согласных, постановка ударения*

Проведенное нами исследование посвящено сравнению двух произносительных норм английского языка, первая из которых была наиболее распространена в середине XX в., а вторая превалирует на данный момент. Целью исследования является выделить и описать важные изменения в произносительной норме, которые произошли за последние полвека. Для удобства мы будем употреблять в данной работе термины Conservative received pronunciation (Conservative RP) и Modern received pronunciation (Modern RP). Conservative RP был впервые выделен в 1962 г. А.С. Гимсоном RP [Gimson 1962: 84–85]. Этот акцент всегда ассоциировался с произносительной нормой выпускников частных элитных школ, представителей аристократии, духовенства, судейского сословия. В 2001 г. Круттenden выделяет три вида RP: refined RP – акцент королевской семьи и аристократии, upper-crust RP – акцент высших слоев общества, Modern RP – нейтральный современный тип RP, на котором говорят современные дикторы BBC [Cruttenden 2001]. Modern RP также называют Mainstream RP.

В ходе исследования были изучены два издания словаря произносительной нормы английского языка Дэниэла Джоунза: 11-е издание и 18-е издание. 11-е издание словаря было впервые издано в 1958 г., а 18-е в 2011. Ниже приведены некоторые результаты данного исследования.

Касаясь произношения **гласных звуков**, в первую очередь следует отметить монофтонгизацию некоторых английских дифтонгов. Например, дифтонг /ʊə/ в многих словах произносится как монофтонг /ɜ:/ . Примеры приведены в таблице 1.

Таблица 1

Примеры произношения гласных звуков

Daniel Jones's Dictionary	Conservative RP	Modern RP
sure	/ʃʊə/	/ʃɜ:/
poor	/pʊə/	/pɜ:/
tourist	/ˈtʊərɪst/	/ˈtɜ:rɪst/
assure	/əˈʃʊə/	/əˈʃɜ:/

Также в изменении произношения гласных необходимо выделить частую замену звука [ɪ] в безударной позиции на звук [ə]. Примеры приведены в таблице 2.

Таблица 2

Примеры произношения гласных звуков

Daniel Jones's Dictionary	Conservative RP	Modern RP
magnet	/ˈmæɡnɪt/	/ˈmæɡnət/
wireless	/ˈwaɪələɪs/	/ˈwaɪələs/
foreign	/ˈfɔːrɪn/	/ˈfɔːrən/
graduate	/ˈɡrædʒuɪt/	/ˈɡrædʒuət/

В произношении **согласных звуков** стоит отметить смещение произношения звуков /tj/, /dj/ в сторону аффрикатов /dʒ/, /tʃ/ соответственно. Примеры приведены в таблице 3.

Таблица 3

Примеры произношения согласных звуков

Daniel Jones's Dictionary	Conservative RP	Modern RP
institute	/ˈɪnstɪtʃuːt/	/ˈɪnstɪtʃuːt/
Tuesday	/ˈtʃuːzdeɪ/	/ˈtʃuːzdeɪ/
graduate	/ˈɡrædʒuɪt/	/ˈɡrædʒuɪt/
education	/ˌedʒuːˈkeɪʃən/	/ˌedʒuːˈkeɪʃən/

В орфоэпической норме середины XX в. такие слова как “suit”, “suitcase” произносились со звуком [sj]. Согласно последнему на данный момент изданию словаря Дэниэла Джоунза (18-е издание), данные слова и некоторые похожие на них произносятся с твердым звуком /s/. См. таблицу 4.

Таблица 4

Примеры произношения слов

Daniel Jones's Dictionary	Conservative RP	Modern RP
suit	/sjuːt/	/suːt/
suitcase	/ˈsjuːtkeɪs/	/ˈsuːtkeɪs/
super	/ˈsjuːpə/	/ˈsuːpə/
supervise	/ˈsjuːpəvaɪz/	/ˈsuːpəvaɪz/

Как видно из данного исследования, английский язык, как и другие языки, с течением времени претерпевает разнообразные изменения, в том числе и с точки зрения орфоэпической нормы. Данные изменения

фиксируются в словарях и особое внимание необходимо уделять произносительным словарям, так как они первыми фиксируют изменяющуюся произносительную норму. Исходя из вышесказанного, логичным представляется использовать новую произносительную норму при написании новых учебников и переиздании уже напечатанных. Представляется, что данные, полученные в ходе исследования, могут быть использованы в написании современных учебников, учебных пособий, образовательных программ для институтов и университетов. Результаты данной работы могут быть применены в разработке и внедрении курсов по постановке нормативного английского произношения.

Литература

Миндрул О.С. Изменения в британской произносительной норме: от Received Pronunciation (RP) до Standard Southern English (SSB) / О.С. Миндрул // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 3. – С. 121–132.

Cruttenden A. Gimson's Pronunciation of English / A. Cruttenden. – 6th ed. – L.: Arnold, 2001.

Cruttenden A. Gimson's pronunciation of English / A. Cruttenden. – 8th ed. – Routledge, 2014.

Gimson A.C. An Introduction to the pronunciation of English / A.C. Gimson. – L., 1962.

Jones D. Preface to the 11th edition of Everyman's English Pronouncing Dictionary / D. Jones. – N.Y., E.P. Dutton, 1956. – P. XV.

Jones L. Get rid of your accent. Advanced level / L. Jones, O. Smith. – Business and technical communication services, 2011.

Lindsey G. English after RP. Standard British pronunciation today / G. Lindsey. –Palgrave Macmillan, 2019.

**Цифровые технологии в работе педагога
(из опыта преподавания на курсах повышения квалификации
учителей русского и английского языков)**

*цифровые технологии, цифровая образовательная среда,
повышение квалификации учителей*

Сегодня в условиях цифровой трансформации системы образования выдвигаются новые требования к уровню подготовки педагогов, связанные с использованием цифровых технологий в учебном процессе. «В России формирование цифровой образовательной среды определено в качестве стратегической государственной задачи в рамках национального проекта «Образование» [Гриншкун 2021: 3].

Создание и внедрение в образовательных организациях РФ цифровой образовательной среды (ЦОС) направлено на совершенствование образовательного процесса, реализацию индивидуальных образовательных маршрутов учащихся, создание условий для их мотивации к активному и результативному обучению, а также оснащению организаций современным оборудованием и развитию цифровых сервисов и контента для образовательной деятельности.

Для обеспечения возможности использования ЦОС создана федеральная государственная информационная система (ФГИС) «Моя школа», которая является единой точкой доступа для педагогов, учащихся и родителей к качественному образовательному контенту и цифровым сервисам на всей территории РФ [Калмацкий 2023]. Согласно профессиональному стандарту педагога, вступившего в силу 1.09.2022, современный учитель обязан владеть общепользовательской и общепедagogической ИКТ-компетентностями, включая использование ресурсов информационной образовательной среды и цифровых технологий [Приказ 2022].

Таким образом, деятельность учителя неразрывно связана с использованием различных цифровых технологий и сервисов. Для формирования и совершенствования ИКТ-компетентности учителей в ИФМК КФУ проводятся курсы повышения квалификации учителей русского и английского языков, включающие решение следующих задач:

- использование цифровых технологий в профессиональной деятельности;
- организация образовательного процесса и внеурочной деятельности в цифровой среде.

На курсах повышения квалификации педагоги осваивают различные цифровые инструменты и сервисы, позволяющие разрабатывать на профессиональном уровне обучающие, тестирующие или демонстрационные учебные материалы, а также конструировать уроки и внеурочные мероприятия.

Педагоги разрабатывают интерактивные учебные материалы, позволяющие объяснить трудные темы, автоматизировать процессы закрепления и контроля знаний, сделать учебный процесс интересным и увлекательным.

Например, использование сервиса Mindmeister позволяет создавать ментальные карты для изучения английского языка [Teachaholic 2021]. Функционал цифровых инструментов и сервисов, которые осваивают учителя на курсах повышения квалификации, представим в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

Цифровые инструменты и сервисы для создания образовательного контента

Название ресурса	Функционал
<i>Сервисы для создания интерактивных заданий и упражнений</i>	
Конструктор интерактивных заданий LearninngApps	- 20 видов шаблонов для создания и сохранения интерактивных упражнений; - доступ к базе готовых упражнений.
Инструмент для создания интерактивных и печатных материалов Wordwall	- 18 стандартных шаблонов для создания и хранения упражнений.
	Платные опции: печатная форма упражнений, +15 проф.шаблонов.
Конструктор открытых образовательных ресурсов Udoba	- создание и хранение интерактивных упражнений 50 различных типов с автоматической проверкой результатов; - доступ к базе готовых упражнений.
Ментальные карты	- создание и хранение до 3 ментальных карт с выбором шаблона оформления; - неограниченное количество соавторов.
	Платные опции: неограниченное количество карт, совместный доступ, история версий и пр.
Виртуальная доска Padlet, Miro	- возможность организации коллективной деятельности в режиме реального времени; - возможность размещения материалов (фото-, видео-, аудиофайлы); - возможность выбора дизайна доски.
Облако слов	- словарная работа; - логические задания со словами; - создание частотного словаря; - настройки оформления, шрифта, формы облака.

Продолжение таблицы 1

Название ресурса	Функционал
Образовательная платформа Взнания для создания интерактивных материалов	Создание и хранение до пяти интерактивных упражнений из 17 шаблонов различных типов с автоматической проверкой результатов. Есть возможность подключения дополнительных платных опций.
<i>Онлайн инструменты для создания опросов и тестов</i>	
Google-формы	- создание и хранение опросов и анкет; - совместный доступ.
Многофункциональный сервис OnlineTestPad	- создание и хранение интерактивных упражнений различных типов с автоматической проверкой результатов; - доступ к базе готовых тестов и опросов.
Бесплатный онлайн-конструктор викторин Quizizz	- создание и хранение до 20 интерактивных упражнений различных типов с автоматической проверкой результатов; - создание интерактивных уроков.
<i>Инструменты ИИ</i>	
Чат боты: YandexGPT, ChatGPT 3.5	Генерация текстов.
Онлайн-переводчики (Google translate, multitrans, DeepL)	Перевод текста, документа, веб-страниц.

Таблица 2

Организация образовательного процесса и внеурочной деятельности в цифровой среде

Название ресурса	Функционал
<i>Разработка урока (внеклассного мероприятия)</i>	
Веб-сервис Google Classroom	- создание и хранение онлайн-курсов; - проведение вебинаров.
Конструктор комплексных заданий многофункционального сервиса Online Test Pad	- создание и хранение комплексных заданий, СДО с автоматической проверкой и сохранением результатов; - регистрация учеников по классам; - доступ к базе готовых заданий.
Конструктор онлайн-курсов Stepik	Создание и хранение онлайн-курсов.
<i>Инструменты для лингвистического анализа</i>	
Национальный корпус русского языка	Организация исследовательской проектной деятельности.
Британский национальный корпус	Организация исследовательской проектной деятельности.

Цифровые технологии предоставляют педагогам широкие возможности как по использованию цифровых сервисов и образовательных материалов цифровой образовательной среды РФ, так и самостоятельной разработке собственных цифровых образовательных ресурсов.

Доступ к разнообразным образовательным ресурсам позволяет педагогам обогатить учебный процесс и сделать его более интересным и эффективным. Возможность самостоятельно разрабатывать собственные цифровые образовательные ресурсы, содержащие уникальные материалы, адаптированные под особенности своих учеников и учебный план, способствует более гибкому и персонализированному подходу к обучению, что в свою очередь способствует повышению качества образования.

Литература

Гриншкун В.В. Современная цифровая образовательная среда: ресурсы, средства, сервис: монография / В.В. Гриншкун, Г.А. Краснова. – М.: Проспект, 2021. – 216 с. – ISBN 978-5-392-33744-6.

Калмацкий М. Цифровизация образования в России выходит на новый уровень / М. Калмацкий. – URL: <https://rg.ru/2023/02/13/cifrovizaciia-obrazovaniia-v-rossii-vyhodit-na-novyj-uroven.html> (дата обращения: 07.10.2023).

Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере начального общего, основного общего, среднего общего образования) (учитель)» (подготовлен Минтрудом России 31.01.2022 г.). – URL: <https://base.garant.ru/56909182/> (дата обращения: 12.10.2023).

Teachaholic. – URL: <https://vk.com/teachaholic> (дата обращения: 25.10.2023).

Гендерные особенности использования обращений в английском языке

*обращение, классификация, цель коммуникации, тенденции,
языковой такт, местоимения, СМИ*

Обращение – это использование лексических единиц (существительных, местоимений, субстантивированных прилагательных, словосочетаний) «для называния лиц или предметов, к которым обращена речь» [Ахманова 2010: 266]. В качестве обращения могут применяться имена собственные, наименования профессий и должностей, родственных связей, возрастные и национальные признаки, а также «названия предметов или явлений неживой природы, обычно олицетворяемых» [Розенталь 2022: 149].

А.А. Данченко рассматривает функции обращения на основе сходства этих лексических единиц с другими. К примеру, междометия также служат для привлечения внимания собеседника и выражения эмоций говорящего, исходя из чего можно сказать, что междометия и обращения связывают вокативная (звательная) и эмотивная функции. Также вокативной функцией наделены различные формы вежливости, но также они обладают и этикетной функцией, что позволяет выделить такую же функцию и у обращений [Данченко 2021: 17].

К примеру, обращение демонстрирует, к кому именно обращается говорящий: к одному адресату (мужчине или женщине), группе лиц или большой аудитории, какова ситуация общения: официальная или неформальная, устная или письменная. При этом предполагается, что говорящий придерживается этикета, выбирая обращение так, чтобы оно соответствовало ситуации, было вежливым и комфортным для реципиента, не оскорбляло его и не ставило в неловкое положение [Hudeček 2021: 319]. При обращении к незнакомому человеку в английском языке чаще всего применяется «нулевая форма обращения» (а не номинативная, как в русском), поскольку говорящий хочет продемонстрировать скорее дистантность отношений, а не их интимность и доверительность. Обращаясь сразу к группе лиц, принято использовать «косвенное обращение» [Смит 2003: 88].

Подобные тенденции проявляются и в СМИ, где распространены такие формы обращения к читателю как “all of you”, а также различные конструкции, начинающиеся с этого сочетания слов. Например, в статье о праздновании Хэллоуина с помощью усложнения этой конструкции создается языковая игра (1) “*In an extra breakfast incentive for all you Halloween*

early birds—or should we say bats carbo-loading for the long night of vampiring ahead?” [The Guardian].

Обращение “girl” по отношению к девушкам и женщинам стало восприниматься как унижительное – вместо него следует воспользоваться вариантами “young woman”, “lady” и т. д. [Беляева 2018: 131]. В неофициальной обстановке по отношению к женщинам могут использоваться обращения “love” (“luv”), “dear”, “sweetheart”. Мужчины могут обратиться к другим мужчинам младше себя с помощью слов “boy”, “fellow”, “mate”, “buddy”, женщина в такой ситуации с большей вероятностью воспользуется обращением “young man”. Все эти обращения характерны для общения со знакомыми, но не слишком близкими людьми: они позволяют «избежать выражения интимности» [Стернин 2003: 64].

Так называемый феномен «языкового такта» связан с мотивом заботы о чувствах собеседника, его соблюдение позволяет сделать коммуникацию максимально комфортной и успешной для обеих сторон [Беляева 2018: 132]. К примеру, в современном английском снизилась частота употребления официальных форм “sir”, “madam”, “Mr”, “Mrs” в сочетании с фамилией или должностью, поскольку они говорят об «асимметричности ролевых отношений», а язык стремится к демократизации общения, отказываясь от демонстрации социального неравенства коммуникантов [Смит 2003: 90]. То же можно сказать и об обращении к аудитории “ladies and gentlemen”.

Анализ материалов СМИ показал, что в настоящее время они в основном используются в правительственных учреждениях, например, на заседаниях Парламента, где принято соблюдать многовековые традиции. Такие обращения, как «милорд» сочетаются с официальным языком заседания и многочисленными традиционными формулами вежливости и подчеркивают серьезность заявлений говорящего: (2) *“My Lords, we most humbly adopt the facts as presented in the supporting affidavit, and the same will be referred to in the course of the argument.”* [The Guardian].

Представители различных политических партий также обращаются к друг другу нарочито вежливо, даже если выступают с резкой критикой в адрес оппонента: (3) *“Quite frankly, Mr. Secretary, I think that your performance is despicable and I think the fact that you are not willing to provide answers to this committee is absolutely atrocious”* [USA Today].

Сами издания СМИ в основном используют эти формы для создания юмористического эффекта. К примеру, рассказ о бездомной собаке, которой с помощью социальных сетей нашли хозяев, предваряется традиционным официальным обращением «дамы и господа», что очевидно сделано в комических целях: (4) *“Ladies and gentlemen, please say hello to the newest member of the Hampton PD family... Copper!”* [Daily Mail].

Другой распространенный случай употребления официальных обращений – их ироничное использование для выражения неодобрения по отношению к действиям героя публикации, обычно политического дея-

теля. Так, осуждая нежелание бывшего президента США Д. Трампа разговаривать с протестующими, издание написало: (5) *"Mr President, don't go hide behind the secret service. Go to talk to the demonstrators seriously."* [The Guardian]. Официальное обращение в этом случае, очевидно, является ироничным и применяется как средство насмешки над героем статьи.

Для выражения ярких эмоций в СМИ иногда применяются обращения *"dear readers"* или *"dear audience"*, например, при поздравлении аудитории издания с праздниками: (6) *"Merry Christmas, Happy Hanukah, Joyous Kwanza, and Fabulous Holidays to you all, dear readers"* [USA Today].

Обращения *"my friends"* и *"dear friends"* чаще используются в ироническом или саркастическом ключе или если автор хочет простым языком рассказать о сложной проблеме: (7) *"You see, my friends, the financial system is not busy breaking"* [The Guardian]. Довольно частотным является обращение *"people"*, не обладающее ярко-выраженной эмоциональной окраской и не называя адресата конкретно: (8) *"That's right, people, it's Nov. 1 and that means we are in the fast lane of the Holiday Highway"* [Daily Mail].

Обращение *"guys"* (часто в сочетании с призывным *"hey"*) чаще применяется в статьях рекламной тематики, чтобы подчеркнуть намерение подсказать аудитории качественный продукт: (9) *"Hey Guys, Stay Ahead of the Game with Yearly Checkups"* [Daily Mail]. Также такое обращение используется, если говорящий хочет извиниться или уважительно поспорить: (10) *"Hey guys. I want to apologize to the Jewish community and anyone else who was offended by my post"* [USA Today].

Литература

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Книжный дом «Либроком», 2010. – 576 с.

Беляева Е.А. Политически корректные обращения в английском языке / Е.А. Беляева, Л.Г. Чумарова // Казанский вестник молодых ученых, 2018. – С. 131–133.

Данченко А.А. Прагматические функции обращения / А.А. Данченко // Наука и образование сегодня. – 2021. – С. 17–18.

Розенталь Д.Э. Справочник по русскому языку. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М.А. Теленкова / Д.Э. Розенталь. – М.: Мир и образование, 2022. – 624 с.

Смит С. Обращение в английской коммуникативной культуре (в сопоставлении с русской) / С.Смит, Т.В. Ларина // Вестник РУДН: Русистика, 2003. – С. 79–91.

Стернин И.А. Очерк английского коммуникативного поведения: Научное издание / И.А. Стернин, Т.В. Ларина, М.А. Стернина. – Воронеж, 2003. – 185 с.

Hudeček L. Addressing the Audience: Gender Analysis / L. Hudeček, M. Mihaljević // Institute of Croatian Language and Linguistics, Zagreb, Croatia,

2021. – P. 319–329. – URL: <https://hrcak.srce.hr/file/391254> (дата обращения: 02.10.2023).

Daily Mail. – URL: <https://www.dailymail.co.uk/home/index.html> (дата обращения: 02.10.2023).

The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/international> (дата обращения: 02.10.2023).

USA Today. – URL: <https://www.usatoday.com> (дата обращения: 02.10.2023).

**Диминутивы имен собственных в переводах романа
Л.Н. Толстого «Анна Каренина» на испанский язык**

диминутивы, имена собственные, Л.Н. Толстой, испанский язык

Роман Льва Николаевича Толстого «Анна Каренина» пользуется неизменным успехом у испаноговорящих читателей с момента публикации первого перевода и по сей день. На неиссякаемый интерес к этому произведению указывает и существование множества различных версий перевода. Объектом данного исследования послужил перевод диминутивов имен собственных на материале разновременных переводов романа «Анна Каренина» на испанский язык.

Диминутивность представляет собой функционально-семантическую категорию, выражающую субъективно-оценочное значение небольшого объема, малости, которое создается посредством уменьшительно-ласкательных аффиксов. Изучению диминутивов посвящены работы В.А. Богородицкого, В.В. Виноградова, И.В. Арнольд, В.И. Шаховского.

Помимо придания значения уменьшительности, диминутивы обладают широким семантико-прагматическим потенциалом. Известный испанский ученый-лингвист Амадо Алонсо, посвятивший множество работ изучению диминутивов, в революционном для своего времени труде «Estudios lingüísticos. Temas Españoles» (1953) делает акцент на аффективном характере диминутивов [Alonso 1953: 12]. Семантика диминутивности связана прежде всего с эмотивным компонентом. Диминутивы придают высказыванию определенную эмоциональную окраску и могут быть интерпретированы в зависимости от речевой ситуации, как проявление доброжелательного отношения, ласки, пренебрежения, уничижительности, ироничности.

Как для русского, так и для испанского языков характерна развитая система диминутивов с широким спектром семантических признаков. В испанском языке наиболее частотными являются суффиксы -ito, -ico, -illo.

В испанском языке диминутивных моделей меньше, чем в русском языке, правила суффиксации довольно строго регламентированы, в то время как в русском языке они зачастую окказиональны. В обоих языках диминутивы могут использоваться с существительными, прилагательными и наречиями; преобладает суффиксальный способ образования диминутивов.

В категории диминутивности находит отражение национальная специфика языка. К примеру, в испанском языке использование того или иного диминутивного суффикса обусловлено географическими факто-

рами и диалектными различиями. Л.Ю. Резниченко рассматривает диминутивы в качестве маркеров культурно-значимой информации, которые составляют важную часть лингвокультурной картины мира [Резниченко 2009: 85].

В литературных текстах диминутивы могут служить художественным средством для достижения определенного эффекта. Диминутивные формы в произведении служат для придания определенной стилистической окраски, коннотации, нередко придают комический эффект, участвуют в создании окказиональных авторских единиц.

Что касается имен собственных, обращения с диминутивами выражают отношения говорящего к лицу, которому адресовано высказывание. К примеру, в речи князя Щербацкого часто встречаются ласковые обращения к дочери: Дашенька, Долинька, которые позволяют читателям прочувствовать особое отношение отца к любимой дочери.

Перевод диминутивов и передача их семантики представляют собой непростую задачу для переводчика. Если невозможен подбор уменьшительного суффикса с эквивалентным значением, переводчики прибегают к различным языковым средствам для заполнения эмотивной лакуны, обусловленной использованием диминутива.

Рассмотрим различные варианты перевода на испанский язык обращения Стивы Облонского к маленькой дочери:

– Ну, иди, **Танчурочка** моя [Толстой 1970: 13].

De Verneuil: *Ya puedes ir, **Tania*** [Tolstoï 1887: 15].

Santos Hervás: *Bien, **hija mía**, anda <...>* [Tolstoy 1901: 15].

López-Morillas: *Bueno, anda, **Tania, preciosa***. [Tolstói 2018: 23].

Gallego Ballesteros: *Bueno, **Tania, bonita** vete <...>* [Tolstói 2022: 30].

В тексте Толстого короткая форма имени Татьяна, «Таня», соединяется со диминутивной формой слова дочь – «дочурочка». Это окказиональное обращение придает высказыванию особенный уменьшительно-ласкательный оттенок. Эмотивный компонент, выраженный в русском языке диминутивом, компенсируется в испанском за счет лексических средств “*hija mía*” (дочь моя, доченька), “*preciosa*” (красавица, драгоценная, прекрасная, очаровательная) “*bonita*” (милая, красивая).

Рассмотрим другие примеры образования диминутивов от имен собственных и варианты их переводов на испанский язык.

– А вот вспомнишь, да поздно, как с **Дашенькой** [Толстой 1970: 53].

De Verneuil: – *Ya las recordarás, aunque demasiado tarde, como sucedió con **Dachinka***. [Tolstoï 1887: 69].

Santos Hervás: – *¡Ya te acordarás cuando sea tarde! Ahora nos pasará como con **Dascinka*** [Tolstoy 1901: 76].

López-Morillas: – *Pues te acordarás de lo que digo, aunque demasiado tarde, como pasó con **Dolly*** [Tolstói 2018: 88].

Gallego Ballesteros: – *Ya te acordarás de mis palabras, pero será demasiado tarde, como ha pasado con **Dasha*** [Tolstói 2022: 86].

В то время как в версиях перевода Де Вернеля и Сантоса Эрваса мы встречаем транскрипцию уменьшительно-ласкательной формы имени Дарья – Дашенька (Dachinka, Dascinka), в более поздней версии перевода Гальего Бальестеро делает выбор в пользу краткой формы Даша, Лопес-Морильяс же останавливает свой выбор на домашнем прозвище Дарьи Александровны на английский манер Dolly.

– *Позови же его, **Алеша**, – сказала старая графиня* [Толстой 1970: 58].

De Verneuil: *Llámale, **Alejo** – dijo la anciana condesa* [Tolstoï 1887: 76].

Santos Hervás: – *Ve á buscarle, **Alejo** – dijo la Condesa* [Tolstoy 1901: 84].

López-Morillas: – *Llámale, **Alekséi** – dijo la vieja condesa* [Tolstói 2018: 96].

Gallego Ballester: *Ve a llamarlo, **Aliosha** – dijo la vieja condesa* [Tolstói 2022: 93].

Рассмотрев вышеприведенные примеры, мы можем заметить, что в ранних версиях переводчики обращаются к такому способу перевода, как транспозиция имен собственных, выбирая испанское имя Alejo, близкое по звучанию и происхождению к имени Алексей. В последней на данный момент версии перевода Гальего Бальестеро делает выбор в пользу транслитерация диминутивной формы имени Алеша – Aliosha.

Очевидно, что при выборе того или иного способа передачи уменьшительно-ласкательных форм имен собственных переводчикам следует учитывать то, что испаноговорящие читатели, малознакомые с принципами именования и диминутивами имен собственных в русском языке, могут не понять возникновение той или иной формы личного имени и не суметь оценить ее семантический потенциал, заложенный автором.

Любопытно, что уменьшительно-ласкательные формы имен собственных встречаются в испанских переводах несмотря на то, что они отсутствуют в тексте оригинала:

«*Ага! Стива! Облонский! Вот и он!*» [Толстой 1970: 18].

– *¡Ah, **Estebanillo** Oblonsky!* [Tolstoy 1901: 23].

Переводчик Сантос Эрвас добавляет дружеский оттенок обращению с помощью присоединения к имени Esteban диминутивного суффикса -illo.

Также мы можем наблюдать, как нередко переводчики отказываются от диминутивных форм имени в переводе:

– *Ну что, **Мампеша**? <...>* [Толстой 1970: 11].

De Verneuil: – *¿Qué hay, **Matrona**? <...>* [Tolstoï 1887: 15].

Santos Hervás: – *¿Qué hay, **Matrena**? <...>* [Tolstoy 1901: 11].

Gallego Ballester: – *¿Qué pasa, **Matriona**? <...>* [Tolstói 2022: 26].

В то время как в оригинальном тексте романа мы видим ласковое обращение барина к няне Матрене Филимоновне, выраженное с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса, в переводе заметна потеря семантического компонента диминутива.

Роман «Анна Каренина» и его многочисленные переводы на испанский язык представляют собой богатый материал для изучения диминутивов. Сравнительный анализ диминутивов в русском и испанском языках

позволяет выявить их особенности, общие черты и различия. Разновременные версии переводов романа позволяют проследить за тем, как менялись переводческие решения и какие факторы влияли на их выбор, а также понаблюдать за способами компенсации эмотивного компонента в случае отказа от диминутивных суффиксов.

Литература

Резниченко Л.Ю. Диминутивность как средство моделирования лингвокультурной и лингвопсихологической картины мира / Л.Ю. Резниченко // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – № 5. – С. 85–92.

Толстой Л.Н. Анна Каренина / Л.Н. Толстой. – М.: Наука, 1970. – 684 с.

Alonso A. Noción, emoción, acción y fantasía en los diminutivos. Estudios lingüísticos. Temas españoles / A. Alonso. – Madrid: Editorial Gredos, 1953. – P. 11–189.

Tolstoï L. Ana Karenine: novela rusa / L. Tolstoï; traducción de Enrique L. de Verneuil; ilustración de Isidro Gil. Tomo primero. – Barcelona: Daniel Cortezo y C.^a, 1887. – 376 p.

Tolstoy L. Ana Karenine: novela rusa / L. Tolstoy; traducción de J. Santos Hervás. Tomo primero. – Barcelona: Casa Editorial Maucci, 1901. – 384 p.

Tolstói L. Anna Karénina; traducción de Juan López-Morillas / L. Tolstói. – Madrid: Alianza Editorial, 2018. – 1115 p.

Tolstói L.N. Anna Karénina: novela en ocho partes / L.N. Tolstói; traducción, introducción y notas Víctor Gallego Ballester. – Barcelona: Alba Minus, 2022. – 1000 p.

Джунгурова Валери Николаевна
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова
Алишина Ханиса Чайдатовна
Тюменский государственный университет
УДК 81.28:811.512.145

**Актуальность перевода скотоводческой лексики,
собранной Наки Исанбетом: постановка проблемы**

*татарский и русский языки, фразеологический словарь,
скотоводческая лексика*

Перевод имеет большое значение для понимания этнического менталитета и духовной культуры того или иного народа. Сегодня в результате естественной ассимиляции молодое поколение утрачивает знание этнографической лексики родного языка, запечатленного в уникальных татарских произведениях XX в.

Материалом для перевода с татарского на русский язык является «Татар теленең фразеологик сүзлеге», изданный в Казани в 1989 г. Автор словаря, Наки Исанбет, чья многогранная деятельность и духовное наследие активно изучаются в последние годы М.М. Хабутдиновой, внес значительный вклад в фольклористику, драматургию, поэзию, прозу, в науку и в целом в культуру татарского народа.

По материалам его бесценного двухтомного словаря нами составлена картотека из 300 лингвистических единиц, отражающая скотоводческую лексику, к которой помимо названий 5 видов скота мы отнесли названия частей тела скота, детенышей домашних животных, хозяйственную лексику (конская упряжь и т. д.)

Актуальность перевода скотоводческой лексики, собранной в XX в. Наки Исанбетом, заключается в необходимости сохранить элементы уходящего быта для коммуникативной функции народов, говорящих и передающих мысли на разных языках, для писателей, для мировой сокровищницы культуры. С этой целью мы сделали попытку перевести некоторые фразеологические единицы с татарского на русский язык. В дальнейшем полученные результаты будут использованы в коллективной монографии «Лексика традиционного скотоводства в тюркских и монгольских языках», в словаре «Скотоводческие термины в тюркских и монгольских языках», в других научных публикациях.

Картотека, составленная нами, включает такие дефиниции, как авызлык (удила) – 2, алаша (лошадь) – 5, арба (телега) – 4, ат (конь) – 53, бия (кобыла) – 3, бозау (теленок) – 14, дилбегә (вожжи) – 11, дөя (төя) (верблюды) – 12, кәжә (коза) – 24, койрык (хвост) – 7, колын (жеребенок) – 3, мөгез (рога) – 9, сарык (овца) – 8, сыер (корова) – 30, тай (жеребец) – 9, тәртә (оглобли) – 5, тояк (копыто) – 7, тышау (путы) – 1, үгез (бык) – 25, чана (сани) – 2, ял (грива) – 2 примера.

Ниже приводим примеры нашего перевода названий 5 видов скота с татарского языка на русский (верблюд, коза, конь, корова, овца), имеющих в составе татарских фразеологических единиц.

Верблюд

Төймәне **дөя** итү [Исәнбәт 1989, 2: 173] – сделать из пуговицы верблюда.

Төя белән сәфәр чыгасы түгел [Исәнбәт 1989, 2: 182] – не отправляться в путешествие на верблюде.

Дөядән инә саплату [Исәнбәт 1989, 1: 248] – заставить верблюда вдеть нитку в иголку.

Дөя шикелле бер төз жире юк [Исәнбәт 1989, 1: 248] – у него, как у верблюда, нет ни одного ровного места.

Төяне төге белән йотар [Исәнбәт 1989, 2: 182] – он проглотит и верблюда с рисом.

Төянең койрыгы кайчан жиргә тияр [Исәнбәт 1989, 2: 182] – когда у верблюда хвост до земли вырастет.

Коза

Аптыраганнан гына сүзем, кәжәкәем [Исәнбәт 1989, 1: 82] – госпожа коза, нечаянно сказал я тебе это слово, прости.

Беләсең кәжә катыгын [Исәнбәт 1989, 1: 157] – знаешь ты козий катык.

Кәбестә бакчасына кәжәне жибәрү. Кәбестәне кәжәгә тапшыру. [Исәнбәт 1989, 1: 438] – поручить стеречь капусту козе.

Кәжә догасы укыту [Исәнбәт 1989, 1: 442] – заставить читать козью молитву.

Кәжә койрык күтәрә дип сарык та койрык күтәргән [Исәнбәт 1989, 1: 442] – овца подняла хвост, подражая козе.

Кәжәнең туганда ук сакалы була [Исәнбәт 1989, 1: 442] – у козла борода с рождения.

Кәжә савып көн күрү [Исәнбәт 1989, 1: 442] – жить за счет козьего молока.

Кәжәсе кыйбат түгел, мәзәге кыйбат [Исәнбәт 1989, 1: 442] – не дорога коза, дорог анекдот о козе.

Сыер урынына кәжә саву [Исәнбәт 1989, 2: 83] – доить козу вместо коровы.

Аптыраганнан гына суям, кәжәкәем [Исәнбәт 1989, 1: 82] – выражение человека, утешающего козу: «Не кричи, дорогая козочка. Я ведь тебя зарезу только из большой любви к тебе». Применительно к палачам безвинно убиенных людей

Корова, бык

Сыерга камыт кидерү [Исәнбәт 1989, 2: 83] – надевать хомут на корову.

Сыер дагалап йөрү [Исәнбәт 1989, 2: 83] – подковать корову.

Сыер урынына кәжә саву [Исәнбәт 1989, 2: 83] – доить козу вместо коровы.

Сьер шикелле яту [Исәнбәт 1989, 2: 83] – лежать, как корова.

Сөзәм дигән сыерның мәгезе сынган [Исәнбәт 1989, 2: 88] – у бодливой коровы рога сломались.

Теле кысыр сыер койрыгыннан ким түгел [Исәнбәт 1989, 2: 127] – язык не хуже, чем у бесплодной коровы.

Тоз ашаган сыер коега карагандай [Исәнбәт 1989, 2: 148] – смотрит на колодец, как корова, нализавшаяся соли.

Аның үгезе дә сөт бирә [Исәнбәт 1989, 1: 81] – у него и бык дает молоко. Аналогично: у него и бык телится. Везучий человек.

Аның үгезе дә бозаулый, аның үгезе дә тешене бозаулый [Исәнбәт 1989, 1: 81] – у него и бык телится, и телка у быка начинает телиться. О сказочно богатым, очень счастливым человеке.

Аның үгезе дә үкерә [Исәнбәт 1989, 1: 81] – у него и бык ревет. О человеке, которому очень в жизни везет.

Овца

Кәжә койрык күтәрә дип сарык та койрык күтәргән [Исәнбәт 1989, 1: 442] – овца задрала хвост, глядя на козу.

Сарык арасына бүре кергән күк булу [Исәнбәт 1989, 2: 68] – как волк, забравшийся в овечье стадо.

Сарыкны бүрегә тапшыру [Исәнбәт 1989, 2: 68] – поручить овец волкам.

Сарык тиресе бөркәнгән бүре /бүре баласы/ [Исәнбәт 1989, 2: 68] – волк в овечьей шкуре.

Аның сарыгы да бүре тотта [Исәнбәт 1989, 1: 80] – у него и овцы волков ловят. О хвастливом человеке. Соотв.: барон Мюнхгаузен.

Конь

Агач атка атландыру [Исәнбәт 1989, 1: 30] – посадить верхом на деревянную лошадку. Обмануть человека.

Алмаган ат тумаган колын [Исәнбәт 1989, 1: 67] – некупленная лошадь, неродившийся жеребенок. Мечтатель, выдающий желаемое за действительное. Соотв.: делить шкуру неубитого медведя.

Алпавыт алашасы түгел [Исәнбәт 1989, 1: 68] – это ведь не помещичья лошадь, т.е. не упитанная, чтоб перегружать ее.

Аның алашасы да колынлый [Исәнбәт 1989, 1: 79] – у него и лошадь жеребится. О богатом человеке, которому всегда везет.

Ат ачуын тәртәдән алу [Исәнбәт 1989, 1: 99] – гневаясь на лошадь, лупить оглобли. Сорвать гнев на другом человеке.

Ат базары ясау Тукта дим, ат базары ясама син безнең утырышны [Исәнбәт 1989, 1: 100] – делать конский базар, базарить.

Ат бар, арба юк, казан кайный, ярма юк, аннан түбән бар да юк [Исәнбәт 1989, 1: 100] – есть лошадь, нет телеги, казан кипит, крупы нет, вообще, ничего нет. О бедности, нищете.

Ат башы булу, ат башчы булып ат башына утыру [Исәнбәт 1989, 1: 100] – быть главой лошади. Быть кучером, сидеть на козлах, править, управлять.

Ат башына менәрлек малай [Исәнбәт 1989, 1: 100] – 6-7 летний мальчик, способный управлять лошадью в помощь отцу.

Аңа ат тизәге тәгәрмәч, эт тизәге пәрәмәч [Исәнбәт 1989, 1: 103] – ему конский навоз – колесо, собачий помет – перемяч.

Таким образом, наш небольшой опыт перевода фразеологической лексики с зоокомпонентами показывает национальное своеобразие и сочность народного языка татар. При этом мы видим отличие от языка сибирских татар, которое заключается в обозначении животных. Например, овца в языке сибирских татар обозначается древнетюркской лексемой «куй». Верблюд – редкое животное. Наряду со словом «төя» у сибирских татар имел хождение персидский термин «нар». Здесь мы также обнаружили фонетическую вариативность Т~Д: төя (сиб.)~дөя (лит. тат). Термин, обозначающий молочный напиток «катык» (аналог кефира), при переводе нами сохранен, так как эта реалия сейчас в русском языке также передается словом «катык».

В целом богатые изобразительные средства татарского языка транслируют национальную культуру народа. Начатая работа требует продолжения.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00060 «Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с традиционным скотоводством: сравнительно-исторический аспект»

Литература

Исәнбәт Нәкый. Татар теленең фразеологик сүзлеге. Ике томда / Н. Исәнбәт; Фәнни редакторы В.Г. Хаков. Рецензенты Ф.А. Ганиев. – Казан: Татарстан китап нәшрияты. – 1989. – 495 б.

Сингармонические и несингармонические свойства тюркских языков

*словесное ударение, сингармонизм, просодика, тюркский язык,
казахский язык, узбекский язык*

Словесное ударение и сингармонизм – явления просодии, их функционирование в разных языках имеет сходства и различия. Словесное ударение в русском языке является просодической доминантой слова как одного целого, состоящего из сочетания гласных и согласных, различая значения слов и их грамматические формы [Зиндер 1979: 256; Бондарко 1977]. В тюркских языках (турецком, киргизском, казахском, узбекском) оно присутствует, но его функции отличаются по сравнению с русским языком: оно фиксируется на последнем слоге слова, не выполняет смысловоразличительную и форморазличительную функции, но служит средством выражения логического ударения в предложении.

подавляющее большинство специалистов признают наличие словесного ударения в тюркских языках [Нурмухамедов 1990; Базарбаева 1997] за исключением небольшой группы тюркологов, утверждавших об отсутствии в тюркских языках словесного ударения [Байтурсынов 1912; Джунисбеков 1980].

Сингармонизм является просодической доминантой тюркского языка: все слово или сингармотвердое, или сингармомягкое независимо от количества слогов в нем. В других языках сингармонизм функционирует в четырех разновидностях: сингармолингвотвердый, сингармолингвомягкий, сингармолингволабиотвердый, сингармолингволабиомягкий. В казахском языке универсально функционируют первые два типа [Джусупов 1995].

В современном русском языке наблюдаются остатки слогового и группового сингармонизма, который функционировал в старославянском языке [Журавлев 1961: 43]. В современном узбекском литературном языке сингармонизм непоследовательный, но в односложном слове присутствует, несингармонизация происходит в процессе аффиксации. В этом плане современный русский язык и современный узбекский язык имеют сходства: сингармонизм в них полностью не исчез и не является просодической доминантой [Джусупова 2019: 42].

На основе качественного и количественного анализа сингармонического сочетания гласных и согласных в односложном слове выявлено, что не только в казахском, но и в узбекском языке в односложном слове сохранен сингармонизм [Джусупова 2017]. Отличия заключаются в том, что

в современном узбекском литературном языке односложных заимствованных слов из арабского языка и из фарси больше, чем в казахском языке. Например, односложные слова с инициальными согласными /ф/, /в/. Анализом материала исконно тюркских односложных слов показано, что частотность сочетания сингармосогласных и сингармогласных в целом в этих двух языках приблизительно одинаковая, но серьезная разница наблюдается в количестве омонимов к ним, а также в частотности сингармосочетаемости таких согласных в инициале слова как /m/ (160 – в каз. яз.; 126 – в узб. яз.), /p/ (148 – в каз. яз.; 40 – в узб. яз.).

Таким образом, просодические свойства слова – словесное ударение и сингармонизм присутствует в исследуемых трех языках, но характер их проявления и частотность функционирования не являются эквивалентными, то есть имеют существенные различия.

В звуковой (фонемной) системе сопоставляемых языков наблюдаются сходства и различия. Например, в казахском языке система гласных сингармофонем четко дифференцирована на сингармотвердые и сингармомягкие. В русском языке происходит то же, но маркируются терминами смягчающие и несмягчающие гласные. В узбекском литературном языке система вокализма на уровне буквенного обозначения в алфавите и, следовательно, в орфографии не дифференцируется на сингармотвердые и сингармомягкие, хотя в произношении односложных слов такая дифференциация реализуется. Нарушение сингармонизма в словах узбекского языка сильно проявляется в процессе аффиксации, то есть суффиксы и окончания в узбекском языке, как правило, не имеют сингармонических вариантов – в звуковом плане одновариантны.

Литература

Базарбаева З.М. Интонационная система казахского языка: автореф. дис. ... докт. филол. наук / З.М. Базарбаева. – Алматы, 1997. – 54 с.

Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка / Л.В. Бондарко. – М.: Просвещение, 1977. – 175 с.

Джунисбеков А. Сингармонизм в казахском языке / А. Джунисбеков. – Алматы: Наука, 1980. – 78 с.

Джусупов М. Фонемография А. Байтурсынова и фонология сингармонизма / М. Джусупов. – Ташкент: Ўзбекистон, 1995. – 176 с.

Джусупова У.Т. Лингвостатистика: понятия, направления, применение / У.Т. Джусупова // Язык: История и современность. – 2019. – № 2. – Нальчик. – С. 39–52.

Журавлев В.К. Формирование группового сингармонизма в праславянском языке / В.К. Журавлев // Вопросы языкознания. – 1961. – № 4. – С. 33–45.

Зиндер Л.Р. Общая фонетика. Учебное пособие / Л.Р. Зиндер; Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Высшая школа, 1979. – 312 с.

Нурмухамедов А. Есть ли словесное ударение в туркменском языке? – Да / А. Нурмухамедов // Тюркская фонетика-90: I Всесоюз.конф. (26–28 ноября): Тезисы докл. – Алматы, 1990. – С. 98–107.

Байтурсынов А. Оқу құралы. Усул сотие жолымен тәртіп етілген. Қазақша алифба. I-нші кітап / А. Байтурсынов. – Орынбор, 1912. – 40 б.

Использование технологии CLIL в процессе подготовки студентов вуза к виртуальной академической мобильности

*виртуальная академическая мобильность,
предметно-языковое интегрированное обучение,
преподавание иностранных языков*

Для развития академического сотрудничества и в то же время для поддержки академической мобильности студентов университеты интернационализируют образовательные программы. При этом во всем мире большинство университетов выбирают английский язык в качестве основного языка обучения [Леонарди 2015].

Изменение языка обучения с родного на английский приводит к изменению методики обучения и значимости содержания. Важным становится использование современных форм и методов обучения иностранному языку. Среди них ученые выделяют методику предметно-языкового интегрированного обучения (Content and Language Integrated Learning – CLIL). Данная методика формирует необходимые компетенции у студентов разных направлений [Батурина и др. 2017].

Многие ученые в области интегрированного обучения предмету и языку (CLIL) определяют данную методику как уникальный способ обучения. А.Ю. Поленова выделяет CLIL как технологию, мотивирующую обучающихся изучать английский язык через учебный предмет, одновременно улучшая уровень английского языка [Поленова 2016].

Обоснование CLIL заключается в том, что иностранные языки традиционно преподаются вне контекста, и считается, что с помощью CLIL использование языка может стать более аутентичным и более полезным, что позволяет обучающимся правильно выражать свои мысли в конкретной области. Предметное содержание может предоставить обучающимся более естественную среду для изучения и использования иностранного языка подходящим образом, тем самым обеспечивая успешное реальное общение.

CLIL поощряет естественное изучение языка и способствует развитию коммуникативной компетенции [Леонарди 2015].

Согласно М. Дули и М. Винагре, технология CLIL также обеспечивает содержание учебной программы на иностранном языке, что приводит к расширению предметных знаний, повышению уровня владения второго языка, укреплению двуязычия, поощрению многоязычия и мультикультурализма, повышению мобильности граждан и поощрению интернационализации [Дули, Винагре 2022].

Сам термин Content and Language Integrated Learning (CLIL) был введен в 1994 г. Дэвидом Маршем [Батурина и др. 2017].

По мнению К. Перез-Видаля, занятия по технологии CLIL способны готовить обучающихся к академической мобильности, так как похожие условия обучения встречаются и в рамках программ обмена [Перез-Видаля 2015].

М. Дули и М. Винагре считают, что виртуальный обмен оптимальным образом использует информационно-коммуникационные технологии, чтобы трансформировать и перенести изучение языка из класса во взаимодействие с другими географически удаленными обучающимися. Как считают данные авторы, ключевыми целями виртуальных обменов являются вовлечение обучающихся в социальное взаимодействие и совместное обучение с обучающимися, с которыми они обычно не общаются, чтобы они могли использовать изучаемый целевой язык и размышлять над ним посредством диалога. Исследования в области виртуальных обменов показывают положительные результаты в изучении языка и рост межкультурной осознанности [Дули, Винагре 2022].

Виртуальный обмен дает студентам возможность использовать изучаемый язык для аутентичного общения со студентами в других странах, исходя из содержания их предметной области. Важно отметить, что все большее число виртуальных обменов основано на партнерстве *lingua franca*, которые используют английский для совместной работы над задачами, связанными с общей предметной областью.

Среди целей обучения с применением CLIL также является развитие межкультурной компетентности. Виртуальные обмены дают студентам то, что очень часто является их первым опытом сотрудничества с людьми другого культурного происхождения. Когда онлайн-задания хорошо структурированы и когда учителя обеспечивают достаточную поддержку и руководство, онлайн-обмен может привести к тому, что учащиеся будут более критически размышлять над собственными культурными взглядами и быть более чуткими к убеждениям и ценностям своих партнеров.

Виртуальные проекты межкультурного сотрудничества также во многом отражают практику занятий CLIL.

Методология CLIL основана на принципах, согласно которым языки наиболее успешно изучаются, когда учащиеся вовлечены в осмысленную деятельность, ориентированную на них самих, которая предполагает обучение на практике. Обучение на занятии CLIL также основано на совместной деятельности, основанной на задачах, которые по возможности используют информационные и коммуникационные технологии. Виртуальный обмен, если он правильно структурирован и интегрирован, четко отражает этот подход к обучению. Студенты, участвующие в проектах виртуального обмена, выполняют задания со своими международными партнерами. Они занимаются исследованиями в рамках своих занятий и делятся своими результатами в виртуальном обмене [О'Довд 2018].

Таким образом, при правильном подходе методику CLIL возможно использовать для обучения академическому иностранному языку в рамках подготовки студентов к виртуальной академической мобильности.

Литература

Батурина Н.В. Использование приемов, методов и моделей системы CLIL в процессе обучения английскому языку студентов бакалавриата / Н.В. Батурина, Ю.С. Руковишников, И.В. Батунова // Международный научно - исследовательский журнал. – 2017. – № 10-1 (64). – С. 9–13.

Поленова А.Ю. Английский как язык обучения в университетском экономическом образовании: проблемы и перспективы развития / А.Ю. Поленова // JER. – 2016. – №3. – С. 153–162.

Dooly M. Research into practice: Virtual exchange in language teaching and learning / M. Dooly, M. Vinagre // Language Teaching. – 2022. – Vol. 55. – Issue 3. – P. 392–406.

Leonardi V. Bridging the gap between ESP and CLIL in the University Context / V. Leonardi // Teaching English for Specific Purposes in Higher Education. – 2015. – Vol. 5. – P. 18–26.

O'Dowd R. Innovations and Challenges in Using Online Communication Technologies in CLIL / R. O'Dowd // Theory Into Practice. – 2018. – Vol. 57. – Issue 3. – P. 232–240.

Perez-Vidal C. Languages for all in education: CLIL and ICLHE at the crossroads of multilingualism, mobility and internationalization / C. Perez-Vidal // M. Juan-Garau, J. Salazar-Noguera (Eds.), Content-based language learning in multilingual educational environments. New York: Springer. – 2015. – P. 31–50.

Особенности перевода языковой игры в печатных изданиях

игра слов, публицистический текст, перевод

В современном потребительском мире происходит становление новых требований, предъявляемых к языку и текстам, так как они выступают средствами коммуникации в культурно-социальной среде. Развивающиеся интернет-технологии осуществляют роль драйверов активного обмена данными, что ставит под вопрос эффективность жанров и стилистических особенностей текста. Одним из подобных стилей является публицистический. Он отличается своей информативностью, актуальностью и оригинальностью в подаче информации. Однако, несмотря на перечисленные особенности, публикация в большинстве случаев представляет собой «сухую выжимку» из всего объема журналистского материала, лишенную оценки. Тем не менее в отдельных специфических направлениях, таких как новостные и рекламные заголовки, присутствует еще одна черта – эмоциональная окрашенность. Выразить ее можно прибегая к использованию различных риторических приемов. Среди них нередко встречается игра слов, каламбурная фразеология, ассонанс и метафора. Умение работать с подобными приемами отражает креативность автора и раскрывает нюансы содержания события. Юмор, будучи частью риторики, играет не менее важную роль в общении, и межкультурная коммуникация не является тому исключением. Согласно результатам многочисленных опросов, проводимых среди профессиональных переводчиков, юмор остается самой большой трудностью в переводе. *Игра слов*, которая неразрывно связана с ним, также представляет особые проблемы для специалистов, поскольку при ее создании учитываются языковые особенности и социокультурное окружение первоначального реципиента.

Проблема переводимости игры слов и каламбурной фразеологии остается актуальной в течение длительного промежутка времени и затрагивается в научных трудах многих лингвистов-переводчиков. Теоретическая база, хоть и не имеет единого общепринятого облика, продолжает совершенствоваться и претерпевать изменения. Стоит также отметить, что в настоящее время специалистам доступен широкий спектр лингвостилистических трансформаций (лексических, грамматических и синтаксических преобразований элементов текста исходного языка), позволяющий практически без потерь интерпретировать сообщение с одного языка на другой. В данной работе рассматриваются лингвостилистические и переводческие особенности игры слов на примере двух языков: *русского и французского*.

В медиапространстве все чаще встречаются тексты с однотипной фиксированной структурой (логический подход к изложению, зачастую лишенный образности). Подобная клишированность заставляет авторов искать новые и креативные методы передачи сообщения таким образом, чтобы оно выделялось на общем фоне потоковой информации. Для решения этой задачи и существует *заголовок* – «один из наиболее значимых компонентов, перенимающий на себя параметр образности (иногда и художественности) и позволяющий сохранить объективность повествования всей работы».

На основании многочисленных работ в области языка и медиа дискурса таких авторов, как Э.А. Лазарева, М.И. Шостак, Г.В. Степанов, О.И. Богословская и др., можно вывести собирательное определение *заголовка*: «это единица речи, обязательная часть текста, которая определяет основную тему работы, имеет фиксированное положение (перед и над текстом) и выступает в качестве средства воздействия на читателя». Часто заголовок выступает наиболее удачной иллюстрацией экспрессивно-оценочной составляющей медиатекста: он коррелирует с его темой и выполняет функцию вербализации ситуации.

Смысловая структура заголовка, в основе которого лежит *языковая игра*, включает в себя оценочный и фоновый компоненты. Фоновый элемент выражает конкретное явление, проблемную ситуацию или событие, которое раскрывается в статье. В свою очередь, оценочный элемент выражает авторскую позицию, то есть отношения публициста к фоновому материалу. Два данных элемента и составляют эмоционально-оценочный, образный план заголовка.

Существует большое количество определений языковой игры, которые представляют узкий и специфический подход к пониманию исследуемого феномена. Так, например, Б.Ю. Норман, советский и белорусский лингвист, рассматривает *языковую игру* как «<...> использование языка для достижения эстетического и художественного (чаще комического) эффекта <...>» [Норман 1994: 79]. В свою очередь, советский и российский лингвист, В.С. Виноградов, предложил более полное определение данного феномена, приравнивая его к каламбуру. Помимо этого, он отмечает, что для достижения явного комического эффекта при создании каламбуров необходимо прибегнуть к употреблению омонимов и паронимов, созвучий, полисемии и изменению устойчивых выражений. Каламбур, по определению С.И. Влахова, болгарского переводчика и лексиколога, напротив, представляет собой «<...> стилистический прием, одной из отличительных черт которого выступает сведение двусмысленности к одной языковой единице, где все значения звукового слова воспринимаются одновременно <...>» [Влахов 1980: 287]. Стоит отметить, что в данной работе понятия «игра слов» и «каламбур» выступают в качестве синонимичной пары.

Особый интерес для лингвистов представляют фразеологические каламбуры. В их основе лежат трансформации, суть которых, согласно

трудам В.С. Виноградова, «<...> заключается в разрушении формы и/или содержания исходной фразеологической единицы <...>». Перевод данных фразеологизмов вызывает наибольшие трудности.

Каламбур оригинального текста передается в тексте перевода разнообразными способами. Например, переводчик в праве: сохранить или опустить основу устойчивого выражения; интерпретировать сообщение за счет описательных приемов; не передавать каламбур вовсе.

Несмотря на всю степень сложности, переводчик должен достичь наибольшей эквивалентности. Иными словами, переводчик должен минимизировать утрату смыслового выражения контекста, насколько это предоставляется возможным в каждом отдельном случае. Что касается языковой игры, то переводчику нужно стремиться к глубокому пониманию сущности этого явления, правильно определять значимость компонентов, стараться по возможности сохранить форму языка оригинала и органично вписать переведенную единицу в контекст всего произведения, чтобы сохранить ту же функциональную нагрузку, что и в оригинале. При соблюдении этих условий перевод игр слов можно считать *адекватным*.

В качестве основы для анализа были взяты каламбурные выражения из заголовков газетных изданий.

Заголовок «La peur au vendre» был приурочен к событиям мирового экономического кризиса 2007–2009 гг., которые нельзя охарактеризовать с положительной точки зрения. Дословный перевод: ‘Страх перед продажей’. Данный заголовок представляет собой пример употребления пары омофонов. Так, слово *vendre* ‘продавать’ употребляется вместо слова *ventre* ‘живот’ во фразеологическом выражении *la peur au ventre*, которое на русском языке имеет значение ‘смертельно испугаться’ / ‘испугаться до смерти’. Соответственно, каламбур можно назвать удачным, поскольку люди в период кризиса были не только шокированы, но и напуганы, многие остались без жилья и не знали, как себя вести.

Заголовок «Femmes, pour mûrir de plaisir». Дословный перевод: ‘Женщины: взростеть с удовольствием’. Статья, опубликованная в мае 2008 г., была посвящена выходу женского дизайнерского журнала *Femmes* от *Prisma Presse*. Директор *Prisma* заявил, что женщины после 40-50 лет только начинают узнавать себя заново, наслаждаться жизнью, не отвлекаясь на детей и прочие хлопоты по хозяйству. Основной идеей журнала *Femmes* было показать, что женщины с годами все больше расцветают, становятся роскошнее и прекраснее. Статья возымела успех за счет использования игры созвучных слов *mûrir* ‘созревать, взростеть’ и *mourir* ‘умирать’: в первом случае перевод звучит как «взростеть с удовольствием», во втором – «умереть от удовольствия». Тогда мы получаем совершенно иной смысл: женщины в возрасте настолько красивы и привлекательны, что можно потерять голову от удовольствия и умереть. За счет правильно подобранной конструкции и умения ее обыграть автор смог достичь нужного эффекта. Право выбора варианта перевода будет

оставаться за переводчиком, исходя из того, какой эффект он хочет воссоздать в интерпретированной работе.

Заголовок «La nouvelle candidate à la primaire s'engage à défendre les démunis. Hollande: "Moi, je suis le candidat des sans-Aubry"» был приурочен к событиям, происходившим в период политической гонки между Франсуа Олландом и Мартины Обри. Тогда первый секретарь Французской социалистической партии Мартин Обри с достоинством признала свое поражение. Дословный перевод: 'Новый кандидат на праймериз (внутрипартийные выборы) обещает защищать обездоленных. Олланд: "Я – кандидат без Обри"'. В качестве основы для данного примера было взято составное существительное *sans-abri*, которое при переводе на русский язык означает 'бездомные'. Автор статьи заменил второй компонент сложного существительного *abri* 'приют' на имя собственное *Aubry*, сохраняя предлог *sans*, а также существующий графический знак (тире). Благодаря подобной лексической модификации получился громкий и красочный каламбур: Олланд, который является оппонентом Мартины Обри, ведет кампанию от имени обездоленных.

Приведенные примеры позволяют сделать вывод, что каламбур является одним из «ведущих» направлений, используемых в прессе, а цель лингвистической игры – не создавать имитацию поэтичности языка, а просто подсказать читателю основную идею и привлечь внимание к ней, сохранив в заголовке согласованность словесной игры с контекстом одноименной статьи.

Литература

Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В.С. Виноградов. – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2004. – 224 с. – С. 16, 81–85.

Влахов С. Непереводимое в переводе: учебник / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Международные отношения, 1980. – 343 с.

Норман Б.Ю. Грамматика говорящего / Б.Ю. Норман. – СПб., 1994. – 228 с.

Libération – URL: <https://www.liberation.fr/> (accessed: 03.10.2023)

Sullet-Nylander F. Jeux de mots et défigements à La Une de Libération / F. Sullet-Nylander // *Langage et société*. – 2/2005. – № 112. – P. 111–139.

**Фразеологические особенности концепта «человек»
в языковой картине мира**

фразеологизм, концепт, язык, человек, анализ, языковед

Когнитивному направлению современной науки о языке присуще понимание фразеологических единиц не только как лингвистического, но и как ментального факта. Согласно проведенным научным исследованиям в области когнитивного анализа языка (речи) определено, что фразеологическая единица относится не к уровню языковой техники, а к уровню мышления и деятельности. Преимущественно в языке появляется картина фразеологической систематики, которая раскрывает человеческий образ мышления и поведения в неоднозначной ситуации, которая обычно реализуется в жизненном дискурсе.

Так как концепт – это часть познаний, навык личности, включающий как языковые, так и невербальные сведения, его считают эффективной смысловой единицей памяти когнитивного лексикона, мировоззренческой системы представления мира. Таким образом, концепт воспринимают сложным явлением и в нем выделяют интеллектуальное, экспрессивное, придуманное, определенное, универсальное, этническое, всенациональное, персонально-частное. По итогам деятельности, представлению мира, абилитации в сознании личности концепты показывают:

а) принятие вселенной всеми органами чувств (прямой физиологический эксперимент);

б) когнитивные действия, в процессе которых выявляется сотрудничество с иными имеющимися концептами;

в) лингвистические умения (концепт может быть проинформирован, доступен человеку посредством языкового явления);

г) процедура сознательного восприятия языковыми компонентами. Определение концепта человек требует выявления, по нашему мнению, как с точки зрения мировоззренческого, так и речевого представления вселенной.

Многие языковеды занимались вопросами определения языковой картины, а именно: Ю. Караулов, Н. Сукаленко, Л. Вайсгербер, А. Вежбицкая. В частности, в современных исследованиях превалирует гипотеза лингвистической относительности, авторами которой являются Э. Сепир, Б. Уорф, Л. Вайсгербер. Они придерживаются мнения о том, что нужно познавать мир с позиции речи. Они считают, что картина мира может

сформироваться только в процессе непосредственного контакта человека с окружающей средой, то есть посредством социализации [Зайпулаева 2018:92].

Положения об этническо-культурной особенности идиоматической системы любого языка предполагают конкретного исследования, так как помимо элементарного уровня, который показывают части фразеологических компонентов на словесном уровне (явления, сленги, архаизмы и т.д.), имеется существенную степень, который выявляется во время межъязычного сравнения переделанных частиц мировоззренческого уровня. Тот или иной субъект (в широком рассмотрении определения) в различной культуре располагается в характерологическом окружении, присущем только этой культуре, то есть вокруг концепта формируется культурно обусловленное ассоциативное пространство, соответственно влияющее на концепт.

Реальные атрибуты реконструированных лексических и фразеологических прототипов имеют большую общую часть (объем которой может быть изменен). Познавательные структуры (структуры, схемы), имеющие связи с женским характером проявления или обликами, совершенствуются богатыми словесными комбинациями с прилагательным «женский». К примеру: «женская интуиция», «женская логика». А мужского – с прилагательным «мужской»: «мужской характер», «мужской тип», для примера, когда слышишь фразу «мужской характер», данная фраза символизируется в тот час же самоуверенной, требовательной, а также бескомпромиссной личностью.

Также и отрицательная коннотация слова «баба» отражается в выражениях «бабы дела», «бабы сплетни», «бабы наговоры», к примеру: «Мужу можно сказать: «Не лезь в бабы дела, я сама решаю, чем мне губы красить и какую распашонку малышу покупать». «А его маме это не скажешь – она тоже женщина, а значит, решать свои бабы дела будете не вы, а она». «Поговаривали сначала, что помянутый казачок Климка будто бы переодетая женщина, но это бабы сплетни, ничего больше» [Фелицына 1990:168].

Наиболее полно культурная коннотация фразеологизма раскрывается в контексте. Так, например, для русской лингвокультуры характерен образ, связанный с силой, уверенностью в своих действиях личности: «за ним, как за каменной стеной». «Он упрям, часто вяжется по мелочам и временами бывает отвратительно сварил». «Том – за ним как за каменной стеной, Команда любит его даже больше, чем Кондратьева; железная леди». «Самым же ярким подтверждением неожиданно обрушившейся на Катю славы, неопровержимым доказательством было ужасное настроение Антонины». «“Железная леди” шипела, плевалась ядом и бросалась на окружающих», где образ формируется метафорами, которые являются производными от приведенного фразеологизма – «красотка с железными коготками». «Как будто и в самом деле скорей хотел где-то на дороге, за

невидимой чертой, оставить едкую боль, которую она оставила мне железными коготками на сердце».

Итак, с помощью языковых единиц информация закрепляется в понятиях, составляющих сердцевину концептуальной картины мира в антропоцентрическом подходе. Действительность воспринимается человеком сквозь призму языковых и культурных особенностей, сформировавшихся и закрепившихся в определенной группе языков, и именно на этом принципе базируется отражение реальности в языковой картине мира. Из существующей концептуальной репрезентации действительности в этно-сознании каждый человек интерпретирует явления окружающего мира.

Результаты эмпирического постижения мира человеком аккумулируются сознанием и формируются посредством специальных ментальных единиц – концептов, трансляция которых от предыдущего поколения к следующему происходит с помощью языка. Сферой существования концептов является коллективное человеческое сознание.

Литература

Зайпулаева Р.И. Концепты и роль языка в выражении и восприятии концептуальной картины мира в искусстве / Р.И. Зайпулаева // Искусство – диалог культур: сб. материалов IV международной научно-практической конференции, Грозный, 15 октября 2018 г. – Грозный: АЛЕФ, 2018. – С. 89–98.

Попова З.Д. Когнитивная лингвистика: учебное издание / З.Д. Попова, И.А. Стернин; Федеральное агентство по образованию, Воронежский гос. ун-т. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2009. – 262 с.

Фелицына В.П. Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь / В.П. Фелицына, В.М. Мокиенко под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. М.: Рус. яз., 1990. – 220 с.

**Идиоматические слова и выражения в арабском языке:
семантика и уникальность**

*идиоматические выражения, арабский язык, семантика,
уникальность, межкультурная коммуникация, культура,
лингвистика*

Эта статья исследует идиоматические слова и выражения в арабском языке, которые не имеют прямого перевода в русском и английском языках. Арабский язык известен своим богатым наследием и разнообразием лингвистических особенностей, уникальными лексическими и грамматическими особенностями, которые отражают богатство и глубину многовековой арабской культуры, и ее историю. Идиоматические выражения являются важной частью языка и культуры, и часто имеют символическое или метафорическое значение, которое трудно перевести на другие языки. В статье рассматриваются примеры таких идиоматических слов и выражений, а также их контекст и использование. Авторы подчеркивают важность понимания идиоматики арабского языка для эффективной межкультурной коммуникации и обогащения языковых компетенций. Результаты исследования подчеркивают значение идиоматического выражения в арабской культуре и языке, открывая путь к дальнейшему изучению и пониманию уникальности арабского языка и культуры.

Арабский язык славится своей богатой культурой и историей. Этот язык, который является официальным в 22 странах и одним из шести официальных языков Организации Объединенных Наций, обладает множеством особенностей, которые отличают его от других языков.

Цель нашего исследования – показать, что арабский язык является разнообразным настолько, что некоторые его выражения и понятия невозможно полностью передать на другие языки. Эти знаки и номинации являются частью богатой культурной и лингвистической традиции арабского народа, отражая его ценности, нормы и понимание мира.

Задачей нашего исследования является анализ некоторых номинаций, которые являются уникальными для арабского языка и не могут быть точно переведены на русский и английский. Мы изучим их значимость и использование, а также предоставим примеры, чтобы лучше понять их семантику и контекст, в котором они употребляются.

Труды лингвистов показывает, что в языковедческой литературе применяется часто применяется термин «идиома» (от греч. *idioma* 'своеобразное выражение') и «идиоматика» – наука об идиомах. «Идиомой называются единицы, представленные формой, функцией и значением. Что касается значения, то его недобавочная, немотивированная, однако интегральная характеристика не может быть выведена из значений его составляющих» [Тарасова 1999: 12].

Для решения поставленной задачи необходимо использовать наработанную уже в общем языкознании методологию подобных исследований. Методами исследования следует выделить: лингвистическое наблюдение, с помощью которого были отобраны идиоматические выражения, описательный, использовался для подробного описания значений этих выражений, сопоставительный, который показал идентичность каждого выражения [Иванова 1995: 5].

Понимание и осознание этих уникальных знаков и номинаций позволяют нам более глубоко проникнуть в арабскую культуру и чувствительнее отразить ее в нашей межкультурной коммуникации [Бахтиярова 2015: 6126].

Давайте рассмотрим несколько примеров идиоматических выражений в арабском языке.

1. "إن شاء الله" (*in sha Allah*) – literalный перевод этой фразы 'если Бог захочет'. Однако она несет глубокое значение и используется для выражения надежды, согласно которой результат зависит от воли или планов Бога. Она может быть использована в различных контекстах, например: «Увидимся завтра, إن شاء الله» (если Бог захочет)» [Hussein, Khanji, Makhzoomy 2000: 27].

2. "مساء الخير" (*masa'al-khayr*) – эта фраза буквально переводится как 'вечер добра'. Она используется для приветствия или пожелания хорошего вечера и не имеет точного эквивалента в русском или английском языках. Например, ее можно использовать, чтобы поприветствовать кого-то вечером: "مساء الخير، كيف حالك؟" («Добрый вечер, как дела?»).

3. "عقل زيتونة" (*aql zaytuna*) – буквальный перевод этого выражения – 'мозг оливки'. Однако оно используется для описания человека или ситуации, когда человек не способен принимать разумные решения. Часто употребляется в шуточной форме. Нет прямого эквивалента в русском или английском языках. Например, "يا له من عقل زيتونة" («Какой же у него мозг оливки!») [Kamel 2007: 187].

4. "سيف العدل" (*sayf al-'adl*) – Эта фраза буквально переводится как 'меч справедливости'. Она используется для обозначения концепции идеала справедливости и отвечает защите слабых и подавлению несправедливости. В русском языке нет точного эквивалента, хотя можно использовать перифразу, такую как «идеал справедливости». Например, "نحن نسعى لرفع سيف العدل في هذا العالم" («Мы стремимся поднять меч справедливости в этом мире») [Maxos 2003: 35].

Это только некоторые примеры знаков и номинаций в арабском языке, которые не имеют прямого перевода в русском и английском языках. Они отражают богатство и глубину арабской культуры и языка [Shaheed et al.: 21]. Понимание и адаптация этих концепций в других языках могут представлять вызов, но в то же время они позволяют обогатить нашу межкультурную коммуникацию и лучше понять различные взгляды и ценности.

Литература

Бахтиярова А.Н. Арабские заимствования в лексической системе русского языка / А.Н. Бахтиярова, Ф.Г. Фаткуллина // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2–27. – С. 6124–6128.

Иванова Л.П. Методы лингвистических исследований / Л.П. Иванова. – Киев: ІСДО, 1995. – 87 с.

Тарасова Ф.Х. Сопоставительный анализ фразеологических единиц английского и татарского языков с компонентами, относящимися к фразеосемантическому полю «Пища»: дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 1999. – 193 с.

Hussein R. F. The acquisition of idioms: Transfer or what? / R.F. Hussein, R. Khanji, K.F. Makhzoomy // J. King Saud University, Lang. & Transl. – 2000. – Vol. (12). – P. 23–34.

Kamel W. A dictionary of idioms in modern Arabic / W. Kamel. – Cairo: Cairo University Press. 2007. – 550 p.

Maxos H. The Arabic idioms; the Art of speech-Arabic idioms chapter / H. Maxos. – Damascus Press, Syria, 2003. – 101 p.

Shaheed H.H. Idioms in Arabic and English: diversities and symmetries / H.H. Shaheed, N.H. Abbar, W.S. Hussein. World Bulletin of Social Sciences. – 2022. – Vol. 10. – P. 17–24.

Образование новых слов с заимствованными компонентами в немецком языке

*композицы, слова-сращения, заимствованные компонент,
автохтонный компонент, языки-источники*

С развитием общества процесс познания становится глубже и возникает потребность в номинации новых предметов и явлений. Человечество не стоит на одном месте, оно постоянно прогрессирует. Необходимость в новых словах возникает в связи с изменением действительности: с появлением новой техники и предметов обихода, с развитием технологий и науки, новых сфер человеческой деятельности. Так появляются неологизмы, обозначающие новые явления и понятия. Известно, что изменение лексического состава происходит двумя способами: за счет образования новых слов по существующим в языке словообразовательным моделям с использованием собственных ресурсов и в результате заимствования слов, моделей, значений. Примеры таких слов в русском языке: смартфон, хаккер и др. Словарный запас также пополняется за счет стремления дать новое название взамен старому определенному предмету, например, *геликоптер – аэроплан*. Всевозможные запреты на определенные объекты также способствуют появлению новых слов, к образованию эвфемизмов: *Kriegsministerium* 'Военное дело' заменено словом *Verteidigungsministerium* 'Министерство обороны' [Иванова 2012: 5].

Заимствованные элементы есть в любом языке, однако количество и тематический состав их неодинаков. В немецком языке лексическая система постоянно обогащалась за счет заимствования из других языков. Экстралингвистические факторы, а также языковые контакты между разными странами способствуют тому, что в немецкий язык проникают новые слова и укореняются в нем наравне с родными. Таким способом на протяжении всей истории немецкого языка в нем появилось много слов иностранного происхождения.

Говоря о типологических характеристиках, можно отметить, что в немецком языке преобладают в большей степени сложные слова. Что же такое сложное слово? Сложное слово, по определению Ю. Караулова, это «слово, имеющее более чем одну мотивирующую основу и не совпадающее, в отличие от слов-сращений по своему морфемному составу с синонимичным словосочетанием». Это определение дается к сложному слову в энциклопедии «Русский язык» [Караулова 2003: 514]. Использование сложных слов в языке является весьма экономичным, так как благодаря

им можно кратко и точно называть предмет или явление. Это соответствует закону экономии языковых средств. Сложные слова являются особым феноменом в лексикологии и словообразовании. Многие филологи занимались и продолжают заниматься исследованиями данных слов. Это такие известные ученые, как Д.И. Алексеев, Е.И. Василевская, О.А. Габинская, Е.И. Голанова, Е.А. Земская, Л.П. Крысин, Е.С. Кубрякова, Н.М. Шанский и другие.

Сложные слова интересовали лингвистов с древних времен. Еще в V в. до н. э. Панини, автор самого древнего труда по грамматике санскрита, представил первую классификацию сложных слов. Современная лингвистика от простейших классификаций, идентификации единичных примеров перешла к изучению феноменологии и описанию этого явления с различных позиций, так оформились традиционные для науки широкий и узкий подходы в понимании сложного слова, кроме того, сегодня эти единицы изучаются не только как лингвистический феномен – результат морфологического способа образования, но и с привлечением различных языков в сопоставительном аспекте.

Заметно выделяется на общем фоне процент слов, которые либо содержат заимствованные компоненты, либо являются полными заимствованиями с различной степенью ассимиляции компонентов (Championship f, Cerotinsäure f) и сложные слова, образованные в немецком языке по существующим словообразовательным моделям с автохтонными компонентами (Stundenplan m, Rundtisch m).

В нашем исследовании проводится изучение сложных слов на эмпирическом материале из словаря Дудена «Das Fremdwörterbuch», таким образом, проанализировано более 1000 единиц. Предмет изучения составили единицы, общим признаком которых является наличие в них заимствованного компонента. Языками-источниками на протяжении истории являлись английский, французский, латинский, греческий, арабский, итальянский языки.

На основании сплошной выборки было выделено 6 основных языков-источников:

1) *латинский*: Actiografie, Actioncomic, Actiondirecte, Adaptationssyndrom, Adaptometer;

2) *греческий*: Abiolgenese, Abiotrophie, Abyssalregion, Achillesferse, Achillessehne;

3) *английский*: Academy-Award, Account-Management, Achievementtest, Actions-Painting, Afrolook;

4) *французский*: Accroche-Coeur, A deux cordes, A deux mains, Adressspediteur, Aeroplan;

5) *арабский*: Abelmoschus, Acerolakirsche, Admiralstab, Admiralitätskarte;

6) *итальянский*: A-cappella-Chor, Agiopapiere, Agiotage, Agiotherie;

7) *русский*: Lunochod [3].

Процесс заимствования новых слов проходил на всех этапах развития немецкого языка. Сначала лексика пополнялась из латинского и греческого языка, а в последнее время обогащение языка происходит за счет английского языка. Ниже представлены следующие этапы процесса заимствования из английского языка.

1. Период конца XIX – начала XX в., когда в Германии происходила индустриальная революция. В это время был изобретен паровой двигатель, появляется композит *Dampfmaschine f* из английского языка *steam engine*, *Dampfschiff n*, *Parkplatz m*, *Tankstelle f*, *Bankomat m*, *Interview n* и другие.

Стоит отметить, что на этом этапе заимствования особенно были преимущественно из области техники, политики, экономики, в печатном производстве и журналистики.

2. Середина XX в. после Второй мировой войны и до наших дней. Лидерство США в областях науки и техники вело к тому, что практически вся научная литература издавалась на английском языке, многие наименования перенимались без изменений (*Know-how n*). Средства массовой информацией привлекала своей новизной и легко запоминающимися словами: *Headline f*, *Playback n*. Влияние также оказало и область моды: *Eye-liner m*, *T-Shirt n*.

Стоит заметить, что сначала заимствованные слова образовывались обычно с помощью калькирования (путем буквального перевода), потом переходили в оригинальном виде, то есть переносились лексически. В последнее время отмечается очень много заимствованных слов в сленге в речи молодежи: *Denglisch (Deutsch+Englisch)*. Изучив композиты иностранного происхождения в немецком языке, можно отметить, что в язык перешли много таких элементов (префиксоидов) как из латинского: *accent-*, *asta-*, *action-*, *addition-*, *agrar-*; так и из греческого: *achilles-*, *aero-*, *agro-*, *adeno-*, *adreno-*; из английского: *afro-*, *after-*, *baby-*, *back-* и другие.

В заключение можно сказать, что преобладающими источниками пополнения словарного запаса немецкого языка являются: латинский, греческий и английский языки.

Литература

Иванова Т.К. Словосложение как способ номинации в русском и немецких языках (на материале наименований лица): автореф. ... докт. филол. наук / Т.К. Иванова. – Казань, 2012. – 30 с.

Караулова Ю.Н. Русский язык: Энциклопедия / Ю.Н. Караулова. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. – Репр. изд. – 704 с.

Kreif U. Duden Das Fremdwörterbuch / U. Kreif, A. Konopka, O. Thyen. – Auflage, Dudenverlag, 2010. – 1104 p.

Взаимопроникновение русских и китайских кулинаронимов

*освоение иноязычных слов, номинация, гастрономическая лексика,
кулинароним, китайский язык, русский язык*

Активизация экономических, культурных и научных связей между Россией и Китаем на рубеже XX–XXI вв. позволила народам обеих стран познакомиться с национальной кухней друг друга. В России стали пользоваться популярностью китайские рестораны. В настоящее время в Иркутске насчитывается 44 ресторана восточной кухни, из которых 27 являются ресторанами китайской кухни. Китайцам также понравилась русская кухня, самыми вкусными русскими блюдами они называли щи, уху, окрошку, каши (пшенная, гречневая, манная, ячневая, перловая и др.), шашлык, пироги и блины [Астахова 2022: 29]. Эти обстоятельства, однако, не повлияли на заметное обогащение кулинарной лексики в обоих языках.

Освоение иноязычной лексики в русском и китайском языках имеет свои особенности. Традиционно выделяют следующие стадии освоения иноязычных слов русским языком [Касаткин 1991: 29]:

1) графическое освоение (транслитерация) состоит в том, что иноязычные слова начинают передавать русскими буквами.

2) фонетическое освоение – это приспособления иноязычного слова к нормам русского произношения. Чужие звуки заменяются своими.

3) морфологическое (грамматическое) освоение иноязычных слов приводит к приобретению ими грамматических значений, свойственных русскому языку, возможности изменяться по законам русского языка (склоняться и спрягаться), получать русские суффиксы и флексии.

И завершающая стадия – семантическое освоение. Оно свидетельствует насколько активно вошел в обиход предмет, называемый словом, как часто слово употребляется.

В русском языке без перевода понятны такие китайские кулинаронимы, как *зубаджоу* – свинина в кисло-сладком соусе, *бань бао* – паровая булочка (пампушка). Пройдя графическое и семантическое освоение, эти названия в русском языке имеют статус экзотизмов, отражающих реалии китайской действительности.

Кулинароним *тофу* (соевой сыр) в русском языке не прошел грамматическое освоение, так как имеет только одну форму и относится к разряду несклоняемых существительных.

Полностью освоен языком оним *фунчоза* (стеклянная лапша), так как он принял русский графический и фонетический облик, изменяться по

падежам в единственном и множественном числе как существительное женского рода 1 склонения. Семантика этого слова также понятна русским благодаря популярности восточной кухни.

От китайского глагола 吃饭 (chī fàn 'кушать, есть') в русском языке образованы слова *чифанить* (есть), *чифанька* (китайская закусочная). Они являются разговорными, но образованы с помощью русских морфем, а значит, их можно отнести к русским словам (глаголу и существительному соответственно).

В современном китайском языке заимствование иноязычной лексики происходит двумя основными способами: фонетическим и семантическим, причем преобладает калькирование, то есть перевод иноязычных слов. Вследствие этого китайцы воспринимают заимствованное слово как китайское. В китайском языке названия популярных русских блюд в основном получили китайский облик, то есть заимствование осуществилось семантическим способом (табл. 1).

Таблица 1

Названия блюд

№ / №	Название русского блюда	Название русского блюда на китайском языке	Транскрипция	Дословный перевод
1.	Борщ	罗宋汤	luo song tang	Суп русских
2.	Щи	白菜汤	bai cai tang	Капустный суп
3.	Голубцы	肉馅菜卷	rou xian cai juan	Овощный рулет с мясным фаршем
4.	Шашлык	烤肉串	kao rou chuan	Жарить мясо на шампуре
5.	Пельмени	饺子	jiao zi	Пельмени
6.	Винегрет	凉拌菜	liang ban cai	Холодная овощная смесь
7.	Холодец (студень)	肉冻	rou dong	Мясной студень
8.	Вареники	甜馅儿饺子	tian xian er jiao zi	Пельмени со сладким фаршем
9.	Сырники	乳渣馅饼	ru zha xian bing	Творожный пирожок
10.	Блины	薄饼	bo bing	Тонкая лепешка
11.	Чебурек	羊肉大馅饼	yang rou da xian bing	Пирожок с бараниной
12.	Пломбир	奶油冰淇淋	nai you bing qi ling	Сливочное мороженое
13.	Вареники	甜馅儿饺子	tian xian er jiao zi	Пельмени со сладким фаршем
14.	Кефир	酸牛奶	suan niu nai	Кислое молоко
15.	Компот	糖煮水果	tang zhu shui guo	Варить фрукты с сахаром

Только два русских слова из списка популярных блюд в китайском языке прошли фонетическое освоение:

квас – 克瓦斯 ke wa si;

торт «Наполеон» – 克瓦斯 na po lun dan gao.

Несмотря на обоюдный интерес русских и китайцев к национальной кухне друг друга, процесс взаимопроникновения русских и китайских кулинаронимов в лексику сравниваемых языков нельзя назвать активным. На наш взгляд, это объясняется слишком большой разницей в фонетическом и грамматическом строе русского и китайского языков.

Литература

Астахова Г.В. Китае назвали самые вкусные блюда русской кухни / Г.В. Астахова. – URL: <https://www.osnmedia.ru/obshhestvo/v-kitae-nazvali-samye-vkusnye-blyuda-russkoj-kuhni> (дата обращения: 25.10.2022).

Касаткин Л.Л. Краткий справочник по современному русскому языку / Л.Л. Касаткин. – М.: Высш. шк., 1991. – 383 с.

Метод обучения на основе задач в совершенствовании иноязычной письменной речи студентов

*метод обучения на основе задач, task-based method,
иноязычная письменная речь*

На сегодняшний день переход к персонализированной организации образовательного процесса требует обновления и пересмотра целой методической системы к обучению иностранного языка.

В связи с этим важно обратить внимание на то, какие формы, инструменты и методы отбираются для эффективного совершенствования отдельных видов речевой деятельности на иностранном языке. В частности, увеличивается уровень потребности к устному и письменному иноязычному общению, поэтому отдельного внимания заслуживают продуктивные виды речевой деятельности, сложность обучения которых обусловливается не только за счет индивидуальных и интеллектуальных особенностей поведения обучающихся, но и выбора основных методов обучения.

На примере данной статьи рассмотрим метод обучения на основе задач в развитии навыков и умений письменной речи у студентов.

Метод обучения на основе задач (task-based method) занимает особое место в коммуникативной методике обучения иностранному языку. Данный метод отражает естественный процесс усвоения иностранного языка. N. Prabhu писал, что деятельность на занятии должна быть выстроена с помощью последовательных задач, оказывающих совершенствование коммуникативных и письменных навыков иноязычной речи, а также задач, направленных на контроль и регулирование учебного процесса [Prabhu 1987]. Таким образом, им впервые был предложен задачный подход к обучению (task-based learning), основанный на практико-ориентированных ситуациях реального общения.

По мнению N. Prabhu, обучение с помощью метода на основе задач выстраивается таким образом, чтобы обучающиеся могли применить ранее сформированные знания и закрепить новые, а упражнения подбираются так, чтобы задействовать всю когнитивную сферу обучающихся с целью развития у них результативного, креативного и критического мышления [Prabhu 1992].

Метод обучения на основе задач дополняет D. Nunan. Он считает, что каждая задача обучения отражает манипуляцию со стороны преподавателя, то есть представляет косвенное управление, направленное на

выполнение определенного упражнения, взаимодействие участников образовательного процесса, контроль и отслеживание текущих результатов обучения и т. д. [Nunan 1989]. В итоге роль преподавателя сводится к роли фасилитатора в процессе выполнения предложенных им задач.

D. Nunan предложил структурировать задачи при помощи следующих четырех фаз [Nunan 2004]:

- 1) предварительная задача (pre-task);
- 2) ряд связанных упражнений (circle-tasks);
- 3) планирование (planning);
- 4) представление итогового задания (report).

Данные фазы легко адаптируемые, в связи с этим можно подбирать задания с учетом целей обучения и развития того или иного вида речевой деятельности.

С целью совершенствования иноязычной письменной речи обучающихся метод обучения на основе задач имеет ряд преимуществ.

Во-первых, с помощью данного метода легко интегрировать в учебный процесс разные модели обучения: контекстное, имитационное, проблемное.

Во-вторых, вовлекать и мотивировать обучающихся к изучению иностранного языка посредством предварительных заданий на такие виды речевой деятельности, как чтение и аудирование, и далее переходить непосредственно на письменное задание.

В-третьих, метод обучения на основе задач предусматривает выполнение обучающимися умеренно сложных и последовательно связанных задач, опирающихся на реально жизненный опыт, что повышает интерес к дальнейшему изучению языка [Zhu-Xiu 2016: 22].

Исследователи S. Lam и Y. Law считают, что спецификой данного метода является четкий и организованный план занятия, позволяющий формировать отдельные задачи для достижения поставленных целей обучения [Lam, Law 2007].

Представим схему реализации занятия с целью совершенствования иноязычной письменной речи обучающихся, уровень владения иностранным языком которых является B1 (табл. 1).

Таблица 1

Схема реализации занятия в совершенствовании навыков письменной речи с помощью метода обучения на основе задач

Условия обучения			
Разработка заданий с учетом целей и задач обучения			
Фазы обучения			
	Предварительные задания на активизацию лексических и грамматических знаний (pre-task activities)		<i>Вставьте пропущенные слова в текст... Ответьте на вопросы...</i>
	Ряд связанных упражнений (task circle)	Задания (tasks)	<i>Исправьте ошибки в тексте... Дополните утверждения ответами из прочитанного текста... Посмотрите на выделенные желтым цветом слова и подберите к ним антонимы...</i>
		Планирование (planning);	<i>Изучите план следующего задания... и обсудите с партнером по парте...</i>
		Представление итогового письменного задания (report).	<i>Вас просят написать сообщение согласно предложенному плану...</i>
	Проверка языковой корректности	Орфография, пунктуация	<i>Проверьте свой письменный текст на правильность...</i>
		Лексика, грамматика	
	Пример письменного текста с учетом жанровой направленности (пример выполнения итогового письменного задания)		
Грамматическая справка с правилами и примерами			
Библиография			

В заключение отметим, что метод обучения на основе задач может являться одним из эффективных методов в совершенствовании иноязычной письменной речи обучающихся с учетом интеграции в существующую методическую систему обучения иностранному языку. Кроме того, метод обучения на основе задач также можно адаптировать под цифровые инструменты развития письменных навыков обучающихся и тем самым поддерживать их интерес и мотивацию к дальнейшему изучению иностранного языка.

Литература

Lam S.F. The roles of instructional practices and motivation in writing performance / S.F. Lam, Y.K. Law. – Text: direct // Journal of Experimental Education, 2007. – P. 145–164.

Nunan D. Task-based language teaching / D. Nunan. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 222 p.

Nunan D. Designing tasks for the communicative classroom / D. Nunan. – Cambridge university press, 1989.

Prabhu N.S. Second Language Pedagogy / N.S. Prabhu. – Oxford: Oxford University Press, 1987. – 153 p.

Prabhu N. S. The dynamics of the language lesson / N.S. Prabhu // Tesol Quarterly. – 1992. – T. 26. – №. 2. – С. 225–241.

Zhu-Xiu T. Task-based language teaching in Chinese EFL context: Learners' attitudes and perceptions / T. Zhu-Xiu // International Journal for Innovation Education and Research, 2016. – 4 (4). – P. 21–33.

Аналитические конструкции со значением фазовости в даргинских языках

*даргинские языки, морфология, глагол,
грамматические категории, фазовость*

Даргинские языки относятся к нахско-дагестанской ветви кавказских языков и распространены в Центральном Дагестане. Число говорящих на этих языках, согласно переписи 2021 г., 625 тыс. человек. В годы советской власти они рассматривались в качестве одного даргинского языка, но в последние десятилетия вполне обоснованно считаются самостоятельными языками. Даргинские языки обладают богатой системой морфологических категорий. Особенно много грамматических форм отмечается в глаголе. Данная статья посвящена исследованию категории фазовости в этих языках.

Фазовость – это категория, где граммы указывают на временную фазу факта (начало, продолжение, конец) [Мельчук 1998: 137]. Иными словами, «глагольные индикаторы фазы являются аффиксальными эквивалентами предикатов начала, продолжения и окончания» [Плунгян 2000: 303].

В дагестановедении долгое время данная грамматическая категория оставалась малоизученной. Проблема фазовости до сих пор не освещалась и в даргинском языкознании, хотя в отдельных работах предпринимались попытки показать ее характер [Муталов 2002: 136–137; Sumbatova, Mutalov 2003].

Следует отметить, что «функционально-семантическое поле фазовости часто усложняется дополнительной характеристикой – итеративностью. Основными признаками итеративности являются многократное повторение ситуаций, неопределенность повторяемости и прерывность. Итеративность связана с политемпоральностью, то есть «ситуации, входящие в итеративное множество, происходят в разные периоды времени» [Храковский 1987: 144].

Факты даргинских языков позволяют выделить следующие формы фазовости: инхоатив, континуатив и инцептив. Эти формы представляют собой аналитические конструкции, образованные путем добавления различных вспомогательных глаголов к инфинитиву, причастию или деепричастию.

Инхоатив имеет значение «начала ситуации (процесса или состояния)». Данная форма фазовости образуется путем присоединения глаголов *биэс* 'стать' или *бях/ес* 'начать' к инфинитиву, например *бузесбиэс*, *бузесбях/ес* – 'начать работать'. Грамматикализация глаголов *биэс* и

бях/ес подтверждается тем фактом, что в современной даргинской орфографии они пишутся слитно с инфинитивом. В традиционных грамматиках эти формы с глаголами рассматривались как сложные глаголы, в которых в качестве первой части выступает инфинитив.

В ицаринском диалекте формы инхоатива образуются с помощью другого вспомогательного глагола – *биигарай* ‘стать’. Например, *буцца-рай биигарай* – ‘начать работать’. Вероятно, этот глагол образован путем добавления преверба *бии-* к глаголу *агарай* ‘стать’: *би* + *агарай* = *биига-рай*. В этом диалекте нет соответствия глаголу *бях/ес*.

Континуатив обозначает, что действие (или состояние) продолжается, и ожидается, что при естественном ходе событий данное действие (или состояние) должно прекратиться («пока все еще процесс продолжается»). В севернодаргинских языках для образования континуатива используется форма, образованная от глагола *ле=б* ‘имеется’ с помощью аффикса *-ал*: *ле = б = ал* ‘пока все еще имеется’.

Глагол *ле = б* в даргинских языках имеет варианты, которые указывают на местоположение объекта: *хе = б* ‘имеется внизу’, *к1е = б* ‘имеется вверху’, *те = б* ‘имеется в стороне’. Соответственно, в зависимости от пространственной локализации, континуатив имеет различные варианты – *к1е = б = ал* ‘пока имеется’ (вверху), *хе = б = ал* ‘пока имеется’ (внизу), *те = б = ал* ‘пока имеется’ (в стороне). Форма *лебал* присоединяется к деепричастным формам: *буч1ули ле = б = ал* – ‘все еще продолжает читать’.

В аналитической конструкции, образованной посредством глагола *ле = б = ал*, вторая часть изменяется по лицам: 1 л. ед. ч. *ну уч1ули левалра* ‘я пока читаю’, 1 л. мн. ч. *нуша дуч1ули лералра*, 2 л. ед. ч. *х1у уч1ули левалри* 2 л. мн. ч. *х1уша дуч1ули лералрая*, 3 л. ед. ч. *ит уч1ули левал*, 3 л. мн. ч. *итди буч1ули лебал*.

Хотя континуатив по своей семантике близок к формам хабицуалиса, между обеими формами имеется существенное смысловое различие. Хабицуалис, как известно, имеет значение постоянно протекающего действия, а континуатив выражает значение длящегося действия, которое при естественном ходе событий должно или может завершиться. Сравним два предложения: *Ит-ди мурталра б = ук-у-ли б = ир-ар* ‘Они постоянно едят’ (форма хабицуалиса) – *Ит-ди гьачамлис б = ук-у-ли ле = б = ал* ‘Они пока едят’ (форма континуатива).

Формы континуатива прошедшего времени образуются посредством сочетания вспомогательного глагола *ле = б = ал-ри* с причастием или деепричастием: *Ил-ди б = уч1-у-ли ле = б = ал-ри* ‘Они пока еще читали’.

В образовании континуатива в даргинских языках наблюдаются существенные различия. Так, в ицаринском диалекте, относящемся к южнодаргинскому цудахарско-сирхинскому языку, континуатив оформляется при помощи глагола *б = игал*, который присоединяется к деепричастию. Данный глагол, как предполагается в работе [Муталов 2002: 138], можно

возвести к глаголу *б = уг-ар-ай* 'быть, оставаться'. Примечателен и тот факт, что глагол *б = уг-ал* в данном диалекте отмечен лишь в форме континуатива. Следует при этом отметить, что в данном диалекте также функционирует глагол *ле = б*.

Континуатив прошедшего времени в ицаринском образуется присоединением показателя пост-форм -ди: *ит дуц1ик1вил в=уг-ал-ди* 'он пока продолжал бегать'. Отрицательная форма континуатива в данном идиоме образуется при помощи сложной формы *б = уг-л-акку* 'не осталось', которая разлагается на две части: положительная форма глагола *б = уг-ал* и отрицательный вспомогательный глагол *акку* 'нет'. Отрицательная форма континуатива, как и положительная, может изменяться по лицам: 1 л. *уцц-атти в = уг-л-аккв-ид* 'не работаю', 2 л. *уцц-атти в = уг-л-аккв-итт-и*, 3 л. *уцц-атти в = уг-л-акк-у*. Личное спряжение сохраняется и в отрицательной форме континуатива прошедшего времени: *в = уг-л-аккв-ад-и*, *в = уг-л-аккв-атт-и*, *в = уг-л-аккв-и* [Муталов 2002: 137].

Форма инцептива образуется посредством присоединения вспомогательного глагола *б = уэс* 'стать' к причастию общего времени: *Мухтар вашаниуб* 'Мухтар стал ходить' (возможно, Мухтар до этого болел и не мог ходить). Данная форма фазовости имеет значение начала процесса. Как отмечается в работе [Павлова 2005], «фаза инцептивности представляет собой начало постепенного качественного изменения». Для инцептива в даргинских языках характерно также значение «прекращение ожидания начала действия или состояния» *Илала г1ергъи вишт1ал ункъли уканиуб* 'С тех пор малыш стал лучше есть'.

Таким образом, в даргинских языках функционирует категория фазовости, которая выражает значения начала, продолжения или конца действия. В качестве глагольных форм данной категории выделены инхотив, инцептив и континуатив. Они образуются аналитическим путем – присоединением к вербоидам различных вспомогательных глаголов. В работе показаны их морфологические, семантические и функциональные характеристики.

Литература

- Мельчук И.А. Курс общей морфологии / И.А. Мельчук. – Т. 2. – М.: – 1998. – 545 с.
- Муталов Р.О. Глагол даргинского языка / Р.О. Муталов. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2002. – 226 с.
- Павлова М.Н. Функционально-семантическое поле фазовости в русском и чувашском языке: дис. ... канд. филол. наук / М.Н. Павлова. – Чебоксары, 2005. – 171 с.
- Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику / В.А. Плунгян. – М.: 2000. – 384 с.

Храковский В.С. Фазовость / В.С. Храковский // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – М.: Высшая школа, 1987. – 358 с.

Sumbatova N.R. A grammar of Icarí Dargwa / N.R. Sumbatova, R.O. Mutalov. – München: LINCOM EUROPA. – 2003. – 216 с.

**Фонетическая интерференция в русской речи китайцев
при реализации согласных**

*интерференция, звук, фонема, русский язык,
китайский язык, произношение*

В современном мире все больше людей учат иностранные языки, и закономерным последствием данного процесса является сравнение изучаемого языка с родным. Понимание специфики родного языка способствует его более эффективному использованию на занятиях для развития навыков разговорной речи с осознанным усвоением иностранного произношения. Сходства позволяют позитивно переносить паттерны родного языка на изучаемый, а различия, выявленные в результате сравнительного анализа фонетических систем, предсказывают возможные области фонетической интерференции. Это явление, под которым понимается искажение вторичной языковой системы и ее нормы в результате взаимодействия в сознании говорящего фонетических систем и произносительных норм двух языков [Реформатский 1996, 5: 126].

Данное исследование посвящено фонетической интерференции в русской речи китайцев при реализации согласных. Отметим, что в русском языке примерно 36 согласных, в то время как в китайском мандаринском – 22 согласных звука [Губанов 2021, XII: 62].

Русский язык имеет дорсальный уклад. Благодаря этому в нем возможны противопоставления звуков по твердости-мягкости, глухости-звонкости и наличие смычных и щелевых звуков. В китайском языке, характеризующимся апикальным укладом, отсутствует ряд звуков и фонетических противопоставлений по твердости-мягкости, звонкости-глухости. Поэтому студенты часто допускают ошибки в дифференциации этих звуков, например: бабка – папка, груба-группа, Бегин-Пекин. В русском, в свою очередь, нет ретрофлексных согласных, в то время как в китайском они есть. Ретрофлексные звуки издаются при загнутом кончике языка или ретрофлексии по направлению к небу. Например, в китайском мандаринском есть такие звуки, как /ʒ/, /ʈ͡ʂ/ и /ʃ/ [Сян 2022, 52: 1457].

Предсказуемо, что большинство китайских студентов сталкиваются с проблемами при произношении звуков, которые отсутствуют в их родном языке: /d/, /d͡ʒ/, /b/, /b͡ʒ/, /g/, /g͡ʒ/, /r/, /r͡ʂ/, /ʃ/

Особую сложность для китайских студентов представляет звук /r/. При произнесении этого звука происходит вибрация кончика языка и одновременно поднятие средней части спинки языка. Из-за отсутствия этого звука в китайском языке, студенты чаще всего путают звуки /r/ и /ʃ/. Чаще

всего вместо /r/ и /ri/ произносятся русский /t/, на месте /ri/ произносится /li/: нап/ли/име/ли/ (например). В китайском же есть апикально-задний (какуминальный) звук /ʐ/ [Чжан 2019, 1: 215].

Настоящее исследование направлено на выявление наиболее частотных и устойчивых отклонений при реализации русских согласных носителями китайского языка.

Дикторы: 12 дикторов Санкт-Петербургского Политехнического университета, направление Лингвистика. Все являются студентами из Китая и проживают в России. 4 – студенты 1 курса. Срок изучения русского 1 год. Уровень владения русским языком А1–А2 (порядковые номера дикторов для символьного обозначения: 1-4). 8 из них – студенты 2 и 3 курса. Срок изучения русского 2–3 года. Уровень владения русским языком А2–В1 (порядковые номера дикторов для символьного обозначения: F1-4 – для дикторов женского пола; M1-4 – для дикторов мужского пола).

Был произведен слуховой и акустический анализ в программе для фонетического анализа речи «Praat». Для анализа выбраны 7 согласных звуков /r/, /t/, /ʃ/, /ʒ/, /z/, /tʃ/, /ti/, так как именно они могли потенциально вызывать трудности у изучающих русский язык.

Наша задача: сравнить полученные данные анализа речи студентов 1 курса с данными, полученными для студентов 2-3 курса, отследить общие тенденции, отметить наиболее стабильные ошибки (рис. 1, 2).

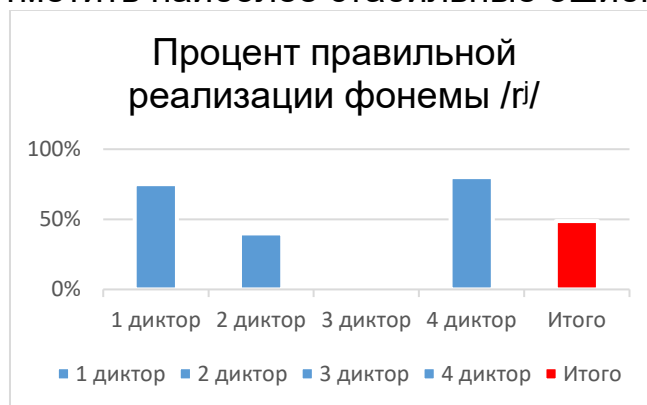

Рис. 1. Реализация фонемы / ri /, 1 курс

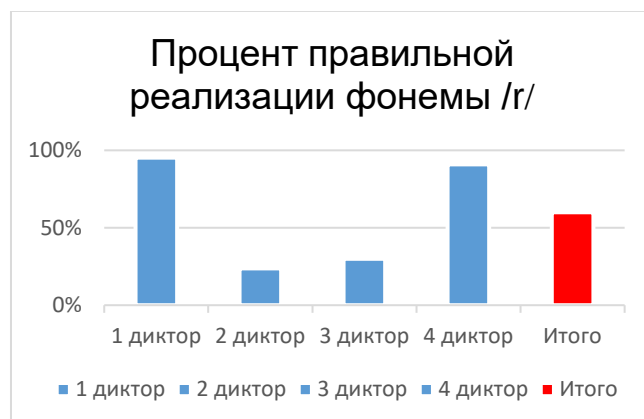

Рис. 2. Реализация фонемы /r/, 1 курс

Как видно на диаграмме, только 2 из 4 дикторов справились с реализацией фонемы /r/ больше, чем на 50 %. Присутствует ряд фонетических ошибок. Самая частая – замена /r/ на /ʈ/, в таких словах как «лаборатория», «эксперимент», «рассказывай», «разговор», «рабочих» и т. д.

Реализация звука /r/ также представляет большие сложности для китайцев, 2 респондента даже не преодолели порог в 30 % правильного произношения данного звука. Однако стоит заметить, что 2 других студента справились с произношением более, чем на 90 %. Из частотных ошибок можно отметить замену звука /r/ на /li/ (в таких словах, как «передавали», «которые») и /ʈ/ (например, «моряк», «впереди», «товарищ» и т. д.). Согласно диаграмме, 3 из 8 дикторов справились с реализацией звука /r/ более чем на 50 %. Но ошибки все же присутствуют. Больше всего трудностей возникало именно при реализации мягкого звука /rj/, например, в таких словах как: «моряк», «при», «товарищ», «решил», «рядом» (рис. 3).

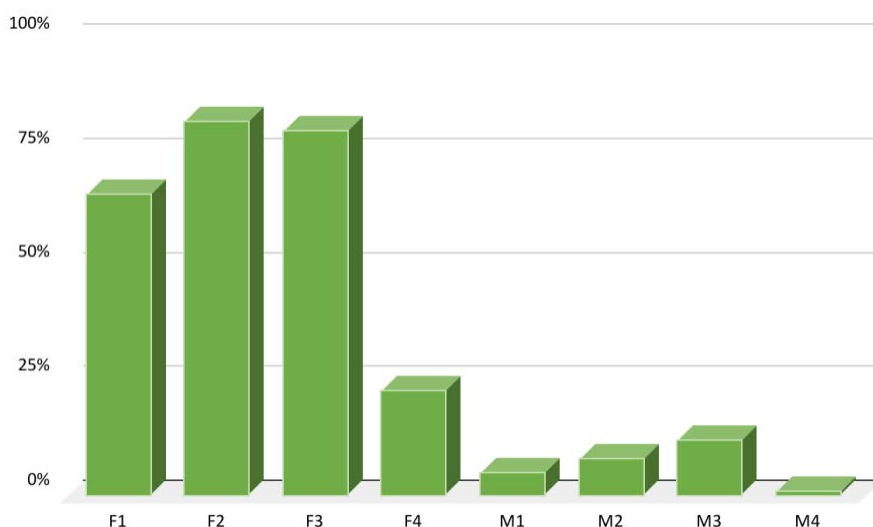

Рис. 3. 2, 3 курс: процент правильной реализации фонем /r/ и /rj/

Таким образом, следует, что пара /r/ и /rj/ одна из самых трудных для китайцев. Так как в китайском звука /r/ нет в фонетической системе языка, для студентов этот звук не знаком по артикуляции. Сложнее же произносить фонему /rj/, причина может быть в том, что в китайском языке отсутствует деление согласных звуков на твердые и мягкие. Стоит отметить, что произношение данных фонем почти не улучшается за годы обучения.

Таким же образом были проанализированы звуки /ʈ/, /li/, /ʂ/, /ɕ/, /ʑ/, /t͡ɕ/, /t͡ɕi/ и вот к каким выводам мы пришли.

В ходе исследования были выявлены различные типы ошибок при произношении шумных согласных у студентов всех курсов. Так, когда у диктора имелся похожий звук в его родном языке, он мог заменить русский звук его китайским «аналогом» – простым и знакомым. Звук [ɕ] часто

менялся на звук [ʃ], а звук [ʃ] менялся на звук [s]. Однако эти звуки образуются в разных местах речевого аппарата. В результате такая замена может восприниматься как признак акцента.

Также стоит обратить внимание на фонемы /r/ и /r/, в китайском языке буква «r» в начале слова произносится как /ʒ/: имеет ретрофлексную артикуляцию, является какуминальным звуком. А русский звук /r/ является дрожащим, переднеязычным и сонорным. Ожидается, студенты всех курсов периодически перекладывают паттерны произношения родного языка на русский и произносят совершенно не тот звук.

Частая ошибка среди студентов первого курса – замена /r/ и /r/ на /li/ и /t/. Это может быть обусловлено тем, что данные звуки отсутствуют в китайском языке. Артикуляционные причины смешения заключаются в некотором сходстве положения языка и в том, что оба согласных сонорные. Однако существенные различия заключаются в способе артикуляции: наличие боковых щелей характерно лишь для /t/, при произнесении /r/ кончик языка вибрирует, лишь слегка прикасаясь к альвеолам, а не упирается в альвеолы, как при произнесении /t/ [Клобукова 1998, 6: 116].

Стоит заметить, что из-за сложности этих звуков они много отрабатываются на занятиях; возможно, из-за сильной концентрации на данных фонемах студенты и ошибаются. Такой вывод может быть сделан потому, что среди студентов 2 и 3 курса практически нет ошибок такого типа.

Хотя анализ показывает, что значительных качественных улучшений среди студентов 2 и 3 курсов не наблюдается, можно сказать, что ошибки становятся более индивидуальными, и их уже тяжелее классифицировать. На основании этого можно заключить, что студенты из Китая относительно успешно проходят фонетический курс, а ошибки в произношении остаются из-за недостаточной практики устной речи и нехватки общения с носителями русского языка.

Литература

Губанов А.А. Трудности в изучении фонетики китайского языка русскоговорящими студентами (на примере сравнения русских и китайских согласных звуков) / А.А. Губанов // Диалог культур – диалог о мире и во имя мира: Материалы XII Международной студенческой научно-практической конференции, Комсомольск-на-Амуре, 22 апреля 2021 г. – Комсомольск-на-Амуре: Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, 2021. – С. 62–66.

Реформатский А.А. Введение в языковедение: Учеб. для филол. специальностей высш. пед. учеб. заведений. – 5-е уточн. изд. – М.: Аспект-пресс, 1996. – 536 с.

Сян Ю. Способы постановки согласных звуков русского языка у китайских студентов / Ю. Сян // Инновации. Наука. Образование. – 2022. – № 52. – С. 1457–1459.

Чжан С. Особенности обучения китайских студентов произношению твердых и мягких согласных русского языка / С. Чжан // Педагогический журнал. – 2019. – Т. 9, № 1–1. – С. 215–223.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти Галины Ивановны Рожковой / Ред. Л.П. Клобукова, В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – Вып. 6. – 116 с.

**Преподавание дисциплины «Технические средства
в профессиональной деятельности» на билингвальной основе
с применением смешанного обучения**

*билингвизм, технические средства в профессиональной
деятельности, смешанное обучение, цифровые сервисы*

Современный мир невозможно представить без различных цифровых технологий, которые применяются в обучении. Обучающиеся используют свои гаджеты, мобильные телефоны, смартфоны, планшеты и ноутбуки для выполнения практических работ в аудитории, самостоятельных работ дома и в читальных залах. Помимо различных устройств в обучении применяются цифровые сервисы для изучения нового материала, выполнения практических заданий и закрепления пройденного материала. Это такие сервисы, как для составления и проведения тестирования, платформы для создания курсов, конструкторы для составления викторин, кроссвордов, инфографик, блок схем, слайдов в однообразном стиле. Благодаря широкому функционалу, используя их, можно составить разные виды интегративных заданий. Данные инструменты позволяют преподавателю организовывать различные формы обучения. Таким можно считать смешанное обучение.

Цель исследования состоит в апробации современных цифровых сервисов при билингвальном обучении с применением смешанного обучения (blended learning) при подготовке студентов педагогических направлений в процессе преподавания дисциплины «Технические средства в профессиональной деятельности».

Ученые не придерживаются одного мнения по поводу определения смешанного обучения. Но, несмотря на это существует ряд самых популярных терминов. Одним из первых в своем «Справочнике смешанного обучения» Бонк дает определение смешанному обучению и пишет, что это система обучения, основанная на сочетании очного обучения (традиционное с лицом-к-лицу) и обучения компьютерными средствами [Graham 2006]. Другое определение интерпретирует смешанное обучение как модель распределенных информационно-образовательных ресурсов в очном обучении с применением элементов асинхронного и синхронного дистанционного обучения» [Нугуманова и др. 2019]. Д.В. Моглан рассматривает организацию смешанного обучения с использованием сервисов Веб 2.0, ориентированных на предоставление образовательных услуг посредством сети Интернет [Моглан 2018]. Таким образом, данное обучение проходит непосредственно онлайн и офлайн в аудитории или полностью в аудитории с применением цифровых ресурсов.

На базе Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета реализуется подготовка билингвальных педагогических кадров в рамках государственной программы «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан» с 2018 г.

В данном случае в подготовке будущих учителей-билингвов используются система LMS Moodle, MOOK, электронные словари, сервисы для разработки тестов. Например, в КФУ преподаватели разрабатывают цифровой образовательный ресурс (ЦОР) на платформе LMS Moodle, которая благодаря широкой функциональности позволяет разместить различные виды учебных материалов в более интересном интерактивном формате [Мухаметшин и др. 2019].

Существуют множество моделей смешанного обучения. Онлайн-центр BLU Института Клейтона Кристенсена выделяет 7 моделей смешанного обучения: Ротация станций, Ротация лабораторий, Модель индивидуальной ротации, Перевернутый класс, Flex, А ля карт [Вселенная 2024]. Самые популярные из них ротация станций или по-другому смена рабочих зон и перевернутый класс.

В модели ротации обучающиеся занимаются в определенных зонах, в таких как станция с использованием ЦОР, где имеются компьютеры со входом в Интернет для изучения нового материала, зона групповой работы для создания проектов с помощью цифровых сервисов и работа с преподавателем [Там же]. Также можно включить зону защиты проектов, где обучающиеся выступают и рассказывают о своих разработках. Работа в зонах позволяет студентам быть активным, коммуникабельным, способствует развитию речевых навыков. При этом обучающиеся используют два языка – русский и татарский.

Суть билингвального обучения подразумевает применение двух языков в преподавании дисциплины, то есть обучающиеся получают знание по предмету на двух языках. Смысл в том, что преподаватель должен знать свой предмет и языки преподавания на хорошем уровне. Каждая предметная область, имеет специальную терминологию, свой язык с особенностями на лексическом, грамматическом и синтаксическом уровнях [Салехова 2006] и если исключить один из этих факторов, то билингвальное обучение невозможно организовать, при этом фактор знание языка играет немаловажную роль. Поэтому важно научить будущих билингвальных учителей говорить и выражать свои мысли на двух языках. Цифровые сервисы предоставляют преподавателю широкую возможность использования инструментов, с помощью которых можно сделать учебный материал интерактивным, функциональным и интересным для изучения. При этом ЦОР разработанный в LMS Moodle, словари и онлайн переводчики и различные цифровые сервисы позволяют усвоить новый материал на двух языках, а в свою очередь разработка и защита проектов оттачивают разговорные навыки, способствуют закреплению нового материала.

Во время обучения в билингвальных группах проходила апробация смешанного обучения. По результатам анкетирования обучающихся по смешанному обучению можно сделать следующие выводы:

- обучающиеся положительно оценили применение цифровых сервисов в образовании;
- у них всегда имеется доступ к учебным материалам, которые позволяют в любой момент вернуться к ним;
- ЦОР позволяют учитывать индивидуальные особенности обучающихся;
- командная работа развивает сотрудничество;
- повышается мотивация и т.д.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что цифровые сервисы при билингвальном обучении с применением смешанного обучения дают положительные результаты. Обучающимся нравятся новые современные цифровые сервисы, которые позволяют с легкостью изучать новую тему. Это помогает лучше освоить предмет, снять тревожность, быть удовлетворенными своими результатами обучения и формирует положительные эмоциональные моменты.

Литература

Моглан Д.В. Методические аспекты использования сервисов веб 2.0 в процессе смешанного обучения. Открытое образование / Д.В. Моглан. – 2018. – Т. 22. – № 1. – С. 4–12.

Мухаметшин Л. Использование системы lms moodle в современном образовательном процессе / Л. Мухаметшин, Л. Салехова, М. Мухаметшина // Филология и культура. Philology and Culture. – 2019. – № 2 (56). – С. 274–279.

Нугуманова Л.Н. Технология смешанного обучения: модели, содержание, рекомендации / Л.Н. Нугуманова, Г.А. Шайхутдинова, Т.В. Яковенко // Современный ученый. – 2019. – № 4. – С. 191–198.

Салехова Л.Л. Двухязычное образование в системе подготовки учителя / Л.Л. Салехова. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2006. – 172 с.

Вселенная Смешанного Обучения: [сайт]. – 2024. – URL: <https://www.blendedlearning.org/models/> (дата обращения: 03.11.2022).

Graham C.R. Blended learning systems: Definition, current trends and future directions / C.R. Graham; In C. J. Bonk & C. R. Graham (Eds.). The handbook of blended learning: Global perspectives, local designs. – San Francisco: Pfeiffer, 2006. – P. 3–21.

Проблема классификации бессоюзных сложных предложений в английском языке

*предложение простое и сложное, сложносочиненные
и сложноподчиненные предложения, бессоюзное предложение,
союз, интонация, классификация*

Предложение – это единица языка, образованная грамматическим, смысловым и интонационным соединением слов. Оно содержит законченную мысль, выражает суждение, вопрос или побуждение, описывает саму ситуацию общения и отношение к ней говорящего. Значимая черта любого предложения – предикативность, демонстрирующая соотношение между высказыванием и действительностью, она складывается из категорий времени, лица, модальности, а также интонации.

С точки зрения количества грамматических основ выделяют простые и сложные предложения. Сложные предложения состоят из двух и более частей, которые образуют единое целое на уровне структуры, интонации и смысла. В зависимости от типа связи между частями сложного предложения выделяют сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, объединенные в группу союзных, и бессоюзные сложные предложения.

Основные признаки сложного предложения включают в себя цельнооформленность, полипредикацию, семантическая сложность, а также способ связи между предикативными частями [Ярцева 2002: 471].

Согласно В.Н. Ярцевой, сложное предложение объединяет в себе несколько частей, которые находятся друг с другом в определенных синтаксических отношениях, при этом одна из них может иметь лишь «формальную организацию», полностью завися от другой [Ярцева 2002: 472]. Поскольку союзные предложения подразделяются на две большие группы, можно говорить о существовании трех типов сложных предложений:

1) сложносочиненные (ССП): компоненты равноправны, ни один не является частью другого, части состоят между собой в соединительных, противительных или разделительных отношениях;

2) сложноподчиненные (СПП): есть один главный компонент и один или несколько придаточных, при этом зависимость проявляется только в функциональном плане, предикативные части состоят между собой в разных типах отношений: изъяснительных, определительных, сравнительных, причинно-следственных, целевых, временных и т. д.;

3) бессоюзные сложные (БСП): связь между частями является неграмматической, они организованы определенным образом исключительно с помощью интонации.

Бессоюзные сложные предложения отличаются тем, что связь между предикативными частями в них организована не с помощью союзов, а другими средствами: интонация, порядок следования частей, взаимосвязанностью строения, грамматических форм и лексического наполнения и т. д. Интонация в бессоюзных предложениях позволяет объединить предикативные части в одно целое с точки зрения семантики, а также уточнить общий смысл.

Бессоюзные сложные предложения являются ярким стилистическим средством, характерным для живой разговорной речи, а также художественных произведениях, где автору необходимо показать динамику и увеличить выразительность повествования. Стоит отметить и широкие возможности трактовки смысла БСП, многие из них являются многозначными.

В английском языке принято выделять два основных типа сложных предложений: *compound sentence* и *complex sentence*, что объясняется тем, что анализируются не используемые для связи союзы, а именно отношения между частями и степень их независимости друг от друга.

Например, в предложении (1) *"I fed and bathed the boys, I shopped for food, I did the laundry and swept the floors, I followed the boys around and did their bidding"* [Liu 2016: 35] очевидна сочинительная соединительная связь между четырьмя предикативными частями. Хотя каждая из них по структуре напоминает полноценное простое предложение, именно их совместное употребление демонстрирует одновременность и взаимосвязанность описываемых действий, создавая единый смысл. Это подтверждается тем фактом, что при включении в предложение сочинительных союзов *"and"*, *"not only, but also"* и т. д. смысл высказывания не изменится.

С другой стороны, в предложении (2) *"I have to write with all my heart, I need to write to you in Chinese"* [Liu 2016: 37] прослеживается причинно-следственная связь, что подтверждается контекстом (родным языком героини был китайский, поэтому на английском она выражала свои мысли менее естественно). Это позволяет говорить о подчинительных отношениях несмотря на самостоятельность обеих частей: без первой части вторая потеряет свой смысл, действие не будет сопровождено причиной, а первая часть в отсутствие второй может быть воспринята искаженно. Кроме того, при попытке подобрать по смыслу союз или союзное слово для связи предикативных частей именно подчинительные союзы причины и следствия (*"that's why"*, *"as"*, *"because"*) кажутся наиболее уместными в данном случае.

Однако существуют также бессоюзные сложные предложения, в которых нельзя определенно выявить тип отношений, в которых состоят предикативные части, равно как и подставить подходящий союз для их связи. Например, бессоюзное предложение (3) *"I hurried back to the room*

feeling very nervous: it is much easier to steal something than to return it undetected” [Bond 2016: 141] состоит из двух частей: в первой содержится описание ситуации, а во второй – мысль, которая пришла герою на фоне произошедших событий.

С одной стороны, обе части можно назвать самостоятельными, так как они выглядят, как несущие законченную мысль простые предложения, но с другой – каждое из них при соединении дополняет значение другого. Связать эти части с помощью союза или союзного слова невозможно – только добавить еще одну предикативную часть для разъяснения. Причем в зависимости от вкладываемого смысла она может содержать как сочинительный: “and I understood that” (поспешил в комнату и понял), так и подчинительный союз: “because I understood that” (нервничал, потому что понял). Исходя из этого, также встает вопрос, стоит ли считать бессоюзными те сложные предложения, в которых можно подобрать союз для демонстрации отношений между частями, или к ним относятся только фразы, в которых невозможно подставить подходящую связующую лексику (как утверждается, например, в работе Н. И. Белуновой). Отдельные исследователи отмечали, что «синтаксическое значение», выражаемое бессоюзным предложением, ничем не отличается от «союзного типа», поскольку «интонация заменяет союзы», из-за чего бессоюзное предложение либо находится в позиции «между ССП и СПП», либо является «квазипредложением – единицей, не имеющей своей синтаксической формы» [Солганик 2018: 196].

В данном аспекте мы придерживаемся точки зрения большинства отечественных исследователей (например, Г.Я. Солганика и В.В. Виноградова), которые отмечают, что у бессоюзного сложного предложения есть «свое особое синтаксическое значение, не сводимое к значению союзов», которое определяется «лексическим наполнением предикативных частей и их семантическим содержанием», а особое средство связи – интонация, позволяет конкретизировать это значение [Виноградов 2001: 223].

В лингвистике изучение бессоюзных сложных предложений связано с рядом нерешенных вопросов. Первый из них заключается в том, следует ли выделять предложения с бессоюзной связью в отдельный синтаксический тип. Сомнения у исследователей вызывает тот факт, что для большей части БСП можно подобрать союзный синоним, то есть дополнить союзом, демонстрирующим характер отношений между частями. Другая проблема состоит в том, что существуют бессоюзные сложные предложения, для которых союзный синоним подобрать невозможно. В связи с этим возникают споры о том, стоит ли относить только такие случаи к числу бессоюзных предложений, или следует учитывать любые случаи бессоюзия. В данном отношении мы придерживаемся точки зрения о необходимости выделения БСП в отдельный тип, что объясняется их многозначностью, стилистическими особенностями и другими отличительными чертами. Кроме того, по нашему мнению, любое сложное предложение, в ко-

тором части соединены без употребления союзов, следует относить к категории бессоюзных, так как опущение связующих элементов – намеренное действие, влияющее на смысл, динамичность и стиль повествования.

Проблема существует и в области классификации БСП. Одна из типологий основана на возможности соотнести БСП с союзными предложениями. Те предложения, для которых можно подобрать союзный синоним, разделяются на группы по однородности состава: предложения с однотипными равноправными частями соотносятся с ССП, а высказывания с неоднородным составом, разнотипной и закрытой структурой – к СПП.

Другая классификация основана на типе интонации, связывающей части предложения. Проблема в случае с обеими классификациями состоит в том, что из-за многозначности БСП, а также сочетания различных способов связи зачастую невозможно четко отнести высказывание к конкретной категории, из-за чего возникают многочисленные переходные случаи.

Литература

Белунова Н.И. К вопросу о бессоюзном сложном предложении в современном русском языке / Н.И. Белунова, А.Б. Черняева // Инновационная наука. – 2016. – № 6. – С. 105–109.

Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Введение в языковедение: хрестоматия / сост. А.В. Блинов, И.И. Богатырева, В.П. Мурат, Г.И. Рапова. – М.: Аспект Пресс, 2001. – С. 203–221.

Солганик Г.Я. Русский язык и культура речи. Синтаксис: Учеб. пособие для студентов вузов / Г.Я. Солганик; Под ред. Г. Я. Солганика. – М.: Аспект Пресс, 2018. – 256 с.

Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709 с.

Liu Ken. The Paper Menagerie and Other Stories / Liu Ken // Saga Press, 2016. – 464 p.

Bond R. The Night Train At Deoli And Other Stories / R. Bond // India Penguin, 2016. – 246 p.

О некоторых приемах обучения студентов на трехязычной основе

*трилингвизм, обучение на трехязычной основе,
лингвистическая поддержка*

В Казанском федеральном университете идет подготовка учителей-предметников для работы в полилингвальных образовательных учреждениях Республики Татарстан, в которых воспитательный и образовательный процессы реализуются на трех языках (русском, татарском и иностранном). Соответственно, в университетских образовательных программах предусматривается изучение трех языков и обучение будущих учителей дисциплинам предметной подготовки на трех языках.

В данных условиях у обучающихся идет процесс формирования учебного трилингвизма того или иного типа (рецептивного, репродуктивного, субординативного или координативного), то есть умений осуществлять речевую деятельность и пользоваться в зависимости от цели общения, педагогической ситуации, информированности о собеседнике языковыми средствами трех языков.

На данном этапе трилингвизм будущих учителей-предметников можно охарактеризовать как уверенное владение родным языком, достаточное на коммуникативном уровне владение вторым языком и несовершенное владение иностранным языком.

В научной литературе можно найти исследования, в которых изучается формирование и развитие трилингвизма обучающихся в процессе обучения второму иностранному языку в школе и вузе, то есть обсуждаются методы, формы и приемы обучения трем языкам (родному, первому и второму иностранным языкам в рамках изучения лингвистических дисциплин). Так, известный лингводидакт Н.В. Барышников пишет: «Обучение многоязычию в условиях средней школы – принципиально новое направление в методике обучения иностранным языкам» и далее: «Вне всякого сомнения, при разработке модели обучения многоязычию можно воспользоваться теоретическими наработками и практическими материалами для высшей школы лингвистического профиля» [Барышников 2012].

Возникает методический вопрос: какие задания и упражнения необходимо предлагать обучающимся на занятиях по профильным дисциплинам, чтобы интенсифицировать процесс овладения третьим языком, интегрировать изучение предметного содержания и изучения второго и третьего языка? Не удалось найти работы, в которых обсуждаются вопросы

формирования трилингвизма обучающихся средствами изучаемого предмета.

Выделим базовые коммуникативные навыки повседневного общения, в области иностранных языков они формируются на предметах лингвистического цикла, но для преподавания предмета средствами второго или иностранного языка необходимо владение когнитивной/учебной иноязычной компетенцией, которая используется вне ситуаций повседневного общения, на уроках математики, физики, биологии и т. д.

Очевидно, что овладеть языком предметной области намного сложнее. Например, язык, используемый при игре в школьном дворе, очень отличается от языка обучения математике: «Вычислить тупой угол параллелограмма, используя транспортир, затем построить диагональ между двумя тупыми углами и выяснить, получились ли при этом равные треугольники».

Практический опыт преподавания математических предметов на трехязычной основе будущим учителям математики привел нас к некоторым методическим находкам.

Во-первых, обучающимся необходима лингвистическая поддержка в процессе обучения на неродном языке, а именно:

- замена незнакомых или редко встречающихся слов на знакомые;
- изменение пассивного залога на активные формы глагола;
- сокращение длинных предложений;
- перефразирование;
- комментирование решения задач с опорой на языковые клише и термины;
- замена сложно сформулированных вопросов на простые вопросы;
- уточнение абстракций с помощью более конкретной информации;
- увеличение времени ожидания ответа студента на изучаемом языке;
- четкая и медленная речь преподавателя на изучаемом языке;
- разработка заданий на основе таксономии Блума;
- написание подсказок;
- совершенствование ответов учеников;
- графические органайзеры и кроссворды;
- выписывание новых слов и терминов на доске;
- использование словарей [Салехова 2022].

Также студентам предлагается письменно и устно комментировать решение математических задач на трех языках (русском, татарском и английском). Фрагмент работы представлен на рис. 1.

Задание 1 (8). Вычислить определитель используя различные свойства.	
1 нче мисал. Төрлө үзлөклөр кулланып детерминантны исәплөгөз.	
Task 1. Calculate the determinant using various properties.	
$DetA_{4 \times 4} =$	$\begin{vmatrix} -1 & 0 & 0 & -1 \\ 1 & 1 & 0 & 0 \\ 1 & 1 & 1 & 0 \\ 1 & 0 & 1 & 1 \end{vmatrix}$

Решение. Чинчелеш. Solution.

	Рус	Eng	Тат
$DetA_{4 \times 4} =$ $\begin{vmatrix} -1 & 0 & 0 & -1 \\ 1 & 1 & 0 & 0 \\ 1 & 1 & 1 & 0 \\ 1 & 0 & 1 & 1 \end{vmatrix}$ $= \begin{vmatrix} -1 & 0 & 0 & -1 \\ 1 & 1 & 0 & 0 \\ -1+1 & -1+1 & 0+1 & 0+0 \\ 1 & 0 & 1 & 1 \end{vmatrix}$ $= \begin{vmatrix} -1 & 0 & 0 & -1 \\ 1 & 1 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 1 & 0 \\ 1 & 0 & 1 & 1 \end{vmatrix}$	Воспользуюсь свойством №7: значение определителя не меняется, если к элементам одной строки прибавить элементы другой строки умноженное на одно и то же число Умножу элементы второго столбца на -1 и прибавлю к элементам третьей строки	I will use property №7: the value of the determinant doesn't change if the elements of one row are added to the elements of another row multiplied by the same number Multiply the elements of the second column by (-1) and	Мин 7нче үзлөкне кулланам: бер юл элементларына бер үк санга тапкырланган башка юл элементлары өстәлсә, билгеләүченең әһәмияте үзгәрми Икенче багана элементларын (-1)га тапкырлыйм һәм өченче юл элементларына кушам

Рис. 1. Решение задач на трех языках

При таком подходе комментирование решения задачи, программируя умственные и речевые действия обучаемого, отвлекает его мыслительную деятельность от иноязычной языковой формы, направляя ее на реальный предмет мысли – на элементы задачи и их взаимосвязь.

Применение данных приемов при обучении студентов на полилингвальной основе показало положительные результаты в овладении как языками, так и предметным содержанием.

Литература

Барышников Н.В. Интегративная модель обучения многоязычию в средней школе / Н.В. Барышников // Вестник ПГЛУ № 4. – 2012. – С. 241–243.

Салехова Л.Л. Билингвальное обучение и двуязычие для развития мышления и коммуникаций / Л.Л. Салехова, Д.М. Шакирова; науч. ред. Д.М. Шакирова. – Казань: ГАОУ ДПО ИРО РТ, 2022. – Вып. 2 (11). – 122 с.

Применение нейросети для изучения иностранных языков

цифровизация, нейросети, машинный перевод, роботы

Нейросети – это метод машинного обучения, имитирующий работу человеческого мозга. Нейросети используются в различных областях: компьютерное зрение (распознавание изображений, определение их локацию и т. д.), обработка естественного языка (анализ и обработка текста, создание текста и т. д.), финансы (анализ рисков, прогнозирование рынка и т. п.), робототехника (изучение и адаптация к окружающей среды и т. п.) и многое другое. Одним из применений нейросети является обучение иностранным языкам. Нейросети содействуют в автоматическом распознавании речи, обучении грамматике и создании индивидуальных учебных программ.

Распознавание речи. Распознавание речи – это процесс преобразования речевого сигнала в цифровую информацию. Нейросети применяются для обучения компьютеров распознаванию звуковой волны и перевода ее в текст. Процесс распознавания речи с помощью нейросети состоит из нескольких шагов. Сначала нейросеть обучается на большом количестве аудиозаписей, где люди говорят на изучаемом языке. Затем она анализирует звуковые волны и определяет, какие звуки соответствуют определенным словам и фразам. После этого нейросеть может использовать эту информацию для перевода речи на другой язык или для создания голосового помощника, который может отвечать на вопросы на изучаемом языке.

Достоинства:

- высокая точность – нейросети способны распознавать речь с высокой точностью, что позволяет использовать их для перевода речи в текст и создания голосовых помощников;
- быстрое обучение – нейросети обучаются на больших объемах данных, что позволяет им быстро адаптироваться к новым звукам и интонациям;
- гибкость – нейросети могут использоваться как для распознавания речи, так и для создания виртуальных учителей и учебных программ.

Недостатки:

- необходимость большого количества данных для обучения – для того чтобы нейросеть могла точно распознавать речь, ей необходимо большое количество аудиозаписей для обучения;

- сложность в интерпретации результатов – нейросети не всегда могут точно интерпретировать результаты распознавания речи, что может привести к ошибкам в переводе или ответам виртуального учителя;

- ошибки в распознавании – несмотря на высокую точность распознавания, нейросети все же могут допускать ошибки, особенно при работе с нестандартными акцентами или диалектами.

Машинный перевод. Машинный перевод является процессом перевода текста с одного естественного языка на другой, реализуемый с помощью компьютера. Он позволяет получить доступ к большой базе материалов на иностранных языках, включая книги, статьи, фильмы и музыку. Машинный перевод также способствует развитию навыков аудирования и разговорной речи, так как учащиеся могут использовать его для проверки своего понимания текста. Следует подчеркнуть, что качество машинного перевода может измениться, и он не всегда обеспечивает полное и точное понимание переведенного текста. Поэтому его следует использовать с осторожностью и совместно с другими методами изучения языка.

Существует несколько подходов к машинному переводу, в том числе статистический и нейронный. Статистический перевод основан на сравнении больших объемов языковых пар, или корпусов текста. Нейронные сети применяются для анализа текстов и выявления закономерностей в использовании слов и фраз. Основываясь на этих закономерностях, нейронные сети могут предвидеть наиболее вероятный перевод для заданного слова или фразы.

Метод нейронного машинного перевода основан на использовании нейронных сетей для анализа и предсказания перевода текста с одного языка на другой. Нейронные сети обучаются на широких наборах данных с параллельными текстами и могут применяться для перевода новых текстов. Машинный перевод широко применяется в различных приложениях, включая онлайн-переводчики (Google Translate, Яндекс Переводчик, Microsoft Translator, Reverso Context, Prompt), системы автоматического перевода документов, мобильные приложения и другие. Он также активно внедряется в области искусственного интеллекта и машинного обучения для создания переводческих моделей, анализа данных и улучшения качества перевода.

Определения контекста. Контекст играет важную роль в изучении иностранного языка, помогая понять значения слов и выражений в различных ситуациях. Нейронные сети могут использовать контекст для автоматического определения значений слов и предложений, что значительно облегчает процесс обучения. Благодаря этому, нейронные сети способны применять контекстуальный подход и предоставлять более точные результаты в изучении языка.

Обучающие роботы. Обучающие роботы – это роботы, разработанные специально с целью воспитания у обучающихся аналитических, творческих и практических знаний, умений и навыков. Сфера изучения воз-

возможностей применения роботов в обучении ИЯ (RALL) быстро расширяется, а использование технологий нейросетей привело к прорывам в методологии изучения ИЯ и инновациям в области их применения на практике.

Преимущества использования роботов, следующие:

- универсальность – возможное индивидуальное, групповое или обучение с педагогом;
- настройка – возможность индивидуализации как для обучаемого, так и для разных практических задач;
- обновление и пополнение учебного материала;
- цикличность – выполнение монотонно однотипных задач, что позволяет повторять учебный материал без усталости.

Обучение с помощью роботов снижает тревожность обучаемых, добавляет уверенности и повышает их мотивацию к обучению. Они способны помогать людям всех возрастов.

Проанализировав нейросети для изучения иностранных языков, мы пришли к выводу, что нейросети играют важную роль в изучении иностранных языков. Они используются для распознавания речи, машинного перевода и обучающих роботов. Нейросети помогают улучшить точность распознавания речи, ускорить обучение и создать более гибкие и персонализированные программы обучения. В целом использование нейросетей является важным шагом в развитии технологий обучения иностранным языкам.

Литература

Гранкин А.М. Распознавание и синтез речи / А.М. Гранкин, С.В. Пальмов // Форум молодых ученых. – 2018. – № 21. – С. 896–899.

Ван Шисянь. Активизация познавательной и когнитивной деятельности учащихся в процессе изучения иностранного языка с применением обучающих роботов / Ван Шисянь // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Педагогика и психология». – 2022. – № 3. – С. 205–215.

Головко Д.Р. Особенности и виды машинного перевода / Д.Р. Головко // Вестник МИТУ-МАСИ. – 2020. – № 24. – С. 24–30.

Инфинитив и категория состояния на примере русского и узбекского языков

инфинитив, категория состояния, русский язык, узбекский язык

Вопрос об инфинитиве всегда волновал русских ученых. Если некоторые из них утверждали, что данная единица «не принадлежит к числу ни предикативных, ни атрибутивных форм глагола», то другие подчеркивали, что инфинитив в современном русском языке – это «глагольный номинатив», то есть основная, исходная форма глагола [Виноградов 1972: 343]. В узбекском языке нет инфинитива, то есть неопределенная форма глагола отсутствует. Но есть имя действия – это форма глагола, которая используется для передачи глагольных лексем в словарях, а также выполняет множество грамматических функций, не свойственных русскому инфинитиву. Данная форма глагола, свойственная узбекскому языку, также продолжает интересовать лингвистов. Хотя в узбекском языкознании немало трудов, посвященных изучению глагольной семантики в сопоставительном аспекте [Сиддиқов 2000; Цалкаламанидзе 1987; Шабанов 2003], но функционально-семантические особенности, а также структурная специфика имени действия еще не были раскрыты полностью ни в частной лингвистике, ни в сопоставительной.

Исследования многих ученых подтверждают, что инфинитив после глаголов наиболее сочетается со словами категории состояния. Сочетания инфинитивной формы глагола со словами категории состояния в русском языке очень распространены, данные конструкции в нынешнее время считаются продуктивными, хотя по своей семантике они являются довольно узкими, так как могут иметь только одно модальное значение. С инфинитивом сочетаются только такие слова категории состояния, которые выражают эмоционально-этические действия или оценку физического состояния при действии, обозначенном в инфинитиве. Например: необходимо учиться, неудобно опаздывать, страшно ходить ночью и др.

«КАТЕГОРИЯ СОСТОЯНИЯ. Предикатив. Знаменательная часть речи, обозначающая динамическое состояние и выражающая это значение в категориях аналитического времени, наклонения и безличности» [Жеребило 2010: 144].

В узбекском языке нет отдельной группы знаменательных слов, обозначающих категорию состояния, а значения, выражаемые словами категории состояния, передаются с помощью других частей речи.

Сочетания инфинитива со словами категории состояния, которые можно представить в виде конструкций «КС + Г(инф)», реализуются в односоставных безличных предложениях, а также в двусоставных предложениях, где инфинитив выступает в роли подлежащего. Эти конструкции выражают формы времени при помощи наличной или нулевой связки и выступают в положительном или отрицательном значении, что находит свое соответствие также в узбекском языке. Вопрос о синтаксических отношениях между компонентами конструкций типа «КС + Г(инф)» и их синтаксической роли весьма спорный, и, следовательно, данная проблема во многих случаях оставляет место для дискуссий.

В узбекском языке такие конструкции, независимо от типа синтаксических отношений между структурными частями, передаются одними и теми же лексико-грамматическими средствами (табл. 1).

Таблица 1

Конструкции в русском и узбекском языках

в русском			в узбекском		
(не) сложно	–	выполнить	bajarish	qiyin	emas
	было				emas edi
	будет				bo'lmaydi

В узбекском языке порядок расположения компонентов в таких конструкциях более устойчивый, и, хотя русские односоставные и двусоставные предложения передаются в узбекском языке конструкциями с именами действия, логическое понимание выполняемых функций компонентами конструкции способствует различению односоставных и двусоставных предложений. К примеру, сочетание слов трудно поверить – *ishonish qiyin* как в русском, так и в узбекском языках относится к односоставному предложению, а сочетание курить вредно, где зависимым словом является наречие и *chekish zararli*, где зависимое слово выражено прилагательным – к двусоставному. В следующей сравнительной таблице 2 можно увидеть односоставные и двусоставные конструкции инфинитива со словами категории состояния и их передачу в узбекском языке.

Таблица 2

Сравнительная таблица

В русском	В узбекском
Односоставные предложения	
Мне нужно много читать.	<i>Men ko'p o'qishim kerak.</i>
Тебе необходимо заниматься спортом.	<i>Sen sport bilan shug'ullanishing zarur.</i>
Нам следует объединить наши силы.	<i>Biz kuchlarimizni birlashtirishimiz lozim.</i>

В русском	В узбекском
Двусоставные предложения	
<i>Жить – хорошо, хорошо жить – лучше.</i>	<i>Yashash yaxshi, yaxshi yashash – undanam yaxshi.</i>
<i>Хорошему человеку жить трудно, умереть – легко. (М.Г.)</i>	<i>Yaxshi odamga yashash qiyin, o'lish – oson.</i>
<i>Ежели каждый будет кусаться, то лучше и не жить на свете. (Ч.)</i>	<i>Agar har narsa tishlayversa, unda dunyoda yashamagan yaxshiroq.</i>

Итак, сопоставительный анализ конструкций типа «КС + Г(инф)», данных в таблице показывает следующее:

- русским конструкциям «КС + Г(инф)», независимо от позиции компонентов, соответствуют узбекские сочетания с именами действия, построенные по данному типу.

- как в русском, так и в узбекском языках соответствующие конструкции выражают оценку говорящим состояния, которое возникает при совершении действия, названного формой имени действия, например: вспоминать больно – *eslash og'ir*.

- во всех соответствующих конструкциях в русском и узбекском языках выражаются формы времени при помощи наличной (и нулевой) связки: было – *edi*, будет – *bo'ladi*, стало – *bo'ldi*, станет – *bo'ladi* и др.

- русские конструкции «КС + Г(инф)», выступающие в положительном или отрицательном значении, находят свое соответствие и в узбекском языке: Выучить это стихотворение сложно. – *Bu she'rni yodlash qiyin*; Выучить это стихотворение не сложно. – *Bu she'rni yodlash qiyin emas*.

Следует отметить, что не все русские односоставные и двусоставные предложения, главным членом в которых выступает инфинитив, соответствуют по построению предложениям в узбекском языке. Например:

Жить – хорошо (двусоставная конструкция)

Хорошо жить (односоставная конструкция).

Оба эти предложения передаются в узбекском языке одной и той же конструкцией: *Yashash yaxshi*. Исходя из особенностей языка, можно отметить, что для передачи вышеуказанных конструкций в узбекском языке имеется, в основном, одна синтаксическая конструкция, то есть двусоставная модель. Хотя в узбекском языке тоже имеется конструкция с противоположным порядком слов: *yaxshi yashash*, но такое сочетание по значению не соответствует русским конструкциям типа «КС + Г(инф)».

Проанализировав сочетания русского инфинитива со словами категории состояния в сравнительном аспекте с конструкциями такого же типа в узбекском языке, можно сделать вывод: конструкции «КС + Г(инф)» в современном русском языке широко используются для выражения состояния живого существа при его действии, а в узбекском языке подобные конструкции передаются в основном сочетаниями имени действия с:

1) наречиями: *ishonish qiyin* (трудно поверить); 2) прилагательными: *raqs tushish zavqli* (танцевать приятно); 3) существительными: *aldash gunoh* (обманывать – грешно); 4) глаголами: *ko'z yoshlarni tiyish qiyin bo'ldi* (трудно стало сдерживать слезы).

Литература

Азизов А.А. Сопоставительная грамматика русского и узбекского языков. Морфология (Краткий очерк) / А.А. Азизов. – Ташкент: Учпедгиз, 1960. – 200 с.

Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.

Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 486 с.

Талипова Р.Т. Сопоставительный курс грамматики русского и узбекского языков / Р.Т. Талипова. – Ташкент: CHASHMA PRINT, 2009. – 136 с.

Цалкаламанидзе А. Валентность глаголов в свете семантико-синтаксических свойств (на материале турецкого и узбекского языков): дис. ... докт. филол. наук / А. Цалкаламанидзе. – Тбилиси, 1987. – 450 с.

Шанский Н.М. Современный русский язык. Словообразование. Морфология / Н.М. Шанский, А.Н. Тихонов. – М.: Просвещение, 1987. – 256 с.

Сиддиқов З. Ўзбек ва турк тилларида кўрув лексемалари семантикаси: филол. фан. номз... дис. автореф. / З. Сиддиқов. – Тошкент, 2000. – 24 б.

Шабанов Ж. Турк ва ўзбек тилларида фаол ҳаракат феълларининг семантикаси: Филол. фан. номз... дис. автореф / Ж. Шабанов. – Тошкент, 2003. – 24 б.

Опыт внедрения программы многоязычного образования в Кыргызской Республике

*многоязычное образование, государственная политика,
принцип поликультурности, интеграция, билингвизм*

В Кыргызской Республике многоязычное и поликультурное образование является приоритетом государственной политики. Согласно 13-статьи Конституции Кыргызской Республики, для представителей всех этнических групп гарантируется и создаются условия для сохранения, изучения и развития родного языка [Конституция 2021]. В Концепции поликультурного и многоязычного образования в Кыргызской Республике (2009) раскрыты 1) вопросы социокультурной идентичности личности; 2) особенности поликультурной среды; 3) формирование положительного отношения к окружающей культурной среде; 4) развитие коммуникативных навыков [Концепция 2009]. В «Национальной стратегии устойчивого развития» Кыргызстана является определяющим развитие многоязычной среды в долгосрочной перспективе [Национальная 2013]. В статье 11 закона «Об образовании» говорится о создании государством условий на всех уровнях образования для обучения кыргызскому, русскому и одному из иностранных языков каждого гражданина Кыргызской Республики, а также о предоставлении образовательных услуг с соблюдением принципов многоязычного образования [Закон 2023].

Со дня принятия 30 июня 2016 г. Жогорку Кенешом Кыргызской Республики Постановления «О введении в КР многоязычного образования» начинает работать Центр социальной интеграции, который реализует программу многоязычного образования.

В Кыргызской Республике программа многоязычного образования начинает реализовываться с 2017 г. Программа нацелена на : внедрение многоязычного образования в дошкольных образовательных организациях, средних общеобразовательных школах и педагогических ВУЗах. С 2018 г. идет переподготовка педагогических кадров и повышение квалификации учителей, преподавателей пилотных школ и вузов. В продвижении многоязычной программы сыграли большую роль интеграционные связи с экспертами России, Грузии, Латвии, Эстонии, Финляндии и других европейских стран.

Термин «многоязычное образование» введен ЮНЕСКО в 1999 г. (12-я резолюция UNESCO), в Кыргызской Республике акцент делается на использовании трех языков: государственного, официального и английского, как языка международного общения.

Для Кыргызской Республики внедрение многоязычного образования важно, потому что в стране живет много народностей, знание языков позволит личности развивать себя и повышать квалификацию, многие родители поддерживают развитие многоязычия в системе образования.

Кыргызский Государственный университет имени Ишеналы Арабаева является пилотным университетом по реализации программы многоязычного образования. В университете при поддержке Центра социальной интеграции на базе кафедры педагогики работает лаборатория многоязычного образования. В 2022 г. проведена мониторинговая работа по определению уровней владения первыми и вторыми языками студентов и преподавателей, участвующих в программе. К 2025 г. предполагается внедрение английского языка на каждой ступени образования.

Многоязычное образование предусматривает частичное или полное погружение в языковую среду. Эстонские эксперты предлагают три уровня. Первый уровень – это раннее погружение, при котором обучение начинается с пребывания детей в многоязычных дошкольных образовательных организациях или в 1-2 классах школы. Второй уровень – среднее погружение с 3-5 классов, и третий уровень – позднее погружение в многоязычную программу с 6 класса [Булатова 2021].

Нужно различать и понимать важные черты многоязычного образования: когда в школах есть параллельные классы, в которых обучаются на государственном и на официальном языке – это не модель многоязычного образования, эта модель одноязычного образования. Естественно, такое понимание многоязычия очень распространено. К сожалению, применяя модель одноязычного образования, учащиеся не получают возможности изучить языки на хорошем академическом уровне. Модель многоязычного образования предлагает интеграцию предметов и языка, в котором язык развивается на академическом уровне, то есть человек не только говорит и понимает язык, но и читает и пишет, а это более высокий уровень развития языка.

Учащиеся в многоязычных классах обучаются по такой же программе так и в обычной школе. Для создания эффективной многоязычной среды в школе широко используется внеклассная и внеурочная работа.

На сегодня в Кыргызской Республике имеются 5 вузов, внедряющих программы многоязычного образования. Были подготовлены команды консультантов для обмена опытом и проведению методических консультаций. В пилотных университетах запланирована подготовка педагогов со специализацией «Педагог программы многоязычного образования». Для реализации этого плана в Кыргызском государственном университете имени И. Арабаева создана рабочая группа, которая работает над модернизацией содержания дисциплин психолого-педагогического и языкового направления. Рабочая группа знакомится с основными составляющими методики интегрированного обучения предмету и языку.

Третий этап внедрения многоязычного образования в Кыргызской Республике начинает свой отсчет с 2026 по 2030 г. Перед системой образования поставлена задача внедрения многоязычных программ с обязательным использованием английского и других иностранных языков.

Литература

Булатова В.А. Многоязычие в детском саду»: методические рекомендации по организации работы с дошкольниками в программах многоязычного образования / В.А. Булатова. – Бишкек: Аркус, 2021. – С. 248.

Закон КР «Об образовании» от 11 августа 2023 года № 179.

Конституция Кыргызской Республики. Принята референдумом (всеобщим народным голосованием) 11 апреля 2021 года.

Концепция поликультурного и многоязычного образования в Кыргызской Республике (2009) – Утверждена коллегией Министерства образования и науки Кыргызской Республики. – Бишкек, 2009 – С. 87.

Концепция развития образования в Кыргызской Республике на 2021–2030 гг. – URL: <https://edu.gov.kg/media/files/118d4b79-d6ea-4648-9c1c-56280444e7fd.pdf> (дата обращения: 09.09.2023).

Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013–2017 годы (В редакции Указа Президента КР от 27 сентября 2013 года УП № 194).

Что такое языковое погружение. Какова история программы языкового погружения Эстонии? – URL: https://laanemere.tln.edu.ee/images/op-petoo/2017-2018/Keelek%C3%BCmblus_kodulehele_%D1%80%D1%83%D1%81.pdf (дата обращения: 09.09.2023).

Многоязычие в образовательном пространстве школы сообщества Сэлэт

*полилингвальное образование, татарский язык, английский язык,
среда, сообщество*

Сэлэт – это молодежное движение, которое за 30 лет существования развилось из небольшого лагеря в социально-педагогический комплекс, известный высоким воспитательным эффектом [Сулейманов 2013]. Идея создания образовательного комплекса «Алмагач» (в переводе с татарского языка ‘яблоня’) родилась естественным образом, в том числе как ответ на частые запросы от участников проектов и их родителей.

В основе концепции образовательного комплекса лежит понимание образования как системы, обеспечивающей условия для гармоничного и разностороннего развития личности учащегося. Его миссией является способствовать формированию интеллектуально и духовно развитых личностей, обладающих прогрессивным мышлением, мотивированных к саморазвитию, свободно владеющих русским, татарским и английским языками, готовых к коммуникации в условиях культурного и языкового разнообразия и способных поддерживать гармонию национальных и общечеловеческих ценностей.

В настоящее время проект реализуется в формате четырех классов начальной школы «Асылташ» (в переводе с татарского языка ‘драгоценный камень’), функционирующих на базе МБОУ «Гимназия № 107» «Открытие», школы подготовки будущих первоклассников «Мәржән» (в переводе с татарского языка ‘крупный жемчуг’) и семейного клуба «Бәләкәч» (в переводе с татарского языка ‘малыш’).

Одной из основных составляющих образовательной модели комплекса является трехязычие, что соответствует одному из основополагающих принципов сообщества: «В сообществе Сэлэт татарский язык как воздух, русский язык как вода, английский язык как хлеб». Свободное владение татарским, русским и английским языками отражается в образовательных результатах на каждой из ступеней школы, языковые компетенции систематически оцениваются, внедрены практики по их непрерывному развитию.

Портрет выпускника включает владение татарским, русским и английским языками на уровне свободного общения и освоения новых знаний на этих языках и способность использовать их для дальнейшей профессиональной деятельности в любой научно-практической области.

Приветствуется овладение и другими языками, что способствует разностороннему развитию личности, повышению конкурентоспособности выпускника, расширению возможностей эффективной коммуникации в условиях глобализации окружающего мира. Язык при этом является не только самоценностью и конкурентным преимуществом, но и инструментом развития мышления.

Следует отметить, что прием в школу осуществляется не на основе уровня владения ребенком языками, при этом важно желание семьи, чтобы ребенок обучался языкам углубленно. Стартовый уровень развития языковых компетенций учитывается при составлении образовательной траектории, в частности при делении детей на подгруппы для занятий языком. Количество занятий по каждому из трех языков в неделю – четыре, что позволяет вести углубленную подготовку по каждому из них. Помимо традиционных занятий по языку и литературе у учащихся есть такие дисциплины как «Татар уеннары» (в переводе с татарского языка ‘татарские игры’) и “Fun English” (в переводе с английского языка ‘веселый английский’).

Важным средством развития языковых компетенций является создание пространства реального трехязычия. Это возможно благодаря тому, что большая часть педагогического состава владеет тремя языками. Так, основным языком ведения занятий является русский, а в качестве основного языка общения используется татарский. Как элемент реализации системы наставничества ежедневно во время продленного дня к учащимся приходят тьюторы, являющиеся также вожатыми лагерей Сэлэт, с активностями на разных языках [Валиуллина, Якубова, 2023]. Погружению в многоязычную среду способствуют и элементы среды: стены школы содержат цитаты на трех языках, в библиотеках классов – книги, журналы и игры на разных языках, на уроках и на переменах звучат песни на разных языках.

Проводятся внеклассные мероприятия, способствующие углубленному изучению языков: например, в настоящее время ведется подготовка к межшкольному турниру Spell battle и новогоднему мероприятию, где прозвучат стихи и песни на татарском, русском и английском языках в исполнении классных коллективов. Школа является открытой системой: календарный план включает походы в театры и музеи на постановки и экскурсии на татарском и русском языках, а также к учащимся приходят в гости деятели культуры, искусства, науки и бизнеса, общественные деятели, общение с которыми ведется на одном или нескольких из этих языков.

Важным ресурсом является включение школы в календарный план сообщества Сэлэт: учащиеся школы являются активными участниками образовательных смен сообщества, каждая из которых направлена на развитие языковых компетенций, а также конкурсных и образовательных мероприятий, таких как Межрегиональный литературного конкурс

«Наследники Геннадия Айги и Кави Латыпа», Республиканский молодежный музыкально-поэтический фестиваль имени Рустема Бикмуллина «БикаФест» и шахматный турнир клуба «Атлант» на кубок Адип Альмира.

Особенно ценно, что сами дети разделяют интерес к изучению языков. Это достигается за счет того, что по итогам обратной связи, регулярно собираемой от учащихся и их родителей, языковые занятия проходят увлекательно и эффективно, а создаваемая в школе многоязычная среда является дружелюбной. В будущем с появлением других ступеней образовательного комплекса планируется совершенствование технологий, способствующих созданию условий для развития языковых компетенций у детей, с опорой на возможности сообщества Сэлэт.

Литература

Валиуллина А.Р. Система наставничества в сообществе Сэлэт, работающем с одаренными детьми и талантливой молодежью / А.Р. Валиуллина, Д.Д. Якубова // Сборник научных статей Международной научно-практической конференции «Профессиональное образование и наставничество в период образовательных трансформаций XXI века» (26–27 сентября 2023 г.) / под ред. Е.Е. Мерзон. – Казань: КФУ, 2023. – 334 с.

Сулейманов Д.Ш. Социально образовательное сообщество одаренных детей и молодежи «Сэлэт» / Д.Ш. Сулейманов. 2013. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-obrazovatelnoe-soobschestvo-odarennnyh-detey-i-molodezhi-s-l-t> (дата обращения: 01.12.2023).

Lingua-informational technologies in teaching EFL

*lingua-informational technology, lingua-informational approach,
teaching foreign languages, EFL*

Teaching English as a foreign language in a modern setting sets high demands for the educators. They have to take into consideration the characteristics of the current generation who are named as digital natives, the term was coined by Mark Prensky in 2001 [Prensky 2001]. Mark Prensky described digital natives as people who were born after 2003, given that, it must be said that students who are currently studying represent the digital natives.

Having analyzed the scientific literature on the topic, 5 categories of the digital natives were highlighted: avoiding natives, minimalists, enthusiastic participants, innovators, dependents [Kurubacak 2016]. The first two types are characterized by minimal usage of different informational technologies in their lives, whereas enthusiastic participants, innovators and dependents are fully immersed into the digital environment in all spheres, learning is a part of it.

Taking the abovementioned facts into account, it can be suggested that traditional approaches, methods, techniques of teaching English as a foreign language (EFL) must be adapted to the needs of the representatives of the current generation – the digital natives. Based on that, two questions are raised in the research: what are the needs of the current generation and how can it be applied to EFL classroom. Literature review of Russian and foreign scholars' researchers allowed us to highlight the main features of the digital natives: new ways of dealing with information, need for immediate feedback, multitasking, digital activity, longing for visual and interactive ways of studying, the desire to "be connected" [Delors 1996; Prensky 2001; Tapscott 2009; Логинова 2015; Hara 2016].

In light of this, it's essential to take into consideration the needs and features of digital natives in the EFL classroom, therefore EFL teacher should be able to: use modern informational technologies for training different language aspects in and outside the classroom, realizing interactivity, adapt methods, tools, techniques to the presented features and needs, designing meaningful learning environment using informational technologies.

In modern scientific literature, the terms which contain the "lingua-informational" term are gaining popularity. Brief literature review shows that there are terms as: lingua-informational environment, lingua-informational competency, lingua-informational competence, lingua-informational culture; all of which are regarded in the framework of lingua-informational approach.

Hence, in the EFL teaching lingua-informational approach is one of the current relevant approaches in the framework of teaching digital natives, according to K.E. Bezukladnikov and B.A. Cruze lingua-informational approach is: "rapidly spreading informational environment of the contemporary multicultural linguistic reality, serving as a new type of technological, psychophysical, and sociocultural existence for the polylingual and multicultural individual in general" [Безукладников 2013: 1–3]. The main characteristics of this approach are features of being: systematic, interdisciplinary and activity-based [Безукладников 2013].

As for the EFL teaching, this approach can be applied through the certain principles [Вахрушева 2020]:

- Integration of lingua-informational training based on interdisciplinary connections;
- flexibility of language content based on student's interests and individual needs and language level;
- using a variety of available resources;
- forming learner autonomy;
- feedback.

For this reason, in order to realize lingua-informational approach in teaching EFL educators need to study, develop and use lingua-informational technologies in their teaching experience. We will shed a light into this aspect in our further research.

References

Delors J. Learning, the Treasure Within / J. Delors. – Paris: UNESCO Publishing, 1996.

Hara N. Co-constructing controversy: Content analysis of collaborative knowledge negotiation in online communities / N. Hara, M.R. Sanfilippo // Information, Communication & Society, – 2016. – Vol. 19 (11). – P. 1587–1604.

Kurubacak G. Yeni iletişim teknolojileri. Anadolu Üniversitesi Yayınları. 2016.

Prensky, M. Digital natives, digital immigrants: Part 1. On the Horizon, – 2001. – Vol. 9(5). – P. 1-6.

Tapscott, D. Grown-up digital: How the net generation is changing your world. New York: McGraw-Hill, 2009. – 288 p.

Безукладников К.Э. Лингвоинформационный подход к высшему иноязычному образованию: Методика формирования лингводидактических компетенций / К.Э. Безукладников, Б.А. Крузе. – М.: Нобель Пресс, 2013. – 216 с.

Вахрушева О.В. Лингвоинформационная среда как средство и условие организации обучения иностранному языку в неязыковом вузе (на примере военного вуза) / О.В. Вахрушева, А.В. Назарова, Л.С. Наричина //

Мир науки. Педагогика и психология, – 2020. – № 3. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/88PDMN320.pdf> (дата обращения: 24.08.2023).

Логинова А.В. Электронное обучение: причины незаинтересованности поколения «цифровых аборигенов» / А.В. Логинова // Молодой ученый. – 2015. – № 10 (90). – С. 1212–1215. – URL: <https://moluch.ru/archive/90/18621/> (дата обращения: 27.07.2023).

A Comparative Study of Variability of Russian and Chinese Word Order

Russian word order, Chinese word order, cognitive linguistics, iconicity, habituality in thinking

Traditionally, Russian is considered a language with free word order, where morphology takes up the role of indicating the syntactical function of a sentence constituent, the grammatical sequence of constituents mainly serves as a pragmatic device marking the topic and focus. On the contrary, in Chinese the linear position of a sentence constituent is supposed to be the main indicator of its syntactical role, which requires a strict word order.

But there is no language with absolute free word order. We argue that word order in both Russian and Chinese is flexible yet not completely free. Observing some similarities in sentence structure, we suggest that several common tendencies may well be rooted in what goes beyond language – cognition and thinking in general.

This research looks at the sequence of S, V and O in simple, declarative sentences in Russian and Chinese. We did a random selection of such sentences from a wide range of materials under various themes and settings, in multiple styles and in both spoken and written forms. Out of all 140 Russian sentences selected, sentences with SV word order takes up 16, VS – 19, VO – 3, OV – 4, SVO – 35, SOV – 11, VOS – 2, OSV – 11, OVS – 26. The remaining 13 sentences either have more than one O or fall into none of those categories. Out of all 70 Chinese sentences selected, sentences with SV word order takes up 10, VS – 4, VO – 2, OV – 5, SVO – 10, SOV – 14, OSV – 9, OVS – 1. The rest either has more than one O or is ambiguous, or controversial, in their constitution. Note that due to the limited number and other factors such as uneven coverage of styles, the distribution of sentence structures within our selection may not reflect the overall distribution within that language.

1. Iconicity. Iconicity refers to the correlation between cognition and language. Regarding the current subject, we suggest approaching iconicity in word order from these aspects: perception, perspective, and capacity.

1.1 Perception. Language is not an abstract system of symbols existing entirely on its own. Word order may reflect the correlation between objects, qualities and actions in reality.

Прикосновение пальцев к стеклу засаленной прохлады. S	создавало V	ощущение слегка
		O

In reality, a cause always preexists what is caused by it.
但是，在后院儿的墙 发现了 鹰钩飞爪 的痕迹。

But on backyard wall have discovered eagle talon hook trace
V O
But trace of eagle talon hook (a weapon) has been found on the wall in the backyard.

In reality, the action of making a discovery always precedes naming what is discovered.

1.2 Perspective. Instead of picking objects randomly, humans prefer to follow a pattern while perceiving the world. Speakers of Russian and Chinese share a few guidelines by which they perceive reality: chronicle order, logical order and background/focus separation. Examples above also demonstrate how sentence arrangement is in line with the chronicle and logical perspective of speakers' perception. Below are examples where background information about time and place is introduced before highlighting the focus of attention.

В ясный зимний день по одному из каньонов штата Колорадо
кралась большая пушистая кошка рыжевато-серого цвета,
с маленькими темными кисточками на ушах, бакенбардами на
щеках, маленьким хвостиком и лохматыми лапами.
V S

良渚 遗址里 还 出土 了 很多 木桨。
Liangzhu archeological site also come out of dirt many wooden oars
V S

Also, many wooden oars were excavated from Liangzhu archeological site.

1.3 Capacity. Working memory is limited, so is language processing capacity. Sentences usually have a reasonable limit to their length and complexity so as not to exceed humans' cognitive capacity. Word order can sometimes serve as a means of reducing the complexity of sentences.

Их попросили в бодрствовании в обычном состоянии сделать
определённое движение рукой.
O V

Russian sentences have a tendency to put longer, more complicated constituents at the end of a sentence to reduce memory load.

罗马尼亚的 坎贝 是 把 开把重量 加
直接
到了 90 公斤。
Romanian Cambei ba (case marking) opening weight add
directly to 90 kilograms
S O V
complement
Cambei from Romania has increased her opening weight directly to 90 kilograms

In Chinese a grammatical marking is introduced whenever a transitive sentence has both direct object and a complement, which results in O preceding V. Contrary to the common argument that there is no case marking in Chinese, we suggest “ba” be viewed as a typical case marking to resolve the underlying dissonance of having more than one essential constituent after V and that it is added to move O to the left of V. This rearrangement of object-complement separation along with the case marking divides a longer sentence into smaller sections from early on, limiting the number of elements to be stored in memory and processed in each stage of the sentence. It also clears up confusion of syntactic functions.

2. Habituality in Thinking. Although theoretically, it is possible to generate an infinite quantity of different sentences, it is exactly due to the reasonable extent of repetitiveness that a language is comprehensible. Furthermore, certain combinations of language units have gained such “momentum” through repetitive appliance that speakers can complete a combination automatically when only part of it is present. It can be easily observed that the more familiar the setting, the more common the content of the communication and the more frequently-used the collocations are, the more likely it is for the word order to be flexible.

Я с трудом	тройку	получал.
S	O	V
作业	我	还没写完呢。
homework	I	yet not have finished
O	S	V
I haven't finished my homework yet.		

From the standpoint of sentence generation, speakers do not simply pick out individual words from their memory, but rather complete, fixed, ready-to-use phrases. [Павлова 2006] We can illustrate this concept through the typical example of “做饭 (cook food)”, the high frequency of usage of which has obviously resulted in this collocation in Chinese fitting in SVO, SOV (with the help of the case marking “ba”) and OSV structures.

From the standpoint of sentence comprehension, understanding a sentence doesn't mean passive input – there is an active thinking process to it. As many scholars have acknowledged, active prediction and disambiguation based on communication and cognitive experience facilitates comprehension [Hopman 2021: 269–282; Brothers et al. 2015: 135–149; Stoops et al. 2014: 584–604].

OV word order is efficient in spoken Russian because language knowledge, cognitive experience along with communication setting have made it possible to predict the meaning of the entire OV phrase the moment O is uttered. In such a case, V ceases to provide new, meaningful information and is reduced to merely a grammatical component.

OVS word order is allowed in Russian even in situations where morphology fails to mark the difference between S and O for a similar reason: according

to language experience and common sense, only one meaning and its corresponding syntactical role assignment is acceptable. As in the example below, it should be an easy task for an experienced reader to figure out that a “miracle” is to “save” disastrous conditions, not the other way around.

Альпийские зимы	не спасет	никакое чудо.
O	V	S

Similarly, OSV word order in Chinese does not increase the sentence-processing load, especially in cases of frequently used every day phrases. Thanks to the fact that the constituents in such phrases have a one-way semantic relation under normal conditions, communication experience outweighs grammar rules in comprehension.

晚饭	我都	准备好了。
dinner	I already	prepare well
O	S	V

I've already cooked the dinner.

References

Норман Б.Ю. Предложения с несогласованными определениями, их восприятие и понимание / Б.Ю. Норман // Сибирский филологический журнал. – 2021. – № 2. – С. 269–282.

Павлова А.В. Психолингвистический аспект инверсии / А.В. Павлова // Вопрос психолингвистики. – 2006. – № 4. – С. 73–80.

Brothers T. Effects of Prediction and Contextual Support on Lexical Processing: Prediction Takes Precedence / T. Brothers, T.Y. Swaab & M.J. Traxler // Cognition. – 2015. – Vol. 136. – P. 135–149.

Stoops A. Animacy Information Outweighs Morphological Cues in Russian / A. Stoops, S.G. Luke & K. Christianson // Language, Cognition and Neuroscience. – 2014, – Vol. 29. – P. 584–604.

Ungerer F., Schmid H.-J. An Introduction to Cognitive Linguistics (2nd ed.) / F. Ungerer, H.-J. Schmid. – London: Routledge, 2006.

Lu B.F. A Head-oriented Grammar (2nd ed.) / B.F. Lu. – Shanghai: Shanghai Educational Publishing House, 2015.

Digital services in transformation of multilingual pre-service teacher education

transformation of teacher education, multilingualism, resource, thesaurus approach, didactic complexity, principle of dynamic multilingualism, digital services

The relevance of the transformation of pedagogical education, considering the resource of multilingualism, is substantiated by the scientifically proved fact that the multilingualism of the individual is his or her intellectual resource and thus has a great didactic potential.

Many nationalities live in the Republic of Tatarstan (RT), in particular, the majority of the population is bilingual, residents of the Republic of Tatarstan are fluent in Russian and Tatar, and foreign languages are studied at schools. Therefore, it is necessary to use and develop this resource of the human capital of RT, which will contribute to the economic development of the territory.

One of the main ways of the development is bi- and multilingual education by means of Russian, Tatar and foreign languages at schools of the Republic of Tatarstan. Multilingual teachers are needed capable of professional activities using three languages (Russian, Tatar and foreign) for high-quality teaching of schoolchildren in various subjects on a multilingual basis.

Thus, there is a need to transform pre-service teacher education in the direction of development students' multilingualism. Information technologies are proposed as one of the main means of transformation, since they make it possible to create and enrich a multilingual educational environment, apply innovative forms, tools and teaching methods that contribute to the development of Russian-Tatar-English trilingualism.

The research question of the study: what digital resources and technologies can be used in the process of preservice teacher education for the holistic development of their subject competence and russian-tatar-english trilingualism?

The theoretical basis of the study is the hypothesis of the cognitive and linguistic advantages of a multilingual personality [1].

The principle of dynamic multilingualism, which considers the linguistic practices of multilinguals as an integrated system, it is called general linguistic repertoire. This principle allows teachers to use multiple languages in the classroom, and also encourages communication situations in which students

can use their full linguistic potential, which contributes to improve concepts understanding and student's activity.

Thesaurus approach, in which "thesaurus" is understood as a set of terms that describes a given subject area, indicating the semantic relationships (connections) between them. From a didactic point of view, in the process of education and personal development, each student forms his or her own thesaurus, which includes all knowledge of particular subject area. It is necessary to emphasize that if student's personal thesaurus corresponds to the teacher's explanation then student understands subject matter.

The concept of didactic complexity was used when selecting the content of multilingual education. According to R.V. Mayer, didactic complexity is an objective integral characteristic of an educational text, involves its volume, readability, degree of abstractness and diversity of its elements [2].

These ideas formed the theoretical basis for the search for appropriate software.

Educational practices show that in multilingual classes the time for studying the same subject content increases compared to monolingual. In conditions when the curriculum is limited by the teaching hours, it is necessary to look for approaches for optimizing the content selection.

In this study, on the example of mathematical content the criterion of didactic complexity was used. Analysis of mathematics school textbooks showed that, the topic "Function. Domain and Range. Graph of the function" has the greatest value of didactic complexity coefficient [2].

The analysis of various applications has shown that the open source software Protégé for building ontologies and knowledge bases is the most convenient for creating and visualizing a trilingual subject thesaurus on the topic Functions. In Protégé a system of classes and subclasses is organized to establish hierarchical relationships. The sources of educational texts from which the selection of terms was carried out were the textbooks "Algebra" 7-10 classes Dorofeeva G. V., Suvorova S. B.; "Algebra" grades 7-11 Mordkovich A.G. and other textbooks approved by the Ministry of Education of the Russian Federation. (Fig. 1).

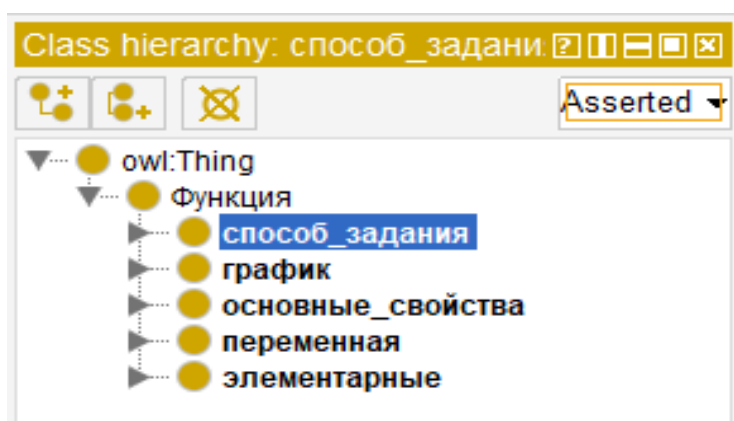

Figure 1. Hierarchical relationships in the Protégé subclass system

Protégé [3, 4] used the OntoGraf module to visualize the thesaurus. The thesaurus is presented as a directed tree-graph, where vertices are the elementary units of information (terms), and the edges indicate semantic relationships (Fig. 2).

This trilingual thesaurus in an explicit form presents a list of concepts and corresponding mathematical terms in three languages, that is, a trilingual terminological minimum on the topic "Function. Domain and Range. Graph of the function". Trilingual thesaurus is used in teaching this topic within the discipline "Methods of teaching mathematics on a multilingual basis".

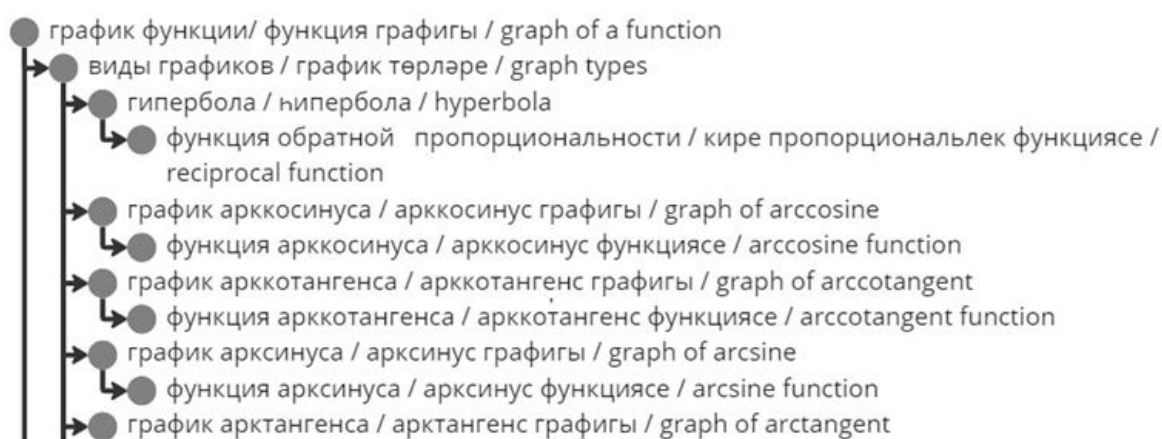

Figure 2. The element of the trilingual thesaurus "Function"

Thus, the design and use of a thesaurus created with the help of the open source Protégé software contributes to the interconnected formation and development of subject competence, and Russian-Tatar-English trilingualism of pre-service teachers of mathematics.

References

- Cenoz J. Bilingualism: Multilingualism and Multilingual Education // Edited by Jasone Cenoz and Fred Genesee / J. Cenoz. – NY: Multilingual Matters, 1998. – 557 p.
- Majer R.V. Didakticheskaya slozhnost' uchebnyh tekstov i ee ocenka / R.V. Majer. – Glazov: GGPI, 2020. – 149 p.
- Gennari J.H. The evolution of Protégé: an environment for knowledge-based systems development / J.H. Gennari, M.A. Musen, R. Fergerson, W. Grosso, M. Crubézy, H. Eriksson, N. Noy, S. Tu // International Journal of Human-Computer Studies. – 2003. – 58 (1). – P. 89–123.
- Gašević D. Model Driven Engineering and Ontology Development (2nd ed.) / D. Gašević. – Springer, 2009 –194 p.

СОДЕРЖАНИЕ

ТАТАРСКИЙ И ДРУГИЕ ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ.....	3
Абузалова М.К., Фатуллаева К.Р. О синонимии медицинских единиц (терминов).....	3
Агагелдиева А.Б., Троцюк С.Н. Сопоставительный анализ грамматических конструкций туркменского и русского языков.....	7
Азоян Д.Т. Тюркская лексика в венгерском языке.....	11
Ахмедов А.Р. Использование лексико-фонетических единиц огузского языка в узбекских письменных источниках XVII–XVIII веков	14
Бакбергенова Р.К. Ахмет Байтурсынов и казахская письменность.....	18
Биксалиева Р.Р. Образование неологизмов суффиксальным способом в русском и узбекском языках.....	22
Диброва В.С., Махмудов У.Р. Оценки билингвами характера и уровня владения родным языком в условиях несбалансированных языковых ситуаций.....	26
Жамилова Б.С. Художественно-композиционные задачи эпистолярной публицистики в детских произведениях.....	30
Косымбетова А.Е. Каракалпакская лингвопоэтика и ее развитие.....	34
Кувватова Д.Х. Некоторые наблюдения о художественности и языке стихов Габдуллы Тукая.....	37
Нурлыбекова Г.М. Семантические особенности компонентных фразем «казан» в каракалпакском языке.....	41
Раджабов Д.З. Отражение образа природы в узбекских народных лирических песнях.....	45
Садуллаев Д.З., Носиров О.Т. Концептуальные особенности интерпретации времен года в узбекских лексикографических источниках: анализ и культурные контексты.....	49
Саидов Ё.С. Лексические особенности произведения «ГУЛИСТОНИ БИТ-ТУРКИ».....	53
Саттарова М.Р. Функционирование терминов родства в паремиях татарского языка.....	57
Сибгаева Ф.Р., Салахова Р.Р. Репрезентация эмоций «радость» и «счастье» в татарской фразеологии.....	61
Ураева Д.С. Об узбекских переводах и переводчиках творений Габдуллы Тукая.....	65
Хусаинова Л.М., Кутлугалямов Р.К. Парные слова современного башкирского языка и проблема их перевода на русский язык.....	70
Ягмурова М.С., Язмуратов А.П. Семантический аспект лексико-тематической классификации туркменских личных имен.....	74

Гарипова-Хасаншина В.М., Айдарова С.Х. Вәгазь текстларының синтаксик структурасы.....	77
Нәбиуллина Г.Ә. Мәктәпкәчә яшьтәге балаларның бәйләнешле сөйләм телен үстерүдә заманча алымнар.....	81
Нурмөхәммәтова Р.С., Жамалетдинова Г.Ф. Тәрки телләрдә туганлык атамаларын өйрәнү тарихы.....	85
Сабирова Р.М., Саттарова М.Р. Татар телендә фраза басымының әһәмияте.....	89
Сибгатуллина Д.Н. Татар телен чит тел буларак өйрәткәндә язма сөйләм күнекмәләрен формалаштыру үзенчәлекләре.....	91
Юсупова Ә.Ш., Мөгътәсимова Г.Р. Туганлык мөнәсәбәтләрен чагылдырган татар һәм казах мәкальләре.....	95
Huseynova M.N. Processes of mentalization of cognitive models in speech communication.....	99
ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО И ЯЗЫК В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ.....	101
Агличева Т.Н. Лингвокультурологический аспект исследования фразеологизмов.....	101
Айдинян К.Ю. Семиотика и язык в романе Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби»: литература и кино.....	105
Алишина Х.Ч., Джунгурова В.Н. Из опыта перевода скотоводческой лексики словаря Наки Исанбета с татарского на русский язык.....	109
Алламбергенов Х.К. Сверхъестественные образы в сказках тюркских народов.....	113
Анисимов В.Е. «Shorts» как новый тип функционально-прагматических единиц кинотекста.....	117
Ахметгараева Г.А. Образ татарской женщины в романе Р. Туфитулловой «Ветер судьбы».....	121
Батыршина Г.И. К проблеме использования музыкально-семантического анализа в исполнительской подготовке будущих педагогов-музыкантов.....	124
Борботько Л.А. Полифоничность театрального дискурса: инструменты выражения.....	128
Ван Юйлинь. Контекстуальная эмотивность лексических единиц с семантикой цветообозначения в повести И.С. Тургенева «Первая любовь».....	132
Волкова А.С. Насколько трагедия «Ромео и Джульетта» Уильяма Шекспира интересна сегодня: подход к переводу и анализу.....	136
Григина Е.А., Романова Г.С. Мультикультурный мир и его отражение в перуанской хронике XVI века.....	141
Забирова О.Р. Книга нон-фикшн «Я – Малала»: английский язык как инструмент привлечения международного внимания.....	144
Зубарева С.С. Особенности перевода названий китайских фильмов на русский язык: переводческий опыт.....	146

Ктайбекова З.К. Художественные средства языка в произведениях А. Абдиева.....	150
Лу Пин. Глаголы дистрибутивной неоднократности в произведении И.А. Бунина «Темные аллеи».....	153
Маринова Е.В., Волочек Е.А. Ключевые слова Digital Society: интернациональное и национальное.....	155
Медведев В.Б. К понятиям «поэтический мир» и «внутренняя форма художественного произведения».....	158
Невелева М.А. Культурологическая составляющая языковой картины мира писателя-билингва на примере романа Вейны Дей Рендел «Последняя роза Шанхая».....	162
Нургаянова Н.Х. Фольклорный ансамбль как средство этнокультурного воспитания в условиях полиэтнического пространства.....	165
Орлова Т.С. Роман «Когда мы были сиротами» и поликультурный мир.....	168
Пардаева Д.Р. Исследование образа Амира Темура и его эпохи в русской литературе: типологический анализ.....	170
Парулина И.Ю. Проблематика романа Филипа Рота «Людское клеймо».....	175
Подтележникова Е.Н. Музыка в мультикультурной прозе Кадзуо Исигуро.....	179
Попова А.М., Григорян И.Б. Мессианские мотивы в тексте ивритоязычной еврейской эпитафии кладбищ Беларуси.....	182
Рязанцева Г.С., Рязанцева М.Д., Зливко С.Д. Приемы перевода терминологических архаизмов (на материале электронного словаря лингвистических терминов М.В. Ломоносова)	186
Саттарова Л.И. Арабографичные надписи на татарских ювелирных украшениях: текст и контекст.....	189
Семенов А.А. Дискурсивные характеристики комикса как креолизованного текста.....	193
Скнарев Д.С. Российская реклама как лингвокультурологическое явление.....	197
Смирнова У.В. Аспекты становления транскультурной идентичности (на материале произведения Ч. Нгози Адичи «Американха»).....	199
Соколова Л.А. Лексема «небо» в поэзии К.Д. Бальмонта: семантика, функционирование.....	201
Супруненко В.Н., Дробатухина Ю.П. Анализ влияния басен Эзопа и притч Востока на развитие мировой литературы.....	205
Суровцева Е.В. Современная иерейская проза и ее стилистические особенности (на материале рассказа «Цыганская клятва» протоиерея Владимира Гофмана).....	209
Трофимова Л.В. Стилистические функции иноязычных вкраплений в романе Б. Фришмут «Vergiss Ägypten».....	212

Филиппова И.Н., Вековищева С.Н. «Евгений Онегин» в зазеркалье: псевдорусский мир в зарубежном кинодискурсе.....	216
Ходжаниязова А.А., Аманкосова Ш.М. Функция экфрасиса в романе Донны Тартт «Щегол».....	220
Хурматуллина Р.К. Трансформации татарской традиционной духовной музыкальной культуры.....	224
Хусаенова Р.Р. Биографический роман Айгуль Ахметгалиевой «Туташ» («Девушка»).....	227
Чжу Синьжун. Образ Китая в травелогах русской литературы 1920-х гг.....	230
Чэнь Юаньюань. Обзор теоретического развития китайской детской литературы в 1930-х и 1940-х годах.....	234
Шайхиева М.Д., Ахметшина Г.Р. Использование графических планшетов учащимися начальной школы на уроках изо как средство развития творческих способностей.....	238
Шакиров А.И., Исмаел Хадеер Камил Исмаел . Женская журналистика в Ираке: тематическое многообразие текстов.....	241
Шлейнинг Е.Н. Цветосемантика образа Воланда (на материале романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»).....	244
Эрназарова Г.Х. Джадидизм и национальная литература.....	247
Эрсой А. Анализ принципа разбивки романа по главам и именования глав в английской художественной литературе.....	251
Гайнуллина Г.Р. Айгөл Әхмәтгалиеваның ижади биографиясе.	255
Хамидуллина Э.И., Юсупова Н.М. Зөлфәт ижатында лирик герой концепциясе.....	258
Bekbergenova M.D. Literary language in the poetry of T. Kabulov and innovative technologies in teaching it.....	262
Mikeladze N. Cult of deer and roe deer in Georgian folklore.....	265
КОМПЬЮТЕРНАЯ И КОМПЛЕКСНАЯ ЛИНГВИСТИКА	269
Гончарова О.В. Использование алгоритмов машинного обучения для задачи распознавания эмоционально-маркированной коммуникации.....	269
Донина О.В., Горбунов Н.С. Сравнение методов машинного обучения для выявления метафор в текстах.....	274
Жэнь Синьчжу. Проблема индивидуального стиля переводчика – на основе многомерного анализа (на материале сопоставительного анализа переводов романа «Плаха» Чингиза Айтматова).....	277
Ильинова Е.В. Лингвокультурный типаж «деловой человек» в Национальном корпусе русского языка.....	281
Кедрова Г.Е., Потемкин С.Б. Интеграция машинного перевода и САТ-инструментов в переводческий процесс.....	285
Колмогорова А.В., Калинин А.А. Байесовская сыворотка правды» в разметке эмоциональных датасетов: опыт пилотного эксперимента.....	289

Колосовская Т.Л. Что скрывается за объектом N3 в конструкции <Куда N3 до P>?.....	291
Мамонтова А.В. Открытые данные для задачи автоматического извлечения терминов из русскоязычных научных статей.....	295
Погодаева Е.Н. Использование средств автоматической обработки естественного языка для тематической сегментации и разметки текстовых материалов корпуса устной речи.....	299
Сокур Е.О., Толдова С.Ю. Опыт усовершенствования морфологического парсера для литературного даргинского языка...	303
Третьяков А.А., Варламова Е.В. Синтаксическая структура в оценке качества англоязычных и русскоязычных новостных заголовков.....	307
Чупрына О.Г. Корпусный анализ трансляции идеи миротворчества в англоязычном новостном дискурсе.....	311
Abdurakhmonova N., Qodirova Z. Some issues on creating semantic fields of specific domain Ontology for Uzbek.....	316
Kharlova M.L. (Im)politeness in Interactions with ChatGPT.....	321
АВТОМАТИЗАЦИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА.....	325
Блинова Е.Н., Щербакова О.В. Психологические и психофизиологические предикторы понимания иконических текстов.....	325
Толдова С.Ю., Вагизиева Н.А. Кодирование актантов двухаргументных глаголов в даргинских языках: словарь и корпус....	328
Ушакова К.С. Оценка в интернет-комментариях в аспекте лингвистической экспертизы.....	332
Шарифуллина Э.А. Автоматизация спектра значений имени существительного view (на материале Иллюстративного корпуса лексемы view).....	336
ЯЗЫКОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ И МНОГОЯЗЫЧИЕ В ОБРАЗОВАНИИ.....	340
Алламуратова Г.Ж., Алламуратова А.Ж. К вопросу о языковой ситуации в республике Каракалпакстан.....	340
Алланазаров Е.Е. Использование заимствований из русского языка в каракалпакский язык (на примерах поэзии И. Юсупова).....	344
Арнова Н.В. От conservative RP к modern RP: как за полвека изменилась произносительная норма английского языка.....	347
Батрова Н.И., Лукоянова М.А. Цифровые технологии в работе педагога (из опыта преподавания на курсах повышения квалификации учителей русского и английского языков).....	350
Гладков А.И. Гендерные особенности использования обращений в английском языке.....	354

Джунгурова В.Н., Алишина Х.Ч. Актуальность перевода скотоводческой лексики, собранной Наки Исанбетом: постановка проблемы.....	362
Джусупова У.Т. Сингармонические и несингармонические свойства тюркских языков.....	366
Замалиева А.И., Салехова Л.Л. Использование технологии CLIL в процессе подготовки студентов вуза к виртуальной академической мобильности.....	369
Иванченко А.В., Чиликина О.Н. Особенности перевода языковой игры в печатных изданиях.....	372
Исмаилова Г.К., Измайлова Г.А., Фазлыева З.Х. Фразеологические особенности концепта «человек» в языковой картине мира.....	376
Калинина Г.С. Идиоматические слова и выражения в арабском языке: семантика и уникальность.....	379
Кочурова С.В. Образование новых слов с заимствованными компонентами в немецком языке.....	382
Крайнова Е.В., Ли Чжилин. Взаимопроникновение русских и китайских кулинаронимов.....	385
Литвиненко Е.В. Метод обучения на основе задач в совершенствовании иноязычной письменной речи студентов.....	388
Муталов Р.О. Аналитические конструкции со значением фазовости в даргинских языках.....	392
Мухамедшина Е.Р. Фонетическая интерференция в русской речи китайцев при реализации согласных.....	396
Мухаметшин Л.М. Преподавание дисциплины «Технические средства в профессиональной деятельности» на билингвальной основе с применением смешанного обучения.....	401
Романова К.Р. Проблема классификации бессоюзных сложных предложений в английском языке.....	404
Салехова Л.Л. О некоторых приемах обучения студентов на трехязычной основе.....	408
Фазлиахметов Т.Р., Салехова Л.Л. Применение нейросети для изучения иностранных языков.....	411
Хамраева Ё.Н. Инфинитив и категория состояния на примере русского и узбекского языков.....	414
Эсенгулова М.М. Опыт внедрения программы многоязычного образования в Кыргызской Республике.....	418
Якубова Д.Дж. Многоязычие в образовательном пространстве школы сообщества Сэлэт.....	421
Gimadeeva E.N. Lingua-informational technologies in teaching EFL.....	424
Li Jiaxin. A Comparative Study of Variability of Russian and Chinese Word Order.....	427

Zaripova R.R., Salekhova L.L., Danilov A.V. Digital services in transformation of multilingual pre-service teacher education.....	431

Научное издание

**СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА:
КЛЮЧ К ДИАЛОГУ**

**Труды и материалы
IV Казанского международного лингвистического саммита**

Казань, 13–15 декабря 2023 г.

Том 3

Подписано в печать 26.12.2024.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Формат 60х84 1/16. Гарнитура «Arial».

Усл. печ. л. 25,7. Уч.-изд. л. 24,0. Тираж 100 экз. Заказ 29/12

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужи́на, 1/37
тел. (843) 206-52-14 (1704), 206-52-14 (1705)

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА: КЛЮЧ К ДИАЛОГУ

**Труды и материалы
IV Казанского международного лингвистического саммита**

Казань, 13–15 декабря 2023 г.

Том 3

КАЗАНЬ

2024

УДК 81
ББК 81
С56

Под общей редакцией
И.Э. Ярмакеева, Ф.Х. Тарасовой

С56 **Современная лингвистика: ключ к диалогу:** труды и материалы IV Казанского международного лингвистического саммита (Казань, 13–15 декабря 2023 г.): в 3 т. / под общ. ред. И.Э. Ярмакеева, Ф.Х. Тарасовой. – Казань: Издательство Казанского университета, 2024. – Т. 3. – 442 с.

ISBN 978-5-00130-879-9 (т. 3)
ISBN 978-5-00130-830-0

В третий том трудов и материалов IV Казанского международного лингвистического саммита «Современная лингвистика: ключ к диалогу» включены материалы пленарных докладов и докладов, заявленных на сессиях «Татарский и другие тюркские языки в поликультурном мире», «Литература, искусство и язык в мультикультурном мире», «Компьютерная и корпусная лингвистика», «Автоматизация лингвистического анализа», «Языковое разнообразие и многоязычие в образовании».

УДК 81
ББК 81

ISBN 978-5-00130-879-9 (т. 3)
ISBN 978-5-00130-830-0

Идиоматические слова и выражения в арабском языке: семантика и уникальность

*идиоматические выражения, арабский язык, семантика,
уникальность, межкультурная коммуникация, культура,
лингвистика*

Эта статья исследует идиоматические слова и выражения в арабском языке, которые не имеют прямого перевода в русском и английском языках. Арабский язык известен своим богатым наследием и разнообразием лингвистических особенностей, уникальными лексическими и грамматическими особенностями, которые отражают богатство и глубину многовековой арабской культуры, и ее историю. Идиоматические выражения являются важной частью языка и культуры, и часто имеют символическое или метафорическое значение, которое трудно перевести на другие языки. В статье рассматриваются примеры таких идиоматических слов и выражений, а также их контекст и использование. Авторы подчеркивают важность понимания идиоматики арабского языка для эффективной межкультурной коммуникации и обогащения языковых компетенций. Результаты исследования подчеркивают значение идиоматического выражения в арабской культуре и языке, открывая путь к дальнейшему изучению и пониманию уникальности арабского языка и культуры.

Арабский язык славится своей богатой культурой и историей. Этот язык, который является официальным в 22 странах и одним из шести официальных языков Организации Объединенных Наций, обладает множеством особенностей, которые отличают его от других языков.

Цель нашего исследования – показать, что арабский язык является разнообразным настолько, что некоторые его выражения и понятия невозможно полностью передать на другие языки. Эти знаки и номинации являются частью богатой культурной и лингвистической традиции арабского народа, отражая его ценности, нормы и понимание мира.

Задачей нашего исследования является анализ некоторых номинаций, которые являются уникальными для арабского языка и не могут быть точно переведены на русский и английский. Мы изучим их значимость и использование, а также предоставим примеры, чтобы лучше понять их семантику и контекст, в котором они употребляются.

Труды лингвистов показывает, что в языковедческой литературе применяется часто применяется термин «идиома» (от греч. *idioma* 'своеобразное выражение') и «идиоматика» – наука об идиомах. «Идиомой называются единицы, представленные формой, функцией и значением. Что касается значения, то его недобавочная, немотивированная, однако интегральная характеристика не может быть выведена из значений его составляющих» [Тарасова 1999: 12].

Для решения поставленной задачи необходимо использовать наработанную уже в общем языкознании методологию подобных исследований. Методами исследования следует выделить: лингвистическое наблюдение, с помощью которого были отобраны идиоматические выражения, описательный, использовался для подробного описания значений этих выражений, сопоставительный, который показал идентичность каждого выражения [Иванова 1995: 5].

Понимание и осознание этих уникальных знаков и номинаций позволяют нам более глубоко проникнуть в арабскую культуру и чувствительнее отразить ее в нашей межкультурной коммуникации [Бахтиярова 2015: 6126].

Давайте рассмотрим несколько примеров идиоматических выражений в арабском языке.

1. "إن شاء الله" (*in sha Allah*) – literalный перевод этой фразы 'если Бог захочет'. Однако она несет глубокое значение и используется для выражения надежды, согласно которой результат зависит от воли или планов Бога. Она может быть использована в различных контекстах, например: «Увидимся завтра, إن شاء الله» (если Бог захочет)» [Hussein, Khanji, Makhzoomy 2000: 27].

2. "مساء الخير" (*masa'al-khayr*) – эта фраза буквально переводится как 'вечер добра'. Она используется для приветствия или пожелания хорошего вечера и не имеет точного эквивалента в русском или английском языках. Например, ее можно использовать, чтобы поприветствовать кого-то вечером: "مساء الخير، كيف حالك؟" («Добрый вечер, как дела?»).

3. "عقل زيتونة" (*aql zaytuna*) – буквальный перевод этого выражения – 'мозг оливки'. Однако оно используется для описания человека или ситуации, когда человек не способен принимать разумные решения. Часто употребляется в шуточной форме. Нет прямого эквивалента в русском или английском языках. Например, "يا له من عقل زيتونة" («Какой же у него мозг оливки!») [Kamel 2007: 187].

4. "سيف العدل" (*sayf al-'adl*) – Эта фраза буквально переводится как 'меч справедливости'. Она используется для обозначения концепции идеала справедливости и отвечает защите слабых и подавлению несправедливости. В русском языке нет точного эквивалента, хотя можно использовать перифразу, такую как «идеал справедливости». Например, "نحن نسعى لرفع سيف العدل في هذا العالم" («Мы стремимся поднять меч справедливости в этом мире») [Maxos 2003: 35].

Это только некоторые примеры знаков и номинаций в арабском языке, которые не имеют прямого перевода в русском и английском языках. Они отражают богатство и глубину арабской культуры и языка [Shaheed et al.: 21]. Понимание и адаптация этих концепций в других языках могут представлять вызов, но в то же время они позволяют обогатить нашу межкультурную коммуникацию и лучше понять различные взгляды и ценности.

Литература

Бахтиярова А.Н. Арабские заимствования в лексической системе русского языка / А.Н. Бахтиярова, Ф.Г. Фаткуллина // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2–27. – С. 6124–6128.

Иванова Л.П. Методы лингвистических исследований / Л.П. Иванова. – Киев: ІСДО, 1995. – 87 с.

Тарасова Ф.Х. Сопоставительный анализ фразеологических единиц английского и татарского языков с компонентами, относящимися к фразеосемантическому полю «Пища»: дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 1999. – 193 с.

Hussein R. F. The acquisition of idioms: Transfer or what? / R.F. Hussein, R. Khanji, K.F. Makhzoomy // J. King Saud University, Lang. & Transl. – 2000. – Vol. (12). – P. 23–34.

Kamel W. A dictionary of idioms in modern Arabic / W. Kamel. – Cairo: Cairo University Press. 2007. – 550 p.

Maxos H. The Arabic idioms; the Art of speech-Arabic idioms chapter / H. Maxos. – Damascus Press, Syria, 2003. – 101 p.

Shaheed H.H. Idioms in Arabic and English: diversities and symmetries / H.H. Shaheed, N.H. Abbar, W.S. Hussein. World Bulletin of Social Sciences. – 2022. – Vol. 10. – P. 17–24.